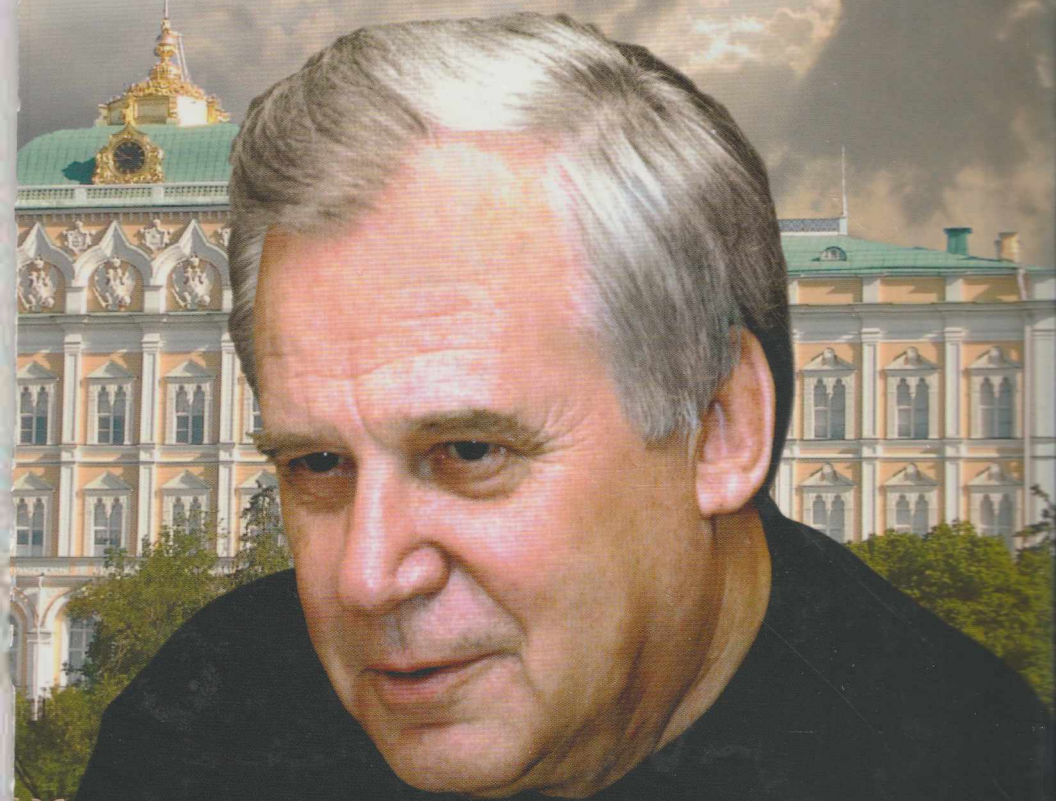

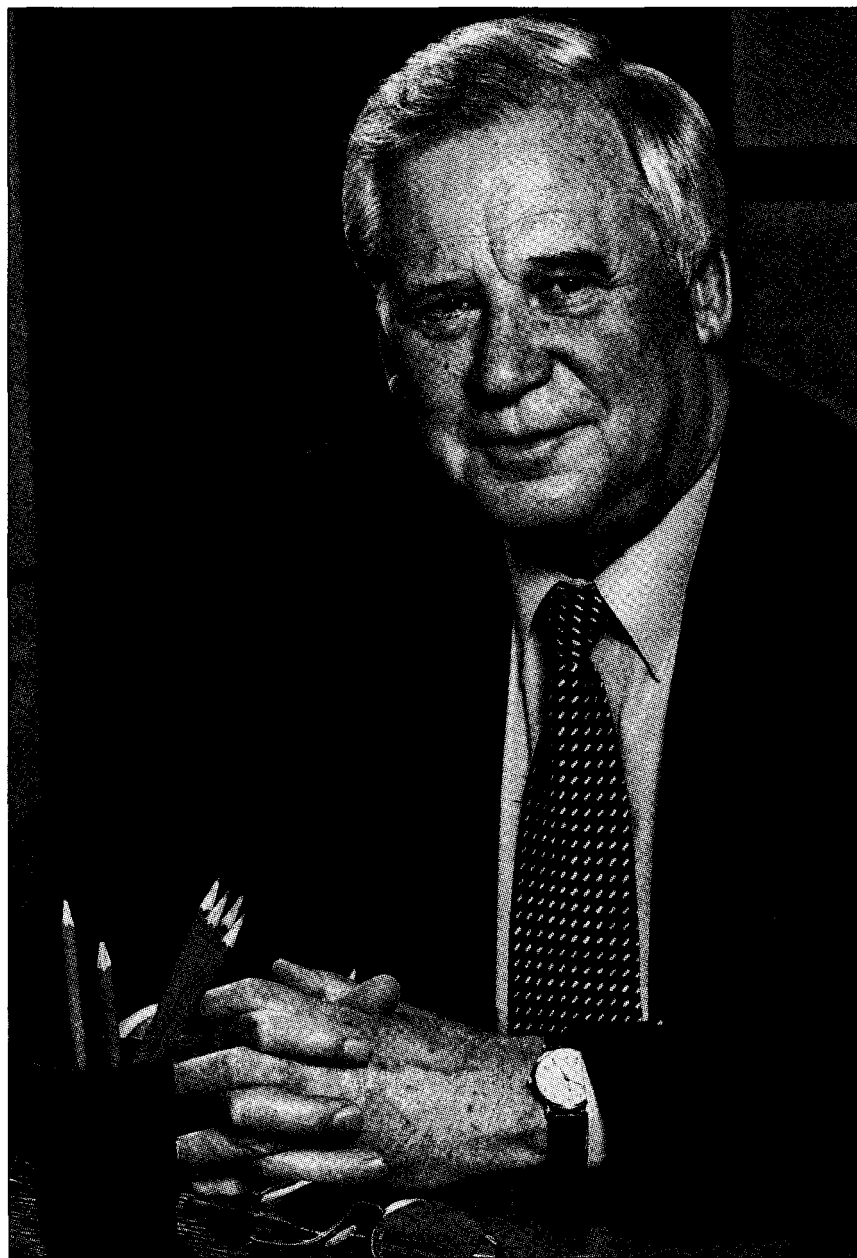
Николай РЫЖКОВ

ТРАГЕДИЯ
ВЕЛИКОЙ
СТРАНЫ

Н.И. РЫЖКОВ

ТРАГЕДИЯ ВЕЛИКОЙ СТРАНЫ

Н.И. РЫЖКОВ

ТРАГЕДИЯ ВЕЛИКОЙ СТРАНЫ

Москва
«ВЕЧЕ»
2007

Издание осуществлено

**МОСКОВСКИМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ДЕЛОВЫМ КЛУБОМ
И ПОСВЯЩЕНО ЕГО 15-ЛЕТИЮ**

Председатель Совета —
М.И. Козин

Допечатная подготовка:
Л.В. Измакова
Ю.Б. Калинин
Л.М. Долинин

Рыжков Н.И.

Р93 **Трагедия великой страны / Н.И. Рыжков. — М. : Вече,**
2007. — 656 с. : ил.

ISBN 978-5-9533-2105-1

Николай Иванович Рыжков как никто другой имеет право на эту книгу воспоминаний. Ему не в чем себя упрекнуть за случившееся. Ценой его противостояния с Горбачевым, который предал КПСС, стал срыв сердца, которое не выдержало огромных нагрузок. Памятное обращение Николая Ивановича к Верховному Совету: «Вы еще вспомните последнее советское правительство!» сегодня, спустя полтора десятилетия разрушительных либеральных реформ звучит как подлинное пророчество.

В книге честно и пронзительно повествуется о трагедии великой страны.

ББК 63.3(2)635+63.3(2)64

ISBN 978-5-9533-2105-1

© Рыжков Н.И., 2007

© ООО «Издательский дом «Вече», 2007

*Светлой памяти моих родителей
Александры Павловны
и
Ивана Федоровича
Рыжковых
посвящаю эту книгу*

Сердечно благодарю всех, кто помогал мне в работе над книгой и советом, и замечаниями, и интересными предложениями.

Огромное спасибо Григорию Петровичу Харченко за его большую помощь в освещении событий в Украине, а также Валерию Васильевичу Иванову (Литва) за его неоценимые консультации по Прибалтике.

Особо выражаю признательность Льву Александровичу Вознесенскому за огромнейшую помощь, которую он оказал мне в глубоком осмыслении событий, происходивших в СССР и России в то трагическое для нашей Родины время.

Искренне благодарю журнал «Наш современник», лично Куняева Станислава Юрьевича и Казинцева Александра Ивановича за публикацию ряда глав этой книги.

Н.И. Рыжков

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Как это было и к чему привело — таковы содержание и смысл этой книги, в подробностях повествующей о событиях 1989—1991 годов, которые привели к развалу могучей державы, и об их последствиях для миллионов и миллионов в отпавших бывших республиках. Нет печальнее на свете. Читать эту книгу тяжело. Особенно для старших поколений: они были и свидетелями, и участниками тех событий и невольно несут в себе боль и вину за происшедшее. Но читать эту книгу необходимо.

Пятнадцать лет прошло, как в декабре 1991-го окончательно распался СССР. За пятнадцать лет появилось новое поколение россиян, для которого эти события отодвинулись в прошлое так же далеко, как революция в 1917-м или даже польская интервенция в начале XVII века. Оно, это поколение, наполовину поредевшее в сравнении с предшествующими годами, вступило в жизнь в обкорнанной, отягощенной невиданными лихоимством, страданиями и неправдой стране. Сегодняшняя межпартийная борьба за власть сделала их игрушкой в руках политиков и выводит на улицы. С обозначением на одеждах и транспарантах «наши» — ибо есть еще и «не наши». Резвясь и дурачась в колоннах? школьники и студенты обучаются таким образом активной гражданской позиции. Фарс, да и только.

Глядя на них, невольно вспоминается более чем сотысячное шествие на Манежную площадь в разгар «перестройки» взрослых и образованных сторонников Ельцина из подмосковных научных городков. Образованных выше некуда, умных, казалось бы, тоже. Но как ополоумевшие в общем психозе рвали и топтали они на Манежной розданный им в изобилии номер газеты «Правда» с перепечатанной там статьей итальянского журналиста о пьяных выходках Ельцина в Америке. Их кумир в тоге отца демократии, их знамя, безупречное сладкое имя только что обретенного вождя затмило им все, и никакой другой образ, никакую иную правду они не в состоянии были принять. Редактора газеты через несколько дней уволили. Выкрики выступающих и утробный гул назлектризованного академического волеизъявления до сих пор стоят у меня в ушах как нечто совсем уж непотребное, хотя и

до того, и после в Кремлевском дворце съездов и на улицах и площадях насмотрелся и наслушался я вдоволь. Мы — Василий Белов, Владимир Крупин и я — пришли на Манежную в сопровождении нескольких крепких ребят, взявших на себя нашу охрану на случай, если будем узнаны и зачислены во враги. Мы пытались отказаться от сопровождения, считая такую предосторожность излишней, но... на всякий случай, решительно сказано было нам.

Позже, в сентябре 1991-го, когда Съезд народных депутатов распустил сам себя и я с облегчением, что кремлевское мое сидение, слава богу, закончилось, выходил из Кремля через Спасские ворота, на меня и моего спутника набросилась толпа разъяренных женщин, и сбили бы с ног, да подоспела помощь.

Вспоминаю об этих случаях, чтобы показать атмосферу и психоз тех «окаянных дней». Воистину: кого Господь хочет наказать, у того отнимает разум.

Николай Иванович Рыжков осторожно обмолвился в книге о негативной роли Съезда народных депутатов в событиях тех лет. Как депутат этого «органа народовластия», не пропустивший ни одного съезда и даже ни одного заседания, могу сказать больше: дьявольский ум запустил это «изобретение» на и без того раскаленную почву. Но раскалена она была только в больших городах и по национальным окраинам — трансляция Первого же Съезда, продолжавшегося в мае-июне 1989 года две недели, разнесла науку махровой ненависти везде и всюду. «Революционеры» подготовились к нему прекрасно и роли свои распределили с выверенной точностью. Не исключено, что и тбилисские события за полтора месяца до съезда были спровоцированы и приурочены к нему же, уж очень они пришлись кстати для оголтелого наступления на союзную власть. И видно стало на всю страну, что власть слаба и идет на уступки. До съезда — тбилисские события, и сразу после него в июне — резня в Фергане, в январе 1990-го еще более страшная резня в Баку и уже вдогонку самостийщикам, побежавшим из «тюрьмы народов», — провокация у телебашни в Вильнюсе с применением оружия и жертвами. Или случаен этот кровавый опояс России? Если бы... На крови, как известно, замес гуще.

Неописуемое дикарство творилось и на заседаниях Съезда. Неправое дело для победы своей требует не просто безнравственности и бесстыдства, но и безумия. Какая там демократия, какое цивилизованное обсуждение! Объединившись в межрегиональную группу, как в боевую организацию, опьяненные первыми успехами и не получающие серьезного отпора, поддержанные явными и тайными врагами России за рубежом, они приступом брали микрофон, оскорбляли зал и обра-

щались не столько к нему, залу, сколько к телекамерам, не давали говорить другим. На тех, в ком они видели опасную для себя силу и кто противостоял их разрушительному энтузиазму — на того же Н.И. Рыжкова, на Е.К. Лигачева, генерала армии Родионова, — набрасывались, ако псы бешеные, с надуманными обвинениями, лжесвидетельствовали, во всю мощь своего бесстыдства устраивали сцену за сценой, напоминающие психатаку.

И все это моментально подхватывалось в провинции и лезло таким же макаром во власть.

Взяли ее в конце концов, стали хозяевами России. Как нахозяйничали — известно, до сих пор не опомнимся.

Когда в 1993-м после расстрела Белого дома собрались они, новые хозяева, в Кремле, чтобы отпраздновать очередную победу на выборах, а победы не случилось, один из них, самых оголтелых, писатель Ю. Карякин закричал в камеру:

— Ты сдурела, Россия!

А нищая, полуживая Россия только-только начала приходить в себя от навязанной ей в государственном масштабе дури.

Н.И. Рыжков не был защитником старого порядка и системы, которые уже с видимым трудом передвигали свои износившиеся маховики, он стоял за постепенный и безболезненный переход на современное хозяйничанье. Если бы была принята программа правительства Н.И. Рыжкова о переключении экономики на рынок в течение шести—восьми лет, а не за 500 дней, на которых настояли авантюристы, не обрушилось бы оставшееся без опоры огромное и тяжеловесное здание государственности и не погребло бы под собой десятки миллионов жизней.

Как никто, имел Николай Иванович право на эту книгу скорбных воспоминаний. Не только имел право, а должен был жить с чувством обязанности написать ее. Ему не в чем себя упрекать за случившееся. Горбачев лавировал, стараясь быть добреньким для тех и других в непримиримом противостоянии, Шеварднадзе тайно, Яковлев явно сочувствовали и помогали взломщикам, Лигачев вынужден был защищаться от фальшивых и бесстыдных обвинений и на время оказался выключенным из активной роли, и только Н.И. Рыжков снова и снова поднимался на трибуну и взывал к разуму, пока еще не поздно, остановить разрушение.

В межэтнических конфликтах (да и не конфликтах уже, а побоищах!) он был там, в самом пекле, в Фергане выхватывая из рук смерти сотни и тысячи турок-месхетинцев и на самолетах отправляя их в Россию, а из Баку в срочном порядке снаряжая воздушные и наземные

транспорты со спасенными армянами и русскими. В книге трагические события конца 80-х — начала 90-х годов доведены до их логической законченности. Никто не выиграл от развала союзного государства, нет мира и благополучия ни на Кавказе, ни в Прибалтике, ни в Украине, ни в азиатском «подбрюшье». У одних гонор, бахвальство и сопутствующее подобным качествам бессилие, другие пали на колени перед Западом, сделавшись мелкими вассалами, и им еще предстоит испытать, что это такое, третьи никак не найдут себе подходящего лица. И отовсюду, кроме Беларуси и частью Кыргызстана, изгоняется, как назойливый агент России, русский язык. Никак не успокоятся они, возросшие под крылом России, никак не перестанут морщиться: тьфу-тьфу, русским духом пахнет! Это, впрочем, водится и в самой России.

И опять по-рыцарски бросается Н.И. Рьжков уже на защиту русского языка и миллионов и миллионов наших соотечественников, оказавшихся волею расчленителей в чужих пределах. И опять правды не имут. Но имут или не имут, а он будет ее говорить. Он, никогда не отсиживавшийся в укрытии.

Валентин Распутин

Глава первая

РАСТУЩЕЕ НАПРЯЖЕНИЕ

Зарождение и развитие крупных, порой эпохальных исторических событий живо напоминают мне реку. Как и она, такие перемены в жизни народов, даже всего человечества, имеют исток и основное русло, в которое со временем впадают различные притоки. Они расширяют и углубляют реку, но нередко несут с собой и вредные примеси. Подобно ей поток жизни набирает силу и в конце концов приносит людям или радость обновления и улучшения достигнутого ранее, или горе от разрушения всего и вся.

Нечто подобное произошло и с нашей страной — с Советским Союзом, с его народом. За 15 лет, прошедших после уничтожения единого государства, опубликовано множество мемуаров, аналитических работ о причинах свершившегося. Каждая по-своему трактует и результаты, и методы, и причины содеянного, и перспективы дальнейшей жизни.

И это — лишнее свидетельство того, что история, к сожалению, часто оказывается заложницей того времени, когда ее «оформляют» с помощью пера или компьютера, а чаще всего — переписывают заново в угоду очередным правителям. Так было и при советской власти, так есть и в теперешней, «демократической» России. Конечно, переосмысливать историю в свете новых знаний необходимо, но фальсифицировать ее то на один, то на другой лад не только подло, но и бессмысленно: в конечном счете она свое слово чистой правды скажет...

Понимаю, что мне, не профессионалу-историку, к тому же не располагающему каким-либо политологическим институтом или иным аналитическим центром, вряд ли возможно охватить все факты, все причины разрушения нашей страны. Однако поделиться собственными наблюдениями и размышлениями по этому вопросу полагаю небесполезным как для тех же историков, так и для широкого читателя.

Начну, пожалуй, с напоминания о документе теперь уже шестидесятилетней давности — выступлении директора ЦРУ А. Даллеса в присутствии президента США Г. Трумэна на заседании Совета по международным отношениям. Уже тогда, в 1945 году, он четко сформулировал цели, задачи и методы разрушения нашей Державы:

«Окончится война, кое-как все утрясется, устроится. И мы бросим все, что имеем, — все золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей.

Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих союзников в самой России.

Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания. Из литературы и искусства мы, например, постепенно вытравим их социальную сущность, отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением, исследованием, что ли, тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театры, кино — все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и подымать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства — словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху...

Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу, — все это мы будем ловко и незаметно культивировать, все это расцветет махровым цветом... И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или даже понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества. Будем выбрасывать духовные корни большевизма, опопшлять и уничтожать основы духовной нравственности. Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением, вытравлять этот ленинский фанатизм. Будем браться за людей с детских, юношеских лет, главную ставку будем делать на молодежь, станем разлагать, раз-

вращать, растлевать ее. Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов. Вот так мы и сделаем».

Именно так через 40 лет все и произошло: цель Запада, и особенно США, уничтожить Советское государство была полностью реализована. Однако я далек, конечно, от мысли, что трагическое разрушение Державы произошло под воздействием только внешних факторов. Без внутренней «пятой колонны», фактически разделявшей цели противников Советского Союза, только извне с нашей страной никто ничего сделать бы не мог — достаточно вспомнить историю России на протяжении сотен лет, включая трагическое время и вместе с тем победоносный исход Великой Отечественной войны.

Как известно, нет лучшего учителя на свете, чем сама жизнь. А она показала, к чему на деле привели так называемые демократические перемены, в первую очередь — в социально-экономическом положении десятков миллионов людей. Неудивительно, что все чаще и чаще многие задаются вопросами: а нужна ли была перестройка, была ли она исторически необходимой и неизбежной? И немудрено, что многие с уважением вспоминают советское прошлое — не очень богатое, но с твердыми гарантиями прав на труд, отдых, образование, медицинское обслуживание, обеспечение необходимыми социальными льготами и т.д.

Люди наконец-то убедились, что их цинично обманули «демократы» первой волны, и их розовые обещания скорой райской жизни рассеялись, как утренний туман. Другие же, составляющие значительно меньшую часть населения, получили все, о чем даже и не мечтали. Но произошло это фактически за счет прямого ограбления большинства людей. Так что у многих существует резко отрицательное отношение к «перестройке». Приходится признать этот факт, печальный тем более, что в основе его лежит глубокое заблуждение, усиленно поддерживаемое в сознании людей средствами массовой информации.

Дело в том, что в представлении многих горбачевская «перестройка» и гайдаро-чубайсо-ельцинские «радикальные реформы» слились в единый процесс, хотя по своим целям, социально-экономическому содержанию и движущим политическим силам они прямо противоположны друг другу. Общее между ними состоит лишь в одном: неудача, провал «перестройки» (во что тогдашние и будущие «демократы» и их зарубежные вдохновители и покровители вложили немало сил и средств) создали благоприятные условия для уничтожения Советского Союза и коренного изменения общественно-политического строя в нашей стране. Но такое зыбкое «общее» ни в малейшей степени не означает какого-либо единства «перестройки» и «радикальных реформ»,

и в дальнейшем изложении я буду относить первое из этих понятий к 1985—91-му, а второе — к последующим годам.

С учетом сказанного моя позиция была и остается неизменной. Суть ее такова: любая общественная система будет достаточно стабильной, если она всесторонне развивается, постоянно реагируя на новые запросы времени. Застой — первый признак ее устаревания, возникновения условий для ее гибели. Вот почему реформирование советского общества, его перестройка в соответствии с требованиями нового времени была исторически необходима и неизбежна. Безусловно, она должна была начаться несколькими десятилетиями раньше, при куда более благоприятных для такого сложного процесса экономических, социальных и прочих условиях. Но она пришла, как известно, лишь в 1985 году, и путь ее был усеян не столько розами, сколько шипами. Вот об этом, о трагедии «перестройки» и «перестройщиков» — а я был в гуще событий тех лет, — о величайшей трагедии нашего народа мне и хотелось бы рассказать читателям предлагаемой книги. Но сначала вкратце о том, что и как в действительности происходило тогда в основных сферах жизни и было использовано деструктивными силами для достижения их целей, как стремительно росло напряжение в обществе.

1. ЭКОНОМИКА

Нужно сказать прямо, что, начиная реформирование страны, ее руководство не просчитало должным образом всех необходимых для этого взаимосвязанных шагов и их долговременных последствий. Думаю, что те, кто упрекает реформаторов 80-х годов в отсутствии четкой программы действий, к сожалению, правы. Конечно, они не учитывают конкретной политической обстановки, в которой приходилось принимать те или иные решения, но это не устраняет справедливости их обвинения по существу. Но вот что в тот момент было реально и верно, с моей точки зрения, — так это решение начать с реформирования экономики. Собственно говоря, горбачевская перестройка в своем первоначальном виде вообще задумывалась как реформирование именно ее, экономики страны.

Жесткая плановая система, созданная в 30-е годы, успешно справилась с индустриализацией, обеспечила ей победу над сильнейшим врагом — гитлеровской Германией, позволила в немыслимо короткое время восстановить народное хозяйство, а в годы холодной войны создать военный паритет с Западом. Но жизнь не стояла на месте, и постепенно

мы стали ощущать, что наше народное хозяйство не может в полной мере удовлетворять возросшие социально-экономические запросы населения да и решать ряд других важнейших задач развития страны.

Нужно было найти более эффективные методы функционирования народного хозяйства. В середине 60-х годов Председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин начал свою экономическую реформу. Она не затрагивала базовых устоев социалистической системы, но давала предприятиям определенную свободу. В то время я был главным инженером, а затем генеральным директором «Уралмаша», и мы были весьма удовлетворены тем, что жестко регламентированная система управления была смягчена, в частности, предоставлением заводам довольно-таки существенной самостоятельности в создании различных фондов и использовании их по собственному решению коллектива.

В целом реформа привела к тому, что восьмая пятилетка (1966—1970 годы) имела самые высокие экономические показатели. Увы, после чехословацких событий 1968 года косыгинскую реформу постепенно свели к нулю. Дальнейшие, при Л.И. Брежнев, попытки в какой-то степени реанимировать и усовершенствовать ее практического успеха уже не имели.

Но вот в 1983 году новый Генеральный секретарь ЦК Ю.В. Андропов всенародно поставил задачу: разобраться, в каком же обществе мы живем? Вопрос этот был крайне серьезным — необходимо было заново определить сущность созданного в стране строя и его место в истории человечества. В связи с этим Ю. Андропов поручил члену Политбюро М. Горбачеву, кандидату в члены Политбюро В. Долгих и секретарю ЦК по экономике Н. Рыжкову тщательно изучить сложившееся в экономике положение и подготовить предложения по ее реформированию. Наши разработки по этому вопросу выполнялись с привлечением огромнейшего числа ученых, специалистов и производственников на протяжении двух лет и легли в основу апрельского (1985 года) доклада Горбачева на Пленуме ЦК КПСС. А далее в течение всей второй половины 80-х годов в Правительстве СССР шла постоянная и напряженная работа по выработке конкретных путей и методов реформирования экономики.

Для того чтобы придать «второе дыхание» экономике, было необходимо решить ряд принципиальных проблем. Если смотреть в корень вещей, в первую очередь предстояло преодолеть все более очевидное отчуждение человека от средств производства и результатов его труда. В силу этого у работника была явно недостаточной мотивация к труду ответственному, эффективному и высококачественному. В связи с этим перед нами встал вопрос о собственности в нашем обществе и перспективах ее развития. Как известно, основной ее формой являлась государ-

ственная, общенародная. К тому же и колхозно-кооперативная собственность постепенно тоже приобрела признаки государственной. С учетом мнения ученых, опыта зарубежных стран мы считали, что в руках государства целесообразно сохранить примерно 50—60 процентов собственности — имелись в виду базовые отрасли народного хозяйства и предприятия оборонного комплекса. Соответственно, остальные 50—40 процентов могли находиться в акционерной и частной форме, но не на землю, кроме приусадебных, дачных и садово-огородных участков. Особый упор в своих разработках мы делали на так называемые народные предприятия, владельцами которых являлись бы только их коллективы.

Этой точке зрения противостояли взгляды либеральных экономистов, а также политиков во главе с А.Н. Яковлевым, воспевавших лишь частную собственность. Они утверждали, что только она автоматически решит все социально-экономические проблемы страны. Не о подобных ли проповедях и делах писал в свое время, как бы предвидя будущее, мудрый М.Е. Салтыков-Щедрин: «Горе — думается мне — тому граду, в котором и улица, и кабаки безнужно скулят о том, что собственность (речь шла о частной! — *Н.Р.*) священна! Наверное, в граде сем имеет произойти неслыханнейшее воровство!»? А ведь так и получилось.

Перед разработчиками программы постепенного перехода к социально ориентированной рыночной экономике с необходимым государственным регулированием стояло множество других, не менее сложных проблем: создание всех необходимых условий для осуществления в нашей стране глубокой и всеобъемлющей научно-технической революции, реформирование системы ценообразования, изменение соотношения производства средств производства и производства предметов потребления в пользу последних и т.д., и т.п.

В общем, откликаясь на зов времени, исходя из реального социально-экономического положения, Правительство СССР в 1989 году выработало вариант, сочетающий энергичные меры по углублению реформы со взвешенностью действий на всех уровнях управления. Мы шли к рынку, стремясь прежде всего стабилизировать социально-экономическую ситуацию, а затем двигаться дальше, к более развитой системе товарно-денежных отношений.

Кое-кто призывал нас сразу, без подготовки, броситься с головой в омут рынка и приводил в пример историю стран Европы и США, вышедших из Второй мировой войны с фактически централизованной плановой экономикой и тут же безоглядно и смело нырнувших в него. Да, но они имели долгий рыночный опыт, в определенной степени прерванный на пять-шесть лет из-за войны. Им было куда нырять. К тому

же, замечу, они и в послевоенный период отнюдь не чурались и не чураются элементов государственного планирования, от которых ныне бегут, как от чумы, наши новоявленные рыночные оракулы, а на поверку — теперешние слепые поводыри отечественной экономики.

Наши предложения по переходу страны на социально ориентированные рыночные отношения с необходимым государственным регулированием и при минимальных трудностях для населения встретили в штыки либеральные экономисты, политические и прочие общественные деятели, ближайшая цель которых состояла в том, чтобы до основания уничтожить существовавшую экономическую систему. Вместе с определенной частью тогдашней номенклатуры они вполне успешно достигли своей цели. Характерная для этой циничной публики деталь: в то время ни один из них не говорил о тяжелейших испытаниях, которые обрушат на население «либеральные реформы», а в середине 90-х годов, когда они уверовали в их необратимость, откровенно глумливо стали утверждать, что прекрасно знали, к каким последствиям для большинства народа и для государства приведет развитие событий по их сценарию.

Время показало абсурдность и гибельность действий сторонников радикальных экономических реформ. После «пинка под зад матушке России», как выражался один из лидеров либералов, народ протрезвел и уже сегодня вряд ли встретил бы аплодисментами и восторгом так называемую программу «500 дней». Помнит ли о ней Ельцин, взявший ее на вооружение в борьбе с руководством СССР? Помнит ли он свои слова, что самый счастливый день в его жизни будет 501-й?

Полагаю, помнят о ней ее авторы: Г. Явлинский, Г. Бурбулис, Б. Федоров, М. Задорнов и другие. Помнят, но стремятся, чтобы народ о ней забыл. Григорий Алексеевич после разрушения страны создал даже партию «Яблоко». Десять лет он проповедовал свои идеи, но при этом ни разу не вспомнил свое детище «500 дней». Наконец-то люди раскусили, что яблоко оказалось червивым! Сейчас же нас учат жить из своего института последователь радикализма в экономике Е. Гайдар и его соратники.

Эти люди, сделав свое подлое дело, ушли в сторону, а народ и государство остались со своими невзгодами и бедственным положением.

Итак, этими сверхкраткими заметками я хотел привлечь внимание читателей на переплетение экономических факторов, способствовавших созданию в обществе атмосферы неудовлетворенности условиями существования и надежд на скорое изменение их к лучшему. Этими факторами, на мой взгляд, были неосуществление на протяжении четверти века развития основных идей так называемой косыгинской реформы,

постоянное снижение эффективности народного хозяйства, а также неудовлетворение возросших потребностей советского народа вследствие значительного ухудшения развития потребительского рынка. Все это отразилось на материальном положении людей и их общественных настроениях. Но весьма опасным общественным явлением был разрыв, в том числе чрезмерный во времени, между декларациями, решениями, программами и обещаниями политического руководства улучшить материальное положение людей и реальным состоянием дел в этой сфере.

Конечно, ситуация «разогревалась» и другими экономическими да и не только экономическими факторами...

2. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

О событиях в этой сфере мне придется рассказать несколько подробнее, ибо именно в ней развернулись основные «бои» между теми, кто стремился сохранить реформированный Советский Союз, и теми, кто жаждал его уничтожения.

К концу 1987 года у Горбачева и его ближайших соратников окрепло убеждение, что прогрессивные изменения в экономике не произойдут, если они не будут сопровождаться политической реформой. В первую очередь, по его образному выражению, необходимо было «встряхнуть КПСС».

Говоря объективно, в самой партии уже давно назрела необходимость перемен. Она сыграла свою действительно великую историческую роль. В напряженнейшие 30-е годы, когда все дышало Второй мировой войной, во время Великой Отечественной, в послевоенный период с его холодной войной именно КПСС держала в своих руках всю жизнь страны. Вряд ли можно было в те годы осуществить гигантские свершения при другой политической системе.

Но наступили иные времена, и, конечно, в деятельности партии должны были произойти серьезные, даже кардинальные изменения. Учитывая, что за социально-экономическое развитие страны отвечало в основном правительство, я считал, что партия должна отойти от прямого управления экономикой, передав эти функции законодательной и исполнительной власти. На мой взгляд, идеологию и выработку стратегии развития было целесообразно оставить за КПСС, освободив ее при этом от устоявшегося десятилетиями догматизма в теории и практике партийной работы.

Да и ранний Горбачев был такого же мнения. Например, на Пленуме ЦК КПСС в феврале 1988 года он говорил: «Мы подошли теперь к

необходимости перестройки нашей политической системы. Речь идет, разумеется, не о замене действующей системы, а о том, чтобы внести в нее качественно новые структуры и элементы, придать ей новое содержание и динамизм... Коренной вопрос реформы политической системы касается разграничения функций партийных и государственных органов. И здесь также в основу должны быть положены ленинские идеи. Направляющая и руководящая роль партии — непереносимое условие функционирования и развития социалистического общества».

Учитывая его дальнейшие поступки и, уже после отставки, откровенно отрицательные высказывания в отношении партии, невольно засомневаешься в его искренности и убежденности да и в порядочности тоже.

23 августа 1991 года на «трибуне позора» в Верховном Совете России униженный Президент СССР, только что привезенный из форосского 72-часового «сидения», еще заявлял о своей приверженности идеям социализма и вере в реформированную партию. А на следующий же день... сложил с себя обязанности Генерального секретаря ЦК КПСС! В заявлении по этому поводу он путано говорил о своей обязанности защитить коммунистов как граждан страны от необоснованных обвинений и в этой связи — о самороспуске партии.

Круг замкнулся. Рано или поздно это должно было произойти — пути Горбачева и партии разошлись. Но до сих пор остается загадкой, почему его рекомендации Центральному комитету о самороспуске КПСС многие восприняли как уже свершившийся факт? Думаю, что подсознательно сработала воспитанная десятилетиями вера в безусловную правильность действий ее лидера — Генерального секретаря.

Это были дни пьянящей эйфории у победителей и у тех, кто всегда стремительно примазывается к ним, к власти — какой бы она ни являлась. Собственные убеждения у приспособленцев всегда начисто отсутствуют. Казалось бы, прорвавшиеся к власти и называвшие себя единственными в стране демократами, будь они действительно ими, должны были поручить столь же «демократической» прокуратуре начать следствие против тех, кто, как они считали, за семьдесят лет привел страну к унижительному и нищенскому существованию. Ведь именно «демократы» стали представлять себя в качестве благороднейших борцов за построение в стране истинно правового общества!

Но ведь тогда неизбежно возник бы вопрос и о вчерашних коммунистах, далеко не последних в партийной иерархии, их роли и ответственности. И не поэтому ли взамен родился абсолютно незаконный и антидемократический Указ о роспуске КПСС? Пятнадцать миллионов коммунистов оказались вне закона. Пожалуй, редкая из газет в то

время удержалась, чтобы не назвать этот Указ подарком Ельцина поверженным коммунистам к их празднику. Они, правда, «забыли», что в течение многих десятилетий это был самый главный праздник государства, всего народа.

Как же могло произойти, что КПСС, став инициатором преобразований в стране — перестройки, через пять лет сошла с политической арены, а из многомиллионных членов партии никто не вышел на ее защиту?

Дело в том, что в 1989 году политическая обстановка в стране резко изменилась. В начале лета состоялся Первый Съезд народных депутатов СССР, образованный в соответствии с измененной Конституцией. В разгоряченной атмосфере Съезда было забыто все великое, связанное с деятельностью КПСС, но зато в ее адрес звучало много претензий, тяжелых обвинений и призывов к возмездию. В выступлениях чувствовалась гражданская и политическая незрелость ораторов, выразивших надежду помочь стране, освободив ее от «гнета КПСС». Несли они в себе и справедливую критику, обнажающую реальные проблемы деятельности партии в обществе, но были и вполне сознательные, хорошо срежиссированные акции по ее дискредитации. В результате исторического развития КПСС стала мощной политической организацией, глубоко интегрированной в государственные структуры. Именно поэтому было крайне опасно разрушать ее авторитет в интересах деструктивных сил. Но тот, кто дирижировал всем этим, знал, что для смены власти и общественного строя необходимо было сломать именно партийно-государственный стержень, на котором держалась страна.

Существовали и объективные причины явно разраставшегося политического кризиса. После XIX партконференции (1988 года) и прихода к государственной власти новой структуры в виде Съезда народных депутатов и постоянно действующего Верховного Совета СССР партия должна была немедленно, опережающими темпами по сравнению с остальным обществом перестроиться, кардинально реформироваться, чтобы успешно работать в новых условиях — организационных, теоретических, идеологических...

Все эти субъективные и объективные обстоятельства вызывали тревогу многих партийных организаций, от них поступали предложения о немедленном созыве Пленума ЦК, на котором нужно было рассмотреть вопросы о характере деятельности партии в новых условиях, об изменениях в ней самой. Было очевидно, что если не выработать новую стратегическую линию ее деятельности, то вся перестройка может обернуться для народа небывалой бедой.

Вместо Пленума в ЦК КПСС 18 июля 1989 года состоялось совещание первых секретарей ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партии, членов Правительства СССР, руководителей Верховного Совета СССР. Обеспокоенный складывавшейся ситуацией в партии и стране, я решил выступить на нем. Наиболее объективный комментарий моего выступления дал бывший работник аппарата ЦК В.М. Легостаев в своей книге:

«На этом совещании внимание всей партии вызвали обширные комментарии в партийной среде выступление Н.И. Рыжкова, члена Политбюро ЦК, Председателя Совета Министров СССР. Оно было воспринято как наиболее смелое, принципиальное, наиболее партийное из всех, звучавших на совещании. В нем содержался точный анализ нарастания негативных явлений в КПСС, откровенно говорилось о том, к чему это может привести все общество. Косвенным, но достаточно ясным образом ответственность за подобное состояние партии возлагалась, наряду с Политбюро и уже не существовавшим тогда Секретариатом, и на Генерального секретаря: “Особо хотел сказать, что мы должны всячески содействовать, чтобы Генеральный секретарь ЦК М.С. Горбачев больше внимания уделял своим партийным обязанностям”. В общем, Генсеку предлагалось заняться партией, доверив хозяйственные дела правительству.

Заканчивая свое выступление, Н.И. Рыжков сказал: “Дело еще не дошло до того, чтобы правомерным стал лозунг: “Партия в опасности”. Но, глядя правде в глаза, мы должны ясно видеть: такая возможность существует...” Слова эти, несмотря на смягчающую оговорку “дело еще не дошло”, звучали из уст главы правительства как очень серьезное предостережение».

Многочисленные отклики на это выступление да и автор цитируемой книги делают вполне прозрачный намек, что на этом совещании появился новый Рыжков. Не забуду, что, когда я еще не сошел с трибуны, один из членов ЦК вскочил со своего места и закричал: «Почему товарищ Рыжков не говорит об экономике?» Я вынужден был ответить ему, что действительно часто с этой трибуны говорю о проблемах народного хозяйства, но сейчас наступил тот момент в нашей жизни, когда необходимо говорить о партии. И я как член Политбюро сделал это.

Мной тогда не ставилась цель анализировать деятельность КПСС в тяжелейшие для страны и народа «перестроечные» годы. Я лишь хотел показать парадоксальную ситуацию, которая заключалась в том, что мощнейшая в нашей истории партия не только возглавила проведение необходимых реформ, как это, например, делали и делают китайцы, но одновременно и хоронила себя, фактически создав условия, при

которых ничтожным по сравнению с ней силам удалось сбросить ее с политической арены.

Увы, мое выступление не нашло позитивного отклика у Генсека и его окружения.

Впоследствии мне стало известно, что после моего выступления А. Яковлев пригласил некоторых региональных партийных лидеров и задал им вопрос: «Вы видите, кто готовит нож в спину перестройки?»

К своей трагедии КПСС подошла потому, что на протяжении десятилетий, имея монополию на власть, она утратила способности к реальной, повседневной политической борьбе. В результате партия, как единый организм, потеряла свои лучшие качества — боевитость, самопожертвование, бескорыстие... Произошло ее одряхление.

По мере того как КПСС в силу этих и других причин теряла влияние, на народные массы, в стране стали возникать оппозиционные общественные движения, сыгравшие существенную роль в процессе разрушения государства и общественного строя. Их следует условно разбить на три группы: диссиденты, неформалы и демократы. Можно обозначить и три волны их деятельности.

Диссидентское движение, возникшее в начале 60-х годов, в основном занималось правозащитной деятельностью, не шло на сотрудничество с властями и отказывалось от применения силы. Оно было малочисленным, раздробленным и слабоорганизованным, но привлекало внимание Запада и пользовалось поддержкой небольшой части отечественной интеллигенции. Для них важен был сам факт, что в Советском Союзе существуют оппозиционные круги, которые могут при определенных условиях приобрести какой-то политический вес.

Старшее поколение помнит судебные процессы над диссидентами. Сведения о таких процессах доходили до части населения (в основном — интеллигенции, особенно так называемой творческой), главным образом из радиопередач всевозможных зарубежных «голосов» с характерной для них смесью правды и небылиц.

Но вот в декабре 1986 года было принято политическое решение отказаться от уголовного преследования оппозиции. Из лагерей и тюрем начали выходить бывшие диссиденты. Однако их движение практически не восстановилось. Многие устали от «борьбы за права человека», а другие, получив известность на Западе, предпочли спокойную жизнь за рубежом. Парадоксально, но факт, что точку в истории диссидентского движения поставило именно тогда, в 1986 году, прекращение их преследования.

В это время в стране начали быстро возникать многочисленные общественные структуры, членов которых стали называть неформалами.

Общих принципов у этих организаций практически не было. В их среде оказались демократы и патриоты, анархисты и монархисты, коммунисты, социал-демократы, либерал-консерваторы и т.п. Многие группы формировались не по идеологическим принципам, а по направлениям деятельности — экология, защита памятников и т.д. В отличие от диссидентов неформалы спокойно относились к взаимодействию с властями, вхождению в государственные и другие официальные структуры (профсоюз, комсомол и т.д.). Но вскоре деятельность многих неформалов стала приобретать все более политизированный, а затем и просто политический характер. Участники неформальных объединений своеобразно «играли в большую политику», набирались опыта и вскоре научились выводить на улицу многочисленные толпы народа.

Внутренние дискуссии оттачивали мастерство оппозиционных деятелей и воспитали будущих политиков, журналистов, общественных активистов. В 90-е годы некоторые из них стали руководителями общественных организаций, свежеепеченных политических институтов, средств массовой информации. Этих людей и сегодня можно видеть на экранах телевизоров, на различных политических «тусовках». Они и сейчас учат народ, как ему жить в условиях демократических перемен, за которые они, во многом наивно, ратовали двадцать лет назад. В те далекие годы они называли себя основой будущего гражданского общества, а сейчас со скорбными лицами заявляют, что мы от него стали еще дальше, чем в дни их юности.

Чтобы показать картину происходившего в этой сфере общественной жизни, приведу два-три примера.

В феврале 1987 года на базе Центрального экономико-математического института (ЦЭМИ) был создан клуб «Перестройка». В его работе приняли участие сотрудники ЦЭМИ, в том числе экономист (тогда еще коммунист) Е. Гайдар и др. Сначала дискуссии в «Перестройке» были публичным продолжением академических споров. Но, как и следовало ожидать, в этих рамках они не удержались. Не случайно, что ЦЭМИ с его клубом в дальнейшем стал одним из инициаторов радикальных экономических реформ, а активный его член — Е. Гайдар принимал участие в разрушении страны вместе с Ельциным в Беловежской Пуше и впоследствии исполнял обязанности главы Правительства России. С января 1992 года он с благословения того же Ельцина начал радикальные экономические реформы, которые на много лет отбросили страну назад, а большую часть населения — в бедность и просто в нищету.

В августе 1987 года возникла группа «Мемориал». Основной ее целью было увековечение памяти жертв сталинских репрессий. Одна

часть группы считала необходимым выходить на улицы со своими лозунгами, вторая же предпочитала сбор подписей на мероприятиях определенной части интеллигенции. Подписантами обращений стали известные деятели — Б. Окуджава, Е. Евтушенко, А. Приставкин и др. На деятельность «Мемориала» обратили благосклонное внимание «архитекторы» и идеологи перестройки — А. Яковлев и др.

«Мемориал» принимал активное участие в выборах 1989 года, в организации митингов и других мероприятий демократического движения. Многие вышеупомянутые лица пришли затем в демократические движения различного толка, о которых достаточно подробно будет говориться в этой книге.

В 1983 году было организовано историко-литературное патриотическое объединение «Память». Эта организация вызывала отторжение со стороны других неформалов своими ксенофобскими лозунгами — борьба с «сионимасонским заговором» в КПСС и во всем мире. После прихода в конце 1985 года к руководству объединения Д. Васильева эта организация стала сильно радикализироваться. Опираясь на пресловутые «протоколы сионских мудрецов», Васильев рисовал картину мировой борьбы между сионизмом и патриотическими силами. Перестройку он трактовал как очищение партии и государства от «сионистской агентуры», поддерживал борьбу с «алкоголизацией» страны.

В мае 1987 года «Память» провела в Москве первую несанкционированную демонстрацию, приобретя при этом всесоюзную известность. Поводом для ее проведения стало разрушение одного из символов Москвы — Поклонной горы, где в то время развернулись работы по созданию памятника Победы. Колонны демонстрантов в несколько сотен человек с Манежной площади двинулись по улице Горького к Моссовету. Во главе колонны развевался красный флаг. В демонстрации принял участие первый секретарь Компартии Москвы Б. Ельцин. Он заверял собравшихся, что скоро положение изменится и больше не будет разрушения памятников истории и культуры.

Полагаю, что организация Д. Васильева принесла не меньше вреда нашей стране, чем другие политические и общественные неформалы того времени. Если те подтачивали основы общественного строя и государства, то «Память», делая заявления, будто поддерживает перестройку, своими лозунгами и действиями фактически отталкивала от нее часть народа.

Как уже говорилось, неформалы не были идеологически едиными. В их среде были сильны, в частности, социалистические тенденции. Но победили и возглавили третью волну общественного движения те, кто присвоил себе наименование «демократы». Эти быстро избавились от

некоторых «предрассудков» неформалов, особенно от ненасильственного характера деятельности, использовали любые, вплоть до самых грязных, средства в политической борьбе с целью разрушения СССР и его общественного строя и закончили тем, что значительной своей частью поддержали расстрел Верховного Совета Российской Федерации в 1993 году. Впрочем, к тому времени, уже после уничтожения СССР, «демократы» перекрасились в «либералов» и навязали обществу ту программу его развития, а точнее — всесторонней деградации, которую в народе справедливо связывают с именами Ельцина, Гайдара и К°.

Итак, неспособность КПСС осуществить реформы в необходимом направлении и в кратчайший, отпущенный историей срок привела к рождению оппозиционных политических движений, часть которых вольно или невольно способствовала разрушению Советского Союза и ликвидации существовавшего общественного строя.

3. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

В отличие от своих предшественников, Хрущева и Брежнева, которые только во второй половине своего правления окунулись во внешнеполитическую деятельность, Горбачев сразу с большим удовольствием стал заниматься этим направлением.

Начало сотрудничества Горбачева с Западом было положено его, рядового члена Политбюро, встречей осенью 1984 года с премьер-министром Великобритании М. Тэтчер. Эту встречу, как известно, организовал советский посол в Канаде А. Яковлев, с которым несколько ранее будущий Генсек познакомился и близко сошелся по своим идейным позициям. Обращает на себя внимание то, что встреча состоялась не в обычном правительственном особняке в Лондоне (Даунинг-стрит, 10), а в особой, загородной резиденции в Чеккерсе, предназначенной для приема лишь тех иностранных руководителей, находящихся в Великобритании с официальным государственным визитом, с которыми премьер-министр хотела провести особо важные доверительные беседы.

Практически это были смотрины будущего Генсека: руководители Запада прекрасно представляли себе состояние здоровья К. Черненко. После встречи Тэтчер обронила крылатую фразу: «С этим человеком можно иметь дело... Ему можно доверять». Это был сигнал «железной» леди своим коллегам в других странах. И она впоследствии с гордостью говорила: «Мы сделали Горбачева Генеральным секретарем».

В начале этой главы я процитировал выступление Даллеса. Надо отдать должное американским аналитикам и политологам — они хо-

рошо бегают на «длинные дистанции», на десятки лет вперед разрабатывая свою программу действий по разложению советского общества как изнутри, так и при помощи военно-политического давления извне. Правда, даже у самых больших оптимистов из их числа не хватило фантазии предположить, что разрушение Советского Союза может произойти в такие короткие сроки. Ведь для этого у нас должен был появиться руководитель государства, который шаг за шагом, притом ускоренными темпами, будет сдавать Западу великую Державу. И он нашелся — им стал человек, с которым противникам СССР было «можно иметь дело».

Объективно говоря, внешнюю политику, конечно, нужно было проводить более активно и эффективно хотя бы потому, что у нас имелись серьезные проблемы с затратами на вооружение и содержание армии. Но, на мой взгляд, Горбачевым двигали другие устремления — стать фигурой мирового масштаба, новым «мессией», который спустился к нам, чтобы полностью изменить мир. Это льстило его непомерному самолюбию и амбициозности.

В этой связи я могу процитировать А. Яковлева о поведении Горбачева на вышеупомянутых «смотреинах». Выдержка взята из его книги «Омут памяти»:

«Переговоры продолжали носить зондажный характер до тех пор, пока на одном из заседаний в узком составе (я присутствовал на нем) Михаил Сергеевич не вытащил из своей папки карту Генштаба со всеми грифами секретности, свидетельствующими о том, что карта подлинная. На ней были изображены направления ракетных ударов по Великобритании, показано, откуда могут быть эти удары, и все остальное.

Тэтчер смотрела то на карту, то на Горбачева. По-моему, она не могла понять, разыгрывают ее или говорят всерьез. Пауза явно затягивалась. Премьерша рассматривала английские города, к которым подошли стрелы, но пока еще не ракеты. Затянувшуюся паузу прервал Горбачев:

— Госпожа премьер-министр, со всем этим надо кончать, и как можно скорее.

— Да, — ответила несколько растерянная Тэтчер.

Из Лондона уехали раньше срока, поскольку нам сообщили, что умер Устинов — министр обороны».

М. Горбачев своего добился: на Западе его «утвердили» раньше, чем это произошло в Кремле. Хотел бы я посмотреть, что стало бы с подобным руководителем в другой стране!

В октябре 1986 года, после двухмесячной паузы, Р. Рейган согласился на предложение Горбачева встретиться с ним в Рейкьявике. Там они с глазу на глаз провели многочасовые тайные переговоры. Прези-

денту США нужно было знать, готов ли Горбачев поступиться интересами СССР и быть лояльным по отношению к США. Позднее, в 1993 году, находясь во Франции, Горбачев развязал язык и признался, что на встрече в Рейкьявике он «фактически отдал СССР на милость Соединенным Штатам», что «Рейкьявик на деле был драмой, большой драмой... Я считаю, что без такой сильной личности, как Рональд Рейган, процесс не пошел бы... На этой встрече в верхах мы... зашли так далеко, что обратно уже повернуть было нельзя».

После Рейкьявика состоялись другие многочисленные контакты и переговоры. В конце 1989 года во время встречи Горбачева на Мальте с президентом Бушем-старшим была поставлена точка в процессе сдачи всех политико-оборонных позиций СССР. Как образно выразились тогда острословы и дипломаты, холодную войну похоронили в теплых водах Средиземного моря.

За шесть лет пребывания на посту Генсека Горбачев одиннадцать раз встречался с Президентом США. В итоге политики во многом крайне односторонних уступок рухнула Берлинская стена, уничтожены Варшавский договор, содружество социалистических стран и сам Советский Союз. Под звуки оркестра, которым дирижировал пьяный Ельцин, войска постыдно покидали свои военные базы и уходили в никуда — в чистое поле с походными палатками. Таков был позорный итог соглашения М. Горбачева с его другом Г. Колем на государственной даче в Архызе.

Внешняя политика Горбачева—Шеварднадзе (его подручного в роли министра иностранных дел СССР) привела к падению международного авторитета нашего государства. В результате в течение нескольких лет мы потеряли статус супердержавы, а мир — двухполярную систему геополитического равновесия, позволявшую ему относительно благополучно просуществовать всю вторую половину XX века. Теперь человечество живет в мире однополярном, где господствует единственная супердержава, США, со своей экономической и военной мощью и маниакальным стремлением перестроить жизнь остальных стран по своему шаблону и в своих интересах.

Итак, было бы нелепым утверждать, что вся деятельность Генсека — президента Горбачева на международной арене была ошибочной. Но то, что она удовлетворяла прежде всего интересам Запада, и слишком часто за счет интересов СССР, — это бесспорно. Такая политика не только ослабляла его позиции на мировой арене, но и способствовала усилению влияния Запада на население Союза ССР, активизации антисоветских, антисоциалистических сил внутри нашей страны и в конечном счете — к ее исчезновению с карты мира.

4. ИДЕОЛОГИЯ

Строго говоря, идеологические проблемы в той или иной мере уже затронуты в предыдущих разделах главы, и все же хотелось бы продолжить эту тему ввиду ее исключительной роли в жизни страны и в перестроечные, и в постперестроечные годы.

«Архитекторы», «прорабы» и прочие идеологи и организаторы перестройки прекрасно понимали, что коренные экономические и политические преобразования в стране возможны лишь при их поддержке большей или хотя бы значительной частью общества. Однако к восьмидесятым годам, уже в далеком героическом и славном прошлом осталось то время, когда партия напрямую действительно опиралась на рабочий класс и крестьянство и вместе с ними составляла, можно сказать, грозную силу. Постепенно эта связь становилась все более формальной и односторонней — сверху, от партии к массам, и намного, намного слабее — снизу, от масс к партии. К тому же мощное воздействие на формирование духовной жизни общества стали оказывать бурно развивавшиеся средства массовой информации, в первую очередь телевидение и радио, а также ежедневные газеты и еженедельники, «тонкие» и «толстые» журналы. Ну, а кто там работал и определял их позиции? Естественно, люди интеллектуального труда. Так интеллигенция оказалась на авансцене политической жизни, и от нее в огромной, а вскоре и в решающей мере стали зависеть «климат» в духовной жизни народа, общественное сознание и гражданское, политическое поведение широких кругов населения.

Получить поддержку перестройки со стороны интеллигенции можно было, только обеспечив в стране реальную свободу слова.

Руководство страны, в том числе и пишущий эти строки, были за такой поворот в жизни общества — в сторону его открытости как внутри государства, так и внешнему миру. Для многих из нас было очевидно, что с учетом нашей сложнейшей истории делать это нужно весьма осторожно и взвешенно, дабы не раскатать государственный корабль. Каким бы он ни был, но это был наш корабль, на котором мы все плыли со своими радостями и невзгодами, и подвергать опасности его даже во имя прекрасного будущего, отправив на дно вместе с пассажирами, было недопустимо.

Провозглашенная гласность, ослабление, а затем и полная отмена цензуры, «плюрализм мнений» немедленно сказались на всплеске прежде всего политико-идеологических публикаций. Резко выросли тиражи «толстых» журналов. К примеру, «Новый мир» достиг полуторамиллионного тиража. К сведению, в нынешнее «демократическое»

время, свободное от официальной цензуры, тираж этого журнала в 2005 году был всего 8 тысяч экземпляров.

Помню, как в те годы правительство страны лихорадочно искало возможность увеличить объем бумаги для журналов и газет. Пришлось резко повысить поставки бумаги из Финляндии и других стран. Считая линию на свободу выражения мнений правильной, мы делали все, чтобы печатным органам было на чем публиковать свои, в том числе и антиправительственные статьи. Сейчас, насколько я информирован, такой проблемы нет. Есть деньги — покупай бумагу и печатай, нет — закрывайся, но к правительству не смей даже обращаться: отношения-то рыночные...

В 1986 году произошла смена руководства ряда центральных изданий. Во главе их были поставлены либерально-коммунистические «шестидесятники». Особенно отличались в критике прошлого и «застойных чиновников» настоящего газета «Московские новости» во главе с Е. Яковлевым и журнал «Огонек» во главе с В. Коротичем.

Мне вспоминается история его назначения на пост главного редактора «Огонька». До того он работал и жил в Украине. Во время обсуждения этой кандидатуры некоторые товарищи, хорошо знавшие Коротича, возражали против его перевода в Москву. Но все решил Е. Лигачев, который со свойственным ему напором добился назначения своего протеже, считая, что тот будет хорошим «перестройщиком». Егора Кузьмича можно было понять. У меня в домашней библиотеке хранится книга «Лицо ненависти» будущего главного редактора журнала. Посвященная его поездке по США, она бичевала американский расизм. Впоследствии, в постсоветское время, он в течение многих лет там работал и жил (а по существу, скрывался), но знали ли студенты и преподаватели учебного заведения, где он преподавал, что писал этот профессор об их стране раньше? Вряд ли! А вот Лигачев и другие его соратники читали этот опус, и, безусловно, он повлиял на назначение Коротича главным редактором журнала. Ну, это так, к слову, просто один из примеров гибкости ума и совести многих из наших «интеллигентов».

Думаю, что это было время расцвета гласности. Появилось много новых «смелых» фильмов, пьес, книг и т.д. Но постепенное расширение сфер, доступных для публичного обсуждения, продвижение к свободе слова, получившее наименование «гласность» (это слово вошло во все словари мира без перевода), очень скоро превратились в шквал информации, в том числе недостоверной и просто высосанной из пальца, все более откровенно направленной против существовавшего общественного и государственного строя. Для этого прежде всего использовались черные страницы нашей жизни, а их, к сожалению, было не-

мало в сталинскую эпоху. Конечно, за десятки лет, прошедших с тех пор, многое изменилось в стране, она стала другой, но тем не менее прошлое стало орудием для разрушения ее настоящего и, как вскоре стало очевидно, будущего тоже.

За несколько лет свобода слова, вместо того чтобы находить конструктивные подходы к лечению болезней общества, была использована для того, чтобы его уничтожить.

Однако политика поддержки гласности и других демократических процессов осталась неизменной. В мае 1987 года прекратилось глушение передач «Голоса Америки» и других антисоветских радиостанций, а в школе вошел в действие облегченный порядок выезда наших граждан за рубеж.

2 ноября 1987 года состоялось торжественное собрание, посвященное 70-летию Октября. С докладом выступил М. Горбачев. Он заявил: «КПСС не сомневается в будущем коммунистического движения — носителя альтернативы капитализму... Мы идем к новому миру — миру коммунизма. С этого пути мы не свернем никогда!»

Через четыре года после этих произнесенных под бурные овации слов не стало ни Советского Союза, ни социализма и тем более — коммунизма, к чему призывал Генсек. Диву даешься его цинизму: через несколько лет он заявит, что всю свою сознательную жизнь мечтал коммунизм похоронить...

Увы, в своей беспринципности и продажности он не одинок. Вот лишь один эпизод чуть более позднего времени — встреча в апреле 1993 г. Ельцина с «лучшими представителями творческой интеллигенции» в Бетховенском зале Большого театра. Чего только не насмотрелись и не наслушались телезрители! Выкрики «Крепче!», «Круче с ними!», «Канделябрами их!» были самыми безобидными в устах впадавших в экстаз «ведущих мастеров культуры». Их бешеная злоба — с одной стороны, и неприкрытое холуйство — с другой, вызвали чувство омерзения (и я знаю это из многих встреч с самыми разными людьми) у миллионов телезрителей. А ведь это был момент, когда можно и надо было стать самим собой. И они стали! Такого неприкрытого «холужа», как сказал патриарх-драматург, ныне покойный Виктор Сергеевич Розов, наше поколение уже и не помнит. Они духовно ограбили всех, кто им верил. Но еще раньше ограбили самих себя. Не буду перечислять когда-то уважаемые и любимые имена, а скажу лишь, что своим убогим политическим и нравственным обликом, так неожиданно проявившимся не только в тот день, но и вообще в новых условиях, многие из них зачеркнули в душах людей и свои прошлые творческие достижения.

Конечно, дело каждого выбирать свой путь, но если ты — «соль общества», то не имеешь права быть глухим к боли народа, к тяжкому недугу своей Отчизны. Увы, в теперешнем голосе политически активной части творческой интеллигенции эта тема не звучит. Но подлинная интеллигенция не приемлет ни лжи, ни тем более лизоблюдства. Она призвана говорить правду своему народу, в том числе правду о нем самом, думать о его духовном благополучии. А ведь Иисус Христос, на авторитет которого теперь ссылаются и правые, и левые, говорил: «...бойтесь убивающих душу».

Пусть правильно поймут меня читатели: не все в те дни занимали такую позицию и не все так мыслят сейчас. Но, к сожалению, их трезвые голоса тонут в хоре верноподданнических. Кстати, многие из нынешних носят звание «народных... СССР». Вот такой парадокс: все старое топчется, Советского Союза нет, интересы народа преданы — а от таких почетных званий никто не отказался.

К счастью, и среди «творческой интеллигенции» были, есть и будут люди с высокоразвитым чувством гражданского достоинства, независимости от политической конъюнктуры, стойкости убеждений. Одним из них был безвременно ушедший из жизни выдающийся деятель искусства, народный артист СССР, Герой Социалистического Труда, профессор Игорь Олегович Горбачев. С этим умнейшим человеком, патриотом до мозга костей, у меня были продолжительные беседы. Он остро переживал возникший в стране нравственный раскол. По его да и по мнению многих, многих других людей, сейчас у нас противостоят друг другу два способа существования: индивидуалистический, наиболее полно выразивший себя в капитализме, и пострадавший веками наш соборный, коллективистский подход к жизни, стремление народа к социальной справедливости. Именно к этим принципам тяготели формы взаимоотношений людей, созданные в результате Великой Октябрьской социалистической революции, которая изменила экономические, политические, социальные и нравственные основы общества. На этой базе выросла новая общность людей — советский народ.

Подчеркну, что, на мой взгляд, именно идея социальной справедливости была и остается наиглавнейшей русской духовной традицией. Сегодня она, как и многие другие лучшие качества советского человека, не в чести у тех, кто формирует нравственный климат в обществе.

Я согласен с Игорем Олеговичем и в том, что нельзя терять веру в наше будущее: все наносное, чуждое национальному стереотипу не будет долговечным, а все то, что имеет глубокие исторические корни, в итоге обязательно победит. Если народам навязываются схемы, противоречащие национальному естеству, возможна только катастрофа.

Два десятилетия мы живем в вихре социальных потрясений. За эти годы не стало нашего единого государства, изменился общественный строй. Страна потеряла статус великой державы, занимавшей особое положение в мире. Заметно оскудела духовная жизнь народа, люди все больше и больше отходят от вековых традиций и отечественной корневой культуры, мы теряем присущее нам своеобразие в укладе жизни, во многом бездумно идя на поводу у современной идеологии и практики так называемой глобализации.

Решающее значение в проникновении в культуру России западных начал (языковых, жизненных стандартов, бытовых навыков и т.д.) в наше время имеют средства массовой информации. Возможно, мы еще недооцениваем их роль в условиях XXI века. Американцы же, стремясь к уничтожению самобытной русской, а точнее — российской цивилизации, не скрывают своих целей и методов их достижения. В одном из американских журналов в 90-х годах было прямо сказано: «Центральной задачей внешней политики США в век информации должна стать победа в борьбе за мировые потоки информации. Мы должны доминировать в них, как Великобритания некогда правила морями». И далее: «Лучшая культура — американская, потому что она представляет собой модель здорового отсутствия культурного багажа». Вот к чему нас ведут, пока мы в отличие, скажем, от Франции и ряда других европейских стран, извините за грубоватость, хлопаем ушами и не контролируем, не противостоям должным образом американской агрессии в языке, в искусстве, во всех сферах национальной культуры.

Известна истина, что интеллигенция — душа и мозг нации. Она должна стоять на страже интересов народа, а не отдельных его руководителей. Честность — величина постоянная, а не изменяющаяся от времени и ситуации. Российская интеллигенция потому и была почитаема в нашем обществе, что она проповедовала свои идеи, убеждения вопреки официальной идеологии, вопреки властям. Гонения и страдания были платой за ее беззаветную защиту правды и справедливости. Но она жила. Ее голос звучал даже через глухие стены, и народ улавливал его.

Остается надеяться, что лучшие качества отечественной интеллигенции рано или поздно возобладают в ней ради нее самой и всего нашего народа.

Итак, в области идеологии разрушительные тенденции победили позитивные потому, что КПСС, а точнее, ее ЦК и генеральные секретари (за исключением Ю.В. Андропова, успевшего хотя бы указать на такую необходимость), за все послесталинское время даже не ставила перед собой, партией и обществом задачу преодолеть въевшийся в их плоть и кровь догматизм, давно не отражавший действительного поло-

жения вещей в кардинально изменившихся мире и стране, не поняли исторической необходимости глубокого научного анализа и существенного развития теории и практики создания общества нового типа.

Объявив переход к гласности, свободе слова, всесторонней демократизации, Горбачев и Политбюро ЦК не взяли на себя инициативы научно обоснованного, объективного, взвешенного пересмотра во многом фальсифицированной со времен сталинского «Краткого курса...» истории партии и государства, отдав весь этот мощный пласт острейшей информации в руки своих потенциальных, а затем и открытых противников, создавших себе на этом образ борцов за правду и справедливость и получивших, таким образом, возможность повести за собой значительную, если не большую часть общества.

Политически беспомощный Горбачев (или это было просто предательством с его стороны?) и ЦК партии практически ничего не противопоставили зачастую клеветнической кампании, широко развернутой «демократами» против КПСС, стоявшей во главе страны семь (и каких!) десятилетий. Идеологическая «машина» партии оказалась абсолютно неработоспособной в условиях реального наступления противников СССР и социализма.

Призывы к честной, открытой политике сопровождались всяческими виланиями и откровенной ложью Горбачева (например, по поводу секретных протоколов к пакту «Риббентроп—Молотов» или «Катынского дела»), многочисленные лозунги и программы оказывались пустышками, не подкрепленными ресурсами и должной организационной работой. Горбачев был не способен понять, что в политике невыполненное обещание представляет собой только разрушительную силу.

Все это, вместе взятое, предопределило массовое разочарование в перестройке, партии, Горбачеве и, соответственно, усиление позиций их противников.

5. МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ*

На протяжении большей части XX века мир с удивлением и восхищением взирает на то, как в СССР была решена проблема межнациональных отношений. Можно сказать, что наше многонациональное государство было эталоном, казалось, нерушимой дружбы народов.

* В этой части главы использованы теоретические труды доктора философских наук, профессора М.С. Джунусова.

И вдруг здесь, на территории одной шестой части мира — то в Прибалтике, то в Украине, Грузии, Азербайджане, то в некоторых союзных республиках Средней Азии, — вновь появилось звериное мурло национализма. В качестве массового и сколько-нибудь угрожающего безопасности страны это явление не существовало в сильном государстве, но как только Советский Союз стал ослабевать, оно превратилось в мощный таран для его разрушения.

Но что такое «национализм», каково содержание этого понятия? К сожалению, ученые, политики, общественные деятели, творческие работники единого мнения по данному вопросу не имеют.

Одни считают, что национализм — это негативные действия государства или одного народа, ущемляющие интересы других государств или народов. Нередко такие действия принимают грубую и дикую форму разгула беззакония. Национализм — это идеология разъединения и противостояния народов.

Вторая точка зрения практически диаметрально противоположна. По мнению приверженцев этой трактовки, национализм означает любовь к своей нации так же, как патриотизм — к своей Родине.

Различные толкования сущности этого деликатного и взрывоопасного явления часто вводят в заблуждение при оценке межнациональных отношений и событий, густо замешанных на националистической основе. Корень терминов «национальный» и «националистический» один и тот же — нация. Наиболее глубокие мысли о ней высказаны великим русским философом Н.А. Бердяевым в его книге «Философия неравенства». По его мнению, нация есть категория историческая по преимуществу, конкретно-историческая, а не абстрактно-социологическая. Нацию, считал он, определяет единство исторической судьбы.

В своей работе Бердяев пишет: «Нация не есть слагаемое, она есть нечто изначальное, вечно живой субъект исторического процесса, в ней живут и пребывают все прошлые поколения... Всякая нация по здоровому инстинкту своему стремится к максимуму силы и цветения, к раскрытию себя в истории».

Нет в мире народа, который не обладал бы национальным самосознанием, не ощущал бы свою индивидуальность. Но оно достойно уважения только в том случае, если признает естественным и правомерным существование других наций. Между нацией и ее окружением должны быть нормальные взаимоотношения. В этом кроется смысл мира и спокойствия между народами.

И снова — слово Н.А. Бердяеву, прозорливо говорившему об этом более восьмидесяти лет тому назад: «В конкретном всеединстве не мо-

жет быть противоположения между нацией и человечеством: во всеедином человечестве утверждаются все нации, в нем они достигают силы и цветения... Братство народов предполагает существование народов, национальных личностей, как братство людей предполагает существование людей, человеческих личностей. Истинная любовь всегда есть утверждение лика любимого, его неповторимой индивидуальности. И моя русская любовь к французу, англичанину или немцу не может быть любовью к отвлеченному человеку, человеку вообще, она может быть лишь любовью к французскому, английскому или немецкому человеку, к индивидуальному образу».

Думаю, все сказанное позволяет сделать некоторые выводы относительно национализма как явления, крайне опасного для мира между народами и их процветания.

Национализм — это игнорирование принципа равенства народов, языков, культур, заслуживающих одинакового взаимного уважения.

Национализм — это абсолютизация самобытности того или иного народа, стремление видеть в ней его исключительность в роде человеческом, якобы превосходство над всеми другими нациями. Эта позиция порождает национальный эгоизм и служит оправданием для реализации интересов своей нации за счет ущемления интересов других народов.

Термин «национализм» выражает комплекс явлений, порождающих недоверие между народами и способных мобилизовать волю и чувства людей на унижение национального достоинства других наций, на участие в кровопролитных конфликтах и войнах.

Национализм, как правило, выступает под видом заботы о национальных интересах, национальной гордости и достоинстве. Существование национального самосознания, национальной чувствительности, гордости и достоинства используется различными политическими силами для привлечения населения на свою сторону. Националистической демагогии порой поддаются и светлые умы, даже у них притупляется нравственная бдительность. Национализм — мощный фактор мобилизации масс в политической борьбе.

В нашей стране всплеск национализма в 80-х годах начался вроде бы с благими намерениями: надо-де развивать самосознание народов, придать новый импульс развитию культуры... Никто и не возражал против таких хороших помыслов. Если считаете, что в Украине в школах и других учебных заведениях нужно обязательно изучать украинский язык — изучайте. Кстати, школу и техникум я заканчивал в Донбассе, в Украине, и должен был изучать второй язык — украинский. Ничего, не умер и до сих пор понимаю разговорную речь «ширых»

украинцев. Считаю ошибкой, что в 70-х годах в учебных заведениях изучение «титульного» языка стало факультативным. Много бед принесло это потом.

Когда же разговоры о национальном самосознании в некоторых союзных республиках переросли в национализм, мне стало ясно, что, по существу, происходит резкий поворот к сепаратизму. Впрочем, об этом будет рассказано в следующих главах.

Говоря о национализме, нельзя обойти стороной и проблему шовинизма. Если национализм — это гипертрофированное национальное самосознание, то шовинизм (от фамилии ветерана наполеоновских войн Н.Шовена, рьяного приверженца завоевательной политики Бонапарта) есть крайняя, самая, если хотите, отвратительная форма национализма, противопоставление интересов одной нации всем прочим, презрение и ненависть к другим расам и народам.

Особый разговор о русском, великорусском шовинизме. Люди старшего поколения помнят фразу В.И. Ленина, относящуюся к периоду образования СССР как союзного федеративного государства: «Великорусскому шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть». Вполне вероятно, что в тот момент она имела практически политический смысл, поскольку в ней подчеркивалось, что в создаваемом многонациональном государстве все, большие и малые по численности народы будут иметь абсолютно равные права. Смысл ее также был в том, что если царская Россия, как острополюмически утверждал Ленин, была «тюрьмой народов», то в «союзном социалистическом государстве каждому из них гарантирована свобода всестороннего национального развития». Думаю, ни один здравомыслящий и объективный человек не станет утверждать, что эти постулаты, касающиеся СССР, не были осуществлены.

Но как быть не с тогдашним сиюминутным, так сказать, использованием понятия «великорусский шовинизм», а с самим этим явлением? Характерно ли оно для дореволюционной России и послереволюционного ее преемника — СССР? Чтобы разобраться в этом, обратимся к опыту истории.

Россия исторически складывалась как политический и экономический союз земель. В него входили народы со своей культурой, скрепленные общегосударственными интересами. Принятые в лоно России, они были призваны не соперничать, а сотрудничать в едином государстве. Огромные пространства, сложные географические и геополитические условия, этническое многообразие предопределили и общий национальный интерес — всемерное укрепление государства, всех его институтов. Они должны были обеспечить территори-

альную целостность и внешнюю безопасность нашей страны, вырабатывать приемлемые формы сосуществования различных национально-этнических, религиозных и культурных особенностей.

«Всякая нация стремится образовать государство и укрепиться в нем, — писал Н.А. Бердяев. — Через государство раскрывает нация все свои потенции. С другой стороны, государство должно иметь национальную основу, национальное ядро, хотя племенной состав государства может быть очень сложным и многообразным. Русское государство было русским государством, оно имело в своей основе русское ядро и осуществляло русскую идею в мире. Государство, не имеющее национального ядра и национальной идеи, не может иметь творческой жизни».

В нашей стране главную тяжесть держателя растущего государства, как самый многочисленный, нес русский народ, он был основным каркасом его строительства и укрепления. При этом никаких специальных «русских» привилегий не существовало. Ни одна из национальностей России не являлась ни господствующей, ни подчиненной. Вот почему я полагаю, что абсолютизировать упомянутые формулировки В.И. Ленина, вырывать из конкретного исторического контекста и механически повторять их по любому поводу и даже без него по меньшей мере неверно. Мне представляется, что ни в России, ни тем более в СССР «великорусского шовинизма» как государственного явления не существовало. Оно иногда могло быть на частном, личном, бытовом уровне, но это уже совсем другое дело: известно, что в семье — не без уroda...

Однако история, как она порой любит делать это, преподнесла нам поразительный парадокс: при подготовке и после выхода союзных республик из СССР в некоторых из них махровым цветом расцвели национализм и даже местный шовинизм. Широко известно, например, какие изощренные методы применяют шовинисты в прибалтийских республиках для дискриминации и прямого выдавливания из них русской части населения, так много сделавшего для развития этих государств за время их пребывания в составе СССР.

Да и в самой России, к сожалению, после прихода к власти «либерал-демократов» стали возникать группы и группки шовинистов и, хуже того, фашиствующих маргиналов, прикрывающих свою убогость и дикость националистическими лозунгами, заботой об интересах русского народа. В большой мере это было следствием того, что рвавшиеся к власти и захватившие ее были или прямыми приспешниками Запада или, в лучшем случае, его идейными последователями, решившими сдать Россию ему на потребу. Такая психология и соответству-

ющая практическая деятельность (вспомним хотя бы постыдно холуйствовавшего перед своими зарубежными партнерами ельцинского министра иностранных дел России Козырева) неизбежно имели свою обратную сторону — оголтелый, агрессивный национализм, по существу, противоположный подлинному патриотизму. Более того, антипатриотизм в 90-е годы стал прямо-таки фирменным знаком ельцинской власти. Патриотизм и патриотов обливали грязью на каждом шагу и делали все возможное для того, чтобы сами эти понятия были полностью дискредитированы, особенно в глазах молодого поколения. Подонки при власти пытались стереть из памяти народа даже самые святы для него события и даты, вплоть до Дня Победы в Великой Отечественной войне. В значительной степени все это и вызвало реакцию — уродливую, конечно, — в виде появления националистических настроений и экстремистских организаций.

Грани между такими понятиями, как «национализм» и «шовинизм», с одной стороны, и «патриотизм» — с другой, не всегда отчетливы в сознании человека, тем более молодого. Поэтому приведу характеристику понятия «патриотизм», сложившуюся в литературе за последние годы.

Патриотизм — это высоконравственное свойство личности: сугубо положительное отношение к своим согражданам, своей стране, ее исторически сложившимся ценностям. Это гордость за свой народ, за свою страну, боль, огорчение за их неудачи — то есть глубокое осознание человеком своего гражданского долга, своей собственной ответственности за судьбы родины.

Что такое всенародный патриотизм на деле, убедительнее всего показала Великая Отечественная война. Могли бы непатриотически настроенные люди перенести страшные потери, пережить тяжелейшие лишения и тяготы жизни и победить? Нет!

В последние годы положение в стране в этом отношении меняется к лучшему. Стали чтить ветеранов войны и тыла, уважительнее относиться к своей непростой Истории. Ну и, как всегда в таких случаях, в патриотическое движение стали приходить те, кто еще вчера топтал нашу историю и Великую Победу. Но уж поистине — Бог им судья.

И еще об одном понятии, в какой-то мере соприкасающемся с теми, о которых шла речь, — о так называемых общечеловеческих ценностях. В 1987 году Горбачев ввел в идеологический арсенал эту доктрину, чтобы несколько «разбавить» традиционные партийные идеологические постулаты. Вначале это понятие предназначалось для «внешнего употребления», поскольку включало в себя идеи поддержания мира, разоружения, предотвращения экологических катастроф.

Затем в число «общечеловеческих ценностей» стали входить принципы правового государства, основные элементы западной демократии. Тогда-то, можно считать, и произошел поворот главы партии и государства в сторону «западных ценностей». Это сказывалось практически во всем — во внешней политике, в идеологии, экономике и т.д. Такая перемена во взглядах Генсека была встречена в руководстве страны и на региональном уровне неоднозначно. «Архитектор» перестройки А. Яковлев — идеолог этого поворота Горбачева — всячески пропагандировал, особенно за рубежом, кардинальную смену «вех». Большая же часть партийно-хозяйственного актива встретила ее весьма настроенно.

Почему? Ведь общечеловеческие ценности действительно есть, в мире существуют определенные универсальные правила поведения человека. Они прописаны, например, и в Библии в виде известных 10 заповедей, а в наше время, в очень близком к ним варианте, были воспроизведены в Программе КПСС в виде Морального кодекса строителя коммунизма. Дело, однако, в том, что горбачевские «общечеловеческие ценности» означали не столько общепринятые нормы поведения отдельного человека, сколько безоговорочное принятие западной модели общественного устройства, вытесняющей традиционные российские и тем более советские принципы и традиции.

Вместо присущего нам коллективизма в жизни страны стал утверждаться индивидуализм; общественная собственность на средства производства заменена частной; народ разделен на две враждебные друг другу части — богачей, присвоивших себе основные богатства, и обнищавшую большую часть населения; великая отечественная культура вытесняется дешевыми западными подделками, рассчитанными на примитивный вкус людей, высшим идеалом которых был и остается чистоган, и т.д., и т.п. Вот то, к чему привели нас за последние полтора десятка лет и что называется возвращением в лоно «мировой цивилизации». Но начался-то процесс еще при Горбачеве, и теперь наша страна, бывшая для многих в мире духовным лидером, оказалась в положении отставшего ученика.

Бездумноодностороннее, механическое перенесение на российскую почву «общечеловеческих ценностей», безусловно, выгодно для осуществления мировой глобализации под эгидой США. При этом национальные ценности народа и суверенитет государства уходят на второй план со всеми вытекающими отсюда политическими, социально-экономическими и культурными последствиями.

Наша трагедия в том, что мы потеряли «советские ценности», не

взяли с собой в новое время из прошлого всего положительного, что было в нем. Вместо этого в обществе насаждаются чуждые нам догмы, не поддерживаемые большей частью народа. В стране нет объединяющей идеи — есть разъединяющие, чужие идеи и ценности.

В этой части главы я попытался обозначить те основные сферы жизни и протекавшие в них процессы, которые в своей совокупности и взаимодействии подготовили почву для осуществления антисоветской, антисоциалистической, пышно названной «демократической» революции. И все же из всех факторов и условий я особенно выделяю, как самую зловещую и разрушительную силу, национализм. В разных формах и с разной степенью агрессивности он действует в ряде стран СНГ и сейчас, и именно рассмотрению истории его искусственного, можно сказать, пробуждения и использования ради уничтожения СССР и посвящен ряд глав этой книги.

6. МИР ПОСЛЕ РАЗРУШЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ДЕРЖАВЫ

Действия Горбачева в период «перестройки» во многом напоминали хрущевское правление: такая же непоследовательность, отсутствие стратегической линии преобразований, поспешность, непродуманность и импровизация практически во всех делах. Скульптор Э. Неизвестный талантливо выразил действия и характер Никиты Сергеевича в надгробном памятнике, четко разделив его (из белого и черного мрамора) на две части, подчеркнув тем самым противоречивость мыслей и действий этого человека.

Действительно, с одной стороны, он смягчил контроль за творчеством деятелей культуры, а с другой — разгромил выставку скульптур в Манеже, в том числе и работы Э. Неизвестного. Разрешил печатать антисталинские произведения — и нанес большой урон Русской православной церкви, обрушил мощный удар на Советскую Армию.

С учетом такой непоследовательности возникает вопрос, какой же была эта «оттепель»: теплой погодой, сопровождавшейся таянием снега, или «слякотью» — жидкой грязью, мокрелью, туманом? Ответ, на мой взгляд, будет таким же неоднозначным: все зависит от того, с каких позиций смотреть на это явление.

Горбачев в начале своей деятельности на высоком государственном посту уважительно относился к военным. Взойдя на «престол», он понимал, что на протяжении всей истории России армия всегда была уважаемой частью общества. Но вскоре и он начал наступле-

ние на армию, вплоть до подключения «аналитиков», которые убеждали народ, что живется ему плохо, потому что много денег уходит на армию.

В этом Горбачеву активно помогал его подручный — министр иностранных дел Э. Шеварднадзе, оставивший, как известно, зловещий след в истории СССР. Этот деятель, между прочим, заявил, что военные расходы нашей страны составляют 19 процентов от национального дохода. Впоследствии Горбачев взял и округлил эту цифру до 20 процентов, хотя оба прекрасно знали, что удельный вес «оборонки» у нас никогда не поднимался более чем на 12 процентов. Так что в этом отношении Горбачев четко повторял действия Хрущева по подрыву авторитета Советской Армии.

Вот таким образом, целеустремленно и настойчиво, шаг за шагом в годы правления Горбачева сдавались военно-политические и оборонные позиции государства. Читатель может спросить: а где же были остальные члены руководства страны? В качестве ответа отошлю их в нынешнее время. Знают ли министры Правительства Российской Федерации о внешнеполитических переговорах и решениях президента? Безусловно, нет. Так было и в СССР: министры обороны, иностранных дел, Председатель КГБ формально входили в состав правительства, а на самом деле полностью «замыкались» на Генсека — Президента СССР.

С 1945 года, в послевоенный период, в мире сложилась двухполярная геополитическая система: с одной стороны — Советский Союз и с другой — Соединенные Штаты Америки. Эта система создавала серьезные предпосылки для сохранения мира от всеобщего вооруженного конфликта, несмотря на так называемую холодную войну. Благодаря примерно равному соотношению военной мощи двух ведущих мировых держав держалось относительное геополитическое равновесие, позволявшее в конечном итоге находить политические решения возникавших проблем. Так было во Вьетнаме, Афганистане и во многих других случаях.

Разрушение Советского Союза в 1991 году устранило все сдерживающие факторы агрессивности Запада, и в первую очередь США. Двухполярный мир рухнул. Создание же многополярного, о котором так много говорили после разрушения СССР политические деятели некоторых государств, осталось благим пожеланием, так как для оставшейся в одиночестве сверхдержавы — США такая раскладка политических сил была совершенно не приемлема. Они же десятилетиями мечтали о своей лидирующей роли в мире — и наконец-то добились своего, теперь руки у них развязаны.

Результаты не заставили себя долго ждать. Первый удар был нанесен дружественной нам стране — Югославии. В течение десяти лет единое, признанное во всем мире государство было расчленено на шесть частей, и сейчас на очереди седьмое «суверенное» государство — Косово.

Как и следовало ожидать, США нашли предлог, чтобы ввести свои и союзные войска в Афганистан, из которого во второй половине 80-х годов так настойчиво требовали вывода советских Вооруженных сил.

Затем сколотили, не посчитавшись даже с ООН, коалицию для вторжения и оккупации Ирака и установили там «демократический» образ жизни и управления. В результате в этой стране льются реки крови. На очереди Ливан, Иран, Северная Корея и другие суверенные государства, которые в той или иной мере не подходят под американский стандарт.

Сегодня, по существу, происходит то же, что свершилось в Европе в 1938 году, когда лидеры Великобритании и Франции подписали Мюнхенское соглашение, а точнее — сговор с Гитлером и Муссолини. Этим актом Запад включил зеленый свет фашистской Германии для порабощения ею европейских стран и развязывания войны с Советским Союзом. Ныне Западная Европа своей поддержкой агрессивной политики США собственными руками расчищает ей путь к мировому господству.

С этой целью миру навязывается представление о том, что существует якобы лишь одна цивилизация — американско-западноевропейская, являющаяся наследницей всех великих древних цивилизаций (не только европейских — греческой и римской, но и восточных — китайской, индийской и др.), что западная — «атлантическая», как ее еще называют, — система ценностей является единственной подлинно гуманной и демократической.

Но авторы теории единственной «атлантической» цивилизации просто поражают своим цинизмом. В этой основной и «бесспорной», по их мнению, цивилизации совершенно нет места для Китая, Ирана, Индии, России и других стран. Приверженность многих западных политиков этой теории нисколько не поколебали даже те мощные научные, культурные и экономические рывки, которые продемонстрировали Япония и Китай, а сегодня демонстрируют Индия и страны Индокитая. Такое явное нежелание видеть реальность весьма опасно для мира.

Между тем в мире нет единой, единообразной цивилизации, что, кстати, первым, еще в 1868 году, вполне убедительно доказал наш великий соотечественник Николай Данилевский. В мире было и есть,

считал он, несколько культурно-исторических типов великих цивилизаций, каждая из которых развивалась или развивается, в основном, независимо от других, сохраняя и даже оберегая свои особенности. Именно существование различных культурно-исторических типов, или цивилизаций, является одним из важных условий развития мира, его взаимного обогащения.

Общечеловеческая цивилизация может быть только многоцветием, «симфонией» цивилизаций разных народов.

Проблема цивилизаций тесно связана с пониманием характера исторического процесса. Сейчас на Западе формально признают глобальный характер истории XX века. Однако подспудно при этом внедряется мысль о том, что история творится прежде всего в крупнейших странах Запада. Даже величайшая трагедия — развал Советского Союза подается как якобы проявление неудержимого стремления советского общества к «западным ценностям». Но еще полвека назад здравомыслящие ученые предупреждали, что абсолютизация содержания и роли западной либеральной демократии близорука и бесперспективна. Показательно, что современные зарубежные мыслители видят главный конфликт сегодняшнего мира в противостоянии между приверженцами американско-западноевропейской, «атлантической» цивилизации и остальным человечеством.

Запад пытается дать принципиально новое философское обоснование своему экспансионизму, стереть грань между такими фундаментальными категориями, как война и мир. В частности, для этого вводятся в обиход новые термины, например, «операция, не достигающая масштабов войны», или опасно расширяется толкование понятия «миротворчество», основным элементом которого теперь становится «принуждение к миру». Все это психологически лишь увеличивает вероятность войны, ибо снижает порог применения силы.

В современном, быстро меняющемся мире Россия со всеми ее сложностями и проблемами тем не менее активно утверждает на достойном нашей великой истории месте. Но этот процесс возрождения, к сожалению, таит в себе и определенную опасность — опасность растерять некоторые драгоценные черты своего менталитета, своего образа жизни, своей самобытной цивилизации.

Россия — это великая евразийская цивилизация, сложившаяся на основе многовекового сотрудничества славянских, тюркских и других многочисленных народов. Уникально ее геополитическое положение, она является сухопутным коридором между Европой и Азией.

Огромные просторы России, духовно-культурные и природно-климатическое разнообразие, длительное взаимодействие различных

национальностей и религий требовали от общества, с одной стороны, перспективного мышления, умения бороться с надвигавшимися опасностями, и с другой — объединения народов, всех сил для решения государственных проблем. Отсюда склонность как к человеколюбию, так и к лидерству, мессианству в духовной и культурной жизни. Эти качества национального самосознания не привнесены извне, а исторически обусловлены. Они органически включают в себя чувства патриотизма, государственности, державности, без чего невозможны были выживание огромной страны, сохранение общности народа.

В российской цивилизации прочно утвердились приоритеты духовного над материальным, нравственного над меркантильным. Не безудержное обогащение небольшой группы людей, а благополучие всего населения должно быть целью общественного развития. В этом и состояло отличие православной морали от идейных устоев других конфессий. Психология протестантов, где каждый сам за себя, возможно, и соответствует потребностям западного общества, где материальное явно довлеет над духовным. Но то, что в результате Запад погряз в бездуховности, — это его адепты признают сами.

Одной из важнейших основ русской цивилизации является православие. Именно оно как державообразующая идея способствовало консолидации разрозненных сил российского общества много столетий назад, становлению нашей государственности. Идеинный конфликт между католической и православной ветвями христианства, уходящий корнями в далекую историю, определял суть борьбы между Востоком и Западом. Противостояние католицизму и протестантизму было одной из форм сдерживания западной идейной экспансии, за которой стояли прежде всего территориальные интересы. Далее в этой книге будет рассказано о конфессиональной борьбе в Прибалтике и Украине со всеми вытекающими последствиями.

Наше государство, проводя в жизнь те или иные политические решения, всегда должно учитывать умяоастроения собственного народа, его глубинные духовные истоки. Православие является национальной религией русского народа, наиболее полно отвечающей его мироозерпанию.

Вместе с тем в такой многонациональной стране, как Россия, от государства требуется, несмотря на то что церковь отделена от него, не меньше внимания и уважения и ко всем другим конфессиям. Ведь определенная часть населения исповедует ислам, буддизм, иудаизм. Но, относясь с уважением к этим традиционным для нашей страны религиям, в этой главе я хотел бы сказать именно о православии.

Сегодня все чаще можно слышать утверждение о том, что православие как система ценностей не соответствует рыночной экономике. Идет скрытая атака на него через настоящий крестовый поход западных миссионеров, через широкую экспансию различных религиозных сект и культов. По сути, речь идет о попытках изменить облик всего нашего общества. В результате этой страшной операции на месте исторической России должно быть сконструировано государство — возможно, с тем же названием, но с полностью деформированной психологией народа, в котором не будет места его традиционным ценностям.

В уничтожении российской цивилизации одну из ведущих ролей играло искоренение нашей самобытной, с вековыми традициями, многонациональной отечественной культуры. США, например, этих целей и не скрывают. Россия в последние годы, по существу, стала объектом информационно-культурной агрессии Штатов, направленной на разрушение российских духовных ценностей и общественной морали. Значительная часть творческой интеллигенции, проклиная советскую цензуру, используя гласность — кто слепо, а кто и сознательно, — прямо-таки стала ярой поклонницей западной, и особенно американской, культуры.

Как результат этого наступления, проходящего при поддержке отечественных «властителей дум», американцы через своих ставленников в нашей стране фактически определяют политику российского телевидения как наиболее массового средства информационного воздействия на население. Идут размывание традиционных ценностей, навязывание народу принципов и стиля «американского образа жизни». Попытки здравомыслящих людей и общественных деятелей противодействовать этому встречаются ожесточенным сопротивлением реальных хозяев российского телевидения.

Исполнительная и законодательная власть практически мирится с таким положением. Более того, отечественная культура нынче в целом отброшена в зону темных, суеверных, антинаучных взглядов. Поток мракобесия, который льется с телеэкранов, со страниц «желтой» прессы, настолько густ, что в нем просто тонут крупницы здравого смысла, порядочности и нравственности.

После Второй мировой войны рубеж между цивилизациями вернулся на свое исторически естественное место, обозначив западную границу расселения родственных нам славянских народов Польши, Чехии, Словакии, Югославии и Болгарии. Способствуя разрушению Советского Союза, Запад ставил своей задачей сдвинуть цивилизационный водораздел Европы на восток. Однако архитекторы «нового ми-

рового порядка» не собираются на этом останавливаться. Речь идет об очередной попытке ликвидировать самобытную российскую, и прежде всего русскую, цивилизацию как давнего стратегического соперника западного мира.

И, к сожалению, это произошло. Практически все славянские народы, растерявшиеся после разрушения Советского Союза, попали в жесткую зависимость от Запада, оказались привязанными к нему через НАТО и другие политические, экономические и военные механизмы. Исключением стала Югославия. И главная причина, по которой она была избрана объектом агрессии и разрушения, именно в том, что она осмелилась сохранить свою политическую независимость, а с ней — и свою самобытность в широком смысле этого слова.

Все, что происходило в Югославии, косвенно подтверждает предположение о том, что разлом цивилизаций будет происходить прежде всего по линии Запад—Россия. Сегодня стало ясно, что западная цивилизация, несмотря на все усилия извне и внутри нашей страны, пока не смогла поглотить и ассимилировать русскую, российскую цивилизацию. История показывает, что, воспринимая западные технологические и культурные достижения, наша страна никогда не вливалась в западноевропейскую цивилизацию, а, наоборот, обретала новые возможности для проявления своей яркой самобытности.

Резкий рывок России в сторону Запада в 90-е годы свидетельствует о том, что не критическое отношение к западным идейным ценностям, их механическая пересадка на русскую почву без учета культурной индивидуальности России могут привести к разрушению отечественной цивилизации, а не к ее совершенствованию. Тем более что западная цивилизация, как выясняется, вообще не жаждет принять Россию в свои объятия.

По мнению некоторых ученых, близких к Ельцину, большевики прервали процесс европеизации нашей цивилизации, не дали возможности радикально изменить ее. Правда, эти ученые хотя бы говорят о российской цивилизации, другие же начисто отвергают даже само ее понятие.

И все-таки будущее человечества заключается не в противостоянии цивилизаций, а в их диалоге. Деятельность Организации Объединенных Наций, обеспечившая сохранение мира во второй половине XX века, во многом определяется именно идеей межкультурного обмена. Как известно, инициатором создания ООН был великий американский президент Франклин Рузвельт. То, что делает американское руководство сейчас, это прямой отказ от идеалов знаменитого предшественника, попытка совершить стратегический по-

ворот от диалога цивилизаций к их унификации на базе западных ценностей.

К сожалению, последнее десятилетие прошлого века (после развала СССР) подорвало доверие к некоторым международным организациям, задача которых заключается в сохранении мира на земле. Сегодня, в начале третьего тысячелетия, мы сталкиваемся с глубочайшим кризисом мировой системы коллективной безопасности.

Бесцеремонное движение НАТО на восток, присвоенная им роль вершителя судеб народов и государств, практический выход членов этого военно-политического блока из-под контроля ООН и катастрофическая потеря последней своего авторитета дают основания для вывода, что эти международные организации в нынешнем своем виде не смогут больше объективно решать мировые проблемы. Все они попали под контроль США и в большей или меньшей степени являются их орудием. Они уже не в состоянии быть гарантами мира. Надо полагать, что перед угрозой новых мировых потрясений человечество найдет эффективные пути принципиальной модернизации механизмов сохранения стабильности в мире.

И тем не менее комплекс накапливающихся глобальных цивилизационных проблем будет основной угрозой безопасности нашему миру в XXI веке. Их решение будет, на мой взгляд, самой сложной задачей человечества в наступающем веке.

«Я думаю, — считает ректор МГУ, академик РАН В.А. Садовничий, — что главная линия, по которой можно спасти людей, это признание факта разных цивилизаций и налаживание диалога между ними. Всплеском человеческой злобы ничего не решить. Надо исходить из того, что наш мир очень разнообразен, это сложная система, и потому необходимо делать ставку на взаимную деятельность. Уверен — величайшие империи прошлого ушли в небытие тогда, когда терялся этот диалог, когда кончалось взаимопроникновение культур. Сейчас, как никогда, нужна толерантность. Надо найти те нити, те струны, по которым, несмотря на все сложности, попытаться выработать решения для распутывания столь закрученного клубка проблем. Научиться вести диалог между разными людьми, разными цивилизациями, представителями разных религиозных конфессий — вот задача дня».

Говоря о противостоянии цивилизаций и необходимости диалога между ними, следует, по моему мнению, учитывать, что во многом успех будет зависеть от решения внутрироссийских проблем. Споры об историческом месте России у нас не только не утихают, но даже обостряются. Общество в этом отношении разделилось на две неравные части.

Большая часть, состоящая из патриотично настроенных людей, считает, что Россия должна всегда быть хозяйкой своей судьбы. Самое главное при этом — сохранить верность отечественным традициям и нормам. В нашей стране, как и прежде, нужно различать добро и зло, красоту и уродство, преступников и праведников.

Конечно, нынешнее руководство не проповедует какого-то особого русского, российского пути, а стремится, чтобы и у нас были хорошие дома, дороги, приемлемый уровень жизни, но в то же время оно не потерпит и «внешнего управления». Такую систему взглядов недавно выразил заместитель главы администрации президента страны в своем на шумевшем интервью одной иностранной газете. Он ввел понятие «суверенной демократии», которая, признавая общепринятые ее основы, вместе с тем морально, политически и организационно отвергает всякие посягательства на нашу традиционную государственную независимость. На мой взгляд, новое понятие является реакцией на насильственное насаждение демократии американского образца в Югославии, Ираке, Афганистане.

Другое крыло состоит из западников, так называемых либералов. Они являются принципиальными идейными противниками русской и шире — российской национальной самобытности. Они за Россию, где не останется ничего традиционного, ничего русского, кроме языка, который пополняется — к тому же не без их помощи — новомодными словами и словечками, главным образом англо-американского происхождения, употребляющимися к месту и не к месту. Некоторые же «инженеры человеческих душ» в своих опусах считают возможным пересыпать текст нецензурной бранью и другой ненормативной лексикой, которая в любом цивилизованном обществе недопустима.

Главная задача российских либералов состоит в том, чтобы выкорчевать из сознания граждан нашей страны остатки национальной самоидентификации, чтобы Россия уже никогда не была самой собой. Отчизна для них, видите ли, — это «империя» и уже поэтому не имеет права на существование.

Для таких деятелей, а скорее — словоблудов любовь к Отечеству и патриотизм есть признак духовного убожества, дорога к национализму и антисемитизму. На самом деле они сеют вражду между народами нашей страны, и здесь явно прослеживается агрессивная русофобия. Следуя их «логике», невозможно объяснить, почему русским запрещено делать то, что присуще всем народам: любить свою страну, сохранять свои традиции, свою национальную самобытность.

Естественно, что понятие «суверенная демократия» западниками встречается в штыки. Оно и понятно, ведь тогда надо подвергнуть кри-

тике их друзей — в первую очередь Соединенные Штаты Америки. Но такая позиция привела бы к разрушению всей их идеологической основы, к необходимости признать ошибочность их взглядов и пагубность того экономического курса, который они вместе с Ельциным избрали 15 лет тому назад. Поэтому постепенный поворот российского руководства в сторону защиты наших национальных интересов по-прежнему будет встречать сопротивление не только многих западных стран, но еще более яростное — их прихлебателей внутри страны. Россия не нужна им самостоятельной и сильной. Они хотят видеть ее слабой и нищей.

Два десятилетия мы живем в вихре социальных потрясений. За эти годы не стало нашего единого Союза, изменился общественный строй. Страна перестала быть великой, занимавшей особое положение в мире, превратившись просто в большое региональное государство.

Изменилась духовная жизнь народа, люди все больше и больше становятся другими, отходя от национальных вековых традиций и отечественной корневой культуры. Изменился за эти годы и уклад жизни — мы на глазах теряем лучшие черты присущего нам своеобразия.

Происшедшие перемены осуществлялись с помощью жестких и откровенно античеловеческих мер теми, кто стоял у истоков разрушения существовавшего образа жизни советского народа. К сожалению, немалая часть людей поверили их сладким речам, не вняли известному библейскому предостережению:

«Он сказал ученикам Своим:

“Остерегайтесь книжников, которые любят ходить в длинных одеждах и любят приветствия в народных собраниях, председания в синагогах и предвозлежания на пиршествах” (Еванг. от Луки. Глава 20, стих 46).

На этом примере мы видим, что есть преступления, для которых нет и не может быть прощения за истечением срока давности. Народ, конечно, суверенен и неподсуден. Он может лишь сам морально осудить себя за свои ошибки, вольные или невольные. Другое дело — конкретные люди. Вот о них, убийцах нашего Отечества, каждый его гражданин, каждый патриот своей Родины может сказать: «Да свершится над ними в конце концов суд не только земной, но и Небесный!»

И это будет высшим актом справедливости.

«И когда пришли на место, называемое Лобное, там распяли Его и злодеев, одного по правую, а другого по левую сторону.

Иисус же говорил: “Отче! прости им, ибо не знают, что делают”. И делили одежды Его, бросая жребий.

И стоял народ и смотрел» (Еванг. от Луки. Глава 23, стих 34, 35, 36).

Но наши знали, что делают. Поэтому пусть их судит не только земной суд, но и Господь в мире ином.

* * *

В предлагаемой книге делается попытка осмыслить причины обрушившихся на нашу страну невзгод. И я буду весьма удовлетворен, если читатель найдет в ней ответ хотя бы на некоторые волнующие его вопросы нашего смутного времени.

Глава вторая

АЛМА-АТА.

Декабрь 1986-го

1. ПЕРВЫЕ ЖЕРТВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

16 декабря 1986 года в Алма-Ате состоялся рекордно короткий Пленум ЦК Компартии Казахстана. За 18 минут собравшиеся единодушно освободили от должности первого секретаря ЦК КП республики Динмухамеда Ахмедовича Кунаева, руководившего Казахстаном в течение почти трех десятилетий. Столь же единодушно избрали на его место рекомендованного Центральным комитетом КПСС лидера Ульяновской партийной организации Геннадия Васильевича Колбина...

Шел двадцатый месяц провозглашенной М.С. Горбачевым перестройки. Она сопровождалась значительными кадровыми изменениями: многие из старых руководителей, долгие годы работавшие, еще при Л.И. Брежнев, должны были уступить свои позиции новым, более восприимчивым к свежим идеям и формам деятельности.

Строго говоря, заметная смена кадров началась еще при Ю.В. Андропове, более интенсивно продолжалась при К.У. Черненко и в решающую фазу вступила при М. Горбачеве. Достаточно сказать, что, начиная с 1983 года, в течение нескольких лет были заменены около 90 процентов секретарей обкомов и ЦК компартий союзных республик. Ротация секретарей горкомов и райкомов партии во второй половине 80-х годов привела к двух-трехкратному обновлению этого слоя партийных работников.

Первый этап замены кадров, догорбачевский, расчистил ему дорогу во власть. Было совершенно очевидно, что в окружении брежнев-

ских кадров Горбачеву трудно будет ожидать кресла Генерального секретаря ЦК КПСС. Второй этап — это подбор кадров для осуществления грядущих преобразований — перестройки.

Характерно, что именно с приходом Горбачева на высший в стране пост — Генерального секретаря ЦК КПСС — началась «чистка» прежде всего верхнего эшелона партийной иерархии.

Уже в июле 1985 года на Пленуме ЦК партии был освобожден от обязанностей секретаря ЦК и члена Политбюро и отправлен на пенсию Г. Романов. Его место в Секретариате ЦК с тем же кругом обязанностей — курирование военно-промышленного комплекса — занял лидер ленинградской парторганизации Л. Зайков.

Прошло еще немного времени, и в декабре того же года руководитель столичной партийной организации В. Гришин был отправлен на пенсию, а его пост достался Б. Ельцину, до этого недолго проработавшему в должности заведующего Отделом строительства ЦК, а затем и секретаря ЦК КПСС.

Кстати, как ни парадоксально, но первую скрипку здесь сыграл Е. Лигачев. Именно он добился появления в Москве своего будущего злейшего и непримиримого врага. Став секретарем ЦК и занимаясь партийными кадрами, Егор Кузьмич посетил Свердловск. Ему очень понравился энергичный первый секретарь обкома КПСС, и по приезду он настойчиво, со свойственной ему напористостью начал доказывать, что именно такой тип руководителей необходим для перестройки. Безусловно, Лигачев в первую очередь убедил в этом Черненко и Горбачева. Со мной да и с другими секретарями ЦК по этому поводу никто не советовался. Я часто задаю себе вопрос: почему так произошло, почему именно Лигачев стал инициатором перевода Ельцина в Москву, вывел его на всесоюзную орбиту? Думаю, потому, что в их характерах много общих черт. Однако подобно одноименным зарядам, они рано или поздно обязаны были оттолкнуться друг от друга. Так и произошло.

В состав Политбюро ЦК входили два руководителя компартий союзных республик — Казахстана и Украины, Д. Кунаев и В. Щербицкий. Они были весьма авторитетными личностями в партии, не только входили в «ядро» Брежнева, но и являлись его личными друзьями. Кстати, так получилось, что на заседании Политбюро ЦК по случаю кончины Черненко ни Кунаева, ни Щербицкого не было: Кунаев не успел прилететь из Алма-Аты, а Щербицкий — из Америки. Их отсутствие вежливо учли: назначили повторное заседание ПБ — перед Пленумом, который состоялся на следующий день, в понедельник, 22 марта. К слову сказать, Щербицкий и на него не успел. В последующие годы по этому поводу немало было написано. Не думаю, что все было сделано

преднамеренно. В той обстановке даже возражение Щербицкого, если бы оно прозвучало, не могло изменить положение.

Как было уже сказано, в состав Политбюро ЦК входил и руководитель Компартии Казахстана Кунаев. Динмухамед Ахмедович был известным политическим деятелем не только в своей республике, но и во всей стране.

Казах, он окончил Московский институт цветных металлов и золота, а затем был машинистом бурового станка, мастером и начальником цеха, главным инженером и директором Коупрадского рудника Балхашского медеплавильного комбината «Алтайполиметалл», директором Риддерского рудника и Лениногорского рудоуправления. Как талантливый организатор производства и грамотный специалист, он был назначен заместителем Председателя Совета народных комиссаров, Совета Министров Казахской ССР, а позднее — Председателем Совета Министров республики. Защитив диссертацию, он стал доктором технических наук, действительным членом республиканской Академии наук, а затем и ее президентом. Признанием его заслуг перед республикой и всей страной стали восемь орденов Ленина и звание Трижды Героя Социалистического Труда. Так что Казахстан он знал, как никто другой, и его знали в республике все, от мала до велика.

В 80-х годах я достаточно тесно общался с Д. Кунаевым. Работая в Госплане СССР, секретарем ЦК КПСС по экономике, Председателем Совета Министров СССР, часто встречался с ним, рассматривал многие экономические и социальные проблемы Казахстана. Динмухамед Ахмедович был умным и образованным человеком, в нем чувствовалась производственная, научная и политическая закалка. Бросались в глаза присущие ему спокойствие, выдержанность, простота и доступность в общении, что явно отличало его в лучшую сторону в сравнении с некоторыми другими членами высшего партийного руководства страны.

И вот этот уважаемый партийный и государственный деятель 14 декабря 1986 года прилетел в Москву. Как всегда, остановился в гостинице Казахского постпредства. Утром отправился в ЦК КПСС, где через считанные минуты узнал о том, что он — уже бывший первый секретарь республиканского ЦК Компартии, и о том, кто будет его преемником.

Д. Кунаев, как человек и трезвый политик, сам понимал, что ему пора уходить с этого поста. И годы приличные, и методы руководства уже иные, да и косой взгляд новой московской власти уверенности и оптимизма в работе и жизни также не прибавлял.

Позднее в одном из интервью он честно скажет: «Оправданий себе не ищу, решения принимал правильные и неправильные: были и ошиб-

ки, и удачи. Но знаю точно: нельзя много лет подряд быть “во главе”. Теряется чутье по отношению к себе. Делаешь неизбежные промахи, и более всего — в кадровой политике. Окружать себя надо не поклонниками, а умами, трансформирующими идеи».

В ЦК КПСС считали, что Кунаев — личный друг Брежнева (что вызывало у Горбачева и его ближайшего партийного окружения неприязнь к нему, хотя сами они тоже работали при Леониде Ильиче). По их мнению, руководитель Казахстана был человек «застойного» времени, создавший за долгие годы работы в республике руководящую касту с характерными для нее негативными проявлениями, исповедовавший принцип «не выносить сор из избы».

Разумеется, как это часто бывает, в его окружении действительно были люди и нечестные, замешанные в сомнительных делах. Ему и самому всячески пытались навязать обвинение в коррупции, однако из этого ничего не вышло. Он не был аскетом, но бескорыстие у него могли бы поучиться многие, и не только в Казахстане. При любых недостатках в работе Д. Кунаева принимавшие решение о его освобождении от занимаемого поста должны были учитывать, что он, сделавший немало хорошего и полезного для республики, пользовался в ней большой популярностью. А это означало, что в данном случае проводить намеченные кадровые изменения требовалось с повышенной деликатностью, о которой, судя по всему, руководство ЦК КПСС даже не подумало.

Хуже того, в Москве решили, что в сложившейся в республике обстановке возглавить ЦК Компартии Казахстана должен принципиальный и жесткий руководитель — против чего вряд ли могли возникнуть какие-либо возражения, — но почему-то обязательно русский. И выбор пал на Г. Колбина.

С Геннадием Васильевичем я был знаком давно и хорошо знал его трудовой путь. Начал он свою рабочую жизнь учеником модельщика на заводе в Нижнем Тагиле, втором по величине и значению городе на Среднем Урале, и дошел там до должности заместителя главного инженера и секретаря заводского партийного комитета, став затем секретарем райкома и Нижнетагильского горкома партии. В последующие годы был вторым секретарем Свердловского обкома КПСС, вторым секретарем ЦК Компартии Грузии, первым секретарем Ульяновского обкома КПСС, первым секретарем ЦК Компартии Казахстана. Завершил он свою трудовую деятельность, заслуженно отмеченную многими государственными наградами, в качестве председателя Комитета народного контроля СССР.

Наши жизненные пути во многом совпадали и пересекались. Связывали нас с Г. Колбиным «земляческая» дружба, примерно одина-

ковый возраст, работа в промышленности на Урале, когда постоянно встречались и официально, и по-дружески.

В то время, когда он был первым секретарем Нижнетагильского горкома КПСС, я работал главным инженером «Уралмашзавода». Наш завод тесно сотрудничал с мощнейшим Нижнетагильским металлургическим комбинатом, который был оснащен, в основном, уралмашевским оборудованием.

В этом же городе расположен завод «Уралвагонмаш». Его название отражает его профиль только частично. Он действительно производил в больших количествах вагоны для железных дорог страны. Вторая же часть завода занималась изготовлением танков. Так было и в Великую Отечественную войну, когда завод выпускал легендарные танки Т-34, так было и в послевоенный период. Во время войны «Уралмашзавод» поставлял, «Уралвагонмашу» танковые пушки и корпуса танков, а после войны — пушки для всех модификаций выпускаемых современных танков. Кстати, как ни прискорбно об этом говорить, Белый дом в 1993 году расстреливали из танков и пушек, изготовленных на «Уралвагонзаводе» и «Уралмаше».

В один и тот же период времени Г. Колбин был назначен вторым секретарем Свердловского обкома партии, а я — генеральным директором «Уралмашзавода». Как известно, тогда партийные органы осуществляли практически все функции жизни региона. Это касалось и промышленности, поэтому с Колбиным, который курировал промышленность, контакты у меня стали более тесными. Надо отдать ему должное, он не пас нас на коротком «поводке». В нем сказывалась производственная закалка. Это был принципиальный и жесткий руководитель, но понимающий все тонкости промышленно-заводской жизни, и за это заводчане уважали его.

Так получилось, что и Урал мы с Колбиным покинули практически одновременно, с разницей в один месяц. Он был избран вторым секретарем ЦК Компартии Грузии, а я — первым заместителем министра тяжелого и транспортного машиностроения. Но и после этого связь с ним не прерывалась. Колбин постоянно ставил перед нами вопросы по работе предприятий нашей отрасли в Грузии, вносил предложения по развитию машиностроения в республике.

Мы часто общались, когда я работал в Госплане СССР и секретарем ЦК КПСС, а он — в регионах страны и представлял в Центре их интересы. Так, Геннадий Васильевич прекрасно видел определенную однобокость экономического развития Грузии и стремился всячески способствовать всестороннему подъему республики. И ему много удалось сделать для этого. В Грузии он пользовался большим авторите-

том благодаря своему профессионализму, работоспособности, неумолимой энергии и демократизму в общении с людьми.

Невозможно забыть и о его деятельности в Ульяновске, в том числе о настойчивости в создании колоссального авиационного комплекса, который сейчас носит название «Авиастар». Это, пожалуй, самый мощный современный завод по производству уникальных самолетов. Вся страна работала на его сооружение. К сожалению, теперь он влачит жалкое существование. А до сих пор строящийся мост в Ульяновске через Волгу? Первый секретарь обкома партии не давал никому покоя с этим вопросом, и строительство моста началось только благодаря ему. И не вина Колбина, что до сих пор этот грандиозный объект, важный не только для области, но и для всей страны, так и не вошел в строй.

Ну, а затем был Казахстан... Почти два с половиной года спустя, когда на сессии Верховного Совета СССР рассматривалась кандидатура Колбина на пост председателя Комитета народного контроля СССР, Горбачев, напомнив о заслугах Геннадия Васильевича и объясняя принятое в свое время решение, говорил, что «он сделал много полезного. Именно это позволило, опираясь на его жизненный и партийный опыт и учитывая его политические и человеческие качества, рекомендовать Колбина на пост первого секретаря ЦК Компартии Казахстана».

Тем не менее, при утверждении в Верховном Совете СССР Колбина в должности председателя Народного контроля СССР были подняты вопросы декабря 1986 года. Полился поток лжи против Геннадия Васильевича, началось целенаправленное уничтожение его личности. Чего только не писали и не говорили тогда! Я не хочу цитировать эти разнузданные публикации. Невольно вспомнишь выражение из Евангелия: «Камни возопиют». Если перевести на современный язык, то евангельское изречение говорит о такой степени возмущения, что не только люди, но даже камни — если бы они были наделены даром речи — выразили бы свое негодование.

Заканчивая описание своего отношения к Г. Колбину, хочу сказать, что он был выразителем идей того времени, в котором воспитывался и жил. И здесь нет никакой его вины. Мы все воспитывались с верой в идеалы партии. Да, у нас были сомнения в некоторых ее действиях, но в стратегическом плане мы были ей верны. Геннадий Васильевич был продуктом своего времени, но именно такие, как он, взялись за осуществление коренных преобразований, которые впоследствии их же и сокрушили. В этом величие и трагедия людей того поколения.

Я считал и считаю — при всем уважении к личности Г. Колбина и его деятельности, — что это его назначение было явно не продуман-

ным шагом со стороны Горбачева, Лигачева и тогдашнего Политбюро. Мало того, что на высшую должность в национальную республику был вопреки существовавшей десятилетиями традиции назначен русский, но к этому прибавилось и то, что в Казахстане его фактически не знали. Колбин в отличие от Кунаева был известен и авторитетен лишь в тех регионах, где работал, хотя и являлся членом ЦК КПСС и депутатом Верховного Совета СССР. Но ведь до этого республика, как одна из самых крупных и мощных в составе Советского Союза, была представлена в Политбюро ЦК КПСС первым секретарем своей Компартии, что имело для нее не только морально-психологическое, но и весьма важное организационно-практическое значение. Естественно, что все эти обстоятельства не могли не вызвать негативных настроений в руководстве Казахстана.

И все же главная и очень серьезная ошибка Горбачева и его соратников в партийном руководстве состояла в другом: в новых условиях, ими же провозглашенных, они стали действовать с помощью полностью устаревших методов кадровой политики, которые теперь уже не могли не вызывать возмущения, тем более — в национальной республике.

В самом деле, Генеральный секретарь ЦК уже почти два года на всю страну и мир, можно сказать, трубил о перестройке и гласности, всячески поощрял плюрализм мнений и т.д. — и вместе с тем сам использовал прежние, сугубо бюрократические методы. Ведь ни с руководством республики, ни с активом ее партийной организации, ни тем более с народом никто не советовался.

Все узнали о новом лидере республики только на Пленуме ЦК КП Казахстана, когда секретарь ЦК КПСС Г. Разумовский объявил об отставке Д. Кунаева — разумеется, по «его личной просьбе» — и от имени руководства партии, ее Центрального комитета, рекомендовал на должность первого секретаря Компартии республики Г. Колбина. Конечно, следуя партийной дисциплине, участники, так сказать, автоматически проголосовали за предложенную кандидатуру, но упомянутые в начале главы 18 минут, ушедшие на эту процедуру, взорвали спокойствие в Казахстане и дали толчок к подобным событиям в дальнейшем и в других республиках СССР.

А развивались они в Алма-Ате неожиданно и стремительно. Напомню, Пленум состоялся 16 декабря 1986 года, а уже в 7—8 часов утра 17-го на площади перед зданием ЦК Компартии появились первые группы молодежи, в основном, студенты столичных вузов, человек двести—триста, с лозунгами, выражавшими их протест против решения Пленума ЦК, недовольство избранием Колбина.

В 11.30 демонстранты покинули площадь и направились на городские улицы. В 13.30 колонны молодежи возвратились на прежнее место, преодолев по дороге заграждения из грузовиков. Теперь численность демонстрантов составляла до пяти тысяч человек. На площади к этому времени собрались любопытствующие прохожие, не принимавшие участия в марше по городу. Вскоре появилось «подкрепление»: большая колонна молодежи вышла на площадь со стороны улицы Мира, а около шестисот человек — со стороны Казахского университета. Они скандировали: «Ауельбеков, Назарбаев!» Демонстранты держали плакаты: «Ленин и партия вместе!», «Мы — за Казахстан!». У многих возникла мысль, что это очередной митинг в поддержку перестройки, но другие плакаты — например, с вопросом: «Где Кунаев?» — опровергали такое предположение. Демонстранты требовали выхода к ним Кунаева, предъявляли претензии по поводу тяжелых условий жизни, трудностей с жильем, работой, ограниченностью сферы применения родного языка. Эти претензии и требования отражались в лозунгах на казахском и русском языках: «Ни одной нации — ни одной привилегии!», «Требуем уважения ленинских принципов национальной политики!», «Да здравствуют идеи Ленина!», «Каждой республике — свой вождь!». Люди были безоружны. Они несли портреты Ленина, пели народные песни. На этом этапе событий никаких выпадов против других народов, призывов к свержению государственного строя, хулиганских выходок не было.

Однако был отдан приказ блокировать площадь, никого не впускать и не выпускать. Подходящие к площади новые группы демонстрантов прорывали оцепление, возникали стычки. Находившиеся внутри оцепления помогали вновь прибывшим прорвать его, создавалась напряженная обстановка. Министр внутренних дел А. Власов отдал приказ о переброске в Алма-Ату спецчастей внутренних войск из восьми городов страны. На площадь прибыли воинские части. Экипировка — бронежилеты, каски, щиты, дубинки. В двух спецмашинах находились спецсредства — дымовые шапки, сигнальные ракеты, слезоточивый газ «Черемуха». С военными было отделение служебно-розыскных собак.

С 15 до 17 часов на трибуне находились члены Бюро ЦК КП Казахстана З. Камалиденов, М. Мендыбаев, С. Мукашев, Н. Назарбаев. Их призывы разойтись были встречены шумом, свистом. В трибуну полетели снежки, куски льда. Перед собравшимися выступил Председатель Президиума Верховного Совета республики С. Мукашев. Он объявил, что требования демонстрантов необоснованны, и призвал их разойтись.

Это не помогло: собравшиеся оскорбляли солдат и курсантов, охраняющих трибуну, срывали с них шапки. Милиция выхватывала из толпы активистов, их пытались отбить, началась свалка. Солдатам был отдан приказ отогнать толпу в глубь площади, но их забросали камнями, кирпичами, кусками штукатурки. Появились раненые.

Все это время с трибуны, сменяя друг друга, Камалиденов, Елиминов, Басаров призывали собравшихся разойтись, предупреждали о применении силы. Выступали также известные деятели культуры. Однако все это не помогало: толпа никого не слушала и настаивала на одном — убрать Колбина. Суть всех требований состояла в том, чтобы заменить назначенного на пост первого секретаря ЦК Компартии Казахстана русского на казаха. Раздавались призывы вернуть Кунаева, предлагали в руководство республики Назарбаева, Камалиденова.

Постепенно стычки митингующих с правоохранительными органами стали переходить в ожесточенные схватки. Затем собравшиеся на площади с громкими криками бросились на штурм здания ЦК, пытаясь опрокинуть шеренги солдат, милиции и пограничников. Завязалась драка. В ход пошли колья, арматура, камни. Солдаты были вынуждены применить ремни и дубинки. Разбушевавшиеся хулиганы подожгли несколько автомашин, разгромили витрины двух магазинов. Число погромщиков увеличивалось. Попытки усмирить толпу оказались безуспешными. Раненые появились с обеих сторон. Не обошлось и без жертв: зверски убили дружинника Савицкого — работника местного телевидения. А шестнадцатилетнего русского мальчика закололи ножом в автобусе довольно далеко от площади: он что-то дерзкое сказал кондуктору, и стоявший рядом вонзил ему нож в сердце. Через три дня скончался казах, раненный в драке на площади.

О происходивших в Алма-Ате событиях лучше всего говорят официальные донесения:

«21.00—22.00. Доставленные на площадь военные машины со спецсредствами были забросаны камнями, охрана разбежалась, спецсредства попали в руки людей, находившихся на площади.

В 22.00 начальник УВД города получил приказ применять для разгона демонстрантов пожарные машины, 20 машин двинулись на людей, поливая их из лафетных стволов. Толпа забросала машины камнями — 30 пожарных получили ранения.

В 23.30—24.00 проведена операция по разгону демонстрантов с применением малых саперных лопаток, дубинок и служебных собак. Оставшиеся на асфальте после проведения операции люди подобраны и увезены. Площадь очищена. Преследование убегающих с площади продолжалось на прилегающих улицах, в подъездах жилых домов, у общежития».

По указанию Горбачева из Москвы в Алма-Ату в срочном порядке вылетела группа руководителей КГБ, МВД, Прокуратуры СССР и т.д. Во главе группы стоял член Политбюро ЦК КПСС М. Соломенцев. В ее составе был и первый заместитель председателя КГБ Ф. Бобков, который вспоминал:

«К нашему прилету дебош на площади закончился. Мы лицеизредили его последствия. Столица Казахстана произвела удручающее впечатление, особенно центр — площадь Брежнева, где находилось здание ЦК Компартии Казахстана. На площади и прилегающих улицах видели несколько догорающих автомобилей, всюду валялись осколки стекла, булыжники, палки, железные прутья — следы происходившего здесь побоища. Едва вошли в здание ЦК партии, почувствовали, как напряжена здесь обстановка. Колбин, Назарбаев и другие руководители явно нервничали. По отдельным замечаниям Колбина стало ясно, что основную вину за все, что произошло, они возлагают на Председателя республиканского КГБ — Мирошника, не обратившего должного внимания на козни кунаевских ставленников, якобы организовавших эти провокационные выступления. Возникло даже подозрение, будто бы Мирошник сознательно утаил от Колбина информацию о готовящихся выступлениях студентов.

Все осуждали Кунаева, который отказался выступить на митинге и призвать собравшихся на площади поддержать избрание Колбина. Кроме того, все участники встречи сошлись во мнении, что выступление студентов организовано Кунаевым и его сторонниками. Соломенцев потребовал выявить организаторов массовых беспорядков».

Однако интервью Д. Кунаева, данное им через три года после этих событий, вносит ясность в вопрос, который в течение долгого времени усиленно запутывался некоторыми из их участников, чтобы как-то обелить себя:

«17 декабря около 11 часов утра мне позвонил второй секретарь ЦК КП Казахстана Мирошхин О.С. и просил приехать в ЦК. На мой вопрос: “Чем это вызвано? Ведь я же на пенсии!” — он ответил: “На площади собралась группа молодежи. Они требуют разъяснить решение прошедшего вчера Пленума ЦК. Было бы хорошо выступить вам перед собравшимися и разъяснить суть дела”. Выразив согласие, я спросил: “Согласен ли Колбин?” Мирошхин ответил утвердительно.

После этого я немедленно приехал в ЦК и зашел в кабинет первого секретаря ЦК, где были в сборе все члены Бюро. Они совещались, как поступить с собравшимися на площади. Колбин предложил Назарбаеву и Камалиденову выступить перед молодежью. Мне никаких поручений дано не было. О моем выступлении речь не шла, несмотря

на то что я просидел в кабинете Колбина свыше двух часов. Затем Колбин начал переговоры с Москвой, и, чтобы ему не мешать, я и другие, кроме Мирошхина, вышли из кабинета.

Через небольшой промежуток времени Колбин собрал всех членов Бюро и пригласил меня. Обращаясь ко мне, он сказал: "Вы свободны, отдыхайте. Мы сами примем меры и наведем порядок". Перед уходом я спросил у Мирошхина, почему меня вызывали и не дали возможности выступить. Он ответил: "Посоветовались и решили вас на площадь не выпускать, и вам выступать не надо". В июне 1987 года в Москве во время работы Пленума ЦК КПСС Мирошхин еще раз подтвердил, что мне не разрешили выступать на площади.

...Никто из руководителей республики не разъяснил молодежи суть решения Пленума. Вместо этого жестоко расправились с собравшимися. Пострадало множество студентов и рабочих. За участие в событиях или за их поддержку, по данным ЦК комсомола Казахстана, несколько тысяч студентов были исключены из вузов, многие вынуждены были бросить учебу. В отношении большой группы коммунистов были применены меры репрессивного характера.

...Одним из главных организаторов "алма-атинских событий" выставили меня, несмотря на то что я не имел к ним никакого отношения. Колбин указывал, что одной из основных причин развернувшихся событий был мой отказ выступить перед молодежью на площади. Не только это, но и все негативные явления, имевшие место в жизни партийной организации республики, начали связывать с моим именем, с моей деятельностью, забывая, что продолжительное время ЦК нашей партии доверял мне работу в крупных промышленных предприятиях, научных учреждениях, в партийных и советских органах. Я всегда стремился честно выполнять свой партийный и человеческий долг».

Во время этих событий с Кунаевым разговаривал Горбачев. В тот момент я находился в кабинете Генсека. Настроенный односторонней информацией из Алма-Аты, он довольно жестким тоном потребовал от Кунаева прекратить беспорядки, недвусмысленно заявив, что именно его считает виновным в них. Однако Кунаев категорически отверг обвинения в свой адрес, заявив, что не имеет никакого отношения к произошедшим событиям. Думаю, он говорил правду.

На следующий день, 18 декабря, на площади перед зданием ЦК людей почти не было, остались лишь немногочисленные любопытные. На улицах города собирались редкие группы молодежи, которые бросали камни в патрульные машины.

Основные беспорядки остались позади, но народ не успокаивался. Начались разговоры, что выступления прошли якобы под лозунгом не-

зависимости Казахстана, с требованием суверенитета республики, что это массовое публичное проявление возросшего национального самосознания. Полагаю, что в то время такие высказывания не имели под собой серьезной почвы. Тем не менее сам факт событий в Алма-Ате, какой бы ни была их подоплека, не мог пройти бесследно. Действительно, всего через несколько лет у нас были Карабах и Сумгаит, Фергана, Тбилиси и Баку, Прибалтика и Украина. И, наконец, разрушение Советского союза. «Закваска» была уже иной, нежели в Казахстане, куда более зловещей, ибо в большинстве случаев она включала в себя идеологию и практику главного врага единства страны, общества, народа — национализм.

2. СОЗДАНИЕ И РАЗРУШЕНИЕ ОБЩЕГО ДОМА

Чтобы попытаться разобраться — в следующих главах — во всем этом достаточно объективно, завершу начатый рассказ о событиях в Казахстане, предварив вытекающие из них выводы краткой историей взаимоотношений Казахстана с Россией.

Процесс формирования казахского этноса был длительным и сложным. В его состав вошли различные тюркоязычные и монголоязычные народности. История казахов как уже сформировавшегося народа насчитывает более 500 лет, со второй половины XV века. К тому времени сложилось несколько узлов этнической консолидации в виде трех казахских жузов (орд) — старшего, среднего и младшего.

Первой исторической формой казахской государственности были ханства (XV—XVII вв.). Раздоры между ханами из-за власти, пастбищных земель и по прочим поводам служили серьезными препятствиями для создания единого государства на территории Казахстана. Российские дипломаты умело использовали соперничество между этими правителями. В присоединении их территорий к России основную роль сыграли не столько военные действия, сколько дипломатические средства. Включение казахских жузов в состав России было длительным процессом — он продолжался почти сто лет, с 1730-го по 1824 год. В течение этого времени ханы всех трех жузов, один за другим, обращались к императорской власти с просьбой принять их в подданство России. Так что пребывание казахского населения в составе России продолжалось для одной его части около двух веков, для другой — около века.

Объединившись с Россией, казахи оградил себя от иноземных захватчиков и смогли сохранить себя как исторически сложившуюся об-

щность людей, как народ. Прекратились постоянно возникавшие войны между ханствами. Немаловажным фактором духовного прогресса казахского общества стала связь с культурой России. Положительные изменения произошли и в экономике, и в социальном развитии.

Вместе с тем часть казахской территории изъяли в государственный фонд, за счет которого выделялись наделы переселенцам из малоземельных районов Центральной России и Украины. Подавляющее большинство из них прибыли в Казахстан, гонимые именно безземельем и нуждой. Конечно, это ущемляло интересы коренного казахского населения. Но нельзя не учитывать, однако, и того, что переселенцы обживали бескрайние просторы, на заселение которых потребовалась бы не одна сотня лет, и несли в скотоводческий край культуру земледелия и оседлый образ жизни.

С этим движением на восток, на свободные земли связана и судьба моей семьи. Я — сын и внук шахтеров. Мой прадед был земледельцем и из-за безземелья в начале второй половины девятнадцатого века отправился со своей многочисленной семьей на вольные восточные земли. Не знаю уж, по какой причине они обосновались на постоянную жизнь в одной из казачьих станиц Войска Уральского.

Это был особый край Российской империи. Уральские казаки не признавали частной собственности на землю. Вся их территория находилась во владении общины. Владимир Короленко в своих известных очерках писал: «...вся земля эта не знает частной собственности, ни даже русских общинных переделов...»

Уральские (яицкие — до 1775 года) казаки — это сложный и противоречивый народ. Их особый характер во многом объясняется тем, что они в течение долгого времени жили в атмосфере постоянной угрозы извне.

Не все было гладко в их глубинных отношениях. К естественным экономическим вопросам примешивались и национальные: приезд — русские, украинцы, казахи — были инородным телом в казачьей среде. Для казаков все приехавшие из России были «русскими»...

Вот в таких противоречивых условиях жил мой прадед со своей семьей. Шли годы, и его дети (мой дед) женились на коренных казачках. Отсюда и пошел мой род — сплав русских из средней полосы исконной России и свободолюбивых казаков Войска Уральского.

Через много лет мой дед и моя бабушка-казачка в силу обстоятельств вернулись в Донбасс. Он стал сначала землепашцем, а затем — шахтером.

Русские, украинцы стремились жить по соседству друг с другом. В Казахстане немало русских названий сел и городов. В 1837 году было

построено казачье укрепление Верное. Это название было выбрано как символ стойкости и неизменной верности российскому подданству. До этого там было казахское поселение Алматы. В годы Советской власти название города было изменено на Алма-Ата.

Различные социальные и политические слои казахского общества далеко не одинаково оценивали сам факт и последствия нахождения Казахстана в составе России. Одни — его традиционная элита — нередко рассматривали ломку патриархального образа жизни, развитие товарно-денежных отношений как надругательство «над святым духом предков». Другие ориентировались на демократические силы России, способствовавшие развитию просветительских идей в казахском народе.

С установлением Советской власти в Казахстане начался новый этап государственного строительства. В августе 1920 года Президиум ВЦИК РСФСР принял постановление о создании Автономной Киргизской (первоначальное название — Казахской) Советской Социалистической Республики в составе ряда областей с казахским населением, а в 1924 году в результате национально-государственного размежевания Средней Азии были объединены все казахские земли в единое национальное советское государство, которое в апреле 1925 года изменило свое наименование на исторически правильное и стало называться Казахской республикой.

Численность казахов составила более 61 процента населения республики. Уже тогда вносилось предложение перевести Казахскую АССР в категорию союзной республики, но это преобразование состоялось только в 1936 году.

В 20-х годах прошлого столетия был проведен ряд мер, направленных на улучшение положения населения. Так, желающие заниматься земледелием были наделены пахотной землей, сенокосными угодьями. Возникли новые фабрики, даже целые отрасли промышленности. В то же время и эту часть страны не миновал политический экстремизм. Голощекин, известный тем, что в 1918 году был активным участником расстрела царской семьи на Урале, с 1925 года в течение 8 лет возглавлял Казахский крайком ВКП(б) и оставил кровавую память о себе и в республике. В результате ультрареволюционных действий по насильственной оседлости кочевников и полукочевников исчезла почти пятая часть ее населения.

С начала 30-х годов прошлого века началось интенсивное развитие экономики республики, ее промышленности, а затем и сельского хозяйства. Достаточно сказать, что в 1937 году в Казахстане работало уже 2 тысячи только крупных предприятий промышленности. Темпы роста численности промышленно-производственного персонала в

1940—1975 гг. были в 2,7 раза выше, чем в России. Конечно, на такие темпы повлияли и обстоятельства военного времени, но главная роль здесь принадлежала политике, проводившейся в СССР и предусматривавшей, в частности, всестороннее ускоренное развитие национальных республик. Это касалось прежде всего экономики, которая создавалась как с помощью общегосударственных средств, так и путем мобилизации местных ресурсов, в том числе полезных ископаемых. Последними Казахстан как раз очень богат. Известно, например, более четырехсот месторождений каменного угля, десятки — медных, железорудных, свинцово-цинковых, золото-медных, фосфоритных, нефти, газа и других. На этой многообразной сырьевой базе быстро развивались не только предприятия добывающей промышленности, но и металлургической, алюминиевой, химической и других отраслей. Казахстан производил более 50 наименований цветных, редких, благородных, редкоземельных и прочих металлов. К сожалению, менее развиты были металлообработка, тяжелое и тракторное машиностроение. Но этот недостаток в какой-то мере компенсировался обширными кооперационными связями с другими республиками, пока все они входили в единое государство.

В высоком экономическом потенциале Казахстана я, можно сказать, зримо убедился, когда в 1987 году посетил республику, где в Экибастузе ознакомился с ГРЭС-2, а затем осмотрел угольный разрез «Восточный». Оба объекта поражали своими гигантскими масштабами и, что еще важнее, высокой технической оснащенностью. В Усть-Каменогорске на меня произвел большое впечатление свинцово-цинковый комбинат. Трудно было даже представить себе, насколько высокотехничным могло быть производство таких крайне необходимых для народного хозяйства, но вредных в процессе их производства цветных металлов, как свинец и цинк. Привлек мое внимание и поселок хороших индивидуальных домов, который вырос на окраине города. По-видимому, это были первенцы настоящей индивидуальной застройки в крупных городах нашей страны.

Во время посещения Карагандинского металлургического комбината меня не покидало ощущение, будто я оказался на своем родном Уралмаше. Многие цеха были оснащены оборудованием, изготовленным на моем заводе в то время, когда я работал там главным инженером и генеральным директором. Да, это было наглядное воплощение высокоэффективного разделения труда и производственной кооперации в нашем общем огромном государстве.

Примерно одна пятая часть экономически активного населения Казахстана была занята в сельском хозяйстве. Здесь четко прослежи-

валась специализация животноводства. После освоения с помощью всех советских республик целины Казахстан стал одним из основных районов страны по производству зерна. Так, если в 1940 году там производилась каждая тридцать восьмая тонна зерна в СССР, то в 1986-м — уже каждая седьмая.

В общем, было очевидно, что Казахстан нуждается в ускоренном развитии обрабатывающей и перерабатывающей промышленности, но, увы, необходимого для такой серьезной структурной перестройки времени уже не оставалось...

Громадные изменения произошли и в духовном развитии Казахстана: практически ликвидирована сплошная неграмотность населения, сформирована научная, художественная, инженерно-техническая интеллигенция, создана широкая сеть высших учебных и научных учреждений. Именно в годы Советской власти республика стала цивилизованным, современным государством. Ее развитие в тот период было одним из ярких примеров высокой эффективности национальной политики, проводившейся в Союзе ССР.

Историю, однако, недопустимо ни чернить, ни идеализировать, тем более если рассматривать ее именно с позиций разработки и осуществления национальной политики, непосредственно воздействующей на крайне чувствительную, требующую особенно деликатного подхода систему отношений между людьми разной этнической принадлежности, между народами. На мой взгляд, нельзя сказать, что здесь все было в порядке и в теории, и на практике. И в том, и в другом отношении делу основательно вредило оставшееся с прошлых времен и так и не преодоленное стремление забежать вперед по сравнению с действительным положением вещей. Утверждалось, например, что национальный вопрос в нашей стране полностью решен, и на таком фоне изучение реальных процессов развития наций и их взаимоотношений очень часто подменялось просто лозунгами.

Ученые, некоторые представители художественной интеллигенции, а с ними и политики явно преждевременно делали акцент на слияние наций. Тех же, кто говорил о первостепенном значении всестороннего развития каждой нации, бережном отношении к ее традициям и обычаям, обвиняли в национализме. Отсюда и практические решения в области экономики, социального развития, культуры больших и малочисленных народов нашей страны на разных уровнях управления во многих случаях не учитывали всей сложности и всего богатства оттенков межнациональных отношений.

Нежелание отказаться от устаревших шаблонов, неумение думать шире, глубже, осторожнее в области национальной политики в мно-

гонациональной стране не могли не привести к крупным неприятностям и даже трагедиям не только в Казахстане, чему посвящена эта глава, но и в других республиках, не исключая России.

Последние полтора десятка лет показали, что и ныне национальный вопрос как внутри России, так и в межгосударственных отношениях на постсоветском пространстве имеет не меньшее значение, чем это было в СССР. Более того, сейчас эта проблематика (как, впрочем, и во всем мире) приобрела новые и порой самые мрачные черты и особенности. А ведь многое из свершившегося было очевидно заранее.

Напомню, еще в конце 1988 года Верховный Совет Эстонской ССР принял Декларацию о ее суверенитете. Но особенно опасным было то, что Декларация провозглашала верховенство законов Эстонии над законами Союза ССР. Казалось бы, это глупость: часть заявила о праве диктовать свою волю целому, — но дурные примеры заразительны, и в 1990 году такой тезис приобрел реальную разрушительную силу.

Дело в том, что именно в этом году по стране прошел, как его окрестили тогда же, «парад суверенитетов». О своей самостоятельности заявили не только союзные, но и автономные республики, края, округа и даже отдельные регионы, хотя последних образований до того не существовало и в природе. Самым сильным ударом по единству страны в ходе этой вакханалии явилась принятая 12 июня 1990 года Декларация Верховного Совета РСФСР о государственном суверенитете России, провозгласившая верховенство российских законов над союзными. Вот после этой акции разрушение Советского Союза действительно стало вопросом времени, ибо, по существу, это означало неизбежную ликвидацию общесоюзного центра власти и управления и тем самым создавало все условия для уничтожения единого государства.

Трезвые голоса, звучавшие с разных сторон, услышаны не были. Например, стремясь сохранить Союз ССР, парламентарии Казахстана призывали доморощенных «реформаторов» «проявить политическую мудрость, выдержку, демократичность, сделать все возможное, чтобы предотвратить грядущую катастрофу — развал нашего великого союзного государства». Их слова оказались пророческими, в том числе и по отношению к Казахстану: «Развал Союза неизменно повлечет за собой полный крах — крах экономики республики, резкое ухудшение жизни миллионов людей, отбросит всех нас вспять на целые десятилетия, нанесет непоправимый ущерб сотрудничеству со странами союзного сообщества. У нас нет иного пути, кроме обновления Союза на основе заключения Союзного договора между суверенными, равноправными республиками...»

1 декабря 1991 года состоялись всенародные выборы первого в истории Казахстана президента республики. Им стал Н.А. Назарбаев. О нем хотелось бы сказать несколько слов.

Особенно хорошо узнал я Нурсултана Абишевича в 80-е годы, когда он был Председателем Совета Министров Казахской ССР. По статусу он входил в состав Президиума Совета Министров СССР. Возглавляя тогда Правительство Советского Союза, я, естественно, имел с ним самые тесные контакты. Уже тогда у меня сложилось впечатление о нем как о человеке, который, несмотря на свою молодость для государственного деятеля, обладал большими способностями, аналитическим умом, твердым характером, целеустремленностью. Он, как правило, активно выступал на расширенных заседаниях правительства страны, которые проводились ежеквартально. Конечно, в первую очередь Назарбаев ставил вопросы, касающиеся развития Казахстана, но не ограничивался только этим: его кругозор, масштаб мышления были значительно шире. И нужно сказать, что дальнейшее развитие событий в республике, где затем он был первым секретарем ЦК республиканской Компартии, а также все, происходившее в нашем Союзе ССР и в СНГ, только укрепило мое мнение об этом крупном государственном деятеле, пользующемся авторитетом не только в Казахстане, но и далеко за его пределами.

16 декабря 1991 года была провозглашена государственная независимость Республики Казахстан. Но это произошло уже после того, как 8 декабря в малоизвестном белорусском селении Вискули, запрятанном в дебрях Беловежской Пуши, в трех километрах от польской границы, случилось непоправимое: Союза Советских Социалистических Республик не стало. Под документом об этом чудовищном событии, как известно, стоят подписи руководителей РСФСР, Украины и Белоруссии. Три человека — Ельцин, Кравчук и Шушкевич, прямо надо сказать, не самые выдающиеся личности в отечественной истории, — взяли на себя ответственность за разрушение великого государства. Правда, даже политическая эйфория, в которой они пребывали, одобренная винными парами, не помешала им понять, что творимое ими есть государственный переворот, а за это ни в одной стране мира (кроме нашей, как оказалось) по головке не гладят. Эти поделщики заявили, будто они лишь констатируют политическую смерть Советского Союза. Но эта уловка сродни ситуации, как если бы группа врачей сознательно довела больного до тяжелого заболевания, а затем, собравшись «на троих», объявила еще живого пациента ушедшим в мир иной и отправила его в морг. Надеюсь, в будущем подлинная роль этой публики окажется оцененной по достоинству.

Н. Назарбаев не принимал участия в позорном беловежском со-бытии, политическая прозорливость спасла его от этого. Но, как гово-рится, дело было сделано, а так как тогда же, 8 декабря, было объявле-но о создании вместо СССР Содружества Независимых Государств (СНГ) в составе Белоруссии, России и Украины, то и другим, теперь уже бывшим советским республикам пришлось определять свою бу-дущую судьбу. В результате 21 декабря 1991 года в Казахстане состоя-лось подписание Алма-Атинской декларации о создании Содружества Независимых Государств в составе 11 независимых государств из чис-ла республик, входивших в СССР. Думаю, что тогда подобный доку-мент был необходим, так как создание СНГ сняло угрозу хаотичного распада Союза со всеми возможными в этом случае последствиями. Очень многое из того, что предусматривалось полтора десятка лет тому назад, так и осталось на бумаге. В немалой степени это связано с обо-стрившимися за прошедшие годы проблемами национального и меж-национального характера внутри каждой из стран—членов Содруже-ства и в их взаимоотношениях.

Естественно, возникает вопрос — почему это произошло? Пола-гаю, ответ надо искать в самом факте крутого перелома в истории на-шего государства в 1991 году. До него мы все жили в стране, которую называли многонациональной, а я бы хотел даже охарактеризовать как интернациональную, поскольку этот термин точнее показывает харак-тер сложившихся за годы Советской власти отношений между людьми разных национальностей. В самом деле, разве не бросилась вся страна на помощь Узбекистану и Армении, когда там произошли трагичес-кие по своим последствиям землетрясения? Разве не была Москва род-ным домом для грузин, украинцев, прибалтов, для представителей всех республик, привозивших сюда (и в другие города страны тоже) свои спектакли, выставки и т.д., а деятели науки, культуры, искусства не пользовались всенародным признанием и любовью абсолютно неза-висимо от их национальности? Все это — лишь отдельные штрихи ве-личайшего по своему значению в истории процесса подлинного еди-нения народов, при котором проблема национальной принадлежно-сти на деле, в повседневной жизни людей ушла на какой-то дальний план, если не исчезла вообще.

И вдруг это рухнуло, когда разрушили наш общий дом и все ра-зошлись по своим национальным квартирам. Тут же нашлись полити-ческие пройдохи и авантюристы, решившие прорваться к власти, раз-дув уже, казалось бы, почерневшие угли былого национализма. В ход пошли любые средства: ученые начали переписывать в диаметрально противоположном направлении свои статьи и учебники, политики тут

же забыли русский язык, на котором получили образование, и лихорадочно стали учиться правильно произносить новые для них лозунги о национальных интересах на языках своих республик. Ну, а народившиеся «деловые люди» овладевали «красивыми» зарубежными терминами — «бизнес», «баксы», «мани» и т.п. На все это можно было бы смотреть с усмешкой, если бы вскоре новые направления мысли то там, то сям не стали перерастать в антирусские, антироссийские заявления и действия. Их природа тоже лежит на поверхности: чем хуже идут дела в той или иной стране, чем менее способны их руководители справиться с трудностями, с кризисными ситуациями, чем сильнее хотят они угодить своим кукловодам из-за океана, тем больше соблазна у тех, кто теряет авторитет у собственных граждан, вновь пустить в ход крапленые карты национализма и найти врагов, мешающих добиться обещанного внутри страны и за ее пределами. И, конечно, лучшего врага, чем Россия, «изобрести» невозможно: и крупный, и под боком, и положить на лопатки невозможно, а сделать вид, что борешься с ним из последних сил во имя блага своего народа, можно...

Этих политических мотыльков, летящих на лживые огни (которые рано или поздно сожгут их крылышки) и, к сожалению, дезориентирующих часть населения тех или иных республик, и называть-то поименно не стоит: недолговечен их полет да и чести было бы им слишком много. Но есть массив проблем, возникших в новых государствах после разрушения СССР, куда более серьезных. Одна из самых острых и для России, и для этих стран — положение в них русского и русскоязычного населения и его миграция под крыло матери Родины.

Рассмотрим хотя бы вкратце такую ситуацию, пронизанную в значительной мере, если не целиком, националистическими настроениями или, точнее, искусственно раздуваемую теми, кто заинтересован в этом в новых государствах, и сделаем это на примере того же Казахстана.

3. ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНИЦИАТИВА

С Республикой Казахстан у России сейчас, можно сказать, очень хорошие отношения. Нас объединяют во многом общие экономические интересы, внешнеполитические задачи, научные и культурные связи. Вместе с тем после разрушения СССР даже в этой республике русской части ее населения пришлось (и приходится) пережить немало трудностей, заставивших многих людей эмигрировать из нее. В советское время русские внесли огромный вклад в развитие Казахстана. До-

статочно сказать, что именно русские составляют основную часть — до 70 процентов — рабочего класса республики. Однако в 1991—1992 гг. представители русского населения вдруг превратились в «шовинистов», «оккупантов» и «колонизаторов». Сократилось число русскоязычных школ, а также предметов с преподаванием на русском языке в вузах республики. Понятно, что в такой обстановке они при малейшей возможности стремятся устроиться на работу за ее пределами, по возможности в России, все бросают и выезжают на новые места жительства.

Миграционные процессы между Россией и Казахстаном затронули огромную массу людей и сопоставимы по своим масштабам с крупнейшими в истории человечества «переселениями народов». В результате миграции людей из Казахстана только в Россию он потерял в 1990—1999 гг. около 1,4 млн человек. Самых высоких абсолютных величин этот поток достиг в середине 90-х годов — более 760 тыс. человек. Удельный вес миграции в Россию из Казахстана составляет около 40 процентов, т.е. четвертую часть всех прибывших в Россию за последнее десятилетие из ближнего зарубежья. Интересно отметить, что, по данным переписи 1989 года, в России проживали 636 тысяч этнических казахов. За десять лет нашу страну покинули из них всего 6 тысяч человек. Сейчас население в Казахстане примерно на 40 процентов состоит из казахов, столько же русских, а 20 процентов составляют представители других национальностей.

Развитие событий в последние годы дает некоторое основание для определенного оптимизма в отношении исторической перспективы русских в Казахстане. Сложившаяся ситуация вызвала ряд негативных последствий для самой республики, и это привело к пересмотру ее руководством некоторых ориентиров национальной внутренней и внешней политики. На это были направлены официальные заявления и действия прежде всего Президента Казахстана, подписание ряда специальных соглашений с Россией, открытие консульств в нашей стране и т.д. Создается впечатление, что в Казахстане наиболее грубые и достаточно массовые проявления национализма остались в прошлом и национальная политика вошла, в основном, в нормальное русло. По всей вероятности, это не дает полной гарантии стабильного пребывания русского населения в республике, но, во всяком случае, может обеспечить ему длительный период относительно спокойной жизни, который оно может использовать для адаптации и формирования механизмов защиты своих интересов в будущем.

Не только исторический опыт, но и современная практика взаимоотношений России и Казахстана показывают, что лучшим противоядием против оголтелого и разрушительного по своей сути нацио-

нализма является всестороннее сотрудничество государств и народов, их интеграция на почве общих интересов. К сожалению, взаимодействие по широкому кругу проблем всех стран, вошедших в СНГ, до сих пор вызывает немало разочарований. Это побудило некоторых руководителей государств — бывших республик СССР искать более эффективные межгосударственные интеграционные формы.

Одним из инициаторов строительства такого нового союза стал Президент Казахстана Н. Назарбаев. В 1994 году, находясь в Москве с официальным визитом, он на лекции в Московском государственном университете объявил о необходимости создания Евразийского союза. Многие государственные и общественные деятели России и ряда других стран СНГ положительно отнеслись к этой идее, ибо понимали, что сотрудничество между ними существует в значительной степени формально, двусторонние межгосударственные отношения не обеспечивают решения накопившихся и вновь возникающих вопросов. И в сентябре этого же года в Алма-Ате по инициативе Н. Назарбаева состоялась Международная научно-практическая конференция «Евразийское пространство: интернациональный потенциал и его реализация».

Прошло три года после разрушения Советского Союза. Все это время меня не покидала мысль: что же все-таки произошло с мощной великой Державой? Что нас ожидает в дальнейшем и есть ли какой-либо путь объединения бывших союзных республик, а ныне суверенных государств в новую интеграционную структуру?

Получив приглашение Президента Казахстана на эту конференцию, я много думал о своей позиции в данном вопросе и, естественно, о своем выступлении на конференции. Для меня это было весьма важно — три года я не имел возможности высказать свою гражданскую позицию по этому важнейшему вопросу, из-за которого наряду с несогласием с экономической политикой я ушел в отставку с поста Председателя Правительства СССР.

Я позволю себе привести здесь выдержки из моего выступления на этой конференции:

«Почти символичным выглядит сам факт проведения конференции здесь, на казахстанской земле. Именно отсюда в последнее время стали исходить инициативы по интеграции постсоветского пространства. Идея Евразийского союза — одна из них...

Все больше и больше сторонников находит позиция Президента Казахстана. Привлекательность и понимание такой позиции, на мой взгляд, заключаются в том, что она отражает объективную реальность, весь ход государственного переустройства бывшего Советского Союза и реформирования образованных на его территории новых стран.

Границы и таможи, бесправие и нищета многих слоев населения, развалившиеся хозяйственные связи, потоки беженцев, обвал преступности и коррупция, региональные конфликты, растущее недоверие друг к другу — вот что мы получили в результате развала некогда могучей державы.

Появившиеся сегодня в нашем лексиконе выражения типа «ближнее и дальнее зарубежье», «эмигранты», «подписанты», «беженцы» и т.п. стали своеобразными приметами времени.

Политико-государственная децентрализация обернулась экономической дезинтеграцией. Распалась вся система общесоюзного разделения труда, в которой основными принципами на протяжении многих десятилетий выступали взаимозаменяемость и взаимодополнение.

Произошло обвальное разрушение экономических условий материального воспроизводства, самого содержания установившегося между республиками торгово-экономического обмена и особенно кооперационных связей. На счет этого фактора в разных странах СНГ относят от 30 до 50 процентов произошедшего сокращения их валового внутреннего продукта...

В странах СНГ набирает силу тенденция к переориентации внешнеэкономических связей на так называемое дальнее зарубежье. При сокращении их взаимных поставок одновременно на мировые рынки перебрасываются ресурсы топлива, металла и другого сырья.

Но было бы неправильно увязывать необходимость интеграции ныне независимых государств только с рецидивами развала СССР. Главным доводом за интеграцию выступают прежде всего экономика государств, использование здесь того мощнейшего потенциала, который был накоплен в прежнем СССР. Этот потенциал обязательно должен выполнить свою стабилизирующую роль, нейтрализовать многие шоковые проявления перехода к рынку...

Строго говоря, понятие «интеграция государства» не вполне применимо к нашему Содружеству. В мировой практике оно, как правило, распространяется на изначально самостоятельные государства с собственными и потому различными схемами экономического регулирования, большим набором условий объединения, главными из которых являются государственно-политическое устройство, экономический и оборонный потенциал. (Взять, к примеру, то же Европейское сообщество...)

В нашем случае речь идет о реинтеграции независимых государств, которые не только располагаются на евроазиатском материке в непосредственной близости друг от друга, но и унаследовали от прежнего существования в рамках единой экономики бывшего СССР всесторон-

нюю зависимость, взаимосвязанные кооперационные производства, нередко отличающиеся технической отсталостью при высоком уровне монополизации. Продукция многих предприятий из-за низкой конкурентной способности, надо признать, может найти сбыт, в основном, на рынке взаимной торговли. Таковы сегодняшние реалии.

Учитывая, что интеграция в любой сфере опирается прежде всего на народнохозяйственные взаимосвязи государств СНГ, я подчеркивал: «Хотим этого или нет, но мы исторически вынуждены находиться в орбите ранее существовавших экономических отношений. Вопрос только в том, будут ли эти отношения хаотическими, неупорядоченными или мы введем их в русло скоординированной экономической системы, где, по известному выражению, "...каждое единичное следует рассматривать в той связи, которая ведет к общему"...

Я всегда выступал и выступаю за открытую экономику, но при соблюдении принципов партнерства и взаимных интересов. Когда же нас не считают равноправным партнером, то мы должны учитывать это при выработке стратегии внешних связей. Пока же подобная "игра" продолжается.

Можно с большой уверенностью предположить, что западные инвестиции если и будут направляться, то преимущественно в сырьевые и экологически не благоприятные для Запада отрасли. В первую очередь в топливно-энергетический комплекс. Он им нужен и сегодня, и завтра. Не видеть всего этого — значит способствовать нашей зависимости от Запада, громадным перекосам в нашей собственной экономике, консервации на долгие годы, отсталости многих ее секторов. (Хочу обратить внимание читателей, что это было сказано в 1994 году!)

Сейчас в мире явно выделяются три мощных центра экономического развития: США, Объединенная Европа и Тихоокеанский регион. Отношения между этими центрами весьма не простые, с противоречиями и даже конфронтацией. Но налицо и углубляющаяся кооперация. Таково веление времени. Задача состоит в том, чтобы найти в этом "треугольнике" свое равноправное место, сделать его источником собственного экономического благополучия.

Это может произойти лишь в том случае, если мы сумеем правильно распорядиться своим огромным потенциалом, преодолеем комплекс собственной неполноценности, который в нас еще глубоко сидит. У нас есть все, чтобы стать полноправным партнером, а не придатком мировой экономики. Для этого в первую очередь нужны реинтеграция, объединение усилий всех для достижения благополучия каждого...

В рамках СССР роль России хотя и была очевидной, тем не менее она не “выпячивалась”. Ее донорские обязанности в отношениях с некоторыми республиками, удовлетворении их немалых запросов в едином народнохозяйственном комплексе, к сожалению, как бы не замечались...

В новом объединении прежнего донорства со стороны России быть не может. Достигнутые немалой ценой независимость и суверенитет новых государств объективно предполагают обязательное соблюдение принципов партнерства и взаимовыгодных отношений...»

Таковы лишь немногие из мотивов моего тогдашнего, двенадцатилетней давности, выступления.

С момента провозглашения Н. Назарбаевым идеи создания Евразийского союза прошли годы. Многие главы государств в то время не восприняли этого предложения. Боязнь хоть в чем-то поступиться своим суверенитетом, даже ради укрепления и развития собственных стран, толкало их на отторжение какой-либо эффективной интеграции. Но жизнь настойчиво требовала создания новых форм объединения, и поэтому появились иные региональные союзы. И идея Евразийского союза, несмотря ни на что, не уходила в небытие. Однако потребовалась смена главы России, чтобы она получила свое официальное признание: в октябре 2000 года в Астане президенты пяти государств — Белоруссии, Казахстана, России, Таджикистана и Узбекистана — подписали Заявление об учреждении Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) и соответствующий Договор, а в мае 2001 года он был ратифицирован российскими Государственной думой и Советом Федерации.

В феврале 2003 года в Москве открылся первый экономический форум ЕврАзЭС. Основной целью этого масштабного мероприятия явилось углубление процессов экономической интеграции между странами — членами ЕврАзЭС. И сама эта интеграция, и создание ряда необходимых для нее национальных органов позволили нашим странам повысить эффективность их сотрудничества по тем или иным направлениям в большей степени, чем это до сих пор происходит в рамках СНГ. Ну и, как и предполагалось, одним из как бы побочных, но крайне важных ее последствий стало очевидное смягчение межнациональных противоречий и трений, прежде всего в межгосударственных отношениях. Практика подтвердила, что интеграция — непримиримый враг национализма и самое действенное средство борьбы с этим злом.

Вот теперь, после всего сказанного в этой главе, я хотел бы вернуться к уже далеким алма-атинским событиям 1986 года и попытаться

ся прийти к определенным выводам относительно их природы. Уже было упомянуто, что в тех декабрьских событиях и беспорядках по горячим следам разбиралась присланная в Алма-Ату московская комиссия. Как и во время волнений, она взяла руководство в свои руки. Рассматривались разные варианты, вплоть до предположений, что существовал специальный штаб по организации массовых демонстраций (в основном, напомним, студенческой молодежи), что на улицы вышли наркоманы, пьяницы и деклассированные элементы. Но больше всего комиссия склонялась к тому, что это было организованное националистическое выступление.

Однако тщательное расследование показало, что версия о наркоманах и алкоголиках почвы под собой не имеет. По данным Минздрава республики, на основании актов медэкспертизы, среди задержанных не оказалось ни одного наркомана, ни одного алкоголика. Выяснилось также, что не было и никакого штаба. Было другое: в ближайшее окружение Кунаева входило немало людей, замешанных в подозрительных делах. Они-то и выступали подстрекателями беспорядков, используя экспансивность молодежи. Вот, например, слова одного простого рабочего: «Надо наводить в республике порядок, мы живем здесь как братья, у нас нет друг с другом никаких счетов, а все эти бесчинства организовали мафиозные структуры, криминальные элементы, взяточники, коррумпированные чиновники, которые боялись, что после прихода Колбина ситуация в республике может измениться, тем, кто получил много благ, прячась за спиной Кунаева, придется за все ответить».

Большую, можно сказать, провокационную роль в алма-атинских событиях сыграли и некоторые представители вузов, отличавшиеся националистическими настроениями. И все же эти беспорядки в то время еще не имели отчетливой националистической окраски. Здесь явно сказалось влияние совместной жизни казахов и русских в одной семье в течение десятков лет.

Вот что пишет по этому поводу Н. Назарбаев: «Считаю, что основной причиной, побудившей представителей Москвы полностью отстранить нас от контроля за происходящим на площади, стало подозрение, что мы, пользуясь настроением масс, попытаемся использовать его в своих интересах. Особую обеспокоенность у них вызвал поток записок от демонстрантов, предлагавших в качестве кандидатур на пост первого секретаря ЦК Компартии Е. Ауельбекова, В. Демиденко, О. Мирошхина, Н. Морозова, С. Мукашева, Н. Назарбаева и других. Кстати говоря, даже перечень приведенных фамилий однозначно свидетельствует, что молодежь отнюдь не выступала против того, чтобы к руководству республики пришел человек русской национальности. Тем

не менее карта пресловутого «казахского национализма» была роздана. Со мной лично в те дни московские руководители разговаривали в исключительно безапелляционном, оскорбляющем человеческое достоинство, приказном тоне».

Вот в этом стиле общения московских властей с местными кадрами, на мой взгляд, и заключалась главная причина волнений, переросших в беспорядки. Голый диктат Центра не только руководителям республики, но и ее населению, топорная, скажу прямо, работа Лигачева, отвечавшего за кадровую политику партии, и просто глупость Генсека, пошедшего у него на поводу, вызвали волну возмущения у людей, с молодым энтузиазмом поверивших в подлинную перестройку всей системы общественных отношений в стране, — им просто плюнули в душу. И правильно сказал о происшедшем известный поэт Олжас Сулейменов, народный депутат СССР: «На возникновение этих событий повлияли изменение политической ситуации в стране, начавшиеся процессы демократизации, когда молодежь поверила заявлениям о том, что воля большинства становится законом для правительства... Расхождение новых слов и старых действий резко возмутило особенно молодежь, студенчество, молодых рабочих, которые поверили в перестройку».

Но могли ли представители Центра, прибывшие в Алма-Ату, и московские инициаторы и организаторы назначения первого секретаря республиканской Компартии признать свое интеллектуальное и политическое поражение? Конечно, нет, ведь диктат, авторитаризм были у них в крови. И тогда они совершили еще одну, не меньшую, чем первая, ошибку, вытащив на свет жупел национализма.

Первое же информационное сообщение гласило, что беспорядки были организованы «несознательной частью молодежи, подстрекаемой националистическими элементами». Газеты методично выстреливали все новыми открытиями: «Мафия. Коррумпированные кланы. Подпольная националистическая организация». Впервые прозвучало понятие — «антиперестроечные силы». Наконец, было принято постановление ЦК КПСС, в котором появились строки о «казахском национализме».

Алма-атинская история показала, насколько обоюдоострым оружием является национализм, когда та или иная (или обе, как в этом случае) сторона берет его в руки, даже исходя из самых благих намерений. Порой мне кажется, что ошибочные выводы Центра о характере событий в Казахстане сыграли в какой-то мере провоцирующую роль в раздувании националистических настроений в стране, наглядно показали, как с их помощью можно добиться тех или иных политических результатов, взбудоражив массы и выведя их на улицы.

Конечно, это вызвало сначала глухую, а потом и открытую негативную реакцию в республике, и через три года XV сессия Верховного Совета Казахстана единодушно осудила постановление ЦК КПСС за необъективную и непринципиальную оценку декабрьских событий как «проявление казахского национализма». На очередном Пленуме ЦК республиканской Компартии было заявлено: «Следует вполне определенно сказать о том, что выход молодежи на площадь не был нацелен против других народов».

Декабрьские события в Алма-Ате — это первое в стране столкновение слабых ростков молодой демократии и существующей в то время системы, которая жила еще старыми правилами и нормами решения политических вопросов. Тогда впервые публично проявилось противоречие между декларацией о гласности и готовностью людей принять ее и на деле пользоваться ею — с одной стороны, и старым мышлением и навыками работы партийного и государственного аппарата — с другой.

Громогласно провозгласив «гласность» и «перестройку», их инициатор Горбачев не подумал о сложностях переходного периода, когда эти два положения общественной жизни столкнутся с укоренившейся десятилетиями системой. Свойственные ему импульсивность, поспешность и поверхностность в решениях явились причиной этих и многих других событий второй половины 80-х годов.

В декабре 1986 года в Алма-Ате состоялся первый экзамен перестройки, и она его, к сожалению, не выдержала. Но еще хуже то, что глубинных уроков из него партийно-государственные руководители страны во главе с Горбачевым так и не извлекли. Они увидели проявление национализма там и тогда, где и когда его, по существу, не было, но не разглядели опасности его возрождения и использования антисоциалистическими, антисоветскими, антиперестроечными силами для уничтожения партии, государства и общественно-политического строя в нашей стране.

И вскоре мы встретились с настоящим национализмом наяву, чему и посвящены следующие главы этой книги.

Глава третья

ТБИЛИСИ.

9 апреля 1989-го*

1. НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЙ УГАР

7 апреля 1989 года М. Горбачев поздно вечером прилетел из Великобритании. Вместе с ним в поездке находился и министр иностранных дел Э. Шеварднадзе. По правилам того времени, все члены Политбюро и секретари ЦК встречали Генерального во Внукове. Этот ритуал касался лишь зарубежных вояжей Генсека, на встречу его из внутрисоюзных поездок секретари не приглашались.

Столь же традиционно все собрались в кружок в здании аэропорта, и Горбачев коротко рассказал о результатах поездки, а также поинтересовался и у нас: что чрезвычайного произошло за время его перелета из Хитроу.

Буквально накануне у берегов Скандинавии затонула подводная лодка «Комсомолец», и весь мир, естественно, шумел об этом. Д. Язов и О. Бакланов по очереди доложили о принимаемых мерах, в частности, о создании комиссии по расследованию. Горбачев коротко подвел итог.

— Ты и возглавь ее, — сказал он Бакланову, — подбирай людей, и выезжайте на место.

* В этой главе использованы с согласия авторов материалы А.Г. Чехова, бывшего первого секретаря Осетинского обкома партии и кандидата в члены бюро КП Грузии; командующего Закавказским военным округом генерал-полковника И.Н. Родионова, а также следственные материалы Генпрокуратуры СССР по тбилиским событиям 1989 г.

Я рассказал еще об одном ЧП. В Норильске произошла первая крупная забастовка шахтеров. Уже несколько дней они сидели в шахте и не желали выходить на поверхность, пока правительство не удовлетворит их требований. Закона о забастовках еще не было, и правительство хотело обсудить эти требования не в темном штреке, а за столом. Олег Шенин, бывший в то время первым секретарем Красноярского крайкома КПСС, спустился в шахту, но забастовщиков не уговорил, сидели намертво. Мы с главой профсоюзов С. Шалаевым составили текст телеграммы шахтерам — надо отметить, достаточно жесткий. Я прочитал ее Горбачеву. Он согласился в целом, внес небольшую правку.

Затем Е. Лигачев поведал о волнениях в Тбилиси, сообщив, что собирал в ЦК совещание по этому вопросу, о чем, кстати, я только в аэропорту и узнал.

Пригласить на совещание меня не сочли нужным. Поясню: согласно премьерскому статусу, на любое совещание в ЦК меня имел право пригласить только Генеральный секретарь. Если же в его отсутствие проводилось официальное заседание Политбюро, то в этом случае я был обязан явиться. Но Лигачев Политбюро не собирал, он ограничился совещанием. А заседание Политбюро по «тбилисскому вопросу», на которое он ссылаясь в своем известном выступлении, призывая меня в свидетели, если когда-то и состоялось, то как раз в аэропорту «Внуково-2», вечером 7 апреля, и называлось не «заседание Политбюро», а «встреча Генерального секретаря из Лондона».

Горбачев сразу сказал:

— Надо лететь в Грузию.

И предложил Шеварднадзе и Разумовскому вылететь в субботу утром. На том и расстались.

В субботу, 8-го, я, как всегда, был на работе, внимательно следил за ситуацией в Норильске: шахтеры, к слову, после нашей с Шалаевым телеграммы немедленно появились на свет божий. Позвонил по какому-то вопросу секретарю ЦК КПСС Вадиму Медведеву, помощник ответил:

— Он на совещании.

— По какому поводу совещание? — поинтересовался я.

— События в Грузии обсуждают.

— Туда же Шеварднадзе и Разумовский должны были улететь, — удивился я. — Не рано ли обсуждать? Или случилось что-то?

— Ничего не случилось, — успокоил меня помощник Медведева. — Патиашвили (первый секретарь Компартии Грузии. — *Н.Р.*) контролирует ситуацию, никто в Грузию не улетел, не понадобилось...

Что обсуждалось на том совещании, до сих пор не ведаю. Но, полагаю, Генеральный не мог не знать, что Шеварднадзе и Разумовский не выполнили его вечернего поручения, не допускаю такого нарушения субординации со стороны двух партийных работников с огромным руководящим стажем. Думаю, вряд ли Эдуард Амвросиевич забыл в бытность свою лидером Компартии Грузии демонстрантов, вряд ли рвался исправлять ситуацию, тем более что Патиашвили ее «контролировал». Как он ее контролировал, я узнал на следующий день, когда из моей приемной на дачу позвонил дежурный и, волнуясь, прочитал по телефону шифротелеграмму о ночных событиях в Тбилиси. Я спросил только:

— Политбюро будет?

— Не знаю, — осторожно ответил дежурный, — не звонили, не приглашали...

События 9 апреля — это не спонтанное, сиюминутное действие, а хорошо продуманная, длительно готовящаяся акция.

Отсчет можно начинать с XIX партийной конференции КПСС. В Грузии, как по мановению волшебной палочки, стали создаваться «демократические» партии, организации и объединения. Если в Прибалтике достаточно дипломатично говорили о региональном хозрасчете и принципах самоуправления, то в Грузии все сразу перешло в политическую плоскость. Появились лозунги «Долой имперские амбиции Кремля!», «Долой всевластие КПСС!», «Да здравствует независимая Грузия!», а следом и «Грузия — для грузин!», «Всех негрузин из Грузии — грузинской метлой!» и так далее. Появились лидеры — З. Гамсахурдиа, М. Костава, Т. Чантурия и другие. По сути, Грузия стала полигоном по отработке антисоветских акций. Многочисленные эмиссары западных «демократических центров» сменяли друг друга в Тбилиси.

В конце 1987 года было образовано «Общество Ильи Чавчавадзе» и в общественно-политической жизни республики стали усиливаться националистические и изоляционистские тенденции. Борьба за лидерство привела к тому, что каждый «вождь» создал свою организацию:

— «Общество святого Ильи Праведного», лидеры — З. Гамсахурдиа, Церетели;

— «Общество Ильи Чавчавадзе — либералы», лидеры — З. Чхеидзе, Г. Мамулия, И. Чавчавадзе;

— «Союз национальной справедливости Грузии», лидеры — И. Шенгелая и др.

Одновременно создавался Народный фронт Грузии во главе с Шенгелая, Чхеидзе и другими деятелями культуры. Они держали в своих

руках молодежную прессу и телевидение. Под прикрытием лозунгов перестройки начались критическая переоценка исторического прошлого Грузии, обличение «имперской» политики России и т.д.

В 1988 году лидеры этих объединений приступили к активной деятельности по созданию и развитию в республике оппозиционного КПСС и существующему строю политического движения. Главный упор делался на студенческую молодежь, массовые митинги которой преподносились как социальная активность народа и пробуждение его национального самосознания, и на значительную часть творческой и научной интеллигенции, увлеченной в то время националистическими лозунгами, под которыми шли выступления в Прибалтике.

Оппозиционные силы в Грузии поддерживала группа из числа людей, близких к Шеварднадзе и сотрудничавших с ним в бытность его первым секретарем ЦК Компартии Грузии. Они выступали с заявлениями, будто Грузия в 20-е годы была захвачена большевиками, и обращались к так называемым правозащитникам, активным противникам советского строя в Грузии, чтобы обосновать свои высказывания. К их числу относились Гамсахурдия, Костава, Чантурия, Церетели и другие.

Я не имею возможности дать политическую характеристику каждому из них. Остановлюсь только на Звиаде Гамсахурдия, одном из самых активных лидеров существовавшей в то время оппозиции. В дальнейшем судьба Грузии будет связана с этим человеком.

Гамсахурдия Звиад Константинович, 1939 года рождения. Закончил факультет западноевропейских языков, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института Шота Руставели. Первый арест — в 1956 году за организацию нелегального общества «Горгославели», ставящего своей целью достижение независимости Грузии.

Имя Звиада Гамсахурдия стало известно благодаря славе его отца — классика грузинской литературы Константина Гамсахурдия. Звиад приобрел ореол мученика правозащитного движения. Безмерное тщеславие обуревало этого человека всю жизнь. Он больше других стремился к власти и даже пытался одержать победу на выборах... Патриарха Грузинской православной церкви. Гамсахурдия вновь был арестован и предстал перед судом в 1979 году. На суде он полностью признал себя виновным и сделал по этому поводу специальное заявление, которое передавалось по Центральному телевидению. Его приговорили к трем годам ссылки, которую он отбывал по ходатайству руководства республики на альпийских пастбищах горного Кавказа. Возвратившись, Звиад практически отошел от активной политической жизни и вновь появился на сцене лишь в конце 80-х годов.

Основными формами деятельности националистов были митинги, собрания, демонстрации.

Наибольшего напряжения обстановка в столице республики достигла в ноябре 1988 года, когда у Дома правительства (здание Президиума Верховного Совета и Совета Министров Грузинской ССР) систематически стали проводиться многотысячные митинги. На них звучали призывы и требования о немедленном предоставлении Грузии полной независимости, с выходом из состава СССР — «русско-советской империи, продолжавшей ныне курс великодержавного шовинизма Романовых» (у меня будет еще возможность сделать небольшой экскурс в историю отношений Грузии и России). Во время одного такого митинга с крыши Дома правительства был даже сорван государственный флаг Грузинской ССР. Конечной целью лидеров движения было свержение существующей власти в республике, «идушей на поводу у Москвы».

После выступления по грузинскому телевидению прокурора Тбилиси и обращения Генерального секретаря ЦК КПСС Горбачева с конца ноября несанкционированные митинги прекратились, а попытки лидеров неформальных объединений организовать их в других городах Грузии не получили поддержки у местного населения.

Приведу высказывания бывшего второго секретаря ЦК КП Грузии Б. Никольского по поводу ноябрьских, 1988 года событий в республике:

«...окончательно проявилась антисоветская, антисоциалистическая, антикоммунистическая суть деятельности лидеров экстремистских формирований, особенно Гамсахурдия, Костава, Церетели, Чантурия и ряда других, однако никаких конкретных действий по их отстранению от негативного влияния на молодежь, студенчество, интеллигенцию сделано не было. Это было крупнейшей и непростительной ошибкой;

...ноябрьские дни показали слабость советских и партийных органов, первичных партийных организаций, партийного и хозяйственного актива в организации политической работы среди трудящихся, населения, молодежи, всей идеологической деятельности в экстремальных условиях. Хотя определенные меры потом и были предприняты, но, как показал ход событий, они оказались недостаточными, половинчатыми;

...слабо в данной ситуации показали себя и правоохранные органы. Не имея достаточно опыта и четких инструктивных указаний, как вести себя в этой сложной обстановке, они занимали, в основном, пассивную позицию. Это подрывало веру у трудящихся и населения в

силу закона. Соответственно возрастала наглость экстремистов и подстрекателей, их уверенность в безнаказанности своих противоправных действий и поступков.

...Все это, вместе взятое, не стало предметом глубокого и всестороннего анализа в партийной организации республики, не были внесены соответствующие коррективы в ее организаторскую, особенно идеологическую, воспитательную деятельность, что и привело в дальнейшем к осложнению обстановки...

Были и более глубокие корни этих событий. Бытует мнение, что в ноябре снять напряжение в Грузии якобы удалось Э.Шеварднадзе. До сих пор мало кто знает, о чем договаривался член Политбюро ЦК КПСС с лидерами неформалов, но то, что после этого была дана команда «неформалов не трогать!» и их политический вес стал день ото дня расти, — это факт!

В многочисленных документах, посвященных событиям 9 апреля, умышленно замалчивается общественно-политическая ситуация, сложившаяся в то время в Грузии. В период работы одного из «архитекторов» перестройки, Э.Шеварднадзе, в Грузии немыслимого размера достигла коррупция. Продавалось абсолютно все — от должностей до судебных решений. Дошло до того, что каждый нижестоящий орган имел свою «ставку» в денежном выражении для ежемесячной передачи вышестоящему. Об этом говорили открыто и не стесняясь, люди, сочувствуя, давали в долг, если у кого-то недобиралась «ставка».

После Шеварднадзе к власти пришел Д. Патиашвили — честный, порядочный человек, интернационалист. Он решил дать этому бой. Была арестована большая группа партийных и советских работников, и среди них — правая рука Э.Шеварднадзе, секретарь ЦК КП Грузии по организационно-партийной работе С. Хабеишвили. Они дали весьма любопытные показания.

Во дворе ЦК в своей машине застрелился прокурор республики К. Барабадзе. Застрелился в своем кабинете первый секретарь Кутаисского горкома партии М. Асланикашвили. Оба они были выдвиженцами и ближайшими сподвижниками Э. Шеварднадзе. По данным, имеющимся у первого секретаря Юго-Осетинского обкома партии, кандидата в члены бюро ЦК КП Грузии А. Чехоева, дела раскрывались нешуточные: уже достаточно громко зазвучала фамилия Шеварднадзе — образно говоря, еще немного, и на его руках могли защелкнуться наручники. Причем Д. Патиашвили в этом вопросе стал не управляем со стороны ЦК КПСС. Оно и понятно: если бы он тогда остановился и спустил дело на тормозах, то неминуемо наручники наши бы его самого.

Хотя Москве кое-что удалось — был отправлен на пенсию председатель КГБ Грузии А.Н. Инаури, что дало определенную временную передышку. На его место был назначен слабовольный карьерист Г. Гумбаридзе. (Показателен факт — комиссии, созданной Съездом народных депутатов во главе с А. Собчаком по событиям 9 апреля, он доложил, что о готовящейся силовой акции узнал за 15 минут до ее начала! И это — член бюро ЦК, председатель КГБ!!!)

О том, что происходило в ЦК КП Грузии, М. Горбачев, естественно, знал, и для него потеря Шеварднадзе была не просто потеря члена команды и доверенного лица, а полная дискредитация курса перестройки. Учитывая, что антигорбачевские настроения в партии уже набирали силу, можно только гадать, как сложилась бы его собственная судьба, если бы один из главных «архитекторов» перестройки оказался за решеткой.

Как уже было сказано чуть выше, можно только догадываться, о чем вел разговор с лидерами Народного фронта Э. Шеварднадзе в ноябре 1998 года, но факт остается фактом: им надо было расшатать ситуацию в Грузии, убрать Патиашвили, и в этом вопросе Гамсахурдия, Костава, Чантурия и другие стали союзниками, а по большому счету — спасителями Шеварднадзе.

В конце февраля 1989 года вновь последовали акции протеста. Начал постоянно функционировать штаб Народного фронта. Именно отсюда стали управлять средствами массовой информации и телевидением республики, и именно сюда стали приходить партийные и советские функционеры засвидетельствовать свою солидарность с идеями независимой Грузии. Наиболее благодатной для Народного фронта оказалась сфера межнациональных отношений. Грузины всегда с упорением рассуждали о своей национальной исключительности. Национализм постоянно присутствовал в общественно-политической жизни Грузии, особенно в кадровой политике.

В республике, где из 5,5 миллиона населения только 3 миллиона были грузинами, центральные органы управления, министерства, ведомства практически на 95 процентов были мононациональными. Так что национальная тема была легко возбудима и сулила привлечение под знамена «неформалов» абсолютного большинства грузин. Тем более что карт-бланш был дан на XXVII съезде КПСС Горбачевым, заявившем о необходимости коренной перестройки межнациональных отношений.

Первыми атаке националистов подверглись азербайджанцы в Восточной Грузии и армяне в Джавахетии, но жесткая позиция Баку и Еревана быстро остудила горячие головы. Затем последовала планомерная

длительная атака на осетин и абхазов. На многотысячных митингах Абхазию и Южную Осетию называли пятой колонной России, из министерств и ведомств в эти республики стали поступать распоряжения о переводе делопроизводства на грузинский язык. Одна статья профессора Кванчилашвили чего стоила, когда он, по сути, предложил стерилизацию всех негрузин. Свою лепту в «перестройку межнациональных отношений» добавила и Грузинская церковь: в своем обращении ее глава Илия II пообещал проклясть грузина, убившего грузина.

ЦК Компартии Грузии, обсуждая ситуацию, все чаще стал говорить об угрозе вооруженного противостояния. Нужны были экстраординарные меры, но Москва, как загипнотизированная, только твердила: терпите, идите на диалог. Вседозволенность опьяняла — в те дни можно было вытолкать с митинга чуть ли не пинками первого секретаря ЦК.

Поводом для очередной кампании массовых выступлений и нагнетания напряженности в Грузии послужил так называемый абхазский вопрос.

18 марта 1989 года в с. Лыхны Гудаутского района республики на санкционированном 30-тысячном митинге лиц абхазской национальности было принято «Обращение» абхазской общественности, в котором говорилось: «Просить ЦК КПСС, Верховный Совет СССР, Совет Министров СССР восстановить статус Советской Социалистической Республики Абхазии, какой она была провозглашена в 1921 году».

Основанием для принятия такого решения, как указывалось в «Обращении», явилось то, что «национальный вопрос в Абхазии загнан в тупик. Идет борьба за выживание коренного населения автономной республики, оказавшегося на грани этнической катастрофы... Репрессиям подвергаются абхазский язык, абхазская культура и история, национально-государственный статус республики, исконные географические названия, абхазский алфавит... Шовинисты упразднили абхазские школы и ввели в них преподавание на грузинском языке...». Перестройка, демократизация и гласность обнажили запретные зоны в национальных отношениях. Используя сложившуюся благоприятную обстановку, оживили свою деятельность националистически настроенные элементы. Так, в Тбилиси и некоторых других городах Грузинской ССР стала проводиться открытая пропаганда «национал-социалистических» идей под флагом грузинских меньшевиков с требованием огрузинить негрузинское население республики, например: «В Грузии ничего негрузинского не должно быть...»

Умело используя «абхазский вопрос» и разжигая националистические страсти, лидеры «неформалов» постепенно изменили характер

лозунгов и требований на организованных ими в Тбилиси митингах. От резкого осуждения «сепаратистской» политики руководства Абхазской АССР перешли к неприкрытой дискредитации КПСС, союзного правительства, призывая к ликвидации Советской власти в Грузии и выходу ее из состава СССР.

Положение с каждым днем усугублялось. Чувствуя свою безнаказанность, 27 марта на митинге у здания Тбилисского государственного университета один из его организаторов, Церетели, объявил о создании новой партии — «Партии национальной независимости Грузии». Здесь же были изложены основные положения программы, которые включали упразднение Советской власти в Грузии, выход ее из состава СССР, вывод с территории республики советских войск и ввод иностранных. Оглашено было требование объявить Грузию независимым государством со своей национальной армией, с введением грузинской денежной единицы и созданием национального банка. Но на этом новая партия не остановилась: она потребовала возвращения аннексированных после «советизации» грузинских земель, переданных Турции, России, Азербайджану и Армении. Выступавший на митинге Гамсахурдия призывал упразднить Абхазскую АССР и Юго-Осетинскую автономную область.

4 апреля 1989 года митингующие самоуправно, вытеснив работников милиции, заняли площадь перед Домом правительства, Комитетом по телевидению и радиовещанию и с этого времени стали проводить в Тбилиси и других городах несанкционированные многотысячные митинги, содержание которых носило резко выраженный антисоветский, националистический и экстремистский характер. С целью привлечения к себе внимания большего количества людей они установили на площади звукоусиливающую аппаратуру и микрофоны.

У Дома правительства, в основном, находились сотрудники научно-исследовательских институтов, издательств, киностудий, служащие различных учреждений, организаций, ряда промышленных предприятий, студенты высших учебных заведений и старшеклассники общеобразовательных школ.

У присутствовавших на митингах, в том числе у подростков, была взята клятва активно, «вплоть до кровопролития», сопротивляться и не уступать силам охраны правопорядка, оставаться на местах митингов до полного удовлетворения выдвинутых ими требований, которые все по своей сути являлись антиконституционными.

Во время многочисленных выступлений перед митингующими Гамсахурдия, Костава, Церетели, Чантурия и активисты их партий призывали население к проведению всеобщей политической забастовки и

голодовок протеста, созданию «единого комитета народного движения», забастовочных комитетов. Они настаивали на массовом неповиновении законно избранным органам власти, создании «временного правительства», пикетировании промышленных, транспортных предприятий, учебных заведений и учреждений. Их целью было формирование отрядов молодежи, захват общественного транспорта, баррикадирование ближайших к местам проведения митингов улиц, организация активного, «вплоть до кровопролития», сопротивления силам охраны правопорядка.

Эти политические «деятели» призывали митингующих к «расправе» 9 апреля в Сухуми сначала с лицами абхазской, а затем осетинской национальностей. Наряду с «абхазским» вопросом в выступлениях большинства ораторов основное внимание уделялось необходимости применения конкретных, практических мер, связанных с силовым нажимом на партийные и государственные органы республики (политические забастовки, митинги, обращения к правительствам других стран) с целью свержения в Грузии Советской власти, создания «независимого грузинского государства» и выхода Грузии из состава СССР. Для обеспечения этих антиконституционных требований Гамсахурдиа, Костава, Церетели и другие лидеры «неформалов» от имени «грузинского народа» обратились за содействием к правительствам иностранных государств, призывая последних оказать им соответствующую помощь и ввести на территорию Грузинской ССР войска ООН.

С утра 5 апреля несанкционированные митинги у Дома правительства и у здания Гостелерадио продолжились, число митингующих достигло примерно 5—6 тысяч человек. Митинг завершился к 5 часам утра 5 апреля. По его окончании группа молодежи у Дома правительства (около 30 человек) объявила голодовку до тех пор, «пока Грузия не станет независимым государством». В последующие дни их число увеличилось примерно до 150 человек.

Атмосфера на митингах приобретала все более ярко выраженный антисоветский, националистический, экстремистский характер. Среди митингующих впервые появились заранее подготовленные лидерами «неформалов» транспаранты с антиконституционными, экстремистскими лозунгами. Работа общественного транспорта в местах проведения митингов была парализована.

В Сухуми, где продолжалась забастовка грузинских студентов и учащихся среднеобразовательных школ, на работу не вышли бригады локомотивного депо, вследствие чего временно было прекращено движение пассажирских и грузовых поездов. Несанкционированные митинги проходили и в зоне города Гагры.

Гамсахурдия, призывая митингующих в Тбилиси и население Грузии к продолжению антиобщественных действий, в частности, заявил: «Абхазская нация исторически никогда не существовала. Если эти племена поймут это, мы встанем рядом с ними, но только при том условии, чтобы они восстановили историческую справедливость и уступили нам нашу землю и обосновались там, откуда пришли... они борются с грузинами, с Грузией для того, чтобы обруситься. Их цель — обрусение, а не самоопределение. Стремления к национальному самоопределению у них нет, у них стремление присоединиться к России и размещаться в России...»

Грузины должны объединиться во всеобщей национальной борьбе. Эти забастовки, которые начались в Тбилиси, являются началом большой всеобщей национальной забастовки. Мы объявляем солидарность забастовщикам грузинского населения в Сухуми и Абхазии, где бастуют транспорт и учебные заведения, ряд предприятий. Вчера и сегодня все это продолжается, и в Тбилиси должно продолжаться... Призываем весь грузинский народ присоединиться ко всеобщей забастовке...»

Со стороны активистов и лидеров неформальных объединений были предприняты попытки склонить на свою сторону рабочий класс столицы, для чего на промышленные предприятия города направлялись группы агитаторов. Благодаря усилиям неформалов к митингующим в эти дни примкнули часть рабочих НПО «Эльва» и авиационного производственного объединения им. Димитрова, а также основная часть студентов и преподавателей Тбилисского государственного университета, Политехнического института и ряда других учебных заведений, представители которых в организованном порядке прибывали на площадь к Дому правительства.

На митинге 6 апреля у Дома правительства было зачитано обращение к Президенту, Конгрессу США и странам — участницам НАТО с просьбой оказать помощь Грузии для выхода из состава СССР, приурочив одно из заседаний ООН к дню суверенной Грузии, и признать 25 февраля 1921 года «днем оккупации Грузии большевистскими силами России».

Разве не знаком почерк лидера Грузии Шеварднадзе? Пытаясь броситься в объятия НАТО, ликвидировать российские военные базы, пригласить американские армейские подразделения, он как-то забыл, что уже давно не является министром иностранных дел великой страны, к разрушению которой основательно приложил руку. Он — глава разорванного на части государства, которое на Западе и на карте-то найдут с трудом. К тому же Грузия еще и жила в долг у России.

На митинге в тот день выступил Церетели и объявил о создании Центрального забастовочного комитета, куда вошли представители практически всех неформальных объединений.

Во второй половине дня в районе площади Героев собралось около 3—4 тысяч человек, которые к вечеру двинулись к зданию Государственного комитета ГССР по телевидению и радиовещанию. Демонстранты потребовали от руководства Гостелерадио организовать по телевидению прямую трансляцию митинга на площади перед Домом правительства.

6 апреля состоялось заседание бюро ЦК, где было принято решение обсудить в тот же день обстановку на заседании Верховного Совета Грузии, но, к сожалению, выступление Д. Патиашвили никем не было поддержано. Просто никто не стал выступать. Да и немудрено — здание Дома правительства окружил многотысячный митинг, где в открытую предлагалось свергнуть существующую власть, выйти из состава СССР, провозгласить независимость и обратиться к Западу за помощью и поддержкой. В тот же день в ЦК собрали партийно-хозяйственный актив. Здесь разговор был более конкретный — обстановка взрывоопасна, ЦК должен действовать! Были обращения и к командиру войсками Закавказского военного округа И. Родионову о немедленном вводе войск в Тбилиси, на что генерал четко заявил, что это не входит в компетенцию армии, пусть проблему решают МВД и внутренние войска.

В течение всего дня 7 апреля обстановка в городе продолжала оставаться напряженной. На митингах у Дома правительства, общей численностью от 10 до 15 тысяч человек, у здания Гостелерадио и в других местах все больше и больше раздавались националистические, антисоветские высказывания. Увеличилось число школьников, представителей интеллигенции, рабочего класса, делегаций из других районов республики, принимавших участие в манифестациях. Активизировалась агитационная работа по привлечению к забастовкам коллективов промышленных предприятий, в результате чего частично не работали станкостроительный, авиационный и вагоноремонтный заводы.

Выступление Д. Патиашвили 7 апреля по радио и телевидению, которое транслировалось на площади перед Домом правительства, выразившего готовность к диалогу с представителями неформальных организаций и предупредившего, что «дальнейшее развитие приведет к катастрофе», положительного результата не дало. Лидеры неформальных объединений отказались идти на какие-либо переговоры с правительством, призывая не верить руководству и заявляя, что они «будут говорить от лица свободной Грузии лишь с Кремлем».

С очередной программной речью на митинге выступил И. Церетели:

«...Дорогие соотечественники! Я обращаюсь к вам от имени единого национального движения Грузии. Каждый из вас сейчас слышал слова первого секретаря ЦК Компартии Грузии Д. Патиашвили. Друзья! Я хочу заявить вам, что так называемой Компартии Грузии не существует. Существуют прогрессивные компартии Франции, Италии, и рядом с ними — гнилая Компартия Советского Союза. Существует Компартия Советского Союза, но не существует Компартии Грузии, потому что она не выражает и не защищает интересов Грузии. Патиашвили считает, что невозможно выйти из состава СССР, но этот вопрос уже поставлен и вполне решаем.

Мы не должны оставаться в составе коммунистической империи, так называемом СССР... После Первой мировой войны разрушилась русская империя, после Второй мировой войны пошатнулась коммунистическая империя, а после третьей войны она полностью разрушится. Эта империя обязательно разрушится, и это будет крушением последней империи в мире, и человечество окончательно вздохнет облегченно...

...Грузинской ССР не существует, существует Грузия, исторически суверенная страна, которая была порабощена Российской коммунистической империей. Мы требуем незамедлительного выхода из состава так называемой русской коммунистической империи. Из Грузии после ее выхода из состава СССР незамедлительно должна быть выведена армия русской империи, незамедлительно отменена власть марионеточного грузинского правительства. В Грузию должны войти армейские подразделения ООН, которые временно будут защищать нашу безопасность... Далее Грузия должна будет войти в НАТО как военный союзник. Это позиция всех неформальных организаций Грузии. США являются символом мира, защиты прав человека и демократии. Независимая Грузия должна брать ориентацию на США... Наступает время, когда у грузин будет независимая свободная страна. Мы должны восстать и бороться для этого. Нас поддержит мировая общественность, и мы сможем выйти из состава империи...

Я хочу, чтобы мы все объединились для освобождения Грузии и боролись до конца. Призываю всех грузин и представителей других национальностей ко всенародной забастовке...»

В связи со сложившимся положением руководство республики и министр внутренних дел ГССР обратились за помощью в союзные органы.

7 апреля 1989 года на заседании ЦК КП Грузии было принято решение «ввести в Тбилиси, в случае необходимости, особое положение»,

а в ЦК КПСС направлена шифрограмма, где наряду с оценкой резко обострившейся ситуации сообщалось о принятом на Бюро ЦК решении, для реализации которого потребовалось привлечение дополнительных сил МВД и войск Закавказского военного округа. Обращает на себя внимание тот факт, что принятия силового решения в Грузии активно стали требовать прежде всего люди Шеварднадзе, а их в руководстве было много.

Наконец было принято решение о вытеснении митингующих с площади Руставели в ночь на 9 апреля. Должен был прилететь Шеварднадзе. Но тут поступил приказ из Москвы: в Тбилиси с 22.00 вводился комендантский час, а командующий ЗакВО назначался военным комендантом.

Уходя из здания ЦК на телевидение для сообщения о своем назначении и введении комендантского часа, И. Родионов в сердцах бросил: «...Вы же потом все свалите на меня!» Вызывает недоумение, что запись выступления Родионова вышла в эфир в 23.00, хотя была готова в 19.30.

В этот же день командующий войсками Закавказского военного округа генерал-полковник И.Н. Родионов направил министру обороны СССР генералу армии Д.Т. Язову шифротелеграмму, где информировал о происходивших событиях и о противоправных действиях «неформалов»:

«...Все проводимые митинги не санкционированы, мер со стороны руководства республики по их рассеиванию не предпринимается. К руководителям (организаторам) митингов решительных мер не применяют.

Войска МВД выполняют роль наблюдателей.

Руководство республики пытается стабилизировать положение с помощью активных действий войск, что обострит имеющееся негативное отношение к армии. Имеют место случаи нападения на военнослужащих, их избиения, оскорбления и взламывания квартир.

Второй секретарь ЦК КП Грузии товарищ Никольский роль армии видит только в выполнении ею милицейских функций».

В связи с осложнением политической обстановки в Грузии и обращениями руководства республики за помощью в союзные органы 7 апреля 1989 года состоялось совещание в ЦК КПСС. В нем приняли участие члены Политбюро — Е. Лигачев, В. Медведев, Н. Слюньков, В. Чебриков, кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС — А. Лукьянов, С. Разумовский, Д. Язов, а также Председатель КГБ СССР В. Крючков, заместитель министра внутренних дел СССР В. Трушин и другие ответственные работники.

В ходе обсуждений участники совещания пришли к выводу о необходимости оказать правительству республики помощь для поддержания правопорядка силами и средствами МВД СССР и Министерства обороны СССР, в связи с чем руководителям указанных министерств было предложено рассмотреть этот вопрос и принять соответствующие решения в пределах своей компетенции. При этом подчеркивалось, что руководство республики должно проявлять крайнюю осмотрительность при использовании выделяемых сил и средств, принимая все меры для нормализации положения политическими методами, а также была дана рекомендация не вводить в настоящее время в Тбилиси особое положение.

В этот же день по распоряжению заместителя министра МВД СССР И. Шилова и начальника Генерального штаба Министерства обороны СССР М. Моисеева были приняты соответствующие распоряжения и директива по переброске в район Тбилиси оперативных частей внутренних войск и армейских подразделений Закавказского военного округа.

Кроме того, по распоряжению министра обороны СССР 7 апреля 1989 года в Тбилиси из Ленинакана вместе с генерал-полковником И. Родионовым прибыл первый заместитель министра обороны СССР генерал армии К. Кочетов, которому было предложено разобраться в сложившейся ситуации и в случае необходимости оказать помощь генералу Родионову.

Между тем обстановка в столице Грузии приближалась к критической. С утра 8 апреля в основные районы проведения несанкционированных митингов — к Дому правительства, зданию Гостелерадио СССР, Тбилисскому государственному университету, педагогическому институту — начали прибывать колонны демонстрантов. В организованном порядке к Дому правительства стали подходить вместе с педагогами ученики средних и старших классов общеобразовательных школ. Организаторы митинга обратились к собравшимся со следующим призывом: «Педагоги и директора школ! Не препятствуйте участию в забастовках и демонстрациях своих учеников, не теряйте своего авторитета перед ними».

В этот день была предпринята еще одна попытка, не прибегая к крайним мерам, повлиять на критическое развитие событий, предотвратить митингующих и их лидеров от дальнейших противоправных действий. В соответствии с принятым решением утром 8 апреля город на небольшой высоте облетели две эскадрильи военных вертолетов. Затем, около 12 часов, по улицам Тбилиси разными маршрутами проследовали три колонны боевой техники, двум из которых надлежало пройти и по проспекту Руставели.

Вопрос о демонстрации военной техники как одной из предупредительных мер к митингующим предварительно обсуждался 7 апреля на Бюро ЦК КП, о чем имеются объяснения Патиашвили, Никольского и Махарабшвили (первый секретарь Тбилисского горкома партии).

Во время движения по проспекту одной из колонн, состоящей из 10 боевых машин пехоты, митингующие стали забрасывать ее камнями, металлическими урнами и другими предметами, запрыгивать на машины и закрывать водителям-механикам обзор. У кинотеатра «Руставели» группа бесчинствующей молодежи захватила патрульную автомашину ГАИ «Нива» и, развернув ее поперек проезжей части в непосредственной близости от двигающейся БМП, спровоцировала наезд последней на «Ниву», а ее водителя — старшину милиции Магалдадзе, избив, пытались заставить лечь под БМП.

В результате хулиганских действий митингующих семь военнослужащих получили множество ушибов, ссадин и кровоподтеков. Были повреждены оба сопровождавших колонну автомобиля, а патрульная машина ГАИ полностью уничтожена.

Кроме того, группы хулиганствующих элементов из числа участников митинга у Дома правительства подвергли словесным и физическим оскорблениям ряд сотрудников ГАИ, обвиняя их в том, что они не воспрепятствовали прохождению по проспекту боевой техники. При этом с работников милиции срывали погоны, фуражки, пытались избить их, в связи с чем многим инспекторам ГАИ пришлось скрываться бегством.

Второй колонне бронетехники не удалось проследовать по проспекту, поскольку при въезде на него с площади Республики демонстранты, заняв всю проезжую часть, не давали возможности двигаться боевым машинам.

Таким образом, предпринятая утром 8 апреля 1989 года попытка стабилизировать положение в Тбилиси путем демонстрации военной техники своей предупредительной цели не достигла.

Общественно-политическая обстановка в Тбилиси и в целом по республике днем 8 апреля достигла крайней степени напряженности и продолжала обостряться, приняв еще более резко выраженный антисоветский, националистический и экстремистский характер. Нарушения общественного порядка стали проходить чаще и более агрессивно, что свидетельствовало, по существу, о практической подготовке в столице республики и в Абхазии антиобщественных действий с непредсказуемыми в дальнейшем последствиями.

Количество митингующих у Дома правительства днем достигло уже 25—30 тысяч человек. С фасада здания Дома художников на проспек-

те Руставели митингующими демонстративно был сорван и растоптан государственный флаг Грузинской ССР, вместо которого водружен флаг периода буржуазно-демократического правления в Грузии. Многочисленные, включающие до 3—4 тысяч человек, митинги продолжались также у здания Гостелерадио, ряда институтов и в других местах города.

Около 3 тысяч женщин приняли участие в манифестации и сидячей забастовке у дома первого секретаря ЦК КП Грузии, требуя вывода из столицы внутренних войск МВД СССР. До 400 человек увеличилось количество голодающих студентов и старшеклассников у Дома правительства. Голодовки молодежи были организованы и в других местах Тбилиси.

Созданные Гамсахурдиа, Костава и Церетели мобильные группы агитаторов продолжали возбуждать в столице и других городах общественное мнение, организовывать «стихийные» митинги, голодовки, пикетирование промышленных, транспортных предприятий, учреждений и учебных заведений, среди работников которых была усилена агитация прекратить работу и присоединиться к митингующим. Занятия в высших и средних учебных заведениях, общеобразовательных школах не возобновлялись. Дополнительно забастовали работники ряда заводов, учреждений и организаций. К этому же группы молодежи усиленно склоняли к этому и служащих тбилисских узлов связи.

Продолжались стычки между представителями трудовых коллективов и группами агитаторов, оскорбления, угрозы и нападения на сотрудников милиции и военнослужащих. Агитаторы активно распространяли антисоветские листовки.

Однако добиться полной поддержки своих антиобщественных акций со стороны рабочего класса и сельских тружеников лидерам неформальных объединений все же не удалось. Большинство предприятий и учреждений столицы продолжало работать в обычном режиме, хотя и не с полной нагрузкой.

Тем не менее к Дому правительства организованными колоннами прибывали делегации бастующих из других городов и районов республики, и количество митингующих достигло нескольких тысяч человек.

В такой обстановке 8 апреля состоялось заседание Бюро ЦК КП Грузии, на котором обсуждались положение дел в Тбилиси и «план первоочередных политических и организационных мероприятий», включающий меры по наведению порядка, а затем проведено собрание партийно-хозяйственного актива республики, где этот план был одобрен. По завершении работы актива заседание Бюро продолжилось. Учитывая сложившуюся взрывоопасную ситуацию, на Бюро ЦК КП

Грузии было принято решение о пресечении несанкционированного митинга у Дома правительства «с помощью милиции, войск МВД и подразделений Советской Армии» с возложением руководства по проведению этой операции на командующего войсками ЗакВО генерал-полковника И. Родионова.

Следует отметить, что никаких указаний о назначении И. Родионова руководителем операции от Министерства обороны СССР не поступало, однако требования Устава гарнизонной и караульной служб Вооруженных сил СССР обязывали генерал-полковника И. Родионова принять в данной обстановке командование всеми войсками, силами и средствами, выделенными для наведения порядка в городе.

В соответствии с Уставом, утвержденным Указом Президиума Верховного Совета СССР, при совместном расположении в гарнизоне воинских частей Советской Армии, войск КГБ СССР и МВД СССР все они подчиняются начальнику гарнизона, который назначается приказом командующего войсками военного округа.

Таким образом, именно генерал-полковник И. Родионов, обладая как командующий войсками ЗакВО и старший по воинскому званию всеми правами начальника гарнизона, должен был возглавить руководство операцией, и решение Бюро ЦК КП Грузии по этому вопросу является правомерным.

В 17 часов 30 минут того же дня состоялось заседание членов Совета обороны (Д. Патиашвили, Б. Никольский, О. Черкезия, З. Чхеидзе, Г. Гумбаридзе) с участием представителей военного командования (К. Кочетов, И. Родионов, А. Новиков) и руководителей правоохранительных органов (Ш. Горгодзе, А. Каранадзе, В. Шарашенидзе, И. Шошиашвили), на котором политическая обстановка в республике была оценена как крайне обостренная, «границающая с катастрофической». В ходе заседания его участники еще раз единодушно высказались за необходимость «принятия быстрых и решительных мер в рамках закона для восстановления нормальной жизни и деятельности республики». Было определено примерное время проведения операции — в ночь на 9 апреля 1989 года — с учетом того, что в предыдущие дни на площади у Дома правительства в эти часы оставалось наименьшее количество людей. Совету Министров ГССР было предложено подготовить и издать соответствующее постановление как правовую основу для действий органов МВД и привлеченных воинских подразделений по наведению общественного порядка.

В соответствии с изданным Советом Министров ГССР распоряжением МВД ГССР «с привлечением военнотружущих внутренних войск и Советской Армии», предписывалось принять дополнитель-

ные меры по поддержанию общественного порядка — удалить митингующих с площади перед Домом правительства и закрыть свободный доступ граждан к указанному правительственному учреждению, а «к организаторам и активным участникам несанкционированных массовых мероприятий принять установленные законные меры». Аналогичные меры предписывалось осуществить на территории, прилегающей к зданию Гостелерадио ГССР, и при необходимости в других местах города.

Являясь высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти республики, Совет Министров ГССР, согласно Конституции Грузинской ССР, осуществлял, в частности, меры по защите интересов государства, охране общественного порядка, по обеспечению и защите прав и свобод граждан, а его постановления и распоряжения, также в соответствии с Конституцией, были обязательны к исполнению на всей территории Грузинской ССР.

Оперативные же части внутренних войск МВД СССР и подразделения Советской Армии были выделены соответствующими союзными министерствами для оказания помощи правительству республики в поддержании общественного порядка, и вопрос об их использовании специально согласовывался с представителями МВД СССР и военного командования.

Тем временем группы молодежи стали захватывать в городе большегрузные автомобили с щебнем и другими стройматериалами, автобусы и троллейбусы, которые перегоняли на проспект Руставели для его блокирования как со стороны площадей Ленина и Республики, так и со стороны прилегающих к проспекту улиц. Всего с этой целью они использовали большое число единиц транспорта, причем их захват сопровождался угрозами в адрес водителей. Предпринятые работниками ГАИ попытки по освобождению проспекта Руставели и прилегающих к нему улиц от автотранспорта пресекались митингующими, которые активно противодействовали сотрудникам милиции, угрожали и оскорбляли их.

Хулиганские действия в отношении военнослужащих, дерзкий захват государственного автотранспорта, сопряженный с насилием, сопротивление работникам милиции при исполнении ими обязанностей по охране общественного порядка еще раз подтвердили всю взрывоопасность ситуации.

Вечером среди митингующих стало появляться все больше людей в нетрезвом состоянии. Массовую доставку на митинг спиртных напитков и наличие там большого количества пьяных в ходе дальнейшего расследования подтвердили многочисленные свидетели.

В ночь на 9 апреля 1989 года также обострилась обстановка в расположенном вблизи Тбилиси одном из индустриальных центров республики — Рустави. Здесь, как и в Тбилиси, в эти дни проходили организованные представителями неформальных объединений и аналогичные по своему содержанию и направленности массовые несанкционированные митинги.

8 апреля во второй половине дня организованная «неформалами» многотысячная толпа людей, в основном, молодежи, митинговавшая до этого в центре города, двинулась к Руставскому металлургическому заводу. На площади перед заводоуправлением митинг продолжился. В выступлениях ораторов наряду с требованиями о независимости Грузии и ее выходе из состава СССР стали раздаваться призывы к рабочим остановить завод, прекратить работу и присоединиться к митингующим. Слышались возгласы: «Вы варите металл и отдаете России, а она делает оружие и уничтожает нас!». Затем последовали предложения прорваться на завод и провести митинг в мартеновском цехе, что получило бурную поддержку митингующих. Неоднократные обращения работников завода и прибывших сюда сотрудников милиции проявить благоразумие, а также предложения разойтись никакого воздействия не оказали.

К 24 часам обстановка на площади перед заводоуправлением обострилась, огромная толпа людей с возгласом: «Что слушаете их! Разорвем цепи металлургического завода!» — ринулась к центральной проходной, чтобы силой прорваться на территорию завода. Тогда против бесчинствующей толпы были использованы пожарные машины, подогнанные к центральным воротам со стороны завода. Струи воды из брандспойтов несколько охладили нападавших, однако вскоре запасы воды закончились и напор на ворота усилился. В этот критический момент заместитель начальника охраны завода произвел пять предупредительных выстрелов вверх из револьвера, чем пресек дальнейшие попытки митингующих проникнуть на территорию завода. Последние постепенно переместились от центральной проходной к площади перед заводоуправлением, которую покинули около 3 часов ночи.

Проведение митинга у Руставского металлургического завода было задумано с целью сагитировать большинство жителей города и рабочих, перетянуть их на свою сторону. Лозунги и призывы тбилисских эмиссаров не оказали должного влияния: рабочие не позволили митингующим пробиться на заводскую территорию, остановить завод, создать в городе неуправляемую обстановку, посеять хаос и панику.

2. СТРАШНАЯ НОЧЬ

В соответствии с принятым решением генерал-полковник И. Родионов, как руководитель операции по пресечению несанкционированного митинга у Дома правительства, поручил генерал-майору Ефимову (начальнику войсковой оперативной группы МВД СССР) совместно с министром внутренних дел ГССР — генерал-лейтенантом Горгодзе разработать план операции, который был утвержден им около 24 часов 8 апреля. К сожалению, те, кто принимал решение, не оставили своих «автографов» на этом документе, и генерал Родионов, как и предвидел, в тот момент стал «крайним» в тбилисских событиях.

Операцию по пресечению несанкционированного митинга у Дома правительства предусматривалось начать в 4 часа 9 апреля 1989 года, для чего сосредоточить основные силы на площади Ленина в 3 часа 30 минут.

Согласно существующим нормам, внутренние войска были экипированы следующим образом: стальные каски, бронежилеты, резиновые палки, пластиковые и металлические щиты, офицеры были вооружены личным оружием. Приданные парашютно-десантные подразделения были снабжены положенными по штату стальными касками, бронежилетами, малыми пехотными лопатами, офицеры и прапорщики вооружены штатным оружием.

Всего к участию в операции, помимо работников республиканской милиции, привлекались 2300 человек, шесть БТР, восемь БМП, два санитарных автомобиля и четыре пожарных машины. При планировании операции предполагалось применить в случае необходимости против митингующих струи воды из пожарных машин, однако впоследствии было решено использовать пожарные расчеты только при поджогах техники или возникновении пожаров в ходе операции.

Примерно в 3 часа подполковник Гвенцалдзе по распоряжению генерал-лейтенанта Ш. Горгодзе выступил перед собравшимися у Дома правительства и предложил покинуть площадь, предупредив, что в случае продолжения несанкционированного митинга для его пресечения будут использованы войска. Однако митингующие это предупреждение проигнорировали. Тогда по просьбе подполковника перед ними в 3 часа 16 минут выступил Католикос всея Грузии Илия II. Последний обратился к собравшимся с просьбой прекратить митинг, предупредив о реальной опасности, до которой «осталось несколько минут».

Услышав этот призыв, один из организаторов митинга — Церетели, находившийся в помещении медпункта в Доме художника, с криком «Кто дал ему (т.е. Католикосу) право распоряжаться людьми?» вы-

бежал на площадь, завладел микрофоном и начал призывать людей не покидать площадь, остаться верными данной клятве.

После неоднократных предупреждений о применении силы, когда стало уже совершенно очевидным, что войска и военная техника вскоре двинутся по проспекту к Дому правительства, на площади через звукоусиливающую аппаратуру в 3 часа 50 минут зазвучала музыка, песни, в отдельных местах проспекта небольшие группы демонстрантов начали танцевать.

Специально подготовленная звукозапись танцевальных мелодий и одновременно организованные в нескольких местах танцы, явно показное и не естественное в минуты грозящей опасности веселье свидетельствуют о том, что лидеры неформальных объединений, действуя по заранее разработанному сценарию, стремились придать митингу видимость безобидной, мирной манифестации.

В 4 часа 9 апреля 1989 года, как это предусматривалось планом, подразделения 4-го мотострелкового полка медленно двинулись к Дому правительства.

Практически с первых минут движения военнослужащие десантных подразделений подверглись нападению со стороны митингующих. Еще до соприкосновения боевых порядков с участниками митинга от ударов камнями, бутылками и другими предметами получили телесные повреждения различной степени тяжести шесть десантников.

При проходе бронетранспортеров митингующие, пропустив боевую технику по проспекту, вновь сомкнулись. Войсковые цепочки 4-го мотострелкового полка после неоднократных остановок и обращений подполковника Бакланова через радиомегатфон к участникам митинга с предложением покинуть проспект и предупреждением в случае отказа о применении силы в 4 часа 06 минут вошли в соприкосновение с митингующими в районе правого крыла Дома правительства, пытались потеснить их вдоль проспекта с помощью щитов.

Установлено, что еще 8 апреля организаторы митинга готовились к активному отпору силам правопорядка, для чего формировали группы спортсменов, физически крепких мужчин, владеющих приемами борьбы. Непосредственно перед началом операции эти люди встали в первых рядах митингующих и еще до столкновения с военнослужащими внутренних войск начали забрасывать их бутылками, камнями и другими предметами, а затем оказали яростное и упорное сопротивление, используя для этого палки, металлическую арматуру, ножи, пикеты и т.д.

Преодолевая упорное сопротивление митингующих, военнослужащие 4-го мотострелкового полка продолжали медленно вытеснять их

вдоль проспекта в направлении площади Республики. Критическая ситуация, чреватая резким увеличением потерь личного состава и срывом операции, а также отсутствие резерва сил МВД вынудили генерал-полковника Родионова по просьбе генерал-майора Ефимова выделить в помощь группе вытеснения парашютно-десантную роту в количестве 59 человек.

После кратковременного (не более 10 минут) соприкосновения с митингующими личный состав парашютно-десантных подразделений, как это и предусматривалось планом, стал выполнять лишь охранные функции и в дальнейшем вытеснении не участвовал.

Военнослужащие продолжали медленно теснить толпу вдоль проспекта в направлении площади Республики. Сопротивление митингующих становилось все более ожесточенным. Вот свидетельство студента 4-го курса Политехнического института: «...Я находился у микрофона в центре у входа в Дом правительства. Солдаты подошли очень быстро и около 4 часов начали вытеснять митингующих... Мы просто озверели от увиденного и, как могли, стали избивать солдат. В руках у нас были палки. Я лично разломал скамейку у 1-й средней школы и с этим колом пошел крушить солдатские головы. Жаль, что они были в шлемах, иначе я не одного бы послал на тот свет... Часть солдат была окружена нашими грузинскими ребятами, среди которых были спортсмены, занимающиеся карате, дзюдо, боксом. Эти ребята достаточно быстро расправились с солдатами. Шла драка насмерть, было пролито много крови — и нашей, и солдатской. Я подключился к этим ребятам. Сам я 10 лет занимался вольной борьбой. Ребята отнимали дубинки, ломали щиты и укладывали солдат штабелями на землю...»

Наряду с наличием у экстремистски настроенной части митингующих заранее приготовленных орудий нападения в виде металлических стержней, пик, ножей у них имелось и огнестрельное оружие.

Продолжая преодолевать упорное сопротивление бесчинствующей толпы, личный состав 4-го мотострелкового полка примерно к 4 часам 30 минутам закончил освобождение площади от митингующих. К этому времени на лестнице, площадке и газонах перед входом в Дом правительства — у левой части его фасада, где ранее возникла большая давка, — были обнаружены 16 погибших и многочисленные пострадавшие, которым немедленно оказывалась помощь милицией, военнослужащими и прибывшим персоналом «Скорой помощи».

После вытеснения митингующих от Дома правительства внутренние войска, продолжая выполнение поставленной задачи, подошли к рубежу улиц Джорджиашвили и Леси Украинки. В этом районе они вновь встретили организованное и ожесточенное сопротивление боль-

шой группы мужчин-демонстрантов (от одной до нескольких тысяч человек). Помимо забрасывания боевых порядков войск камнями, бутылками и другими предметами, в отношении военнослужащих были применены пики, ножи, обрезки металлических труб, бутылки с зажигательной смесью. В солдат бросали различными тяжелыми предметами из окон, балконов и с крыш жилых домов. Вследствие этого продвижение войсковых шеренг приостановилось, солдаты, защищаясь от множества летящих предметов, вынуждены были сгруппироваться и укрыться щитами. Не менее 40 военнослужащих получили телесные повреждения различной степени тяжести.

В этой исключительной ситуации, когда жизни и здоровью военнослужащих угрожала реальная опасность, генерал-майор Ефимов с целью предотвращения более тяжких последствий в полном соответствии с Уставом боевой службы внутренних войск отдал приказ на применение спецсредств «Черемуха».

Подполковник Бакланов по радиомегافону призвал митингующих к прекращению сопротивления и предупредил их, что в противном случае будут использованы слезоточивые вещества. Однако это никаких результатов не принесло. После этого специальным расчетом были применены пятнадцать единиц «Черемухи-6», что позволило рассредоточить бесчинствующую толпу.

Аналогичная ситуация сложилась на проспекте Руставели и в районе улиц Луначарского и Чавчавадзе, где по решению генерал-майора Ефимова и подполковника Бакланова были использованы три единицы «Черемухи-4» и семь единиц «Черемухи-5».

При выходе к площади Республики войска вновь встретили яростное сопротивление митингующих, действовавших, в основном, из-за баррикады, составленной из большегрузных машин, троллейбусов и автобусов. Отсюда они забрасывали военнослужащих камнями, металлическими и деревянными предметами. Не возымело действия и применение двух единиц «Черемухи-4». Тогда подполковник Бакланов отдал распоряжение на использование четырех единиц химических спецсредств «К-51», после чего толпа рассеялась.

В 5 часов 10 минут вытеснение митингующих с проспекта Руставели было завершено. В результате организованных противоправных действий митингующих получили ранения и травмы 187 военнослужащих.

В дальнейшем было установлено, что давка среди митингующих началась в момент появления на площади боевых порядков 4-го мотострелкового полка, а затем постоянно усиливалась вследствие возникшей паники.

Активное сопротивление первых рядов митингующих не позволяло находившимся за ними людям покинуть митинг через специально образованные в боевых порядках проходы.

Уйти с проспекта в направлении площади Республики для большинства собравшихся (особенно от лестницы Дома правительства) оказалось крайне затруднительно из-за встречного притока больших групп митингующих. Так как на ступеньках Дома правительства сидели и лежали люди, поддавшиеся на призывы организаторов митинга не уходить, то, когда они стали падать друг на друга, именно в этом месте возникла наибольшая давка, в которой погибли либо получили телесные повреждения демонстранты.

После пресечения несанкционированных митингов у Дома правительства и здания Гостелерадио СССР в течение дня 9 апреля обстановка в Тбилиси продолжала оставаться напряженной. По городу распространились слухи о многочисленных жертвах, экстремистски настроенные элементы настойчиво призывали к «отмщению» и возмездью военнослужащим, пытались противодействовать предпринимаемым воинскими подразделениями и органами милиции мерам по наведению порядка.

В целях стабилизации положения в тот же день Указом Президиума Верховного Совета Грузинской ССР в Тбилиси был введен комендантский час.

Центр занимал странную и непоследовательную позицию. Политбюро, и в первую очередь Горбачев, требовало нормализации обстановки в республике — и в то же время ЦК Компартии Грузии (Паташвили, а затем и Гумбаридзе) обвинялся в излишней драматизации событий.

Кстати, в те дни Политбюро в полном составе не собиралось. Были лишь встречи некоторых членов Политбюро для рассмотрения создавшегося положения. Совет Министров СССР совсем не привлекался к участию в этом деле.

Излюбленная фраза Генсека: «Не следует драматизировать события» — сковывала руководителей, не давала им принимать решения, а средства массовой информации, которые практически все являлись органами ЦК КПСС, боялись показывать истинное лицо происходившего. В результате люди получали явно тенденциозную информацию, видели все в ложном свете, верили слухам.

Подобный стиль, проявившийся в тбилисских событиях, вообще был характерен для Горбачева. Он уходил от принятия непопулярных решений, особенно если это касалось наведения порядка. В итоге власти на местах оказывались парализованными и лишенными возмож-

ности влиять на события. Любимое же выражение Горбачева: «Процесс пошел» — можно было истолковывать по-разному. Применительно к описываемым событиям: куда он пошел? Как оказалось, в сторону развала великой державы и уничтожения существующего строя.

Москва рекомендовала не допускать конфронтации и не гасить «процесс» и в то же время приказывала держать войска наготове, не допуская погромов или захвата правительственных учреждений. Это было указание Горбачева, который, находясь тогда в Англии, постоянно поддерживал связь с Москвой и был полностью в курсе дела. Ни одна команда не поступала в Тбилиси без согласования с ним.

До сих пор возникают вопросы: почему Шеварднадзе и Разумовский не вылетели в Тбилиси 8 апреля, как предписывал Горбачев? Кто и зачем отменил принятое поздно вечером 7 апреля решение о поездке? Плохо верится, что она была отменена по просьбе первого секретаря ЦК Компартии Грузии. Вряд ли теперь кто-либо узнает истинное положение дел в те трагические дни, но я лично полагаю, что это была игра Шеварднадзе и Горбачева. Шеварднадзе не хотел находиться в гуще событий, где волей-неволей ему пришлось бы принимать какие-либо решения. Горбачев, выведя из «игры» своего друга, фактически оставил руководство Грузии один на один с проблемой, а заодно подставил и армию, которой не любил да и побаивался.

Первым 9 апреля прибыл в Тбилиси заместитель Председателя КГБ Ф. Бобков. 9 апреля в 12 часов должно было состояться заседание Бюро ЦК, а затем расширенный Пленум ЦК. Как вспоминает А. Чехов: «Я выехал своевременно, но уже на подъезде к Тбилиси мне позвонили в машину и сообщили, что все отменяется и надо возвращаться. Тем не менее я въехал в город, чтобы самому посмотреть, что произошло. На улицах были военные патрули, но в городе было спокойно, работали все предприятия и организации. Более того, в ЦК мне сказали, что в трудовых коллективах прошли митинги, где действия власти признаны правильными, высказано удовлетворение тем, что все руководство “неформалов” арестовано, вакханалия прекращена и наконец стали наводить порядок.

Бюро и Пленум по предложению Москвы было намечено провести 10 апреля, после прибытия Шеварднадзе и секретаря ЦК Разумовского. Этот перенос имел в дальнейшем существенное значение».

К вечеру 10 апреля прибыли представители ЦК, но сразу стало ясно, что у них совсем другие задачи. Во-первых, Д. Патиашвили попросили не приезжать в аэропорт для встречи, во-вторых, не заезжая в

ЦК, Шеварднадзе и Разумовский немедленно отправились к месту гибели демократов и возложили венок из Москвы, преклонили колени и поставили свечи за упокой. Затем после краткого посещения ЦК отправились на встречу с интеллигенцией в университет — осиное гнездо «демократов». И тут начался шабаш: Шеварднадзе сказал, что сожалеет о непродуманных и жестоких действиях ЦК (он выделял именно этот орган, без правительства), МВД, армии и что он приехал разобраться и строго наказать виновных! Он четко заявил, что армия по приказу Патиашвили набросилась в 4 часа ночи на мирно танцующих юношей и девушек и жестоко изрубила их саперными лопатками. Тут же по требованию общественности было дано распоряжение немедленно выпустить арестованных.

Поздно вечером состоялось Бюро ЦК Компартии Грузии. Было решено разоблачить роль подлинных провокаторов, выяснить, кто собрал людей и организовал их противоправные действия.

Об этом говорили ночью, а утром события были истолкованы совсем по-иному. Весь удар был направлен на армию. Генерала Родионова, прекрасного человека и высокого профессионала, честно выполнявшего свой долг, сделали козлом отпущения. Уже не было и речи об ответственности Гамсахурдиа и его сподвижников. Вскоре все они оказались на свободе и даже получили разрешение на участие в выборах в Верховный Совет Грузии. Оказывается, во всем были виноваты Москва, армия и Патиашвили.

В результате произошел невероятный рост авторитета «народных фронтовиков». Теперь их акции проходили под охраной и в сопровождении милиции. Более того, они стали вызывать к себе республиканских руководителей на отчет (!) и диктовать новому руководству ЦК, кого куда назначить, кого снять.

Э. Шеварднадзе же прослыл великим миротворцем, сумевшим успокоить Тбилиси, о чем с гордостью на Пленуме ЦК КПСС сообщил М. Горбачев. Генерал И. Родионов, как дисциплинированный военный, в то время не мог рассказать об истинной роли Генсека в этой истории. Горбачев же занял позицию человека, ни о чем не ведающего. Кстати, это не единственный пример его «двойственности». У Горбачева появилась с тех пор новая формула: «Надо наводить порядок. Действуйте, я вас поддержу». Каким образом он поддержит армию, руководство Грузии и Москвы, мы сможем увидеть, когда тбилисские события будут обсуждаться по материалам «Комиссии Собчака» на Съезде народных депутатов. Там вскроются настоящее лицо фальсификаторов событий, спекуляции жертвами той ночи, роль саперных лопаток и отравляющих газов. Но все это впереди.

3. ПОЗОРНОЕ СУДИЛИЩЕ

Первый Съезд народных депутатов СССР открылся, как известно, 25 мая 1989 года. В то утро в Кремлевском дворце съездов собралось более двух тысяч народных депутатов.

В день открытия Съезда режиссер-постановщик киностудии «Грузия-фильм», а по совместительству депутат Шенгелая поднял вопрос о произошедшем в Тбилиси 9 апреля и предложил посмотреть видеофильм о тех трагических событиях. В заключение всю ответственность он возложил на генерала И. Родионова: «И последнее. Вследствие этой — другого слова я не нахожу — военной карательной акции погиб к сегодняшнему дню 21 человек, более 4 тысяч человек обратились за врачебной помощью, более 3 тысяч отравлены, сотни покалечены и ранены. Этой акцией руководил генерал Родионов. Я не думаю, что к лицу нашему Съезду такой депутат в наших рядах. Вот что я хотел заявить».

Такова была трактовка событий этого дня. Власти Грузии ни при чем. Есть только жестокий генерал Родионов!

В конечном итоге было принято решение создать специальную комиссию по расследованию тбилисских событий, и на своем заседании 31 мая Съезд приступил к ее формированию.

Обстановка была накалена. Одни заявляли, что нет необходимости создавать комиссию Съезда, т.к. уже существует комиссия Верховного Совета СССР, которая во всем разобралась. Другие (казахская делегация) упорно настаивали, чтобы председателем комиссии стал член Политбюро Яковлев А.Н.

Депутат М. Полторанин, политический обозреватель Агентства печати «Новости» и близкий в то время соратник Ельцина, предложил избрать председателем комиссии Н. Назарбаева. Кстати, в своем выступлении Нурсултан Абишевич дал этим событиям четкую и взвешенную оценку.

Для того чтобы представить атмосферу, в которой проходило это обсуждение, приведу фрагмент стенограммы:

«Депутат (не представился): Мои совесть и убеждения не позволяют мне сотрудничать с убийцей. (Шум в зале.) Поэтому я слагаю с себя полномочия депутата до тех пор, пока среди нас находится генерал Родионов. (Шум в зале.)»

В конечном итоге комиссию утвердили, а председателя поручили избрать ее членам. Вот так во главе комиссии стал «демократ» первой волны, приснопамятный Собчак. Много бед наделал этот говорун. История уже вынесла ему приговор.

Прежде чем говорить о дальнейшем развитии и оценке тбилисских событий, я бы хотел остановиться на истории взаимоотношений России и Грузии.

Осмысливая происходившее в Грузии в 80—90-х годах ушедшего столетия, зададим себе вопрос: как Грузия оказалась в составе России, а затем СССР, на каких условиях и в результате каких завоевательных войн она была присоединена к России?

В своей политике на Кавказе Россия, имея стратегические цели, опиралась также на встречное движение его многочисленных народов, искавших у своего северного соседа защиты от притязаний иранских и турецких феодалов.

Еще в XVII веке, во времена Михаила Федоровича, первого царя династии Романовых, началось движение отдельных княжеств Грузии по переходу их в русское подданство.

Новый импульс к сближению России с народами Кавказа дала деятельность Петра I. Целая серия переговоров с феодалами Грузии, отправка воинских частей в Закавказье вынудили иранского шаха пойти на уступки.

В 1763 году императрица Екатерина II подписала указ о поселении в урочище Моздок окрестившихся осетин. Здесь же стали возводить крепость, в которой разместились русские войска. В этот район началось переселение казаков с Дона и Волги, а затем под Моздок стали переезжать ингуши и кабардинцы. Все это отражало прорусские настроения среди горских народов Кавказа.

Как известно, в декабре 1782 года царь Картли-Кахетии Ираклий II и царь Имеретии Соломон I обратились к Екатерине II с просьбой о принятии их владений под покровительство России. В начале 1783 года в крепости Георгиевск на Северном Кавказе был подписан договор об установлении протектората России над Восточной Грузией. Георгиевский трактат был бессрочным. Цари Восточной Грузии обещали защищать на своей территории права российских подданных и нести вольную службу для пользы России. В свою очередь, России были даны права в управлении и льготы в торговле.

В конце XVIII века в Грузию вторглись войска шаха Ирана. Существование грузинских княжеств оказалось под вопросом. Протекторат России не мог служить надежной гарантией безопасности.

В 1800 году преемник Ираклия II Георгий XII обратился в Петербург с просьбой о вступлении в российское подданство. Царь Павел I 18 января 1801 года подписал манифест о присоединении Грузии к России.

Выдающийся грузинский общественный деятель и писатель И.Г. Чавчавадзе так писал в связи со вступлением русских войск в Тбилиси:

«Покровительство единоверного великого народа рассеяло вечный страх перед неумолимыми врагами. Утихомирилась давно уже не видевшая покоя усталая страна, отдохнула от разорения и опустошения, от вечных войн и борьбы. Исчез грозный блеск занесенного над страшной и нашими семьями вражеского меча. Исчезли полыхающие пожары, в которых гибли дома и имущество наших предков, канули в вечность грабительские набеги, оставившие лишь страшное, потрясающее воспоминание. Наступило новое время, время покоя и безопасной жизни для обескровленной и распятой на кресте Грузии».

Спустя 5 лет в ходе русско-турецкой войны, согласно Сан-Стефанскому мирному договору, Россия приобрела Аджарию и Западную Армению. Так завершилось формирование границы России в Закавказье.

В 1983 году, работая секретарем ЦК КПСС, я был свидетелем, как упорно настаивал первый секретарь ЦК Компартии Грузии Э.Шеварднадзе на проведении в стране широкомасштабного юбилея «Георгиевского трактата». Его мотивы были весомы — два столетия назад Грузия добровольно вошла в Россию и с тех пор живет в дружной семье народов СССР.

Наступил 2003 год, но почему-то господин Шеварднадзе ни словом не обмолвился о проведении 220-летнего юбилея! В это время он был занят другими делами: пригравал террористов в своем ущелье, общался с американскими генералами, без оглядки рвался в НАТО. Вот такой оказалась его «вечная дружба».

Революция 1917 года, Гражданская война, разрушение Российской империи вызвали стремительные центробежные силы в государственном строительстве. Образовалось большое количество суверенных государств со своей собственной властью и государственным устройством.

Однако по окончании Гражданской войны начался трудный процесс реформирования государственного устройства, который закончился 30 декабря 1922 года принятием Декларации и Договора об образовании СССР.

12 марта 1921 года полномочная конференция представителей Социалистических Советских Республик Азербайджана, Армении и Грузии, «исходя из провозглашенного великой пролетарской революцией права народов на самоопределение, признавая независимость и суверенность каждой из договаривающихся сторон и сознавая необходимость сплотить свои силы в целях обороны и в интересах хозяйственного строительства, постановила, что отныне Социалистические Советские Республики Азербайджана, Армении и Грузии вступают между собой в тесный военный, политический и экономический союз».

Кампания по оформлению Закавказской федерации была закончена в ноябре 1921 года. Все советы Грузии, Азербайджана и Армении единодушно высказались за образование федерации. Пленум Закавказского краевого комитета партии в феврале 1922 года принял решение о созыве полномочной конференции представителей ЦИК Азербайджана, Армении и Грузии.

Конференция состоялась в Тифлисе 11—12 марта 1922 года. Она приняла Союзный договор Закавказских Советских Социалистических Республик и воззвание к трудящимся всех стран о значении федерации.

Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика просуществовала до февраля 1937 года. Как известно, представители РСФСР, УССР, ЗСФСР и БССР подписали Декларацию об образовании СССР.

Обращает на себя внимание особый в те годы подход руководства партии к вопросам государственного строительства в Закавказье. Он резко отличается от политики, проводимой по этому вопросу в РСФСР.

В письме закавказским коммунистам В.И. Ленин характеризовал его так:

«Больше мягкости, осторожности, уступчивости по отношению к мелкой буржуазии, интеллигенции и особенно крестьянству. Использовать экономически всячески, усиленно, спешно капиталистический Запад в политике концессий и товарообмена с ним. Надо это сделать широко, твердо, умело, осмотрительно, используя это всячески для улучшения положения рабочих и крестьян, для привлечения к строительству хозяйства интеллигенции.

Более медленный, более осторожный, более систематический переход к социализму — вот что возможно и необходимо для республик Кавказа в отличие от РСФСР. Вот что надо понять и уметь осуществить в отличие от нашей тактики».

Подобная позиция была высказана им в марте этого же года в письме Г. Орджоникидзе: «Необходима особая политика уступок по отношению к грузинской интеллигенции и мелким торговцам. Надо понять, что их не только нерасчетливо национализировать, а надо пойти на известные даже жертвы, лишь бы улучшить их положение и оставить им возможность вести мелкую торговлю...

Прошу напомнить, что и внутренние, и международные условия Грузии требуют от грузинских коммунистов не применения русского шаблона, а умелого и гибкого создания своеобразной тактики, основанной на большей уступчивости всяческим мелкобуржуазным элементам».

Известно, что во второй половине 1922 года возникло острое противоречие между ЦК РКП (б) и ЦК КП Грузии. Основа конфликта зак-

лючалась в том, что Сталин, Орджоникидзе, Дзержинский выступали за создание жестко централизованного государства. Члены ЦК КП Грузии настаивали на предоставлении большей самостоятельности национальным регионам и просили войти в будущий СССР непосредственно, а не через ЗСФСР. Полемика с обеих сторон носила грубую форму, сопровождалась навешиванием ярлыков и оскорблениями. Закончилось это рукоприкладством Орджоникидзе в отношении А. Кабакидзе, который назвал Серго «сталинским ишаком».

Ленин, как известно, был глубоко возмущен «русским рукоприкладством» Орджоникидзе и снисходительностью к нему Дзержинского, расследовавшего этот факт. Ленин потребовал «защитить российских иноверов от нашествия того истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ».

Под сильным воздействием так называемого грузинского инцидента в декабре 1922 года была напечатана работа (письмо) В.И. Ленина «К вопросу о национальностях или “об автоматизации”». Он сформулировал свое понимание интернационализма применительно к русской нации: «...Необходимо отличать национализм нации угнетающей и национализм нации угнетенной, национализм большой нации и национализм нации маленькой».

По отношению ко второму национализму почти всегда в исторической практике мы, националы большой нации, оказываемся виноватыми в бесконечном количестве насилия, и даже больше того — незаметно для себя совершаем бесконечное количество насилий и оскорблений.

Поэтому интернационализм со стороны угнетающей или так называемой великой нации (хотя великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда) должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большой то неравенство, которое складывается в жизни фактически».

Я привожу здесь большие выдержки из работы Ленина, т.к. в национальных вопросах политические деятели длительное время ориентировались на эту работу.

В апреле 1923 года состоялся XII съезд РКП(б). На нем полную поддержку получила ленинская трактовка интернационализма. «Нельзя даже подходить здесь с точки зрения равенства наций... — утверждал Н. Бухарин. — Наоборот... мы в качестве бывшей великодержавной нации должны идти наперерез национальным стремлениям и поставить себя в неравное положение в смысле еще больших уступок национальным течениям... Только идя наперерез, только при такой полити-

ке, когда мы себя искусственно поставим в положение более низкое по сравнению с другим, только этой ценой мы сможем купить себе настоящее доверие прежде угнетенных наций».

Сделанный Лениным перекося в сторону «угнетенных» наций поставил «угнетающую» нацию — русский народ в неравное положение в политической системе государства.

Ленинская линия четко выполнялась в годы Советской власти. В РСФСР, где проживали большинство русских, они же и оказались в худшем положении, нежели в остальных республиках Советского Союза. Материальных ценностей Россия производила больше, чем потребляла. Разница уходила для подтягивания национальных «окраин». Как они это оценили, можно сделать вывод по тбилисским событиям, а также по всплескам национализма в Узбекистане, Казахстане, Азербайджане, Украине, в Прибалтике и других республиках.

Я специально привел данные из некоторых работ по так называемой оккупации Грузии да и других республик имперской Россией. Время покажет, к какому берегу «прижмется» Грузия в будущем.

Комиссия Съезда народных депутатов СССР по расследованию тбилисских событий в составе 24 народных депутатов избрала председателя — А. Собчака и ответственного секретаря — не менее известного С. Станкевича. Как ни парадоксально, но впоследствии, насладившись властью, один — в Ленинграде, другой — в Москве, они пустились в бег: один — во Францию, другой — в Польшу. Но это будет позже, через несколько лет, а тогда они были ведущими ниспровергателями существовавшего строя.

В конце июня комиссия отбыла в Тбилиси и приступила к расследованию. По итогам работы были подготовлены заключения, подписанные всеми членами комиссии, и доклад Собчака Съезду народных депутатов.

Нет необходимости полностью цитировать тот и другой документы. Остановлюсь только на некоторых положениях этих материалов и прокомментирую их имеющимися у меня заключениями. Следует отметить, что часть положений официального документа комиссии не совпадает с тезисами выступления Собчака. Так, в устном докладе Съезду 24 декабря 1989 года он сообщает, что события 9 апреля 1989 года нужно рассматривать в контексте общих процессов национальных и демократических движений, которые сегодня происходят в стране. Таким образом, он превращал агрессивно действовавших националистов чуть ли не в героев «перестройки».

Комиссия была обязана объективно оценить суть и методы этих «мирных демонстраций», роль их организаторов — Гамсахурдия, Це-

ретели да и члена комиссии Шенгелая. Чем можно объяснить привлечение детей и подростков, учащихся школ, которые вместе со своими учителями организованно направлялись на митинги? Разве мирные цели преследовали люди, вооружившиеся прутьями, ножами, заточками и т.д.?

Впрочем, комиссия была вполне снисходительна к ним. Она отмечала, что «в ходе расследования не было выявлено террористических актов, не установлены факты, свидетельствующие о реальных попытках захвата власти, случаях насилия или покушения по политическим мотивам в отношении работников советских и партийных органов».

Никакая демократия не отрицает того, что необходимо иметь силовые структуры для поддержания порядка. Но все выступающие на Съезде — и депутаты, и представители Генпрокуратуры — говорили о недопустимости применения армии в решении таких проблем. Прошло 5 лет, и главный демократ, Ельцин, для расстрела российского парламента в 1993 году привлек регулярную армию.

Комиссия сделала вывод, что политическую и иную ответственность за трагические события несут секретари (к тому времени уже бывшие) ЦК Компартии Грузии — Д. Патиашвили и Б. Никольский. Ответственность за нарушения и просчеты возлагалась также на генералов К. Кочетова, И. Родионова, Ю. Ефимова. Министра внутренних дел Грузии Ш. Горгодзе, который в силу своего положения обязан был обеспечить порядок и спокойствие в городе, только немного пожурили. Для приличия упомянули и о зачинщиках и организаторах этих массовых беспорядков — Гамсахурдиа, Церетели и др. Но все это было сказано мимоходом. Серьезной оценки их действиям не дали. И в то время, и особенно сейчас, спустя много лет, совершенно очевидно, что комиссия заняла одностороннюю позицию.

После доклада Собчака выступил Главный военный прокурор СССР А. Катусев. По некоторым позициям он не согласился с выводами комиссии и дал им свое толкование. Может быть, поэтому Съезд и принял решение не публиковать его выступление.

Наибольшие разногласия между «Комиссией Собчака», руководством Грузии, армейским руководством, Генеральной прокуратурой и многочисленными публикациями возникли по вопросу применения саперных лопаток, использования отравляющих средств и причины гибели людей в тот день. Рассмотрим эти факты.

Миф о саперных лопатках. Как известно, сложившееся в ту ночь положение потребовало ввести в действие парашютно-десантный батальон. Одна рота численностью 59 человек, как уже было сказано, на-

ходила в соприкосновении с толпой всего 10 минут. Командование приказало не выдавать солдатам автоматы и штык-ножи. Саперные лопатки стали единственным средством самозащиты.

Командир парашютно-десантного батальона дал команду защищаться от летящих в них предметов саперными лопатками. Сообщения о том, что десантники преследовали людей, разбегавшихся по проспекту Руставели, и били их саперными лопатками, являются вымыслом. От ударов могли пострадать только нападавшие на десантников боевики. Между прочим, эксперты-медики выявили 7 человек, пострадавших от злополучных лопаток. Тогда как только среди десантников ранения различной степени тяжести получили 30 человек.

Больше половины свидетелей дали показания примерно одинакового содержания, а именно: солдат русской или среднеазиатской национальности беспричинно жестоко избил лопаткой девушку, мальчика (либо парня), который своим телом пытался закрыть женщину. Все показания свидетелей в дальнейшем были проверены. Ни один из приведенных фактов своего подтверждения не нашел. Анализируя их в совокупности с другими доказательствами, следствие признает показания свидетелей в этой части недостоверными, ложными.

Не соответствуют обстоятельствам дела и являются надуманными, пропагандировавшимися в прессе, на радио и телевидении (в том числе в некоторых союзных средствах массовой информации) факты жестокости военнослужащих, которые якобы беспощадно рубили лопатками людей на площади. Миф о саперных лопатках до сих пор переходит из одной публикации в другую, используется политическими деятелями по поводу и без повода. Главной причиной такой живучести легенды является стремление показать жестокость русского народа и Советской Армии. Подобные заявления являются хорошо продуманной и спланированной акцией с целью подрыва авторитета Вооруженных сил СССР в глазах народа.

Об отравляющих веществах. Тбилисские медики в первые же дни указали во врачебных свидетельствах, что 12 человек погибли в результате асфиксии (от сдавливания). Вопреки этому на основании заключения патологоанатома Деканосидзе появились выводы, будто причиной смертей стало также отравление химическими веществами. Явно не научное заключение вынудило следователей допросить Деканосидзе, и она нашла мужество признать, что при описании обстоятельств гибели использовала слухи, а в выводах вышла за пределы своей компетенции. Ложность ее заключения убедительно доказали высококвалифицированные эксперты. Следователи в строгом соответствии с законом получили, оформили и направили в экспертные учреждения препараты из

внутренних органов и одежду погибших. Эксперты категорически отвергли версию отравления.

Однако в ноябре этого же года через комиссию Съезда в прокуратуру снова поступили препараты, о которых было заявлено, что они без оформления хранились все у той же Деканосидзе. Проанализировав их, консультанты, по словам председателя комиссии, не исключают отравления. Была назначена новая экспертиза, и снова эксперты сообщили, что выводы об отравлении неверны.

Что же происходило на самом деле? Как было уже сказано, столкнувшись с ожесточенным сопротивлением, военное руководство приняло решение применить против нападающих химические спецсредства «Черемуха» и «К-51». Об этом митингующих заранее предупредили через мегафон, в очередной раз призывая их разойтись. Однако они не вняли предупреждению.

Позже, объясняя причины своего решения использовать спецсредства, полковник Бакланов сказал: «Разъяренная толпа забросала нас градом камней, бутылок, металлических прутьев, а по бронетранспортерам бросали деревянные скамейки, разбили все фары, габаритные огни. У личного состава было разбито 30 процентов щитов... Автобус с ранеными был забит полностью. Бесчинствующие митингующие разбили стекла в автобусе и санитарных машинах. Я доложил об этом генералу Ефимову и по его приказу дал майору Маслову задание применить специальное средство «Черемуха».

Вопреки усиленно распространяемым слухам о применении войсками отравляющих веществ, использовании ими противогазов и т.п. ничего подобного они не имели и не применяли. Что же касается «Черемухи» и «К-51», не являющихся отравляющими веществами, то внутренним войскам было предоставлено право применять такого рода спецсредства «для пресечения массовых беспорядков, групповых нарушений общественного порядка и иных антиобщественных действий».

Наши «Черемуха» и «К-51» относятся к «полицейским газам» и используются для противодействия правонарушителям. Согласно Женевскому протоколу о запрещении применения на войне ядовитых и удушающих газов (1925 г.) и Документу ООН (03.02.1989 г.), эти вещества не относятся к химическому оружию. Полагаю, что многие видели на экранах телевизоров, как эти «полицейские газы» широко применяются в различных странах для ликвидации массовых беспорядков.

По заключению специальной судебно-химической экспертизы, в работе которой принимали участие представители ООН, применение спецсредств 9 апреля не создавало угрозы для жизни и здоровья ми-

тингующих. Опасной концентрации «Черемухи» и «К-51», а тем более каких-либо действительно отравляющих веществ эксперты не обнаружили.

Об оценке ущерба здоровью и причинах гибели людей. По данным Минздрава Грузинской ССР, во время операции и после нее в больницы Тбилиси поступил 251 человек, из них 183 — госпитализированы. По данным Генпрокуратуры СССР, в этих событиях пострадали 189 военнослужащих. Трагический результат состоял в том, что 16 участников погибли на месте происшествия, а трое вскоре скончались в больнице.

Вокруг этих смертей, как и вокруг саперных лопаток, было много домыслов и спекуляций. В действительности же по призыву Гамсахурдиа часть митингующих сели на асфальт и ступени лестницы перед Домом правительства. Когда возникла паника, то сидящие уже не могли подняться, их просто затоптала толпа.

Сопоставление сообщений очевидцев и показаний военнослужащих позволяет сделать однозначный вывод: повлекшая за собой человеческие жертвы давка возникла не в результате действий солдат, а в связи с провокационной и усиливавшейся паникой, а также общим хаосом в деятельности организаторов митинга и их подручных боевиков.

Причины гибели и нанесения ущерба здоровью людей были в полной мере использованы теми, кто стремился манипулировать человеческими чувствами в своих политических целях для маскировки собственной подстрекательской роли.

Вот такое позорное судилище произошло в 1989 году на Первом съезде народных депутатов СССР. Читатель, полагаю, убедился, что это был суд над существовавшей в стране властью, политический рычаг для дестабилизации положения. Рвавшиеся к власти «демократы» первой волны в максимальной степени использовали трагические события в Грузии. В то время им было наплевать, что они выпускают из бутылки «джинна» — махровый национализм, который стал одним из основных истоков разрушения единого государства. Непоследовательность политики руководства, безнаказанность забастовщиков и бунтовщиков ясно показали пути, средства и методы уничтожения Советского Союза и общественного строя.

Поскольку этот съездовский шабаш транслировался день и ночь по телевидению, у людей складывалось впечатление, что бедных и невиновных грузин обижают союзные «дяди». Чтобы передать абсурд «обсуждения» этого вопроса, приведу в качестве примера поведение народных избранников.

После своего выступления на Первом Съезде народных депутатов СССР Д. Патиашвили двинулся под улюлюканье «демократической» части депутатов по проходу к своему месту, но, когда стали скандировать «Убийца!», «Позор!», «Негодяй!», он вдруг остановился, развернулся и двинулся обратно к трибуне! Надо было в этот момент обратить внимание на Горбачева и Шеварднадзе. Первый с побледневшим лицом отвалился на спинку стула, а второй, опершись обеими руками о стол, приподнялся и налитыми кровью глазами буквально стал сверлить Патиашвили. Однако секундные эмоции прошли, сработала партийная дисциплина и... махнув рукой, Патиашвили понуро пошел на свое место.

4. ПОЛИТИЧЕСКИЕ АВАНТЮРИСТЫ И ЛИЦЕМЕРЫ

Прошло немало лет после трагических тбилисских событий 9 апреля 1989 года. По мнению многих российских политиков, Тбилиси стал своего рода полигоном для отработки тактики действий по дискредитации центральных и региональных органов государственной власти и деморализации армии.

За прошедшие годы в Грузии произошли большие политические катаклизмы. Эдуард Амвросиевич добился своего. Свергнув Гамсахурдиа, он стал президентом государства. По-видимому, его расчет был на поддержку зарубежных друзей — известных западных государственных деятелей, которые ему и Горбачеву весьма и весьма обязаны. Он полагал, что в Грузию потекут потоки долларов и она станет цветущим краем. Однако и сейчас за политику своих вождей расплачивается лишь народ республики. Дорого заплатила Грузия, чтобы привести Гамсахурдиа к власти, и еще дороже — за правление Шеварднадзе. Полагая, что и за «цветную» революцию во главе с Саакашвили тоже придется расплачиваться, и довольно основательно, простым людям.

Более четверти века знаю господина Шеварднадзе лично. Все эти годы я внимательно присматривался к этому человеку. Он — неординарная личность. Но его неординарность не в таланте, не в глубине знаний, не в политической яркости. Этот «белый лис», как его называют в средствах массовой информации, всегда отличался невероятной изворотливостью, приспособленчеством, непомерной лезть по отношению к вышестоящим руководителям. Он хорошо приспособился к советскому социалистическому строю и так же легко, как хамелеон, поменял кожу на буржуазную.

Не имея специального образования и опыта работы во внешнеполитической сфере, не зная ни одного иностранного языка, господин Шеварднадзе получил высокую должность главы внешнеполитического ведомства Советского Союза.

Горбачев был очарован этим человеком. Что лежало в истоках его любви к нему — одному богу известно. Но после развала СССР и краха КПСС в интервью этих людей проскальзывали откровения: еще в бытность Шеварднадзе первым руководителем Грузии они имели задушевные беседы, откровенно неприязненные по отношению к существовавшему строю. Так что Михаил Сергеевич не случайно так настойчиво подтягивал своего единомышленника поближе к себе, в Центр.

Чтобы подтвердить свои мысли об этом человеке, вернусь к XXVI съезду КПСС, который проходил в конце февраля — начале марта 1981 года. Я был делегатом съезда. На нем меня выбрали членом ЦК КПСС. Хотелось бы показать поведение некоторых высокопоставленных партийных и государственных функционеров на этом последнем съезде Брежнева (ему оставалось жить немногим больше года). Пройдет время, и многие руководители начнут говорить совершенно противоположное тому, что до недавнего времени считалось их убеждениями.

Несколько лет я работал на «Уралмаше» при жизни Сталина. Мне, молодому еще тогда человеку, не подготовленному политически, бросилось в глаза слововосхваление Сталина. В то время существовало неписаное, но обязательное правило — воздать хвалу Вождю в начале выступления, в середине и, безусловно, в конце речи.

Нечто подобное происходило и в последние годы жизни Брежнева. На мой взгляд, среди многих причин и истоков разрушения великой Державы была и эта: прямо-таки холуйская лесть в адрес руководителей, особенно партийных лидеров. Неумное словоблудие вызвало обратную реакцию у народа, в том числе и у членов КПСС. И это — одно из звеньев в цепи явлений, приведших к трагедии нашей партии.

Готовя материал, я прочитал стенограмму выступления Шеварднадзе на этом съезде КПСС. В своей речи он 13 раз славословил Леонида Ильича!

Надеюсь, читатели простят меня за цитирование речи Шеварднадзе — в противном случае мои слова могут рассматриваться как личное неприятие этого товарища-господина:

«Доклад Леонида Ильича Брежнева — этапное событие современности. Он представляется не только эпохальным документом, но и живым организмом, всеми своими клетками связанным с каждым членом нашего общества. Кажется, живой организм вобрал в себя все качества его автора, его творца, нашего мудрого руководителя, великого револю-

ционер-ленинца Леонида Ильича Брежнева: научную глубину, неумную целеустремленность, безграничный оптимизм и реалистичность, масштабность и классовую принципиальность, человеколюбие, прозорливость и силу правды, великую силу правды. Доклад Леонида Ильича — это мысли и чаяния всего нашего советского народа...

...Свет — символ будущего. Этим светом озарен доклад Леонида Ильича. Луч будущего, вера в будущее воцарились в этом историческом зале».

Что бросается в глаза? Обычно самое бурное восхваление вождей достигало пика в последние годы их жизни и деятельности. По-видимому, в силу биологического состояния организма они уже совершенно неадекватно реагировали на такие проявления «любви народа». Безнравственные подхалимы пользовались этим и приобретали ореол верных соратников тяжелобольных людей. Невольно вспоминаешь гербовый девиз небезызвестного Аракчеева: «Без лести предан». Но тот хотя бы декларировал «без лести».

Кстати, на второй день после той речи Шеварднадзе присвоили звание Героя Социалистического Труда и торжественно вручили Звезду прямо на съезде.

Полагаю, теперь уже нет необходимости говорить о роли Шеварднадзе в деле разрушения СССР, социалистического строя, отчуждения Грузии от России и доведения грузинского народа до полной нищеты, дрейфа в сторону НАТО и еще о многих непредсказуемых действиях этого «злого гения» современности. И сейчас трудно сказать, когда он врал — в те далекие 80-е годы или позже, менее чем через 10 лет, когда отрекался от своих убеждений и действий.

Еще раз вчитайтесь, уважаемые читатели, что говорил этот человек на упомянутом съезде:

«Между этой великой хартией труда, борьбы, перспективы и тем, что некоторые лидеры из другого мира именуют своими программными выступлениями, — расстояние, как между небом и землей. Здесь — мир, свобода, демократия и вера в будущее. Там — гонка вооружений, реакция и безысходность.

...Завтра исполняется 60 лет, как Серго Орджоникидзе отправил телеграмму в Кремль: «Над Тбилиси реет Красное знамя. Да здравствует Советская Грузия!» Подписывая эту телеграмму, легендарный Серго смотрел в будущее, ясно представлял себе сегодняшнюю Грузию. Преданность этому ленинскому знамени, национальная политика партии, братство и дружба народов привели к возрождению нашего края. Юбилей мы справляем в мае. А май у нас — пора цветения роз. Приглашаю всех вас, дорогие друзья, и, конечно, первым долгом при-

глашаем первого делегата нашего съезда, глубокоуважаемого и глубоко любимого Леонида Ильича Брежнева.

Через два года торжественно отметим двухсотлетие породнения с Россией. Акакий Церетели, наш великий предок, думая о будущем своего народа, завещал грядущим поколениям идти вместе с рвущейся к свету молодой Россией. Мечта сбылась. Россия прорвала мглу и сама стала негаснущим светочем. С Россией вместе, ведомые Россией и великим русским народом, развеяли тьму другие народы-братья. И теперь все мы вместе. Вместе с социалистическим содружеством — активные творцы социалистической цивилизации».

Глубочайший цинизм, отсутствие каких-либо морально-нравственных принципов — вот оценка, которая может быть дана подобным людям. Повторяю — именно такие руководители высшего ранга и стали главными разрушителями нашего великого государства, нашего общественного строя.

Грузия находится в тяжелейшем экономическом положении.

Надежды, которые долгое время возлагало руководство республики на западные инвестиции, практически не оправдываются — и на этом фоне «демократическое» руководство современной Грузии получает «зеленые» от Соединенных Штатов Америки персонально! Это беспрецедентное для суверенного государства поведение лидеров Грузии сходит (надеюсь, временно) им с рук. Я часто задумываюсь: а что, если бы на митинге в апреле 89-го года в Тбилиси было сказано, что Д. Паташвили и другие руководители республики лично получают деньги от иностранного государства? Да их растерзали бы на части и организовали на этом политические акции с далеко идущими последствиями.

Казалось бы, в такой ситуации надо искать взаимопонимание со своими историческими соседями — в первую очередь с Россией, развивать с ними взаимовыгодные политические и экономические отношения. Все же делается прямо наоборот. Если Шеварднадзе лавировал, хитрил, юлил, то новый лидер Саакашвили действует, как топор.

В политическом отношении новое руководство Грузии ведет себя агрессивно и непредсказуемо. Летом 2005 года начался вывод воинских подразделений из российских баз, расположенных в Грузии. Окончательный их вывод планируется в 2008 году. Совершенно очевидно, что Грузия в недалеком будущем примет вояк из НАТО, а затем и войдет в его состав.

Два друга по «цветным» революциям — М. Саакашвили и В. Ющенко ведут кулуарные переговоры о смене российских миротворческих сил в Абхазии и Южной Осетии в Украинский контингент. Совершенно не гибкую политику руководство Грузии проводит по урегулирова-

нию внутриполитического положения. В революционном угаре быстро расправились с Аджарией, но в Абхазии и Южной Осетии «блицкриг» провалился.

Если говорить языком политики, нынешняя Грузия ведет в отношении России и регионов Закавказья холодную войну. Как известно, в ходе такой войны главное для сторон — представить противника как можно в более зловещем облике. Вот это и взяли на вооружение сегодняшние лидеры Грузии при явной поддержке своих новых европейских и заокеанских друзей.

Тбилисские события способствовали разрушению Советского Союза. Но они дестабилизировали обстановку и в самой Грузии: много лет нет мира на этой земле, все эти годы здесь льется кровь, а грузинский народ загнан в беспросветную нищету.

Невольно вспомнишь библейскую мудрость: «Кто сеет ветер, пожнет бурю».

Глава четвертая

ФЕРГАНА.

Черный июнь 1989-го

После трагедии в Тбилиси следующим этапом разрушения державы стали события в Фергане. Они получили куда меньший резонанс, но далеко превосходили тбилисские по жестокости.

Поначалу местные власти пытались представить кровавый конфликт как череду бытовых ссор между узбеками и турками-месхетинцами, компактно проживавшими в Ферганской долине. Однако не прошло и нескольких дней, как выявился их подлинный — страшный — масштаб.

Такой вывод можно было сделать из состоявшегося диалога в Верховном Совете СССР 6 июня 1989 года во время утверждения еще Первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана Нишанова Рафика Нишановича на пост Председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР:

«Председательствующий (Горбачев М.С.): Товарищ Нишанов, пожалуйста.

Нишанов Р.Н., первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана, член Верховного Совета СССР: Прежде всего надо сказать, что события, которые приобрели в последние дни межнациональный характер, начинались с мелких бытовых стычек. Если коснуться истории проживания в Ферганской долине турок-месхетинцев, то я хотел бы подчеркнуть, что 45 лет тому назад узбеки приняли турок-месхетинцев как родных братьев, сестер, создали им все условия для жизни, благополучия, труда, образования.

Председательствующий: Сколько их там проживает?

Нишанов Р.Н.: В Узбекистане проживают 60 тысяч турок-месхетинцев. В Ферганской долине — 12 тысяч. Все они обеспечены соот-

ветствующей работой, окружены вниманием, участвуют во всех органах государственной власти, есть и члены партийных комитетов, есть депутаты местных Советов. Все шло хорошо.

Но в последние годы начались массовые выступления турок-месхетинцев с требованием возвратить их в родные места. Эти выступления несколько активизировались именно в последнее время, в связи с созывом Съезда, но столкновения начались с совершенно маленькой бытовой стычки на рынке, во время купли-продажи сельскохозяйственной продукции. Один из турок-месхетинцев из-за высоких цен грубо обратился к продавщице, которая продавала выращенные ею продукты. Кончилось тем, что он опрокинул тарелку с клубникой, а находящиеся там граждане восприняли это как оскорбление, завязалась драка. Вскоре драку удалось прекратить, но через некоторое время небольшая группа турок-месхетинцев напала на местных молодых людей, одного из них убили. Принятыми мерами ситуацию удалось нормализовать, а вот через неделю неожиданно для местных органов, для самих турок-месхетинцев и узбекской части населения большие группы молодежи в возрасте примерно от 15—16 до 20—22 лет, некоторые в опьяненном или алкоголем, или наркотиками состоянии, с палками в руках и так далее, начали нападать на жилища турок-месхетинцев. При этом бесчинствующая узбекская молодежь, вооруженная цепями, топорами, палками, избивала всех, кто попадался, поджигала дома турок-месхетинцев. Это проявление вандализма кончилось трагически.

По нашим данным, на сегодняшний день имеется примерно 50 человек погибших, из них 35 или больше, сейчас уточняется, турок-месхетинцев, 10 узбеков, 1 таджик и 1 русский — из тех, кто наводил порядок и попал случайно. Эти события происходили исключительно между узбеками и турками-месхетинцами. За то время, пока положение было бесконтрольным, успели поджечь несколько домов. Благодаря экстренным мерам, принятым союзными и республиканскими органами, а также силами МВД республики и Союза, сейчас установлен полный контроль. Турки-месхетинцы находятся в местах постоянного проживания, а часть мы эвакуировали в военный гарнизон, разместили в казармах, обеспечили им соответствующие бытовые условия и безопасность. Во всех районах, где возникли столкновения, Указом Президиума Верховного Совета Узбекской ССР введен комендантский час. Обеспечивается должный порядок.

Вчера и сегодня ситуация не получила дальнейшего осложнения, она находится под контролем, и мы надеемся, что местным партийным, советским и административным органам удастся до конца локализовать обстановку.

Я выезжал туда, встречался с турками-месхетинцами — и в местах компактного проживания, и с теми, которых мы разместили в военном гарнизоне. От имени партийной организации и всех трудящихся республики я осудил вандализм узбекской молодежи и принес глубокие соболезнования и извинения нашим братьям, сестрам — туркам-месхетинцам. Думаю, что мы до конца выполним свой интернациональный долг и создадим им необходимые условия.

В целом трудящиеся Узбекистана — узбеки, русские, таджики, казахи, каракалпаки, туркмены, киргизы, которые проживают на территории республики, — гостеприимные, трудолюбивые, скромные люди. Считаю, что имевшие место акты вандализма вызывают всеобщее осуждение и заслуживают того, чтобы мы извлекли из этого соответствующие выводы, чтобы впредь подобное никогда не повторилось.

Председательствующий: Пожалуйста, спрашивайте дальше.

С места: Рафик Нишанович, скажите, пожалуйста, возникали ли раньше в Узбекистане конфликтные ситуации на межнациональной основе и как вам удавалось урегулировать эти отношения?

Нишанов Р.Н.: Раньше возникали отдельные столкновения, но исключительно на бытовой основе. На национальной почве такие факты не имели места. Это первый такой случай — на межнациональной основе».

На самом деле не базарная склока из-за миски с ягодами, не обычная пьяная драка привела к разгулу хулиганства — это было началом страшных событий, начавшихся с города Куvasай. Кое-кому очень хотелось, чтобы все выглядело как небольшая ссора на бытовой основе между молодыми людьми узбекской и турецкой национальностей.

Сотрудники милиции Ферганской области зафиксировали на видео пленку все подробности событий 23 мая в этом городе. К толпе обратились председатель облисполкома, прокурор области, первый секретарь обкома партии. И тем не менее во второй половине дня площадь заполнили группы узбекской молодежи, подогретой алкоголем и наркотиками. С кличем «Турки ничего не поняли, их надо проучить!» толпа отправилась к махалле (районы компактного проживания узбеков, турок-месхетинцев и т.д.), где жили турки-месхетинцы. В ход пошли камни, железные палки, ножи, взрывпакеты. Только к двум часам ночи удалось рассеять толпу.

Подобное происходило и на следующий день. По кишлакам и махаллям разезжали провокаторы, возбуждали народ, говоря, что в Куvasае турки захватили основные должности в экономике, торговле, притесняют узбеков (на самом деле турки работали, в основном, рабо-

чими на цементном комбинате, в строительстве, садоводстве), убивают их детей, насилуют женщин.

Волна беспорядков перекинулась на многие населенные пункты, где компактно проживали турки-месхетинцы.

В Ташлакский район ринулись подстрекатели. Они рассказывали о «зверствах» турок в Кувасае. 3 июня с утра стали собираться толпы возбужденных людей. Среди враждебно настроенной молодежи было очень мало ташлакцев. Приезжие призывали толпу к расправе над турками-месхетинцами. Хулиганы рванулись на улицы, круша все на своем пути. Вспыхнули дома турок, душераздирающе кричали женщины.

Первый натиск разъяренных молодчиков пытались остановить прибывшие из Ферганы работники милиции. Но хулиганы продолжали накапливать силы, их набралось около трех тысяч. Пройдя по окрестностям, они вечером вернулись в Ташлак. Погромы продолжались. Дома турок вначале грабили, измывались над людьми, а уже затем забрасывали окна горящими факелами и бутылками с зажигательной смесью. Власти поспешно эвакуировали турок-месхетинцев в здание райкома партии. В зале заседаний райкома нашли временное пристанище несколько сот турок: стариков, женщин, детей, инвалидов.

На следующий день толпа предприняла настоящий штурм здания райкома партии, требуя выдачи турок. Видя, что удержать райком невозможно, пытаясь оттянуть время, первый секретарь райкома и председатель райисполкома предложили себя заложниками. Этот поступок руководителей района требовал мужества — заложников унижали, наносили им побои. Толпа норовила растерзать их, сжечь.

Подобное произошло и с районным отделением милиции. Штурм продолжался четыре часа, 15 милиционеров получили серьезные ранения, один из них вскоре скончался. За эти дни здесь было сожжено 43 дома, разграблено 170, сгорело 10 автомашин.

Забегая вперед, должен сказать, что перед лицом закона предстали 12 человек, которым были предъявлены обвинения в совершении убийств на территории Ташлакского района 4 июня 1989 года. Приведу только один факт дикого вандализма.

В ночь с 3 на 4 июня эти молодчики остановили машину, в которой от погрома бежали из полыхающего поселка Орач четыре турка-месхетинца, в том числе женщина. Сначала их жестоко избили, затем сожгли машину. Издевательства продолжались несколько часов, после чего избитых до полусмерти людей увезли в поле и связанными оставили до утра. На следующий день убийцы вернулись, турок облили бензином и заживо сожгли.

Организаторы группового убийства приговорены к исключительной мере наказания — расстрелу.

4 июня Москве стало ясно, что характер столкновения между турками-месхетинцами и узбеками из локального перерос в широкомасштабный. Он охватил многие районы области. Обстановка выходила из-под контроля и становилась неуправляемой. Очаги погромов находились в разных местах. Действия погромщиков были отработаны: вначале оголтелая «промывка» умов, концентрация толпы до 500—1000 человек, затем налеты на турецкие дома, грабежи, поджоги, убийства.

В ночь с 3 на 4 июня в Ферганскую область для поддержания общественного порядка стали прибывать подразделения внутренних войск МВД СССР. Войсковые подразделения с первых минут были брошены в самое пекло побоищ и погромов. Руководил подразделениями начальник внутренних войск Министерства внутренних дел СССР генерал-полковник Ю. Шаталин.

Я не буду дальше подробно останавливаться на положении дел в те дни в других районах, на заводах, фабриках, в колхозах и совхозах. Поверьте мне, они ужасны. То, что я увидел здесь, никому в жизни не хотел бы пожелать видеть.

Кто же они, турки-месхетинцы?

Сегодня в любой стране, где когда-то в Средние века проходили турецкие войска, можно найти бывших жестоких завоевателей, но их потомки давно стали вполне мирными жителями. Больше всего их оказалось в Месхетии — области Грузии, граничащей с Турцией.

В Ахалцихском районе Грузинской ССР было 220 турецких сел. В основном, население их составляли турки, но были и армяне, грузины. В целом люди жили безбедно, занимались сельским хозяйством, садоводством, ковроткачеством — традиционным ремеслом турок.

В 20-х годах началось давление на этот народ. До 1926 года в селах существовали начальные школы с обучением на турецком языке, но к 1937 году преподавание стало вестись на грузинском языке, которого большинство турок не знали.

Дело шло к лишению мусульманской части населения Грузии национальной идентичности. Турок, как и других мусульман, заставляли брать грузинские фамилии, менять национальность.

В Великой Отечественной войне принимали участие более 40 тысяч турок, из них 26 тысяч погибли на различных фронтах. Восемь турок удостоены звания Героя Советского Союза.

Вероятность войны с Турцией, близость ее границ — 60—70 километров — создавали якобы объективные причины для выселения турок с возможной прифронтовой полосы. Ночью 14 ноября 1944 года

из всех 220 населенных пунктов Месхетии по приказу Сталина были выселены свыше ста тысяч человек мусульманской веры.

Эшелоны шли на восток. В середине декабря первые партии турок начали прибывать в Узбекистан. Переселенцев разместили, в основном, в Фергане и ее пригородах — Коканде, Ташлаке, Кувасае и Маргилане. Как правило, компактно. В городах работали на заводах, фабриках, в строительстве, преимущественно рабочими. В сельских районах занимались хлопководством, животноводством, садоводством. Большинство турок — крестьяне. Людей с высшим образованием мало. В Ташлакском районе из 2350 турок лишь 8 закончили вузы и 18 — техникумы.

Дети учились в узбекских и русских школах. В быту разговаривали на турецком и узбекском языках. Но ни литературного, ни научного турецкого языка практически не было. Постепенно забывались народные обычаи, ритуалы и обряды.

Все это вызывало тревогу у турок, они боялись раствориться и исчезнуть как народность. Поэтому они мечтали вернуться на свою историческую родину, не ставя при этом перед собой цели освободить покинутые более сорока лет назад дома. Они не желали сеять смуту в Грузии.

В общем же, произошедшие переселения народа во время войны стали одним из факторов национальных конфликтов, разгоревшихся в Узбекистане спустя много десятилетий, в мирное время.

К сожалению, этот фактор не был единственным...

С каждым днем, особенно после 4 июня, становилось все яснее, что межнациональный конфликт в Узбекистане имеет более глубокие социально-экономические и политические корни. Надо было разбираться на месте, решать судьбу тысяч турок-месхетинцев, находящихся в лагере под охраной внутренних войск и милиции.

Председатель Совмина Узбекистана Г. Кадыров, улетевший с сессии в Фергану еще 3 июня, постоянно звонил мне, кричал в трубку:

— Надо действовать! В любое время они снимутся отсюда, все пятнадцать тысяч, и — назад, в Фергану. А что тогда будет...

В это же время ко мне явились московские представители месхетинцев, судя по всему, постоянно обитающие в столице, назвались «Комитетом за возвращение на Родину» и потребовали от меня не одномоментного, пожарного, но капитального решения проблемы:

— Верните месхетинцев в Месхетию. Это наша земля, а не грузинская... Понимаем, что всех сразу туда переселить невозможно, так давайте начнем с небольшой партии. И сразу же решите вопрос с образованием автономии.

Кадыров возмущался по телефону:

— Какой это Комитет! У нас Комитет! Здесь, в лагере. Приезжайте, встретитесь с ними. Они прекрасно понимают, что Грузия — дело дальнее, нескорое. Им сейчас жить по-человечески надо. Здесь же дети, старики...

— Вывозите, — отвечал я Кадырову. — Скажите, когда. Немедленно пришлем самолеты.

К тому времени несколько областей России уже были готовы принять беженцев. Этот вопрос руководство РСФСР решило быстро.

— Не-ет, — не соглашался упрямый Кадыров, — они так не хотят. Они хотят с кем-то из руководителей страны говорить. Они хотят перспективу знать.

Группа депутатов Верховного Совета СССР 9 июня официально обратилась ко мне с просьбой-предложением:

«Уважаемый Николай Иванович!

Учитывая Вашу человечность, доброжелательность, просим Вас вылететь в Фергану. Если Вы приедете к нам, то — мы уверены — сразу утихнут волнения народа, все успокоится. Социально-экономическую запущенность срочно надо выправлять». Депутаты — 14 подписей.

Решили лететь в Фергану утром 12 июня. Вместе со мной вылетели член Политбюро, секретарь ЦК КПСС, ныне покойный, Виктор Михайлович Чебриков и Председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР, еще не освобожденный от обязанностей первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана Рафик Нишанович Нишанов.

Совпадение, конечно, но когда обрушились на нас трагические события в Фергане, то Генеральный вновь оказался за рубежом, на сей раз в Бонне. В моем архиве сохранилась узбекская газета «Правда Востока» за 15 июня 1989 года, где на первой полосе две фотографии. На одной — улыбающийся Горбачев приветствует немцев с балкона Боннской ратуши. На второй — потрясенные увиденным горем Рыжков и Чебриков стоят у сожженного мекхетинского дома в Фергане...

Фергана встретила нас жарой и тишиной, многочисленными военными патрулями на улицах, сожженными, полуразрушенными домами мекхетинцев, которые когда-то были крепкими, добротными.

В этой публикации и без того полно смертей и крови, но все же не могу не сказать, что трупы убитых и зверски замученных людей находили едва ли не до нашего приезда и после отъезда тоже. Ее Величество Ненависть правила очередной кровавый бал. Какой по счету?

По приезде вечером в город я предложил немедленно ехать в лагерь беженцев, но Кадыров категорически возражал. Дело в том, что в этот день хоронили погибших. По настоянию собравшихся — а это было несколько тысяч турок-мекхетинцев — открыли гробы. Вид

изуродованных и сожженных людей взбудоражил весь лагерь. По поступившей информации, в такой обстановке никакого нормального разговора не могло быть, да и вопросы безопасности были не пустым звуком.

Но я прекрасно понимал, что без посещения лагеря беженцев и их Комитета моя поездка в Фергану будет бессмысленной. Заявил руководству республики, что завтра в 9 часов утра буду в лагере.

Весь вечер и ночь Кадыров вел переговоры с Комитетом лагеря. Ими было принято совместное решение, что наша встреча в лагере состоится утром следующего дня. Комитет гарантировал создать условия для переговоров и безопасность делегации.

Выехали автобусом рано утром, а когда добрались до места, то я ужаснулся: как там можно жить? Выжженное, абсолютно голое, без единого деревца место, насквозь просвечивающие худые бараки, армейские палатки, вода в цистерне, нагретая едва ли не до кипения...

Я вышел из автобуса и попал в этакий коридор, образованный крепкими парнями, взявшимися за руки. Остальные мужчины, женщины, старики, вездесущие детишки толпились позади. Вокруг стоял дикий стон. Две женщины сразу же подхватили меня под руки и повели по этому живому коридору к барaku. Там нас ждали. Это и был обещанный Кадыровым Комитет. И еще — старики. Старейшины. Аксакалы.

Часа полтора шли переговоры. Вела их женщина, одна из тех, что шли со мной от автобуса. Разговор вела жестко, спокойно, резко обрывала любую попытку что-то выкрикнуть, выплеснуть переполнявшие людей эмоции. Никто слова плохого об узбеках не сказал, лихом не помянул. Наоборот:

— Они нам последнюю лепешку отдавали, когда мы сюда приехали, когда голодные сидели...

И тут же:

— А сколько в Узбекистане людей с высшим образованием? Знаете? А сколько среди них месхетинцев? То-то и оно! Мы — рабочие лошади. Наше место — земля. И нам всегда исподволь, не впрямую указывали наше место. Мы не хотим так больше. Мы хотим вернуться в Грузию. Пусть не завтра, не послезавтра, мы все понимаем, там уже другие люди на нашей земле, но решите этот вопрос в принципе...

На переговорах были приняты в срочном порядке решения по эвакуации людей из лагеря на военно-транспортных самолетах в глубь России. Будущие места проживания в восьми областях Российской Федерации были нами согласованы еще перед моим отъездом в Узбекистан, а военно-транспортная авиация стояла в полной готовности в Ферганском аэропорту.

Но выехать по окончании переговоров не дали. Такая же процедура — коридор из крепких парней, две женщины, ведущие под руку Председателя Совета Министров СССР. Я не мог понять, почему меня, здорового человека, держат под руки женщины. Только потом мне сказали, что, по их обычаям, никто не сможет тронуть мужчину, если с ним женщина. Так что они охраняли меня с двух сторон.

Импровизированная трибуна из сколоченных досок и пятнадцатитысячная масса — старики, сидящие на выжженной земле, женщины в черном, дети. И гул. Не разговоры. Протяжный крик обездоленных людей. Никогда, ни до, ни после этого, я не слышал ничего подобного. Как будто голая, выжженная земля стонала от горя и безысходности. Недаром этот военный полигон окрестили «лагерем ненависти и скорби».

Одна из моих спутниц — член Комитета — без всяких вступительных речей предоставила мне слово. Установилась мертвая тишина. Выступление было коротким. Проинформировал о согласованных с Комитетом решениях. Призвал срочно выехать в новые места проживания. Из первых рядов поднялся аксакал с белой бородой и обратился ко мне:

— Прежде чем принять ваше предложение, ответьте нам, товариш Рыжков: виноваты ли турки-месхетинцы в том, что нас сорок с лишним лет назад выкинули с родной земли?

— Нет, — отвечаю я. — Это было несправедливое решение, и ему партией дана соответствующая оценка.

И снова:

— Виноваты ли турки-месхетинцы в этой дикой резне?

— Нет, — отвечаю я, — но и узбекский народ в этом не виновен. Он приютил вас сорок лет назад, делился с вами последним. Виновны те, кто разжигал межнациональную рознь, устраивал грабежи, погромы, убийства.

Я обещал здесь — кстати, и в других местах республики, — что органы безопасности и внутренних дел найдут виновников содеянного, а суд накажет их по заслугам. Никакой пощады, никаких смягчающих обстоятельств для бандитов и насильников не будет. От ответственности никто не уйдет, в том числе и тот, чья рука управляла этими темными силами. Никто не избежит законного возмездия.

Свое обещание я выполнил.

После посещения лагеря беженцев, рассмотрения многих проблем с руководством республики и центральных ведомств, получения от них исчерпывающей информации о положении дел и расследовании уголовных дел были поездки в Андижан, Наманган, посещения совхозов и фабрик, участие в многотысячных встречах с турками-месхетинцами и узбеками.

Стало известно, что в погромах принимали участие даже советские и партийные работники. Это давало произошедшим событиям уже другую окраску. Привожу выдержку из публикации республиканской газеты:

«...Ответить на все эти вопросы можно, лишь тщательно разобравшись во всем, сказал Н.И. Рыжков. На это нужно время, но уже сегодня проясняются некоторые детали. Например, теперь стало известно об участии в погромах отдельных партийных и советских работников. Я хотел бы, подчеркнул Председатель Совета Министров СССР, показать их, снабжавших бандитов бензином и транспортом, поивших юнцов водкой. Хотел бы заставить их дать ответ ни в чем не повинным людям. Многое видел в своей жизни, но то, с чем вчера пришлось столкнуться в лагере турок-месхетинцев, не сравнимо ни с чем. Убийцы и насильники дадут ответ за свои преступления по всей строгости закона. Но с коммунистов, запятнавших авторитет партии, доброе имя узбекского народа, спрос особый...»

К счастью, пособниками погромщиков среди партийных и советских работников оказались единицы. И они понесли суровые наказания. Подавляющее же большинство работников принимали все меры по предотвращению этого дикого разгула. О подвиге двух руководителей Ташлаковского района я уже сказал.

Перед проведением актива в Ташкенте 14 июня мы подвели предварительные «итоги» этого жесточайшего межнационального конфликта между людьми, десятилетиями жившими вместе.

Сожжено более тысячи домов, на тот день было выявлено 106 трупов, в том числе 43 из них — турок-месхетинцев, 12 — азербайджанцев, 35 — узбеков, 5 — русских. Получили телесные повреждения более 1000 гражданских лиц и около 150 военнослужащих. Сотни людей пропали без вести (уже были известны случаи скрытых захоронений) — вот таков страшный результат ферганских событий.

До 1 июля 1989 года за пределы Ферганской области выехали 21 тысяча человек, в том числе более 16 тысяч турок-месхетинцев.

Во время своей поездки по районам дикого разгула межнациональных страстей я не стал делать поспешных выводов из этой человеческой трагедии. Моя задача заключалась в том, чтобы немедленно решить не терпящие отлагательства вопросы, остановить резню, глубже разобраться с истинными корнями произошедшего. Об этом свидетельствует и приводимое ниже мое интервью узбекскому телевидению:

«Мы прибыли в Узбекистан, чтобы на месте разобраться с теми проблемами, которые здесь возникли в последнее время.

Начали с посещения лагеря, где размещены турки-месхетинцы, которые потеряли свой кров, жилье или просто бросили дома и были

вынуждены укрыться на военном полигоне. Мы беседовали с членами Комитета, который народ уполномочил вести переговоры с нами. Очень сложными были эти переговоры.

Сейчас, по-видимому, трудно делать окончательные выводы. Да это было бы преждевременно. Надо поглубже разобраться с теми процессами и, самое главное, разобраться в политическом плане: что же произошло в республике, как могло случиться, что вдруг, за несколько дней, буквально с 23 мая по сегодняшний день, произошли такие события в республике, которые привели к трагическим последствиям? Другого слова просто не могу найти, это действительно трагические последствия. К народу, который 45 лет жил бок о бок с узбекским народом, вдруг проявили такую вражду.

Я должен сказать, что, несмотря на всю трагедию, турки-месхетинцы, которые находятся, на мой взгляд, в тяжелом моральном положении, в стрессовой ситуации, все-таки ценят то, что всегда делал для них узбекский народ.

Они и сегодня говорят: мы не виним узбекский народ, он здесь ни при чем. Это действует определенная группа людей. Мы просим правительство, нашу партию разобраться, кто же эти люди, которые столкнули, по сути дела, нас, и мы оказались сейчас в таком сложном положении.

Я думаю, оценка сегодняшней ситуации в республике такова: она напряженная, хотя в Ферганской области и здесь, в Коканде, где мы находимся, нет тех действий, которые были 7—8 июня. Но есть все-таки недоверие, боязнь людей, что такое может произойти не только с турками-месхетинцами, что это может коснуться и других национальностей.

На мой взгляд, это самое опасное дело. Должно быть доверие. Люди жили рядом десятки лет, и никто никогда не спрашивал, какой они национальности. Мы беседовали с людьми, были на двух фабриках. Там прямо говорили: мы никогда не спрашивали, кто узбек, русский, крымский татарин, турок. Мы жили одной семьей, и вдруг развернулись такие события.

Конечно, в правовом отношении мы должны сделать очень серьезные выводы. Подключаются к работе лучшие следователи прокуратуры, они начали разбираться тщательно в каждом случае.

Мы должны дать оценку случившемуся. И, конечно, каждый должен получить по заслугам. Но самое главное — это вопрос политический. Надо разобраться в тех процессах, которые произошли. Не может быть, чтобы собралась группа юнцов, пусть их даже несколько сот, и стала буквально терроризировать несколько областей. Проблема, на наш взгляд, имеет более глубокие корни.

Я думаю, республиканская партийная организация, собрание актива, которое намечается провести, в конце концов должны дать оценку событиям. Уверен, что коммунисты сумеют выявить причины, которые привели к подобным явлениям в Узбекистане. Я бы не упрощал всего того, что произошло в республике. Есть глубокие корни, которые постепенно привели к этим событиям.

Вопрос: Сейчас началось переселение турок-месхетинцев. Я вчера сказал в своем репортаже, что этот трудолюбивый народ, куда бы он ни поехал, будет поднимать сельское хозяйство, деревню. Я не хотел сказать, что он останется там на постоянное жительство. Пользуясь случаем, я хочу пояснить, что месхетинцы переезжают временно. Скажите, как будет решаться проблема переселения этого народа на родину, в Грузию?

Н.И. Рыжков: Обстоятельства складываются следующим образом. Очень длительное время турки-месхетинцы ставили вопрос о переселении их в те места, где они жили 45 лет назад, то есть в некоторые районы Грузии. Мы объясняли, что этот вопрос непросто решить, причин для этого очень много, да и в Грузии есть определенная напряженность. И поэтому ответить просто — давайте будем переселять этих людей — нельзя. Этот вопрос надо решать с руководством Грузии.

Верховный Совет собирается создать специальную группу, комиссию в Совете Национальностей, которая должна проводить эту работу вместе с заинтересованными республиками.

Конечно, для этого потребуется время. Мы абсолютно убеждены, что этот вопрос быстро не может быть решен, но он будет решаться.

Совершенно очевидно, что оставлять 15 тысяч людей в этом лагере, при страшной жаре, в палатках, без всяких удобств, — невозможно.

Сложилась ситуация, при которой доверие нарушено между турками-месхетинцами и узбеками там, где они жили. Еще раз хочу повторить: нельзя весь узбекский народ винить в произошедшем.

Восемь областей Российской Федерации согласились принять турок-месхетинцев. Но они попросили вывезти их в 3 области, для компактного проживания. Если мы сейчас перевезем в РСФСР людей, то это будет временным актом. Мы понимаем, что они будут проситься куда-нибудь на постоянное жительство, и поэтому мы еще раз подтвердили — и во время встречи с Комитетом, и на митинге, который был после переговоров, — что это временный акт и, как только вопрос решится, люди переедут. Сегодня другого выхода мы не видим. Дети должны жить нормально.

Наша позиция поддержана и Комитетом, и всем народом.

Я повторяю, надо глубоко разобраться во всем случившемся, надо, чтобы было доверие, спокойствие. В Узбекистане живет много нацио-

нальностей. И сегодня между ними чувствуется определенное трение. Этот толчок волей-неволей заронил недоверие. Я думаю, что тут дело времени. Как было большое доверие, уважение друг к другу, так, по-видимому, будет и дальше. Мы убеждены в этом».

Естественно, и нас, находящихся в Узбекистане, и в целом политическое руководство страны в первую очередь беспокоил вопрос: какие побудительные мотивы были в основе этого дикого конфликта?

Отчасти на этот вопрос был получен ответ на партийном активе 14 июня в Ташкенте, часть же проблем пришлось потом дополнительно анализировать и делать выводы.

Обобщая многочисленные версии и факты расследования событий правоохранительными органами, можно сделать следующие выводы: совершенно очевидно, что произошедшее в Фергане не является стихийным выступлением определенной части населения. Во главе этих событий стояли националистически настроенные организации.

С осени 1988 года в республике в отрывую начали проявляться националистические настроения. На собраниях преподавателей и студентов Ферганского политического института заявлялось: «Нам не следует изучать русский язык, так как пришельцы нам давно надоели». В ответ — бурные аплодисменты.

Специально распространялись слухи, что в определенное время состоится выдворение иноверцев. Лозунги: «Узбекистан — для узбеков!» или «Всех гнать из Узбекистана — татар, турок, евреев, русских...» — стали повседневными во многих городах.

В декабре 1988 года на многотысячном митинге в Ташкенте подняли транспарант с лозунгом: «Русские, уезжайте в свою Россию, а крымские татары сами уберутся в Крым!» Тогда же в Андижане распространяли листовки со словами: «...Не уступайте русскому народу... Они забыли, что в тяжелые годы приехали без штанов... В Узбекистане нет им места!» В феврале 1989 года в Ташкенте, избивая пассажиров трамвая, распоясавшиеся хулиганы кричали: «Русских зарежем! Русские в Узбекистане всем надоели, их нужно вешать на фонарных столбах!»

Я об этом пишу не для того, чтобы разжечь противостояние между узбеками и русскими. Но, как говорится, из песни слова не выкинешь, да это и не являлось общим мнением узбекского народа. Он знал, что русские не были ни угнетателями, ни колонизаторами. Наоборот, они отдавали максимально все для подъема экономики и культуры этой республики.

Вот так планомерно проводилась идеологическая обработка народа республики. Дальше — подготовка и проведение акции. Еще в феврале 1989 года бывший заместитель министра внутренних дел Узбеки-

стана Э. Дидоренко в интервью «Ташкентской правде» привел убийственные факты. По его данным, только за три последних года органы внутренних дел республики обезвредили около 700 организованных преступных групп. Из них можно было сформировать полнокровную дивизию. В 1988 году в Маргилане почти открыто записывали «добровольцев», пожелавших принять участие в будущих беспорядках. В декабре они были оповещены: «Ждите сигнала!»

В Коканде прошли религиозные собрания, в которых приняли участие делегаты практически всех областей Узбекистана. На них шел разговор об образовании независимой Исламской республики Узбекистан. В этом городе в вооруженной толпе был поднят лозунг: «Душим турок. Душим вырождков Ленина — русских. Да здравствуют исламское знамя, мусульманская вера и аятолла Хомейни!»

В Ферганской области с февраля практически в открытую стали изготавливать оружие — пики из арматуры, самодельные бомбы, бутылки с зажигательной смесью.

Что, этого не знали руководители республики? Маловероятно.

Среди участников событий было много молодежи, очень велик состав ранее осужденных, не работающих. Как правило, они были в алкогольном опьянении, накачаны наркотиками.

Часто задавался вопрос: «Откуда такая неслыханная жестокость и садизм? Не является ли это национальной чертой узбеков?» Нет, не является. Мир знает узбеков как народ с величайшей исторической культурой. Плохого народа не бывает — бывают плохие люди. Акции жестокости были подготовлены управляющим подпольным центром. Именно он специально отбирал подонков, чьими руками сделано это жесточайшее, темное дело в июне 1989 года.

На партийном активе 14 июня в Ташкенте в моем и других выступлениях были даны оценка и анализ свершившегося. Многие вопросы перекликаются с тем, что было сейчас мной отмечено. Я попытался связать произошедшее с социально-экономическим развитием республики и политическим положением в ней.

В последние пятилетия темпы развития экономики были весьма низки, они не опережали быстрого роста населения. Потребление продуктов на душу населения было значительно ниже среднего по стране, а структурная перестройка сельскохозяйственного производства между тем осуществлялась крайне неудовлетворительно.

Отставание в развитии производства, его перекос в сторону монокультуры хлопка привели к тому, что каждый пятый взрослый трудоспособный житель не работал в общественном производстве. Других видов занятости населения, как известно, в то время не было. Так по-

полнялись ряды безработных — благодатный материал для преступной среды.

Дана была и политическая оценка руководства республики.

Довольно интересна была реакция за рубежом. В качестве примера приведу информацию Би-би-си. Она наиболее полно освещает эти события и позицию Советского правительства в те дни:

«Председатель Совета Министров СССР Николай Рыжков обещал месхам, живущим в Узбекистане, что их требование о возвращении на их историческую родину, в Грузию, будет официально рассмотрено. Месхи, насильственно депортированные Сталиным из Грузии во время Второй мировой войны, стали объектом нападения со стороны коренного населения Узбекистана. Но будет ли практичным переселить месхов обратно в Грузию? Вот что сообщает об этом сотрудник русской службы Би-би-си.

Большинству народностей, депортированных Сталиным во время второй мировой войны, в конце 50-х годов, после того как Хрущев разоблачил сталинские преступления, было разрешено вернуться на родину. Чеченцы, ингуши, калмыки, балкарцы и карачаевцы — все вновь обрели свои автономии на Северном Кавказе и в степных районах юга России.

Но существует 4 исключения из общего правила: корейцы советского Дальнего Востока, поволжские немцы, крымские татары и месхи. Этим народностям, хотя со временем с них и сняли обвинения в измене, не разрешили вернуться в родные места. Официально эта несправедливость никак не была обоснована, более того, сам вопрос о депортированных народах был под запретом в эпоху Брежнева. Но на практике главной причиной этого, вероятно, было то, что местные власти на родине депортированных решительно возражали против их возвращения. Ведь со временем эти спорные районы густо заселили люди, которые по религиозной и национальной принадлежности сильно отличались от депортированного населения.

В случае возвращения на родину месхов главная трудность связана с жизненным пространством. Месхетия, расположенная на юго-западе Грузии, — это район глубоких долин и высоких гор, где очень мало пахотной земли. После войны большое число грузин были насильственно переселены в Месхетию. Таким образом, крестьяне, живущие там уже два поколения, будут решительно возражать против массового возвращения месхов.

Однако не исключена позиция по этническим соображениям со стороны грузинского населения в целом. Некоторые месхи говорят по-грузински и считают себя грузинами, которые были вынуждены пе-

рейти в мусульманство во времена Османской империи турок, оккупировавших Месхетию в XVIII и XIX веках.

Грузинская интеллигенция заявляет, что этих месхов можно будет принять обратно и ассимилировать среди грузин. Грузинские власти, вероятно, согласятся с такой идеей. Но многие месхи, с другой стороны, говорят по-турецки и считают себя турками. В 70-х годах некоторые из их лидеров требовали, чтобы им разрешили эмигрировать в Турцию, раз уж им не дозволено вернуться в Месхетию. Сегодня они хотят создания автономной мусульманской области в Грузии.

Перспектива массового возвращения этих туркоязычных месхов в Грузию и, возможно, образование там чужеродного тела уже вызывает тревогу у грузинской общественности. Надо полагать, что власти с особой чуткостью отнесутся к этой тревоге, поскольку им известно, с какой быстротой любая потенциальная угроза территориальной целостности Грузии может вызвать недовольство масс.

В прошлом году на востоке Грузии происходили беспорядки, вызванные сообщениями о том, что азербайджанцы мусульмане скупают там земельные участки. Да и апрельские демонстрации в Тбилиси, разогнанные войсками, первоначально были организованы в знак протеста против требования абхазцев отделиться от Грузии.

В переселении месхов грузины также могут усмотреть угрозу себе. Ряд семейств, вернувшихся в Грузию, уже подверглись нападениям. В конечном итоге Советское правительство, скорее всего, предложит депортированным народам большую автономию в культурной области в местах их нынешнего проживания во избежание нового массового перемещения населения».

Что мог решить глава правительства страны в это сложнейшее время?

Я обещал, что требование турок-месхетинцев будет официально рассмотрено. Честное слово, я действительно хотел попытаться обсудить эту проблему с руководством Грузии о возможности вернуть хотя бы часть месхетинцев. Среди них есть те, чей родной язык — грузинский, им просто было бы ассимилироваться. Но большинство месхетинцев говорят по-турецки, они мусульмане, и вряд ли Грузия захотела бы впустить к себе «чужеродное тело». Помните лозунг: «Грузия — грузинам!»? Я помнил его. Хочу ознакомить читателя с одной сохранившейся у меня в личном архиве телеграммой из Грузии, полученной мной в те дни:

«Многоуважаемый Председатель!

Зная Вашу эрудицию и рассудительность, тем более меня удивляют ваши слова, сказанные 14 июня в интервью по Центральному телевидению. Неужели не замечаете, что нация «турки-месхетинцы» зву-

чит несерьезно? Почему вы повторяете чужие ошибки? Вы же знаете, что существуют или турки, или месхетинцы, то есть грузины, и что один человек не может принадлежать сразу двум нациям. И еще: близкий по происхождению с одной верой народ не может жить вместе. Почему же их подбрасываете нам? Не кажется ли Вам, что уступки, сделанные Вами, подтолкнул народы русских, грузинов, прибалтийцев, среднеазиатов и других приступить к изгнанию из своих же земель тех же русских, грузинов, армян, азербайджанцев, т.е. тех иноземцев, которыми так щедро населены наши республики.

Осторожно, товарищ Председатель, Вы начали разжигать межнациональный огонь — пожнете бурю. С глубоким уважением, Патеишвили Анзор Титевич, журналист, редакция "Сабнота Аджара", г. Батуми».

Как чувствовал себя этот журналист в последние годы, когда подобное произошло в суверенной Грузии, куда так и не были переселены турки-месхетинцы?

Не мы вызывали бурю, мы с ней боролись. Зачем же сейчас снова русских солдат-мальчиков приглашают для установления кордона между Грузией и Абхазией? А Южная Осетия? Я полагаю, что мне нет необходимости напоминать уважаемому журналисту обо всех событиях в его родной Аджарии.

Так на что же я надеялся? Я вспомнил, как сидел в бараке на деревянной лавке, слушал этих бесконечно усталых людей, не имеющих сил даже заплакать, представлял на своем месте моих грузинских коллег и, не веря, все-таки верил! Хотя прекрасно понимал: в переселении месхетинцев грузины могут усмотреть угрозу своей целостности, как это случилось, когда абхазцы и южноосетины заявили о желании отделиться. Да и были, были уже факты самостоятельного переселения месхетинцев в Грузию. Увы, но в тех случаях грузины вели себя, мягко говоря, очень негостеприимно... Я это прекрасно знал и поэтому не мог давать твердой гарантии.

Видит Бог, я потом не однажды совершал эту попытку... Когда же окончательно понял, что Грузия не даст убежища месхетинцам, я предложил своеобразный компромисс лидерам нашей законодательной власти — чтобы мы избрали в народные депутаты и ввели в Верховный Совет СССР хотя бы одного представителя месхетинцев. А еще лучше — двух, трех. И от немцев тоже. Выбывали же депутаты — Абалкин, например, став моим заместителем. Вместо него. Вместо еще кого-нибудь. Они смогли бы представить в Верховном Совете страны всех своих соотечественников.

Кроме этого, я предложил создать или при Верховном Совете СССР, или при правительстве официальные представительства тех

народов, которые не имели территориальной автономии. Повторяю, это был всего лишь паллиатив. «Да, да, вы правы, Николай Иванович», — вежливо покивал Горбачев мне в ответ. И все. Он же не был в Фергане в лагере беженцев.

Где сейчас месхетинцы? Кто-то вернулся назад, в Узбекистан. Кто-то так и живет в России.

По большим праздникам они собираются в Москве, у Манежа, все с тем же требованием: верните нам родину! Где она, их родина? Увы, далеко, и ей, Грузии, сейчас, ой, как не до «каких-то месхетинцев». Более того, став независимой, Грузия немедленно начала преследовать тех, кто хоть в чем-то, хоть в самом малом не согласен с ней. Осетины. Абхазы. Аджарцы.

Ныне там снова иная власть. Лучше прежней?

Прошло немного времени после «цветной» революции. Вместо нахождения путей национального согласия — бряцание оружием, шовинистический угар, безмерное упоение властью. Бездумное стремление испортить отношения с Россией, забывая нашу историю, экономические связи, то, что сотни тысяч грузин живут в нашей стране и кормят семьи, оставшиеся на их исторической родине... О каких турках-месхетинцах может сейчас идти речь?

Во время моих многочисленных поездок по стране, особенно по центральным областям, ко мне нередко подходят люди «кавказской национальности», жмут руку и говорят, что они — те турки-месхетинцы, которые в черный июнь 1989 года по моему предложению вылетели из лагеря на военно-транспортных самолетах в глубь России. С соседями — нормальные отношения. Но в глазах грусть... Ведь это уже третья родина...

В этой публикации много крови, жестокости, изуверства. Невозможно пригладить все это. Казалось бы, надо воспринимать случившееся как предостережение. Но...

Да, невольно вспомнишь истину: «Бог долго ждет, но больно бьет». И он ударил — к сожалению, не в последний раз.

Глава пятая

БАКУ.

Январь 1990-го

Январские события 1990 года в Баку, о которых сейчас пойдет речь, не могут рассматриваться как локальные. Они являются зеркалом, отображающим борьбу за власть с использованием националистической карты и межнациональных конфликтов. Не затухающий уже несколько лет пожар в Нагорном Карабахе дал питательную среду для острых националистических проявлений как в Азербайджане, так и в Армении. И там, и там на этой волне рвались к власти политические группы с националистической окраской. Невольно вспомнились слова, что национализм — это не любовь к своей нации, а ненависть к чужой. Разменной монетой в политической борьбе в обеих республиках, как это обычно бывает в таких случаях, стали люди.

В этой главе речь пойдет, в основном, о событиях в Азербайджане. Различных публикаций о событиях того времени в печати предостаточно — кстати, выводы у газет совершенно разные. Главный упор в нынешних материалах делается на то, что Центр боролся за Советскую власть в Азербайджане, противился расчленению «имперской» державы, выступал против национального самоопределения. Бесчинства и погромы ушли в тень, да и стоит ли вспоминать о таких «мелочах»!

Слухи и легенды о происходившем постепенно стали переключивать и в официальные документы. В основе любой легенды всегда лежит реальный факт, но степень соответствия правде неодинакова. Там, где недостаточно информации, ее источником являются слухи и вымыслы. Однако, вольно или невольно, фальсификация прошлого — удар по будущему. И я полагаю необходимым и полезным осветить январские события в Баку не с хронологической точностью и мельчайшими деталями, это дело исследователей и историков. Моя

задача — предать гласности действия руководства страны в те дни, поведать правду о них.

В конце 1989-го и начале 1990 года обстановка в Азербайджане стала накаляться. Взаимные обвинения, не прекращавшиеся ни на один день, перешли всякие границы. От разговоров и вооруженных конфликтов в Нагорном Карабахе республики перешли к принятию официальных документов, затрагивающих, в частности, суверенитет Азербайджана. Сепаратистское движение в Нагорном Карабахе укрепило позиции Народного фронта Азербайджана, который занимал в этом отношении более радикальную позицию, нежели официальные власти. Почва была подготовлена, действия не заставили себя долго ждать. На республику обрушилась стихия несанкционированных митингов, демонстраций, акций гражданского неповиновения. Было очевидно, что в Азербайджане назревают серьезные события и Народный фронт не остановится ни перед чем.

В самых последних числах уходящего года поступили сведения, что около 200 километров инженерных сооружений на государственной границе с Ираном разрушено. По информации Председателя КГБ В. Крючкова, в этих беспорядках принимали участие тысячи людей, в том числе женщины и дети. Надо было быть наивным до глупости, чтобы не понимать, что это организованная акция сил, стремящихся любыми путями столкнуть в кровавой схватке мирное население и военных-пограничников. В основном, на границе несли службу русские ребята, которые не применяли оружия, что говорит об их мужестве и мудрости. Почему-то нынешние публикаторы стыдливо умалчивают, что рвущиеся к власти народнофронтовики впереди разрушителей пограничных сооружений заставили идти детей и женщин. Да, так именно и было. И руководство страны, рассматривая эти события, четко определилось в своей позиции — ни в коем случае не допустить кровопролития. Надо искать причины случившегося и наказать тех, кто все это организовал.

Однако организаторы разгрома границы остались безнаказанными, а последующие три недели затушевывали эти первые акты гражданского неповиновения. Декабрьский разгром госграницы, которая в сознании людей всегда являлась символом защиты государства, был первым за десятки лет существования СССР, но он не получил должной оценки.

В последние годы в средствах массовой информации непрерывно говорится о событиях на таджикско-афганской границе. Десятки наших молоденьких российских солдат закончили там еще по-настоящему не начавшуюся жизнь. Не является ли это отголоском того времени, когда в угоду так называемым демократическим силам было по-

зволено бесцеремонно обращаться с границей в Закавказье и этим дать возможность и другим странам не считаться с нами? Как быстро умеют приспособливаться некоторые властители дум, которые в то время изрекали: «Надо ли говорить о какой-то границе тоталитарного государства? Не нужна она нам, как и сама империя». Что же мы тогда защищаем в государствах, входящих в аморфное географическо-политическое понятие «СНГ»?

Вернемся же в Азербайджан. В начале января 1990 года обстановка там накалилась еще больше. Утверждается, например, план развития народного хозяйства Нагорно-Карабахской автономной области на 1990 год — реакция Баку незамедлительна. Все это подогревало антиармянские, а затем и антирусские настроения населения и использовалось в политической борьбе с официальной властью республики. Во время сборищ раздавались призывы разъяренных людей к расправе над военными, а также над армянами и представителями других национальностей: «Азербайджан — для азербайджанцев!»

Следующим шагом в дестабилизации обстановки был разгон органов власти в Ленкорани и Джалилабадском районе. Вооруженные боевики, стремясь посеять хаос и неразбериху, изгнали ее представителей. И снова Москва не пошла на силовые методы, хотя ни одна «цивилизованная» страна не смирилась бы с подобным положением у себя. Но синдром Тбилиси, выводы председателя парламентской комиссии, красная, народный депутат, юриста Собчака на Втором Съезде депутатов, полная дискредитация в прессе нашей армии — все это постоянно витало в воздухе.

В эти дни Горбачев был опять где-то за рубежом. Так уж сложилось, что во время острых конфликтов на межнациональной почве он, как правило, находился за пределами нашей страны. Когда зрели события в Тбилиси — был в Англии, когда разгребали ферганскую межэтническую резню — в ФРГ, начало бакинских событий — тоже где-то. Этим обстоятельством пользовались те, кто считал, что все неприятности идут от консервативного крыла Политбюро, а не от Горбачева, Яковлева, Шеварднадзе и Медведева, которые частенько вместе выезжали за границу. Наивны люди, верившие этим детским сказкам! Неужели такие события можно организовать и осуществить за несколько дней? Они ведь являются следствием каких-то причин и зреют не один день. Тем более что Генсек, а затем и президент (как и Председатель Совмина) ни одну минуту не находились вне связи с любой точкой нашей страны да и всего мира.

В районы безвластия мной был послан адмирал Владимир Николаевич Чернавин, народный депутат Азербайджана, с тем чтобы на

месте совместно с руководством республики рассмотреть все вопросы и решить их мирным путем. Его переговоры с местными властями и лидерами движений, объективные ежевечерние доклады свидетельствовали о том, что положение очень серьезное, республика становится неуправляемой. Чувствовалось, что назревают более масштабные события и в этническом отношении, и в борьбе за власть.

В отсутствие Горбачева первый секретарь ЦК республики А. Визиров тоже информировал меня о положении дел. В эти дни еще не стоял вопрос о введении в Баку или других районах Азербайджана чрезвычайного положения. Упор снова делался на политическое урегулирование назревшего конфликта как между двумя республиками, так и внутри каждой из них. Козырной картой в нем был Нагорный Карабах. Визиров твердо занимал позицию дружбы народов. Это стало и его трагедией, и его историческим оправданием. Безусловно, в те дни единственным эффективным отрезвляющим действием были бы кардинальные решения по Нагорному Карабаху. Но с этой проблемой руководители страны и обеих республик постепенно погружались, как в болото. Разговоров и решений — масса, а результатов — ноль.

В пятницу, 12 января, Визиров сообщил, что в субботу в Баку намечено проведение митинга под руководством Народного фронта. Он был очень встревожен предстоящим сбором. Имелись опасения, как бы действия в провинции по ликвидации власти не перекинулись в Баку, не распространились на центральные органы республики. Первая половина субботы, 13-го, прошла в ожидании. Информация, поступающая в КГБ, МВД, говорила о том, что митинг состоялся, но итоги его не были ясны. Примерно в три часа дня мне позвонил Визиров и сообщил, что митинг закончился, приняты решения и народ стал расходиться. Немного отлегло от сердца — никаких ЧП не произошло, и можно еще и еще раз взвесить всю обстановку и принять необходимые решения по ее стабилизации.

Приблизительно через два часа снова раздался звонок Визирова. Он был возбужден и страшно взволнован.

— Николай Иванович, после окончания митинга в городе начались погромы. Бьют, в основном, армян, но среди пострадавших есть люди и других национальностей. Меры принимаются, но погромы распространяются по всему Баку.

Стало очевидно, что оппозиционные силы пошли на крайние меры.

В отношении бакинского погрома существует много домыслов и предположений. Одни публикаторы говорят, что это действия уголовников и азербайджанцев-беженцев из Армении. Другие — что это про-

иски Центра, который якобы был заинтересован в раздувании карабахского конфликта.

Я могу высказать только свое личное мнение. За спиной уголовных элементов и азербайджанцев из Армении стояли определенные силы в республике, которые дирижировали этим гнусным делом. Они искусно использовали беженцев. По данным того времени, в Баку их было 80 тысяч человек, или почти одна треть от общего числа бежавших из Армении. Люди эти были, в основном, выходцами из сельской местности, и им нелегко было адаптироваться в таком большом городе. Не было жилья, средств для существования. Вот и готовая среда для осуществления противоправных действий.

С этого часа уже больше не было уверенности, что борьбу, раздирающую республику, можно завершить мирным политическим путем. Гибли люди, необычайная жестокость охватила Баку. Ежечасно оттуда поступала информация — в МВД (Бакатин) и КГБ (Крючков). Естественно, этим, как сейчас говорят, силовым министрам были даны указания контролировать обстановку и оказывать максимальную помощь правоохранительным органам республики. Стали поступать более подробные сведения о невероятно жестоком насилии над людьми. Одного армянина, укладывающего свои вещи в контейнер, закрыли в нем и сожгли живьем. Выбросили в окно с пятого этажа сначала мужа на глазах у жены, а потом и ее. Даже сейчас трудно писать об этом. И чем дальше, тем страшней становились картины побоища. И не надо сейчас делать из погромщиков национальных героев. Они — преступники, в какие бы одежды ни рядились.

Было очевидно, что республика сама не справится с этим. На нашей памяти был Сумгаит, где также безжалостно были убиты более тридцати человек. Тогда все упрекали центральную власть в том, что она действовала с опозданием на сутки. По-видимому, неуверенность и медлительность республиканских и центральных властей в оценке сумгаитских событий дали возможность безнаказанно устроить новый погром. Правоохранительные органы высказали свое мнение, что пресечь этот разгул можно, введя в городе чрезвычайное положение. Такое решение, по существующему тогда положению, мог принять только Президиум Верховного Совета СССР.

Как я уже говорил, Горбачев, в то время Председатель Верховного Совета СССР, отсутствовал, и необходимо было ждать его приезда. Вечером в субботний день, 13 января, все члены Политбюро, как водилось, встречали его в аэропорту. Он был проинформирован о случившемся в Баку, о том, что погромы все больше набирают силу и что срочно требуется собрать Президиум Верховного Совета СССР для об-

суждения этого вопроса. Здесь же было принято решение провести заседание Президиума в понедельник, 15 января. Кроме того, как всегда в подобных ситуациях, была создана бригада для выезда непосредственно в Баку. В нее вошли Председатель Совета Союза Верховного Совета СССР Е. Примаков и секретарь ЦК КПСС А. Гиренко. Они прибыли в Баку 15 января.

Между тем обстановка там ухудшилась. Число погибших уже исчислялось десятками. Раненых было мало. Били насмерть. После первых часов погрома началось бегство людей, в основном, армянской национальности. В субботу, 13-го, улетели самолетом 90 человек, больше погромщики не дали возможности ни улетать, ни уезжать на поездах. В тяжелейшие минуты своей жизни, перед лицом страшной смерти люди находят самые необычные решения. На следующий день поток беженцев устремился на паром. Только за этот день в Красноводск через Каспийское море переправились 650 человек.

После получения в воскресенье известия, что началось массовое бегство людей, вечером я нашел своего заместителя В. Догужиева, находившегося в командировке, и поручил ему срочно вылететь в Баку и заняться организацией эвакуации людей, стремящихся во что бы то ни стало покинуть город. Начиная с 15 января, этот поток стали вводить хоть в какое-то организованное русло.

Президиум Верховного Совета СССР собрался к концу дня 15 января. Вел заседание Горбачев. До членов Президиума была доведена информация о состоянии дел в республике за прошедшие 2—3 недели, особенно за последние двое суток. Было высказано мнение, что, если не будут приняты экстренные меры, ситуация окончательно выйдет из-под контроля органов власти, и тогда Сумгаит по сравнению с этим покажется маленьким эпизодом. Предлагалось ввести чрезвычайное положение в Баку и некоторых районах республики. Но против этого категорически выступила Э. Кафарова — Председатель Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР. В то же время на вопрос, сможет ли руководство республики гарантировать безопасность граждан и соблюдение порядка в городе, вразумительного ответа она дать не смогла. Было видно, что толком она так ничего и не скажет.

В многочисленных публикациях о бакинских событиях делается упор на то, что центральное руководство страны в лице Верховного Совета не приняло во внимание мнения республиканских властей. Вот четкий ответ на это: 15 января 1990 года Президиум Верховного Совета Азербайджана принял постановление: «Просить Министерство обороны, правоохранительные и другие исполнительные органы СССР

оказать Азербайджанской ССР всю необходимую помощь в соответствии со статьей 81 Конституции СССР».

В этот же день, поздно вечером, с учетом резкого возражения Кафаровой и вечного лавирования Горбачева Президиумом Верховного Совета СССР было принято решение ввести чрезвычайное положение, но не в Баку, где уже всю лилась кровь людская, а в Нагорном Карабахе и некоторых районах Азербайджана и Армении. Снова наше российское «авось». Авось пронесет, авось погромшики и те, кто их подстрекал, испугаются. Но они не испугались, а, наоборот, еще больше утвердились в своей безнаказанности. Я понимал это и не скрывал своего негативного отношения к таким, мягко говоря, непонятным решениям. Обсуждаем события Баку, а принимаем решения по Нагорному Карабаху.

Полагаю, что прими Президиум другое постановление — не было бы трагической ночи с 19 на 20 января. Не было бы смертей ни мирного населения, ни солдат. Понимали ли участники заседания Президиума, что они развязывают руки погромщикам? Государственный разум победило чисто политическое лавирование — важно, кто что скажет, а не то, что произойдет. Сумгаит ничему не научил. Опять власть плелась в хвосте событий.

Принятое половинчатое решение, как и следовало ожидать, ничего не остановило. Погромы продолжались, формировались отряды бандитов, началось блокирование дорог, аэропорта. Лидеры Народного фронта втягивали республику в хаос. Посланцы Москвы — Е. Примаков и А. Гиренко, вместе с руководством Азербайджана проводили работу по предотвращению насилия, пытались найти общий язык с лидерами Народного фронта. Призывы к диалогу, согласию, терпимости остались гласом вопиющего в пустыне. Более того, участились нападения на военнослужащих и склады оружия. Обстановка с каждым днем накалялась.

Барометром атмосферы тех дней был поток беженцев. Для нас, правительства, это был главный вопрос. В Баку этим занимался Догужиев, в Москве же и Председатель Совмина, и его заместители постоянно держали эту проблему на контроле. У меня сохранились цифры по эвакуации людей. Из Баку были эвакуированы организованно, подчеркиваю это слово, 15-го — 1200 человек; 16-го — 2100; 17-го — 500, 18-го — 1600; 19 и 20-го — по 1500 человек. Сколько выбрались из города самостоятельно, можно только предполагать...

Кроме того, за эти дни были вывезены самолетами 250 человек, на военных катерах в Махачкалу — 700, на поездах в Ростов — около 500 человек. Всего покинули свои жилища примерно 20 тысяч человек.

Вот такой поток людей ринулся из города, где все больше и больше брали власть в свои руки те, кто громко называл себя демократами. Такова гримаса нашего времени. Разве когда-либо раньше называли таких людей этим благородным словом? В начале века им было дано четкое определение — погромщики.

В последующие годы многочисленные публикации делали из этих «демократов» героев, боровшихся с ненавистным тоталитарным режимом, а про беженцев или умалчивали, или представляли их продуктом этого режима. Правительству страны в те дни пришлось непосредственно заниматься выброшенными за борт жизни людьми. Почему не говорится вся правда о тех, кто бежал из своего родного города от расправы? Для того чтобы оправдать так называемых демократов? Неужели сегодняшним «оправдателям» не ясно, что если «демократия — это грань между недозволенностью и вседозволенностью», то в событиях тех дней второе перевесило первое?

Только всемирно известный шахматист, а ныне политический деятель Г. Каспаров со своей семьей и родственниками улетел из Баку с комфортом — и тем не менее именно он больше всех поливал грязью власти, которые спасли его драгоценную жизнь. Остальные покидали свои жилища в халатах, пижамах, майках, в тапочках. В Красноводске скопилось огромное число беженцев без питания, одежды, не имея элементарных необходимых условий. Благородные «демократы», которые потом за два года довели республику до гражданской войны, не давали возможности нормально, на поездах и самолетах, вывезти обезумевших людей из этого ада.

Многие аналитики, в том числе и русские, основной акцент делают на то, что центральная власть боролась за сохранение Союза. Да мы же и не скрываем, что были против его развала, но борьба была направлена в первую очередь против погромщиков и тех, кто стоял за ними.

Из Красноводска был налажен организованный вывоз людей самолетами. Более трагичную ситуацию трудно себе представить. Примерно половина вылетели в Армению, около тысячи человек — к своим родственникам в разные города страны. Люди, состоящие в смешанном, особенно армяно-азербайджанском, браке — а об этом никто никогда всерьез не задумывался, — оказались в наиболее отчаянном положении. Они покидали Азербайджан, а въезд в Армению для одного из супругов был практически закрыт. Трещина межнациональной ненависти прошла не только между народами, но и коснулась многих семей. Люди смешанных браков ринулись, в основном, в Москву.

Вторая волна беженцев, после 15-го, состояла из русских и представителей других национальностей, это были семьи военнослужащих.

И снова неоправданные домыслы — якобы их насильно выводило из республики военное начальство. Надо быть или совершенно не информированным, или иметь патологическую ненависть к своей армии, чтобы делать подобные выводы. Кому из офицеров хотелось бы увести жену с детьми из бакинской квартиры в казармы городков какого-нибудь военного округа? (Только в казармах Ленинградского военного округа были размещены примерно три тысячи беженцев.)

Забегая вперед, стоит сказать, что вторая волна беженцев (первая была в 1988 году из Армении и Азербайджана) создала огромное число проблем. Где жить? На что жить? Были изъяты во временное пользование подмосковные базы отдыха, пансионаты и пионерские лагеря министерств и ведомств. Это «временное» решение растянулось на многие месяцы и даже годы. Государственная комиссия по чрезвычайным ситуациям Правительства СССР в срочном порядке готовила предложения по решению проблем беженцев. В конце января первое такое решение было принято.

Подключилась Комиссия Российской Федерации. Надо отдать должное, она работала оперативно и с полным пониманием трагичного положения этих людей. Беженцев стремились расселить и дать работу в городах России. Не все получалось, как хотелось, но реакция властей соответствовала российскому характеру. Правда, позже один из советников Президента России, господин Станкевич (да-да, тот самый!) заявил, что «они» все делали не так. Надо было строить специальные города. Конечно, он, младший научный сотрудник академического института, пройдя школу демагогии эпохи раннего периода «демократии», а также «выучку» на посту заместителя небезызвестного бывшего правителя Москвы Г. Попова, имел «большой» опыт практической работы: дороги Москвы, которые он обещал сделать идеальными, стали при нем не дорогами, а только «направлениями»...

В дни бакинских событий, а точнее, 18 и 19 января, в Большом Кремлевском дворце состоялось Всесоюзное совещание рабочих, крестьян и инженерно-технических работников. Это совещание проходило под лозунгом: «Перестройке — энергию дел!» Как будто перестройка замышлялась не для дела! Впрочем, такая постановка вопроса была явным симптомом того, что намеченные преобразования стали заходить в тупик, и надо было послушать работников из сферы материального производства, заручиться их поддержкой. На совещании присутствовали все члены Политбюро, секретари ЦК КПСС, заместители Председателя Совета Министров СССР. Как всегда, с докладом выступил Генсек, в то время еще не президент страны, а только Председатель Верховного Совета СССР. Мне нет необходимости в этой

публикации подробно останавливаться на данном совещании. Оно освещалось в печати, да и тема нынешнего разговора о Баку имеет с ним только одну взаимозависимость — временную.

В ходе совещания в Президиум стали поступать записки от представителей Армении и Азербайджана с просьбой предоставить им слово в связи со сложной ситуацией в их республиках. Было принято решение 18-го встретиться с этими делегациями после окончания заседания. Вечером на встречу остались не менее половины всех участников совещания. И снова посыпались взаимные упреки со стороны представителей обеих республик в адрес союзных органов власти: «Почему погромы идут в Баку, а чрезвычайное положение вводят в районах Армении? Почему центральная власть не пресекает погромы?» В ответ — многословные объяснения и ничего конкретного.

Утром 19-го, перед началом второго дня совещания в комнате президиума обсудили имевшуюся на вчерашний вечер информацию о положении в Армении и Азербайджане. Ситуация оставалась сложной, но теплилась надежда на лучший исход. Она улетучилась ровно в 10 утра. Минута в минуту, как было принято, руководство страны выходило в зал заседания. В это время раздался звонок правительственной связи, и один из помощников Горбачева сообщил ему, что звонит Е. Примаков из Баку и просит переговорить с ним.

— Нехорошо задерживать начало работы совещания, — говорит Горбачев, — переговоры с ним, Николай Иванович, выясни, что там у него, а потом скажи мне. Мы же пойдем на совещание.

Все ушли. Телефонная трубка лежит, Евгений Максимович ждет разговора. С его первых фраз стало ясно, что в Баку произошла трагедия — власти в республике нет. Утром вооруженные боевики заблокировали здание Совета Министров, Верховного Совета и ЦК компартии. Положение критическое. Обстановка не контролируется. Надо принимать меры.

Приблизительно вот такой разговор произошел с Председателем палаты Верховного Совета СССР Е. Примаковым. Я уточнил некоторые вопросы и сказал ему, что сейчас передам эту информацию Горбачеву. Попросил, чтобы он был недалеко от правительственной связи. Затем вошел в президиум совещания, очень коротко проинформировал Генсека о состоявшемся разговоре и попросил его срочно связаться с Примаковым.

Примерно через полчаса меня вызвали в комнату президиума, и Горбачев сообщил более подробно, что произошло в Баку, в том числе и о том, что поздним вечером 18-го Народный фронт объявил там чрезвычайное положение. В городе возводятся баррикады, усилилось бег-

ство людей, продолжаются погромы. Советские и партийные органы фактически перестали контролировать ситуацию. Сообщил, что он пригласил сюда министра обороны Д. Язова, Председателя КГБ В. Крючкова и министра МВД В. Бакатина. Пока он передавал содержание состоявшегося разговора, все трое приглашенных прибыли.

Горбачев проинформировал их о положении в Баку и предложил им немедленно вылететь туда. Крючков сразу же заявил, что ему нет необходимости вылетать, т.к. там находится его заместитель. Бакатин же сказал, что для того, чтобы принимать меры по восстановлению порядка в городе, необходимо решение о введении чрезвычайного положения, т.е. то решение, которое не было принято 15 января. Горбачев тут же дал поручение помощникам пригласить своего первого заместителя А. Лукьянова. Здания в Кремле находятся рядом, и примерно через десять минут Анатолий Иванович уже прибыл. Он также был проинформирован о случившемся в Баку и о том, что сейчас туда вылетают Язов и Бакатин для принятия мер с целью избежать хаоса и массовых беспорядков с непредсказуемыми результатами. Горбачев поручил Лукьянову срочно решить вопрос о принятии Президиумом Верховного Совета СССР Указа о введении чрезвычайного положения в Баку. Анатолий Иванович высказал сомнение в возможности быстро решить этот вопрос. В ответ ему было сказано:

— Это твоя забота, но решение должно быть принято немедленно, так как сложившееся положение не терпит ни одного часа.

Мне неизвестны подробности, как это все происходило. На заседание Президиума меня не приглашали и никаких разговоров со мной по поводу принятия Указа в течение дня не было. Указ Председателя Верховного Совета СССР приняли, и чрезвычайное положение в Баку было введено с нуля часов 20 января. Загадкой для меня остается вопрос, почему сразу же после подписания Указа он не был передан по Центральному и республиканскому радио и телевидению. Дело в том, что средства массовой информации были подотчетны в своей работе не правительству, а руководству и некоторым отделам ЦК партии. Думаю, что рано или поздно, но на это белое пятно в событиях тех дней прольется свет. Что это — небрежность тех, кто принимал и подписывал Указ, или умышленное замалчивание? Возможно, что ответ содержится в материалах следствия.

Около 11 вечера я приехал домой. Не успел войти, как раздался звонок правительственной связи. У телефона был Председатель Совета Министров Азербайджана Аяз Муталибов. Мы были знакомы с ним много лет, раньше он работал председателем Госплана республики, а я — первым заместителем председателя Госплана СССР. Срывающим-

ся голосом он кричал, что войска входят в город, идет стрельба, и просил прекратить ввод войск. Я предложил ему перезвонить мне через полчаса с тем, чтобы разобраться в истинном положении дел. В таких сложных ситуациях нужно иметь информацию из разных источников. Не отходя от телефона, поручил соединить меня с Примаковым или Язовым. Трубку взял Язов. Я сообщил ему о звонке Муталибова и потребовал рассказать мне о положении в городе на данный момент. Министр обороны четко, как и полагается военному, проинформировал, что в соответствии с Указом Председателя Верховного Совета СССР Горбачева в город вводятся войска армии и МВД с тем, чтобы к началу введения чрезвычайного положения (ноль часов 20 января) они находились в определенных местах города для охраны общественного порядка и пресечения массовых беспорядков. Действуют они по плану. Далее он сообщил, что при продвижении воинских частей заслоны из грузовиков и автобусов перекрывают дороги. Боевики ведут интенсивный огонь из-за углов и, крыш домов. Уже есть жертвы среди военных. Отвечаем огнем только на огонь.

Через несколько минут после доклада — снова звонок от А. Муталибова. Сообщил ему информацию Язова, а также предложил повлиять — если, конечно, у него есть такая возможность — на лидеров Народного фронта и его штаб Совета национальной обороны (такой орган был — НФА), чтобы они прекратили обстрел войск и избежали ненужного кровопролития. В заключение этого тяжелого разговора я твердо сказал Муталибову, что с учетом сложившейся обстановки в республике, и особенно в Баку, останавливать ввод войск в город мы не будем.

О том, что происходило в ту трагическую ночь в Баку, известно. Об этом много писалось, но, как всегда бывает в этих случаях, одни и те же события освещались с разных позиций. Гибли солдаты и боевики, гибли ни в чем не повинные мирные люди.

Средства массовой информации республики — и некоторые центральные — представляли русских солдат как исчадие ада, приписывая им зверские наклонности. Ловко манипулируя общественным сознанием людей, Народный фронт, считавшийся выразителем демократических идей, делал все для противостояния Центру страны в целом и русским в частности. Свои же, российские доморожденные политические демагоги получили возможность снова ударить по армии. Ведь они били, в основном, по тому, что было сильно в стране: армия, военно-промышленный комплекс, космос и т.д. Перед ними была поставлена специальная задача, и они ее выполнили.

Размышляя о тех днях января 90-го, я, естественно, проецирую эти события на последующее положение в суверенном государстве Азербай-

джан. Прошло немного времени, и запылали города и села, каким-то полковником в отставке объявилась самостоятельная республика Нахичевань, кстати, со столицей опять же в Ленкорани. Законный президент тряс бородой в родном горном селе, а бывший член Политбюро и мой заместитель Гейдар Алиев пытался спасти положение. Но в любом случае разве можно обвинять народ, людей, будь они азербайджанцами, армянами или русскими? Это было бы унижительным и оскорбительным для памяти всех погибших в конфликтах Закавказья с 1988 года и до наших дней, в том числе и в январе 90-го. Тень любых злодеяний не должна падать на народы, будь это Нагорный Карабах, Сумгаит или Баку. Здравомыслящие люди всегда отделяли озверелую толпу от народа в целом. Экстремисты и выродки составляют лишь ничтожную часть от него.

В этой публикации я обвиняю не азербайджанский народ, а тех политиканов НФА, его лидеров, которые ввергли людей в январе уже далекого 1990 года в пучину страданий. Они, и только они виновны в этом страшном конфликте. Они рвались к власти, так стоило ли им при этом считаться с жизнью и благополучием азербайджанцев, армян, русских, евреев?

Разве демократический публицист А. Нуйкин, впервые в жизни приехавший в Нагорный Карабах в конце 1991 года и пробывший там несколько часов в здании аэропорта, помог своей статьей в демократической газете примирить два народа, назвав их народом-жертвой и народом-палачом? Межнациональная рознь, будь то конфликт или гражданская война, всегда отличалась жесткостью и непримиримостью. Так можно ли обвинять в этом один какой-то народ? Отрезанные уши, пытки в присутствии родственников, призыв России вместе с армянами воевать против азербайджанцев — вот далеко не полный перечень измышлений этого господина, публициста-демократа. Но разве он единственный, кто пытался — да и сейчас не оставляет мысль — столкнуть два народа, армянский и азербайджанский? И не патологическая ли это ненависть подобных политологов к своему, русскому народу, которому они стараются навязать роль жандарма в национальной драме?

А вот материал по горячим следам одного из корреспондентов центральной газеты, бывшего в тот день в Баку: «...в штабе совета национальной обороны Народного фронта, расположившегося в Доме культуры завода им. лейтенанта Шмидта, мне удалось побывать буквально за несколько часов до начала событий. При подъезде к зданию бросалось в глаза скопление автобусов и легковых автомобилей. Стояли группы молодых людей, как это ни странно, в форме Советской Армии, какие-то моряки. Особенно выделялись крепкие парни в защитного цвета куртках с повязками НФА.

— В наших рядах более 100 тысяч боевиков-ополченцев, — охотно рассказывал Нураддин Абдуллаев, представившийся начальником штаба совета. — Они есть и в Баку, и во всех населенных пунктах республики. При необходимости мы можем перебрасывать отряды самообороны из одного района в другой. А на случай критических ситуаций у нас найдется достойный ответ и все необходимые для него средства...»

И действительно, страшный ответ не заставил себя долго ждать: он последовал в виде выстрелов и взрывов, следов трассирующих пуль в ночном небе. По заявлению Д. Язова, боевиков было примерно 40 тысяч человек. Откуда они взялись? Это что, детские игры с боевым оружием в руках? Эти «игры» идут до сих пор, и в их жернова снова попадают простые люди, далекие от политической борьбы, от рвущихся к власти проходимцев.

Уже по первой информации министра обороны я понял, что верхушка Народного фронта ни перед чем не остановится. Это подтвердилось и в систематических ночных докладах. Нарыв лопнул.

Так прошла эта бессонная, тяжелейшая ночь. В эти часы я непрерывно поддерживал связь с Д. Язовым, Е. Примаковым в Баку, с В. Крючковым в Москве. Глубокой ночью я 2—3 раза созванивался с Горбачевым — он ведь был Верховным главнокомандующим Вооруженных сил страны. Из разговора с ним я сделал вывод, что ждать от него точных указаний, четкой позиции по событиям той ночи — дело бесполезное. В конце концов он изрек: «Делай, как считаешь нужным!» Что это было — растерянность или уход от принятия решения? Побеდი, как всегда в критической ситуации, его «принцип»: моя хата с краю...

Утром 20-го после многочисленных переговоров было принято решение, что в середине дня в Москву прилетят руководители республики. Во второй половине дня в здании ЦК КПСС, в зале, где сейчас расположена Администрация Президента России, состоялась встреча М. Горбачева с членами бюро ЦК Компартии Азербайджана А. Муталибовым, Г. Гасановым, М. Мамедовым и ныне покойным В. Поляничко. С московской стороны, кроме Горбачева, принимали участие еще 7 человек, в том числе и я. Встреча была сложной, напряженной и нервной. Да и откуда ей быть другой — ведь погибли люди!

Обсуждение, в основном, свелось к двум проблемам: какие меры надо принимать сейчас и о руководстве республики. На наш вопрос, считают ли они возможным обеспечить порядок в городе, если войска будут выведены, мы получили четкий ответ — нет. И в такой ситуации чрезвычайное положение в городе сохранялось до августа 1991 года, т.е. более полутора лет.

Обсудили вопрос о нормализации жизни в Баку. Договорились, что для этих целей в Азербайджан вылетит первый заместитель Предсовмина Л. Воронин, а В. Догужиев в Москве займется беженцами и подготовкой постановления правительства по этой проблеме. Вторым был вопрос о руководстве республики. Первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана А. Визиров должен был оставить этот пост, поэтому необходимо было решить: кто встанет во главе республиканской Компартии? Остановились на кандидатуре А. Муталибова. На должность Предсовмина договорились рекомендовать Г. Гасанова. Он по своим взглядам был близок к оппозиции, таким образом, в руководстве республики намечалось своеобразное национальное согласие. Вечером Горбачев выступил по Центральному телевидению с обращением к народу в связи с событиями в Баку.

Впереди были долгие месяцы попыток стабилизации обстановки, но армяне больше не возвращались в Азербайджан, а азербайджанцы — в свои родовые гнезда в Армении. В 1988 году в почти двухмиллионном Баку проживали свыше 200 тысяч армян. Это был второй после Еревана город по количеству армянского населения. Всего же в Азербайджане к началу конфликта проживали около 500 тысяч армян. Это было самое крупное за пределами Армении место их компактного проживания. Сейчас в Баку остались несколько тысяч армян, в основном, женщины, находившиеся в смешанных браках.

Молох национализма продолжал да и сейчас продолжает собирать свои жертвы. Надо ли это вспоминать? Надо. Мудр тот, кто держит в уме настоящее и будущее, а в сердце настоящее и прошлое. Это прошлое довлеет над двумя народами уже более пятнадцати лет, и конца и края ему пока не видно. А следом и Грузия стала расправляться с осетинами и абхазами, да и своего «всенародно избранного» президента «демократически» обстреляли из орудий. Ну, а последующего президента, «отца» российской и грузинской демократии Э. Шеварднадзе, «цветная» революция с позором вышибла из его, так полюбившегося ему кресла.

Еще и еще раз анализируя действия союзных и республиканских властей, народных депутатов СССР и широкой общественности в то время, задаю себе вопрос: можно было избежать трагических событий в Баку января 90-го? Можно, если бы последовательно и честно разрешались межнациональные конфликты, особенно в Закавказье. Если бы проблемы Нагорного Карабаха, Сумгаита, захват власти в районах Азербайджана, разрушение государственных границ с Ираном и т.п. не забалтывались речами в многочисленных комиссиях. Надо было при появлении этих проблем решать их незамедлительно — политически, а где надо, и административными методами.

Общественность же, особенно в Закавказье, или индифферентно относилась к происходящему, или явно поддерживала боевиков. Да и органы государственной власти в некоторых республиках не отличались интернационализмом. В качестве примера приведу выдержку из заявления Комиссии Верховного Совета Азербайджанской ССР по расследованию событий в Баку 19 и 20 января 1990 года, сделанного ею 14 февраля этого же года на сессии Верховного Совета СССР:

«...Воспользовавшись такой обстановкой, уголовные элементы спровоцировали в Баку 13 января погромы, бесчинства, приведшие к многочисленным человеческим жертвам, преимущественно лиц армянской национальности. Азербайджанский народ, трудящиеся республики гневно осуждают совершенные преступления, требуют сурового наказания их организаторов и исполнителей.

Однако сложившуюся в Баку и в целом в республике сложную обстановку нельзя было расценивать как попытку насильственного захвата власти...»

Вот так-то. Не было попытки насильственного захвата власти. А что было? Безмятежная встреча друзей?

Надо быть абсолютно никудышным политиком или политическим циником, чтобы не разобраться в происходящем. К власти рвались люди, в националистическом угаре ведя борьбу с ненавистным им Центром, который дал когда-то государственность Азербайджану.

Да, поистине вспомнишь народную мудрость: войну заваривают грязные политики и жестокие авантюристы, расклебывает же ее простой народ.

Когда я писал эти строки, по Российскому телевидению показывали события из Баку. Разъяренную толпу усмиряли мощные отряды правоохранительных органов. Это президент Г. Алиев реально использовал данные ему полномочия для предотвращения хаоса и беззакония в стране. Любой нормальный правитель печется о спокойствии своего народа и целостности государства.

Слишком дорогой ценой досталась всем нам эта непреложная истина.

Закавказский пожар не мог не сказаться на стабильности в государстве в целом. Трещины от этих многолетних конфликтов пошли по всем республикам Союза. Разрушителям страны надо было ее ослабить, охаять, деморализовать. С какой яростью говорилось о Советской Армии — жандарме и ее генералах, о необходимости деполитизации армии, о недопустимости использования ее для погашения внутренних конфликтов. Все это было среди лозунгов так называемых демократов, с помощью которых они пришли к власти, а затем за-

пели совершенно иные песни. Маршала Д. Язова и генерала И. Родионова после Тбилиси и Баку стирали в порошок, а «демократический» генерал Грачев инспектировал на Северном Кавказе части уже Российской Армии, выполнявшей те же задачи. А кто еще совсем недавно погибал в Чечне?

После прихода во власть в «демократической» России «прекрасившийся» генерал Д. Волкогонов убежденно говорил, что Российской Армии отводится «исключительно важная роль внутреннего государственного стабилизатора». А как же понятие «жандарм»? На собрании руководящего состава Вооруженных сил РФ незабвенный Ельцин заявил:

— Армия сегодня — это не только гарант безопасности страны. Она призвана быть гарантом стабильности, гарантом экономических и политических реформ России.

Все забылось. В своей речи «гарант Конституции» уже открыто призывал при помощи армии обеспечить экономические и политические реформы. Но не он ли со своими соратниками в те тяжелейшие для нашего народа и всей страны годы предавал анафеме действия союзных властей и руководства армии?

Государство является сложнейшим организмом. В нем, особенно многонациональном и с федеративным устройством, зачастую возникают особые обстоятельства — всплески сепаратизма, межнациональные конфликты, терроризм. Все это не может не оказывать влияния на целостность государства, жизни людей.

Для предотвращения подобных ситуаций власть обязана в полной мере использовать правоохранительные органы, а в критические моменты — армию. Мы прекрасно понимали это и действовали соответственно, за что подвергались жесточайшей травле со стороны людей, которые спустя несколько лет убеждали общество — для его же блага — в необходимости таких мер. Все это называется политическим цинизмом, другого определения я дать не могу.

Прошло время после трагических событий 1990 года.

Смута, посеянная азербайджанскими националистами, постепенно ушла в прошлое. Это оказалось возможным, когда во главе государства встал Гейдар Алиев. Он вновь был востребован своим народом. Страна стала управляемой и предсказуемой. Талант и воля этого неординарного человека позволили решить многие вопросы, в том числе и национальные.

Я прекрасно знал Гейдара Алиевича. Нас в один день избрали на Пленуме ЦК КПСС в ноябре 1982 года: его — членом Политбюро, меня — секретарем ЦК по экономике. Через три года, когда я возгла-

вил Совет Министров СССР, он стал моим первым заместителем. Кстати, работал он очень хорошо.

Сейчас Г. Алиева уже нет. Но будем надеяться, что его политику по руководству Азербайджаном продолжит его сын.

В этой публикации приведены только отдельные эпизоды бакинских событий января 90-го года. Надо полагать, что исследователи восстановят всеобъемлющую и правдивую картину азербайджано-армянского конфликта и его последствий для Баку, да и народная оценка все равно рано или поздно расставит все на свои места. Взаимосвязь этих событий прямая, что бы об этом ни говорили. Но надо помнить слова поэта: «Чем эпоха интересней для историка, тем для современников печальней».

Глава шестая

ПРИБАЛТИКА: ОТ НАЦИОНАЛИЗМА К СЕПАРАТИЗМУ

События, произошедшие в нашей стране на национальной почве во второй половине 80-х годов прошлого века, о которых рассказано в предыдущих главах, носили локальный характер, но они дали толчок начавшимся через несколько лет лавинообразным разрушительным процессам.

Особая роль в них, роль катализатора и детонатора, принадлежит прибалтийским республикам. Литва, Эстония и Латвия первыми заявили о своем государственном суверенитете и о выходе из Союза ССР. Ну, а бездарная и беспомощная политика Центра в связи с этими событиями показала России, Украине и другим союзным республикам, что любые их действия по разрушению единого государства останутся фактически без последствий для их организаторов.

О том, на каком фоне и как все начиналось, к чему все это привело в Прибалтике, о неразрывной связи национализма и сепаратизма и рассказывается в этой главе. Мной не ставится цель описывать историю формирования в Прибалтике или вне ее политических сил, постоянно стремившихся с помощью Запада к выходу этих республик из состава СССР. В основном, я хочу осветить события, происходившие во второй половине 1980-х годов, о которых знаю не понаслышке.

Бурная деятельность этих сил проявилась на съездах народных депутатов и Верховного Совета СССР. В конечном итоге все закончилось подписанием М. Горбачевым в августе-сентябре 1991 года указов о выходе прибалтийских республик из состава Советского Союза.

1. РОЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ

К приходу М. Горбачева к власти в 1985 году в стране накопилось достаточно много проблем. Поэтому провозглашенный новым Генеральным секретарем ЦК КПСС курс на перестройку, т.е. реформирование различных сторон жизни государства, вызвал в обществе большое одобрение. Стали создаваться многочисленные общественные движения в поддержку этого курса. Разумеется, их участники по-своему оценивали сложившееся в стране положение и давали собственные рецепты лечения болезни. В этой ситуации многие руководители на местах, особенно в областях и республиках, сделали для себя выводы, что в Центре происходит острая борьба сторонников реформ с «консервативной» частью высших органов государственной и партийной власти.

Поводы для таких выводов давал сам Горбачев. Полагаю, многие из старшего поколения помнят его призыв, прозвучавший во время поездки в Сибирь: на местах надо давить на противников перестройки «снизу», а мы (т.е. «прогрессивная» часть власти) будем это делать «сверху». После такого призыва, естественно, в стране еще более активизировались движения разного толка. Давление «снизу» коснулось и КПСС. Рядовые члены партии и беспартийные начали давить на «верхи» — руководителей обкомов и горкомов КПСС. Мне вспоминается, с каким восторгом говорил Горбачев о событиях на Сахалине, когда там на митинге сбросили с поста первого секретаря обкома партии. На второй день после одобрительной оценки Генсека по телевидению этого события я сказал ему, что подобные действия могут закончиться очень печально, проблемы, в том числе в партии, нужно решать иным путем. Ответ был: «Процесс пошел!»

Вольно или невольно, но Горбачев спровоцировал появление десятков, если не сотен оппозиционных существовавшему строю течений, включая внутрипартийные, депутатских групп и самых разнообразных группочек. Он часто шел на мелкие и не очень мелкие уступки то «правым», то «левым», постоянно балансируя между ними. Генсек яростно возражал тем, кто требовал четкой и конкретной программы действий; он ее не имел и, самое главное, не хотел иметь. Это был человек импровизации, и можно сказать, что она слишком часто управляла его действиями.

Перестроечные годы (1985—1991), на мой взгляд, можно условно разделить на два этапа.

Первый — это начало необходимых демократических преобразований, ослабление жесткого контроля во многих сферах общественной жизни, гласность и т.д.

Второй этап я отсчитываю с середины 1989 года. Он характеризуется ростом агрессивного национализма и развернувшейся борьбой за власть. «Открыла» этот этап работа Первого Съезда народных депутатов СССР. Следует заметить, что в Прибалтике такой «националистический» утар начался несколько ранее, чем в целом по Союзу, — с середины 1988 года. Это был весьма важный предупреждающий сигнал, который не мог не заметить лидер страны, приступая к реальному осуществлению перестройки.

На первом этапе М. Горбачев купался в лучах славы. В 1986 году в Хабаровске он провозгласил, что «нынешняя перестройка охватывает не только экономику, но и все другие стороны общественной жизни: социальные отношения, политическую систему, духовно-идеологическую сферу, стиль и методы работы партии, всех наших кадров. Перестройка — емкое слово. Перестройку мы будем... делать на марше».

Его действия поддерживала подавляющая масса народа. Но Горбачев так увлекся, что забыл, точнее, не учел главного — особенностей страны. Ведь в СССР проживали почти 300 миллионов населения, многонационального и многоконфессионального. Государство было могучим и богатым, но значительная часть людей на себе этого не ощущала. В таких условиях каждый реформаторский шаг должен был особенно четко и строго выверяться — по направлению, по размаху, по темпу, по времени. То есть действовать нужно было в соответствии с конкретной и реалистической программой. Но у Генсека ее не было.

Горбачев спешил. Трудно сейчас определить, что двигало им тогда — то ли характер, то ли кто-то постоянно подталкивал его торопиться: время, дескать, не ждет. Полагаю, было и то, и другое. Архитекторы «перестройки», используя определенные черты характера Генсека, проводили свою линию — быстрее расшатать государство, уничтожить ненавистный им общественный строй. Когда же А. Яковлев со товарищи подвели Горбачева ко второму, критическому для страны периоду, он уже ничего не мог сделать. Рубикон был пройден. Думаю, он понимал, в какую ловушку его завели, поэтому начал метаться, терять власть и авторитет, накопленный им в первые годы перестройки. И здесь оправдалось мудрое изречение: «От любви до ненависти — один шаг».

На этом этапе радикальная, националистически настроенная оппозиция перешла в наступление. Показательным примером перерождения общественной поддержки перестройки в националистические

движения могут служить образовавшиеся в странах Прибалтики во второй половине 1980-х годов литовский «Саюдис» и латвийский и эстонский Народные фронты. Именно они возглавили «поход» прибалтийских республик — сначала за региональный хозрасчет по прибалтийски, а затем за выход из СССР.

Наиболее радикально националистически настроенным был «Саюдис». Он продемонстрировал всю мощь разрушительной силы в борьбе за власть, за выход Литвы из Советского Союза. Правда, достигнув на постоянно поднимаемой им волне националистических настроений самых больших политических высот в своей республике, «Саюдис» в дальнейшем оказался не способным решать конкретные, чисто житейские вопросы, прежде всего социальные и экономические. Уже через три с лишним года движение потерпело морально-политическое крушение, и ему не помогла даже независимость Литвы. Подобное произошло практически со всеми националистическими общественными движениями. Показательно, что уже в 90-е годы сошли с арены их лидеры: Ельцин, Кравчук, Шушкевич, Тер-Петросян. Они остались в истории своих стран с отрицательной оценкой их деятельности.

Конечно, объективно говоря, «Саюдис» и другие подобные ему крупные общественные движения создавались на основе недовольства населения социально-экономическими условиями жизни, практикой административно-бюрократического руководства — как в Центре, так и на местах, а также перекосами в национальной и кадровой политике. Роль перестройки и заключалась в решении этих назревших проблем, но для этого необходимы были время и вдумчивый подход.

Первые митинги «Саюдиса» летом 1988 года в своих резолюциях выдвигали требования большей демократизации общества, большей независимости, большей социальной справедливости («Нет партийной номенклатуре и ее “кормушкам”!»), восстановления «исторической правды» и т.п. Но вскоре стало понятно, что «Саюдис» и подобные ему движения использовали лозунги реформирования своих республик в совершенно иных целях — для разрушения существовавшей системы и захвата власти.

Не без участия высших структур тогдашнего руководства ЦК Компартии Литвы и республиканского КГБ «Саюдис» сформировался довольно быстро как реальная политическая организация, ядром которой стала интеллигенция. Около 95 процентов членов «Саюдиса» составили литовцы. Его действия характеризовались исключительной оперативностью, организованностью и продуманностью тактических шагов. Были решены при помощи зарубежных «друзей» финансовые и материально-технические вопросы.

Движение быстро набирало силу. Созданная в самом начале июня 1988 года инициативная группа состояла из 36 человек. Через 10 дней она уже провела политическую акцию протеста против депортации 1941 года, в которой участвовали около 200 человек. Перед началом XIX Всесоюзной партийной конференции на площади Гедиминаса состоялся двадцатитысячный митинг, посвященный проводам делегатов конференции и вручению им наказов от имени сторонников нового движения. 9 июля этих делегатов встретили несколько десятков тысяч человек. Тем самым был осуществлен акт публичной презентации активистов движения «Саюдис». Широкое признание и организационное оформление движения состоялись на многотысячном митинге в Вильнюсе 23 августа 1988 года в связи с очередной годовщиной подписания пакта Риббентропа—Молотова. На этом митинге впервые были объявлены программные положения «Саюдиса».

Проблемы политического, социально-экономического и культурного развития все чаще стали рассматриваться с позиций национального эгоизма и обособленности. Это отталкивало от «Саюдиса» не только русских, белорусов, поляков, проживающих в Литве, но и часть литовцев. И все же верх брал национал-радикализм. Наступившее у народа разочарование в итогах перестройки послужило благодатной почвой для того, что недовольство в относительно короткое время — он овладел массами.

Росту авторитета «Саюдиса» и все более националистическому характеру этой организации способствовали и крайне непоследовательные действия Центрального Комитета Компартии Литвы. Он практически устранился от работы с людьми, начал идти на уступки, и в итоге его позиция оказалась весьма двойственной. Например, секретари ЦК А. Бразаускас и Л. Шепетис стали открыто принимать участие в мероприятиях «Саюдиса», заявлять о поддержке его деятельности.

Накануне упомянутого августовского 1988 года митинга «Саюдиса» в Литву прибыл член Политбюро, секретарь ЦК КПСС А. Яковлев. Он встретился с лидерами зарождающихся «народных фронтов» и, убедившись, что их основной целью является отделение от СССР, повел двойную игру. Произнося речи о дружбе народов, он одновременно растолковывал «ученикам» стратегию и тактику достижения их главной цели.

Впоследствии обновленное руководство ЦК Компартии Литвы на платформе КПСС сделало вывод, что А. Яковлев практически дал идейно-теоретическое обоснование процессам, приведшим республику к январю 1991 года, когда на улицах Вильнюса пролилась кровь. «Архитектор» и «прораб» перестройки первым из крупных деятелей Цент-

ра поддержал сепаратистские настроения «Саюдиса». После этого визита «Саюдис» почувствовал, что ему отводят роль главной политической силы — своеобразного тарана, нацеленного на развал существовавшего общественно-политического строя.

Началась широкая публичная пропаганда идей «Саюдиса». События стали захлестывать республику, и ситуация выходила из-под контроля. Той частью руководства Литвы, которая не поддерживала сепаратистов из «Саюдиса», 28 сентября 1988 года в Вильнюсе была предпринята неумелая попытка пресечь проведение несанкционированного митинга силовыми методами. Демонстративно использовались милицейские и специальные воинские подразделения. Произошло столкновение между представителями правопорядка и участниками митинга. Этот инцидент был умело использован «Саюдисом» в пропагандистских целях. Массово растиражированные на плакатах фотографии солдат с резиновыми дубинками в руках вызвали сильный общественный резонанс в Литве. Действия властей были названы «расправой тех, кто мешает перестройке, над свободным демократическим волеизъявлением народа».

Последовал кризис политической власти в республике. С поста первого секретаря ЦК Компартии Литвы был снят безвольный партийный функционер Р. Сонгайла, а на его место утвержден с согласия ЦК КПСС А. Бразаускас, который к тому времени сумел завоевать симпатии у многих активистов «Саюдиса». Обстановка частично стабилизировалась.

22—23 октября 1988 года состоялся Учредительный съезд «Саюдиса». Обращает на себя внимание массовость этого мероприятия: 4500 участников, из них 1122 — делегаты Съезда. В качестве гостей приехали деятели различных эмигрантских центров, представители ряда республик и городов СССР.

Открыл Съезд народный поэт Литвы Ю. Марцинкявичюс. В числе приветствовавших был и отец одного из тогдашних лидеров «Саюдиса», 90-летний бывший министр коллаборационистского профашистского правительства Литвы В. Ландсбергис-Жямкальнис. Его подпись стоит под челобитным, верноподданническим обращением к Гитлеру, датированным четвертым днем Великой Отечественной войны, 25 июня 1941 года, и носившим название «Слово к народу независимого временного правительства Литвы». В нем, в частности, говорится: «Временное литовское правительство благодарно спасителю европейской культуры рейхсканцлеру Великой Германии Адольфу Гитлеру и его отважной армии, освободившей литовскую территорию».

Любопытно было поведение Горбачева. Он поручил Бразаускасу передать от него Учредительному съезду «искренние приветствия и пожелания», подчеркнув при этом, что в «Саюдисе» он «видит ту позитивную силу, которая способна служить на благо перестройки и еще выше поднять авторитет Советской Литвы». Невольно напрашивается вопрос: это что — незнание истинного лица этого скатывающегося на националистические позиции движения или лавирование мечущегося и теряющего власть руководителя? Полагаю, что второе, да и по черк Яковлева виден здесь невооруженным глазом.

Не остались в долгу и саюдисты. Учредительный съезд принял текст послания: «Просим судить о нас по нашим конкретным действиям и просим способствовать самоопределению Литвы в семье суверенных народов СССР. Мы верим Вам, Михаил Сергеевич. Ваши слова — на наших плакатах. Движение не собьется с пути, начертанного партией, с пути к осуществлению глубинных и конструктивных перемен в нашей жизни».

В Москву ушла еще одна приветственно-благодарственная телеграмма, в которой, в частности, подчеркивалось: «Когда мы говорим и думаем о русском народе, когда мы говорим “интернационализм”, мы имеем в виду таких людей, как Вы. Совокупность Вашей деятельности, Ваше недавнее посещение Литвы позволяют нам верить и доказывать тем, кто не верит, что эти слова не пустой звук». Кому же она адресовалась? Конечно же, члену Политбюро, секретарю ЦК А. Яковлеву! Послание опубликовали в республиканских газетах, а также передали по радио и телевидению.

Эта новость стала достоянием не только населения республики и пристально следивших за этим действием латышей и эстонцев, но фактически всего мирового сообщества. Ведь из 400 журналистов, освещавших съезд, 103 представляли мировые информационные агентства и крупнейшие издания 17 зарубежных стран. Для «Саюдиса» это стало мощнейшей поддержкой в политической борьбе не только с местными «консерваторами», но и с Москвой.

Обсуждение политики Центра и высказывания в поддержку идеи суверенитета республики сопровождалось на съезде бурными аплодисментами и скандированием поднявшегося зала. Антирусские, антисоветские выступления, лозунги «Русские — оккупанты!», «Вывести из Литвы оккупационную армию!» и тому подобное, также встречаются неистовыми овациями и скандированием «Ле-ту-ва!». И вот этому сборищу глава Советского Союза передает приветствие!

Учредительный съезд закрепил «Саудис» как основную политическую силу республики, избрал его руководящие органы: Сейм в ко-

личестве 220 человек и Совет из 35 человек. Председателем Сейма был избран профессор В. Ландсбергис. К тому времени движение добилось издания своей газеты «Аттимимас» («Возрождение»), выходящей двухсоттысячным тиражом на литовском и русском языках. Таким образом, политическое и организационное становление «Саюдиса» завершилось. Следует отметить, что решения съезда и принятые им 30 резолюций во многом шли вразрез с действующим в то время законодательством и Конституцией страны.

Кто же он такой, руководитель движения «Саюдиса» Витаутас Ландсбергис? Сошлюсь на его бывшего соратника, известного литовского писателя Витаутаса Петкявичюса, который несколько лет назад написал книгу «Корабль дураков». Вот несколько строк из нее: «Вспомните поговорку — несчастен тот народ, где властвует профессор... Наш профессор хотел стать пианистом. Учился у Дварёнаса. Тот на третьем курсе написал ему характеристику: “Молодой человек, не мучайте ни себя, ни меня. Пианиста из Вас не будет”. Тогда молодой человек стал музыковедом. Окончил консерваторию. Написал книгу о живописи Чюрлёниса. Он не музыкант, не музыковед, не художник. Интриговать он — мастер... Он говорит: “Ох, как будет плохо, если я уйду!” А сам ненавидит свой народ. Как только он его не называл — и собачье отродье, и красные гниды... А теперь еще и дикари...»

Пополним этот портрет выдержками из книги генерал-майора КГБ Вячеслава Широнова «КГБ—ЦРУ. Секретные пружины перестройки»:

«Для полноты характеристики Ландсбергиса-младшего стоит упомянуть о его контактах с бывшим КГБ Литовской ССР. Республиканские коллеги рассказывали мне, что он по собственной инициативе обратился к одному из оперативных сотрудников госбезопасности с предложением передавать ему интересующую органы КГБ информацию — в обмен на разрешение частных поездок к отцу, проживающему за рубежом. Конечно, простаков среди чекистов не было. Только после получения полезной информации о литовских эмигрантских организациях, а также передачи органам КГБ подробных сведений на ряд интересовавших КГБ лиц Ландсбергису-младшему был открыт выезд в зарубежные страны. Надо полагать, этого деятеля преследовала мысль о необходимости скрыть факты своего инициативного контакта с КГБ. Не случайно после его прихода к власти в отношении оперативного работника, с которым он поддерживал регулярную связь, была совершена провокация.

Но концы в воду Ландсбергису спрятать не удалось. В сентябре 1997 года специальная комиссия литовского Сейма по расследованию связей парламентариев с зарубежными спецслужбами вынесла

вопрос о сотрудничестве с КГБ еще с середины 70-х годов спикера парламента Витаутаса Ландсбергиса. Выяснилось, что даже в самые суровые советские времена, которые в Литве называют периодом «советской оккупации», Ландсбергис мог выезжать не только в Германию к отцу, но и в Австралию к своему старшему брату, тамошнему бизнесмену...

Одним из первых государственных решений Ландсбергиса была ликвидация КГБ Литовской ССР. Он также потребовал возвращения трофейных и фильтрационных документов о лицах, насильственно вывезенных в Германию, — эти документы якобы необходимы для работы реабилитационной комиссии. Мне довелось лично возглавлять делегацию КГБ СССР на переговорах по указанным проблемам. Реабилитация — вещь деликатная и крайне важная. Поэтому все необходимые материалы литовской стороне были переданы. Однако я твердо знаю, что они были использованы не по назначению. Достоверно известно, что из них были изъяты документы, связанные с семейством Ландсбергисов и их родственниками.

И было ради чего уничтожать такие документы, ибо автор книги продолжал:

«Неизвестна также судьба переданных литовской стороне документов на более чем триста литовских граждан, принимавших участие в истреблении евреев в период фашистской оккупации Литвы. Но могу предположить, что добраться до них не так просто.

Пока ничего не слышно о вильнюсских судебных процессах над теми, кто проводил массовое уничтожение евреев, — известно, что в Литве националисты отличались особой жестокостью именно по отношению к еврейскому населению. По числу уничтоженных евреев относительно общей численности населения Литва занимает первое (!) место в Европе. По количеству фактов участия фашистских пособников из местного населения в убийствах евреев — увы, тоже первое.

Правда, истинные размеры холокоста в Литве останутся неизвестными: ведь сюда гитлеровцы стогнали для уничтожения евреев из Франции, Италии, Норвегии, Дании. Сюда же после начала войны бежали евреи из Польши. Все они попали в литовские концлагеря Ландсбергиса-старшего, большинство были истреблены...»

Каким же темным личностям поверили люди! Когда, наконец, они перестанут попадать на политический крючок проходимцев и краснобаев? К сожалению, проходят годы, и только тогда народ начинает понимать, что его жестоко обманули. Так было в Литве, так было и в России, так было и во многих других союзных республиках СССР.

2. «САЮДИС»: ОТ ЛОЗУНГОВ — К РАЗВАЛУ СССР

Учредительный съезд «Саюдиса» еще больше обострил непростую обстановку в республике. Нарастало противостояние по национальному признаку. Началась кампания против «мигрантов». В политической борьбе верх брала нетерпимость, формировался новый образ врага. К этой политической истерии дружно подключились зарубежные радиоголоса и другие средства массовой информации, многочисленные советники и эмиссары.

Не осталось в стороне и тогдашнее руководство Компартии Литвы и республиканской комсомольской организации. Уже в том же октябре 1988 года оно распорядилось отчислять несколько процентов от партийных и членских взносов на поддержку «Саюдиса». Аналогичную инструкцию получили руководители крупнейших предприятий на территории республики, благодаря чему руководство «Саюдиса» к декабрю 1988 года располагало средствами во многие сотни тысяч рублей. По тем временам это были очень большие деньги, и они позволили литовским национал-сепаратистам развернуть широкомасштабные пропагандистские операции.

Съезд вызвал и ответную реакцию. Так, в ноябре 1988 года в Вильнюсе, а затем по всей республике, в основном, среди рабочих коллективов крупных предприятий, начало формироваться движение интернационалистов, позднее зарегистрированное властями Литовской ССР под названием «Социалистическое движение за перестройку в Литве „Vienybė-Единство-Jedność“» (слово «единство» на литовском и польском языках). Этот факт упорно замалчивается до сих пор всеми СМИ национал-сепаратистов. Движение призывало к национальному равенству, к введению двух государственных языков (конкретно: русского и литовского, а польского — в качестве языка межнационального общения в районах с компактным проживанием его населения), социальной справедливости, к дальнейшему развитию экономики и демократии в Литве, но без выхода республики из состава СССР. Лидеры этого движения понимали, что только союзное государство всем своим огромным экономическим потенциалом может гарантировать конструктивное развитие современного общества.

Казалось бы, они должны были найти необходимую поддержку прежде всего в Центральном комитете Компартии Литвы во главе с Бразаускасом и секретарем по идеологии Шелетисом. Однако многократные обращения интернационалистов из «Единства» в ЦК КП рес-

публики не нашли там никакого понимания. Руководство Компартии Литвы не только отвергло это движение, но и, хуже того, начало травлю и дискредитацию его членов.

Остались, в сущности, без ответа и помощи руководители движения, стремившегося противодействовать развалу СССР, и тогда, когда они обратились непосредственно в ЦК КПСС, к Горбачеву лично. Этот факт лишний раз дает повод убедиться, что поддержка М. Горбачевым литовских национал-сепаратистов была вполне сознательной и целенаправленной.

Новый виток политического противоборства выпал на начало 1989 года, когда развернулась острейшая борьба в связи с выборами народных депутатов СССР. 12 февраля 1989 года около Вильнюсского дворца спорта по инициативе лидера «Vienybė-Единство-Jedność» В. Иванова состоялся сотысячный митинг сторонников этого движения с требованиями обеспечить национальное равенство всем коренным этносам в Литве, сохранить социалистический путь развития республики. Потрясенные этим успехом левых сил, лидеры «Саюдиса» растерялись, начали терять опору в руководстве Центрального Комитета компартии Литвы. На состоявшемся Пленуме ЦК КП Литвы возобладало мнение принципиальных коммунистов, впервые за это бурное время давших четкую оценку политической ситуации в республике. Были проанализированы ошибки и упущения республиканского руководства, сделана попытка разработать конкретную программу действий и четко заявлено, что дальнейшая деятельность республиканской парторганизации возможна только в составе КПСС, а реальный суверенитет республики — только в составе СССР.

И вот тут лидеры «Саюдиса» пошли, что называется, ва-банк. Они опубликовали специальное «Заявление», в котором содержался призыв бойкотировать решения, принятые пленумом. «Заявление» фактически стало идеологической инструкцией к их предвыборной кампании. Накануне выборов народных депутатов от «Саюдиса» были выдвинуты кандидаты во всех избирательных округах. Подпитываемые огромными финансовыми средствами и пропагандируемые государственными средствами массовой информации, кандидаты от «Саюдиса» получили 34 места в Верховном Совете СССР из 41, предназначенного для народных избранников от Литовской ССР в высшем органе власти Советского государства.

Началась подготовка к предстоящему Первому Съезду народных депутатов СССР. Комплектование и программа деятельности литовской и двух других прибалтийских делегаций были продуманы со всей тщательностью. Учитывая, что в связи со сравнительной малочислен-

ностью у них не будет возможности часто выступать на пленарных заседаниях, мы предлагали сделать основной упор на работу в комитетах и комиссиях. Заранее определялись функции членов делегаций: на первый план выдвигались люди, настроенные националистически и в то же время компетентные по своим профессиональным качествам. Особое внимание обращалось на общую культуру, контактность, ораторские возможности, умение убеждать, даже на внешние данные.

Все это было бы нормально и даже хорошо, если бы это не делалось ради достижения националистических и сепаратистских целей.

Вместе с депутатами из Москвы и Ленинграда прибалтийские парламентарии задавали тон дискуссий на Съезде. Они активно работали в Межрегиональной депутатской группе, лидером которой был Ельцин. Как известно, эстонский академик В. Пальм вошел в состав руководящего органа этого объединения. Так как все происходящее на заседаниях Съезда транслировалось по телевидению, у населения прибалтийских республик была возможность делать свои выводы о принципиальности, активности и политической направленности своих представителей.

С самого начала работы Первого Съезда прибалтийские депутаты предпринимали всевозможные шаги, чтобы добиться выхода их республик из состава СССР. Каждый обсуждаемый вопрос, если в него можно было хоть как-то вставить эту проблему, немедленно ими использовался. Таким образом, не без их помощи Съезд сыграл роль своеобразного катализатора в развитии сепаратистских настроений не только в прибалтийских, но и в некоторых других республиках СССР. Находясь в гуще этих столкновений, я часто спрашивал себя: во имя чего мы, представители великого государства, терпим такое унижение от кучки политиканов-националистов? И хотя было понятно, что их так называемое национальное самосознание при определенных условиях выльется в махровый национализм, я все же не мог представить себе в полном объеме всего, что произошло потом.

Националистические движения в Прибалтийских республиках брали на вооружение все, что могло содействовать их основной цели — выходу из Советского Союза. Особо следует остановиться на их интересе к секретному протоколу к договору о ненападении между СССР и Германией от 23 августа 1939 года (так называемому пакту Риббентропа—Молотова). Именно его использовали в первую очередь. Он стал своего рода политическим рычагом для сокрушения СССР, одним из поводов для квалификации его в качестве «оккупанта».

Если проанализировать общественно-политические действия националистически ориентированных организаций и большей части ру-

ководства Прибалтики — митинги, «круглые столы», шествия, выступления в средствах массовой информации и т.д., — то можно сделать четкий вывод, что все их усилия были направлены на требование дать политическую и юридическую оценку этого советско-германского договора, особенно секретного протокола к нему.

Съезд народных депутатов СССР предоставил для этого прибалтийским националистам прекрасную трибуну. Появилась возможность совершенно легально поставить вопрос о Договоре перед всевидящими камерами телевидения, которые денно и нощно на всю страну вели репортажи с этого громогласного собрания. О такой удаче можно было только мечтать. В «демократическое» время Ельцина, да и после него, каждое выступление по телевидению общественного деятеля — будь то депутат парламента или кандидат на каких-либо выборах — было расписано по минутам. Желалешь побыть на экране свыше положенного времени — плати деньги, и деньги немалые. Но тогда все было проще, и уже 1 июня 1989 года эстонский депутат академик Липпмаа внес проект постановления Съезда по образованию комиссии по правовой оценке советско-германского договора от 1939 года и секретного протокола к нему. В состав комиссии были предложены кандидатуры наиболее радикально настроенных депутатов из Прибалтики, а также из Москвы, Украины, Молдавии, Армении.

По этому предложению развернулись дискуссии. Трезвые голоса — например, депутата И. Ярового, директора предприятия Таллина, говорившего о нецелесообразности обсуждения этого вопроса, так как уже полтора года в республике идет обработка коренного населения, в результате чего неэстонская часть превратилась в «оккупантов» и «колонизаторов», — не возымели положительного отклика. Подобная реакция была и на предложение академика, будущего лауреата Нобелевской премии Ж.И. Алферова, призывавшего не рассматривать этот вопрос, поскольку 22 июня 1941 года, после нападения Германии на Советский Союз, договор между ними потерял силу. Ну, а за создание комиссии выступили секретари ЦК Компартий Литвы и Латвии, представители научных крутов Москвы и Прибалтики, а также известные своей активностью российские депутаты, которые в настоящее время весьма энергично возмущаются поведением руководства суверенных государств Прибалтики по отношению к России и к русскому народу.

Слово попросил Горбачев. В своем, как всегда, путаном выступлении он довел до сведения Съезда, что оригинала секретного протокола нет ни у нас, ни в Германии. При этом он сослался на разговор с Колем. А затем... поддержал создание комиссии по изучению документа, оригинала которого, как он утверждал, не существует, и предло-

жил включить в нее А. Яковлева! Через день постановление было принято подавляющим большинством голосов. Против проголосовали 6 депутатов, воздержались — 7. Председателем комиссии был избран член Политбюро ЦК КПСС Яковлев.

Следует сказать, что ситуация с секретными протоколами была непростой. Члены Политбюро неоднократно обращались к Горбачеву с вопросом, существуют ли документы по секретному протоколу к договору Риббентропа—Молотова, а также по Катыни, и получали твердый ответ: таких документов у нас нет. Большая часть членов Политбюро полагали, что если нет оригинала, то с юридической точки зрения не может быть и речи о правовой оценке протокола. Иную позицию занимал Яковлев. Он считал, что достаточно копий, о которых было известно еще с 1948 года, когда Госдепартамент США опубликовал сборник «Советско-нацистские отношения 1939—1941 гг.». Среди них был так называемый секретный протокол к советско-германскому договору 1939 года.

Я лично также не раз обращался к Горбачеву с вопросом, действительно ли не существует оригинала. Однажды он попросил принести в свой кабинет карту, сделанную на листе ватмана. Выполнена она была вручную. На ней были определены границы территорий после военных действий 1939 года. На карте стояли две подписи — Риббентропа и Сталина. Кроме того, рукой Сталина красным карандашом были сделаны некоторые изменения в нашу пользу и его карандашная подпись. Кстати, на этой «карте» стран Прибалтики не было. Больше никаких документов по этому вопросу ни я, ни другие члены Политбюро не видели. Прошло несколько лет, и стало известно, что Горбачев обманывал своих соратников по Политбюро ЦК, народных депутатов СССР да и всю общественность страны.

Что же происходило на самом деле? В 1985 году, когда Горбачев стал Генеральным секретарем ЦК КПСС, по существующему положению А. Лукьянов, в то время заведующий Общим отделом ЦК, доложил ему о том, что в архиве Политбюро Общего отдела ЦК в специальном секторе хранятся строго засекреченные пакеты. Примерно через год новый заведующий Общим отделом ЦК В. Болдин тоже доложил Генсеку, что в особом архиве Политбюро находятся документы, хранящиеся в нескрытых пакетах, и среди них есть секретные документы и по советско-германскому договору 1939 года, и по Катыни.

По словам Валерия Ивановича Болдина, он принес Генсеку эти конверты в запечатанном виде, хотя по инструкции вскрывать их должен был заведующий Общим отделом ЦК. Горбачев сам вскрыл пакеты. В них лежали документы по договору и карта, о которой я уже ска-

зал. Таким образом, мне и, по-видимому, еще некоторым членам Политбюро, в том числе и Яковлеву, из секретного пакета была показана только карта. На вопрос Болдина, следует ли ознакомить кого-нибудь из членов Политбюро с этими документами или доложить о них на заседании Политбюро, Горбачев ответил отрицательно и добавил, что при необходимости он сам ознакомит с ними кого надо. Генсек лично запечатал конверты и вернул их для хранения в специальном секторе архива Политбюро в Общем отделе ЦК. К слову, имеются сведения, что до 50-х годов эти документы находились в МИДе, а уже затем были переданы в ЦК КПСС.

Итак, Горбачев знал об этих документах, знал о них и В. Болдин. Однако первый сознательно утаивал данную информацию, а второй — выполнял требования Генсека не распространять ее. Из этого можно сделать заключение, что и председатель специальной комиссии Съезда народных депутатов Яковлев тоже был в неведении и видел только эту карту, о которой и доложил Съезду.

После разрушения СССР и запрета КПСС архивы, в том числе и архив Политбюро, перешли в ведение Президента России Ельцина. Вот тогда и были обнаружены эти документы, и более того, некоторые из них даже переданы другим государствам, например, Польше.

В продолжение темы секретных документов по Прибалтике я позволю себе высказать собственное мнение. Из опыта мировой и отечественной истории можно сделать общий вывод, что все государства во все времена использовали секретные договоры и соглашения, дабы защитить или удовлетворить свои государственные интересы. Это всегда было неотъемлемой частью государственной политики и дипломатии.

Во время Первой мировой войны ее участники с обеих сторон имели секретные соглашения. В ноябре 1917 года Ленин опубликовал «Тайные договоры» стран Антанты, в которых было четко зафиксировано, что должны были получить Англия и Франция. России обещали определенные территории Австро-Венгрии, Турции, Персии и Афганистана.

Кстати, литовская делегация в своих устремлениях выйти из состава СССР постоянно делала упор на Московский мирный договор от 12 июля 1920 года, который предоставил ей суверенитет. Так вот, этот договор также имел секретные соглашения! Они определяли степень участия Литвы в действиях «российских войск Рабоче-крестьянского Правительства РСФСР» против Польши с использованием территории Литвы и с соблюдением нейтралитета последней. Что, между прочим, обеспечило беспрепятственный проход через Литву в Россию отступающих из Польши красноармейцев. Соблюдение Литвой этих

секретных соглашений было соответственно оценено большевиками. Измученная войной, голодающая Советская Россия 16 октября 1920 года передала литовскому правительству 3 миллиона рублей золотом. До этого на основе того же Московского мирного договора 14 августа 1920 года командование Красной Армии передало город Вильну и прилегающие территории литовским вооруженным частям. Об этом нынешние власти, нещадно эксплуатируя секретные протоколы Риббентропа—Молотова, стараются забыть.

Новейшая история густо насыщена всевозможными секретными соглашениями и договорами. Примерно в то время, когда был подписан договор между СССР и тогдашней Германией, за две недели до нападения Германии на Советский Союз, 10 мая 1941 года заместитель Гитлера и основатель «старой гвардии» нацистской партии Р. Гесс перелетел на самолете в Великобританию. Англичане засекретили дело Гесса на 60 лет, а когда подошло окончание этого срока, продлили его еще на много лет. По-видимому, у наших союзников по Второй мировой войне есть особые причины не предавать гласности это дело.

Вернемся снова к пакту Риббентропа—Молотова от 23 августа 1939 года и секретному протоколу к нему. В них ничего не говорится о намерении СССР напасть на Прибалтику либо каким-то иным образом оказать на нее воздействие. Сегодня это можно прочитать в документах, ставших доступными каждому. Более того, в пункте первом протокола говорится, что интерес Литвы по отношению к Виленской области признается обеими сторонами. Это произошло после того, как за полтора года до этого, в марте 1938 года, руководство Литовской республики в своей столице Каунасе юридически отказалось в пользу Польши от своих претензий на Вильну и Виленскую область.

Раздел «сфер интересов» по этим документам — это не раздел суверенных государств и не договоренность об их захвате. Это практически соглашение между договаривающимися сторонами об их деятельности, военной и политической, до определенной ими совместно разграничительной линии.

Если бы тогда не было такой линии, то уже в 1939 году и Прибалтика — при молчаливом согласии Запада — могла быть оккупирована Германией. Мир стал бы иным, и современным политическим деятелям ныне суверенных прибалтийских стран некому было бы задавать вопросы по этому пакту. Разве только Гитлеру? Вряд ли они посмели бы сделать это. Советский Союз спас эти страны, их народы от настоящей военной оккупации немецкими нацистами, а затем сделал все возможное для ускоренного развития им же освобожденных прибалтийских республик. Люди без совести обозвали «оккупантом» страну-освободи-

тельницу СССР и ее Красную Армию, в рядах которой сыны их народов, их отцы и братья плечом к плечу на равных с советскими людьми всех национальностей сражались против фашистских захватчиков.

Я глубоко убежден, что настанет время, и объективные ученые-историки вынесут свой вердикт по состоянию дел в Европе перед началом Второй мировой войны и по действиям Сталина в тот период. Многие сейчас рассматривают шаги советского руководства с позиций конца прошлого — начала нового века, а не 1939 года, когда война с отомобилизованной фашистской Германией была уже на пороге нашей страны, а нам жизненно необходимо было хотя бы еще несколько лет мира, чтобы подготовиться к этой жесточайшей схватке. Но не только нам, а и Прибалтике, народам и государствам, которым Гитлером была уготована более чем печальная участь, да и всему миру: если бы границы СССР не были продвинуты на запад, ход Великой Отечественной войны мог быть еще трагичнее, а значит, и вся Вторая мировая война могла быть еще более длительной, кровавой и разрушительной.

Но вернемся к работе Комиссии, которую возглавлял Яковлев. По его словам (книга «Омут памяти»), началась нудная и тяжелая работа. Представители прибалтийских республик занимали радикальную позицию, их активно поддерживал народный депутат СССР Юрий Афанасьев. Интересна и личная точка зрения председателя Комиссии. Он говорит, что, «в сущности, со многими замечаниями и требованиями прибалтов можно было согласиться, но решения обвинительного характера в адрес СССР Съезд все равно не примет».

В своих мемуарах Яковлев умалчивает о том, что в июле 1989 года предложения Комиссии не были внесены на Съезд народных депутатов, а направлены в Политбюро ЦК КПСС. В своей сопроводительной записке он говорил о неуступчивости народных депутатов, в том числе и членов КПСС. Для придания твердости своей «партийной позиции» в борьбе с «агрессивными прибалтами» Яковлев проинформировал Политбюро, что удалось убрать требование Ю. Афанасьева со товарищи «осуждения сговора с фашизмом», не допустить признания прямой связи между секретными протоколами и вступлением Эстонии, Латвии и Литвы в Советский Союз в 1940 году и т.д.

В записке Яковлева было достаточно много информации по поводу того, какую позицию занимал тот или иной народный депутат. Но главный, ключевой вопрос Яковлевым не был решен. Он объяснил это в записке следующим образом:

«Можно было бы предпринять попытку внедрить в проект заключения Комиссии мысль о том, что существующие в Европе территориальные реальности есть итог Второй мировой войны и, следовательно,

покоятся на других реальностях, чем договоренности 1939 года с Германией. Если бы это удалось, приверженцы восстановления “независимости” трех республик были бы вынуждены менять свою тактику».

Это действительно так, но возникает вопрос: почему Яковлев использует в записке такие осторожные фразы, как «предпринять попытку», почему «можно было бы», а не «нужно»? Тем более что он прекрасно знал: с правовой точки зрения признание существования протокола не имело никакого значения, т.к. он вообще не включался в процедуру ратификации договора и с чисто юридической стороны не мог определять судьбу государств. Да и весь договор о «дружбе», как уже было сказано, сгорел в военном пламени 22 июня 1941 года. Поэтому автор записки только повторил аксиому, что послевоенное строительство Европы осуществлялось на совершенно иной основе — в соответствии с международно-правовыми нормами, зафиксированными в Уставе ООН и Заключительном акте Европейского совещания в Хельсинки в 1975 году.

24 декабря 1989 года, в последний день работы Второго Съезда народных депутатов СССР, Яковлев доложил об итогах деятельности комиссии. И в тот же день было принято постановление Съезда по этому вопросу. Прочитую только один пункт этого документа:

«Съезд народных депутатов СССР осуждает факт подписания “секретного дополнительного протокола” от 23 августа 1939 года и других секретных договоренностей с Германией. Съезд признает секретные протоколы юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания.

Протоколы не создавали новой правовой базы для взаимоотношений Советского Союза с третьими странами, но были использованы Сталиным и его окружением для предъявления ультиматумов и силового давления на другие государства в нарушение взятых перед ними правовых обязательств». За принятие постановления проголосовали за — 1435, против и воздержались — 517 народных депутатов.

При всей обтекаемости этих формулировок Второй Съезд народных депутатов таким решением юридически закрепил политическую победу прибалтов. К тому же хронологически это совпало с расколом Компартии Литвы на ее XX съезде в декабре 1989 года. Создание самостоятельной Коммунистической партии Литвы плюс официальное осуждение Съездом народных депутатов документов, согласно которым, Литва вошла в состав СССР, — все это как бы слилось в единый, все сильнее бурлящий поток, который выводил сторонников отделения Литвы от СССР на прямую дорогу к достижению поставленной цели.

Медлительность в работе комиссии во главе с Яковлевым способствовала политическому накалу вокруг этой проблемы. При образовании Комиссии на Первом Съезде народных депутатов было выдвинуто категорическое требование: после изучения истории с протоколами дать Съезду ответ к 50-й годовщине их подписания — 23 августа 1989 года. Эти требования сопровождались грозными резолюциями, митингами и даже голодовками. Но в самый ответственный момент председатель Комиссии уехал отдыхать, что было расценено как сознательный очередной уход Кремля от ответа по существу. Тут же последовала немедленная реакция — проведение 23 августа 1989 года широкомасштабной политической акции под названием «Путь Балтии» (об этом чуть ниже). Судя по последующим событиям в Прибалтике, затягивание Яковлевым работы Комиссии было преднамеренным, с целью заложить в этот период политическую основу для активизации деструктивных сил Прибалтики.

В этой главе я уделяю большое внимание деятельности этого человека в последние годы существования СССР. Недавно А. Яковлев ушел в мир иной. Народная мудрость гласит, что о мертвых говорят или хорошо, или ничего. По-видимому, здесь кроется глубокий смысл. Если ты в жизни сделал слишком много плохого, то ответ тебе держать придется на суде перед Всевышним, он и воздаст тебе по грехам твоим земным.

Яковлев был не рядовым членом нашего общества и Политбюро: он оставил огромный след в разрушении Советского Союза и КПСС. Поэтому необходимо дать оценку его деятельности еще здесь, на грешной земле. Ведь судят же политических и общественных деятелей, живших до нашей эры и в последующих двух тысячелетиях. До сих пор не стихают споры о роли личности в истории — Наполеона и Гитлера, Ленина и Сталина, да и Ельцин попадет в эту обойму как разрушитель великой Державы.

О Яковлеве сказано уже достаточно много за последние двадцать лет, но, на мой взгляд, немало осталось и «за кадром». К примеру, можно только догадываться, какую роль сыграл он в выдвижении Горбачева на пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Близко они познакомились в 1983 году, когда Яковлев, советский посол в Канаде, обхаживал мало заметного тогда члена Политбюро и секретаря ЦК по сельскому хозяйству Горбачева, бывшего там с официальным визитом.

В связи с этим я вспоминаю один случай из своей жизни в стенах ЦК КПСС. Однажды после окончания моей встречи один на один с Ю.В. Андроповым ему доложили, что в приемной находится Горбачев, которому была назначена встреча с Юрием Владимировичем. Я стал собирать свои бумаги и хотел уйти, но Андропов попросил меня остано-

ся. Михаил Сергеевич начал подробно докладывать Генеральному секретарю о своей поездке в Канаду. Он положительно высказался о сельском хозяйстве этой страны, о сельхозтехнике, удобрениях, хранении и переработке сельхозпродукции. Внимательно выслушав его доклад, Андропов спокойно подвел итог встречи — если вам понравилось сельское хозяйство Канады, сделайте все, чтобы и у нас так было.

Видя, что настроение у Генсека хорошее, Горбачев решил обратиться к нему с предложением, смысл которого состоял в том, что наш посол Яковлев уже десять лет находится в Канаде и ему надоело там сидеть, может быть, его следует вернуть в Москву? Я не был знаком с Яковлевым, но многое слышал о нем в аппарате ЦК, да и его нашумевшую статью в «Литературной газете», послужившую то ли поводом, то ли причиной его отправки в Канаду, читал, живя на Урале. Поэтому меня, естественно, интересовало мнение Андропова об этом человеке. Юрий Владимирович вдруг посуровел и резко бросил Горбачеву только одну короткую фразу: «Пусть сидит!» Вот так закончилась его попытка вернуть Яковлева из «ссылки», как он потом неоднократно говорил. Дай бог каждому попасть в такую «ссылку»! Вскоре Андропов умер, и Яковлев оказался в Москве.

Он негативно относился к своей стране — считал ее империей, в которой союзные республики якобы были лишены всех свобод. Его мысли, высказывания, вся деятельность показывают, что и к России, где он родился, и ее народу, включая русских, у него также не было никакого уважения. В этой главе подробно рассказано о его негативной роли в прибалтийских процессах, но и на Кавказе он способствовал накаливанию обстановки вокруг Нагорного Карабаха, практически подстрекал к войне Армении с Азербайджаном. Республики Средней Азии он воспринимал как нечто чужеродное. Известно, какое значение имела граница с Афганистаном для безопасности нашего государства, но взаимоотношения с этой страной он считал проблемой лишь самих республик.

Проследившая жизнь и деятельность А. Яковлева, нельзя не заметить, что основной чертой его характера было лицемерие. Оказывается, весь советский период нашей истории для него — это сплошная черная страница. Но только в 1990-х годах, когда стало модно не скрывать своих истинных взглядов, Яковлев начал их высказывать: резко отрицательно оценивать Октябрь 1917 года, Ленина. К КПСС, в которой он состоял десятилетия и вырос до секретаря и члена Политбюро ЦК, он относился просто с ненавистью, не видя для нее места в нашей жизни. После августа 1991 года он публично и демонстративно говорил о своих личных заслугах в устранении партии с политической арены.

Автор «перестройки», коим он считал себя, да и не только он, люто ненавидел советский, социалистический строй. Яковлев с раздражением говорил о колхозах, не скрывал своего однозначно негативного отношения к государственной собственности — об этом мне рассказывал В.А. Стародубцев, который находился в свое время в поездке по Канаде и имел многочасовую беседу один на один с послом Яковлевым.

Но особенно поражало всех его циничное отношение к нашей Победе в Великой Отечественной войне. Поражало потому, что сам он был участником этой войны и получил на фронте тяжелое ранение. Большой «вклад» внес этот человек и в дискредитацию итогов Второй мировой войны с фашистской Германией, которых человечество достигло ценой большой крови — в первую очередь советского народа.

Горбачев и Яковлев — вот две зловещие фигуры нашей действительности, которые лицемерили всю свою жизнь. Коварные задумки да и их исполнение у «архитектора» и «прораба» перестройки одни и те же, они органически дополняли друг друга. И тот и другой сбросили маски только после разрушения Советского Союза и запрета партии, которая вела их по жизни и которую они привели к гибели. Оба этих политика предали и свою великую Державу, и свой народ. История уже воздаст им то, что они в действительности заслужили, и чем дальше будет уходить в прошлое то драматическое время, тем глубже и объективнее оценит общество деяния этих «каинов» нашего Отечества.

Создавшееся в Литве к концу лета 1989 года положение вызывало в Москве большую тревогу. К тому же 23 августа — в 50-ю годовщину подписания пакта Риббентропа—Молотова, как уже было сказано, «Саюдис» провел упомянутую политическую акцию под названием «Путь Балтии». Масштабность мероприятия, его политический накал во многом были связаны, как уже было отмечено выше, со слишком длительным отсутствием оценки советско-германского договора 1939 года со стороны комиссии Яковлева. Населению Литвы, Эстонии и Латвии настойчиво внедряли в сознание, что комиссия специально тянет время, дабы скрыть истинные цели советского руководства в те предвоенные годы.

Акция «Путь Балтии» в Вильнюсе началась с крупномасштабной манифестации, организованной Союзом независимости Литвы, с участием представителей Народных фронтов разных регионов республики.

Участники держали транспаранты: «Горбачев, выведите Красную Армию из Литвы!», «Русские оккупанты, идите домой!», «Литовцы и поляки! Объединяйтесь в борьбе с общим врагом!». Выступавшие заявляли об «оккупации» Литвы, призывали к выходу Литвы из состава

СССР и т.д. Среди ораторов были представители националистических организаций Латвии, Эстонии, Украины, Молдавии, Белоруссии, московского «Демократического союза». В тот же день национальный союз «Молодая Литва» в ряде райцентров, в Вильнюсе и Паневежисе провел публичную сдачу молодежью военных билетов.

Наиболее же масштабной стала акция «живая цепочка». Взявшись за руки, несколько сот тысяч человек образовали живую цепь длиной во многие сотни километров вдоль автотрассы Вильнюс—Таллин. В этом мероприятии были задействованы большое число автобусов и до 30 тысяч личных автомобилей. Митинги состоялись по всей трассе. Если учесть, что происходящее освещалось средствами массовой информации, в том числе и зарубежными, велись прямые передачи по республиканским радио и телевидению, то, безусловно, было достигнуто значительное идеологическое воздействие на население Прибалтики.

Было бы наивно полагать, что о таком мероприятии, требующем большого количества времени на подготовку, ничего не знали в Москве. Но Генсек в эти дни находился в Крыму, в Форосе, председатель специальной комиссии по прибалтийским республикам В. Медведев тоже укреплял свое здоровье на юге, а председатель съездовской комиссии по правовой и политической оценке советско-германского договора отдыхал на Валдае.

Когда Генсек, будучи в Крыму, увидел по телевидению сюжеты о происходящих в Прибалтике событиях, он дал указание в ЦК КПСС срочно подготовить заявление. Вскоре текст этого заявления был доведен средствами массовой информации до сведения жителей всей страны. Документ вышел с подписью «Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза». Прибалты стали уточнять, когда же собирался Центральный Комитет КПСС. Выяснилось, что никто из членов ЦК прибалтийских республик в работе подобного Пленума ЦК не участвовал, но ведь его и вообще не было. Кстати, и ответственные за дела в Прибалтике Медведев и Яковлев о заявлении узнали только из газет. Сейчас уже доподлинно известно, что составили Заявление ЦК КПСС Горбачев и его помощники. Так что срочное поручение ЦК они выполнили собственными силами.

Заявление вызвало в стране двоякое отношение. Население многих республик и областей, плохо информированное о происходивших в Прибалтике процессах, восприняло тревожную оценку разыгравшихся событий как акт, заслуживающий общественной поддержки. В Прибалтике же настроения были другие. Сепаратистские круги после небольшого шока, вызванного тем, что их неблагоприятные дела были названы прямо, встали на путь его дискредитации. Осуждающую позицию

по этому документу заняли многие общественные организации республики, в их числе ЦК КСМ Литвы, творческие союзы, Союзы женщин, некоторые национально-культурные общества. И в средствах массовой информации Прибалтики тоже развернулась кампания по дискредитации Заявления. На протяжении нескольких дней с момента публикации оно упоминалось в материалах «Голоса Америки» 39 раз, Би-би-си — 25, «Немецкой волны» — 27, Международного французского радио — 21, Радио Канады — 8, Радио Швеции — 4.

Все это передавали не собственные корреспонденты этих органов информации, а публиковались выступления депутатов, общественных деятелей и других известных людей. В это время «Саюдис» создал новую газету — «Республика», для которой Ландсбергис привез из США новейшее техническое оснащение. Газета выходила на литовском, русском, польском, английском, а позднее — еще на немецком и французском языках.

Уместно упомянуть, как Горбачев в мемуарах оценил свою личную роль в этих сложных, противоречивых событиях, повлиявших на политическую обстановку во всей стране: «Вне зависимости от того, какую роль сыграл я в создании этого документа (заявления ЦК КПСС), должен признать, что и сам поддался эмоциональной реакции на события». И здесь снова горбачевское словоблудие — «вне зависимости». Он был обязан, уйдя с политической арены, честно, для истории сказать, что все происходившее в стране находилось в прямой зависимости от него. Он же был первым лицом в великом государстве, а не сторонним наблюдателем или проповедником, лишь произносящим длинные маловразумительные речи.

Одновременно разрасталась и антиармейская пропаганда. Делались попытки нападения на воинские склады в Каунасе и других городах. Появились воззвания к бойкоту осеннего призыва на военную службу. В основных городах республики продолжались акции по сдаче военных билетов и призывных документов. Под обращением с требованием о выводе советских войск из Прибалтики подписалось большое число людей. Демократическая партия и «Лига свободы Литвы» организовали в Клайпеде митинг, на котором высказывались предложения создать национальную армию для «отпора русским танкам». Требовали судить за «предательство интересов народа» тех, кто поддержал Заявление и высказался против сепаратизма.

В этих же мемуарах Горбачев признает, что Заявление «привело к результатам, противоположным задуманному», и приводит слова Первого секретаря ЦК КП Эстонии В. Вяляса, который в телефонном разговоре с ним заявил, что эстонцы весьма болезненно восприняли то-

нальность документа, многие в знак протеста стали сдавать партбилеты. «В Эстонии, — сказал он, — за исключением экстремистов, никто никогда не ставил вопрос о выходе из Союза».

3. НОВЫЕ ШАГИ К РАЗВАЛУ СССР

Январь 1990 года принес новые тревоги. Не исключалась вероятность, что на очередной сессии Верховного Совета Литовской ССР будет принято официальное решение, направленное на отделение республики от Союза. По поручению Генсека Медведев, Маслюков, Слюньков, Яковлев, Лукьянов и Разумовский подготовили предложения для рассмотрения в ЦК КПСС: «О мерах в связи с возможным принятием Верховным Советом Литовской ССР решений, направленных на отделение республики от Союза ССР». В документе приоритет отдавался политическим и правовым методам, исключавшим применение вооруженной силы. Но в то же время говорилось о том, что необходимо, чтобы размещенные в республике воинские формирования были готовы обеспечить надежную защиту граждан, безопасность и интересы страны.

Кроме того, предлагалось использовать и экономическое воздействие. Предусматривалась возможность принять ответные меры на те односторонние шаги, которые способны нанести ущерб единому народнохозяйственному комплексу. В их числе было намечено ограничение на поставку в Литву дефицитных энергоносителей, сырья, ряда других товаров. Четко была сформулирована позиция по приостановке передачи в собственность республики предприятий и организаций союзного подчинения. Не исключалась также постановка вопроса о принадлежности Литве территорий, переданных ей в свое время Советским Союзом: Клайпеды, Виленского края, ряда районов Белоруссии. Среди средств воздействия значилась и поддержка требований об образовании в республике национальных польских районов.

Однако все эти разработанные в Центре меры остались лишь на бумаге. В этих условиях Генсек предпринял еще одну отчаянную попытку повлиять на развитие событий. На начало января 1990 года он наметил поездку в Вильнюс. Но прежде туда был заброшен большой десант во главе с В. Медведевым. Здесь были и члены Политбюро, и народные депутаты, и руководители центральных ведомств, и партийные лидеры Узбекистана, Вологодской и Витебской областей.

11 января Горбачев вместе с Раисой Максимовной прибыл в Литву. Состоялись всевозможные контакты, в том числе и с жителями го-

рода. Существенный удар по иллюзорным надеждам Горбачева был нанесен на встрече в Доме печати с представителями литовской интеллигенции. На прямо заданный Горбачевым аудитории вопрос: «Действительно ли Литва хочет отделиться от СССР?» — последовал однозначный и категоричный ответ: «Да». С разной тональностью, но такие же суждения он услышал и во время поездки по республике, а также в конце визита на встрече, состоявшейся в здании республиканского ЦК партии. Можно с уверенностью сказать, что после этой поездки Генсек понял, что необходимо думать о механизме выхода союзной республики из состава СССР.

Бывший член Бюро ЦК Компартии Литвы на платформе КПСС профессор Ю. Ермалавичюс, получивший восемь лет тюремного заключения от новых, «демократичных» властей Литвы по надуманному обвинению в участии в январских, 1991 года событиях у телебашни в Вильнюсе, заявил:

«В январе 1990 года, когда Горбачев приезжал к нам и встречался с членами Бюро ЦК Компартии Литвы, я понял, что он отлично знает механизмы разрушения Советского Союза. И чем дальше, тем больше я убеждался, что он ведет себя таким образом, чтобы не помешать действию этих механизмов. Более того, сам действует в соответствии с той же реакционной логикой международного антикоммунизма, под управлением тех же зарубежных сил. Нам в Литве особенно хорошо была видна вся эта игра. Как в кукольном театре: артисты и режиссеры за океаном дергают за ниточки, а марионетки у нас дома повторяют все их замыслы по разрушению государства».

Полагаю, читатель уже обратил внимание, что в драматическом развитии ситуации в республиках Прибалтики, и особенно в Литве, не были видны сколько-нибудь позитивная позиция и реальная роль республиканских партийных организаций. А ведь по тем временам КПСС являлась основой жизни всей страны и каждого региона в частности. На мой взгляд, стремительное падение авторитета лидеров республиканских компартий обусловлено двумя основными причинами.

Во-первых, потому, что они находились в тяжелейшей политической ситуации, и когда вовсю развернулась деятельность националистических движений, они фактически бездействовали, оставались в стороне. Естественно, в глазах значительной части населения они выглядели предателями национальных интересов.

Во-вторых, серьезные ошибки Центра, ЦК КПСС, неумелые действия, неуклюжие заявления, высказывания и двуличность некоторых его секретарей ставили руководителей республиканских компартий в сложнейшее положение. Если говорить объективно, ЦК КПСС не

справлялся с задачей пресечения националистических действий в республиках Прибалтики.

Как уже было сказано, в Литве сменилось партийное руководство. Первым секретарем стал А. Бразаускас, а затем на упомянутом выше съезде Компартии Литвы произошел ее раскол. Большую часть бывшей единой республиканской парторганизации составили национал-сепаратисты во главе с А. Бразаускасом, открыто выступавшие накануне Съезда за выход из состава КПСС при полном бездействии Генсека Горбачева. Меньшую — литовские коммунисты, оставшиеся на платформе КПСС, во главе с профессором, доктором исторических наук М. Бурокаявичюсом. Фактически за верность КПСС он проведет 12 лет в тюрьме строгого режима.

В Латвии в последние годы Советской власти первым секретарем республиканской парторганизации был А. Рубикс, который за свои убеждения также отсидел в тюрьме «демократической» Латвии более 6 лет.

В Эстонии парторганизацию возглавил В. Вяляс, взращенный первым секретарем Компартии республики И. Кэбиным. По поручению Горбачева Вяляса вызвали из Никарагуа, куда он был назначен послом СССР. Я хорошо помню его выступление на XIX партийной конференции в Кремле. Он говорил о своей преданности идеям марксизма-ленинизма, о том, что единственно верный путь развития Эстонии — только вместе с Россией. Свои предложения он передал президиуму конференции — и оказалось, что в них были четко сформулированы пути выхода Эстонии из СССР.

10 марта 1990 года еще продолжались выборы депутатов в Верховный Совет Литовской ССР нового созыва, а на вечер была уже назначена первая сессия. Спешка объяснялась тем, что 12 марта в Москве открывался внеочередной, Третий Съезд народных депутатов СССР. Основным вопросом для рассмотрения на нем был проект Закона об учреждении поста президента страны и внесение соответствующих изменений и дополнений в Конституцию СССР.

Новому литовскому руководству во главе с избранным председателем Верховного Совета Литовской ССР В. Ландсбергисом необходимо было во что бы то ни стало внести на обсуждение этого Съезда решение Верховного Совета Литвы о восстановлении независимого литовского государства. В связи с этим поспешно, поздней ночью 11 марта 1990 года Верховный Совет Литовской ССР принял решение о своей государственной независимости и выходе из состава СССР. В итоге в днище мощного многонационального государства образовалась такая пробоина, которую уже ничем нельзя было закрыть. Был принят Закон о новом названии республики и гербе. Литовская ССР

стала называться Литовской Республикой, Литвой, ее герб — изображение всадника на белом коне.

На этой же сессии также был принят Закон, согласно которому, все бывшие органы государственного управления республики, бывшие министры, комитеты и ведомства должны подчиняться только Литовской республике. Председателем Совета Министров Литвы избрали К. Прунскене. Депутаты Верховного Совета приняли тексты писем к Горбачеву и Рыжкову. В них они, в частности, просили считать это обращение официальным предложением о двусторонних переговорах. В письме Председателю Совета Министров СССР выражалась надежда, что до заключения двусторонних договоров будут действовать сложившиеся экономические связи.

На следующий день после начала работы Съезда на утреннем заседании Горбачев проинформировал народных депутатов о принятых решениях Верховного Совета Литвы. Он обратил внимание, что литовцы — а к ним присоединились и представители Эстонии и Латвии — выдвигают предложения о переговорах. «Думаю, ни о каких переговорах не может быть и речи: переговоры мы ведем с иностранными государствами». Это подлинные слова Горбачева из его выступления в то утро.

В последний день работы, 15 марта 1990 года, Съезд принял специальное постановление по решению Верховного Совета Литовской ССР от 11 марта, в котором отметил, что рассматривает этот документ как не имеющий законной юридической силы. Постановлением поручалось Президенту СССР, Верховному Совету СССР, Совету Министров СССР обеспечить защиту законных прав каждого человека, проживающего в Литве, соблюдение на территории республики прав и интересов СССР, а также союзных республик.

Между тем литовский Верховный Совет ускоренно начал штамповать новые законы республики как уже суверенного государства. Был отменен Закон СССР о всеобщей воинской обязанности на территории Литовской республики, и в связи с этим там прекратилась деятельность военных комиссариатов. Министерство внутренних дел Литвы даже срочно заказало новую форму с национальной атрибутикой. Подсуетились и спортсмены — отказались принимать участие в официальных чемпионатах СССР. Через несколько дней было принято решение по организации неконтролируемого вывоза товаров из республики. С этой целью намечалось создать 37 пограничных контрольных пунктов.

С каждым днем все более жесткие и бесцеремонные заявления делал новый председатель Верховного Совета Литвы В. Ландсбергис. Отвечая на вопрос, как следует реагировать на решение Съезда

народных депутатов СССР о принятых решениях Верховного Совета Литвы, он сказал, что это — решение чужой страны и для нас оно необязательно.

Верховный Совет республики принял постановление о назначении уполномоченных представителей для проведения межгосударственных переговоров между Литвой и СССР. Через несколько дней Ландсбергис направил Горбачеву письмо об отношении Верховного Совета республики к постановлению Съезда народных депутатов СССР от 15 марта 1990 года. В письме говорилось, что решение этого Съезда лишено правовой основы. Что касается гражданских прав людей, проживающих в республике, то здесь все будет соответствовать международным нормам и правилам. Как выполняется это заявление — и не только в Литве, но и в других суверенных государствах Прибалтики, — об этом будет рассказано далее. Руководство республики практически отвергло решение высшего органа власти СССР.

Разрушительные действия нового руководства Литвы по выходу республики из состава СССР стремительно набирали силу. Каждый день приносил новости по тому или иному вопросу. В марте 1990 года уже был назначен председатель Литовского банка — самостоятельно-го банка с правом эмиссии национальной валюты. Подготовка к этому шагу, не допустимому в условиях единого государства с единым экономическим полем, началась за полгода до описываемых событий в Литве. Представители трех республик — Эстонии, Латвии и Литвы — подписали протокол по банковскому делу и денежной системе в условиях экономической самостоятельности республик. Прискорбно, что этот документ подписали и представители Внешэкономбанка СССР и Госбанка СССР. Это не только темное пятно на репутации этих уважаемых союзных финансовых структур, но и вина моего правительства, которое не дезавуировало этого документа и не привлекло банкиров к административной ответственности.

На территории Литвы находилось свыше 150 предприятий союзного подчинения. В марте этого же года парламент республики принял постановление по установлению их нового статуса. Они переходили в юрисдикцию республики и в систему государственного регулирования Литовской республики. Директоров предприятий теперь должны были назначать республиканские органы, а не союзные.

«Ценный опыт» по передаче предприятий союзного подчинения республиканским властям оказался заразительным. Ельцин, придя к власти в РСФСР летом 1990 года, немедленно сделал то же самое, и даже больше того — он освободил их от налогов. Впрочем, похоже, учителя и наставники у них были одни, и находились они далеко за океаном.

Можно было бы и дальше говорить о действиях этих людей, как правило, некомпетентных, нахальных и алчных, настроенных националистически. Они потеряли элементарную порядочность, быстро забыв, что жили в одной большой интернациональной семье, благодаря которой избавились от бедности, ели и пили за одним столом, вместе учились, совместно развивали культуру и т.д. Россия делилась с ними, как с равными, всеми своими ресурсами, порой в ущерб самим русским людям из необъятной глубинки.

Ветераны Великой Отечественной войны не могли смириться с тем, что они, воевавшие за эту землю, оставившие многих своих товарищей навечно лежать в ней, теперь вдруг стали «захватчиками». Люди в солидном возрасте также не могли понять, как случилось, что они, после войны подняв из руин города республики, построив заводы и фабрики, превратились в «оккупантов». Многие русские, да и не только русские, особенно в Латвии и Литве, сознавали, что им будет несладко жить в суверенных государствах, хотя часть из них, объективности ради нужно признать, поддерживала движение за суверенитет этих республик.

Между тем обстановка в Литве продолжала накаляться. Видя брожение и начавшееся противостояние в литовском обществе, Ландсбергис обратился с посланием «Призыв людей Литвы к согласию». Документ небезынтересен, но, как показала жизнь, лжив. В нем предлагалось забыть старое и простить всем, «даже погрязшим во лжи и пороках, шпионившим», им не был заказан «путь к воскресению». «Независимость — это не суровый судный день, не стремление к слепому возмездию», — взывал глава парламента. «Разделение своих ближних на «хороших» и «плохих» по анкетным данным, партийной или национальной принадлежности... может стать пагубным», — говорится в послании.

Через десять дней после провозглашения независимости Литвы, 21 марта 1990 года, Горбачев издал Указ о мерах по обеспечению прав советских граждан, охране суверенитета Союза ССР на территории Литовской ССР. В этом Указе поручалось Совету Министров СССР, правоохранительным органам СССР, органам местной власти обеспечить защиту и права граждан СССР на территории Литвы, а пограничной службе, министерствам иностранных дел и внутренних дел СССР — обеспечить порядок въезда и проживания иностранных граждан в этой республике. С той поры прошло немало лет, и сейчас, перечитывая этот документ, я невольно задаюсь вопросом: почему в нем так много говорилось об охотничьих ружьях и ничего не было сказано о притеснениях русских и инакомыслящих граждан в этой стране, хотя бы членов того же «Единства»?

В Литве не удостоили вниманием и этот Указ. Многочисленные попытки союзных руководителей приостановить принятие антисоюзных решений или встречались в штыки, или просто игнорировались.

Положение союзного руководства становилось весьма двусмысленным: издаются постановления, указы, а в ответ — прямо противоположная реакция или явно пренебрежительное отношение. В апреле Центру стало окончательно ясно: необходимы жесткие шаги, чтобы привести в чувство зарвавшихся политиков. Было принято решение сделать серьезное предупреждение руководству Литовской республики.

В связи с этим было подготовлено письмо в адрес Верховного Совета и Совета Министров Литовской ССР. В 1990-х годах в средствах массовой информации появилось сообщение, что это жесткое письмо подготовили «консерваторы» — Рыжков и Маслюков, а Горбачев подписал его под давлением их и других членов Политбюро. Действительно, подготовкой документа занимались мы с Юрием Дмитриевичем Маслюковым, но Горбачев принимал самое активное участие в его создании, и только после его окончательных корректировок письмо было опубликовано 14—15 апреля 1990 года в печати. У меня сохранился черновик, где рукой президента были внесены существенные изменения. Учитывая резонанс, который вызвал этот документ не только в Прибалтике, но и во всем мире, привожу его целиком:

«Искусственно и противоправно созданная руководством Литовской ССР проблема положения республики в союзном государстве все более затягивается в тугой узел, приобретает характер политического тупика. Несмотря на то что со стороны высших органов государственной власти СССР были предприняты конструктивные и взвешенные меры, способные вывести проблему укрепления суверенитета Литовской ССР в конституционное русло, руководство республики принимает все новые законодательные акты и решения, которые противопоставляют Литовскую ССР другим республикам и Советскому Союзу в целом. Так, 5 апреля принят Закон “Об удостоверении гражданина Литовской республики”, дискриминирующий советских граждан, желающих жить и работать в соответствии с конституционным порядком и законами СССР. Грубейшим нарушением Закона СССР “О всеобщей воинской обязанности” является решение Верховного Совета Литовской ССР о прекращении в республике деятельности по осуществлению весеннего призыва граждан на действительную военную службу. Вопреки постановлению Совета Министров СССР “О мерах по защите собственности КПСС на территории Литовской ССР” республиканские власти предпринимают противозаконные попытки захвата этой собственности.

Подобные действия, перечень которых можно было бы продолжить, не могут быть далее терпимы. Они направлены на подрыв политической и социально-экономической стабильности в стране, наносят ущерб развернувшимся в ней демократическим процессам, серьезно ущемляют права советских граждан.

Со стороны других союзных республик правомерно ставится вопрос — почему они должны по-прежнему в ущерб своим нуждам поставлять в Литву продукцию, в то время как ее руководящие органы продолжают антиконституционные действия, пренебрегают законными интересами единого народнохозяйственного комплекса и граждан страны.

В создавшейся обстановке мы вынуждены сделать следующее предупреждение.

Если в течение двух дней Верховный Совет и Совет Министров Литовской ССР не отменят свои вышеуказанные решения, то будут даны указания о прекращении поставок в Литовскую ССР из других союзных республик тех видов продукции, которые реализуются на внешнем рынке на свободно конвертируемую валюту.

Мы за то, чтобы дело не дошло до применения указанной меры, но это сейчас полностью зависит от руководства Литовской ССР.

Одновременно с этим еще раз подтверждаем, что мы ждем от Верховного Совета и Совета Министров Литовской ССР принятия решений, которые восстановили бы положение республики по состоянию на 10 марта 1990 года. Это позволило бы безотлагательно заняться рассмотрением всего комплекса вопросов».

Документ 13 апреля 1990 года подписали Президент СССР М. Горбачев и Председатель Совета Министров СССР Н. Рыжков.

В те годы да и позже многие, обвиняя нас, задавали вопрос: зачем мы пошли на этот шаг? Отвечаю сейчас, как отвечал и тогда, что только безответственные действия литовских властей поставили на повестку дня вопрос об этих неизбежных мерах, которые могли вызвать серьезные и не заслуженные литовским населением трудности для него. Руководство страны исчерпало весь арсенал увещаний и призывов. Забота о будущем народов СССР не допускала дальнейшего промедления в защите других союзных республик от последствий политических и хозяйственных неурядиц в Литве. И все это происходило на фоне того, что уровень жизни ее населения в течение многих лет был намного выше, чем в других республиках и регионах Советского Союза. Свидетелями этому являлись многие тысячи советских граждан, приезжавшие в Литву погостить или жить и работать. Эта республика находилась в привилегированном положении, существенно больше по-

лучая от «общесоюзного пирога», чем привнося в него. Достижения в области повышения производительности труда в республике поощрялись значительными поставками энергоносителей, изделий машиностроения и других отраслей промышленности по ценам, которые иначе как льготными не назовешь. Однако дисбаланс в пользу Литовской ССР в экономических отношениях с другими республиками преднамеренно искажался новыми руководителями в Вильнюсе.

Товарообмен между Литвой и другими союзными республиками успешно развивался в течение всего послевоенного периода. Он способствовал развитию производительных сил республики, в результате чего на ее территории появилось немало объектов союзного и межреспубликанского значения.

Как было уже сказано, в марте 1990 года под воздействием саюдистского руководства Верховный Совет Литвы принял постановление об изменении статуса предприятий, учреждений и организаций союзного и союзно-республиканского подчинения. Не требуется доказывать, что такой акт, принятый в одностороннем порядке, нарушал не только конституционный порядок и Закон о собственности в СССР, но и элементарную порядочность и логику. Если литовское руководство, исходя из своих эгоистических замыслов, склонно было пренебречь коренными интересами населения не только республики, но и всей страны, то союзное правительство с этой позицией согласиться не могло.

Литовские власти заявляли, что они действуют таким образом во имя независимости, причем немедленно и невзирая на последствия для своего же народа. Но тем не менее они предпочли не спрашивать население о том, хочет ли оно этого и готово ли на тяжелые жертвы ради призрачных свобод, которые принесут независимость и выход из Советского Союза. А какие, собственно, дополнительные свободы и права обещало литовское руководство по сравнению с теми правами, которыми уже располагало население республики или могло иметь в ближайшем будущем в связи с развитием демократии в стране и совершенствованием советского законодательства? Литовские руководители предпочли отмолчаться на этот счет.

В описываемое время население Литвы только начинало ощущать возрастающие трудности. Терпимость, проявленная центральными органами власти по отношению к решениям и мерам Верховного Совета и правительства Литовской ССР, позволяла литовскому руководству заявлять, что обстановка в республике спокойная, и Декларация о независимости не вызвала каких-либо серьезных потрясений.

Что касается утверждения властей о готовности поддерживать прежние экономические связи, то он носили весьма лицемерный харак-

тер, практически означало создание экспортного потенциала Литвы за счет других союзных республик. Этого союзное правительство допустить не могло. Взять, к примеру, часть внешнего долга, приходившуюся на долю Литовской ССР, она составляла порядка 600 млн рублей в свободно конвертируемой валюте (тогда не было исчисления в американских долларах). Из общей суммы внутреннего государственного долга на Литовскую ССР приходилось 5,8 млрд рублей.

Обращаясь к литовским руководителям, президент страны и Председатель Совета Министров уповали на их чувство разума и готовность заботиться о нуждах населения республики. Это обращение было предупреждением, что тяжелая ответственность за последствия лежит на литовском руководстве в силу его ошибочных действий.

В те дни все чаще приходилось слышать из уст литовских властей, что они рассчитывают на поддержку и помощь из-за границы. Вряд ли здравомыслящие люди верили, будто западные политики и монополии готовы восполнить все то, что Литва получала от союзных республик. Ведь 27 процентов всей потребляемой продукции она завозила из других республик. В 1988 году ей было завезено 16,7 млн тонн угля, свыше 13 млн тонн нефти, получено 4,9 млрд куб. метров газа. Кроме того, в республику поступило 780 тысяч тонн проката, 824 тысяч тонн деловой древесины, 496 тысяч тонн минеральных удобрений, 2,7 млн тонн продовольственного зерна. Если такие экономические связи порвать, то «относительно светлой» жизни в Литве наступил бы конец, ибо ее продукция на внешнеэкономическом рынке была неконкурентоспособна, а ресурсы для жизнеобеспечения требовали огромных валютных средств, которые республике взять было негде. Обман населения в области экономических перспектив мог свергнуть Литву в суровые испытания.

Реакция Запада последовала незамедлительно. Мы прекрасно понимали, что западные страны, и особенно США, не преминут воспользоваться предупреждением советского руководства «борющейся» за независимость Литве и устроят политический гвалт, с тем чтобы в очередной раз пнуть ненавистный им Советский Союз. Я и тогда уже понимал, что эти весьма «демократические» государства действуют методом двойных стандартов. Когда им выгодно и нужно — они вводят эмбарго не задумываясь. И не только грозят им, как мы, но и реально его осуществляют! Так было в 1979 году, когда СССР ввел войска в Афганистан, так было в Югославии, Ираке — нужно ли перечислять дальше? А стоило руководству нашей страны погрозить своей же республике — сразу раздался визг на всю Вселенную!

Президент США Буш-старший немедленно откликнулся на это событие, а государственный секретарь Бейкер предупредил нашего ми-

нистра иностранных дел Шеварднадзе, что суровые меры против Литвы, пусть и без кровопролития, могут испортить отношения с Соединенными Штатами. Не остались в стороне даже Япония, Франция, Финляндия и другие страны.

Ответ литовской стороны на наше письмо не заставил себя долго ждать. Уже 18 апреля 1990 года Председатель Верховного Совета Литвы Ландсбергис направил руководству страны ответ:

«Верховный Совет Литовской республики с пристальным вниманием вчитывался и изучал Ваше обращение, содержащее предупреждение о возможных экономических санкциях, а также подготавливал ответ с заранее намеченными предложениями. К сожалению, после поступления вчера конкретных сообщений о будущих санкциях нам мало что остается добавить к заявлению Совета Министров Литовской республики от 16 апреля 1990 года, разве только выразить сожаление относительно методов и позиции СССР. Как и прежде, мы готовы обсуждать любые вопросы, принимая во внимание все законные интересы СССР, прежде всего его граждан, а также стратегические интересы.

В период предварительных парламентских консультаций в случае, если они будут начаты, до 1 мая 1990 года мы готовы не принимать новых политических законодательных актов.

Для проведения таких консультаций нами создается депутатская делегация, которая прибудет в Москву в ближайшее время с надеждой встретиться с уполномоченными Вами лицами».

К письму было приложено и Постановление Верховного Совета Литовской республики «О развитии отношений между Литовской республикой и Союзом Советских Социалистических Республик» за подписью В. Ландсбергиса.

На два дня раньше письма Ландсбергиса в адрес Н. Рыжкова и М. Горбачева была направлена телеграмма подобного содержания и тональности уже утвержденной в должности премьер-министра Литовской республики К. Прунскене.

Правительство СССР ожидало конкретного ответа на поставленные в Послании Президента СССР и Председателя Совета Министров СССР предложения, так как они самым прямым и непосредственным образом касались прав и интересов советских людей. Однако ни по одному из пунктов власти Литвы ответа не дали. Складывалось впечатление, что идет разговор немого со слепым.

Учитывая, что руководство Литовской ССР не приняло в установленный в письме срок мер к отмене противоправных актов, касающихся вопросов собственности Союза ССР, введения удостоверений граждан Литвы, а также действия Закона СССР о всеобщей воинской обя-

занности, было дано указание о прекращении поставок нефти и о сокращении подачи природного газа в республику до объемов, необходимых для обеспечения только бытовых и коммунальных нужд.

Мы сожалели, что действия литовского руководства привели к введению ограничений на поставки продукции в республику, и надеялись, что принятые меры будут иметь временный характер. Нарушение экономических связей Литовской ССР с другими союзными республиками противоречило не только интересам литовского народа, но и всех народов нашей страны. Теплилась надежда, что пока еще возможно восстановить дух доброжелательности и здравого смысла во взаимоотношениях Литовской ССР с другими республиками и Союзом ССР в целом.

Между тем события стремительно развивались и в двух других республиках Прибалтики. В апреле 1990 года Горбачев встретился с руководителями Эстонии и Латвии, которые также предприняли шаги к достижению независимости, хотя и менее быстрыми темпами, чем Литва. Эстонские руководители были предупреждены, что Москва не будет вести никакого диалога с Таллином до тех пор, пока там будут считать, что республиканские законы приоритетны по отношению к общесоюзным. Произошло это, к слову, за два месяца до того, как Ельцин провозгласил подобное литовскому и эстонскому решению на Первом Съезде народных депутатов РСФСР. И снова вопрос: не один ли был у них «консультант»? Думаю, да!

М. Горбачев также встретился с председателем парламента Латвии А. Горбуновым. После встречи тот заявил прессе, что ему было сказано: «Если Латвия хочет отделиться от Советского Союза, это должно быть сделано в соответствии с общесоюзным законодательством». Напомню, что Закон, принятый в апреле 1990 года, разрешал выход республики из состава СССР только при условии, что две трети ее граждан выразят на референдуме свое согласие на такой шаг.

В это время руководители Литвы давали интервью, ездили по странам, объясняя создавшееся в республике положение, и просили помощи. В. Ландсбергис в интервью американской телекомпании Си-эн-эн сказал, что литовцы сумеют выжить в сложившихся условиях, а французскому телевидению сообщил «по секрету», что Литва сможет просуществовать без газа и нефти сто лет. В это же время К. Прунскене в столице Норвегии Осло пыталась договориться о контрактах с нефтяными фирмами. Норвежское правительство заявило протест Советскому Союзу по поводу прекращения поставок горючего Литве, а ее премьер-министру сказала, что Норвегия будет вести свои торговые отношения с Литвой на коммерческой основе. Подобную позицию заняло и шведское правительство.

Одновременно Ландсбергис делал и политические демарши. Он обратился к президенту Бушу с просьбой признать новое правительство Литвы. Подобная просьба была им высказана и Председателю Совета Министров Польши Т. Мазовецкому. Норвегия намеревалась первой признать независимость Литвы. Ландсбергис также пригласил посетить с визитом Литву Папу Римского, чтобы с его помощью добиться политических уступок Москвы.

Сокращение поставок, безусловно, ударило по работе предприятий Литвы. Я уже упоминал о попытках премьер-министра республики решить эти вопросы в других странах. Но, как говорит старинная русская пословица: «Дружба дружбой, а табачок врозь». Так и здесь — политическую поддержку окажем, но деньги за поставки сырья платите полностью.

Единственное, чего добились К. Прунскене в Скандинавии, так это открытия в одном из стоковых банков счета для сбора средств в фонд помощи Литве. По информации Ландсбергиса, на благотворительные цели со всего мира поступило всего несколько миллионов долларов. К сведению, только нефти и газа республике требовалось ежедневно на 5 миллионов долларов. Так что расчет новой власти Литвы на то, что Запад будет субсидировать ее независимость, полностью провалился.

Руководство Литвы начало вести прямые переговоры с Москвой и Ленинградом, а также с отдельными предприятиями. В то же время в республике прошли акции протеста, люди обвиняли литовских руководителей в том, что они ставят в тяжелое положение население. Так, в конце апреля водители автотранспортных предприятий Вильнюса провели двухчасовую предупредительную акцию. Сразу же после этого министр путей сообщения уже «демократической» республики дал указание уволить с работы членов «Единства», организовавших это выступление.

Конечно, ограничение поставок в Литву ударило в первую очередь по рабочим — будь то литовец, русский или поляк. Но ответственность за это обязаны нести руководители республики, нарушившие все законы и Конституцию страны, в которой жили десятки лет. Тем не менее они продолжали проводить свою линию, обращаясь к мировой общественности за сочувствием и помощью. Хотел бы я посмотреть, что сделали бы США, если бы один из ее штатов, например, Калифорния, поступил подобным образом. Убежден, что действия властей были бы жесткими и немедленными, как сейчас говорят — адекватными.

Справедливости ради надо сказать, что в те дни в стенах республиканского парламента раздавались и трезвые голоса. Так, правитель-

ственная комиссия по антиблокадным мерам заявила, что прежде всего необходимы соответствующие политические решения. Были и реалистические предложения, например, Э. Бичкаускаса, нового полномочного представителя Литвы в Москве, — «ввести мораторий на принятие решений на весь срок ведения переговоров». Эти предложения радикально и воинствующе настроенным парламентом республики приняты не были.

17 мая 1990 года Горбачев и я приняли в Кремле премьер-министра Литвы Прунскене. Она передала нам документы, в которых содержались здравые предложения по нормализации обстановки. Однако они не решали главного — не отменяли акта Верховного Совета Литовской ССР от 11 марта, о чем и было сказано Прунскене. Нами еще раз было подчеркнуто, что без отмены или как минимум, приостановления этого акта невозможно обсуждение вопросов, которые волнуют в настоящее время Литву и являются предметом серьезной озабоченности советской и мировой общественности. Премьер-министр обещала передать сказанное Верховному Совету Литовской ССР.

После полуторачасовой встречи в Кремле Прунскене провела в Литовском постпредстве пресс-конференцию. Она была достаточно сдержанна в оценке отношений с руководством СССР и далее вполне корректно изложила нашу позицию по самому болезненному для них в тот момент пункту: «Николай Иванович Рыжков считает, что никакой экономической блокады нет, имеют место недопоставки по отдельным позициям». Хотел бы я знать, как ныне оценивает Казимира Прунскене нашу позицию, когда мир приобрел опыт десятилетнего эмбарго в Югославии, многолетней экономической блокады Ирака, где из-за отсутствия питания и медикаментов умирали тысячи детей. Может быть, теперь она стала понимать, что мы действительно не ставили перед собой задачу каким-либо образом наказать народ Литвы?

Долгое время в заявлениях литовских политиков звучала нота, что СССР в той или иной форме уже пошел на переговоры. Раз, дескать, Президент СССР обращается к Литве, значит, он нас признает в качестве самостоятельной стороны. Но на пресс-конференции Прунскене сказала, что это не переговоры, а лишь обмен мнениями. Конечно, руководство Литвы и раньше прекрасно понимало, «что есть что», но желание выглядеть значительнее в глазах своего народа и мировой общественности возблудало над реалиями.

Вскоре по просьбе литовского руководства состоялась еще одна встреча М. Горбачева и Н. Рыжкова с В. Ландсбергисом, К. Прунскене и тремя депутатами Верховного Совета Литвы. В самом начале Ландсбергис сообщил, что основной ее целью он считает обсуждение вопро-

сов, касающихся переговоров между Литвой и СССР. Как он выразился, необходимо решить главную проблему — определить субъект переговоров, и подчеркнул при этом, что таковым является полностью политически независимая Литва. «Мы не хотим смотреть на СССР как на вражескую страну. Мы смотрим на нее, как на дружеское государство». Также он поставил перед нами вопрос: будут ли переговоры вестись отдельно с Литвой или сразу с тремя прибалтийскими республиками?

Горбачевым и мной было высказано твердое мнение, что решения Верховного Совета Литвы от 11 марта являются антиконституционным актом. Что же касается переговоров с тремя прибалтийскими республиками одновременно, то это предложение абсолютно не приемлемо. В конце встречи определились, что предварительными этапами возможных переговоров должны быть консультации, обмен мнениями, выработка «пакета идей».

На этом и закончилась «дружеская беседа» с совсем не дружественными людьми.

Делегацию для обсуждения с Литвой взаимных вопросов руководство СССР сформировало 9 июля 1990 года. Литовская же делегация была создана намного позднее, поэтому первая встреча состоялась только 2 октября. Было потеряно почти полтора месяца. Как известно, все экономические ограничения, которые были нами введены в связи с действиями Верховного Совета Литовской ССР, были отменены немедленно, в тот же день, когда руководством республики было объявлено о моратории на принятие новых политических решений.

Советский Союз на октябрьских переговорах представлял член советской делегации, Председатель Госплана СССР Ю. Маслоков. Первое заседание показало, что стороны занимают достаточно жесткую позицию. Это касалось и процедурных вопросов, терминологии, которая должна применяться во время переговоров, и даже языка, на котором они будут вестись. В то же время делегация СССР твердо придерживалась решений Третьего Съезда народных депутатов. Следовало четко обозначить перечень вопросов, подлежащих обсуждению, включая протокольные вопросы, организацию рабочих групп и т.д. На этой встрече определились с количеством рабочих групп — их должно было быть девять.

20 октября 1990 года состоялась вторая встреча делегаций СССР и Литвы с моим участием как главы Правительства Советского Союза и руководителя советской делегации. У меня сохранилась публикация о ней в одной из центральных газет:

«Председатель Совета Министров СССР Н.И. Рыжков отвечает на вопросы журналистов.

Хотя это была суббота, но почти полный рабочий день — с 11 до 18 часов 20 октября длилась вторая консультативная встреча между делегациями Советского Союза и Литвы, возглавляемыми Председателем Совета Министров СССР Н.И. Рыжковым и Председателем Верховного Совета Литовской республики В. Ландсбергисом. И сразу же после завершения встречи глава Правительства СССР провел пресс-конференцию, на которой рассказал о некоторых результатах переговоров.

Да, по сути дела, это были настоящие переговоры, хотя литовская сторона предпочитает называть их консультациями. Видимо, новым руководителям республики очень хочется соблюсти форму — в том числе действовать по международному протоколу, как Высоким Договаривающимся Сторонам. Второй же стороне — руководителям Правительства СССР, как показали ответы Н.И. Рыжкова на вопросы журналистов, важнее были практические результаты.

Они уже есть. В частности, решен один из спорных до сегодняшнего дня вопросов — участники Великой Отечественной войны, проживающие в Литве, будут иметь те же льготы, что и все жители Советского Союза. Литовская делегация гарантировала это.

Не найдено пока приемлемого решения по другому серьезному вопросу — о призыве граждан Литвы в Вооруженные силы СССР. Литовская сторона предложила, чтобы, начиная уже с нынешнего осеннего призыва, на территории республики, по сути дела, действовал принцип добровольности в отношении воинской службы — без применения каких-то мер к юношам, отказывающимся служить в армии. Ответ союзного правительства: Литовская республика входит в Советский Союз, в котором есть Конституция и Закон о всеобщей воинской обязанности. Правительство СССР, по словам Н.И. Рыжкова, могло бы пойти навстречу: рассмотреть, допустим, вопрос, чтобы часть юношей, призванных в Литве, проходили службу в своей республике. Но самое главное — не нарушать основы.

Переговоры по этому вопросу будут продолжены.

Весьма подробно рассматривались проблемы экономических взаимоотношений Союза и Литвы в 1991 году. По мнению Н.И. Рыжкова, руководством Литвы ведется много разговоров о том, что экономическое положение республики в будущем году очень их тревожит. Но практически ничего не делается для решения проблем. На этот раз Литва была предупреждена: или она остается в составе народно-хозяйственного комплекса СССР — тогда нужно решать вопросы в Госплане СССР, других центральных экономических ведомствах. Или же пусть скажет о своем неучастии и решает свои проблемы самостоятельно.

Как сообщил Н.И. Рыжков, литовская сторона высказала было намерение обойтись лишь “горизонтальными связями” с 12 союзными республиками (без Прибалтики) и вести всю экономику на прямых договорах. Но она же задала вопрос: будет ли Правительство СССР гарантом этих прямых связей? В чем получила отказ. Итог: в ближайшие дни представители Литвы придут в Москву для согласования всех вопросов экономических связей республики с СССР.

Но все эти вопросы — сегодняшнего дня, не решающие главного: как будут развиваться взаимоотношения СССР с Литовской республикой? По словам Н.И. Рыжкова, есть примерно около десяти принципиальных вопросов, требующих согласования интересов. В их числе — собственность, границы, права и свободы граждан. Поэтому Правительство СССР заинтересовано в скорейшем начале полнокровных переговоров. Но у Москвы складывается впечатление, что если раньше Вильнюс очень торопился, то теперь литовская сторона под всяческими предлогами оттягивает переговоры.

Тем не менее на нынешней встрече стороны пришли к соглашению: официальные переговоры между Литвой и СССР начнутся в третьей декаде ноября.

Сторонам предстоит еще, правда, согласовать протокол, и здесь тоже могут возникнуть сложности. В частности, Москва настаивает на том, чтобы на переговорах в качестве наблюдателей, без права голоса, присутствовали представители различных групп населения Литвы — общественных движений и национальных меньшинств, трудовых коллективов государственных предприятий. Официальный же Вильнюс категорически против.

“Нам непонятно, почему литовская сторона занимает такую жесткую позицию, — сказал Н.И. Рыжков. — Почему в качестве наблюдателей не могут присутствовать три-четыре человека? Они не имели бы права решающего голоса, но по крайней мере слышали бы, о чем говорится, и могли высказать свои соображения. И уже дело официальных делегаций: принимать или не принимать эти предложения”.

Как сообщили журналистам, Правительство СССР считает такую жесткую позицию Литвы неприемлемой.

Отвечая на вопросы журналистов, глава союзного правительства отметил, что, по его мнению, принятые парламентом страны Основные направления по стабилизации народного хозяйства и переходу к рыночной экономике, возможно, станут фактором, укрепляющим связь республик, входящих в Союз. Жизнь показала, что политические амбиции заканчиваются там, где приходится сталкиваться с реальными экономическими проблемами. А народное хозяйство союз-

ных республик так интегрировано, что по отдельности им выжить будет весьма трудно. Принципы, заложенные в Основных направлениях, приемлемы для всех республик, в том числе и для Литвы.

Но, комментируя сообщение о том, что Литва собирается вводить свои собственные деньги, Н.И. Рыжков сказал: «В таком случае для экономики Литвы не будет единого экономического пространства с нашей страной. Если они введут свою денежную единицу, то они должны будут переходить на совершенно иные отношения с другими республиками и СССР в целом».

Председатель Совета Министров СССР подчеркнул, что в нынешней ситуации и Литве, и другим республикам, и всему Советскому Союзу нужна хотя бы некоторая стабилизация, хотя бы некоторая передышка, чтобы перестроить экономику и начать реальный переход к рынку».

После того как информация о проведенных переговорах была передана по радио и телевидению и опубликована в газетах, в Кремль стало поступать много писем с благодарностью за мою позицию в этом сложнейшем вопросе, а также предложений, как руководству страны следует вести себя с этими сепаратистами. Приведу только одно из них:

«Уважаемый Николай Иванович, жители Швенчёнского района (русские, поляки, белорусы, прогрессивная часть литовцев и других национальностей) глубоко тронуты Вашим вниманием и заботой о них, заботой о сохранении Союза ССР.

Они с большим вниманием и одобрением встретили Вашу беседу с группой советских журналистов по итогам второй консультативной встречи делегаций СССР и Литвы и приветствуют твердую позицию, занятую Вами на данных переговорах.

Вам сердечно благодарны участники Великой Отечественной войны и партизанского движения, что Вы в трудное время не забыли их и потребовали от делегации Литвы, чтобы участники войны, проживающие в Литве, получили все положенные льготы в соответствии с союзным законодательством.

Жители района горячо поддерживают Ваше требование, чтобы в состав литовской делегации были включены наблюдатели от различных групп населения Литвы.

Горячо одобряем и ясную позицию советской делегации в вопросе о призыве юношей из Литвы в Советскую Армию. Четкая позиция по данному вопросу поможет юношам не запятнать свою честь и достоинство.

Ваше мнение о том, что литовское руководство действительно не стремится к официальным переговорам, оправданно. Оно ждет разва-

ла Союза. (Как же точно это было подмечено! — *Н.Р.*) Действительно и то, что руководство республики не думает о развитии экономики, улучшении жизни своего народа, а занято штампованием бесконечного количества законов, направленных на захват власти кучкой авантюристов, на ущемление прав и свободы народов Литвы.

Печатание литовских денег за рубежом — это реальность. Об этом заявил в интервью корреспонденту еженедельника “Гимтасис краш-тас” № 42 председатель правления Литовского банка Вилюс Бальдишис. Он сказал: “Да, работа идет. Однако я не могу об этом конкретно сказать. Это коммерческая и государственная тайна. То же самое и относительно “когда” и “как” (намечено заменить рубли литами). Своя концепция, разумеется, есть, но решать будет Верховный Совет, будет принят закон”.

Отрезвление идет у литовского народа, но не в руководстве Верховного Совета, Правительстве Литовской республики, реорганизованной КПЛ и других политических партий Литвы.

Уважаемый Николай Иванович, мы желаем Вам крепкого здоровья, успехов в защите интересов Союза, прав и свободы граждан Литовской ССР на переговорах СССР—Литовской ССР.

По поручению Швенчёнского районного гражданского комитета Литовской ССР И. Лавренов».

До сих пор помню тягостные ощущения, которые остались от этих встреч, особенно от бесед с главой делегации В. Ландсбергисом. Не понимающий азов экономики, государственного устройства, начиненный стереотипными фразами, он производил гнетущее впечатление. Сидя напротив него, я задавался вопросом: что же выдвинуло этого человека в лидеры нации? Чего ждет она от него и как будет относиться к нему, когда пройдет националистический утар?

Не у всех, однако, события в Прибалтике и личные контакты с их организаторами были таковыми. Например, Ельцин с самого начала работы Первого Съезда народных депутатов, и особенно после создания Межрегиональной депутатской группы, всячески поддерживал сепаратистские действия депутатов из Прибалтики. Думаю, что борьба этих республик за независимость была необходима ему в качестве поддержки его собственного стремления к власти в России. Вряд ли он ставил целью своей жизни достижение суверенитета в этих республиках, сами по себе нужны они ему были, как мертвому припарка!

В августе 1990 года, находясь на отдыхе в Юрмале (хоть и бушует политическая жизнь в стране, а подкрепить здоровье надо!), он дал интервью одной японской газете. Прочитав только вопрос, касающийся сохранения целостности страны, и ответ на него.

«Вопрос: Есть ли у вас намерение в дальнейшем идти на сближение с президентом Горбачевым и в области реконструкции федеративной системы?»

Ответ: Российская республика намерена двигаться в направлении заключения двусторонних договоров с каждой из других 14 республик, входящих в СССР. У нас есть согласие с президентом по вопросу об экономических преобразованиях. Однако имеются большие разногласия по вопросу о Союзном договоре. То, на чем мы настаиваем, заключается в предоставлении права на полную самостоятельность и государственного суверенитета на высоком уровне. Короче говоря, согласие может быть достигнуто между государствами, обладающими полным суверенитетом. И все же президент, вероятно, не сможет чего-либо достичь без согласия с Российской республикой».

Таким образом, уже в 1990 году Ельцин был нацелен не на придание максимальной самостоятельности союзным республикам в составе Союза, о чем впервые был поставлен вопрос нами, Правительством СССР, еще в 1987 году, а на разрушение единого государства с центральной властью. Таков основной смысл действий его и ему подобных. Цена борьбы за личную власть оказалась чудовищной: уничтожение великого государства — СССР.

4. ТРАГИЧЕСКОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ

В январе 1991 года произошли события у телебашни в Вильнюсе, которые вывели проблемы, созревшие в Литве и других странах Прибалтики да и в целом в СССР, на совершенно новый виток.

Трагедия случилась, когда я лежал в больнице. В конце декабря 1990 года, во время работы Четвертого Съезда народных депутатов СССР, я попал в Центральную клиническую больницу с сердечным приступом. Сердце не выдержало двухлетней оголтелой травли. Сейчас трудно представить себе, чтобы нормальные люди расправлялись с руководителями страны подобными садистскими методами. Но те люди рвались к власти, и для них были пригодны все способы. За неделю до своей болезни я последний раз выступил на пленарном заседании Съезда. Долго готовился, анализировал годы перестройки, плюсы и минусы этого периода, свою роль как главы правительства. Старался быть честным в своих выводах и оценках. Я прекрасно знал, что это мое последнее выступление как Председателя Совета Министров Советского Союза. Практически это было мое завещание для будущих поколений, которые когда-нибудь с холод-

ной головой изучат то время и дадут ему и всем нам объективную оценку.

12 января 1991 года, в субботу вечером, в больничной палате появился Горбачев. Он приехал ко мне с неприятной миссией: ему необходимо было получить мое личное согласие на уход с поста Председателя Совета Министров СССР. Для меня это не было неожиданностью, так как еще в начале декабря 1990 года я сообщил ему, что после Съезда уйду в отставку. Я не мог согласиться со многими аспектами его политики реформирования экономики страны, а в конечном счете, и разрушения СССР. Сейчас же, в больничной палате, я снова подтвердил Горбачеву, что ухожу в отставку, как и было заявлено ему больше месяца назад.

К нему у меня было две просьбы: первая — сдать полномочия не сейчас, а примерно через десять дней, когда меня выпишут из больницы. У меня уже была надежда, что к тому времени я выберусь оттуда, поборов болезнь. Я наивно полагал, что президенту будет неудобно освобождать от обязанностей человека, находящегося в больнице, да я вроде бы и не заслужил такого обращения. Вторая просьба заключалась в возможности после выздоровления предоставить мне работу — разумеется, вне правительства, чтобы я не сидел дома без дела. Горбачев обещал решить эти проблемы. На том и расстались.

Днем в понедельник, 14 января, медицинские сестры проговорились — а до этого я был лишен какой-либо информации, — что главой правительства страны уже назначен В. Павлов, министр финансов в моем правительстве. Вот так Михаил Сергеевич «выполнил» мою первую просьбу. Такая же участь постигла и вторую: никакого предложения новой работы я не получил, поэтому вынужден был впоследствии искать ее и нашел у одного из своих бывших заместителей.

Так что даты 12 и 14 января — лично для меня особые. Но важнее всего было 13 января, когда произошли события, которые дали окончательный толчок к выходу из состава СССР Литвы, а затем и других союзных республик.

О событиях в Вильнюсском телецентре написано много книг, исследований, действия всех сторон проанализированы по минутам. Но при просмотре многочисленных публикаций у меня складывается впечатление, что ни одна из этих сторон не говорит настоящей правды. Ведь история любых важных событий должна ответить на вопрос: кому это было нужно? На мой взгляд, это было нужно и Ландсбергису, и Горбачеву, а также третьей стороне — политикам Запада и их спецслужбам.

В чем же выражалась заинтересованность в этом нового литовского руководства? После принятия Верховным Советом Литвы 11 марта

1990 года решения о ее суверенитете власти республики повели себя бесперомонно и нагло. Они игнорировали все обращения к ним президента страны, его указы, решения Третьего Съезда народных депутатов, не обращали внимания на постановления Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР. Ими были созданы Департамент охраны края с функциями Министерства обороны и задачей выявления так называемых неблагонадежных лиц. Были учреждены вооруженные таможенные посты на границах с другими республиками. Создавались собственные вооруженные формирования, в которые призывались юноши вместо прохождения ими действительной военной службы в Советской Армии. Был введен ряд ограничений гражданских прав некоренного населения, военнослужащих и их семей. Практически ставилась вне закона деятельность КПСС, началось преследование коммунистов только за их принадлежность к партии.

В начале января 1991 года для обеспечения выполнения Указа Президента СССР от 1 декабря 1990 года в соответствии с приказом министра обороны СССР для оказания помощи военным комиссариатам в призыве молодежи на действительную военную службу в Литовскую ССР прибыли дополнительные воинские формирования. Используя этот факт, руководство республики через печать, радио и телевидение стало нагнетать обстановку истерии и психоза среди населения, призывая его к отказу от гражданства СССР, организованному неповиновению и вооруженному сопротивлению силам правопорядка, так как якобы готовится «военное нападение со стороны Советского Союза на независимое Литовское государство», а «решения Третьего Съезда ничего не значат для Литвы, как для другого государства», и «мы не признаем действия законов Советского Союза на территории Литовской республики».

Выступая 7 января 1991 года по республиканскому телевидению, Председатель Верховного Совета Литовской республики назвал ввод в Литву дополнительных воинских формирований попыткой «спровоцировать столкновения, ошеломить, запугать, ввести военное управление и диктатуру».

Принятое правительством Литовской республики 8 января 1991 года постановление о многократном, в 4—6 раз, повышении розничных цен на продукты питания и промышленные товары вызвало у трудящихся республики естественное возмущение и создало еще большую напряженность в обществе.

Начались многотысячные митинги, демонстрации протеста и забастовки, на которых трудящиеся Вильнюса, Снечкус, Каунаса и других городов требовали отставки правительства К. Прунскене, самороспус-

ка Верховного Совета. Выдвигались также требования о введении в республике президентского правления, подписания Союзного договора и восстановления действия Конституций СССР и Литовской ССР.

С 8 января В. Ландсбергис неоднократно обращался по республиканскому радио и телевидению к жителям республики, заявляя, в частности, что «над нами висит меч, который может опуститься в любой день, в любой час», и призывая литовцев к оказанию поддержки литовским властям.

По указанию правительства республики сотрудниками Департамента по охране края вместе с вооруженными боевиками «Саюдиса» и «Лиги свободы Литвы» митинги и демонстрации трудящихся пресекались с применением силы, а их представители и делегаты избивались.

Так, на митинг, проходивший у здания Верховного Совета Литовской ССР 8 января, собрались до 30 тысяч трудящихся предприятий Вильнюса. На плакатах были начертаны требования немедленно вернуть продовольственные цены на прежний уровень, отставки правительства, роспуска Верховного Совета Литовской ССР, принявшего незаконные сепаратистские юридические акты. Охрана, сняв входную дверь с петель (чтобы не мешала, поскольку с внешней стороны ее закрывали пикетчики — это хорошо было видно на кадрах видеосъемки), начала поливать собравшихся холодной водой.

В течение 9—12 января у здания парламента также происходили противостояния и мелкие стычки между 60—80 тысячами митингующих трудящихся из организации «Единство», от Компартии на платформе КПСС, от профсоюзов, с одной стороны, и лицами, поддерживавшими В. Ландсбергиса, объединение «Саюдис» и «Лигу свободы Литвы», — с другой. Подходы к зданию литовского парламента блокировались охраной сторонников «Саюдиса».

Обращение Горбачева от 10 января парламентом Литвы было отвергнуто и названо ультиматумом, т.к. Президент СССР обратился якобы «к несуществующей Литовской ССР, Литовская республика отвергает все его обвинения». По призыву В. Ландсбергиса в Вильнюс в организованном порядке продолжали прибывать из сел и городов республики вооруженные сторонники «Саюдиса» и «Лиги свободы Литвы».

В ответ на эти действия трудовые коллективы объявили политическую забастовку. К концу рабочего дня 10 января в Вильнюсе бастовало 22 предприятия. Утром 11 января колонны трудящихся направились к зданию Верховного Совета на митинг протеста. Подразделения полиции, отряды Департамента охраны края, боевики «Саюдиса» и «Лиги свободы Литвы» попытались блокировать митинг. Возникла реальная угроза столкновений. Созданные в этот же день на крупных

предприятиях и в Вильнюсском железнодорожном депо стачечные комитеты обратились в Министерство внутренних дел с просьбой обеспечить безопасность населения и не допустить эксцессов. 11 января подразделениями внутренних войск МВД, а также Вооруженных сил страны были взяты под охрану здания Дома печати и ДОСААФ.

По предложению Ландсбергиса Верховный Совет Литвы принял ряд провокационных обращений и заявлений, в которых призывал население, всех своих сторонников как можно быстрее съезжаться в Вильнюс для защиты правительственных зданий. 12 января парламент республики принял постановление «О мерах по охране Литовской республики». Этим постановлением подразделениям республиканских органов, в том числе и Департаменту охраны края, было предписано «оказывать сопротивление любому нападающему в случае нападения на важнейшие государственные объекты». Заместитель председателя Верховного Совета Литвы Мотека заявил, что она находится в состоянии войны с Советским Союзом, и призвал сограждан к активной защите республики.

Попытка представителей трудовых коллективов вечером 12 января вручить руководству Литвы обращение с требованием об отставке парламента была агрессивно встречена бесчинствующими лицами из числа сотрудников Департамента охраны края и вооруженных боевиков, охранявших здание Верховного Совета. В результате представители трудовых коллективов были избиты.

В этой крайне сложной ситуации республиканское радио и телевидение резко усилили нагнетание напряженности, круглосуточно продолжая призывать литовскую часть населения к вооруженному сопротивлению силам охраны правопорядка и общественной безопасности, к вооруженной борьбе с «оккупантами, русскими захватчиками». Руководство «Саюдиса» публично требовало «людской крови на алтарь свободы нации!».

В адрес военнослужащих, членов их семей, инакомыслящих и некоренной части населения республики раздавались различные угрозы, распространялись клеветнические измышления антисоветского и антиармейского содержания.

По призыву руководства Литовской республики к зданиям телецентра и Телерадиокомитета срочно перебрасывались вооруженные, в т.ч. автоматами и пистолетами, сотрудники Департамента охраны края, боевики «Саюдиса» и «Лиги свободы Литвы», а также их сторонники, в основном, из числа молодежи соседних городов и сел.

В течение 10—13 января был организован централизованный бесплатный подвоз автобусами, загруженными бесплатным питанием и

горячительными напитками, населения из городов республики к «стратегическим объектам» Вильнюса. Среди пассажиров было немало детей из детских домов и учащихся из районных школ. Вооруженная охрана внутри зданий тоже была усилена, вокруг зданий стали создаваться заграждения из грузового автотранспорта, которым перекрывались и блокировались пути подхода к ним.

Вечером 12 января Комитет национального спасения Литвы опубликовал листовку с обращением к Верховному Совету Литовской ССР, Совету Министров республики, работникам республиканского радио и телевидения. В ней содержалось предложение о прекращении передачи, «провоцирующей братоубийственное столкновение». Однако обращение не было вручено, поскольку сами рабочие парламентарии, несшие петицию, подверглись жестокому избиению и часть из них была интернированы боевиками «Саюдиса». Такой демарш литовских национал-сепаратистов вызвал гнев и возмущение рабочих и дружинников, возвратившихся к половине второго ночи 13 января в здание Вильнюсского горкома Компартии Литвы на платформе КПСС. Оттуда они отправились к телебашне, где вооруженные сепаратисты продолжали всячески возбуждать толпу.

В создавшихся условиях командованием внутренних войск МВД СССР и Вильнюсского гарнизона с целью обеспечения общественной безопасности и правопорядка, предотвращения массовых столкновений, разоружения боевиков и защиты безоружных членов рабочих дружин, а также для прекращения телерадиопередач, подстрекающих население к кровопролитию, были приняты соответствующие меры.

Из войсковых подразделений было укомплектовано две группы. В состав каждой из них входили 190 военнослужащих, 14 бронетранспортеров и около 50 дружинников.

Ход дальнейших событий известен, в том числе и из материалов Генеральной прокуратуры СССР. Анализируя действия литовских властей в последние дни перед январской трагедией, можно еще раз сделать вывод, что подобный кровавый сценарий был им крайне желателен и даже необходим, так как протестное движение в республике становилось все мощнее и Ландсбергис со своими националистическими силами мог остаться без поддержки. Надо было любыми средствами спасти себя, вернуть таявший авторитет, перетянуть на свою сторону хотя бы часть разуверившихся в них и колеблющихся, и они выбрали кровавый путь. Одновременно им необходимо было показать в неприглядном свете нашу страну, где демократия подавляется насильственным путем. Вот в этом, на мой взгляд, и заключалась их заинтересованность в трагическом характере происходивших событий.

Вторым лицом, которому нужна была именно силовая, но не кровавая, конечно, операция, являлся Горбачев. Начиная с лета 1989 года — а особенно это стало очевидным, когда руководство России возглавил Ельцин, — власть Президента СССР стала стремительно уходить, как песок сквозь пальцы. Начались его хаотические метания: то он просит дополнительные полномочия у Верховного Совета СССР, то постоянно выступает по поводу и без повода, то начинает менять Конституцию, то вводит институт Президентского совета — и тут же через восемь месяцев устраняет его. Острия зубоскалили: Президентский совет оказался недоношенным. В конце 1990 года Горбачев ликвидировал Совет Министров СССР как главный распорядительный и исполнительный государственный орган, учредив вместо него Кабинет Министров СССР, т.е. аппарат при президенте, а также ввел пост вице-президента.

Страна реально теряла управляемость, а Литва после 11 марта 1990 года практически уже не подчинялась Центру. Поскольку ситуация в этой республике вышла из-под контроля и политические увещевания ничего не дают, необходимо было введение прямого президентского правления на этой территории. Я убежден, что Верховный Совет СССР дал бы согласие на это. Видя опасное положение, создавшееся в государстве, депутаты без какого-либо сопротивления удовлетворяли любые предложения Горбачева. Но в таком случае он должен был нести полную ответственность за состояние дел в Литве, а он этого не хотел. В острых ситуациях, как это было, например, в Тбилиси, Горбачев старался остаться в стороне.

Предложения о введении прямого президентского правления поступали как из Москвы, так и из Литвы. Так, доктор юридических наук, профессор И. Кучеров свидетельствует: «Я открою одну тайну, о которой знали до сих пор немногие. За три дня до “кровавого воскресенья” в Вильнюсе, 10 января 1990 года делегация конгресса демократических сил Литвы, в состав которой входил и я, прибыла в Москву для встречи с Горбачевым, которую он сам назначил. Так как к намеченному часу мы опоздали, нас по поручению Горбачева принимал Р. Нишанов. Мы приехали с одной просьбой: временно ввести в Литве президентское правление. Это, по нашему убеждению, привело бы к прямому диалогу между Горбачевым и Ландсбергисом, страсти противоборствующих сторон улеглись бы и катастрофически нараставшая угроза кровопролития была бы отведена от людей. Р. Нишанов сказал, что президент знает об обстановке в Литве и, безусловно, примет меры. Далее он сообщил, что по поручению Горбачева подготовлен текст Указа о введении прямого президентского правления.

Но Горбачев Указа не подписал. Ландсбергис же, окруженный нахлынувшими из США и Германии “советниками”, а если точнее — профессиональными разведчиками, через средства массовой информации до предела накалил обстановку. Саюдисты очень жаждали крови. И кровь, к сожалению, пролилась».

10 января 1991 года, за три дня до трагических событий, Горбачев подписал обращение к Верховному Совету Литовской ССР. Говоря о том, что ситуация, по существу, заходит в тупик, он сделал упор на то, что в союзные органы поступают многотысячные обращения о принятии мер по восстановлению конституционного порядка в республике, о введении президентского правления. И снова уговоры, увещевания и предупреждения о том, что власти Литвы должны понимать всю полноту своей ответственности перед народом республики.

12 января состоялось заседание Совета Федерации под председательством М. Горбачева. Был рассмотрен вопрос об обстановке в Литовской ССР. Подчеркивалось, что крайне важно действовать прежде всего политическими методами. Было принято предложение президента о направлении в республику представителей Совета Федерации для уточнения сложившейся ситуации и выработки предложений по подготовке необходимых мер.

После вильнюсских событий, 14 января, в перерыве между заседаниями Верховного Совета СССР, на встрече с журналистами Горбачев пытался объяснить свою политику в отношении Литвы. Он подчеркнул, что всегда стремился политическими методами вернуть процессы в конституционное русло, несмотря на то что на него оказывалось огромное давление, в том числе и в Верховном Совете СССР. Также он сообщил, что не хочет вводить президентское правление, а решил ограничиться хоть и строгим, но всего лишь предупреждением Верховному Совету Литвы. И вообще: «Я узнал о случившемся рано утром. Сообщение о трагедии всех застало врасплох».

17 января, в четверг, в центральных газетах было опубликовано Заявление Политбюро ЦК КПСС в связи с событиями в Литовской ССР, в котором давалась положительная оценка обращения Горбачева к Верховному Совету Литвы. В Заявлении также говорилось, что вместо того, чтобы способствовать проведению конструктивного диалога, по республиканскому радио и телевидению постоянно нагнеталась обстановка, делались заявления о том, что Литва находится в состоянии войны с СССР, а советские Вооруженные силы должны рассматриваться как оккупационные. В заключение этого документа Политбюро — снова призывы к политическим методам решения проблемы, проявлению взвешенности при оценке происходящего в республике и т.д.

18 января, в пятницу, газета «Правда» посвятила почти всю первую полосу событиям в Персидском заливе, где западными странами во главе с США были нанесены удары по объектам Ирака. Литве была уделена небольшая заметка в углу страницы. Таким образом, Ирак представлялся как более чувствительная точка, нежели свои внутренние, криком кричащие проблемы. На этой же первой полосе газеты «Правда» был помещен, надо полагать, весьма «злободневный» для тех дней материал — «Кошечка Мими и собачка Жужу».

Таким образом, отношение Горбачева к происходившему в Литве 13 января показывает, что он вновь и вновь уходил от подобных событий, и складывалось ощущение, что он — сторонний наблюдатель, который на все смотрит издалека. Зная существовавшие тогда правила в руководстве страны, я абсолютно убежден, что подобное решение о выдвижении на место событий воинских подразделений не могло произойти без ведома президента страны. При подготовке этого материала я прочитал много статей и интервью о тех событиях. И те, кто защищал конституционный строй в Литве, и те, кто всячески рьяно разрушал его, в один голос утверждают, что Горбачев обо всем знал, а некоторые уверяют, что даже был в сговоре с сепаратистами. Трудно поверить в такое, но эта информация настойчиво циркулирует.

Создавшееся в Прибалтике положение было использовано Западом, его спецслужбами. Запад и особенно Соединенные Штаты Америки давно уже использовали прибалтийскую карту в своей политической колоде. Весь послевоенный период, особенно в годы холодной войны, они находили различные причины и поводы для давления на СССР. Здесь были и права человека, и демократия, и противостояние тоталитаризму. Полагаю, что многие тамошние политики вряд ли даже имеют представление, где находятся эти бывшие республики Советского Союза, и тем не менее для них это было дежурное блюдо, которым они постоянно потчевали мир в своих очередных целях. Поэтому, когда со второй половины 1980-х годов стали формироваться националистические движения, иностранные спецслужбы немедленно подключились к работе с ними. Они развили бурную, лихорадочную деятельность в Литве.

Достоверно известно, что именно западные спецслужбы руководили всеми действиями Ландсбергиса. Надо отдать им должное, это была отлично продуманная и проведенная операция по переключению общественного возмущения экономической политикой нового литовского руководства, о чем я говорил выше, на протест против Москвы. Стрелку внутренних экономических проблем успешно перевели на Центр, да еще и в националистическом русле.

Богатый многолетний опыт иностранных спецслужб по свержению правительств в различных странах мира подсказывал, что для окончательного решения проблемы в Литве необходимо было создать какое-то особое ЧП, лучше с кровопролитием, вокруг которого в сжатые сроки можно закрутить тугой узел политических и националистических страстей.

Специалисты пришли к заключению, что дело было настолько сложным и срочным, что в одиночку западным спецслужбам не справиться. Что касается Ландсбергиса и компании, то их роль ясна. Но, по мнению наших спецслужб, здесь не обошлось и без Москвы. Нужна была четкая координация действий, чтобы в центре Европы, в Литве, пролилась кровь. В связи с этим я снова процитирую профессора Ю. Ермалавичюса: «Слишком хорошо была разработана и осуществлена провокация. То, что она была заранее спланирована, подтверждают многие факты. Когда обострилась ситуация, вызванная резким повышением цен, в Вильнюс еще за два-три дня до трагического 13 января понаехала масса зарубежных представителей, журналистов. Они заходили даже в здание ЦК. Некоторые в разговорах наивно спрашивали: «Почему не выполняется план?» Видимо, речь шла о плане январских событий, отрежиссированных за рубежом. Мы не смогли предотвратить трагедию: Горбачев поставил задачу войскам, «Саюдис» поднял толпу. Соприкосновение развязало руки провокаторам».

В то время, как уже было сказано, в Литву ринулись сотрудники спецслужб всех мастей. Так, консультантом Департамента охраны края по вопросам обучения партизанских боевых формирований и проведения терактов был гражданин литовского происхождения Эйве Андрюс. Он являлся инициатором серии взрывов в местах дислокации и проживания советских военнослужащих и их семей, лично руководил действиями боевиков в их столкновениях с подразделениями Советской Армии. Во время январских событий Андрюс выполнял функции военного советника при парламенте и постоянно находился в здании Верховного Совета республики.

Новые власти Литвы, тесно контактируя с представителями западных спецслужб, вместе с тем демонстрировали свое негативное отношение к деятельности КГБ. Различными указаниями и решениями они связывали руки оперативному составу, целенаправленно мешали чекистам пресекать подрывную деятельность иностранных спецслужб.

Итак, действующие силы этой трагедии известны. Но полностью ли восстановлена истинная картина ночи 13 января 1991 года? Непонятно — кто и откуда стрелял? Почему у одного из убитых из тела была извлечена поразившая его пуля от мосинской винтовки, которых дав-

но нет на вооружении Советской Армии? Почему все смертельные сквозные пулевые поражения проходили сверху вниз тел погибших, тогда как военные, которым это приписывается, двигались по плоскости дороги? Возникает вопрос: кто же убил в толпе в спину снизу вверх единственного военного, лейтенанта КГБ Шатских В.В.? Имелись многочисленные показания военнослужащих и других очевидцев, что молодую женщину специально вытолкнули из толпы под гусеницы танка, а затем сфотографировали. И таких вопросов много.

Сошлюсь еще раз на высказывание одного из бывших лидеров «Саюдиса», известного литовского писателя В. Петкявичюса. Он утверждает, что первый министр обороны Литвы А. Буткявичюс привез 18 «своих» пограничников, передел их в гражданскую одежду и разместил в телебашне. Оттуда они и стреляли боевыми патронами. Как известно, в ту ночь погибли 13 гражданских лиц, а по его заявлению, в морг привезли не 13, а 18 трупов. Пятерых врачи «забраковали» — у них не было никаких ран. Кто они и как погибли?

Всех этих вопросов не возникло бы, если бы расследование Генпрокуратуры СССР в то время проводилось по всем правилам, совместно с прокуратурой республики. Но в докладе Генерального прокурора СССР Н. Трубина Верховному Совету СССР по поводу событий в Вильнюсе говорится, что республиканские власти всячески мешали работе специалистов союзной Генпрокуратуры. Ее следователям было запрещено присутствовать при вскрытии трупов погибших и освидетельствовании раненых, препятствовали их участию в допросах оставшихся в живых потерпевших и очевидцев событий, а если они сами проводили полагающиеся в таких случаях мероприятия, работники прокуратуры Литвы сотрудничать с ними отказывались.

Невольно приходит на ум библейское выражение: «Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, и ничего не бывает потаенного, что не вышло бы наружу». Полагаю, что наступит время, и «потаенное» станет явным.

Преступники, организовавшие трагическое воскресенье у телебашни 13 января, до сих пор гуляют на свободе и занимают довольно высокие посты в Литве. Для того чтобы отвести удар от истинных виновников той страшной ночи, литовские власти устроили судилища над невиновными людьми, несмотря на то что по своему служебному положению в то время они не могли давать никаких указаний воинским подразделениям. И все же в августе 1999 года после продолжавшегося в течение 6 лет следствия, во время которого шесть коммунистов Литвы находились в заключении, суд признал их виновными в «заговоре с целью свержения законной власти и участия в событиях

13 января 1991 года у Вильнюсской телебашни». Вот так закончился несправедный суд по «делу профессоров» — Бурокаявичюса, Ермалавичюса и других.

Следует также сказать, что по делу о трагических событиях 13 января 1991 года в Вильнюсе проходят еще 45 человек, среди них — бывший председатель КГБ СССР В. Крючков, маршал СССР Д. Язов, бывший заместитель министра обороны СССР В. Ачалов и многие другие известные лица.

Итак, битва за суверенитет прибалтийских республик завершилась, по существу, политической победой сепаратистов в январе 1991 года у телебашни в Вильнюсе. Окончательное юридическое оформление этого состоялось в августе-сентябре того же года, когда Горбачев, глава новоиспеченного на скорую руку Госсовета, без всяких условий подписал решение о выходе из состава СССР Эстонии, Литвы и Латвии.

Через три месяца, в том же злополучном 1991-м, не стало Советского Союза.

Глава седьмая

СУВЕРЕНИТЕТ ПО-ПРИБАЛТИЙСКИ

1. ПРИБАЛТИЙСКИЕ ИЗГОИ

В августе-сентябре 1991 года три прибалтийские республики «стараниями» Горбачева без всяких условий и обязательств вышли из состава Советского Союза, а в декабре этого же года, уже «с помощью» Ельцина, Кравчука и Шушкевича, была разрушена великая Держава, и однажды утром в 1991 году 25 миллионов наших соотечественников проснулись в совершенно других государствах. За пределами своей исторической родины оказались не только 18 миллионов русских, но и 7 миллионов граждан остальных стран СНГ.

После разрушения единой страны во многих государствах на постсоветском пространстве прокатилась волна националистического угара, враждебного отношения к русским. Это вызвало миграцию в Россию — в основном, это были квалифицированные рабочие и инженерные кадры. Заводы и фабрики в бывших республиках Союза остались без специалистов, да и в развитии науки и культуры в этих регионах русские занимали, как говорится, не последнее место.

В наиболее трудной ситуации оказалось русское население в Прибалтике. Задумываясь над тем, почему же именно здесь, среди определенной части населения и в большей степени среди политического руководства, продолжает процветать такая непримиримая ненависть к представителям других национальностей, особенно к русским, я отвечаю себе так: продолжительность периода ксенофобии да и существование ее вообще зависит прежде всего от двух факторов — от сте-

пени цивилизованности, развития национальной культуры народа и от уровня политического мышления его руководителей. А ведь все три прибалтийские национальные государства довольно молоды. Местный этнос получил власть только в результате Октябрьской революции, а конкретней — из рук немцев, после заключенного с большевиками в марте 1918 года Брестского мира. Что касается национальной культуры, то, например, грамматика литовского языка была впервые издана лишь в 1920 году. До этого этнические жмудины (именно они были почему-то объявлены в конце XIX века литовцами) записывали свои мысли кто как мог — кириллицей или латинскими буквами: в первом случае — по правилам грамматики русского языка, во втором — польского или немецкого. Правда, сильнейший импульс для развития своих национальных культур народы стран Прибалтики получили в годы их пребывания в составе СССР, но возможно, что не все их политические руководители ощутили на себе его плодотворное влияние. Тем более что часть их до недавних времен жили и воспитывались за рубежом.

Так или иначе, но власти новых независимых государств Прибалтики при поддержке национальной интеллигенции практически стремятся объединить общество по племенному, языковому признаку, науськивая его против «инородцев», «некоренных», «нетитульных», «иноязычных» и т.д. Это и есть национализм в действии, где жертвой прежде всего и стали русские, фактически превратившиеся в бесправное национальное меньшинство. Политическое же руководство России, боясь быть обвиненным в намерении «возродить империю», оставило своих соотечественников на произвол судьбы. Этот принцип невмешательства развязал руки наиболее ярким национал-радикальным силам в прибалтийских республиках, и сейчас там повсеместно наблюдается преследование людей по национальному, языковому и религиозному признакам.

Происходит бесцеремонное давление на нетитульную нацию. Так, в Латвии, по существующим правилам, для многих профессий требуется владение латышским языком как родным — со всеми нюансами, использованием идиом и даже архаичных выражений. Для определения знания государственного языка вводятся вместо трех — шесть оценочных ступеней. Должностным лицам Центра государственного языка, практически языковой полиции, дано право задерживать и проверять ранее выданные свидетельства о владении языком. Находятся даже горячие головы, которые требуют вооружить эту полицию стрелковым оружием. Немецкие оккупанты — и те не додумались до такого! А не-

которые представители интеллигенции вообще предлагают создать русскоязычное гетто.

Справедливости ради следует сказать, что не все в Латвии разделяют взгляды национал-радикалов, порой звучат и трезвые голоса. Бывший советник латвийского посольства в России сожалеет, «что из Латвии уехали десятки тысяч русских, в которых мы теперь больше всего нуждаемся. Отток квалифицированных русских, спад производства повлекли за собой и выезд латышей за границу».

Но, к сожалению, не такие люди определяют политику государства. Решают другие: они делают вид, будто не понимают, что именно «помесь» наций создала, например, великое государство — США. Англичане тоже, между прочим, «помесь», как и французы, испанцы, итальянцы, русские и даже немцы, а ведь именно эти народы представляют лицо современной цивилизации. Если же хорошенько разобраться, то и сами латыши — та еще «помесь»! И ничего «мерзкого» здесь нет. Наоборот, приток другой крови дает толчок к развитию, в то время как племенная замкнутость ведет к вырождению — это уже давно установлено наукой.

Президент Латвии, Вике-Фрейберга, не может не знать, что в Канаде, где она получила образование, помимо титульной нации, проживают и другие. Надо полагать, она не забыла, что франкоговорящего населения в Канаде всего 14 процентов, но при этом французский язык наряду с английским является официальным государственным. Не дай бог, если спикер в парламенте страны будет вести заседание только на английском языке! Как минимум франкоговорящие депутаты демонстративно покинут зал. Ей также должно быть известно, что попытка построения моноэтнических государств в современной Европе — затея пустая и даже вредная.

Говоря о ситуации русских в странах Прибалтики, я специально остановился прежде всего на их положении в Латвии, где дискриминация достигла наиболее ужасающих размеров, хотя нечто подобное происходит также в Эстонии и Литве. Но ведь в начале 1990 года все три республики дружно приняли декларации о независимости. Какие же обещания в них содержатся?

Передо мной находится текст Декларации о восстановлении независимости Латвийской республики, подписанной господином А. Горбуновым 4 мая 1990 года. Чтобы читатель мог сделать самостоятельные выводы, дословно приведу только один ее пункт:

«Гарантировать гражданам Латвийской республики и других государств, постоянно проживающим на территории Латвии, социальные, экономические и культурные права, а также политические свободы в

соответствии с общепризнанными международными нормами о правах человека. Распространять эти права и свободы в полной мере на граждан СССР, которые выразят желание проживать в Латвии, не принимая ее гражданства».

Нечто подобное говорится и в Декларации о государственной независимости Эстонии. Республиканское собрание народных депутатов Эстонской ССР 2 февраля 1990 года в Таллине приняло решение:

«...Провозглашая идеал государственности Эстонии, мы знаем о поддержке идеи самостоятельной Эстонии сотнями тысяч неэстонцев. В государстве, восстановления которого мы добиваемся, будут уважаться права человека и права национальных групп на основе традиций Эстонской республики и принципов межнациональной терпимости. Различия в мнениях и подходах национальных и идеологических меньшинств должны быть в Эстонии защищены законом».

Наиболее лаконично по этому вопросу высказался господин В. Ландсбергис в Акте о восстановлении независимого Литовского государства 11 марта 1990 года. Он предусмотрительно ушел от гуманитарной конкретики: «Литовское государство... гарантирует права человека, гражданина и национальных сообществ».

Через полтора года после заявлений эти республики стали самостоятельными государствами со своей внутренней политикой. Невольно возникает вопрос: появились ли непримиримые антирусские настроения в этих странах после выхода их из СССР или это более глубокое, временно спрятанное негативное отношение к нашему народу, которое до поры до времени не выплескивалось на поверхность?

Некоторые специалисты по Прибалтике объясняют этот феномен тем, что прибалтийские страны на протяжении веков были расположены между большими государствами или на границе цивилизаций и их народы вынуждены были постоянно находиться между более могущественными соседями (шведами, датчанами, поляками, немцами, русскими). Именно этим пытаются объяснить и борьбу прибалтийских республик за суверенитет — сначала экономический, а затем и политический, в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого столетия.

Но есть вопросы, которые так и остаются без ответа. Немцы огнем и мечом завоевывали народы Прибалтики, насильно насаждая свою веру, и тем не менее во время Второй мировой войны население прибалтийских республик не только поддержало нацистскую оккупационную власть, но многие участвовали в войне против СССР, осуществляли карательные операции против русских, евреев и людей других национальностей.

Почему же русские стали ненавистным народом в этих странах? Может быть, потому, что прибалты привыкли к жесткому, наподобие немецкого, кулаку? Мы же, русские, со своим православным менталитетом, стремились создать братство народов, поднять окраины за счет коренной России. По-видимому, сказывается и то обстоятельство, что земли Латвии и Эстонии уже в начале XIII века были завоеваны рыцарями Тевтонского ордена и в течение нескольких столетий находились под сильным немецким влиянием. Жмудины, народ упрямый и физически крепкий, как могли, противостояли агрессии этого ордена. Надо полагать, что религиозная близость немцев, латышей и эстонцев, в основе которой — протестантизм во всех его церковных формах, — была той идейной платформой, которая позволила сформировать национальные части «СС» именно в Латвии и Эстонии (но не в Литве, где преобладает католицизм).

Безусловно, что провозглашенные в декларациях трех прибалтийских союзных республик обязательства о соблюдении прав всех народов, проживающих на их территории, — не более чем «дымовая завеса» для мирового сообщества. Еще до появления деклараций всем здравомыслящим людям было известно о широкомасштабной кампании против «мигрантов», развернувшейся в «перестраивающейся» Прибалтике.

Средствам массовой информации удалось отравить сознание многих людей темой «мигрантов» и «оккупантов». На митинге в Каунасе, состоявшемся в июле 1989 года недалеко от авиационной воинской части, прозвучал призыв: «Вспарывайте животы беременным женам офицеров, чтобы они не рожали оккупантов!» И это кричали люди, которые считали себя по культурному уровню значительно выше русских. Разве можно даже предположить, что русские могли бы позволить себе подобное в отношении не только прибалтийских, но и других женщин?!

В создание портрета «русского дегенерата» внес свой вклад и профессор славистики Йельского университета, бывший преподаватель Вильнюсского университета Томас Венцлова: «Русского считают жандармом, алкоголиком, апатичным варваром, развратником, наконец, убийцей. Как бы там ни было, прибывающие в Литву колонисты, в особенности администраторы, часто соответствуют если не всем, то хотя бы части этих эпитетов».

В это же время наряду с темой русских «мигрантов» в общественное сознание внедрялось понятие «тутэйшие», которым саюдисты пренебрежительно называли проживающих в республике поляков. Средства массовой информации вбивали в головы людей, что это вовсе не поляки, а ополяченные литовцы. Естественно, появился и «польский вопрос», проблема польского населения стала существовать реально.

На самом деле еще в XIX веке и особенно в первой четверти XX века, во время первых межнациональных войн, «тутэйшими» называли себя потомки славянского племени кривичей, проживавшего с доисторических времен здесь, на территории нынешней юго-восточной Литвы, и заложившие свой город: Кривой город — Вильну — Вильнюс, который впервые упоминается в летописи 1129 года. Поляки пришли в православную Вильну позднее, частично — после Кревской (1385 год), а затем — после Люблинской унии (1569 год).

В «польских» районах и селах были самые низкие в республике социальные показатели. На одну тысячу работающих в Литве приходилось лиц с высшим образованием: среди литовцев — 197, русских — 123, белорусов — 56, поляков — лишь 32. В расчете на одного жителя здесь было меньше жилья, дошкольных учреждений, школ. При обилии различных изданий на 200 тысяч поляков существовала лишь газета «Червоны штандар» и не было ни одного культурно-просветительного журнала.

Бесспорно, было бы несправедливо бросать тень национализма на всех литовцев. Приведу строки, принадлежащие великому классику литовской литературы Эдуарду Межелайтису: «Изолироваться опасно и отдельному человеку, и народу. Можно еще добавить: и большому, и маленькому народу. Всем одинаково опасно, всем угрожает духовное малокровие. Дух получает мало пищи, нечем подкреплять его, и он начинает задыхаться, как рыба под толстым слоем льда, где не хватает кислорода. Кислород, культурный кислород необходим духу!»

Жаль, что не все в Прибалтике понимают это и по сей день. В 1980-е годы в ее республиках уже четко просматривалась тенденция перерождения перестроечных лозунгов в сторону национализма и сепаратизма, распространялась идеология «национально-народного социализма». В этой напряженной ситуации действия Москвы поражали своей непоследовательностью и двусмысленностью. Наши идеологические вожди — А. Яковлев, В. Медведев и другие — успокаивали Политбюро и президента страны, утверждая, что «процесс» идет правильно, что это есть не что иное, как углубление и развитие перестройки.

Хорошо помню заседание Политбюро, на котором Яковлев докладывал о своей поездке в Вильнюс. Его выступление было направлено на то, чтобы убедить политическое руководство страны, будто процессы, происходящие в Прибалтике, идут в русле перестройки. Его трактовка, оправдывавшая расцвет махрового национализма, вызвала у меня и еще у некоторых членов Политбюро полное неприятие и критику. Впрочем, и сам Горбачев во время пребывания в Прибалтике сво-

ей бездарной, неумной политикой только способствовал укреплению взятой тамошними лидерами линии на выход из Союза.

Известно: когда рушится общественный порядок, когда процветает хаос, власть получают демагоги. Так случилось и в Прибалтике. Прошло всего несколько лет, и мы видим, что делается в этих государствах сейчас. Найдутся ли в нынешнем мире еще страны с законами, утверждающими подобную дискриминацию по национальному признаку? Вряд ли. За чертой политической, экономической, общественной жизни остаются сотни тысяч человек из «некоренного» населения. Мир наверняка взорвался бы в крике, если бы подобные законы были приняты в СССР или в современной России.

Те же деятели в Прибалтике, которые громче всех кричали о «нарушениях прав человека» в Советском Союзе, сейчас, придя к власти на волне националистического угара, не только грубейшим образом преследуют своих политических оппонентов и ущемляют права русского населения, но и ведут дело к созданию режимов апартеида. Сотни тысяч людей, десятилетиями проживающие в прибалтийских республиках, создавшие там современную экономику, в одночасье оказались полностью лишены политических прав лишь потому, что их родным языком является русский, а их родовые корни находятся в России.

Лидирующую роль в ущемлении прав русскоязычного населения, как уже было сказано, играет Латвия. По этому поводу возникает много вопросов: в частности, почему это происходит в государстве, где около 50 процентов — русские? По собственному опыту знаю, что латвийское руководство всегда проявляло максимум инициативы и исполнительности, чтобы добиться расположения Москвы. Рига неофициально считалась столицей Прибалтики со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В Латвии приняты наиболее дискриминационные законы по отношению к русским, особенно в решении проблемы оформления гражданства. Так, негражданам нужно изыскать из своего нищенского бюджета 50 долларов только на прямую оплату такой процедуры, сопутствующие же затраты — впятеро больше.

Была введена обязательная сдача экзамена по государственному языку, включая письменное изложение, по истории, весьма тенденциозной, согласно которой, например, война для Латвии закончилась в... 1991 году, по Конституции Латвии, а также должна быть принесена клятва на верность. Принимают экзамены националистически ориентированные чиновники, от которых не приходится ждать доброжелательности.

Люди совершенно справедливо задаются вопросом: а почему, собственно, от них требуют сдачи каких-то экзаменов? Здесь налицо явная подмена понятий: одно дело — вновь приезжающие в страну, а другое — постоянные жители, много лет прожившие на данной территории. Для последних во всем мире существует практика: при любых разделах и объединениях государств они становятся гражданами того государства, которое устанавливает свою юрисдикцию на этой территории. Так было при распаде Российской и Австро-Венгерской империй, при разделении Чехословакии, объединении Германии.

Разве латышей при вхождении Латвии в СССР заставляли сдавать экзамены по русскому языку и советской истории? Конечно, нет: степень знания русского языка была личным делом каждого. Паспорта советских граждан выдавали всем без каких-либо условий. Однако сейчас у них к русским прямо противоположное отношение.

В Латвии нет определения национальных меньшинств. Здесь имеются три категории юридических лиц, проживающих в стране: граждане, граждане иностранных государств и неграждане. По закону о статусе граждан от 1995 года к негражданам относятся бывшие граждане Советского Союза, постоянные жители Латвии, не имеющие законных оснований получить гражданство. На законном же основании можно получить гражданство в соответствии с двумя принципами: наследным (если вы прямой потомок граждан довоенной Латвии) и в процессе натурализации на общих условиях. Для натурализации необходимо, как было сказано выше, сдать экзамены по латышскому языку, истории, Конституции и пройти утверждение в парламенте.

Неграждане не имеют права голосовать и баллотироваться на выборах, занимать высшие посты в государственных ведомствах; имеют право, но не обязаны служить в армии и полиции. Для неграждан усложнены формальности при приобретении земли в собственность.

Естественно, многие россияне, которым небезразлична судьба наших соотечественников в Прибалтике, и в первую очередь в Латвии, задают вопрос: это что — акт отмщения?

Отмщения за что? За то, что русские спасли латышей от онемечивания и полной утраты национальной культуры? За то, надо полагать, что предоставили Латвии и двум другим прибалтийским республикам статус самостоятельных государств в 1918 году? За то, что предупредили их захват фашистской Германией в 1940 году? За то, что освободили их в 1945-м, оставив лежать в прибалтийской земле 140 тысяч бойцов и командиров Красной Армии? За то, что после войны усилиями и за счет средств всего Союза ССР в Латвии построены десятки и сотни промышленных зданий, мосты, тысячи и тысячи жилых домов со все-

ми удобствами, поликлиники, больницы, санатории, школы, детские сады и пр.? Во время так называемой оккупации выстроена фактически еще одна Латвия.

Уместно будет напомнить, что во времена Советского Союза латыши никогда не подвергались никакой дискриминации, более того, их выдвигали на самые престижные, важнейшие посты в СССР — даже осуществлять контрольные функции и командовать силовыми структурами (напомню из очень многих только два имени — А. Пельше, Б. Пуго). Русские в Латвии всегда с большим уважением относились к национальным традициям, нравам и обычаям латышей и, казалось бы, вправе были рассчитывать на взаимность.

Положение неграждан Латвии закрепляется выдачей странных документов, в которых они определены как «чужие», словно некие ужасные членистоногие инопланетяне, громадные пауки, которых надо уничтожать...

В подтверждение этого некоторыми представителями страны было заявлено, что в ближайшее время от неграждан необходимо избавиться. Это как же — подготовить новый Освенцим?

У русских сильно развито чувство справедливости; уважение к себе они ценят выше материальных благ и остро переживают униженность своего положения, хотя и не кричат на каждом углу о своей боли. Боль у них внутри. Но нетрудно догадаться, что они при этом думают. Есть хорошая русская пословица: как аукнется, так и откликнется. Нормальные отношения между людьми и между народами можно строить лишь на основе взаимного уважения или по крайней мере равноправия и терпимости. Эту прописную истину политическим деятелям надо помнить всегда. Но она, к сожалению, абсолютно игнорируется латвийскими властями в отношении наших соотечественников.

Невольно сравниваю «демократическую» Латвию с совсем не демократической в недавнем прошлом ЮАР. На сегодняшний день треть постоянных жителей Латвии (около 700 тысяч человек), ранее полностью равноправных с остальными жителями страны, до сих пор не признаны ее гражданами. Русские в массовом порядке живут в Латвии с 1666 года, когда в России произошел церковный раскол и здесь поселились многие старообрядцы. В XVIII веке вся Латвия вошла в состав России, и русский язык получил там большое распространение.

Постановлением парламента Латвии в 1991 году гражданами Латвийской республики признаны лишь те ее жители, которые имели гражданство Латвийской республики до 17 июня 1940 года, а также их потомки. Неграждане, родившиеся в Латвии в 40-х и 50-х годах и всю

жизнь прожившие в Латвии, имели право подать заявление с просьбой о предоставлении гражданства только к 2000 году.

Таким образом, треть постоянных жителей Латвии лишена всех политических прав, возможности доступа к государственной службе и полностью отстранена от участия в управлении государством — точно так же, как и черное население ЮАР до 1994 года.

Люди, которым отказано во внесении в Регистр жителей Латвии (так называемые круглопечатники — прежде всего представители национальных меньшинств), дополнительно лишены еще целого ряда естественных и жизненно важных прав: права на трудоустройство и получение любых социальных пособий, в том числе на детей.

Тысячи людей после временного выезда за границу Латвии не могут вновь легализовать свое пребывание в стране. Они становятся «нелегалами», подлежащими выдворению, хотя зачастую родились в Латвии и прожили в ней большую часть жизни. Такая ситуация стала причиной широко известного случая самосожжения в Даугавпилсе Равиля Ягудина в 1996 году.

Власти отказывают в регистрации общественным организациям, объединяющим представителей национальных меньшинств. Различия в правах между гражданами Латвии и ее негражданами только на уровне закона и подзаконных актов насчитывают 68 пунктов, что является прямым запретом на многие профессии и выступает эквивалентом давнего южноафриканского апартеидного закона «О резервировании рабочих мест» (только для белых).

Например, неграждане не имеют права руководить аптечными учреждениями (неужто власти боятся, что ужасные русские отравят бедных латышей?), занимать должность пожарного, быть частными детективами, вооруженными охранниками, адвокатами и их помощниками, госчиновниками, работать по эксплуатации и обслуживанию воздушных судов. К запрету на профессии следует добавить регулируемые законными и подзаконными актами ущемления в экономических и социальных правах, не говоря уже о праве собственности на землю и участии в выборах Сейма и органов местного самоуправления.

Основным инструментом дискриминации нелатышского населения является, как я уже говорил, знание (или незнание) латышского языка. Намеренно завышенные требования к знанию языка, а также истории Латвии и ее основных законов являются главным препятствием для получения гражданства и, соответственно, политических и иных прав. Не думаю, что латыши, которые в Гражданскую войну 1918—1922 годов занимали особое положение в России, в совершенстве зна-

ли русский язык. По данным историка С.П. Мельгунова, в органах ВЧК в Москве из двух тысяч человек три четверти были латышами.

По решению Кабинета Министров Латвии даже статус безработного (и, соответственно, право на пособие и социальную помощь) могут получить только те, кто получил образование на латышском языке или имеет удостоверение о знании латышского языка.

Государственная дума России неоднократно возвращалась к проблеме положения русских в Латвии. Направлялись заявления, обращения и даже рассматривался проект закона о введении экономических санкций к этому государству. Правительство РФ не поддержало этого законопроекта, не желая ссориться с соседом, а от обращений и заявлений Госдумы власти Латвии отмахиваются, как от назойливых мух.

В мае 2005 года латвийский Сейм в срочном порядке ратифицировал рамочную Конвенцию Совета Европы «О защите национальных меньшинств». Глава Министерства иностранных дел России Сергей Лавров назвал ратификацию профанацией. Все дело в двух оговорках, предложенных правительством Латвии: не разрешается использование языков национальных меньшинств на табличках с названиями улиц и в других топографических названиях, а также в работе государственных и муниципальных структур. Хотя статьи 10 и 11 рамочной Конвенции прямо говорят об этом праве нацменьшинств.

Кроме того, депутаты Сейма утвердили разъясняющую декларацию, в которой дается понятие термина «национальное меньшинство». К представителям такового в Латвии относят даже тех граждан страны, которые проживают здесь на протяжении нескольких поколений.

Глава Центризбиркома России Александр Веняков в своем выступлении на «круглом столе» в Москве, оценивая фарс с ратификацией вышеупомянутой Конвенции, сказал, что власти Латвии руководствовались «то ли соображениями исторической мести, борьбой за чистоту титульной нации, то ли местечковыми интересами».

В январе 2005 года Москву с визитом посетил Президент Эстонии А. Рюйтель. Его главным заявлением для средств массовой информации было: «Русской проблемы в Эстонии нет».

Прочитирую в связи с этим небольшую выдержку из эксклюзивного интервью корреспонденту «Независимой газеты» — один вопрос и ответ на него господина президента:

«— Существует ли в Эстонии проблема русскоязычного меньшинства?

— Эту тему специально обостряют. Эстония — демократическая страна, где все граждане имеют равные права и обязанности независи-

мо от национальности. Можно сказать, что все народы, жившие в СССР, — жертвы сталинской политики. Не является исключением и русский народ, сталкивающийся ныне с серьезными демографическими проблемами, которые в существенной мере возникли в результате политики того периода. В Эстонии сейчас живут люди примерно ста национальностей, но политика в отношении национальных меньшинств одна.

Уходит в прошлое тот период, когда политические организации в Эстонии пытались заработать очки на национальной розни. Неправительственная Ассоциация народов Эстонии, в которую входят участники организаций десятков национальных меньшинств, приняла на своем последнем форуме декларацию, в которой содержится интересная оценка. В ней говорится: «Ассоциация народов Эстонии испытывает озабоченность из-за продолжающегося вмешательства России в национальную политику Эстонии. Национальные меньшинства не ощущают нарушения своих прав в Эстонии. Россия не вправе представлять национальные меньшинства в Эстонии...»

...Естественно, что у нас, как это всегда бывает в быстро развивающихся государствах, есть различные проблемы. Но, рассматривая их, необходимо говорить и о причинах, их породивших. Например, большое количество лиц без гражданства, которых сейчас примерно 150 тысяч, является прямым результатом пакта Риббентропа—Молотова и последовавшего за ним сознательного переселения. Эта проблема возникла независимо от Эстонии, но сегодня она быстро решается».

Читаю эти «откровения» нынешнего руководителя Эстонии и дивую даюсь его патологической неприязни к государству, в котором он жил.

Какое же нужно иметь глубочайшее неуважение к русскому народу, переживающему за судьбу своих соотечественников, чтобы сказать в принимающей его с визитом стране: «Россия не вправе представлять национальное меньшинство в Эстонии...» Господину президенту не мешало бы проконсультроваться по этому вопросу в США. Там ему напомнили бы, что Соединенные Штаты всеми силами и средствами, вплоть до военных, защищают интересы своих соотечественников в любой точке земного шара.

В прошлом господин Рюйтель был Председателем Верховного Совета Эстонской ССР и по Конституции СССР — заместителем Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Находясь на «дежурстве» в Москве, т.е. выполняя свои обязанности заместителя Председателя парламента страны, он несколько раз приглашал нас, депутатов Верховного Совета СССР, на протокольные мероприятия — завтраки, обеды, даваемые, в основном, в честь иностранных делегаций. Послу-

шали бы его речи тогда! Полагаю, что нет необходимости анализировать дальше поведение и позицию бывшего партийного и государственного деятеля советской эпохи. Пусть это останется на его совести.

Ну, а как же в действительности живет в Эстонии русскоязычному населению?

После предоставления Эстонии в 1991 году независимости безусловным приоритетом ее внутренней политики и государственного строительства стало создание моноэтнического общества, «выдавливание» из страны русскоязычного населения, ассимиляция той его части, которая, несмотря на давление и дискриминацию, не желает выезжать из Эстонии, считая ее своей родиной.

В настоящее время в Эстонии живут примерно 600 тысяч русскоязычных граждан при общей численности населения страны 1 млн 470 тысяч человек. Лишь менее 80 тысяч русских получили эстонское гражданство, 115 тысяч — граждане России. Остальные — свыше 300 тыс. человек — оказались вовсе без гражданства.

В январе 1995 года эстонский парламент принял Закон о гражданстве, существенно ужесточивший условия его получения даже по сравнению с законодательством, действовавшим в Эстонии в период с 1992-го по 1995 год. Согласно этому документу, воспользоваться правом на получение гражданства постоянные жители Эстонии могут лишь после проживания в стране в течение 3—5 лет по временному и в течение 5 лет по постоянному видам на жительство. Только после этого их заявления о предоставлении гражданства принимаются к рассмотрению, и они подвергаются сложнейшей процедуре натурализации в виде экзаменов по языку и на знание Конституции. Даже брак с гражданином (гражданкой) Эстонии, работа на территории республики и наличие недвижимого имущества не дают теперь никаких преимуществ при получении гражданства. На практике применение Закона лишает значительную часть населения Эстонии возможности восстановить утраченное гражданство и закрывает путь к участию в политической и социально-экономической жизни страны.

Таким образом, в Эстонии сформирована уникальная в своем роде дискриминационная законодательная система, на основании которой треть постоянных жителей страны произвольно лишены гражданства, объявлены иностранцами в собственной стране, ущемлены в основополагающих политических, гражданских, социально-экономических и культурных правах. В эстонском законодательстве насчитывается более 40 принципиальных различий в правах граждан и неграждан страны.

Для категории неграждан — постоянных жителей Эстонии в июле 1993 года был принят Закон об иностранцах, согласно которому, был

определен порядок выдачи так называемых паспортов иностранцев лицам, которые подали ходатайство о виде на жительство. Обладатели такого паспорта получили гораздо меньший объем прав, чем не только граждане Эстонии, но и граждане других государств, проживающих в этой стране. В документе, в частности, предусмотрено предоставление специальной записи «гражданин бывшего СССР», что относит его владельца к гражданству несуществующего государства и лишает его, по сути дела, целого комплекса прав, в том числе правовой и консульской защиты на территории любого зарубежного государства. Паспорт иностранца не бессрочен, требует продления одновременно с продлением вида на жительство, что затрудняет его использование.

Однако даже при таком отношении к постоянно проживающим в стране лицам процесс выдачи паспортов иностранца не был завершен к 12 июля 1996 года (как это предусматривалось постановлением Правительства Эстонской республики). Из более 110 тысяч заявлений на получение паспорта иностранца документально оформлено около 20 тысяч. Всего же в подобном документе нуждаются, по предварительным оценкам, не менее 200 тысяч человек.

Завершение к 12 июля 1996 года срока рассмотрения ходатайств о получении временных видов на жительство повлекло массовое изменение гражданско-правового статуса свыше 300 тысяч жителей Эстонии. Получив под давлением мирового сообщества право легально оставаться на территории Эстонии, они тем не менее оказались переведенными из числа постоянных жителей в категорию временных, что лишило их целого ряда прав. В частности, согласно Закону о приватизации от 1993 года, правом приватизировать занимаемую жилплощадь обладают только постоянные жители республики. Приобрести в постоянное пользование жилое помещение также могут только постоянно проживающие в Эстонии лица. В соответствии с Законом о социальной защите безработных от 1994 года право на пользование услугами биржи труда и на получение пособия по безработице предоставляется исключительно постоянным жителям.

Эстонские власти тормозят реализацию многих положений российско-эстонского Соглашения по вопросам социальных гарантий пенсионерам Вооруженных сил Российской Федерации на территории Эстонии. В нарушение Соглашения ими введена практика выдачи видов на жительство этой категории на 2—5 лет и даже на 6 месяцев, что, учитывая сложность процедуры оформления таких документов и преклонный возраст их владельцев, ставит последних в крайне тяжелое положение.

Основанием для отказа в выдаче и продлении вида на жительство может быть ссылка на прошлую деятельность военного пенсионера, в том числе его службу в государственных организациях — КГБ, ГРУ и даже в погранвойсках.

В Законе о выборах в органы местного самоуправления, несмотря на внесенные коррективы, сохранены многие дискриминационные положения. Созданы искусственные препятствия свободному волеизъявлению постоянно проживающих в Эстонии неграждан. Так, в качестве избирателей регистрируются только те из них, кто лично подаст отдельное ходатайство об этом в специально отведенных пунктах в крайне сжатые сроки. Граждане Эстонии подобной процедуре не подвергаются.

Хочу напомнить читателю, что Эстония была одной из республик Советского Союза, руководители которой на каждом перекрестке кричали, что она находится под «оккупацией империи», а народ ее угнетается русскими. Это вызывало большое сочувствие у определенной части нашей интеллигенции, которая при такой постановке вопроса закатывала глаза и удовлетворенно повизгивала от подобной оценки роли своих соотечественников — русских в одной из самых благополучных союзных республик. Но разве не Россия дала современным эстонцам образование, почетные звания? Разве не Россия открыла им дорогу в мир? Еще неизвестно, кем бы стали многие из них, если бы их, как и других граждан страны, не защищал безусловный авторитет СССР.

Не так давно внутренняя политика Эстонии стала предметом обсуждения в ООН. В своем докладе эстонская сторона пыталась поставить под сомнение правомерность обсуждения сохраняющихся в Эстонии по сей день неоправданных различий между гражданами и негражданами в области политических, социальных, экономических и культурных прав. Эстонская элита считает, что в этом отношении в стране полный порядок. Но с таким утверждением не согласился Комитет по расовой дискриминации Организации Объединенных Наций и отверг попытки эстонской стороны ввести в заблуждение мировую общественность. В заключительных замечаниях Комитета по докладу Эстонии о выполнении ею международной Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации дана негативная оценка ситуации в Эстонии по вопросу языков меньшинств, особенно по намерению властей ограничить обучение на них даже в местах компактного проживания этой категории лиц. Кроме того, Комитет выразил озабоченность тем, что эстонский Закон 1993 года о национально-культурной автономии распространяется лишь на граждан страны, что, согласно заключению Комитета, «сужает рамки широко разрекламированной Эстонией программы интеграции».

Министерство иностранных дел России в связи с этим обсуждением сделало вывод: дискуссии в Комитете и подготовленный им итоговый документ по данной проблеме вновь подтвердили, что ситуация в Эстонии в деле обеспечения прав лиц нетитульной нации — а это главным образом этнические россияне — вызывает серьезную озабоченность непредвзятых наблюдателей.

Кроме того, МИД России в своем специальном заявлении высказал упрек эстонскому министру иностранных дел Томасу Ильвесу за подстрекательский характер его линии в отношениях с Москвой. Надо сказать, Томас Ильвес и ранее отличался заявлениями, которые не делали ему чести как политику-дипломату и наносили ущерб российско-эстонским отношениям. Возможно, на министра влияет то, что он очень долго жил в США и полностью забыл о совместной российско-эстонской истории, которую, как бы он ни хотел, невозможно вычеркнуть из сознания тех русских и тех эстонцев, которые в отличие от него не считают совместно прожитые полвека «советской оккупацией» и помнят о роли современной России в восстановлении эстонской государственности.

Политические деятели Эстонии в своих высказываниях преступили все разумные границы. В своей патологической ненависти к русским и России они готовы оправдать даже террористические злодеяния, в том числе чеченских бандитов. Вот, скажем, текст обращения к господину Дудаеву:

«Группа поддержки Чечни в Государственном собрании Эстонии выражает свое глубокое сочувствие чеченскому народу и Вам лично в связи с утратой командира Салмана Радуева. Чудовищное убийство выдающегося борца за свободу глубоко потрясло нас. Группа поддержки Чечни в парламенте Эстонии скорбит по Салману Радуеву вместе с чеченским народом».

Это обращение подписали 63 депутата парламента Эстонской республики (из 101). Только ярая антироссийская политика позволяет делать такие заявления, которые являются грубым вмешательством Эстонии во внутренние дела России и проявлением агрессивной русофобии, ставшей стержневой линией эстонской внутренней и внешней политики. Одновременно обращение представляет собой циничный вызов мировому общественному мнению, считающему политический терроризм крайне опасным явлением, в борьбе против которого международное сообщество должно объединить усилия.

Но и здесь эстонские власти ведут двойную политику. Полагаю, читатель не услышал ни одного слова осуждения в адрес исламских террористов за их преступления 11 сентября 2001 года в США или за теракты

в Испании и Великобритании, когда погибли сотни ни в чем не повинных людей. Такова мораль эстонских политиков: на Западе такие люди — бандиты и террористы, в России же — борцы за свободу.

После всего этого трудно согласиться с утверждением г-на Рюйтеля, что русской проблемы в Эстонии нет.

Благодаря особой социально-экономической политике и в силу католического менталитета, нетерпимого к чужим этносам, современная Литва стала этнически однородной республикой в Прибалтике. К моменту разрушения СССР в 1991 году литовцы в Литве составили 81,6% населения, в то время как эстонцы в Эстонии — 63,5%, а в Латвии численность латышей была немного более половины населения — 51,8%. Реально этому способствовало принятие в середине 50-х годов специального решения литовских властей о строительстве предприятий только в определенных городах республики и о запрете строительства во многих населенных пунктах. Это решение резко ограничило приток русских и людей других национальностей на промышленные предприятия Литвы.

На первый взгляд положение наших соотечественников в Литве значительно лучше, чем в Латвии и Эстонии. Но это только на первый взгляд. На самом деле ассимиляция русскоязычного населения является целенаправленной политикой литовского правительства. Правовое положение проживания в Литве наших соотечественников определяется комплексом принятых законов, а также, в очень незначительной степени, Договором об основах межгосударственных отношений между Россией и Литвой. При этом, когда дело доходит до российских соотечественников, а в особенности — граждан России, наблюдается довольно своеобразная практика применения этих законов.

Особое значение для граждан России имеет Закон о правовом положении иностранцев в Литве. Если не принимать во внимание некоторые редакционные шероховатости, которые можно объяснить неопытностью законодателей, то строго правовая оценка этого закона должна быть положительной, поскольку, налагая на иностранцев определенные ограничения, он провозглашает, что иностранцы в Литве обладают такими же правами, что и граждане Литовской республики, если иное не оговорено Конституцией, данным законом, другими законами и международными договорами.

Однако когда речь заходит о практическом распространении положений этой статьи на граждан России, осуществлении ими некоторых прав, признанных за гражданами Литвы, со стороны официаль-

ных лиц возникают категорические возражения. И это делается, несмотря на то что нормативных актов, запрещающих или ограничивающих для иностранцев реализацию этих прав (в частности, на мирные собрания и ассоциации), не существует.

Вызывает недоумение положение с Законом о национальных меньшинствах. Недавно предпринимались попытки заменить этот неудачный и в значительной мере декларативный закон, который нигде не применяется, Законом о национальных общинах, проект которого был опубликован в печати, что позволило судить о его реакционном характере. Составители проекта проявили большую озабоченность тем, чтобы на общественную жизнь национальных меньшинств наложить как можно более ограничений. Однако ряду парламентариев Литвы и этот законопроект показался недостаточно реакционным, потому ими подготовлен альтернативный законопроект о защите культуры и этнической самобытности национальных меньшинств, не соответствующий даже элементарным понятиям приличия.

Далее. Конституция Литовской республики лишает постоянно проживающих в Литве граждан России права на покупку и владение землей на территории государства. Рассматриваемая в настоящее время в Сейме Литвы конституционная поправка, целью которой является разрешить иностранным гражданам покупать землю, на граждан России не распространяется, т.к. предполагает такое разрешение только для граждан стран — членов НАТО и Европейского союза. Подобная постановка вопроса на законодательном уровне страны является абсолютно дискриминационной и недопустимой.

Особо следует рассмотреть вопрос создания и функционирования общественных организаций наших соотечественников. Здесь, на мой взгляд, существует две проблемы — правовая и внутриобщинная.

Министр юстиции Литвы утверждает, что гражданам России не разрешается создание в республике своей собственной организации, поскольку в Конституции Литвы говорится: «Гражданам гарантируется право на...» — а это якобы исключает возможность применения данной статьи к лицам, не являющимся гражданами Литовской республики. Возможность публичного протеста против ущемления их законных прав заблокирована, поскольку при изложенной здесь трактовке Закон Литвы о собраниях запрещает иностранцам проведение даже сугубо мирных акций.

Особое место занимает вопрос объединения россиян Литвы, формирования жизнестойкой диаспоры. В настоящее время в Литве существует около 20 русских общественных организаций. Оставленные на произвол местных политических сил, не имея реальной поддержки

Москвы, они все разобщены и лишены широкого влияния среди основной массы русских.

Решение проблемы объединения соотечественников видится в создании в Вильнюсе Российского информационно-культурного центра, в деятельности которого принимали бы активное участие представители здешней российской общины при обязательном доминировании в нем представителей граждан России. К сожалению, несмотря на имеющуюся между правительствами России и Литвы договоренность по этому вопросу, до практического его решения дело не доходит.

Несколько лет назад Президент Литвы Валдас Адамкус обратился к гражданам страны по случаю избрания нового парламента. Я внимательно прочел это выступление. В нем затронуты многие вопросы внутренней жизни республики и ее внешней политики. Упомянуто даже право каждого гражданина на Интернет. Но ни единого слова не было сказано о правах русских, которые составляют значительную часть населения этого государства.

Видимо, как и в Эстонии, в Литве русской проблемы нет!

В 90-е годы, после получения суверенитета, в Литве, как известно, прокатилась волна судебных процессов над инакомыслящими и ветеранами Второй мировой войны. Вот вам и свобода в «демократической» Литве! Все это напоминает не столь далекие времена, когда на кострах жгли книги.

Кроме того, есть основания, которые заставляют сомневаться в независимости литовского суда. За примерами далеко ходить не надо. В. Ландсбергис, судя по сообщениям печати, в свое время заявил, что М. Бурокаявичюса и его товарищей судят не за то, что они имеют или имели политические убеждения, а конкретно за организацию массовых убийств, как простых элементарных уголовников. Вызывает по меньшей мере недоумение, как можно давать такие оценки еще до начала судебного процесса?

А в то же время в Литве на свободе находится бывший фашистский обер-полицейстер Вильнюса Лелейкис, депортированный из США и обвиняемый в массовом уничтожении евреев, а также патриотов своей страны других национальностей.

Все это напоминает начало процесса по делу ГКЧП в России. Каких только преступлений не приписывали обвиняемым, каких только ярлыков им не наклеивали! И. Силаев, бывший Председатель Совета Министров РСФСР, даже требовал, без суда и следствия, расстрела. В конечном счете все они были амнистированы, а генерал армии В. Варенников не принял амнистии и добился того, чтобы судебный процесс был доведен до конца. Как известно, суд оправдал его.

Власти республики, и особенно ее Сейм (парламент), и сегодня не могут успокоиться. Они с завидной энергией продолжают искать врагов. Так, недавно был принят Закон «Об оценке КГБ СССР (НКВД, НКГБ, МГБ) и нынешней деятельности кадровых сотрудников этой организации», на основании которого эта всемирно известная спецслужба вместе с ее литовским отделением была объявлена «преступной». Со дня вступления Закона в силу бывшим кадровым сотрудникам КГБ будет запрещено в течение 10 лет «работать в Литве государственными должностными лицами или служащими государственной власти и управления, самоуправления, институтов охраны края, в департаменте госбезопасности, полиции, прокуратуре, судах, на дипломатической службе, в таможах, в государственном контроле и других государственных институтах контроля и надзора, адвокатами и нотариусами, в банках и других кредитных учреждениях».

Невольно вспомнишь старый фильм, в котором юному революционеру Максиму не позволялось жить ни в каких губерниях, кроме... Сахалина. Так и здесь: этим людям разрешается работать, очевидно, только землекопом или заниматься каким-либо другим малоквалифицированным трудом.

При этом обещано оставить «в покое» тех сотрудников, которые спустя три месяца после вступления в силу данного Закона «зарегистрируются в Департаменте госбезопасности Литвы и раскроют ему все тайны о своей прежней работе, расскажут о связях с бывшими коллегами и агентами».

Комитет госбезопасности структурно был представлен во всех субъектах СССР. За время, прошедшее после его развала, ни в одном из вновь образовавшихся на базе бывших союзных республик государств дело не доходило до объявления в законодательном порядке организации безопасности бывшего СССР, как и Компартии, преступным. Литва сделала это первой.

В цивилизованном мире действует простое правило: объявить человека или организацию преступником можно только по приговору суда. Все остальные «приговоры» не имеют юридической силы и не подлежат исполнению. Следует напомнить, что в конце 1945-го — начале 1946 года в Нюрнберге в ходе судебного процесса над главными нацистами в Международном военном трибунале, кроме вынесения персональных приговоров, были также признаны преступными определенные структуры фашистской Германии.

Автор вышеупомянутого законопроекта о КГБ — спикер Сейма Литвы В. Ландсбергис, который в течение довольно длительного времени призывал Сейм «дать правовую оценку организации, участвовав-

шей в совершении военных преступлений, геноциде жителей на территории Литвы, оккупированной Советским Союзом, репрессиях, терроре и в политическом преследовании», — в конце концов добился своего. Ландсбергис — не юрист. Он музыкант и политик, и, наверное, поэтому от решения возглавляемого им Сейма веет некомпетентностью и политиканством. При этом Сейм проигнорировал отрицательное отношение к этому закону Президента Литвы В. Адамкуса.

Возникает вопрос: какими же сверхделикатными методами действуют, надо полагать, спецслужбы этой «демократической» республики? Недавно ее президент В. Адамкус поручил прокуратуре расследовать сигнал о том, что сотрудники отдела, созданного при Департаменте охраны руководящих работников МВД, якобы осуществляли слежку за высокопоставленными должностными лицами страны, вплоть до президента. Конечным получателем этой информации будто бы был председатель Сейма Ландсбергис. Поводом для указанного разбирательства, скорее всего, стало заявление экс-президента А. Бразаускаса о том, что содержание его личных бесед становилось известно другим должностным лицам. Так кто же будет принимать закон о нарушении Конституции Литвы?

2. ИСТРЕБАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

После Второй мировой войны русский язык очень быстро стал принимать международный характер. Это было, безусловно, одним из показателей авторитета СССР. Создали даже Международную ассоциацию преподавателей русского языка и литературы, объединяющую более 60 тысяч русистов из 76 стран мира. В 2003 году состоялся ее X Конгресс. И до сих пор практически в любой стране всегда можно встретить людей, в той или иной степени владеющих русским языком. Есть, однако, государства, где его целенаправленно вытесняют из различных сфер жизни. И это делается, несмотря на возрастающую роль русского языка в области науки, культуры, политики во всем мире! Как известно, ООН объявила русский язык одним из официальных мировых языков.

Состояние языка — это показатель авторитета страны, ее роли на международной арене. Положение, сложившееся в отношении русского языка, говорит о роли России на постсоветском пространстве, в странах СНГ и Прибалтики.

Как поступают другие государства, видя угрозу своему языку? Примечателен в этом отношении опыт Франции. Почувствовав падение интереса к французскому языку после Второй мировой вой-

ны, французы возвели заботу о нем в ранг приоритета государственной политики. Был создан Высший совет франкофонии, т.е. франкоязычия, который возглавил президент республики. В правительство входит министр по делам сотрудничества и франкофонии, выделяются большие средства для организаций, распространяющих французский язык по всему миру, финансируются франкоязычные регионы планеты, всячески поддерживаются зарубежные преподаватели языка, которых обеспечивают литературой и техническими средствами, приглашают на стажировку во Францию, награждают их орденами Французской республики. Был принят закон о языке, направленный на борьбу за его чистоту, против излишних англо-американских заимствований.

Критикуя страны Прибалтики за их стремление вытеснить русский язык, за их чудовищные, дискриминационные для наших соотечественников законы, стоит напомнить читателям, что и в России до сих пор не принят закон о русском языке. Он пылится в архивах власти более 10 лет и вряд ли в ближайшие годы будет рассмотрен, а тем более принят. Сколько было публикаций в газетах, крика на разных митингах, решений на соборах, шума в комитетах Государственной думы всех созывов — и никакого движения! Незаметно и тихо был похоронен Совет по русскому языку при Президенте России, учредившем его Указом от 7 декабря 1995 года.

В Советском Союзе существовало 130 языков, на которых говорили народы страны. Исторически сложилось, что именно русский язык на протяжении столетий являлся средством межнационального общения людей на одной шестой части земной территории, открывая им доступ к духовным сокровищам всего человечества и помогая выйти их культурам на мировую арену. Обогащая родные языки народов России и СССР, обогащался и он сам.

Это был, строго говоря, ее совершенно естественный и глубоко положительный процесс.

Думаю, что политика Советского государства в области межнациональных культур в целом заслуживала высочайшей оценки. В каждой республике — академия наук, научно-исследовательские и учебные институты, национальные театры и музеи, творческие союзы и коллективы, представляющие все виды искусства (чем восхищались во многих странах мира), и т.д.

Но в условиях ухудшения межнациональных отношений русский язык оказался на острие политических проблем. Стали стремительно набирать силу две тенденции. Первая — это желание людей повысить статус своих языков, их роль в становлении новой государственности,

формировании национального самосознания, духовности своего народа. Но в то же время имела место и другая тенденция, обратная сторона первой: разрасталась «языковая непримиримость». Этот перестроечный феномен стал новым, невиданным элементом в развитии межнациональных отношений, придав им оттенок махрового национализма. Языковой фактор начал использоваться для того, чтобы определить, считать человека «гражданином» или «мигрантом», «коренным жителем» или нет. Все это стало реальностью в странах Прибалтики после получения ими полного суверенитета. Языковая проблема коснулась и детских душ, начиная со школ и даже детских садов.

К сожалению, руководство СССР длительное время недооценивало языкового фактора, традиционно считая, что это вопрос ученых-языковедов, философов, социологов. Правда, когда в самый разгар «перестройки» языковая проблема начала перемещаться из научной сферы в политику, в 1988 году на XIX партийной конференции КПСС была образована Комиссия по межнациональным отношениям во главе с членом Политбюро Рыжковым. В ее резолюции было, в частности, записано: «Проявлять больше заботы об активном функционировании национальных языков в различных сферах государственной, общественной и культурной жизни. Поощрять изучение языка народа, именем которого названа республика, проживающими на территории гражданами других национальностей, в первую очередь детьми и молодежью. Все это не должно противопоставляться демократическим принципам свободного выбора языка обучения».

Однако на практике коренного поворота в этом вопросе все же не произошло. В межнациональных отношениях главный упор по-прежнему делался на рассмотрение политических и социально-экономических вопросов. Проблеме языка так и не уделялось должного внимания. Откровенно говоря, я в этом вижу вину не столько Центра, сколько тогдашнего партийно-советского руководства республик.

Результаты этой недооценки не заставили себя долго ждать. Через полтора-два года языковая проблема была взята на вооружение националистически ориентированными политическими и общественными деятелями многих союзных республик, и в первую очередь — Прибалтики и Украины.

В условиях демократизации и гласности и последовавшего затем тотального разрушения всего и вся языковые и политические проблемы не только переплелись, но и стали питать друг друга. Тогда и сработал эффект внезапно разжавшейся пружины, подспудные процессы вышли наружу, приобрели взрывной, стихийно-хаотичный характер, и огромная часть высвобожденной социальной энергии устремилась

именно в сферу языка — центрального идеологического национального символа.

Нельзя сказать, что и такому направлению в развитии культуры, как языки всех народов, населявших страну, не уделялось внимания со стороны государства. Ведь именно в то время пятьдесят прежде неграмотных национальностей обрели свою письменность, развили собственную литературу и литературный язык.

Вместе с тем у нас имелись и серьезные недоработки в языковой политике. Национальных языков никто не запрещал, субъективно к ним относились вполне уважительно, но им не оказывалось всей необходимой государственной поддержки, и на каком-то этапе они были предоставлены сами себе. В результате вольно или невольно, но постепенно русский язык слишком потеснил другие языки.

Я родился в Донбассе, в русской семье, учился в русской школе, но с пятого класса, а затем и в техникуме было обязательное изучение украинского языка — грамматики и литературы. Прошло много десятилетий, но я почти полностью понимаю разговорный украинский язык. На мой взгляд, последовавшая в 70-х годах отмена обязательного изучения языка той или иной республики не только лишала человека полноценного общения с людьми, среди которых он живет, но и вызывала их понятную неприязнь по отношению к подобному незнайке.

Каково же положение русского языка на постсоветском пространстве в настоящее время?

В большинстве стран — бывших республиках СССР, кроме Белоруссии, были приняты законы о языке, провозглашающие в качестве государственных только языки титульных национальностей. В Казахстане и Киргизии русский язык употребляется в качестве официального наравне с государственными. В законодательстве Азербайджана, Армении, Грузии, Узбекистана, Украины русский язык отнесен либо к иностранному, либо языку национального меньшинства, либо просто к понятию другого языка. Во многих странах русский язык исключен из официального делопроизводства и общественной жизни. Как мы видим на примере Прибалтики, жители, не владеющие местным языком, автоматически лишены ряда важных экономических, имущественных и политических прав.

В некоторых странах в массовом порядке были закрыты детские сады, русские школы, учреждения культуры, произошло сокращение классов, факультетов и отделений в высших учебных заведениях с преподаванием на русском языке. В настоящее время для русского и русскоязычного населения труднодостижимым становится не только высшее, среднее профессионально-техническое, но даже и общее образо-

вание, поскольку оно практически повсеместно переводится на языки титульных национальностей.

Обеспокоенность вызывает неадекватная оценка большинства исторических событий в учебной литературе, нередко их откровенно антироссийская направленность. Принижается роль русских и русской культуры в развитии ныне суверенных стран. У подрастающего поколения формируется искаженное представление о своих духовных и культурных корнях. Большие трудности испытывают русские драматические театры и библиотеки.

Но вернемся снова в Прибалтику, и в первую очередь в Латвию.

В Латвийской республике началось осуществление программы насильственной ассимиляции представителей нетитульных народов. В Сейме обсуждался закон об образовании, направленный на вытеснение русского и других языков, являющихся родными для значительной части населения. Неуклонно сокращается число нелатышских государственных школ. Полностью ликвидированы возможности получения высшего образования в государственных вузах на нелатышском языке. Даже в частных учебных заведениях власти требуют преподавать часть предметов только на государственном языке. Таким образом, ломается система образования, основанная на принципе двуязычия, вводится обучение, характерное для моноэтнических государств. Следует отметить, что эти дискриминационные меры пользуются поддержкой ряда международных организаций, в частности, Программы развития ООН, ЮНЕСКО и Совета Европы.

Закон о государственном языке объявил русский язык иностранным и предусмотрел использование исключительно латышского языка в сфере труда, публичной информации и при обращении в любое государственное учреждение.

Положение дел в этой области значительно ухудшилось после принятия в апреле 2002 года Сеймом Латвийской республики поправок к Конституции Латвийской республики, исключающих возможность использования русского языка в работе органов законодательной и исполнительной власти различных уровней, государственных организаций и органов местного самоуправления, в том числе в районах компактного проживания национальных меньшинств. Это означает, что происходит насильственная ассимиляция нелатышского населения.

Хочу напомнить читателю, что в соседней с Латвией Финляндии — два государственных языка, шведский и финский, хотя шведы составляют всего восемь процентов от общего населения страны.

В феврале 2004 года Сейм Латвийской республики принял поправки к Закону об образовании от июня 1999 года, направленному на вы-

теснение русского языка из сферы образования. Был сделан очередной шаг к полной ликвидации русского языка — февральские поправки фактически довершили его разгром в школах.

С 1 сентября 2004 года по принятой поправке Закона об образовании в русских школах устанавливается порядок по формуле «60 процентов на 40 процентов», т.е. 60 процентов преподается на латышском языке, а остальные 40 — на русском. В число предметов, преподаваемых на латышском языке, уже попали математика, география, основы экономики и даже физкультура. В то же время на изучение русского языка и литературы в первом классе выделяется всего четыре часа в неделю. Как можно за эти четыре часа научить семилетнего ребенка читать и писать?

Политика латвийских властей, направленная на искоренение русского языка, привела к тому, что в 2003—2004 годах в республике произошли «школьные бунты». На площади Риги и других городов вышли многие тысячи школьников, родителей и учителей с требованием сохранить для них родной русский язык. «Руки прочь от русских школ!», «Вместе мы — сила!», «Латвия — позор Европы!», «Нет реформе!» и тому подобные лозунги выражали их позицию. Похоже, что русских в Латвии довели до точки кипения. Не следует ли вспомнить, что самое мощное восстание в ЮАР — «восстание школьников» в Соуэто в 1976 году — началось именно из-за лишения чернокожих права выбора языка для их среднего образования?

В августе 2005 года 20 оппозиционных депутатов Сейма подали иск в Конституционный суд Латвии о несоответствии проводимой реформы среднего образования основному Закону страны. В мае этого же года Конституционный суд отклонил этот иск.

Латвийские власти пытаются представить протесты против школьной реформы как заговор неких внешних сил против государства. В Риге опасаются, что уступка протестующим в виде введения моратория на реформу создаст впечатление, что Россия до сих пор может оказывать влияние на внутреннюю политику Латвии. Однако главная причина отказа властей от переговоров по реформе связана вовсе не с этим. Дело в другом: у правящей коалиции нет аргументов в пользу реформы. Латыши признаются, что главный мотив реформы — месть русским за «оккупацию» Латвии. Остальные аргументы выглядят еще бледнее.

Комитет по безопасности и порядку Рижской думы собирается призвать Сейм внести изменения в Уголовный кодекс. По мнению комитета, за нарушение порядка в связи с проведением общественных мероприятий организаторов стоит строго наказывать — лишением свободы сроком до десяти лет. Руководитель комитета А. Вилкс заявил журналистам, что к принятию такого решения депутатов подтолкнули

массовые акции протеста русских школьников. Один из активистов движения в защиту русских школ заявил, что создавшаяся ситуация позволяет сделать вывод, что реформа образования в Латвии давно перешла в ведение латвийского МВД.

Чтобы не было «русского духа», власти этой «демократической» страны пошли еще дальше. На днях МИД Латвии торжествующе объявил о том, что Европейский суд по правам человека отказал в исках тем жителям страны, которые пытались оспорить «облачьешивание» своих фамилий. Подобных казусов в Латвии полно. Фамилия русского поэта Пушкина в латышском исполнении звучит как «Пускинс». Но ведь мы не превращаем, к примеру, Раймонда Паулса в Паулсова, а Лайму Вайкуле в Вайкулеву...

К слову, президент Латвии Вайра Вике-Фрейберга заявила, что ее республика, Литва и Эстония не желают более носить «советское» клеймо «Прибалтика». По ее мнению, это отдает 1939 годом, «когда нам грозил СССР и требовал разместить свои базы».

Бесцеремонное и неистовое наступление на русский язык в Латвии чревато весьма серьезными последствиями. Если завтра здесь исчезнет он, то в обозримом будущем на земле не будет и языка латышского, а жители территории, называемой сейчас Латвийской республикой, будут говорить на каком-нибудь местном варианте испорченного английского. И некому будет заступиться за латышскую культуру — никто о ней и не вспомнит.

Запрет на обучение детей на языке родителей — это грубейшее нарушение норм международного права, это еще один шаг к созданию в Латвии системы апартеида. После ликвидации в ЮАР этой постыдной и гнусной системы, объявленной ООН преступлением против человечности, мир решил, что она больше не возродится. Однако при молчаливом согласии Европейского союза апартеид последовательно насаждается в Латвии и Эстонии.

Об отношении властей Латвии к русскому народу и России говорит еще одно их решение. В Риге, как известно, есть дворец Петра I, который был подарен царю городом после вхождения Латвии в состав России. Император и все Романовы, посещавшие город, не раз здесь останавливались. В более поздней перестройке здания принимал участие великий Растрелли.

С 1991-го по 1998 год во дворце находилась Русская община Латвии. Здание планировалось использовать под Русский культурный центр и под музей истории русских в Латвии. Однако дворец продали с аукциона, общину и библиотеку выбросили на улицу, а исторический памятник перестроили под жилой дом — квартиры в старой Риге стоят дорого.

Жертвами дискриминации по этническому признаку в Прибалтике становятся сотни тысяч наших соотечественников. В конечном итоге, унижению подвергается и сама Россия — антироссийский закон был принят сразу после обращения Государственной думы России к Сейму Латвии с призывом воздержаться от этого шага. Под военным зонтиком НАТО и при политическом покровительстве ЕС латвийские шовинисты нагло отбрасывают призывы Москвы. Российский парламент получил чувствительную пощечину от своих латвийских «коллег». Политика уговоров агрессивных русофобов в Риге только усиливает их наглость. После принятия этого закона один из латвийских политиков публично назвал сотни тысяч наших соотечественников «идиотами», оскорбив не только наших братьев и сестер в Латвии, но и всю Россию.

В Литовской республике численность населения составляет приблизительно 3 млн 500 тысяч человек, в том числе литовцев — 80 процентов, русских — 8 процентов, поляков — 8 процентов, белорусов — 1,5 процента, там также проживают украинцы, евреи. Основная часть нелитовского населения сосредоточена на юго-востоке республики, и в этой среде на бытовом уровне используются русский и польский языки.

После провозглашения в одностороннем порядке независимости Литвы 11 марта 1990 года Верховным Советом республики 29 ноября 1990 года было принято постановление «О сроках осуществления статуса государственного языка». С января 1995 года все население республики было обязано перейти на употребление государственного (литовского) языка. Однако не было взято почти никаких обязательств по обучению населения литовскому языку. Все было отдано на откуп частным лицам и коммерческим структурам, которые преследовали прежде всего цели получения прибыли. И это все происходило в еще советской республике, входящей в состав СССР!

В апреле 1992 года правительство Литовской республики приняло постановление, в котором определялись три категории владения литовским языком для занятия тех или иных должностей в государственных учреждениях. Из-за этого постановления практически все лица нетитульной национальности были вынуждены оставить работу в государственных учреждениях в силу недостаточного знания литовского языка.

Сроки и качество преподавания на языке титульной нации, сложность грамматики этого языка (одного из наиболее архаичных языков в Европе) не позволяют освоить его в сжатые сроки. Хотя постановление касается прежде всего русскоязычных граждан, даже руководители Комиссии по государственному языку признают, что и литовцы не

все смогут сдать экзамен на высшую категорию знания своего родного языка.

Абитуриенты, закончившие нелитовские школы, обязаны проходить собеседование на знание литовского языка и платить за это деньги. И только после этого они имеют право сдавать документы в учебные заведения. Оценить этот факт иначе, чем акт откровенной дискриминации по национальному признаку, просто невозможно.

Закон Литвы 1995 года о государственном языке гласит, что любые действия, направленные против такого его статуса, недопустимы. Для контроля за исполнением закона создан специальный орган с огромными полномочиями — Инспекция по государственному языку при Сейме Литовской республики.

Русский язык полностью исключен из официального делопроизводства и общественной жизни, не употребляется во взаимоотношениях государственных, коммерческих и других структур, действующих на территории Литовской республики. Свободное использование русского языка не запрещается только на бытовом уровне и в мероприятиях, проводимых общинами национальных меньшинств. За несоблюдение этого закона в Литве широко применяются административные взыскания в виде денежных штрафов, налагаемых на руководителей и должностных лиц.

Жесткие требования к использованию государственного языка привели к тому, что даже в русских школах все надписи на кабинетах, наглядная агитация, ведение педагогической документации, классных журналов и дневников учащихся осуществляется на литовском языке. И, конечно, естественное возмущение родителей вызывает написание имен и фамилий детей на литовский лад.

Получение образования на русском языке в Литве ограничено практически рамками общеобразовательной школы. Получить высшее образование на русском языке в Литве возможно только в педагогическом университете на факультете славянской филологии в группе из 20 (двадцати!) человек. В других вузах преподавание на русском языке не ведется вообще.

Можно предположить, что в ближайшее время резко сократится число русских дошкольных и школьных учреждений, а также объектов культурного назначения. Не будет представителей русскоязычного населения на всех уровнях законодательной и исполнительной власти, среди образованных людей и интеллигенции.

Существуют определенные проблемы и в обеспечении информационного пространства для наших соотечественников. Предоставляемая государственной властью информация на русском языке в СМИ-

очень скудна и однобока. Республиканское телевидение транслирует на русском языке только ежедневную программу «Новости» (10—15 минут). Один час выделяет на русское вещание национальное радио.

Днем в Литве ретранслируются передачи только одной государственной радиостанции — «Голос России». Правда, те, кто побогаче, владельцы кабельных или спутниковых систем, смотрят все ведущие российские телеканалы. Но основная масса русских редко имеет постоянную занятость, и то лишь на подсобных работах, поэтому об этих видах телевидения они даже не мечтают.

Подобная ситуация складывается и с изданием газет на русском языке. Наиболее доступные и читаемые издания — это еженедельные газеты «Лиетувос ритас», «Литовский курьер», «Обзор», «Республика», которые издаются небольшим тиражом. Но, во-первых, речь в публикациях идет не о жизни русских в Литве, а о жизни Литвы на русском языке. Во-вторых, львиная доля всего материала — это дайджест «вчерашней» российской прессы. В киосках печати по коммерческим, высоким ценам можно приобрести отдельные российские издания, но они не отличаются оперативностью и актуальностью.

Таким образом, политика литовских властей не учитывает исторических условий проживания русскоязычного населения в Литве, их проблем в изучении литовского языка и связанных с этим социальных и экономических трудностей. Властями Литвы практически проводится насильственная ассимиляция этого населения.

В материалах литовского правительства умалчивается о резком уменьшении часов на изучение русской литературы в русских школах, о том, что из учебных программ исключены как самостоятельные предметы история и география России, которые теперь изучаются в контексте всемирной истории и географии.

В официальных материалах в Литве утверждается о наличии благоприятных условий для изучения государственного языка. Однако замалчивается, что курсы для населения — платные.

В Литве на фоне соседней Латвии на первый взгляд положение в вопросе русских школ и русского языка значительно лучше. На самом же деле и там происходят процессы, которые вызывают тревогу — в частности, «реорганизация» русских школ.

Произвольное толкование и исполнение иными чиновниками разных уровней недемократического закона о государственном языке, резкое сужение информационно-культурного пространства национальных меньшинств, их системы обучения и воспитания, безусловно, способствуют ускоренной ассимиляции нетитульного подрастающего поколения. В таких условиях многие родители также считают бесперспек-

тивным обучение своих детей в русских школах и отдают их в литовские. По данным выборочных социологических исследований, в 10 вильнюсских литовских школах в начальных классах — 25—30 процентов учащихся-нелитовцев. Налицо тенденция к сокращению притока учеников в русские школы и, соответственно, уменьшение, а затем и закрытие последних.

По мнению специалистов, проживающих в Литве, необходимы принятие более демократичного закона о государственном языке, расширение информационно-культурного пространства нетитульных наций Литвы, выработка концепций школ национальных меньшинств, которые позволяли бы им сохранить национальную идентичность и гармонично интегрироваться в жизнь литовского общества.

С моральной и политической точек зрения совершенно недопустимы ни решение проблем одних национальных школ Литвы за счет других, ни демонстрируемая властями спешка в этом вопросе. Политики и профессионалы должны в решении столь деликатной задачи исходить из презумпции достаточного основания. В нынешних политических условиях по примеру других цивилизованных стран необходимо отказаться от идеи «плавильного» котла для нацменьшинств Литвы. Органическая солидарность народов возможна лишь при условии, что каждый останется самим собой и бережно сохранит свою культуру и просвещение.

Эстония. Ситуация с русским языком в этой стране, как и у ее южных соседей, вызывает беспокойство. По-видимому, вряд ли кто-либо будет возражать против необходимости развития эстонской культуры и эстонского языка. Но это не должно делаться в ущерб русскоязычному населению. Никому не может быть позволено устраивать «селекцию» международных прав и свобод человека в зависимости от обложки паспорта или по национальному признаку.

Особо следует подчеркнуть безрадостную картину российских и русскоязычных СМИ. Если в Латвии российские программы телевидения передаются хотя бы через кабельные сети, то в Эстонии в общереспубликанском масштабе русскоязычное телевидение полностью отсутствует. Оно ведется лишь в сетке действующих эстонских каналов. И это происходит в государстве, где треть населения — русские! Все программы ориентированы главным образом на пропагандирование моноэтнического государства и идеологическую обработку некоренного населения с целью его ассимиляции.

В конце 80-х годов в Латвии появилось слово «атмода», что в переводе на русский означает «пробуждение» — разумеется, национальное

пробуждение. Я не обратил бы внимания на это слово, если бы духовным отцом «атмоды» не был Я. Петерс.

В июне 1989 года при рассмотрении структуры Правительства СССР — в то время парламент обладал таким правом — речь шла об общесоюзном Министерстве культуры. Некоторые из выступавших были против его создания. Почему — уже и тогда было нетрудно догадаться, а сейчас тем паче. Для достоверности привожу отрывок из официальной стенограммы того заседания.

«Председательствующий: Товарищ Петерс, пожалуйста.

Петерс Я.Я., писатель, председатель Правления Союза писателей Латвийской ССР, Рига, член Верховного Совета СССР:

— Товарищ Рыжков, вы настаиваете на функционировании общесоюзного Министерства культуры параллельно с министерствами культуры каждой суверенной республики. У меня по этому поводу два вопроса:

— Как в духе современности вы представляете управление национальными культурами из Центра? Не получится ли укрощения культурной жизни и поощрения монокультуры в духовной жизни нашего общества?

— Могут ли в сфере культуры объективно существовать отношения Центра и так называемой провинции?

Рыжков Н.И.: — В докладе я выразил свою точку зрения и сказал, что объективно существовало две позиции. Первая — я не знал, чья именно, но теперь понимаю, — кто-то из прибалтийских республик высказался в том плане, что общесоюзное Министерство культуры создавать не нужно. И другая, диаметрально противоположная, согласно которой, помимо общесоюзного министерства, нужен даже первый заместитель Председателя Совета Министров СССР по этим вопросам.

Свою позицию я высказал. Она заключается в том, что нам необходимо общесоюзное Министерство культуры, которое представляло бы в правительстве всю гамму культурной жизни нашей страны. Какие у него должны быть функции и будет ли оно подменять министерства культуры союзных республик? Думаю, вообще недопустимо, чтобы Министерство культуры насаждало в стране какую-то определенную монокультуру. Этого не должно быть в нашем многонациональном государстве. Каждая национальность имеет свою культуру, которая должна развиваться. Это не значит, что надо подменять одно другим. Но я убежден, что недопустима и замкнутость одной культуры в самой себе. Без общей культуры, которая обогащает каждую национальность мировыми, общесоюзными ценностями, не обойтись. Я уверен, что общесоюзное министерство ни в коем случае не должно оказывать ад-

министративное или какое-либо другое давление на культуру того или иного народа, но в то же время мы должны пользоваться благами развития общей культуры нашей страны».

Министерство культуры СССР защитили, но его бывший министр В.Г. Захаров стал заложником в этой драке — его не утвердили. Несколько месяцев министерство было без главы. В конце концов остановились на кандидатуре известного, уважаемого в обществе народного артиста СССР, главного режиссера театра на Таганке Николая Николаевича Губенко.

Вспоминая этот диалог, невольно возвращаюсь к мысли — думали ли в то время Я. Петерс и иже с ним работники культуры и образования, куда пойдет Латвия после получения полного суверенитета?

Мы прекрасно помним, что русские жители Латвийской ССР выходили на митинги «пробуждения» вместе с латышами под лозунгом «За вашу и нашу свободу». Освободились. И тут появились первые сомнения: «Как же так, боролись вместе, а теперь мы — граждане второго сорта?» — «А вы вообще не граждане», — ответили им «национально пробудившиеся» бывшие товарищи. Пришлось смириться в этой новой жизни: к тому, что они — «оккупанты», к тому, что судят ветеранов-антифашистов, к тому, что в их собственном паспорте написано «негражданин».

Вместе с НАТО приходят новые господа, со звездно-полосатым флажком на военной форме. Они не пойдут слушать орган в Домский собор, не превратят Рижскую киностудию в новый Голливуд, не построят на холодном и скучном для них побережье Дом творчества и не переведут на «язык Шекспира» ни А. Упита, ни Я. Райниса, ни даже Я. Петерса, бывшего когда-то, как уже сказано, духовным отцом «атмоды». Плевать им на национальные таланты! Вот новые публичные дома и новые «Макдоналдсы» им, пожалуй, понадобятся...

Заканчивая разговор о судьбе наших соотечественников в «демократических» государствах Прибалтики, об их гражданских правах и языковых проблемах, невольно вспоминаю мудрую истину, которую не знают или не хотят знать власти этих стран: «Правительство существует для того, чтобы защищать права меньшинства».

За годы, прошедшие после провозглашения прибалтийскими республиками своих суверенитетов, положение в этих вопросах стало, к сожалению, «стабильным». Российской державе плюют в глаза, а она упорно делает вид, что это божья роса. Говорят, что надо проявлять и далее выдержку, дать рижским, таллинским и прочим «политикам» повзрослеть, обучиться международным приличиям. Вот, дескать, станут они членами НАТО и ЕС, там взрослые дяди будут обязательно

ставить их в угол за то, что они обижают высокоуважаемых российских партнеров, являющихся членами «восьмерок», всяких советов сотрудничества с Североатлантическим альянсом, Европейским союзом и т.д. Не вызывает сомнения, что НАТО и Евросоюз негласно поддерживают дискриминацию русскоязычного населения и подавление русского языка в странах Прибалтики. Иначе прибалтов без малейшего колебания скрутили бы в бараний рог. Достаточно главному европейскому миротворцу Хавьеру Салану (который отдал приказ о бомбежках Югославии) поднять бровь, как тут же все будет урегулировано.

Если отбросить в сторону всякие «приятности» (вроде нашего вхождения в клуб «цивилизованных стран» и подписания многочисленных договоров о партнерстве и сотрудничестве с этими государствами), сухим геополитическим остатком будет продвижение ЕС и НАТО на восток, вопреки всем протестам, уговорам и стенаниям нашей дипломатии. Наши дорогие партнеры последовательно цементируют результаты развала Советского Союза, создают необратимую ситуацию, оттесняя Россию назад на восток с тех позиций, которые она выстраивала в своих национальных интересах со времен Петра Великого.

Включение Прибалтики в НАТО и ЕС — это еще один шаг к перекройке территориально-политической карты Европы. Шаг сознательный и вызывающий. На него долго не решались и пошли лишь после того, как твердо убедились, что наши предупреждения об опасности пересечения Североатлантическим альянсом «красной линии» не следует принимать всерьез.

Как здесь не вспомнить «разделительную линию» пакта Риббентропа—Молотова! Разве «красная линия» географического разграничения НАТО и России не напоминает ту линию 1939 года? Почему же молчат власти нынешних суверенных прибалтийских государств? Ответ прост: сегодня их устраивают новые хозяева — Западная Европа и США. Но не пугает ли новых патронов доказанное историей непостоянство их новых прибалтийских друзей? Или им нужно только сегодняшнее политическое решение в отношении России? Но мировая история пережила уже все это накануне Второй мировой войны!

Элементом цементирования нового после распада СССР территориально-политического устройства и придания дополнительной стабильности новым прибалтийским членам НАТО и ЕС является политика вытеснения из этих государств основной части проживающего там русскоязычного населения и насильственной ассимиляции остальных. Эта политика носит не эпизодический, а систематический и комплексный характер. Речь идет о широком спектре мер, нацеленных на дискриминацию лиц нетитульной национальности. По сути дела, происходит диск-

риминация по этническому признаку весьма значительной части коренного населения, родившегося и выросшего в Прибалтике.

Глупо думать, будто в НАТО и ЕС не видят и не понимают этого. Видят, понимают и молчаливо одобряют, присматривая лишь за тем, чтобы дело не доходило до серьезных эксцессов внутри самих прибалтийских государств и в их отношениях с Россией. Таких эксцессов до сих пор не было, и политика массовой дискриминации русскоязычных благополучно продолжается и совершенствуется.

На наши протесты и обращения мы слышим заверения, что с руководством прибалтийских республик якобы ведется соответствующая воспитательная работа. Оно, мол, собирается исправляться. ЕС и НАТО внимательно следят за обстановкой там, и им кажется, что она постепенно улучшается.

Получается, что международные организации в целом ничего предосудительного в проведении прибалтийскими проводниками такой политики не находят и готовы лишь противодействовать отдельным перегибам отдельных должностных лиц и инстанций в этих странах. Выходит, что на деле прибалты успешно прячутся от нашей критики и требований за спины международных организаций.

Означает ли это, что нам остается лишь бессильно опустить руки? У нас есть много возможностей воздействия на прибалтийских националистов, которые, однако, до сих пор не использовались. Сейчас, как представляется, начинает складываться общее мнение, что продолжение прежней «толерантной» линии бесперспективно. Нужны новые подходы, новые инструменты, новый и более активный образ действий. Нужно принципиальное решение на этот счет руководства страны. Без этого все останется по-прежнему, к вящему удовольствию прибалтийских русофобов и их покровителей.

У Кремля уже сейчас есть добротное юридическое основание, чтобы действовать решительно, — Закон 1999 года о государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников. В нем прямо записано, что «несоблюдение иностранным государством общепринятых принципов и норм международного права в области прав человека в отношении соотечественников является достаточным основанием для принятия органами государственной власти Российской Федерации предусмотренных нормами международного права мер по защите интересов соотечественников». Наши соотечественники, в том числе и в Прибалтике, совершенно не видят и не ощущают действия этого закона. Так в чем же дело?

Примечательно, что и международные правозащитные организации, такие, как «Амнести Интернэшнл» или «Хельсинкская группа»,

прославившиеся активным вмешательством во внутренние дела Советского Союза, а ныне и современной России, именно под предлогом защиты прав человека цинично уклоняются от какой-либо помощи жертвам политических репрессий в Прибалтике.

Да и чего можно ожидать от них, питающихся со стола западных спецслужб? В январе 2006 года разразился скандал. На телеканале «Россия» в своей передаче А. Мамонтов привел данные, что «Московская Хельсинкская группа» получила от Фонда глобальных возможностей при МИД Великобритании 23 тысячи фунтов стерлингов.

Вот они — пресловутые двойные стандарты в действии и открытый политический цинизм!

3. ПРАВОСЛАВИЕ В ПРИБАЛТИКЕ

Я долго и мучительно думал: стоит ли мне касаться в этой главе роли и положения православия в Прибалтике? Основные мои сомнения состояли в том, что я, будучи человеком православным, все же в силу своего жизненного пути был далек от внутрицерковных проблем. Но мои раздумья, как общественного и политического деятеля, убедили меня в том, что картина жизни русскоязычного населения в Прибалтике, повсеместного ущемления их гражданских и политических прав, запрета русского языка будет не полной, если не осветить состояние дел в сфере духовной жизни наших соотечественников — в частности, положения Русской православной церкви.

К написанию этого раздела меня подвигли труды Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, особенно его замечательная монография «Православие в Эстонии», а также очень интересные материалы по данному вопросу Отдела внешних церковных связей Московского патриархата.

Особенностью православия в Прибалтике является то обстоятельство, что на протяжении нескольких веков оно находится в прямом соприкосновении и в борьбе с католичеством и протестантизмом. Безусловно, это не могло не сказаться в целом на жизни народа этих стран и на политических отношениях с другими государствами, особенно с Россией.

Русская православная церковь, в основном, преподносится там как инструмент по русификации края, насаждению чуждой коренному населению «варварской восточной» культуры и веры. В то же время особенно прибалтийские немцы, а также политики и многие историки в течение уже двух столетий систематически оправдывают непригляд-

ную роль немецкого рыцарства и западных религий в истории края.

Католицизм и лютеранство во многом способствовали многовековому угнетению и порабощению прибалтийских народов. Добиваясь их покорности, католические священники и пасторы вместо креста брали плеть и меч, но при этом до сих пор историки пытаются представить католичество и лютеранство в виде сил, способствовавших приобщению прибалтийских народов к западной культуре.

История же православия в Прибалтике, и особенно в Эстонии, доказывает, что православное учение во все времена являлось вероисповеданием, утверждающим мир и братство. Оно не навязывалось принуждением и страхом. Православная религия способствовала просвещению, поддерживала национальные интересы, защищала от поработителей, принесших в край католичество и протестантство.

В последние годы, после получения прибалтийскими государствами суверенитета, предпринимаются беспрецедентные попытки исказить реальную картину религиозной жизни народов, населяющих эти страны, всячески вытеснить нашу исконную религию из жизни православно верующих людей. Материалы, которые я использовал для написания этого раздела главы, говорят о том, что православие в Прибалтике и по своему рождению, и по своей жизни неразрывно связано с Россией, с Русской православной церковью, и эту связь не смогут разрушить никакие действия политиков.

Исторически сложилось так, что основные конфессии в прибалтийских государствах весьма неоднородны, и во многом это зависит от развития этих стран в прошлые века. В Эстонии лютеране составляют 70 процентов населения, православные — 20 процентов; в Латвии лютеран — 40 процентов, православных — 35 процентов, католиков — 25 процентов; в Литве католиков — 90 процентов; православных — 4 процента.

Из всех прибалтийских республик наиболее не благополучная ситуация с православной религией сложилась в Эстонии. Непримиримое отношение к православию в этой стране имеет, по-видимому, исторические корни. Как известно, этот край еще в XIII веке был завоеван Тевтонским орденом и больше всех подвержен немецкому влиянию, далеко не всегда благоприятному.

В Эстонии, где церковь и государство тесно переплетены в жизни людей, особенно наглядно устремление ряда политических деятелей использовать конфессиональную сторону для разжигания ненависти к русским и России.

В середине 1990-х годов Эстония стала наиболее «горячей точкой» православия. Трудная ситуация, в которой оказалась Эстонская пра-

вославная церковь, явилась результатом всплеска национализма после развала СССР. В мае 1999 года в приветственном Послании патриарха Алексия II в адрес Совета церквей Эстонии говорилось: «Не секрет, что процесс обретения независимости и роста национального самосознания граждан Эстонии не всегда проходил гладко с точки зрения межнациональных и межкультурных связей».

Государственные власти Эстонии фактически не препятствовали ущемлению свободы совести русскоязычного населения, десятков тысяч православных христиан. Давлению подвергались священнослужители и верующие Апостольской православной церкви Эстонии с целью побудить их к самовольному разрыву канонической связи с Московским патриархатом.

Эстонская православная церковь оказалась глубоко разделенной. Это неизбежно привело к усугублению разобщенности внутри неоднородного по национальному и конфессиональному составу эстонского общества. Обращает на себя внимание тот факт, что печальная участь разделения не постигла ни эстонских католиков, духовный центр которых находится за пределами Эстонии, ни лютеран, имевших, как и православные, в советское время параллельную зарубежную церковь.

Для того чтобы иметь полное представление о конфликте между Церквями и недопустимой в нем роли светского, по Конституции, государства, есть необходимость хотя бы в основном осветить историю эстонского церковного конфликта.

В апреле 1992 года по решению Собора Эстонской православной церкви епископом Корнилием был подан на имя патриарха Алексия II рапорт с просьбой вернуть Эстонской православной церкви статус самостоятельности (автономии), дарованный ей патриархом Тихоном в 1920 году. При этом члены Собора единодушно выразили желание сохранить каноническое подчинение Московскому патриархату.

Просьба была удовлетворена, и епископ Корнилий получил решение Синода Русской православной церкви (РПЦ), в котором подтвердилось решение Святейшего патриарха Тихона от 1920 года о даровании Православной церкви в Эстонии самостоятельности. При этом принималось во внимание, что Эстонская православная церковь осуществляет свою деятельность в суверенном и независимом государстве. Этим же решением Преосвященный Корнилий был назначен правящим архиереем епархии с титулом «Таллинский и всея Эстонии».

Постановление Священного синода РПЦ эстонским духовенством было встречено неоднозначно: одни были рады, а другие — раздражены. Состоялось первое собрание эстонского духовенства, выявившее полную неподготовленность сторон к конструктивному диалогу.

В апреле 1993 же года в Пюхтицком монастыре состоялся Поместный собор, на котором председательствовал патриарх Алексий II. Мнение церкви по вопросу о правопреемстве было выражено в итоговом документе Собора: «Считать Эстонскую православную церковь приемницей православного наследия в Эстонии».

Параллельно Поместному собору в таллинском Преображенском храме происходило альтернативное собрание. Оно называлось «расширенным собранием Синода ЭАПЦ». В своем обращении к Вселенскому Константинопольскому патриарху Варфоломею от 29 апреля 1993 года оно именovalo себя «собранием членов приходов Апостольской православной церкви граждан Эстонской республики». Как видим, критерием членства в ЭАПЦ объявлялось гражданство Эстонской республики.

После многочисленных обращений к властям государства представителям законной Эстонской Апостольской православной церкви было отказано в правопреемстве. Пропагандистская кампания, развернутая зарубежным «Синодом» и его сторонниками в Эстонии, объявила каноническую церковную организацию «оккупационной Церковью», «пятой колонной», «рукой Москвы». А законным представителем ЭАПЦ стала сохранившаяся «в изгнании» структура.

Злобная кампания в СМИ перешагнула все допустимые правила приличия и морали, человеческой этики. Ложь, омерзительные карикатуры на епископа Корнилия, Святейшего патриарха Алексия II — человека, который родился в этой стране и около сорока лет отдал служению Эстонской православной церкви, — все эти издевательства стали нормой эстонского «демократического» общества.

Попытки добиться законной регистрации ЭАПЦ, возглавляемой епископом Корнилием, остались безрезультатными. Священный синод РПЦ, состоявшийся 5 октября 1995 года, выразил принципиальное несогласие и горечь по поводу изложенной представителем эстонского правительства позиции в отношении юридического оформления Православной церкви в Эстонии, поскольку эта позиция нарушает элементарные права человека и находится в противоречии с общеевропейскими нормами религиозной свободы. Члены Синода постановили вступить в переговоры с Константинопольским патриархом Варфоломеем по этому вопросу и выразили надежду, что Священноначалие Константинопольской церкви, в чьей юрисдикции находится «Синод в изгнании», примет мудрое решение, способное предотвратить разгром Православной церкви в Эстонии.

В мае 1995 года, находясь с визитом в Финляндии, Константинопольский патриарх Варфоломей передал обращение к «возлюбленным

чадам» из соседней Эстонии. В нем патриарх призвал верующих к «скорейшему возрождению Эстонской автономной православной церкви в непосредственном общении со... Вселенским патриархатом». Развивая эту идею, Константинопольский патриарх, в частности, пишет: «...Даже если бы воспоминания о советском периоде могли в будущем изгладиться из памяти, мы хорошо знаем, что размеры и мощь русского гиганта будут казаться Эстонии угрожающими. Поэтому мы понимаем некоторые имевшиеся опасения, что если вы, православные эстонцы, будете продолжать находиться в зависимости от Русского патриархата, то вас будут считать чуждыми эстонскому обществу и даже сотрудниками опасного соседа».

В обращении содержатся прямые выпады в адрес РПЦ, присутствие которой в Эстонии называется «последним остатком сталинской тирании». Особенно гнетущее впечатление производит то, что Константинопольский патриарх не стесняется открыто сеять вражду и недоверие между государствами и народами этих стран, называя Россию «опасным соседом» для Эстонии и полагая естественным, что население этой страны должно считать православных граждан Эстонии, не желающих изменять юрисдикционную принадлежность, «чуждыми эстонскому обществу».

Этот шаг еще более обострил противостояние в церковной жизни страны. Неоднократные увещания со стороны Московского патриархата не возымели своего действия на патриарха Варфоломея. Нельзя не отметить явной, не соответствующей соборному духу православия тенденции Константинопольской патриархии к единовластному решению церковных проблем при полном отстранении от этого процесса остальных поместных церквей, имеющих своих верующих в этих регионах.

Сознавая, что создавшееся опасное положение угрожает церковному миру, Московский патриархат трижды направлял в Константинополь для ведения переговоров своих официальных представителей, а также принимал в Москве делегацию представителей Константинопольского патриархата.

Тем не менее 20 февраля 1996 года в Константинополе было втайне решено создать Эстонскую Апостольскую православную церковь в юрисдикции Константинопольского патриархата. Русская церковь узнала об этом из эстонских и финских средств массовой информации.

На заседании 22 февраля 1996 года члены Священного синода РПЦ постановили «признать планируемые действия Константинопольской патриархии по отношению к православным общинам Эстонии антиканонической акцией, ведущей к возможному прекращению евхаристического общения между двумя нашими церквями...». В срочной те-

леграмме Константинопольскому патриарху Варфоломею выражался решительный протест против подобных действий.

Вскоре после прекращения общения между Русской и Константинопольской церквами к их предстоятелям обратились главы Православных церквей и другие церковные деятели с просьбой о скорейшем преодолении раскола.

В мае 1996 года Константинопольский и Московский патриархаты были согласились в том, что обе православные церкви, каждая из которых подчиняется своему Патриархату, останутся функционировать в Эстонии. По данным на то время, в республике имелось всего 84 православных прихода, из которых 54 хотели подчиняться Константинополю, 6 колебались, а остальные были верны Москве.

В августе 1996 года делегации Константинопольского и Московского патриархатов встретились для нового раунда переговоров. В результате трехдневных переговоров были оформлены соглашения между патриархатами. Оба патриархата заявили о своем намерении вести переговоры с эстонским правительством о легальном статусе своих церквей, а также по проблеме собственности.

В конечном счете к концу 1996 года тяжелейший в истории Православной церкви конфликт, не раз именовавшийся в прессе «расколом», был частично разрешен путем компромисса — Русская и Константинопольская православные церкви согласились на существование церквей, принадлежащих двум юрисдикциям на территории Эстонского государства, что, строго говоря, не соответствует ни нормам церковного права, ни исторической справедливости.

Остался открытым весьма существенный вопрос: кому же принадлежат права собственности на церковное имущество? За прошедшие годы представители Московского и Константинопольского патриархатов неоднократно встречались и договаривались «о совместных усилиях по урегулированию имущественного вопроса». Но результатов они не приносили.

Время от времени церкви Московского патриархата удавалось достичь компромиссов с эстонскими властями. Например, было получено разрешение на гражданскую регистрацию Александро-Невского собора в Таллине. Он приобрел право юридического лица и особое покровительство Патриарха Московского и всея Руси, став ставропигиальным, т.е. подчиняющимся напрямую Московскому патриарху. Собор стал канонической частью Московского патриархата на эстонской территории, обладающей правами автономии (самостоятельности).

Лишь в апреле 2002 года, после прихода к власти нового эстонского президента А. Рюйтеля, под давлением эстонских парламентариев

и предпринимателей состоялась регистрация Устава Эстонской православной церкви Московского патриархата, которая не имела легального статуса на протяжении 9 лет.

После получения регистрации на первый план вышел упоминавшийся имущественный вопрос. МВД Эстонии предложило Эстонской православной церкви Московского патриархата арендовать 18 церковных зданий сроком на 50 лет за символическую плату — 1 крону (50 центов) в месяц. Московский патриархат, в течение долгого времени не соглашавшийся арендовать то, что он правомерно считает своей собственностью, в конце концов принял эти условия, и в октябре 2002 года митрополит Корнилий и министр внутренних дел Эстонии подписали соответствующий документ. Остается только задать вопрос: почему в Эстонии никому не приходит в голову сдать Церкви в аренду лютеранским приходам?

Спор между Москвой и Константинополем по поводу Эстонской церкви представляет собой характерный эпизод взаимоотношений двух патриархатов. На протяжении почти всего XX века Константинопольский патриархат, поддерживаемый государствами, враждебно настроенными по отношению к СССР, а впоследствии и к России, постоянно пытается ослабить позиции Русской православной церкви и проводит эту политику в Эстонии, в Украине, в Молдавии.

В результате Православная церковь в Эстонии оказалась глубоко разделенной: 50 приходов, насчитывающих 7 тысяч верующих, выбрали юрисдикцию Константинополя; 30 приходов и Пюхтицкий монастырь, в общей сложности от 50 до 100 тысяч верующих, остались верными Московскому патриархату. В драматических событиях, разыгравшихся в Эстонии, отразились как сложные процессы, происходящие между православными церквями, так и взаимоотношения Русской православной церкви и государственных институтов.

Здесь важно выделить два аспекта. Во-первых, очевидно, что на сегодняшний день Русская православная церковь, являясь единственной нерасчлененной структурой на территории бывшего Советского Союза, способна в какой-то мере не только консолидировать российское общество, но и также поддержать и объединить русских, проживающих в бывших республиках СССР. Во-вторых, необходимо отметить, что Эстония, имеющая общую с Россией границу, входит в сферу ближайших интересов Российской Федерации, является одним из важных направлений российской внешней политики. Имея в виду эти два обстоятельства, можно прийти к выводу о том, что агрессивная политика Константинопольского престола в Эстонии не лишена мощной поддержки враждебно настроенных по отношению к России политических кругов.

В январе 2005 года в Москву, как уже было сказано, с визитом прибыл президент Эстонии А. Рюйтель. Этот визит стал возможен исключительно благодаря посредничеству Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Он пригласил главу Эстонии для участия в торжественной церемонии вручения премий Международного фонда «Единство православных народов». Фонд, патронируемый Алексием II, награждал Рюйтеля своей высшей наградой «За выдающуюся деятельность по укреплению единства православных народов».

Как отмечала российская пресса, заинтересованность Патриарха в нормализации отношений между Россией и Эстонией вообще имела и чисто человеческий аспект. Ведь будущий патриарх (в миру Алексей Михайлович Ридигер) Алексей II родился в Таллине 23 февраля 1929 года и вырос в Эстонии. Здесь начал свое церковное служение сначала в качестве приходского священника, а затем — правящего архиерея Таллинской епархии Московского патриархата.

Став в 1990 году главой Русской православной церкви, Алексей II является и одним из самых авторитетных лиц в России. Патриарх сделал и делает все зависящее от него, чтобы урегулировать взаимоотношения России и Эстонской республики, которые на протяжении последних 15 лет носят достаточно сложный характер.

Активное участие Алексия II в диалоге между Москвой и Таллином укрепляет позиции РПЦ и на международной арене, а также является серьезным фактором влияния на церковно-политическую ситуацию в самой Эстонской республике и на сближение двух стран.

В заключение этого разговора о положении православия в современной, очень «демократической» Эстонии я хотел бы привести слова патриарха Алексия II: «Православие в Эстонии обретет и спокойствие, и процветание, и духовное возрастание только в единстве с Матерью — Русской церковью. Об этом свидетельствуют вся история православия в Эстонии и мой более чем тридцатилетний опыт архипастырского окормления Эстонской епархии».

4. ОККУПАЦИЯ ПО-ПРИБАЛТИЙСКИ

9 мая 2005 года Москва готовилась торжественно отметить 60-летие Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. Для советского народа это особая дата. В этот день была поставлена последняя точка в жесточайшей мировой войне, какой еще не знала история. Это была Победа великой Державы, Победа республик и народов, входящих в ее состав.

Руководство Российской Федерации во главе с президентом В. Путиным делало все возможное, чтобы это был праздник не только для России, но и для других стран, которые воздавали и воздают должное победителям и по достоинству оценивают их подвиг в тяжелейшей схватке с «коричневой чумой» XX века.

Могла ли Россия не отдать дань уважения воинам-фронтовикам Великой Отечественной войны, которых в живых осталось всего один миллион? Мог ли наш народ не воздать должное ветеранам — труженикам тыла, ковавшим орудие Победы?

Вдумайтесь только: в боях против Германии и ее союзников армия США в 1941—1945 годах потеряла убитыми 405 тысяч человек, а СССР в ходе боевых действий за этот же период — 8 миллионов воинов. В немецко-фашистском плену погибли от голода, физического истощения, варварского обращения 3,9 миллиона советских солдат и офицеров. На принудительные работы в Германию из СССР были угнаны 5 миллионов человек, из их числа к 2000 году остались в живых всего 375 тысяч человек. Всего же наша страна потеряла 27 миллионов человек.

Столицу Германии Берлин Советская Армия взяла без американцев, французов и англичан. В то же время вот уже 20 лет все учебники по истории в США рассказывают детям сказки о решающей роли Соединенных Штатов и их западных союзников в войне 1941—1945 годов против Германии. Как будто не было сражения под Москвой в декабре 1941 года, где погибли более одного миллиона немцев, как будто не было Сталинграда, где в снегах осталось лежать столько же трупов солдат Вермахта, а также румын, итальянцев, венгров — союзников Германии!

Естественно, что в учебниках США нет и того, что остатки армии фон Паулюса (330 тысяч человек) были взяты в плен войсками Красной Армии в степях под Сталинградом, в пятистах метрах от Волги. Американские дети да и взрослое население не знают, что войска Сталинградской группировки армии Советского Союза сражались под лозунгом «За Волгой земли нет!».

Не знают они да и не хотят знать того, что в блокадном Ленинграде погибли свыше 800 тысяч человек, но в этот священный для советских людей город так и не вошли немецкие оккупанты.

Безусловно, в эти торжественные дни Победы нельзя было не выразить признательность союзникам нашего государства во Второй мировой войне. Народы бывшего СССР с благодарностью вспоминают о помощи, оказанной правительствами и народами США, Англии, Франции и других стран в борьбе с Германией и ее четырнадцатью союзниками.

Празднование 60-летия Великой Победы в Москве должно было напомнить миру о трагических событиях XX века и предостеречь многие страны и их нынешних руководителей от проводимой ими политики — очень похожей на ту, которая осуществлялась Западом в 30-е годы прошлого столетия.

Этот торжественный день отмечался и в бывших республиках Советского Союза. Во всех, кроме Грузии, где президент Саакашвили в тот день готовился встречать своего «владыку», Дж. Буша. Даже в Латвии, Литве и Эстонии, где власти попросту глумятся над подвигом советского солдата и поддерживают недобитых эсэсовцев, — даже там к памятникам и могилам воинов-освободителей пришли тысячи людей. Торжества состоялись и во многих странах планеты, особенно в тех, которые испытали ужасы этой страшной войны.

В преддверии празднования 60-летия Победы в ряде государств, прежде всего в европейских парламентах, прокатилась волна заявлений, в которых на Советский Союз возлагалась чуть ли не равная с гитлеровской Германией ответственность за начало Второй мировой войны. Вновь были предприняты попытки пересмотреть ее итоги, а также всю историю послевоенного периода.

Неудивительно, что сейчас в мире на волне осуществляемой США и Англией имперской политики т.н. глобализации усиленно проводится широкая пропагандистская кампания демонизации коммунистического строя в нашей стране, отождествления его с гитлеровским фашизмом. Российская Федерация официально признана правопреемником Советского Союза, с которым на мировой арене всегда считались и уважали как супердержаву. Другими словами, делается попытка обесценить все действия СССР и подписи его государственных руководителей на документах международно-правовой, военно-разоруженческой, а также и хозяйственно-экономической системы второй половины XX века. Фактически эта политика США и ее нынешних союзников ведет к тому, чтобы России нечего было правопреемствовать, со всеми вытекающими последствиями.

В настоящее время, в век глобальных СМИ, демонизация какой-либо нации, общественного строя и даже в целом государства — дело весьма отработанное и эффективное. Это тоже война, но без танков и самолетов. Вспомним недавнюю демонизацию сербов. Против них настроили всю Европу и США — косовские албанцы с автоматами в руках были представлены «бедными и угнетенными». Трезвые голоса, в том числе и из России, тонули в потоке специально нагнетаемой ненависти к сербам, на чьи головы в течение трех месяцев сыпались бомбы и ракеты НАТО. Восемнадцать стран дружно и верноподданнически

ки выполняли указание своего могущественного «хозяина» — США. Что произошло потом — всем известно: «бедные и угнетенные» явили сегодня миру свое истинное лицо угнетателей, разрушителей и убийц косовских сербов.

Особенно показательна антисоветская и антироссийская позиция трех прибалтийских государств — Эстонии, Латвии и Литвы. Такие антироссийские настроения культивируются там уже на протяжении полутора десятков лет. Например, сравнительно недавно Сейм Латвийской республики проголосовал за «Декларацию об оккупации». Этот документ не только искажает историю, но и оскорбляет память советских людей, отдавших свои жизни в борьбе против фашизма. Декларация объявила «оккупантами» и сотни тысяч русских и русскоязычных жителей Латвии. Остальные республики Прибалтики взяли на вооружение этот термин и всячески использовали и используют в своих политических целях против России.

В канун празднования 60-летия Победы Президент России В. Путин пригласил руководителей многих стран в Москву принять участие в торжестве. Это приглашение было естественным шагом к тому, чтобы лидеры стран-победителей и народов, пострадавших в войне, встретились через 60 лет после ее окончания и еще раз подтвердили свое единство перед лицом Истории. Практически это был форум Памяти.

Приглашение было направлено и руководителям трех прибалтийских стран. В Риге, Вильнюсе, Таллине начались метания, заявления о нецелесообразности поездки в Москву на празднование юбилея. Из этого можно было сделать далеко идущие выводы: не едут отмечать день Победы над гитлеровской Германией — следовательно, они до сих пор на стороне агрессора и не согласны с решениями Нюрнберга, тем более что в государствах Прибалтики в настоящее время весьма активно идет процесс героизации СС.

Следует особо сказать о позиции президента Латвии Вике-Фрейберги. По поводу своего участия в этом торжестве она заявила, что «эта дата — не только день победы над фашизмом, она означает и потерю независимости для всех трех стран Балтии». По ее мнению, Вторая мировая война закончилась для Прибалтики лишь с разрушением СССР и получением независимости. До этого же момента все три прибалтийские страны были оккупированы советскими войсками. Президент Латвии также посчитала, что всех ее соотечественников, принимавших участие в войне на стороне Германии, нужно реабилитировать посмертно, так как «эти люди лишь отстаивали независимость своей страны от советских захватчиков».

Надо отдать должное Министерству иностранных дел России, которое быстро отреагировало на это циничное заявление: «Выдвигаемый Ригой тезис о равной ответственности Советского Союза и гитлеровской Германии за мировую трагедию 1941—1945 годов иначе как абсурдным назвать невозможно. Ответственным историкам как минимум известно, что начало перекройке карты Европы было положено аншлюсом Австрии и небезызвестным “Мюнхенским сговором” западных держав с Гитлером». МИД России «не усматривает ни исторических, ни международно-правовых оснований у продвигаемой латвийским руководителем концепции “оккупации” стран Балтии Советским Союзом в 1940 году».

Президента Латвии обуревала мысль — сорвать майские праздники в Москве. В январе того же года она заслала депешу президенту Чехии Вацлаву Клаусу с призывом отказаться от участия в праздновании 60-летия Победы. Можно предположить, что такие же послания из Риги ушли и другим адресатам, но там руководители оказались более благоразумными.

В конечном итоге, оскорбив ветеранов Отечественной: «9 мая — это когда собираются русские, пьют водку, едят обеду и поют частушки», — она все же соизволила приехать в Москву. Два других прибалтийских президента, В. Адамкус и А. Рюйтель, еще в марте 2005 года объявили о своем отказе участвовать в празднествах Победы в Москве.

Первый из них, Президент Литвы, выступая в Вильнюсе, чудовищным образом отождествил фашистских агрессоров и советских солдат-освободителей, германскую оккупацию и решение литовского народа присоединиться к Советскому Союзу с целью избежать участи оккупированных войсками Гитлера Австрии, Чехословакии, Польши, Бельгии, Голландии, Франции и т.д. Приравняв нацистов, массово уничтожавших людей во исполнение своих бредовых теорий о верховенстве арийцев, к тем, кто освобождал Советскую Литву, кто вел борьбу с националистическим подпольем и недобитками фашистов, он совершил кощунственное надругательство над памятью погибших — литовцев, русских, евреев, поляков, белорусов, принявших Советскую власть.

Подобный акт публичного оскорбления русского народа и унижения руководства современной России, которое в лице президента В. Путина пригласило лидеров многих стран на празднование юбилея Великой Победы, равнозначен объявлению психологической войны. Она не предполагает наличия аргументов и фактов, которые используют умные люди в их вечном поиске истин, и не ориентируется

на честную борьбу мнений, где нужны для начала хотя бы какие-то нравственные критерии. Нет, России, ее гражданам пытаются сегодня навязать такую войну, которая ведется с помощью самых низменных, гнусных и абсолютно безнравственных способов, шаманских заклинаний и приемов зомбирования населения.

Печально, что в начале XXI века у нынешних вождей литовцев, эстонцев и литовцев прорезались такие атавизмы первобытного мировосприятия. Бесплезно говорить что-либо тем, у кого отсутствуют всяческие умственные и нравственные критерии, так необходимые цивилизованным людям.

В свое время в популярной литовской газете была опубликована биография В. Адамкуса: «10 июля 1944 года его семья собралась выезжать в Германию. Вальдас, которому не было еще и 18 лет, отказался: он уже видел себя в рядах резистентов тех, кто помогал гитлеровцам сдерживать наступление Красной Армии. Лишь хитростью удалось усадить его в поезд. Проведя несколько недель в лагере для беженцев под Вроцлавом, Адамкус добрался до Восточной Пруссии, а оттуда до Жямайтии, где записался в воинское подразделение... Перебравшись из Восточной Пруссии в Литву, он вступил во 2-й литовский полк». Вот что он дальше пишет: «Я был в Седе. В город, сминая все на своем пути, вошли русские танки и по нам открыли огонь. Пришлось спасаться бегством». Добравшись до Мемеля (Клайпеды), он примостился под танком в немецком военном эшелоне и снова оказался в Германии.

Затем жизнь и учеба в Германии. С 1949 года жил в США, где работал и учился. Во времена перестройки сначала посетил Вильнюс — пригляделся, потом вернулся в Литву, получил литовское гражданство. В 1998 году, сдав после выборов свой американский паспорт в посольство США в Вильнюсе (видимо, на хранение), принес присягу в качестве президента Литовской республики.

Военная биография Адамкуса во время Второй мировой войны, его участие в операциях на стороне гитлеровцев заставляют тщательно проанализировать тревожные факты, которые стали известны в последние годы. Во время президентской кампании в Литве семь ультраправых партий, поддерживающих Адамкуса, потребовали от него публично заявить о территориальных претензиях всем соседям. После его победы на выборах они выступили с инициативой созыва международной конференции по «определению статуса» Калининградской области.

Еще в начале 90-х годов официальный Вильнюс заявил, что «однажды Калининградская область станет частью Литвы». Тогдашние радикальные национал-сепаратисты во главе с Ландсбергисом пред-

ставили правительству меморандум о путях ее «интегрирования». А оказавшись с визитом в США, Ландсбергис публично называл Калининградскую область не иначе как «Малой Литвой». Сегодня активность, с которой представители лагеря Адамкуса обсуждают идею демилитаризации и интернационализации Калининградской области, не может не настораживать Россию.

Президент Адамкус заявил, что «останется праздновать с нацией» победу. Не следует сомневаться, какую победу он будет отмечать. И не случайно, что его ни разу не видели до этого на могилах советских воинов-освободителей. 8 мая 2005 года он впервые посетил могилы советских воинов-освободителей на Антокольском кладбище Вильнюса и возложил цветы. Любопытная деталь: когда он выходил из ворот кладбища, мимо него на мотоциклах промчались несколько человек в форме и касках солдат вермахта — вот такая своеобразная произошла демонстрация. Интересно, о чем думал Адамкус, бывший солдат вермахта? Наверное, что надо быстрее ехать на могилу своих бывших сослуживцев. Лицемерное поведение литовского президента у могил советских солдат длилось недолго, поскольку сразу после этого он действительно направился возлагать цветы на могилу фашистских приспешников.

Почти 60 процентов граждан Литовской республики, среди которых немало ветеранов, борцов за освобождение советской Литвы от немецких нацистов и их прихвостней, не одобрили безнравственной, вызывающее чувство моральной брезгливости позиции главы своего государства. Но литовские СМИ всячески поддержали «независимую позицию литовского президента».

Дело, однако, не в нравственной или «независимой» позиции литовского и прочих прибалтийских президентов, а в политической позиции той страны, которую они фактически представляют. Президент Адамкус стал рупором «имперской американской» политики. Не случайно именно в Вильнюсе в ноябре 2003 года президент Дж. Буш высказал весьма важную мысль: «Не будет больше ни Мюнхена, ни Ялты». Напомним: в Мюнхене осенью 1938 года так называемый цивилизованный Запад заключил пакт с Гитлером, пытаясь натравить нацистов на СССР и другие славянские народы Европы с целью их полного порабощения. А в Ялте СССР, США и Англия договорились о послевоенном устройстве планеты. Смешивая Мюнхен и Ялту, американский президент тоже поставил вровень фашистские страны и членов антигитлеровской коалиции.

Учитывая создавшееся в канун празднования 60-летия Великой Победы положение с муссируемым прибалтийскими националистами

ми тезисом об «оккупации» Советским Союзом «стран Балтии», политическое руководство Российской Федерации, начиная с президента страны, заявило, что никакой «оккупации» прибалтийских стран — Литвы, Латвии и Эстонии — с точки зрения международного права никогда не было.

Подтверждением этому являются следующие факты: каждое из названных прибалтийских государств было общепризнанным членом международного сообщества — Лиги Наций. Каждое из них самостоятельно, на законных основаниях принимало решение о вступлении в состав СССР на правах суверенной союзной республики. Никакие агрессивные военные действия со стороны СССР против этих суверенных государств ни в 1939 году, ни позднее не велись. В результате страны антигитлеровской коалиции — СССР, США и Великобритания — на Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференциях полностью договорились о послевоенном обустройстве Европы, о государственных территориях на континенте, в том числе и о западных границах СССР. Хельсинкский акт 1975 года подтвердил незыблемость границ тогдашних европейских государств, тем самым признавая законность нахождения в составе СССР и трех прибалтийских республик.

Казалось бы, все ясно. Приведенные исторические факты и политические обстоятельства раскрывают здравому политическому сознанию картину происходившего и не дают повода для каких-либо спекуляций. Однако, как мы видим, все совсем не так. Не будем считать, что у нынешних американских конгрессменов вдруг «поехала крыша» и они разволновались по поводу «оккупации» прибалтов.

Непризнание вхождения прибалтийских стран в состав СССР — дело отнюдь не новое. В Государственном департаменте США идеология «оккупации стран Прибалтики» в течение всего послевоенного периода оставалась средством политического давления на руководство СССР. Постоянная политическая, финансовая и в особенности пропагандистская поддержка прибалтийских националистов была одной из форм их деятельности, которая вела к социальной эрозии советского общества в этих республиках.

Однако и поныне лидеры прибалтийских государств пытаются задним числом пересмотреть их послевоенный статус. В этом им активно помогают американцы. Печальную известность получили заявления президента США Дж. Буша и вице-президента Д. Чейни, сделанные с годовым интервалом в Вильнюсе. Подсуетились и американские законодатели. В резолюции, принятой единогласно в Сенате, говорится: «Включение в 1940 году прибалтийских стран — Латвии, Лит-

вы и Эстонии — в состав СССР было актом агрессии, осуществленным против воли суверенных народов».

Соответственно, считают заокеанские сенаторы, «Правительство Российской Федерации должно сделать ясное и недвусмысленное заявление о признании и осуждении незаконной оккупации и аннексии Советским Союзом с 1940-го по 1991 годы прибалтийских стран — Эстонии, Латвии и Литвы». Только такое покаяние сможет, по их мнению, улучшить отношения между Россией и «странами Балтии», укрепить стабильность в регионе. Следует подчеркнуть, что проект резолюции Сената был подготовлен еще до юбилейных московских торжеств.

Показательно, что попутно американские законодатели осудили и официальный Вашингтон, то есть в каком-то смысле и самих себя. В резолюции говорится, что США признали «аннексию стран Балтии», которая принесла «неисчислимые страдания прибалтийским народам».

Именно такой путь — полного и многократного покаяния нынешнего руководства России — проповедовал Дж. Буш в речи, произнесенной им в Риге 7 мая, за два дня до своего участия в торжествах в Москве. Он не только призывал Москву осудить прошлую «аннексию стран Балтии», но даже вспомнил, что в США в свое время существовало рабство (извинился бы перед народами стран Африки, что ли!). Попутно, правда, американский президент весьма застенчиво дал понять принимавшим его латвийским руководителям, что им неплохо было бы подемократичней относиться к меньшинствам, читай — русским и русскоязычным.

В начале 2005 года в Европарламенте горячо обсуждали вопрос о запрете нацистской символики. Под шумок представители прибалтийских стран предложили обобщить все «тоталитарные символы», явно намекая и на советские. Но это было в прошлом году, а осенью 2006 года эстонским парламентом принят закон, приравнивающий советскую символику к нацистской. В соответствии с ним на всех памятниках, где есть эта символика, она будет уничтожена. Нарушителям устанавливается «эффективная» шкала штрафов и 3-летний срок тюремного заключения. Чем ответит на этот мерзкий шаг Россия?

Можно сколько угодно спекулировать на страхах перед «имперскими амбициями» Москвы. Но ведь на самом-то деле это нам, русским и россиянам, должно становиться жутковато от русофобства наших теперешних западных соседей. Но ведь от самого человеконенавистнического режима в истории человечества именно мы спасли прибалтийские государства. Именно мы водрузили над поверженным рейхстагом красное знамя, которое столь ненавистно нынешним при-

балтийским депутатам. Так, может, Победа над нацизмом их соотечественникам была и не нужна?

В конце 2004 года сто европарламентариев в открытом письме подвергли критике планы России по празднованию Дня Победы во Второй мировой войне. Политики посчитали подобный праздник одобрением «советской оккупации» и «преступлений тоталитарного коммунизма». В письме также утверждалось, что Россия продолжает уклоняться от признания ответственности «за преступления, совершенные Советским Союзом против человечности в соседних странах».

Поводом для такого письма стало раздражение, вызванное в Европарламенте тем, что Президент России В. Путин пригласил глав государств — членов Европейского союза отпраздновать День Победы 9 мая 2005 года в Москве, в тот же день, когда в ЕС празднуют День Европы. В этом документе еще раз было подчеркнуто, что прибытие за «железный занавес» руководителей стран — членов ЕС, чтобы почтить своим присутствием этот праздник, является оскорблением для народов Прибалтики.

Авторами этого открытого письма являются четверо европарламентариев: британец К. Бизли, эстонец Т. Келам, латыш А. Кускис, а также бывший руководитель литовского парламента В. Ландсбергис. То, что в этой компании — троица прибалтийских депутатов, никакого удивления не вызывает. Но как затесался туда британец, представитель страны-союзницы во Второй мировой войне против гитлеровской Германии? Это интересный вопрос.

Чтобы иметь истинное представление об этом антироссийском письме, я позволю себе привести небольшую выдержку из него:

«Хотим выразить главам государств и их жителям свою серьезную обеспокоенность и просим их принять во внимание истинные цели мероприятия, планируемого Путиным 9 мая. Мы должны учитывать современную внутреннюю и внешнюю политику Российской Федерации. Считаем необходимым напомнить о трагической истории стран Балтии и других стран Центральной и Восточной Европы в 1939—1991 годах...

Российская Федерация является законным преемником Советского Союза, но она продолжает уклоняться от признания ответственности за преступления, совершенные Советским Союзом против человечности в соседних странах. Предложенное мероприятие на высоком уровне в Москве 9 мая 2005 года в свете истинной истории является не празднованием окончания Второй мировой войны, а, скорее, одобрением советской оккупации и преступлений тоталитарного коммунизма».

Разнузданная кампания по признанию мировым сообществом «оккупации» прибалтийских республик в 1940—1945 годах перешла в следующую стадию — предъявление к России как правопреемнице СССР претензий относительно финансовой компенсации за «пятидесятилетнюю оккупацию».

Прошло всего несколько дней после торжеств в Москве, как Сейм Латвии приступил к рассмотрению требования к Российской Федерации. В принятой декларации Сейм призвал Россию признать «оккупацию Латвии» и учесть вытекающие из этого правовые и политические последствия. Сейм хотел бы, чтобы Москва признала свою моральную, правовую и финансовую ответственность «за совершенные ею преступления и ущерб, причиненный латвийскому населению». Латвийский парламент призывал возместить этот ущерб в соответствии с принципами международного права. По заявлению авторов документа, сумма, которую намечается истребовать у России, колеблется от 60 до 100 млрд долларов.

Еще ранее, в июне 2000 года, Сейм Литовской республики принял закон о возмещении ущерба от оккупации СССР. Закон предусматривает предъявление материальных претензий к Российской Федерации за ущерб, якобы причиненный Литве Советским Союзом с 1940-го по 1990 год. Правительственная комиссия вынесла свой вердикт — ущерб составляет свыше 276 млрд долларов США. Потом, правда, решили удовольствоваться 20 млрд. Судя по разъяснениям заместителя министра, члена комиссии, в эту сумму входит урон, понесенный погибшими людьми, вынужденными эмигрантами, сосланными, призванными на службу в Советскую Армию, работавшими на ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Учитывался ущерб, причиненный общественным организациям, правовой и финансовой системе, а также экологии. Эти курьезные игры с нулями (согласитесь — 20 млрд и 200, тем более 276 — большая разница) нагляднее любых аргументов свидетельствуют о произвольности литовских претензий к России.

Около двух лет назад Президент Литвы Адамкус в интервью центральной российской газете полностью подтвердил свое положительное отношение к закону о возмещении ущерба за «оккупацию». Те же штампы, те же доводы: мы, мол, не входили в СССР и мировое сообщество не признавало вхождения Литвы в состав Советского Союза и т.д. А то, что весь мир, все международные институты, в том числе и ООН, признавали СССР в границах 1945 года и Хельсинкские соглашения подтвердили это, для господина Адамкуса и его страны не имеет никакого значения. Он, как примерный

ученик, повторяет то, что ему велят политики со второй его родины — США.

Дотошные литовские «эксперты», увлекшись, подсчитали даже размер компенсации за ... «потерю Литвой доходов, которые могли бы быть в результате экономической деятельности». Но те же «эксперты» забыли подсчитать, сколько городов и сел и на какую сумму построил в послевоенные годы Советский Союз в Литве, сколько заводов и фабрик, автомагистралей и аэродромов, домов отдыха и прочих объектов, работающих и поныне.

Не могли остаться в стороне от этой проблемы «друзья» нынешних литовских руководителей из Соединенных Штатов Америки. Американский конгресс летом 2005 года, в канун 65-й годовщины восстановления Советской власти в Литве и добровольного вступления Литовской Советской Социалистической Республики в состав СССР, принял резолюцию об «оккупации» ее и других прибалтийских стран. Спикер литовского Сейма А. Пауласкас направил благодарственное письмо своим американским коллегам за такую оценку исторических событий, которые нынче приобрели весьма конкретное денежное выражение.

Из этого видно, как растут аппетиты, а также и желание потратить своим новым хозяевам из-за океана, погрязшим в войнах в Ираке и Афганистане. Западные страны под диктовку США, безусловно, попытаются «понять исторические обиды прибалтов», закрыть глаза на их «болезнь роста». Но на самом деле это просто реваншизм, и ему надо жестко противостоять.

После многолетнего нагнетания руководителями прибалтийских республик вопроса «оккупации», принятия многочисленных законов, деклараций, заявлений, официальных речей западных лидеров следует все-таки вспомнить историю вхождения Литвы, Эстонии и Латвии в состав Советского Союза.

Слово «оккупация» не является изобретением и детищем нынешних прибалтийских политиков, которое они могут трактовать, как им вздумается. Это не произвольный термин. Еще 18 октября 1907 года на IV Гаагской конференции был принят международный правовой акт, определяющий понятие «оккупация» как следствие агрессивных военных действий на территории чужого государства, «О военной власти на территории неприятеля», который был дополнен Женевской конвенцией от 12 августа 1949 года. В том акте, помимо прочего, говорится, что оккупация возможна также в послевоенное время с целью достижения условий капитуляции, сохранения мира средствами,

предусмотренными международным правом.

Каких-либо военных действий против литовского государства СССР никогда не вел. Следовательно, определение «оккупация» в отношении присутствия частей Красной Армии на территории Литовской Республики до июля 1940 года, а затем на территории Литовской ССР до начала Великой Отечественной войны и после ее окончания, до 1991 года, юридически абсолютно ничем не обосновано. Ввод частей Красной Армии в Литовскую республику в середине октября 1939 года и вывод советских войск из современной Литовской республики были осуществлены на основании соответствующих двусторонних межгосударственных договоренностей между Литвой и СССР, не содержавших никаких определений, которые констатировали бы оккупационный статус Советской Армии подобно, скажем, тому, как это было на территории Германии после разгрома вермахта и капитуляции Третьего рейха.

Понятие «аннексия» (присоединение), которое в последнее время все чаще звучит в прибалтийских СМИ, также неуместно для определения того, что произошло здесь в 1940 году, поскольку силового присоединения территории другого государства к территории СССР не было.

На следующее утро после бегства 15 июня 1940 года Президента Литовской республики А. Сметоны (кстати, не куда-нибудь, а в Германию) телеграфное агентство ЭЛТА передало сообщение, в котором, кроме прочего, сообщалось, что «по сложившимся обстоятельствам правительство считает его (президента А. Сметону) ушедшим в отставку с поста президента», в связи с чем функции президента страны, в соответствии с Конституцией Литовской республики, принял премьер-министр А. Мяркис.

17 июня 1940 года А. Мяркис на основании Конституции Литвы поручил Юстасу Палецкису сформировать ее правительство. Вслед за этим Ю. Палецкис предъявил А. Мяркису состав так называемого Народного правительства. Сразу после утверждения состава нового правительства и передачи Ю. Палецкису властных полномочий А. Мяркис подал в отставку. Ю. Палецкис принял на себя обязанности Президента Литовской республики, поручив известному литовскому писателю, профессору Каунасского университета Винцасу Креве-Мицкявичюсу замещать его на посту премьера.

Западные государства июньские события в Литовской республике восприняли нормально. Руководители дипломатических представительств зарубежных стран, которые располагались в Каунасе, 21 июня 1940 года нанесли визит исполняющему обязанности пре-

мьер-министра, министру иностранных дел Литвы В. Креве-Мицкявичюсу. Факт посещения и представления руководителю нового временного литовского правительства глав иностранных дипломатических миссий, бесспорно, являлся актом международного признания Народного правительства литовского государства. Креве-Мицкявичюса посетили: глава дипломатического корпуса в Каунасе — папский нунций из Ватикана; послы Германии, Франции, США, Италии, Великобритании, полномочные представители Швеции, Дании и СССР.

14—15 июля 1940 года состоялись выборы в Народный сейм Литовской республики. В результате были избраны 79 депутатов. 21 июля 1940 года в Каунасе начал свою работу представительный орган граждан литовского государства — Народный сейм. Решением его депутатов была провозглашена Литовская Советская Социалистическая Республика. Тем самым советский строй был установлен демократически избранным литовским парламентом. Депутаты Сейма приняли Декларацию о вступлении Литовской ССР в состав СССР и другие законы — о национализации земли, банков, крупных промышленных предприятий и т.д.

На основании решения Народного сейма Литовской ССР во время заседания 7-й сессии Верховного Совета СССР 3 августа 1940 года, был принят закон о вхождении Литовской Советской Социалистической Республики в состав СССР. Для этого в Москву выезжала полномочная делегация от правительства Литовской ССР. Данное решение нашло затем свое отражение в статьях Конституций СССР и Литовской ССР. Этот же закон позволил принять предложения Белоруссии о передаче Литовской ССР некоторых белорусских территорий, где литовское население было более многочисленным, чем белорусское.

Аналогичные процессы в течение июля и августа 1940 года происходили в остальных прибалтийских республиках. Вкратце напомним о них.

20 июня 1940 года было сформировано новое Народное правительство Латвийской Республики во главе с А.М. Кирхенштейном. Оно объявило себя правительством Пролетарского единого фронта, или Антифашистского фронта. Выборы в Народный сейм Латвии состоялись 14—15 июля 1940 года. 21 июля 1940 года Народный сейм в Риге провозгласил восстановление Советской власти в Латвии и объявил об образовании Латвийской Советской Социалистической Республики. Было принято решение обратиться с просьбой о принятии Латвийского государства в состав СССР.

5 августа 1940 года на заседании обеих палат Верховного Совета СССР было принято решение о принятии Латвийской ССР в состав СССР в статусе союзной республики.

Накануне и в период начала Второй мировой войны буржуазные власти Эстонской республики вынуждены были пойти на соглашение с СССР. 28 сентября 1939 года был подписан Пакт о взаимной помощи, согласно которому, предусматривалось размещение на эстонской территории ограниченного контингента частей Красной Армии. В своей ноте от 16 июня 1940 года правительство СССР предложило эстонской стороне строго соблюдать Пакт о взаимопомощи. Для обеспечения выполнения договора с согласия эстонского правительства на территорию страны вступили дополнительные части Красной Армии.

Весьма важным для понимания происходивших в Прибалтике серьезных политических процессов, которые резко меняли военно-стратегическую обстановку, явилось то, что ситуация в Европе в середине июня 1940 года резко изменилась. Заняв Париж, Гитлер практически завершил оккупацию Франции и всей континентальной Европы. Теперь вся мощь европейской индустрии работала на оружие вермахта. Через год, как известно, оно ударило своей накопленной огромной силой по СССР.

21 июня 1940 года под руководством Коммунистической партии Эстонии прошли политические выступления рабочих в Таллине, Тарту, Нарве и других городах. В этот же день было сформировано Народное правительство во главе с Й. Варесом. На состоявшихся 14—15 июля 1940 года выборах в Государственную думу победили представители «Союза трудового народа Эстонии» — единого избирательного блока, созданного по инициативе Компартии Эстонии. 21 июля 1940 года Государственная дума приняла Декларацию о восстановлении Советской власти и провозгласила эстонское государство Эстонской Советской Социалистической Республикой. 22 июля 1940 года было принято решение о вступлении Эстонской ССР в состав СССР, а также о национализации банков и крупных промышленных предприятий.

6 августа 1940 года Верховный Совет СССР удовлетворил просьбу о вступлении Эстонской ССР в состав СССР на правах союзной республики. 25 августа 1940 года была принята Конституция Эстонской ССР. Во главе первого Эстонского советского правительства встал Й. Лауристин. В стране начались социалистические преобразования общества, экономики и культуры.

Вхождение прибалтийских государств в СССР не встретило в мире осуждения. Наиболее объективную оценку произошедшему дала в июле 1940 года лондонская «Таймс»: «Единодушное решение о присоединении к Советской России отражает... не давление со стороны Москвы, а искреннее признание того, что такой выход является лучшей альтернативой, чем включение в новую, нацистскую Европу».

Действительно, включение в нацистскую Европу принесло бы прибалтийским народам потерю государственности и низвержение их населения до положения слуг у немецких хозяев, и это прекрасно понимали люди, которые жили в тех реальных политических условиях 1930-х годов.

Нынешние власти трех прибалтийских государств, как уже было сказано, в лучшем случае отождествляют их «оккупацию» Советским Союзом с действиями фашистской Германии во время Второй мировой войны. Некоторые же политические и общественные деятели этих республик идут еще дальше: была, оказывается, только советская «оккупация», а гитлеровская Германия освободила от нее прибалтийские республики.

Ну что ж, приведем факты, особенно для тех прибалтийских политиков, которые полагают, что уж население-то их республики было бы обласкано нацистской верхушкой.

Фашистская Германия, как известно, имела четко сформулированную расовую теорию и принципы построения и управления оккупированных ею территорий. В мае 1940 года, т.е. еще за год до нападения на Советский Союз, рейхсфюрер СС Гиммлер издал документ об обращении с местным населением восточных областей, а в них непременно включались и прибалтийские республики:

«...Мы заинтересованы в том, чтобы ни в коем случае не объединять народы восточных областей, а наоборот, дробить их на возможные более мелкие ветви и группы. Что же касается отдельных народностей, мы не намерены стремиться к их сплочению... тем более к постепенному привитию им национального сознания и национальной культуры...»

«Доктрина» Гиммлера находила практическое осуществление на многих оккупированных Германией территориях. Например, латыши должны были быть разделены на земгалцев, курземцев (Курляндия), латгалцев и т.д. Дробление производилось по принципам расовой, родовой, племенной и этнической принадлежности, т.е. в том числе и «чистоты крови». Каждый должен был стремиться попасть в более «полноценную расовую группу». От этого зависело социальное положение, а иногда и само выживание.

Дробление на множество мелких этнических групп было выгодно немецким хозяевам, ведь удобней иметь дело с кучкой марионеточных властей, чем с морально сплоченным народом. В ряде немецких директив откровенно планировалась германизация населения Прибалтики. Но в августе 1942 года в статье того же Гиммлера отмечалось, что германизации подлежало не столько население, сколько территория:

«Наша задача — не германизация Востока в старом смысле слова, не обучение местного населения немецкому языку и немецким законам. Наша задача — обеспечить, чтобы на Востоке жили только люди действительно немецкой, германской крови...»

Для прояснения сознания современных гитлеровских поклонников из прибалтийских республик приведу еще небольшую выдержку из недавно вышедшей в свет книги историка М.Ю. Крысина «Прибалтика между Сталиным и Гитлером». По мнению рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера, «...только ничтожная часть латышей, эстонцев и литовцев является достойной стать германскими гражданами». Согласно показаниям фюрера СС и полиции в Прибалтике Ф. Йеккельна, «Гиммлер хотел в течение ближайших пяти лет уничтожить и выселить большую часть населения Прибалтики, и на их место поселить немцев». «Напутствуя меня, — сообщил Йеккельн, — Гиммлер говорил буквально следующее: “Остланд”, то есть Литва, Латвия и Эстония, являются древними областями поселения немцев». По свидетельству Йеккельна, «Гиммлер особо подчеркивал свою ненависть к литовцам, считая их низшей расой. О латышах он отзывался несколько мягче, но и к ним высказывал свое пренебрежение...». Он считал возможным онемечивание латышей максимум на 30 %. «Эстонцев Гиммлер относил также к низшей расе, — сообщает далее Йеккельн, — особенно проживающих в сторону Балтийского моря. Белорусов Гиммлер называл недочеловеками. А о русских вообще говорил, что это якобы отсталая, некультурная, не способная руководить государством нация».

17 июля 1941 года на захваченных землях Прибалтики и Белоруссии был создан рейхскомиссариат «Остланд», который включал в себя территории Литвы, Латвии, Эстонии и Белоруссии. Белоруссия входила в состав рейхскомиссариата до апреля 1943 года, когда ее решили передать в непосредственное подчинение имперского Министерства по делам оккупированных восточных территорий. Рейхскомиссаром «Остланда» был назначен гауляйтер Лозе, подчинявшийся напрямую Розенбергу.

Гражданская администрация, имевшая в сентябре 1941 года резиденцию в Риге, занималась всеми вопросами, касающимися управле-

ния землями на захваченных территориях, их экономической эксплуатации, мобилизацией рабочей силы и военных ресурсов, деятельности политической администрации, в функции которой входило осуществление всех карательных акций для успешного проведения оккупационной политики.

Несмотря на все это, в конце 80-х — начале 90-х годов миф о «борьбе за независимость», которую вели литовцы, эстонцы и латыши под знаменем Третьего рейха против большевизма, стал господствующей идеологией в республиках Прибалтики. История показывает, что национально-освободительные лозунги борцов за «независимость» предназначались лишь для простого народа. В действительности за ними скрывалась борьба правящей верхушки за власть и привилегии при германском «новом порядке». Гитлеровская Германия и не думала предоставлять прибалтийским республикам суверенитет, и это хорошо понимали марионеточные правящие круги Прибалтики, когда просили принять их под протекторат Третьего рейха в обмен на «пушечное мясо» простых литовцев, эстонцев и латышей.

Но вернемся к усиленно муссируемому нынче вопросу о «советской оккупации» территорий прибалтийских государств.

После вхождения Литвы в состав СССР ее территория увеличилась за счет передачи части белорусских земель в районе населенных пунктов, носящих ныне следующие названия: Друскининкай, Марцинконис, Рудня; Шальчининкай, Девянишкес; Швенчёнис, Адутишкес, Твярячюс, Даугилишкес. Еще раньше Советский Союз преподнес Литовской республике существенный подарок — столицу исторической Литвы Вильнюс. Это произошло вследствие столь ненавистного нынешней литовской политической элите пакта Риббентропа—Молотова и последовавшего затем совместного советско-литовского документа о передаче Литовской республике города Вильнюса и Виленской области от 10 октября 1939 года. А ведь за полтора года до этого, в марте 1938 года, руководство Литовской республики публично отказалось от всяких претензий на Вильнюс и прилегающие территории.

Особо следует остановиться на проблеме города Клайпеды и Клайпедского края. История его уходит в XIII век, когда территория, получившая название Мемельский край, была заселена племенами пруссов, других прибалтийских племен, а также (в крупных поселениях) германскими рыцарями из католических монашеских орденов и ганзейскими торговцами. На протяжении своей почти 800-летней истории Мемельский край вплоть до окончания Первой мировой войны последовательно входил в состав Тевтонского орде-

на, Пруссии, Германской империи, но никогда не был под властью литовцев.

В 1919 году по Версальскому мирному договору территория Мемельского (Клайпедского) района была отторгнута от Германии и передана под управление Парижской мирной конференции — органа государств Антанты, уполномоченного разрешать политико-правовые вопросы, связанные с окончанием Первой мировой войны.

10 января 1923 года в этот регион были несанкционированно введены литовские военные формирования, переодетые в гражданское, и фактический контроль над ситуацией здесь перешел к Литовской республике. Антанта заявила протест против действий литовского правительства. Однако после получения согласия Каунаса вступить в переговоры с целью определения особого статуса Мемельского (Клайпедского) края ведущие страны Антанты одобрили включение этой территории в состав государства литовцев.

Переговоры завершились подписанием 8 мая 1924 года в Париже Конвенции о территории Мемеля. Конвенция установила достаточно широкую автономию Мемельского края, а также право Польши на свободу доступа и использования Мемельского морского порта.

В период литовского правления значительная часть населения края сохраняла прогерманскую культурную и политическую ориентацию. Прогерманские настроения особенно усилились во второй половине 1930-х годов параллельно росту влияния Германии на политическую ситуацию в Европе. Образованная после выборов в январе 1939 года новая Директория Клайпеды (Мемеля) начала активно готовить восстановление целостности этой области с Германией.

20 марта 1939 года Берлин предъявил Правительству Литовской республики ультиматум с требованием о возвращении Германии Клайпедского (Мемельского) края. Через два дня в германской столице литовский и немецкий министры иностранных дел Ю. Урбшис и И. Риббентроп подписали договор о передаче Мемельланда — Клайпедского края и города-порта Мемеля — Клайпеды Германии. Глубокой ночью 23 марта И. Риббентроп телеграфировал Гитлеру, что договор подписан: литовцы вернули Германии часть территории Восточной Пруссии.

В самый разгар Второй мировой войны, 1 декабря 1943 года, на встрече глав правительств СССР, Великобритании и США в Тегеране руководитель советской делегации И. Сталин поставил следующий вопрос:

«Русские не имеют незамерзающих портов на Балтийском море. Поэтому русским нужны были бы незамерзающие порты Кенигсберг

и Мемель и соответствующая часть территории Восточной Пруссии. Тем более что исторически это исконно славянские земли. Если англичане согласны на передачу нам указанной территории, то мы будем согласны с формулой, предложенной Черчиллем».

Черчилль отметил, что это очень интересное предложение, которое будет обязательно изучено. Во время беседы глав правительств британский премьер-министр заявил, что «совершенно очевидным является тот факт, что Россия должна иметь выход в теплые моря». В своих военных мемуарах Черчилль указывает, что он всегда считал «неправильным положение, чреватое гибельными конфликтами, когда такой могущественный массив суши», как СССР, не имеет в зимние месяцы свободного доступа к океанским просторам.

Передача СССР части Восточной Пруссии отвечала также интересам ликвидации самого опасного очага германского милитаризма, за что ратовали в Тегеране как Рузвельт, так и Черчилль.

Англия и США, в принципе, согласились удовлетворить советское пожелание. В послании И. Сталину, полученном в Москве 27 февраля 1944 года, Черчилль указал, что передачу СССР Кенигсберга и прилегающей к нему территории английское правительство считает «справедливой претензией со стороны России... Земля этой части Восточной Пруссии обогрета русской кровью, щедро пролитой за общее дело... Поэтому... русские имеют историческую и хорошо обоснованную претензию на эту немецкую территорию».

Передача части Восточной Пруссии с городом Кенигсбергом и прилегающих к нему районов, а также Мемеля (Клайпеды) и Мемельского (Клайпедского) края Советскому Союзу была подтверждена в феврале 1945 года Крымской конференцией руководителей трех союзных держав — СССР, Великобритании и США.

Берлинская (Потсдамская) конференция глав трех держав антигитлеровской коалиции решением от 2 августа 1945 года определила новую линию прохождения прилегающей к Балтийскому морю части западной границы СССР, окончательно закрепив тем самым северную часть бывшей Восточной Пруссии и Мемельский (Клайпедский) край за Советским Союзом. С этого момента все правовые нормы, касающиеся рассматриваемой территории, стали объектом исключительно внутренней юрисдикции СССР.

За их освобождение от немецких фашистов погибли 140 тысяч советских солдат и офицеров. Сейчас, как ни странно, некоторые литовские националисты, в том числе и из руководства республики, считают эти территории «оккупированными» Советским Союзом!

7 апреля 1946 года Президиум Верховного Совета СССР издал Указ об образовании Кенигсбергской области в составе РСФСР. Документ гласил: «Образовать Кенигсбергскую область на территории города Кенигсберга и прилегающих к нему районов с центром в городе Кенигсберге. Включить Кенигсбергскую область в состав РСФСР». Из данной формулировки неясно, должен ли был в состав Кенигсбергской области РСФСР (переименованной 4 июля 1946 года в Калининградскую) войти и Клайпедский район. Вообще отсутствие какой-либо расшифровки понятия «прилегающие районы» в тексте подобного акта крайне необычно для нормотворческой практики. Но такова, бесспорно, была воля победителя — генералиссимуса Сталина.

В мае 1950 года Президиумом Верховного Совета СССР принят Указ, в соответствии с которым в составе Литовской ССР образован ряд областей, в том числе — Клайпедская область. Вместе с тем каких-либо нормативно-правовых актов, санкционирующих собственно передачу Клайпеды и прилегающего района в состав Литовской ССР, органами власти Союза ССР в тот момент не принималось. И, наконец, в мае 1953 года Указом Президиума ВС СССР была упразднена Клайпедская область и эта территория была переподчинена республиканским органам Литовской ССР.

Подытоживая, особенно подчеркну: осенью 1991 года, выходя из под «оккупации» СССР, Литва прихватила с собой территорию, почти на одну треть превосходившую ту, которой она обладала в начале Второй мировой войны.

После уничтожения СССР российские власти обратились к литовцам с предложением подписать договор о границе. Депутаты Государственной думы понимали, что подписание пограничного договора приведет к утрате Мемельского (Клайпедского) края, отошедшего к СССР по итогам Второй мировой войны, а также возникнут большие транспортные проблемы с Калининградской областью. Кроме того, против подписания указанного договора выступали ее население и руководство области, а также некоторые правительственные ведомства Российской Федерации.

С учетом этих обстоятельств группа депутатов подготовила обращение Государственной думы к Президенту России Б. Ельцину.

В обращении говорилось: по сообщениям печати, в октябре 1997 года должен состояться официальный визит в Москву Президента Литовской республики А. Бразаускаса, в ходе которого предполагается подписать российско-литовский пограничный договор. Подписание указанного документа будет означать окончательную утрату Россией юридических прав на Мемельский (Клайпедский) край.

Власти Литовской республики не признают вхождения Литвы в состав СССР 3 августа 1940 года и отрицают юридическую силу всех актов, принятых в СССР в отношении Литвы после этой даты. Следовательно, нынешние границы между Российской Федерацией и Литовской республикой, соответствующие административным границам между РСФСР и Литовской ССР, имеют временный характер. Известный литовский политик А. Бразаускас в интервью литовскому телевидению однажды признал: «После войны нет официальных документов о присоединении Клайпедского края к территории Литвы...»

Заключение договора о государственной границе с Литовской республикой, указывается в обращении, на основе предлагаемого проекта приведет также к ухудшению положения Калининградской области, не связанной сухопутным коридором с территорией России, особенно в случае вступления Польши и Литвы в НАТО.

Некоторые известные литовские политики продолжали и продолжают открыто претендовать на Калининград. Председатель Сейма Литвы В. Ландсбергис в ходе визита в США сделал очередное заявление о том, что Калининградская область является какой-то «Малой Литвой» («Караляучюсом»). В свое время Ельцину напомнили, что отказ от прав на Клайпеду может вызвать в обществе обвинения в адрес российского руководства в раздаче земель.

Депутаты Госдумы также подчеркивали, что отнюдь не все так просто в Литовской республике и с положением наших соотечественников. Хотя там не столь острая ситуация, как в Латвии и Эстонии, но дискриминация русского населения сохраняется, и прежде всего в вопросах политических прав, трудоустройства, образования всех уровней на русском языке. В Вильнюсе всюду раскручиваются политические судебные процессы против российских граждан.

В момент принятия обращения Государственной думы литовское руководство энергично и откровенно стремилось в НАТО. При содействии США в Вильнюсе был создан Центр контроля за воздушным пространством, который соответствует стандартам НАТО и который создает реальные предпосылки для использования ВВС НАТО бывших советских военных аэродромов на территории Литовской ССР.

И вот в этой-то ситуации Россия сделала Литве «царский подарок» — оставила за ней порт Клайпеду, который вполне годится для использования военно-морскими силами НАТО против России.

В обращении депутатов Госдумы высказывались большая тревога и озабоченность таким шагом руководства страны:

«У Государственной думы есть основания предполагать, что подписание договора о границе президентами России и Литвы будет расценено как снятие одного из последних препятствий на пути вступления Литвы в НАТО».

В обращении было отмечено, что Литва активно стремится к заключению договора о границах, но избегает обсуждения договора о транзите российских пассажиров, включая военнослужащих, и грузов в Калининград. Эти два вопроса, несомненно, должны быть увязаны в один пакет. России нужен такой же весомый и широкомасштабный договор, как тот, который обеспечивал транзит трех держав в Западный Берлин. Предметом обсуждения могло бы стать и получение в порту Клайпеда свободной зоны для России. Сейчас мы платим за транзит через Литву около 700 миллионов долларов в год. Возможны и другие варианты конструктивного решения этой проблемы, обеспечивающего защиту национальных интересов России.

В конце этого документа подчеркивалось, что «Государственная дума считает, что в нынешней ситуации нет никакой практической необходимости спешить с подписанием спорного договора о границе с Литвой. По-видимому, парламент и исполнительная власть могли бы выработать в этом вопросе единую позицию, отвечающую государственным интересам нашей страны.

Привлекая внимание Президента России к тому факту, что вполне разумное в иных обстоятельствах стремление к урегулированию отношений с Литвой может обернуться крупными политическими издержками, Государственная дума выражает надежду на взвешенный подход исполнительной власти к этой проблеме, столь весомо затрагивающей долгосрочные национальные интересы России».

Вот такое обращение к президенту страны было принято Государственной думой. Несколько дней спустя в еженедельном выступлении по радио (такая недолгая практика существовала в то время) Ельцин изрек, говоря о предстоящем визите руководства Литвы в Москву: «Некоторые депутаты, понимаешь, требуют, чтобы мы не подписывали договор с Литвой!» Далее шли нехорошие слова в адрес Думы и авторов обращения.

Прошли годы, и все наши тревоги полностью подтвердились. Договор был подписан — а другого трудно было и ожидать. Ведь Ельцин был крестным отцом националистических, сепаратистских сил, стремившихся выйти из состава СССР, и «повивальной бабкой» решения соглашавшегося с этим нелегитимного Госсовета от 6 сентября 1991 года.

Договор, в котором были зафиксированы такие положения, при политическом раскладе в российском парламенте тех лет практически не мог быть ратифицирован. Обращение Госдумы к Ельцину, о котором шла речь выше, поддержали большинство парламентариев. Поэтому можно предположить, какая участь ожидала ратификацию. Руководители страны — президент и правительство — прекрасно знали об этом.

Договор был ратифицирован только в 2003 году, когда в Государственной думе резко ослабили позиции левых сил, которые всегда выступали против его ратификации. Проправительственное большинство парламента сказало дружное «да!». Опасения же по поводу вступления в НАТО и предоставления этому альянсу советских баз полностью подтвердились.

В ноябре 1966 года практически был полностью согласован и парафирован Договор о сухопутной и морской границе с Эстонской республикой. Таллин за эти годы был бы не прочь внести в него изменения с целью возвращения территорий, некогда принадлежавших Эстонии, а в советское время перешедших в состав Ленинградской и Псковской областей. Но эти пожелания никогда не выливались в форму ультиматума. Получится вернуть — хорошо, не получится — куда важнее урегулировать вопрос о границе с большим соседом на востоке.

В свою очередь, у России список претензий к политикам Эстонской республики был внушительный. Москва была недовольна положением русских и русскоязычного населения Эстонии и более чем терпимым отношением властей к бывшим «лесным братьям». Кремль раздражало постоянное требование Таллина признать факт советской оккупации Прибалтики. Разумеется, причиной такого требования было стремление эстонского руководства как можно скорее вступить в НАТО и ЕС, а туда, как известно, не пускают, если существуют нерешенные с соседями проблемы.

И снова пресловутые двойные стандарты в политике Запада. В минувшие пару лет Эстония вместе с другими прибалтийскими республиками была принята сначала в НАТО, а затем и в ЕС. Более того, эти организации усилили давление на Москву, подталкивая ее к скорейшему подписанию договоров о границе с Эстонской и Латвийской республиками.

Вот такое положение в данном вопросе сложилось к маю 2005 года. Как уже было сказано, Президент России В. Путин пригласил глав всех трех прибалтийских государств — Литвы, Латвии и

Эстонии — принять участие в торжествах 9 мая в Москве и одновременно подписать договоры о границах с Эстонией и Латвией. Президент А. Рюйтель демонстративно проигнорировал приглашение, и, естественно, подписание договора с Эстонской Республикой не могло состояться.

И тем не менее по итогам саммита Россия—ЕС, прошедшего 10 мая в Москве, Президент России Владимир Путин объявил, что, несмотря на отказ А. Рюйтеля приехать на торжества по случаю 60-летия Победы, он дал указание российскому МИДу подписать уже согласованные и не вызывающие никаких разногласий пограничные договоры с Эстонской республикой. Сделать это было решено в ходе ожидавшегося во второй половине мая визита в Россию главы эстонского МИДа.

А дальше стали происходить такие действия эстонских властей, которые иначе как вопиющими и постыдными не назовешь. Вот хронология событий.

18 мая министр иностранных дел России С. Лавров и его эстонский коллега У. Паэт подписали Договор о сухопутной и морской границах между нашими странами.

Еще два дня спустя, 20 мая, парламент Эстонской республики ратифицировал этот договор. Но депутаты включили в преамбулу закона о ратификации договора ссылку на положение о признании незаконной оккупации Эстонской республики.

Спустя еще два дня, 22 мая, эстонский президент А. Рюйтель подписал этот закон.

В этот же день Министерство иностранных дел России объявило, что Россия отказывается от ратификации этого договора, и, соответственно, указало на невозможность направить пограничные договоры на ратификацию в российское Федеральное собрание. Дело в том, что в преамбуле к эстонскому закону содержатся ссылки на ряд документов, которые, по мнению Москвы, создают «ложный контекст для толкования и реализации положений этих договоров». В документах «содержатся утверждения об «агрессии Советского Союза против Эстонии», «десятилетиях оккупации», а также о «противозаконном» включении Эстонии в состав СССР».

По прошествии пяти дней, 27 мая, послу Эстонской республики в Российской Федерации Министерство иностранных дел России вручило ноту, в которой отмечалось, что «МИД России вынужден инициировать внутригосударственные процедуры, направленные на снятие в соответствии с международным правом с России обязательств, вытекающих из подписания ею упомянутых договоров». По сути, речь

шла об отзыве подписи, которую поставил под договорами глава МИД РФ С. Лавров 18 мая 2005 года.

Во второй половине этого же дня эстонский МИД выступил с заявлением по поводу полученной ноты. В нем выражались удивление и сожаление в связи с действиями России, а также надежда на то, что МИД России все-таки пересмотрит свое решение и договоры будут ратифицированы. Судя по последующему развитию событий, Москва заняла жесткую позицию и не намерена менять свое мнение. Таким образом, вопрос о границах с Эстонией возвратился к своему началу.

Что касается Латвийской республики, то, несмотря на приезд на торжества президента Вайры Вике-Фрейберги, подписание пограничного договора с Ригой оказалось невозможным в связи с предпринятым в конце апреля 2005 года латышскими политиками демаршем — принятием декларации с территориальными претензиями к России. Они настаивали на подписании договора, переговоры по которому давно были завершены и который даже был уже парафирован, вместе с односторонней «разъяснительной декларацией».

В свете этого документа российско-латвийская государственная граница фактически объявлялась временной демаркационной линией. Подписание такого договора не отнимало у националистически настроенных латышских политиков из Латвийской республики права продолжать предъявлять претензии на Пыталовский район Псковской области Российской Федерации (латыши его именуют уездом Абрене, который с 1920-го по 1940 год входил в состав Латвии). Сейм считал такой подход «не территориальной претензией, а желанием получить обратно то, что Латвии принадлежит по праву». Кроме этих претензий, декларация также намекала, что, подписав пограничный договор, Рига не откажется от выдвижения материальных претензий к Москве за «оккупацию».

В Москве крайне жестко отреагировали на демарш Риги. Президент В. Путин в присутствии руководства Евросоюза на саммите РФ—ЕС назвал претензии латвийских властей «дурацкими».

В самой Риге вокруг договора разразился скандал. Премьер-министр республики поручил Госканцелярии провести проверку в Министерстве иностранных дел с целью выяснить, почему договор был парафирован «без учета его юридической взаимосвязи с Конституцией Латвийской республики». Он не исключил, что в процессе согласования пограничного договора несколько лет назад представители МИДа превысили свои полномочия.

Россия же придерживается твердой линии, что между ней и нынешней Латвийской республикой договор о государственной границе будет подписан после того, как в Риге дезавуируют апрельскую декларацию.

Вот так завершилась эпопея с подписанием договоров о границах с современными Эстонской и Латвийской республиками.

Чем все завершится в конечном итоге? Полагаю, что будут мобилизованы правительства США и Западной Европы для оказания как можно более сильного давления на Россию. Подключатся парламенты и конгрессы, многочисленные общественные организации «друзей» Прибалтики, гигантская армия СМИ. Откровенно говоря, и в России есть деятели, которые будут настаивать на подписании и ратификации этих договоров. Выдержит ли руководство России этот натиск? Дай Бог им — патриотам и истинным россиянам — твердости и последовательности!

В августе 2006 года латвийские власти пригласили бывшего российского президента Ельцина и вручили ему высшую награду Республики — «Орден трех звезд». Теперь он — «командор «большого креста», удостоенный этого ордена за «признание независимости Латвии в 1991 году, вклад в вывод российских войск из стран Прибалтики...». Ну что ж, награда наконец-то нашла своего героя!

5. ПРИБАЛТИКА ПОД «ОККУПАНТАМИ»

Оккупация любой территории военным путем ставит своей задачей использование людских и природных ресурсов, экономического потенциала для удовлетворения краткосрочных и долгосрочных собственных целей агрессора.

Фашистская Германия в этом отношении имела четкий план действий на оккупированных территориях Советского Союза, в том числе и в республиках Прибалтики. В частности, краткосрочной была задача обеспечения своей экономики людскими и природными ресурсами — для производства военной техники и поддержания жизненного уровня своего населения.

Руководители нынешних государств Прибалтики уже на протяжении полутора десятков лет вбивают в головы людей мысль о том, что их республики, будучи советскими, и в экономическом отношении «находились в оккупационном режиме СССР». Посмотрим же, как обстояло дело в действительности.

По вопросу социально-экономического развития Литвы мной были использованы материалы из книги бывшего Председателя Совета Министров Литовской ССР И. Манюшиса, а также другие публикации.

Войдя в состав СССР, Литовская республика приступила к широким социально-экономическим преобразованиям. Перед ней открылись большие перспективы быстрого и всестороннего развития производительных сил, расцвета национальной культуры, подъема благосостояния трудящихся.

Принимались меры по ускоренному развитию промышленности Литвы — основы материально-технической базы ее экономики. Благодаря помощи других республик страны, поставивших оборудование, топливо, сырье, в короткий срок были пущены заводы, фабрики, мастерские. Это имело важное значение и в социальном плане, так как позволяло ликвидировать унаследованную от буржуазного строя безработицу.

Перестройка сельского хозяйства на социалистической основе была начата с создания машино-тракторных станций, которые на очень доступных условиях оказывали крестьянам помощь в обработке земли. Из других советских республик в Литовскую ССР поступали трактора, комбайны, грузовые автомобили, поскольку в республике ничего из этой техники никогда не производилось. На землях бывших поместий создавались государственные сельскохозяйственные предприятия — совхозы. В Государственный земельный фонд поступило 607 тысяч гектаров земли. Более половины ее получили безземельные и малоземельные крестьянские хозяйства. Была установлена максимальная норма частного землевладения — 30 гектаров.

Вместе с экономическими осуществлялись и социально-культурные преобразования. Конституция Литовской ССР, принятая еще 25 августа 1940 года, гарантировала трудящимся широкие демократические права — на труд, отдых, образование, материальное обеспечение в старости, а также в случае болезни и потери трудоспособности.

Существенным изменениям подверглась система просвещения. Школа стала государственной, светской и демократичной. Образование было доступно детям всех трудящихся. С целью ликвидации неграмотности создавались школы для взрослых, поскольку процент абсолютно безграмотных, в основном, среди крестьянского населения, составлял более 50 процентов. В 1941 году было принято постановление о ликвидации неграмотности и малограмотности населения. В 1940—1941 учебном году на курсах и в школах для взрослых обучались около 157 тысяч человек, из них 120 тысяч неграмотных или малограмотных.

Реорганизации подверглась и высшая школа. 16 января 1941 года была основана Академия наук Литовской ССР. Значительно возросло количество учащихся в техникумах, студентов в вузах. Большинство из них обеспечивались государственными стипендиями. В 1940—1941 учебном году в 7 высших учебных заведениях Литовской ССР обучалось более 6 тысяч студентов (против 3900 в буржуазной Литве в 1938 году).

Нападение гитлеровской Германии 22 июня 1941 года превратило в руины многие города республики, на месте сотен деревень чернели пепелища.

За время немецкой (действительно) оккупации в Литве было разрушено большинство имевшихся промышленных и коммунальных предприятий, вывезено в Германию свыше 10 тысяч единиц оборудования, большое количество различных сельскохозяйственных машин и орудий, сотни тысяч тонн сельскохозяйственной продукции. Значительно уменьшились посевные площади, почти вдвое сократилось поголовье скота.

Были взорваны или повреждены многие железнодорожные станции, депо, водонапорные башни, уничтожено свыше 300 километров железнодорожных путей, более 4,5 тысячи вагонов, около 200 паровозов, выведены из строя линии связи. Огромный урон был причинен жилищному и коммунальному хозяйству, школам, научным учреждениям, больницам. Немецкие оккупанты уничтожили или вывезли уникальные художественные ценности.

После освобождения советская Литва за короткий срок не только восстановила разрушенное войной народное хозяйство, но и преодолела вековую экономическую и культурную отсталость Неманского края. По подсчетам видного советского экономиста, академика Л.И. Абалкина, в народное хозяйство Литовской ССР ежегодно безвозмездно вкладывалось более одного миллиарда рублей, что составляло за весь советский период развития республики более 40 миллиардов рублей (напомню, один американский доллар в те времена равнялся 67 копейкам, согласно официальному курсу Госбанка СССР).

Ликвидация последствий гитлеровской оккупации республики велась под руководством Коммунистической партии Литвы, которую возглавлял первый секретарь ЦК Антанас Снечкус. Решались задачи по осуществлению социалистических преобразований, подавлению антисоветского сопротивления, возрождению разрушенного народного хозяйства и развитию культуры. В те послевоенные годы в республиканскую профсоюзную организацию вступили и стали ее чле-

нами 285 тысяч рабочих и служащих. (Здесь не могу не заметить, что сегодня в Литовской республике профсоюзное движение практически умерло. Крупные предприятия, да и мелкие, стоят, сельское хозяйство развалено. Более полумиллиона — 15 процентов от общего числа населения, в основном, молодых людей в поисках работы уже покинули Литву...)

После войны были возрождены существовавшие прежде высшие учебные заведения, открыты новые. В 1985—1986 учебном году в двенадцати высших учебных заведениях советской Литвы обучались уже более 65 тысяч студентов.

В 1970-е годы резко увеличилось число средних профессионально-технических учреждений, которые во многом способствовали осуществлению всеобщего среднего образования молодежи. В 1945—1984 годах профессионально-технические и технические училища подготовили около 46 тысяч квалифицированных рабочих.

За годы Советской власти на базе Академии наук Литовской ССР, а также союзных и союзно-республиканских министерств и ведомств при непосредственной помощи Академии наук СССР и субсидировании из союзных фондов в республике была создана разветвленная сеть научно-исследовательских институтов.

В научных учреждениях Литовской ССР в последние годы Советской власти насчитывалось около 15 тысяч научных работников, среди них около 500 докторов наук и более 6 тысяч кандидатов наук. Примерно 84 процента научных работников были литовцы.

Литовская литература получила новый творческий импульс с восстановлением Советской власти в Литве в 1940 году. Тогда же был создан Союз писателей Литовской ССР. 1940—1941 годы характеризовались большим ростом театральной активности. Наряду с классикой — литовской, русской, а также других народов Советского Союза — ставились пьесы с революционной тематикой. В послевоенные годы при значительной поддержке государства литовское театральное творчество приобрело еще больший размах. В 1985 году в Литовской ССР действовало 12 театров.

За годы Советской власти резко улучшилось здравоохранение. Не считая традиционных заболеваний, в буржуазной Литве было непропорционально много больных венерическими заболеваниями, туберкулезом, глаукомой, высокой была детская смертность. С 1940 года ввели бесплатную медицинскую помощь. Была создана всеохватывающая сеть медицинских учреждений общего и специального профиля. Во всех районных центрах были построены или по-современному реконструированы местные больницы.

В 1986 году в республике работали 15,8 тысячи врачей всех специальностей, около 450 тысяч лиц среднего медицинского персонала. Для сравнения, аналогичные показатели на 1940 год: всего 2 тысячи врачей и приблизительно такое же число среднего медицинского персонала. Проблемы медицинской науки разрабатывались шестью институтами, созданными при Советской власти. В них и в учебно-медицинских учреждениях работали в последние годы Советской власти более 100 докторов и около 600 кандидатов медицинских и фармацевтических наук.

В 1941 году был разработан первый план развития народного хозяйства советской Литвы. Быстрыми темпами ликвидировалась безработица. Если к лету 1940 года насчитывалось около 70 тысяч безработных, то за первое полугодие 1941 года 56 тысяч безработных были трудоустроены. После осуществления аграрной реформы свыше 75 тысяч бывших батраков, безземельных и малоземельных крестьян получили землю.

После войны, в 1945 году промышленное производство составило только 40 процентов от довоенного уровня. Большинство действующих предприятий были небольшими — не более 500 человек. В основном в городах довоенной Литовской республики было развито мелкое ремесленное и кустарное производство с количеством рабочих до 10 человек. В августе 1946 года сессия Верховного Совета Литовской ССР приняла пятилетний план Восстановления и развития народного хозяйства советской Литвы на 1946—1950 годы. Одной из важнейших задач развития народного хозяйства явилась социалистическая индустриализация, создание прочной материально-технической базы.

В Литву из других союзных республик стали интенсивно поступать оборудование и сырье для строившихся предприятий, промышленные изделия, горючее для автомобилей и уголь для населения. Это намного превосходило по объему и себестоимости все, что могла поставить в союзные республики Литовская ССР. Тогда она в порядке обмена направляла сельхозпродукты и лес. Расширялись традиционные для республики отрасли промышленности — легкая и пищевая (мясная, молочная). Была создана рыбная промышленность, организована база морского рыболовства.

С 1951 года начался рыбный промысел в Атлантике, который ощутимо увеличился после того, как у Литовской ССР появились крупные морские сейнеры и плавзаводы. Коренным образом была перестроена промышленность стройматериалов, началась механизация строительных работ.

Благодаря оказанной помощи и поддержке общесоюзных руководящих органов СССР в 1946—1950 годы среднегодовой прирост промышленного производства в Литовской ССР составил 36 процентов, в то время когда по всей стране этот показатель равнялся 14 процентам. В 1951 году промышленные предприятия Литовской ССР выпускали в 2,3 раза продукции больше, чем в 1940 году. Численность промышленных рабочих составила 86 тысяч человек против 46 тысяч в 1940 г.

Вот далеко не полный перечень изменений, произошедших в республике с 1940-го по 1990 год. Это касается дорог, жилья, мелиорации и т.д. Таким образом, Литовская ССР за годы Советской власти сделала огромный шаг вперед в области социально-экономического развития.

Могла ли оккупированная территория развиваться такими темпами, а оккупанты так заботиться о порабощенном народе?

Во время написания этой главы меня все время не покидала мысль: возможно, нынешние прибалтийские государства развиваются сейчас более динамично, чем в годы Советской власти?

К сожалению, информации об истинном положении дел у нас очень мало. Поэтому для меня оказались весьма любопытными публикации известного литовского экономиста, члена Сейма Ю. Весялки в газете «Литовский курьер» в мае 2000 года. Его замечания о «развитии» современной Литовской республики были даны накануне вступления республики в НАТО. Вот что он пишет:

«Литва, развиваясь в направлении чистого капитализма и свободного, дикого рынка, с 1991-го по 1998 год (до дефолта России под руководством либерала С. Кириенко) потерпела следующий ущерб: в секторе сельского, лесного, рыбного хозяйства не произведено совокупного внутреннего продукта на 170 миллиардов литов (1 доллар США тогда равнялся 4 литам — лт); в промышленности — на 1300 миллиардов лт; в строительстве — на 60 миллиардов лт; всего — на 1530 миллиардов лт.

Следует также учесть и человеческие издержки и потери. Вот как они выглядят в Литве за период 1990—1998 годов: убиты — 3393 человека (при населении Литвы в 3,5 млн человек. — *Н.Р.*); покончили жизнь самоубийством — 13 283 человека; осуждены — 136 819 человек. Ученые объявили, что в Литве больше самоубийств, чем в любой другой стране.

Путь нейтралитета Литвы позволил бы ей за 20 лет сэкономить как минимум 17 миллиардов лт и направить эти средства на создание рабочих мест. Став членом НАТО, Литва будет вынуждена с

каждого своего жителя ежегодно дополнительно жертвовать на алтарь НАТО по 230 лт.

С 1993-го по 2000 год внешнеторговый дефицит Литвы со странами ЕС составил 17,7 млрд лт. По этой причине мы лишились 680 тысяч рабочих мест. Также надо учитывать, что мы до 2000 года уже взяли в долг на Западе 3,8 млрд долларов, или 15,3 млрд лт. (Сейчас количество одолженных у Запада денег на одного человека составляет в Литве около 800, в Латвии — более 200, а в Эстонии — около 150 долларов США.) Вот результат: Запад предоставил кредиты на 15,3 млрд лт, но и товаров продал у нас на 17,7 млрд лт. Вслед за каждым одолженным литом к нам в страну поступает из ЕС товаров на 1,16 лт больше, чем мы продаем там. Это — не равноправные отношения, а отношения присоединения и эксплуатации. Нельзя соглашаться с давлением ЕС о преждевременном закрытии Игналинской АЭС. Если она будет закрыта, в Литве, может, придется платить за киловатт энергии до 1,3 лт».

В заключение доктор экономических наук Ю. Весялка так суммировал свои наблюдения: «Наша политическая верхушка расценивает людей Литвы как второсортных, которыми должны управлять иностранцы».

Подобные результаты полувековой «оккупации» Советским Союзом видны и в другой республике Прибалтики — Эстонской ССР.

Немецко-фашистские войска вторглись на территорию республики в начале июля 1941 года. После упорных боев враг 28 августа 1941 года овладел Таллином. Сражения на материковой части Эстонской ССР продолжались до 5 сентября 1941 года, а на островах Западного архипелага — до 2 декабря 1941 года. В боях с немецкими оккупантами участвовало 27 эстонских добровольческих истребительных батальонов, рабочих полков и отрядов (около 10 тысяч бойцов).

Около 60 тысяч граждан Эстонии эвакуировались в восточные районы страны.

Оккупированная территория Эстонской ССР, как уже упоминалось, была включена в состав т.н. Восточного края («Остланд»). На эстонской территории действовало более 20 концентрационных лагерей, были убиты свыше 61 тысячи мирных жителей и 64 тысячи военнопленных. Многие выехали или принудительно были вывезены на работу в Германию.

Материальный ущерб, нанесенный немецко-фашистскими оккупантами народному хозяйству Эстонской ССР, составил более 16 млрд рублей. Было разрушено 48 процентов промышленных предприятий, около половины жилых домов в городах.

Но уже в 1946 году промышленное производство достигло довоенного уровня, 1940 года, а в 1950 году превысило его в 3,4 раза. Эстонская ССР была развитой индустриальной республикой с высоким уровнем механизации сельскохозяйственного производства, с высоким уровнем разделения труда с другими социалистическими республиками.

В Эстонии сложился важнейший район сланцедобывающей и сланцеперерабатывающей промышленности с развитым производством электроэнергии, а также, машиностроительной, химической, лесной, целлюлозно-бумажной, текстильной, пищевой промышленностью. Сельское хозяйство специализировалось на молочно-мясном животноводстве и беконном свиноводстве.

С помощью других советских республик построены Прибалтийская и Эстонская ГРЭС, Маардуский химзавод, крупные шахты и карьеры, сланцеперерабатывающий комбинат и др. Союзные республики поставляли в Эстонскую ССР нефть, металлы, лес, хлопок, шерсть, кожу, а также оборудование для заводов, сельского хозяйства машины, транспортные средства и т.п. К 80-м годам валовая продукция промышленности возросла в 43 раза. Наибольший рост был достигнут в производстве электроэнергии и металлообработке.

Среди отраслей пищевой промышленности на первом месте находилась рыбная промышленность, затем мясная и молочная. В Таллине был фактически заново построен крупный рыбный порт для обслуживания экспедиционного рыболовецкого флота. Свыше 80 процентов добываемой рыбы вылавливалось в океанических водах. Производство же продукции сельского хозяйства по сравнению с довоенным периодом увеличилось в 5 раз.

В советское время в Эстонии был самый высокий уровень жизни населения, по которому она опережала остальные две республики Прибалтики. Я вспоминаю рыболовецкий колхоз имени Кирова, бывший у всех на слуху, где еще в 70-е годы действовал настоящий хозяйрасчет. Мы помним, какие социальные условия были созданы для трудящихся этого коллектива. Об этом не то что тогда, но и сегодня можно только мечтать. Правительство СССР всячески поддерживало колхоз, пытаясь передать его опыт другим хозяйствам страны. Кстати, все начинания второй половины 80-х годов по различным видам подряда, распространившегося и в других республиках, во многом были продиктованы прекрасным опытом этого эстонского хозяйства.

Большие сдвиги произошли в области здравоохранения. До советского периода в Эстонии были распространены острые пищевые инфекции, туберкулез и другие инфекционные заболевания, в том чис-

ле детские. После освобождения Эстонской ССР от немецко-фашистской оккупации сразу начала восстанавливаться и развиваться советская система здравоохранения всего населения республики, в результате чего были ликвидированы дифтерит, полиомиелит, малярия, трахома. Резко снизилась заболеваемость туберкулезом, детскими инфекциями. В 1940 году было 58 больниц на 5,1 тысячи коек, работали 1,1 тысячи врачей. В 1976 году было уже 160 больничных учреждения на 16 тысяч коек и 5,5 тысячи врачей.

Следует обратить особое внимание на состояние образования и науки в республике. В Эстонии традиционно высокий уровень общей грамотности населения, который связан с тем, что лютеранская конфессия христианства одной из основных задач своих прихожан считала освоение религиозных текстов на родном языке. Уже результаты первой Общероссийской переписи населения в 1897 году показали высокий уровень грамотности в Эстляндской и Лифляндской губерниях — 91,2 процента.

С восстановлением Советской власти в 1940 году введена новая система всеобщего народного образования. Все учебные заведения стали государственными, начался переход ко всеобщему 7-летнему образованию, а в 1966 году — ко всеобщему среднему образованию. В 38 средних специальных учебных заведениях получали образование около 25 тысяч учащихся; а в шести вузах бесплатно обучались 24,7 тысячи студентов.

Академия наук Эстонии была основана в 1946 году. На 1 января 1990 года в АН Эстонской ССР насчитывалось 46 академиков. Количество ученых в Эстонской ССР в 1991 году составило 7227 человек.

Несколько слов об эстонской культуре и литературе.

В советской Эстонии действовали союзы эстонских художников и композиторов. В крупных городах республики работало 8 государственных театров. Функционировал творческий Союз театральных деятелей Эстонии.

В Эстонской ССР существовало более 6,5 тысячи различных кружков художественной самодеятельности, в которых наиболее развиты были такие жанры, как хоровое пение и народные танцы. Участники художественной самодеятельности давали в год в среднем 15 тысяч концертов и спектаклей народных театров.

Советский период в истории эстонской литературы характеризовался интенсивным развитием творчества местных писателей на пути дальнейшей разработки, расширения и углубления национальной эстонской тематики. Большое количество книг эстонских авторов переводилось на русский и другие языки народов СССР, что делало

национальную литературу доступной не только для всех граждан Советского Союза, но и для широкой мировой общественности. На русский язык было переведено и выпущено массовыми тиражами около 600 произведений эстонских писателей. С другой стороны, на эстонский язык были переведены более 1300 произведений русской классики, а также свыше 500 произведений литературы других народов СССР и мира.

Вот таким образом в «оккупированной» Эстонии развивались наука и культура, образование и здравоохранение, промышленность и сельское хозяйство.

И, наконец, еще одна республика — Латвийская ССР. Что же происходило здесь в течение пятидесяти лет Советской власти?

Вторая мировая война принесла большие беды на землю этой прибалтийской страны. Численность населения Латвии сократилась за годы войны на 450 тысяч человек, 280 тысяч латышей оказались за границей, более 100 тысяч жителей стали жертвами фашистского террора. Военные действия продолжались на территории Латвии до самого 9 мая 1945 года.

Интересные процессы происходили за годы советской «оккупации» в социальном составе населения республики.

В начале 1980-х годов почти 90 процентов населения Латвийской ССР принадлежали к социальной группе рабочих и служащих, их них почти 69 процентов — рабочие, 20 процентов взрослого населения — интеллигенция.

Численность рабочих и служащих в народном хозяйстве с 1940 года увеличилась с 262 тысяч до 1,21 миллиона в 1982 году.

В буржуазной Латвии в 1939 году 7 процентов населения в возрасте 9—49 лет были неграмотными. В начале 1980-х годов в Латвийской ССР неграмотных практически не было.

В 1939 году высшее образование имели 13,9 тысячи человек, а в 1979 году — 160 тысяч человек. Только 4 процента сельского населения в возрасте 10 и старше лет в 1939 году имели полное (или не полное) среднее или высшее образование, в 1979-м — 49 процентов.

В 1940 году на 10 тысяч человек населения учились 52 студента. В 1982—1983 учебном году в вузах республики уже был 181 студент. Этот показатель в Латвийской ССР был выше, чем в то время в ФРГ, Великобритании, Японии и Италии.

Обратите внимание на следующий интересный факт. В буржуазной Латвии за 1920—1939 годы было подготовлено всего 8 тысяч специалистов с высшим образованием. В 1980-х годах в Латвийской ССР

ежегодно оканчивали бесплатные вузы 7 тысяч человек.

Необычайно быстрыми темпами развивалась наука. Число научных работников в 1940 году составляло около 1,1 тысячи человек, в 1982-м — 13,3 тысячи. Из них научных работников с ученой степенью доктора наук в 1940 году — 59 человек, в 1982-м — 340, кандидата наук соответственно — 254 и 4406 человек.

В 1982 году каждый десятый научный работник республики работал в системе Академии наук Латвийской ССР, которая была основана в 1946 году. В 1985 году в Латвии действовало 43 различных научно-исследовательских института.

Общее количество врачей в Латвийской ССР в 1940 году было 2,5 тысячи человек, в 1982-м — 11,7 тысячи. Впечатляют сравнительные данные о состоянии здравоохранения в Латвийской ССР и во всем Советском Союзе, а также в других странах. На 10 тысяч человек населения в 1982 году в СССР было 39,5 врача и 127,1 больничной койки. В этом же году в Латвийской ССР было 45,8 врача и 138,0 больничной койки. Аналогичные показатели этого же года в Великобритании, Италии, США, Франции, Японии и ФРГ были значительно ниже.

Для всякого экономиста очевиден факт, что решение социальных вопросов в любом государстве невозможно без его экономического развития — в ином случае придется постоянно жить за счет чьих-либо дотаций. Чтобы быть объективным в этом вопросе, приведу основные показатели экономического развития Латвийской ССР в 1982 году по сравнению с 1940 годом.

Валовой общественный продукт вырос в 13,5 раза, а произведенный национальный доход — в 11,3 раза. Бросается в глаза необычайно высокий рост объема промышленной продукции — в 47 раз, а капитальных вложений — в 126 раз.

Эти цифры говорят сами за себя. Приведу дополнительно лишь данные по производству электроэнергии, поскольку именно она обеспечивает развитие всех отраслей экономики и социальной жизни населения. В 1940 году установленная мощность всех электростанций республики составляла 153 тысяч кВт, а произвел и они 251 миллионов кВт часов электроэнергии. В 1982 году мощность электростанций была уже 2 миллиона кВт (рост — в 14 раз), а производство электроэнергии выросло в 18 раз.

Приведенные социально-экономические показатели говорят о том, что республика развивалась динамично и достигла весьма высоких результатов, которым могли позавидовать многие регионы страны.

Вот так рассыпается миф о советской «оккупации» еще в одной из прибалтийских республик.

6. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЦИНИЗМ

Политическим цинизмом можно назвать все действия в последние годы прибалтийских властей и их покровителей на Западе, особенно США. Наиболее нагло вел себя президент США Буш-младший в праздничные майские дни 2005 года, когда в Москве отмечали святой для нас и для всего мира день.

Поездку Бушу запланировали так, я уже упоминал об этом, что перед визитом в Москву он высадился в Латвии, где отдал должное рожденной там демократии, которой, по его мнению, могут позавидовать в России и Белоруссии. Он даже пообещал американскую помощь в случае угроз со стороны «больших государств»: не нужно быть ясновидящим, чтобы догадаться, что речь шла о России.

Накануне своей поездки Буш дал интервью Литовскому телевидению. Он поблагодарил Президента Литвы за его усилия в деле распространения демократии в соседних государствах (имелось в виду посредничество В. Адамкуса во время так называемой оранжевой революции в Украине, а также его постоянное вмешательство во внутренние дела Белоруссии). Журналист поинтересовался, что еще литовцы могли бы сделать в этом регионе.

Показателен ответ Буша: «Прежде всего я в самом деле благодарен президенту за его хорошую работу в Украине. Считаю, это был важный момент, когда руководитель Литвы начал призывать весь мир обратить внимание на движение свободы в Украине. Действительно, второй тур голосования был важным моментом в движении свободы, и я за это его сердечно поблагодарил.

Литва является прекрасным примером того, чего возможно достичь после долгих лет насилия. Литовцы сейчас свободны и могут показать, что поднимают экономику, имеют возможность свободно выражать себя и что после их освобождения общество стало живым. Было трудно. Переход от коммунизма к свободной демократии был трудным. Поэтому важно, чтобы литовское правительство поделилось своим опытом с другими, с теми, кто будет переживать то же самое. Я горжусь Литвой и называю ее дружественной».

И еще один вопрос журналиста: «Вы намереваетесь встретиться с Путиным. Повторите ли вы ему свои слова о том, что Вторая мировая война принесла оккупацию Советами стран Балтии?»

«Да, конечно, — ответил Буш, — я сказал ему в Словакии, что, по моему мнению, ему необходимо понять: мои друзья, лидеры стран Балтии, удручены. Они не считают большим поводом для праздника окончание Второй мировой войны, и этому есть причина. Он внимательно выслушал это».

Далее следуют откровения Буша: «Ваш президент решил не ехать в Москву. Я уважаю его за такое решение. Каждый лидер стран Балтии должен принять такое решение, которое его удовлетворило бы. Это было трудное время, поэтому и решение было трудным. Я уважаю решения всех трех лидеров. Я так и сказал президенту Путину, что ощущается большая обеспокоенность. Люди не считают это моментом освобождения. Я надеюсь на его сотрудничество со странами Балтии. В интересах России то, чтобы страны возле ее границ были свободными и демократическими. Чем больше демократии около границ страны, тем страна будет более мирной. Поэтому для многих американцев, выходцев из стран Балтии, это и сладкий, и горький момент. Кстати, многие американцы литовского происхождения были, с одной стороны, удовлетворены тем, что Соединенные Штаты победили нацизм, а с другой — они видели, как их Родину завоевал репрессивный коммунистический режим».

Из этого интервью еще раз можно сделать выводы, что в современном мире, будь это в новых, независимых странах Прибалтики или в странах с уже устоявшейся демократией, США везде навязывают свои представления о демократии. К примеру, руководители прибалтийских государств среди первых приветствовали выборы в Ираке. Выборы эти проводились в присутствии иностранных войск, в том числе более ста тысяч военных армии США, оказавшихся в Ираке в результате прямой агрессии и военной оккупации этого государства Соединенными Штатами Америки и их союзниками. И при этом они же не признают легитимного характера выборов 1940 года в Латвии, Литве и Эстонии, проведенных в присутствии контингентов Красной Армии, размещенных в этих странах с согласия их правительств. Одним словом, действуют по иезуитскому принципу «цель оправдывает средства».

После таких заявлений становится ясно — Россия стоит перед лицом новых важных событий. На территории прибалтийских государств, несмотря на ранее данные Кремлю обещания, разворачиваются базы НАТО, вооруженное жало которых устремлено прямо в сердце России. Русским людям не могут простить того, что Российское государство экономически укрепляется, в то время когда его недруги по собственной мировоззренческой глупости и из-за нео-

бузданных политических амбиций истекают кровью в Ираке, Афганистане и т.д.

В последнее время антироссийские действия стали набирать силу. По любому поводу — будь это выступление руководителей страны, принятие нужного для государства закона или положение в Чечне — делались заявления, начиналась мобилизация всей русофобской мощи многих весьма влиятельных мировых СМИ. Наступление разворачивалось широким фронтом.

27 января 2006 года в Страсбурге (Франция) открылась очередная сессия Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ). Несмотря на возражение российской делегации и ряда других стран Европы, в повестку дня сессии был включен вопрос «О необходимости международного осуждения преступления тоталитарных коммунистических режимов».

В преддверии рассмотрения этого вопроса в Страсбурге состоялась массовая демонстрация протеста против антикоммунистических действий ПАСЕ. Представители около двух десятков европейских коммунистических и левых рабочих партий пришли к стенам Дворца Европы с лозунгом «Нет европейскому маккартизму и антикоммунизму!». Лидер российских коммунистов Г. Зюганов и представители Компартии Греции от имени 73 коммунистических, левых и рабочих партий мира вручили председателю ПАСЕ голландцу Рене ван дер Линдену официальный протест против рассмотрения проекта антикоммунистической резолюции.

Сам факт появления в тихом и благополучном Страсбурге сотен людей с красными знаменами, окруживших Дворец Европы, вызвал шок у местных обывателей. Европейская да и российская печать последние полтора десятилетия так усердно хоронила коммунизм, что Европа до сих пор не может прийти в себя от январских событий в Страсбурге.

Дальнейшие события развивались следующим образом. Перед дискуссией по докладу шведского парламентария Й. Линдблада российская делегация и группа «Объединенные левые» в ПАСЕ предложили вернуть вопрос на доработку. 70 европарламентариев поддержали эту инициативу. Но незначительным большинством (81 голос) предложение было заблокировано.

Между тем уже сам по себе этот факт показал, что единством в ПАСЕ по данному вопросу и не пахнет. Многие члены этой организации понимали его откровенно провокационный характер и хотели бы задвинуть этот вопрос подальше.

Но кукловоды, затеявшие этот позорный спектакль, были твердо намерены довести свой план до конца. Проекты соответствующих документов внесли на рассмотрение, и началось их обсуждение. Для выступлений записались 60 человек. Выступить удалось далеко не всем. Председатель ПАСЕ регулировал дебаты так, чтобы противники резолюции имели не слишком большую возможность высказать свою точку зрения. Докладчик почти истерично внушал всем, что коммунистические режимы — «это ад на Земле».

Большую активность среди сторонников принятия резолюции проявляли наши соседи из Восточной Европы. Особенно усердствовали члены ПАСЕ из Литвы, Латвии, Эстонии, Венгрии, Грузии и Болгарии. Такое рвение всегда свойственно «неофитам» — обращенным в новую веру. Они из кожи вон лезут, чтобы доказать свою лояльность новым хозяевам и свой полный разрыв с прошлым. Никакой внятной аргументацией их речи не отличались — это была смесь злобы, спеси и демагогии.

Вопрос, однако, заключается в том, кто у них по нынешним временам хозяева. Дело в том, что «старая» Западная Европа вела себя весьма сдержанно. Представители стран, пострадавших от фашизма или принимавших наиболее деятельное участие в борьбе с ним, в дискуссии практически не участвовали. Члены ПАСЕ из Германии, Италии, Испании, Великобритании никакой активности не проявляли.

Парламентарии же из тех стран, которые входили в состав гитлеровской коалиции, создавали у себя легионы СС или другие карательные части (все те же Венгрия с Болгарией, Литва, Латвия и Эстония), старались изо всех сил. Их нынешнее место в международном раскладе тоже хорошо известно. Это откровенные марионетки США, и они с удовольствием исполняют роль провокаторов нестабильности в Европе. Америке ведь не нужна стабильная, преуспевающая и поэтому независимая Европа. И, как видим, их новые восточноевропейские вассалы роль дестабилизаторов выполняют с большим рвением.

Итак, восточноевропейские члены ПАСЕ очень старались, западноевропейцы помалкивали, но не препятствовали. Поэтому за антикоммунистическую бумагу проголосовали 99 членов ПАСЕ. Против — 42. Однако дальше европейских правых и недругов России ждало крупное разочарование. Им не удалось протолкнуть рекомендации Комитету министров Совета Европы о конкретных мерах по борьбе с коммунизмом. Когда рекомендации были вынесены на голосование, их поддержали 85 депутатов, против были 50, 11 — воздержались. Это меньше положенных двух третей голосов.

Нетрудно догадаться, что в этой истории присутствует и очень важный финансовый аспект, хотя его тщательно стараются замалчивать. Дело в том, что осуждение «тоталитарных коммунистических режимов» неизбежно поставит вопрос о компенсации «жертвам режима». Председатель ПАСЕ настойчиво уверяет, что вопрос о компенсации может возникнуть только в индивидуальном порядке.

На самом деле в Прибалтике все уже готово к выдвижению запредельных требований к нашей стране о компенсации за «оккупацию». Практичные эстонцы успели даже придумать механизм выплат. Они люди скромные и могут обойтись без наличных денег, предложили лишь отдать им леса Новосибирской области на разграбление на 10 лет. А после этого никаких претензий к России не будет. Лесов в Новосибирской области, разумеется, тоже не будет.

Таким образом, рвение наших соседей из Восточной Европы имеет вполне материальную основу. За Прибалтикой требования о компенсациях обязательно выдвинут другие. Мол, неправильно освободили нас от фашистов — платите. Соответствующие требования уже фигурировали в проекте резолюции ПАСЕ на первоначальных стадиях. Тогда они были исключены из текста ввиду жесткого сопротивления России. Но это вовсе не означает, что упорные прибалты не захотят вернуться к этому вопросу в ближайшем будущем.

Принятая ПАСЕ резолюция — это очередная попытка суда над Россией. И все это происходило в год 60-летия Победы! Выходит, через шесть десятков лет разобрались, что, оказывается, не те победили в этой жесточайшей войне и что не советский народ понес огромнейшие, ни с чем не сравнимые потери. Именно сейчас, когда уходят в мир иной оставшиеся в живых ветераны Великой Отечественной войны, над ними надо надругаться, а молодежи вбить в голову, что Советский Союз — не победитель, а государство с преступным тоталитарным режимом, которое оккупировало Восточную Европу и Прибалтику!

Состоявшийся в ПАСЕ «суд» над коммунистическими режимами — это суд над коммунистической идеей как таковой. Но эту идею запретить нельзя, она не умрет. Ее можно загнать в подполье, можно преследовать ее приверженцев, но убить ее невозможно. И победит тот, чья идея ближе к чаяниям народа. Идею возвышают или принимают исполнители.

В Советском Союзе нарушение законности в КПСС и государстве осуждено на XX съезде партии. И сейчас, полвека спустя, нас решили судить, делая при этом далеко идущие выводы. Если СССР был преступным государством с тоталитарным режимом, то почему он уча-

ствовал в создании ООН, а также являлся одним из немногочисленных членов Совета Безопасности?

Через Компартию нашей страны прошли 40 миллионов человек. Это все командующие фронтами Великой Отечественной, первый космонавт планеты Ю. Гагарин, нобелевские лауреаты, ученые с мировым именем, известные писатели, артисты и много других достойных людей. Объективного ответа на свой вопрос я не получу ни от линденов, ни от линдбладов. Но и без того ясно: сильная и независимая Россия Западу не нужна, и для того, чтобы ее окончательно дискредитировать, демонизировать, и ставится знак равенства между ее предшественником — СССР и нацистской Германией. Горбачев ошибался, когда говорил, что они с Рейганом похоронили в Рейкьявике и на Мальте холодную войну. Сегодня она продолжается, только ведется другими методами и средствами.

В настоящее время я беспартийный. После запрета Горбачевым и Ельциным КПСС за эти пятнадцать лет я больше не вступал ни в какую другую партию. У меня есть свои политические убеждения, своя гражданская позиция. А свою партию, КПСС, я не считал и никогда не буду считать преступной организацией!

Закончить тему страсбургского «суда» мне хотелось бы словами лидера КПРФ:

«В ПАСЕ вопрос ведь начинали вообще с требования осуждения коммунистической идеологии как таковой. Коммунистическая идеология — это социальная справедливость, счастье и дружба народов, уважение к человеку труда. Вы посмотрите, как развивался фашизм в XX веке: начинали с преследования коммунистов, а закончили газовыми печами, где жгли русских, всех славян, евреев, представителей других национальностей, объявленных недочеловеками... Кто поручится, что в дальнейшем развитие политических процессов не пойдет по этому же сценарию?»

Пущенные в ход идеологические рычаги, подобные страсбургским — экономические, военно-политические и другие, — ставят своей целью разрушить Россию, как пятнадцать лет назад разрушили СССР.

В свое время я случайно ознакомился с одним любопытным материалом. Он был сформулирован в форме встречного иска России к Литовской республике и представляет, на мой взгляд, большой интерес в связи с затронутой в этой главе темой. Автор этого «иска» — Иван Помнящий. Он касается лишь одной нынешней прибалтийской республики — Литовской, но интересен принципиально поставленными

ми в нем вопросами. Имя автора мне незнакомо, скорее всего, это «говорящий» псевдоним. Впрочем, это не столь важно, главное — автор достаточно компетентен.

Данный «иск» был подготовлен в октябре 2003 года в форме меморандума президенту В. Путину, когда в Литовской республике, первой в Прибалтике, радикальные национал-сепаратисты выступили с вопросом о компенсациях за «советскую оккупацию».

Ниже приводится его текст:

«Председатель Сейма В. Ландсбергис подготовил законопроект, обязывающий правительство Литвы вытребовать у России многомиллиардную компенсацию в долларах США за ущерб, нанесенный за годы оккупации Литвы Советским Союзом. По мнению В. Ландсбергиса, эта оккупация продолжается и по сей день, так как российские учреждения по-прежнему занимают здания довоенных литовских посольств в Риме и Париже. В представленном Сейму законопроекте спикер предусматривает, что правительство должно учредить специальный фонд компенсации нанесенного СССР ущерба, а также обратиться к России с просьбой перевести деньги на программы возвращения на родину сосланных советской властью литовцев. Причем в документе подчеркивается, что при вступлении в Совет Европы Россия обязалась помогать депортированным людям из стран Балтии.

В этой связи хотелось бы, чтобы российский президент напомнил своему визитеру кое-какие исторические особенности политических взаимоотношений между Литвой и Россией на протяжении XX века, чреватые определенными материальными издержками для этой прибалтийской республики, обоснованные цивилизованным юридическим полем, принятым в Европе и ООН.

Исходя из этого, Государственной думе России (давно знавшей об этих готовящихся в Литве материальных претензиях к России), в свою очередь, уже сейчас, немедленно также следует приступить к формированию соответствующего закона, по которому нынешняя Литовская Республика должна будет компенсировать Российской Федерации (как правопреемнице СССР) в соответствующем денежном исчислении многомиллиардные издержки по следующим принципиальным пунктам:

— Нынешние власти Литовской республики официально объявили о своей юрисдикции на всей территории Литовской ССР, изначально никак юридически не урегулировав при этом свои территориальные отношения с Российской Федерацией. Таким образом, Российская Федерация может требовать либо возвращения тех земель, которые не входили в состав Литовской Республики в 1938 году (есте-

ственно, без территорий Вильнюсского, а также и Клайпедского краев и Белоруссии), либо возмещения в денежном эквиваленте себестоимости этого земельного ареала. Возможно и возмещение натурой, путем предоставления части своей территории под коридор до Калининградской области, от союзного государства России и Республики Беларусь;

— освобождая Литву от немецко-фашистских оккупантов, на территории этого прибалтийского государства погибли около 200 тысяч воинов Красной Армии и более 600 тысяч их были ранены. Тысячи граждан СССР погибли от рук литовцев, которые были в рядах вермахта или других нацистских организаций. Эти фашистские коллаборанты непосредственно убивали и помогали гитлеровцам убивать не только военнослужащих СССР, но и мирных жителей, прежде всего тех, которые приняли Советскую власть в 1940 году и стали полноправными гражданами СССР и Литовской ССР.

Не прекратилась гибель граждан Литовской ССР и в послевоенные годы, когда те жители Литвы, которые не признали советского законодательства и не приняли Советской власти, с оружием в руках выступили против ее представителей. В связи с бандитскими нападениями погибли несколько десятков тысяч советских людей, а также был нанесен огромный ущерб государственному имуществу.

Россия не должна оставаться безучастной к судьбе погибших людей и их семьям, поэтому обязана истребовать от нынешних властей Литовской республики компенсацию морального и материального ущерба для них, а также — возмещение убытков, понесенных экономикой СССР при освобождении территории Литвы от оккупантов, их пособников и от антисоветских вооруженных банд;

— в течение всего периода Советской власти Литовская ССР ежегодно получала более одного миллиарда рублей безвозмездных дотаций от правительства СССР, что составило сумму более 67 млрд долларов США (в тогдашнем исчислении). Все эти средства — кроме того, что было выделено на послевоенное восстановление, борьбу с разрухой, — расходовались на создание промышленности в Литовской ССР, развитие ее сельского хозяйства, просвещения, науки, культуры, здравоохранения, спорта и туризма, баз отдыха, санаториев и курортов, услуг и т.д. Эти деньги отчислялись для Литовской ССР из общесоюзных фондов, следовательно, шли не на развитие других российских регионов.

Нынешнее руководство Литовской республики должно полностью компенсировать все эти многомиллиардные затраты, согласно имеющимся в России финансовым документам;

— образование Литовской республики (на основании незаконного акта от 6 сентября 1991 года, когда неконституционный Госсовет СССР признал выход Литовской ССР из состава СССР) и последовавшая за тем денационализация народного хозяйства Литовской ССР повлекли за собой развал промышленности, сельского хозяйства, общий упадок экономики республики. Это привело к резкому обнищанию большого количества людей в Литве, в первую очередь русской национальности. Самый высокий относительный процентный показатель безработицы наблюдается среди нелитовцев, особенно русских, что свидетельствует о лишении людей средств к существованию по национальному признаку. Это и есть национальный геноцид, который в цивилизованных государствах считается грубейшим нарушением прав человека.

Бывшие граждане Литовской ССР лишены своего имущества, в том числе и в казначейских билетах Госбанка СССР (рублях). Нынешнее литовское государство не помогает людям, оставшимся не по своей воле без работы, без средств к существованию, без пенсий. Никакой компенсации за это они не получают. Отсутствует и должное медицинское обслуживание.

Одна за другой закрываются русские школы для детей. Оставшиеся же «литуанизируются», поскольку в них все шире вводится обучение предметов на литовском языке. Детей лишают возможности духовного роста и образования на родном языке.

Российские правительственные ведомства должны требовать от литовских властей прекратить сокращение числа предметов, преподаваемых на русском языке в русских школах, а также обеспечить незыблемость присутствия российской культуры на землях исторической Литвы, где издревле всегда проживали славяне. Российская Федерация обязана истребовать от властей Литовской республики денежные средства на финансирование действий по компенсации названных фактов и обеспечить получение этих средств российскими соотечественниками в Литве;

— С 1991 года со стороны властей Литовской республики подверглись различного рода преследованиям и были брошены в тюрьмы десятки граждан СССР и Литовской ССР. Среди них — представители властных структур Советского государства и его административные работники, политические деятели, члены и функционеры Компартии Литвы, работники правопорядка и государственной безопасности. Их действия были абсолютно законными, происходили на территории Литовской ССР в рамках советских законов и всецело были направлены на сохранение целостности СССР и советского общественного

строю. Желая сохранить суверенитет, мощь и целостность СССР, они мирно противодействовали антиконституционным сепаратистским действиям антигосударственной организации «Саюдис», лидеры и сподвижники которой являлись тогда гражданам Литовской ССР и СССР, а не гражданами Литовской республики. Последнее было введено только в июле 1992 года. Преследование властями нынешней Литовской республики людей, выполнявших свой служебный долг, является грубейшим нарушением цивилизованных правовых норм.

В связи с этим примененное в отношении граждан СССР и Литовской ССР насилие должно быть полностью морально и материально компенсировано государством Литовская республика. Российская Федерация, как правопреемница СССР, в лице президента обязана гарантировать такую компенсацию своим согражданам и соотечественникам.

Можно и дальше перечислять все то, что должна возместить нынешняя Литовская республика гражданам Литовской ССР и СССР, у которых против их воли вместе с достойным будущим и нормальной человеческой жизнью было отнято общенародное советское государство».

Приведенный текст проекта «иска» в определенной степени дополняет изложенный мной материал об «оккупации» прибалтийских республик Советским Союзом.

В тяжелейшем XX веке политическая карта Европы подвергалась безжалостной перекройке. Западу, имеющему серьезный опыт середины прошлого века, не надо забывать его. Да и своего друга, США, которые не знают по-настоящему всех ужасов войны, ему следует останавливать от безрассудства. И еще: если все обиженные вдруг разом заявят о взаимных претензиях, как это пытается сделать Прибалтика, то неизбежен новый передел Европы. История же учит, что от такого передела в мире не выигрывал никто.

Глава восьмая

ФАШИСТСКИЕ ПОСОБНИКИ

В преддверии празднования 60-летия Победы чрезвычайно обострился вопрос о победителях и побежденных во Второй мировой войне. Были преданы забвению договоренности на Тегеранской, Крымской и Потсдамской конференциях, где руководители трех держав антигитлеровской коалиции принимали решения о послевоенном мироустройстве. Как будто не существовало и Хельсинкского соглашения 1975 года.

Запад, и особенно США, забыв, что основную тяжесть в уничтожении «коричневой чумы» XX века вынес на своих плечах с неимоверными жертвами Советский Союз, проводит массированную дискредитацию роли и места нашей страны во время Второй мировой войны.

В предыдущей главе мне представилась возможность показать, как прибалтийские республики входили в состав СССР, каким образом советские «оккупанты» решали в их пользу территориальные вопросы, проблемы их социально-экономического развития. Но при этом в тени осталась тема, которая сейчас приобретает все более важное значение как внутри прибалтийских республик, так и в их международных отношениях, особенно с Россией. Эта тема — роль националистических боевых формирований, созданных в Прибалтике в годы Второй мировой войны.

Сейчас на фоне националистического утара и русофобии усиленно разворачивается миф об освободительном движении в прибалтийских республиках в годы Великой Отечественной войны. Пособники фашистов да и сами фашисты всячески возвеличиваются, представляются борцами за независимость своих стран.

Попробуем разобраться в этом вопросе не такого уж далекого прошлого и, к сожалению, даже настоящего времени.

1. НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ

С вводом частей Красной Армии на территорию прибалтийских государств и установлением там Советской власти националистические организации Литвы, Эстонии и Латвии были распущены. В Эстонии 27 июня 1940 года вместе с «Кайтселийтом» была расформирована и входившая в него юношеская организация. В Литве в июле была распущена организация «Шаулис», члены которой несли вспомогательную службу в полиции. Та же участь постигла организацию «Айзсарги» в Латвии в июне 1940 года.

Однако формальный роспуск этих организаций не привел к их исчезновению. Во многом они сохраняли свою боеспособность, уйдя в подполье и имея тайные склады оружия. Так, в Латвии почти полностью сохранились кадры распущенной военно-фашистской организации «Айзсарги», насчитывавшей в своих рядах около 60 тысяч человек. В Литве действовал Литовский фронт активистов, имевший численность более 30 тысяч человек.

Именно они, члены националистических организаций «Айзсарги», «Шаулис», «Омакайтсе» — полицейские, реакционные офицеры бывшей буржуазной армии и другие группы националистов, — составили накануне Великой Отечественной войны внутренние силы реакции.

Руководители этих организаций после их роспуска, опасаясь преследований на родине, бежали в Германию, где попали в сферу немецкой разведки, которая использовала их для подрывной деятельности уже против советских прибалтийских республик.

В 1940—1941 годах в националистическом подполье шел активный процесс подготовки к дестабилизирующим действиям в тылу Красной Армии на территории Латвии, Литвы и Эстонии. Восточнопрусское управление Германской военной разведки в мае 1941 года докладывало в Берлин: «Восстания в Прибалтике подготовлены... Подпольное движение в своем развитии прогрессирует настолько, что его трудно удерживать от преждевременных акций».

К началу нападения гитлеровской Германии на СССР только в Риге под руководством резидента немецких спецслужб было создано 200 диверсионных групп. Всего же в подпольных, частично вооруженных

формированиях весной 1941 года в одной только Латвии насчитывалось около 30—40 тысяч боевиков.

Учитывая многочисленность националистических организаций на территории Латвии, Литвы и Эстонии, хорошую организованность и достаточную их оснащенность, можно сказать, что они, безусловно, являлись так называемой пятой колонной, реальной, серьезной силой для советских войск в случае войны с Германией.

На тайных собраниях организаций тщательно обсуждались планы предстоящих действий. На не известных для органов Советской власти участках территории создавались склады оружия, проводилось обучение подрывному делу и практическим действиям по нападению на военные объекты.

Из сообщения того же управления Германской военной разведки в начале июня 1941 года известно, что вооруженные группы литовских националистов получили конкретные задания после нападения Германии на СССР захватить и охранять (или вывести из строя, но не уничтожать) 27 важнейших военных объектов на территории советской Литвы. В их числе были радиостанции, туннель, мост в Каунасе и ряд других стратегически важных железнодорожных объектов. Предполагалось разрушить 15 шоссе́йных мостов, захватить почту, телеграф, телефонные станции в ряде городов Литвы.

За неделю до начала войны органами НКВД в Прибалтике была проведена масштабная операция по нейтрализации национал-экстремистов. Только в Литве были арестованы 5664 человека и выслены 10 187 человек. По признаниям западных историков, это нанесло заметный урон подпольным организациям. Однако далеко не все их участники угодили в руки чекистов. Кстати, факт такой оперативно произведенной «зачистки» на территории, где вот-вот должны были произойти важные действия, сам по себе противоречит мифу о наивности И. Сталина относительно планов нападения Гитлера на СССР в июне 1941 года. Хотя, с другой стороны, в то же время это усугубляет его историческую по своим масштабам и последствиям вину за то, что, несмотря на его жесткие действия, от него не поступило никакого указания о приведении в боевую готовность войск для отражения неизбежной агрессии. В результате этого мы понесли большие потери: было множество убитых, раненых и плененных буквально с первых часов и дней войны. Враг захватил огромное количество военной техники, а стратегическое положение наших войск оказалось катастрофически уязвимым.

Потом уже стало ясно, что в условиях неумолимо надвигающейся войны, в процессе «зачистки», как тогда говорили, «пятой колонны» в руки органов НКВД среди засекреченных агентов немецких нацистов и

их ярых пособников, врагов Советской власти в Литве, попали, нередко по доносам завистливых соседей, и часть ни в чем неповинных людей.

Явно спекулируя этим обстоятельством, литовские власти сегодня очень много говорят о советских репрессиях, о своих гражданах, высланных из республики. Но они упорно умалчивают о том, что в числе высланных 16 тысяч человек, безусловно, большинство составляли те, кто был намерен с началом агрессии против СССР активно помогать гитлеровским оккупантам. Последовавшие через 9 дней после этой депортации события в Каунасе показали, что LAF («Фронт литовских активистов») отнюдь не был «обезглавлен» и уничтожен.

Здесь хотелось бы подчеркнуть, что многие страны мира в целях обеспечения национальной безопасности в условиях войны были вынуждены применять меры по пресечению действий враждебных сил на своей территории. Так сделали, например, США, когда после объявления войны с Японией интернировали этнических японцев, проживающих в Штатах, и освободили их только в 1950-х годах. Но об этом они стараются не вспоминать.

После установления Советской власти в Литве ее националистически настроенные деятели, нашедшие убежище в Германии, создали там «Фронт литовских активистов» (LAF), претендовавший на роль верховного руководителя будущих повстанцев. Новые националистические отряды начали формироваться в Литве буквально в день нападения Германии на Советский Союз. До 36 тысяч человек действовали под началом LAF, который посылал в Литву своих эмиссаров из Берлина.

Особенно активную подпольную деятельность развернул каунасский центр LAF. Именно вооруженным отрядам этого центра уже на второй день войны, 23 июня 1941 года, удалось захватить радиостанцию, и от имени LAF руководитель его каунасского центра призвал все «национальные» силы прийти на помощь гитлеровской армии. Поэтому сразу же после нападения Германии на СССР здесь загревели выстрелы в спины красноармейцев, а вермахт получил верных помощников.

Основным лозунгом националистического подполья Прибалтики перед Второй мировой войной был: «Ясно, что Германия скоро будет воевать с Советским Союзом, и на случай войны мы все, как один, должны с оружием в руках выступить против Советской власти и Красной Армии и вместе с немцами изгнать Красную Армию с наших земель, установить свободу для литовцев, эстонцев и латышей».

Однако планы высших руководителей Третьего рейха расходились с планами как руководителей подпольных организаций, так и глав пра-

вительств прибалтийских государств, находившихся за границей. В Прибалтике фашистами планировалось полное уничтожение всего, что может напоминать о существовании латышей, литовцев, эстонцев как народов с их этнокультурой. Более того, на картах, издаваемых в те годы в Берлине, названия «Литва», «Латвия», «Эстония» были просто стерты!

Идеологи германского фашизма еще до нападения на Советский Союз разработали программу покорения народов Восточной Европы, по которой, Литве, Эстонии и Латвии предстояло стать колониями Великой Германии. Большая часть населения прибалтийских республик подлежала депортации.

В меморандуме германского уполномоченного по решению проблем восточноевропейского пространства от апреля 1941 года в разделе «Эстония, Латвия, Литва» говорилось: «Следует решить вопрос, не возложить ли на эти области особую задачу как на будущую территорию немецкого расселения, призванную ассимилировать наиболее подходящие в расовом отношении местные элементы... Необходимо будет обеспечить отток значительных слоев интеллигенции, особенно латышской, в центральные русские области, затем приступить к заселению Прибалтики крупными массами немецких крестьян, чтобы через одно или два поколения присоединить эту страну, уже полностью онемеченную, к коренным землям Германии».

Эту директиву в 1942 году развил глава СС Генрих Гиммлер, выдвинув задачу «тотального отмежевания» Прибалтики в течение двадцати лет. Немецкие расоведы обосновали эту идею тем соображением, что «у прибалтийских народов число расовой полноценности невелико».

В полном соответствии с общими директивами центральных учреждений гитлеровской Германии планы германизации и колонизации разрабатывались в стенах берлинского Рейхскомиссариата по делам восточных территорий во главе с Альфредом Розенбергом, под непосредственной властью которого находились оккупированные Прибалтика и Белоруссия. Так, в «Принципах обращения с латышами» подчеркивалось: «Прибалтийские страны подлежат онемечиванию: из этого следует, что населяющие их народы частью должны быть ассимилированы, частью — эвакуированы на восток».

Однако до поры до времени оккупационные власти старались скрывать свои истинные намерения в отношении будущего латышей, литовцев, эстонцев. Все это диктовалось объективными условиями — общей политической обстановкой, положением дел на фронтах, возможностью получения из оккупированных областей дополнительных

материальных и людских ресурсов. Расчет на созданные марионеточные «органы самоуправления» в качестве эффективных распространителей демагогической пропаганды не оправдался и не приносил желаемых результатов.

Еще в 1939 году фашистские идеологи, особенно после безуспешных переговоров осенью 1939 года в Москве полномочных военных представителей СССР, Англии и Франции об обеспечении коллективной безопасности в случае агрессии Германии на Польшу, усилили антисоветскую пропаганду. Затем, уже после нападения на СССР, они пытались внушить коренному населению Литвы, Эстонии и Латвии, что гитлеровская армия на советско-германском фронте отстаивает «самостоятельность и независимость» этих государств и поэтому так необходимо активное участие прибалтов в войне против Красной Армии в одном строю с немецкими солдатами.

Определенная часть населения Прибалтики действительно надеялась на то, что, уничтожив руками немцев Советскую власть, они затем прогонят и самих оккупантов и обретут независимость. И в этом плане националистические организации вели усиленную работу на территории всей Прибалтики.

Гитлер был убежден, что германская армия сможет выполнить свою колонизаторскую миссию самостоятельно. Что же касается участия в войне представителей советских народов под какими-либо политическими лозунгами, будь то борьба за уничтожение большевизма или восстановление национальной независимости, то оно, по мнению фюрера, по крайней мере перед войной и на первом ее этапе было просто недопустимо.

Еще за неделю до вторжения на территорию СССР на совещании руководителей фашистского рейха Гитлер, заявляя о целях предстоящей войны, уточнил: «Железным законом должно быть: никогда не должно быть позволено, чтобы оружие носил кто-либо иной, кроме немцев! Это особенно важно. Даже если в какое-то время нам казалось бы более легким привлечь какие-либо чужие, подчиненные народы к вооруженной помощи, это было бы неправильным. В один прекрасный день это непременно и неизбежно обернулось бы против нас самих. Только немец вправе носить оружие, а не славянин, не чех, не казах, не украинец».

Однако уже с первых дней войны, вне всякой зависимости от политических установок гитлеровского руководства, германские вооруженные силы столкнулись с проблемой использования в своих рядах советских граждан. Прежде всего это касалось немецкой военной разведки (абвера), формировавшей и направлявшей в распоряжение шта-

бов немецкой армии группы, насчитывавшие до 25 человек, под командованием немецких офицеров, уроженцев советских республик, в том числе латышей и эстонцев.

Используя для прикрытия трофейное советское обмундирование и вооружение, группы должны были проникать в советский тыл на глубину от 50 до 300 километров, с тем чтобы сообщать по радио результаты наблюдения. Основными пунктами докладов были данные о состоянии железных дорог и автомагистралей, сведения о резервах советских войск.

Первое совещание в рейхе, на котором был рассмотрен вопрос о добровольцах для борьбы против СССР, состоялось 30 июня 1941 года с участием представителей Министерства иностранных дел, верховного командования вермахта, Главного управления войск СС и управления по внешнеполитическим связям национал-социалистической партии Германии. На нем рассматривались общие директивы о подчинении вермахту или войскам СС подразделений и частей национальных формирований. При этом отмечалось, что воинские формирования будут комплектоваться по национальному признаку. Было также установлено, что национальные кадры имеют право носить немецкую форму с национальными знаками различия регулярных войск, но без предоставления им немецкого гражданства.

Уже в первые месяцы Великой Отечественной войны в так называемых оборонительных батальонах, созданных фашистами в Латвии, Литве и Эстонии, служили около 20 тысяч литовцев, 10 тысяч эстонцев и около 15 тысяч латышей. Почти все батальоны были направлены на советско-германский фронт сначала для вспомогательной службы в тылу, а затем на передовую. Некоторые из этих национальных частей использовались на территориях Польши, Югославии, Италии. В их задания, как правило, входили контрольные и карательные функции: проверка гражданского населения и проведение операций против партизан.

Формирование упомянутых групп из числа лояльных литовцев, латышей и эстонцев всецело находилось в ведении вермахта. Соответственно, на них не распространялись установки политического руководства рейха. Однако, с другой стороны, их существование соответствовало гитлеровской восточной политике в части использования советских граждан в вооруженной борьбе.

Немецкое военное командование, привлекая силы и средства национальных воинских формирований прибалтийских государств, стремилось решить тем самым несколько задач: обеспечить безопасность своих тыловых районов от активных действий советских партизан; выс-

вободить часть сил регулярной немецкой армии от выполнения карательных и вспомогательных задач с целью усиления группировок войск на передовой; использовать национальные прибалтийские формирования, с тем чтобы закрыть бреши на участках восточного фронта.

Несмотря на значительные успехи, достигнутые вермахтом в ходе приграничных сражений, и оккупацию значительных территорий страны, война против Советского Союза не стала шестинедельным блицкригом, а потери в живой силе и технике превысили все расчетные данные. В течение первых восьми недель войны германская армия потеряла только убитыми и пропавшими без вести более 100 тысяч человек. Это столько же, сколько во всех предшествующих европейских кампаниях, начиная с сентября 1939 года. Пополнения не могли возместить этих потерь: до конца ноября 1941 года из строя немецкой армии выбыли 740 тысяч солдат и офицеров, в то время как пополнение составило не более 400 тысяч.

Эту проблему командирам германских частей на восточном фронте пришлось решать своими силами путем привлечения советских военнопленных и лиц гражданского населения для выполнения вспомогательных работ в тыловых частях. Зачисленные в состав частей военнопленные заносились в списки. Каждый из них получал паек немецкого солдата, а после двухмесячного испытания и официального зачисления в качестве «добровольцев вспомогательной службы» — денежное содержание и дополнительное довольствие.

Партизанская война в немецком тылу стала вторым важным фактором, повлиявшим на привлечение в ряды вермахта граждан прибалтийских республик и создание из их числа особых вооруженных формирований. Исходя из предпосылки победоносного окончания Восточной кампании в течение нескольких недель, германские войска и командование тыловых районов армейских групп имели в своем распоряжении весьма ограниченное количество охранных и полицейских сил. Дело в том, что большую часть таких формирований, созданных из местных пособников, немецкому командованию приходилось использовать на советско-германском фронте. Так, из 34 охранных батальонов в группе армий «Север» по назначению использовалось лишь 4 подразделения. Поэтому уже в конце июля 1941 года командующим тыловыми районами было разрешено формировать во взаимодействии с соответствующими начальниками СС и полиции «вспомогательные и охранные части». Первоначально это были прежде всего литовцы, эстонцы, латыши.

В августе 1941 года командующий группой армий «Север» генерал-фельдмаршал фон Лееб официально разрешил принимать на службу в

вермахт литовцев, эстонцев и латышей и создавать из них особые команды и добровольческие батальоны для антипартизанской борьбы. Зимой 1941—1942 года были созданы балтийские охранные батальоны — первоначально с целью заменить в тылу немецкие войска для использования последних на восточном фронте, однако, начиная с 1942 года, эстонские батальоны наравне с немцами сражались на передовой линии.

Многочисленные охранные и антипартизанские формирования создавались усилиями руководства вермахта — от командующих тыловыми районами групп армий до начальников гарнизонов. Мелкие команды сводились в роты и батальоны, получали немецкое обмундирование и армейское вооружение, проходили военную подготовку под руководством немецких офицеров и затем выполняли боевые задачи — от охраны объектов до проведения карательных экспедиций в партизанских районах. За такими батальонами закрепилось название «восточные батальоны».

Немецкое командование пыталось всячески поддерживать высокий моральный дух легионеров и других воинских и полицейских формирований, ведя среди них постоянную пропагандистскую работу.

Одним из идеологических приемов немецкого командования было более либеральное отношение к членам буржуазных националистических формирований. К ним чаще применяли материальное стимулирование, выплачивая денежное вознаграждение за несение охранной службы, за членство в этих формированиях, за убийство антифашистски настроенных людей. Например, при поимке советского парашютиста, партизана, коммуниста задержавший получал все средства задержанного или убитого, а также мог быть представлен к соответствующей медали.

Ввиду ненадежности солдат-легионеров их целыми подразделениями вливали под видом «приобретения боевого опыта» в немецкие части. Как вспоминают пленные латыши, в отделениях было по 10 немцев и 3 латыша, причем латышей не ставили на посты одних, а только вместе с немцами.

Несмотря на подобные факты, следует отметить, что значительная часть прибалтов, особенно полицейские, сражались против войск Красной Армии упорно и ожесточенно. Многие свидетельства советских партизан, солдат и офицеров подчеркивают при этом хорошую обученность легионеров.

Немецкое командование уделяло вопросам боевой подготовки солдат, унтер-офицеров национальных прибалтийских воинских формирований достаточно серьезное внимание, при этом не ослабляя конт-

роля и создавая условия для мгновенной реакции на любые негативные ситуации.

Для дифференцированного подхода к процессу обучения предполагаемые местные вспомогательные силы, как называли их сами немцы, делились на следующие категории: добровольные помощники (хиви), служба порядка (оди), шуцманшафты (шума), полицейские и оборонные команды помощников в общинах («гема»). При этом в подготовке учитывались их дальнейшее назначение и характер возлагавшихся на них задач. Так, добровольных помощников предполагалось использовать для выполнения служебных заданий в войсках, они должны были нести охранную и индивидуальную службу. Полицейские в общинах предназначались для помощи бургомистрам и начальникам районов в решении задач местного значения. Оборонные команды помощников предполагалось применять только в экстренных случаях: при появлении «банд» для местной обороны, для борьбы с «бандитами» в своем районе, обычно же они должны были заниматься хозяйственной деятельностью.

С целью качественной подготовки национальных прибалтийских формирований немцы создали целую сеть учебных лагерей и баз. При этом использовались как оккупированные территории, так и германские земли.

Широко применялся немецким командованием метод поощрения за хорошую учебу: присвоение унтер-офицерских званий бывшим рядовым, особенно уже повоевавшим на фронте, отправка их в национальные части на должности командиров отделений и т.д. Такая организация обучения будущих и действующих военнослужащих прибалтийских национальных воинских формирований позволяла немецкому командованию с определенной эффективностью использовать латышские, эстонские подразделения, части и соединения на восточном фронте, в карательных операциях против партизан и мирного населения, а также для работ в тылу своих войск.

Никем не контролируемый рост числа так называемых туземных воинских подразделений вызвал негативную реакцию у Гитлера, который в марте 1942 года запретил их дальнейшее формирование с сохранением уже имеющихся частей в необходимом количестве и в рамках батальонного звена.

Факт признания фюрером существования таких частей знаменовал собой важный сдвиг в вопросе привлечения граждан прибалтийских и других республик на службу в германскую армию. И хотя Гитлер говорил еще и о том, что «самая большая глупость, которую можно допустить в оккупированных восточных областях, — это дать в руки

покоренным народам оружие», шаг за шагом он делал уступки требованиям военной необходимости.

Фактически с конца марта 1942 года началось крупномасштабное по замыслу создание национальных легионов, в частности, в Прибалтике, хотя фюрер еще в течение года оттягивал решение де-юре данного вопроса.

Процесс создания гитлеровским Верховным командованием национальных воинских формирований для службы в составе вермахта и войсках СС имел некоторые особенности применительно к каждому из регионов Прибалтики.

После захвата Эстонии на ее территории вся власть была сосредоточена в руках главнокомандующего группы армий «Север» фельдмаршала фон Лееба. 15 сентября 1941 года начальник тыла группы армий «Север» от имени фельдмаршала отдал приказ об образовании так называемого эстонского самоуправления.

По распоряжению Гитлера в начале декабря 1941 года территория бывшей советской Эстонии выводится из-под управления начальника тыла группы армий «Север» и входит в состав рейхскомиссариата «Остланд». Генеральным комиссаром Эстонии, то есть высшим представителем гитлеровской Германии, был назначен К. Литцман.

По данным зарубежных исследователей, подтвержденным сведениями из российских архивов, уже в конце 1941 года на базе «Омакайтсе» было создано 25—27 полицейских и охранных батальонов неполного состава общей численностью около 10 тысяч человек. В начале 1942 года в ходе объявленной первой «добровольной» мобилизации эстонской молодежи в возрасте от 18 до 25 лет численность личного состава в батальонах увеличилась до 40 тысяч.

Как правило, этим подразделениям давались наименования по месту формирования, например, Нарвский, Тартуский, Вильяндский и другие батальоны. Командирами батальонов и рот были немецкие, а также «проверенные» эстонские офицеры. Однако всегда при эстонском командире находился немецкий офицер связи. По социальному составу полицейские батальоны комплектовались, в основном, из бывших членов профашистских студенческих организаций или из числа бывших полицейских.

Однако надеждам эстонских националистов на создание национальных вооруженных сил не суждено было сбыться, хотя 28 августа 1942 года, в первую годовщину немецкой оккупации территории Эстонии, генеральный комиссар К. Литцман на площади Свободы в Тал-

лине объявил приказ Гитлера об образовании добровольческого эстонского легиона войск СС.

«Waffen-SS» — так назывались все инонациональные, в том числе латвийские и эстонские, формирования, включенные в состав вермахта и войск СС. Иностранные, главным образом восточноевропейские части «Waffen-SS» подчинялись рейхсфюреру Г. Герингу.

Формироваться эстонский легион начал только 8 февраля 1943 года, а до этого проводилась подготовительная работа усилиями оккупационных властей и местных представителей власти на территории Эстонии. Например, было создано «Общество друзей эстонского легиона», которое занималось агитацией за вступление в него добровольцев.

Всеми вопросами организации, вербовки и снабжения занималась специально созданная для этой цели Генеральная инспекция эстонского легиона СС. Но проведенные подготовительные мероприятия по комплектованию эстонского легиона СС на добровольческой основе ожидаемых результатов не дали: во всей Эстонии набралось всего около 500 добровольцев, и поэтому германским властям пришлось провести уже мобилизацию мужского населения Эстонии 1919—1922 гг. рождения. При этом особо учитывались требования устава войск СС к легионеру: здоровье, полная идейная надежность, обязанность служить в легионе до конца войны. Лицам, зачисленным в легион и уже имевшим офицерские и унтер-офицерские звания, присваивались после испытательного срока соответствующие им воинские звания войск СС.

Оккупационными властями и органами «эстонского самоуправления» периодически производилась дополнительная вербовка «добровольцев» в ряды эстонского легиона. С каждой вербовкой проводилась усиленная агитация вступать в легион, а семьям легионеров предоставлялись определенные материальные льготы и привилегии.

После поражений немецкой армии зимой 1942—1943 гг. на восточном фронте вербовка стала принимать все более принудительный характер. В конце марта 1943 года была объявлена мобилизация всех бывших эстонских офицеров и мобилизация мужчин 1925 года рождения, но она не дала желаемых результатов из-за большого числа «уклонистов».

В результате всех этих действий, по официальным данным «эстонского самоуправления», удалось довести численность легиона до 15 тыс. человек, включая все «охранно-полицейские» формирования. Из этого числа приблизительно 11 тысяч человек были посланы на восточный фронт.

Первоначально он был направлен в район Невеля и Себежа для участия в боевых действиях против Красной Армии. Однако реально до конца

декабря 1943 года он участвовал в карательных операциях против советских партизан и мирных жителей на территории Белоруссии и лишь в январе 1944 года был вновь переброшен на нарвский участок фронта, где вел ожесточенные бои с советскими войсками, в том числе и с частями эстонского стрелкового корпуса Красной Армии в районе Рандере.

В этих тяжелых и продолжительных боях 3-я эстонская добровольческая бригада СС понесла большие потери, ее остатки в сентябре 1944 года были отправлены в учебный лагерь в Нойхаммер (Германия). Через месяц оттуда ушла на фронт 20-я эстонская добровольческая дивизия СС, составленная из остатков бригады, участников эстонских полицейских батальонов и членов организации «Омакайтсе».

До января 1945 года части дивизии участвовали в боях в Восточной Пруссии. В январе 1945 года дивизия в полном составе была направлена в район Виттенберга (Германия), где вместе с другими немецкими частями была окружена войсками Красной Армии. Во время этих боев командир дивизии генерал Аугсбергер был убит.

С боями дивизия вышла из окружения и затем отступила на территорию Чехословакии. 11 мая 1945 года недалеко от Праги дивизия сдалась частям Красной Армии. После капитуляции вермахта многие уцелевшие военнослужащие дивизии ушли на Запад, к англичанам, другие вошли в состав подпольных националистических вооруженных формирований, действовавших против Советской власти на территории Эстонии уже после Великой Отечественной войны.

В Эстонии с приходом немецких оккупантов вышли из подполья члены военно-фашистской организации «Омакайтсе», бывшие полицейские и т.п. Из них, как указывалось выше, были сформированы полицейские батальоны.

Эстонские полицейские использовались немецким командованием для охраны лагерей и тюрем на территории «Остланда», а также для охраны гетто в Польше, Югославии и даже Италии. Кроме того, они активно участвовали в карательных операциях против партизан на территории Ленинградской области, в Литве, Белоруссии и в Украине и отличались особой жестокостью по отношению к местному населению, часто превосходя в этом своих немецких хозяев.

Архивные документы свидетельствуют, что только за период 1941—1942 гг. эстонские полицейские батальоны провели около 5 тысяч облав на скрывавшихся в лесах красноармейцев, партработников и активистов, а также на бежавших из лагерей советских военнопленных.

Были задействованы эстонские полицейские в карательных операциях против мирного населения в районах Кингисеппа и Керотово (Ленинградская область), где они совершили множество зверских

убийств, расстреляли и повесили большое число мирных жителей. Только в Ленинградской области ими были полностью сожжены деревни Бабино, Хабалово, Чигиринка.

Кроме этих полицейских подразделений, из числа эстонцев был создан специальный батальон «Остланд». Он был сформирован в октябре 1941 года во Франкфурте-на-Одере и в том же году в количестве 500 человек направлен в Украину, где действовал во Львовской, Киевской, Житомирской областях, выполняя карательные функции. В ноябре 1942 года этот батальон вместе с тремя немецкими полицейскими батальонами и артиллерийским полком принимал участие в операции по борьбе с партизанами в районе Овруча, где в результате совместных действий карателями было сожжено более 50 деревень, расстреляны свыше 1500 жителей. В одной из деревень за убийство эстонского лейтенанта СС были заживо сожжены 40 местных жителей. В феврале 1943 года карательный батальон «Остланд» с награбленным имуществом прибыл в Киев, а в марте был переведен в Польшу, в Тебич, где слился с эстонским легионом СС и принимал участие в боях против Красной Армии.

Карательные операции против мирных жителей оккупированных территорий и партизан проводились в октябре—декабре 1943 года. В ноябре в карательных операциях принимала активное участие и 3-я эстонская бригада СС, которая вместе с другими немецкими частями была задействована в операциях «Хейнрик» и «Фриц» в районе городов Полоцк, Невель, Идрица, Себеж. Кроме личного состава эстонской бригады, в операциях участвовали эстонские полицейские батальоны. Личный состав этих подразделений уничтожал деревни на территории Белоруссии, совершал расстрелы и грабежи, а также массовую отправку мирных жителей в Германию.

По показаниям солдат и офицеров бывшего 286-го эстонского полицейского батальона и 3-й эстонской бригады СС, находившихся под следствием после ареста органами НКГБ ЭССР, в ходе этих карательных операций, проводившихся в Литве, Белоруссии, в районе станции Идрица и в Себеже, личный состав вел борьбу с партизанами, прочесывал леса и проводил облавы в деревнях, одна из которых была полностью сожжена (20—30 домов). Карательные налеты 3-й эстонской бригады СС продолжались до конца декабря 1943 года.

Оккупировав летом 1941 года советскую Латвию, немецкое командование включило ее в состав восточных областей «Остланд».

На территории «Остланд» военно-политическое руководство Германии ввело институт рейхскомиссаров, которые подчинялись рейхсминистру А. Розенбергу. Его подчиненным в Риге стал рейхскомиссар Г. Лозе.

Для демонстрации показной независимости Латвии немцами было создано «латвийское самоуправление». Германской службой безопасности в границах «Остланд» был сформирован главный округ СС под руководством обергруппенфюрера СС генерала полиции Ф. Еккельна со штаб-квартирой в Риге.

В Латвии многие из тех латышей, которые стремились во что бы то ни стало воспрепятствовать возвращению советских войск на территорию республики, присоединились к немецким войскам в их «крестовом походе против большевиков». Около 166 тысяч латышей в той или иной форме принимали участие в боевых действиях против Красной Армии на стороне вермахта. При этом большая часть их стала членами латвийских СС.

Здесь, как и в других прибалтийских республиках, немецкое командование нуждалось в национальных полицейских подразделениях, которые могли бы освободить немецкие воинские части от необходимости поддерживать оккупационный режим и бороться с советскими партизанами.

Формирование таких полицейских подразделений проходило на базе уже действовавших с первых дней немецкой оккупации территории советской Латвии так называемых отрядов самообороны, которых было шесть, каждый численностью до 150 человек. За короткий срок, с сентября по октябрь 1941 года, было создано 26 полицейских батальонов, большая часть которых формировалась в Риге. Часть латвийской полиции составили деклассированные элементы.

Вступившие принимали присягу на верность германскому военному командованию. Однако нарушение принципа добровольности немецкими оккупационными властями при отборе кандидатов сказалось в дальнейшем на боеспособности этих формирований. В связи с тяжелым положением немецкой армии после поражения под Москвой командование вермахта в начале 1942 года стало повторно готовить латышские полицейские батальоны для отправки на передовую и создавать для этих целей новые полицейские подразделения и части. В то же время, по показаниям пленных солдат из этих формирований, при отправке на фронт немецкое командование заверило их, что они будут использованы только для несения гарнизонной службы по охране дорог, мостов, железнодорожных станций и т.п.

Каждый латышский полицейский батальон в среднем насчитывал до 350—400 человек. Рядовой состав — в основном, латыши, но в некоторых подразделениях имелось небольшое количество русских (уроженцев Латвии), украинцев и др. Командный состав (до командиров рот) был преимущественно латышским. Иногда батальоном командо-

вал латыш, но при этом к нему для контроля непременно был представлен немецкий офицер.

Первоначально и достаточно непродолжительное время батальоны использовались для обеспечения внутреннего порядка в Латвии. Но затем немцы стали привлекать так называемые шума-батальоны для борьбы с партизанами в Украине, в Белоруссии, а также «затыкали» ими бреши на передовых позициях в боях с Красной Армией.

Первый латвийский «шума-батальон» был послан на восточный фронт в октябре 1941 года. Но уже в конце октября вместе с другими латвийскими подразделениями был выведен с фронта из-за неудовлетворительного оснащения и снаряжения, а также весьма плохого знания личным составом военного дела и больших потерь. В ноябре 1941 года, по разным источникам, в госпиталях Риги находились около 500 раненых латышских солдат из полицейских батальонов. После неудачных боев полицейские подразделения латышей через некоторое время были заменены немецкими армейскими подразделениями и частями.

Следует также сказать, что наряду с реструктуризацией полицейских батальонов создавались и охранные батальоны на основе призыва под видом работы в строительных подразделениях. Выбирать предлагали из двух зол: или работу в Германии, или службу в тылу немецкой армии. Зная по слухам, что в Германии жизнь для так называемых гостевых рабочих близка к каторжной, многие латыши выбирали работу в армейском тылу. Вместе с обмундированием и лопатой солдаты получали винтовки для самообороны.

Вот как свидетельствует об этом пленный из 8-го Двинского пехотного полка: «В феврале 1942 года я, как и другие безземельные крестьяне, получил извещение, что 1 марта должен в обязательном порядке явиться в Либаву для отправки на работы, причем можно было выбирать — или в Германию, или в тыл немецкой армии. Так как всегда говорили, что в Германии очень тяжелые условия, я выбрал 21-й Либавский батальон, причем говорили — и я был в этом уверен, — что это именно рабочий батальон. В первые дни марта нас обмундировали в форму бывшей латвийской армии, выдали лопаты и винтовки. В течение марта нас обучали военному делу. На мой вопрос сержанту, почему нам выдали винтовки, если мы являемся рабочим батальоном, он ответил, что это распоряжение немецкого командования и что мы, вероятно, поедем работать в Украину».

В феврале 1942 года была создана 2-я механизированная бригада СС, которая осенью 1942 года была отправлена на восточный фронт.

После того как стало известно о решении Гитлера сформировать на территории Эстонии части СС, сторонники создания национальных

вооруженных сил на территории Латвии обратились с просьбой к Г. Лозе о согласии на формирование 100-тысячной латвийской армии. Личный посланник рейхсфюрера СС Г. Бергер провел тщательное изучение политических взглядов и настроений ближайшего окружения инициатора создания этой армии генерала Р. Бангерскиса и доложил Гиммлеру, что последний подобным шагом хочет добиться прежде всего личных политических выгод. Вместо формирования какой-либо самостоятельной латвийской армии он предложил сформировать латвийский легион в составе СС для борьбы с советскими партизанами.

Латыши, несмотря на то что, с точки зрения Гиммлера, не соответствовали арийским стандартам, могли стать достаточно надежными союзниками для совместной борьбы против Красной Армии. Гиммлер представил соответствующее предложение Гитлеру и получил принципиальное согласие на формирование «Латвийского добровольческого легиона СС».

В качестве основы для будущего легиона Гиммлер выбрал четыре латвийских «шума-батальона», входивших тогда в состав 2-й механизированной бригады СС, сражавшейся под Ленинградом.

Гитлер в феврале 1943 года подписал официальный приказ о формировании латвийского легиона, где отметил, что его численность будет зависеть от наличия соответствующего человеческого материала. По замыслу немецкого высшего военно-политического руководства, латвийский легион с самого начала должен был стать наиболее крупным по численности из формирований подобного рода.

В конце февраля — начале марта 1943 года началось формирование латвийского добровольческого легиона СС. Несмотря на большую агитационную кампанию, дело практически провалилось. Тогда немцы вызвали повестками в полицейские участки мужчин 1919—1924 гг. рождения и после медицинского осмотра лиц, признанных годными к службе, направляли по выбору кандидата: в латышский легион СС, в обслуживающий состав немецких войск или на оборонные работы. При этом в легион зачислялись только мужчины ростом не ниже 164 см. От призыва в легион освобождались занятые на заводах, выполняющих заказы немецкой армии, и работающие в военизированных учреждениях (полиция).

Гиммлер для поддержания национального достоинства латышей принял решение предоставить ключевые командные должности в легионе латышам по рождению. В начале марта 1943 года Р. Бангерскис был назначен командиром, как указывалось в приказе, «1-й дивизии латвийского добровольческого легиона СС». Ему было присвоено звание бригаденфюрера и генерал-майора латвийского легиона.

В конце марта, после того как Р. Бангерскис развернул активную работу по набору в формирующуюся дивизию, ему было присвоено звание группенфюрера СС и генерал-лейтенанта латвийских войск. Одновременно он был назначен генеральным инспектором латвийского добровольческого легиона СС.

Для подготовки очередной мобилизации немцы распространили слухи о том, что будет создана суверенная Латвия во главе с избранным президентом. Кроме того, многих латышей прельщало то, что в легионе командирами предполагалось назначать латышей, то есть они попадали в чисто латышскую войсковую часть, плюс ко всему легионерам обещали существенное по отношению к другим гражданам Латвии преимущество в продовольственном и материальном обеспечении.

На деле оказалось, что командовал легионом немецкий генерал Хансен. Высший командный состав был представлен, за исключением двух латышских генералов, немецкими офицерами. Средние командные должности в легионе занимали бывшие офицеры латвийской армии.

Легион строился по принципам немецкой армии, обмундирование было частично бывшей латвийской армии, частично — войск СС. Вооружены были легионеры немецким, чешским, французским и румынским оружием.

Руководство «Остланд» продолжало создавать латышские воинские формирования под знаменами легиона. Стало окончательно ясно, что понятие «латвийский легион» употребляется в качестве коллективного обозначения для всех латышей, проходивших службу в латвийских воинских формированиях, включая полицейские батальоны.

Первое боевое крещение 15-я добровольческая латвийская дивизия СС, созданная в марте 1943 года и вошедшая в состав немецкой группы армий «Север», получила в ноябре 1943 года, когда была срочно переброшена на северный участок восточного фронта с задачей задержать наступление советских войск на Невельском направлении.

Наступление частей Красной Армии началось 18 ноября 1943 года. Латвийские подразделения 15-й дивизии оказали им достаточно серьезное сопротивление и после больших потерь в декабре того же года были вновь переформированы в национальную дивизию в составе немецкого армейского корпуса для удержания обороны по рубежу Пустошка, Новосokolьники.

В то время как 15-я дивизия вела ожесточенные бои, в Берлине решался ряд вопросов, касающихся ее предназначения и основных структурных компонентов.

В июне 1944 года наименование «добровольческая» для 15-й дивизии было заменено на «Waffen» («Оружие»), обозначавшее ее принад-

лежность к инациональным формированиям. Сразу же на основании приказа оккупационных властей всех потенциальных офицеров «Waffen-SS» отправили с территории Латвии в специальную школу СС в Бад-Тольце для обеспечения непрерывной замены офицерского состава двух латвийских дивизий СС. Однако отсутствие необходимого количества казарменных помещений и неудовлетворительное снабжение стали причиной массового дезертирства среди латышских гренадеров.

В то время как шел процесс переформирования 15-й дивизии, части Красной Армии в завершающие месяцы 1944 года продолжали наступление на немецкие войска, оккупировавшие территорию советской Латвии, и на военные подразделения их пособников из местных коллаборационистов, в результате которого в середине октября 1944 года была освобождена столица республики Рига. Однако немецкая группировка (в ее составе была 19-я латвийская дивизия СС) продолжала удерживать оборонительные позиции в Курляндии.

Отработка взаимодействия подразделений 15-й дивизии в боевых условиях так и не была завершена в полной мере, когда 12 января 1945 года началось массированное наступление советских войск по всему Западному фронту. Германские войска постепенно откатились к Кёницу, и слабо подготовленная 15-я дивизия была введена в бой в качестве резерва. В составе немецкой танковой армии она вела оборонительные бои в Западной Пруссии. Раненые и больные солдаты дивизии отправлялись в Кёниц. Те из них, кто сохранил возможность держать оружие, приняли участие в ожесточенных боях за удержание этих портов, через которые проходила основная эвакуация остатков немецкой северной группировки. Некоторым военнослужащим дивизии удалось уйти, к примеру, одна из прибалтийских команд без потерь добралась до Дании, но большинство легионеров сдались наступающим советским войскам.

На территории Латвии основу для создаваемой немецким оккупационным командованием охранной полиции, или так называемых отрядов самообороны, составили члены военно-фашистской организации айзсаргов, вышедших из подполья после прихода немцев. В Риге было создано 6 «отрядов самообороны», численностью по 150 человек каждый. Штаб их находился в Риге.

По замыслу немецкого оккупационного командования, предполагалось использовать созданные подразделения для обысков, арестов, облав и прочесывания лесов. Во главе этих отрядов был поставлен подполковник бывшей латвийской армии З. Вейс.

Одним из кровавых показателей их «работы» могут служить массовые расстрелы советских граждан в Риге. Как правило, им предше-

вала специальная подготовка: накануне на совещаниях собирались руководители полицейских команд, представители националистических организаций, где обсуждались методы ареста и способа уничтожения людей. Каждый из участников массового расстрела должен был четко знать свое место и функции в предстоящей акции, проводившейся всегда по одному сценарию: в заранее назначенное место и время собирались ее участники из числа полицейских, айзсаргов. Всех поили водкой, затем на городскую площадь немцы с полицейскими выгоняли арестованных и гнали их в ближайший лес, где заранее были вырыты ямы и установлены пулеметы. Более 3 тысяч человек стали жертвами этих акций.

Кроме непосредственного участия в боевых действиях против частей Красной Армии, эти подразделения использовались оккупационным командованием для «наведения порядка в тылу», то есть борьбы с партизанами на территории Латвии, Украины, Белоруссии и других регионов. Даже на Кавказе летом 1942 года для «наведения порядка» в тылу немецких войск действовали два латвийских полицейских батальона.

Как правило, в расстрелах принимали участие латвийские каратели из полицейских батальонов и члены молодежной организации айзсаргов. Общее руководство возлагалось на немецкую администрацию. Ряд документов проливает свет на факты уничтожения латвийскими полицейскими и латышей. В своей телефонограмме помощник шефа окружной полиции сообщал 12 июня 1943 года областному руководителю СС и полиции, что в соответствии с установкой, данной на совещании в Риге командиром жандармерии на латышских территориях и руководителем опорного пункта СД в Шкауне, была произведена эвакуация (так в рапортах назывались расстрелы) семейств, один или несколько членов которой перешли к «бандитам», т.е. к партизанам.

«Эвакуации» были подвергнуты деревни Шкауне, Рундени, Паспене и Брити. В соответствии с планом в течение трех часов были расстреляны 224 человека, и сделали это полицейские из 273-го батальона латвийской полиции. Такие акции были нередки: власти «Остланда» всячески старались подавить любое инакомыслие.

По замыслу немецкого командования в интересах защиты границы бывшей Латвии от нападения партизан с сопредельной белорусской территории генерал Йеккельн, командующий силами полиции и СС в «Остланде», в период с начала февраля до середины апреля 1943 года предпринял полицейскую операцию с целью создания нейтральной зоны шириной 40 км. Эта полоса земли без жителей и населенных пунктов должна была лишить партизан их опорных пунктов.

Таким образом, партизаны перед проникновением в Латвию должны были бы дополнительно преодолеть это 40-километровое расстояние.

Немецкие комендатуры из-за опасности партизанских нападений оставили эту территорию. Полосы шириной 5 км вдоль железной дороги оставались под контролем вермахта. Отступая, комендатуры предоставили жителям-мужчинам право выбора: либо уйти вместе с немецкими войсками, либо остаться. Многие ушли и чаще всего несли затем охранную службу.

Операция разворачивалась следующим образом: войдя в деревню (вначале никакого сопротивления не оказывалось), солдаты немедленно расстреливали всех, кого можно было подозревать в принадлежности к партизанам. Таковыми считались практически все жители-мужчины в возрасте от 16 до 50 лет. Обосновывалось это тем, что они в свое время не ушли из этих мест вместе с комендатурами. Вслед за регулярными войсками появлялись части СД, которые действовали примерно так: всех подозрительных среди тех, кто остался, расстреливали, в том числе стариков и инвалидов, которым был не по силам долгий пеший марш. Остальные — в основном, женщины с детьми — направлялись пешком к месту так называемого второго шлюзования. Тех, у кого в пути отказывали силы, расстреливали. Из сборных лагерей людей отправляли в другие лагеря, например, в Саласпилс под Ригой, где женщин разлучали с их детьми и направляли на работу в Германию.

Деревни в большинстве случаев еще до прибытия хозяйственных команд с целью сбора оставшихся ценностей подвергались разграблению и сожжению. В ходе продолжающейся операции сопротивление все возрастало. В отдельных случаях разыгрывались настоящие сражения, во время которых пускали в ход и артиллерию. Всего было уничтожено несколько сотен деревень, среди них и такие, где насчитывалось до тысячи и более жителей. Только в районе Мациевичи было уничтожено 1247 мирных жителей.

По данным архивов, в 1942 году в результате карательных экспедиций 2-й бригады латвийских СС были сожжены деревня Федоровка Чудского района Новгородской области, село Осино. Кроме того, личным составом бригады в 1941—1943 гг. проводились массовые поджоги и расстрелы в населенных пунктах Лубницы, Осец, Кречно в 60 км северо-западнее Новгорода, а также в концлагере около г. Красное Село Ленинградской области.

19-я латышская дивизия СС, кроме участия в военных операциях на восточном фронте, выполняла следующие задачи: борьба с советскими партизанами в тыловых районах немецких войск; проведение об-

лав на мирных жителей, заподозренных в помощи партизанам; уничтожение мирных советских граждан; конфискация у населения скота, зерна, продуктов питания; сожжение населенных пунктов. В основном, эти задачи выполнялись силами роты полицейской жандармерии, организационно входившей в штат 19-й латышской дивизии СС, но часто для их решения привлекался дополнительно и личный состав других боевых частей и подразделений соединения.

В 1943 году части 19-й латышской дивизии СС участвовали в карательных операциях против советских партизан в районах Невель, Опочка, Псков (расстреляны 560 человек в 3 км от Пскова). 18 декабря 1943 года в Заля-Гора, западнее Новгорода, были расстреляны 250 мирных жителей.

Силами роты полицейской жандармерии в начале января 1944 года массовые расстрелы проводились в Чудове Ленинградской области. В деревне Глухая 21 января 1944 года латышские каратели загнали в сарай 200 человек и расстреляли из пулеметов, в концлагере под Пороховом в Белоруссии были расстреляны 500 человек. Всего с 18 декабря 1943 года по 2 апреля 1944 года личным составом 19-й латышской дивизии СС при проведении карательных акций было уничтожено 23 деревни, в 13 из них расстреляны 1300 человек.

Военнослужащие этой дивизии также сопровождали эшелоны новобранцев в качестве охранников. При этом, по воспоминаниям некоторых из них, жестоко пресекались малейшие попытки побегов. Так, в начале января 1944 года при сопровождении эшелона с мобилизованными в Ригу охрана расстреляла 25 человек.

Таковы лишь некоторые запечатленные в документах факты истории, освещающие действия эстонских и латвийских дивизий «Waffen-SS» и других воинских и полицейских формирований в 1941—1945 гг.

На следующий день после вступления немецких войск на территорию советской Литвы, 23 июня 1941 года, было объявлено о том, что в Каунасе сформировано временное правительство под руководством премьер-министра К. Шкирпы, бывшего посла буржуазной Литовской республики в Германии, который летом 1940 года после восстановления Советской власти в Литве остался в Берлине. Однако Гитлеру не нужен был политический лидер, наделенный атрибутами национальной власти, на оккупированной вермахтом территории. Поэтому давно работавший на гестапо К. Шкирпа был интернирован в Германию. В результате фактическим премьер-министром так называемого правительства стал Ю. Амбразевичюс, непосредственный руководитель подпольных структур LAF на территории советской Литвы. Ми-

нистром коммунального хозяйства в этом правительстве был назначен Витаутас Ландсбергис-Жямкальнис (упоминавшийся выше папаша Витаутаса Ландсбергиса — впоследствии «отца литовской нации»), который в правительстве, сколоченном по заданию абвера, представлял литовских крайних радикалов-вольдемаровцев.

В последних числах июня 1941 года во многих городах республики была восстановлена полиция, существовавшая до войны. Полиция Литвы до июня 1940 года состояла из трех основных департаментов — так называемой полиции порядка (ее называли также «внешняя полиция»), криминальной полиции и политической полиции.

Немецкое армейское командование охотно прибегало к помощи литовских националистов, используя их для борьбы с отставшими от своих частей красноармейцами, против коммунистов и евреев. Однако в июле-августе 1941 года немецкое армейское командование разоружило большую часть литовских отрядов, сформированных под руководством LAF, а часть из них, так называемые отряды самообороны, перешли в подчинение немецкой полиции порядка.

В начале 1942 года большая часть батальонов «самообороны» была передана в подчинение немецкой полиции порядка (Орпо). На основе большинства бывших батальонов «самообороны» в 1942 году были созданы литовские карательные батальоны. Последние были лучше вооружены, более боеспособны и специально предназначены для борьбы с партизанами. Однако батальоны «самообороны» продолжали существовать одновременно с полицейскими батальонами по меньшей мере до конца 1943 года. В батальонах «самообороны» служило около 10 тысяч человек; в литовских полицейских батальонах — 6 тысяч человек (по данным на 1942 год).

Литва, как известно, была и остается многонациональной республикой. В предыдущих главах уже было отмечено, что, помимо литовцев, здесь издавна проживали украинцы, белорусы, русские, евреи, поляки, а также старообрядцы. Немцы умело учитывали «интересы» национальных меньшинств, но выигрывали от этого только немецко-фашистские оккупанты. Поэтому, помимо литовской полиции, в оккупированной Литве появилась польская, еврейская полиция и другие. Но они оказались недолговечными и вскоре были распущены, а некоторые коллаборанты — уничтожены. Так произошло с членами еврейских охранных отрядов Виленского еврейского гетто вскоре после того, как эти евреи по заданию немецкой оккупационной администрации уничтожили еврейское гетто в Ошмянах.

К русским старообрядцам немцы использовали особый подход — они играли на антисемитских лозунгах и на религиозных чувствах ве-

рующих и в то же время не заставляли их служить бок о бок с литовцами в полицейских батальонах. Старообрядцев вербовали, в основном, в Русскую освободительную армию генерала Власова.

Коллаборационизм оказался многонациональным явлением. Однако «многонациональный» не значит «интернациональный», поскольку невозможно представить себе литовского полицейского, воюющего за общее дело вместе с польским полицаем, еврейским «охранником» или немецким эсэсовцем. Каждый из них лишь занимал определенную нишу в нацистской расовой шкале, становился звеном в цепи преступлений нацизма...

Проект создания литовского легиона СС был предложен в начале февраля 1943 года. Вопрос о формировании аналогичных легионов на оккупированных территориях Эстонии и Латвии был уже решен, и вербовка добровольцев началась. Однако на литовских территориях мероприятие закончилось неудачей.

В конце февраля 1943 года генеральный комиссар фон Рентельн издал воззвание к литовцам с призывом вступать в литовский легион СС. Однако неожиданно генеральные советники литовского самоуправления отказались подписать этот документ. В ответ они передали генеральному комиссару меморандум, в котором говорилось, что мобилизация противоречит международному праву и что сначала нужно восстановить независимость Литвы. Впрочем, они не отвергали идеи мобилизации в принципе, но предлагали компромиссное решение: создать самостоятельную литовскую армию под командованием своих же, литовских офицеров.

Немцев, конечно же, такие условия не устраивали. Руководство рейха вообще не горело желанием отдавать кому бы то ни было «законно» принадлежащие ему земли. Именно поэтому немцы в переговорах с коллаборационистами упорно стояли на своем, считая единственно возможным вариантом следующий: сначала вы проводите мобилизацию, а уж потом мы даем вам независимость. Однако, получив новую партию «пушечного мяса», они и не думали выполнять условия этой сделки! Данный спор показывает, как немцы на самом деле относились к идее создания «армии независимой Литвы».

В октябре 1943 года местное литовское самоуправление объявило о создании, помимо «отрядов самообороны», специального воинского подразделения, которое, по их мнению, должно было использоваться исключительно для борьбы с партизанами на территории Литвы.

Было объявлено, что это воинское формирование будет самостоятельным, не зависимым от немцев. Создание соединения «Литовский территориальный корпус» должно было выглядеть как восстановле-

ние национальной литовской армии. В феврале 1944 года немецкие власти дали официальное согласие на инициативу литовского самоуправления о формировании «Литовского территориального корпуса» (ЛТК). Было объявлено о призыве в этот корпус. Немецкая пропаганда вбивала в головы людей: «Литовскому народу еще раз дана возможность показать свою готовность сражаться против большевизма».

Перед этими событиями немцы организовывали митинги в Каунасе и Вильнюсе с целью привлечь людей в корпус. Главные призывы националистов здесь были воинственными — большевистская опасность приближается к границам литовской территории, литовская молодежь должна взяться за оружие для защиты ее границ от Красной Армии. Естественно, выражалась верноподданническая благодарность германской армии и Адольфу Гитлеру за спасение литовцев от большевизма.

В ходе мобилизации в «Литовский территориальный корпус» было зарегистрировано около 19 тысяч добровольцев. Но немецкие власти решили, что для литовского корпуса будет достаточно и 5 тысяч человек, а «излишек» в 14 тысяч человек будет передан в вермахт. Литовское самоуправление было против, считая, что вместо этого следует увеличить численность корпуса до 9750 человек. Немцы согласились на эту меру, но с неохотой. Они обещали снабдить корпус обмундированием и вооружением, но лишь тогда, когда германское командование сочтет это необходимым. К марту 1944 года на призыв явились еще 16 тысяч человек, но мобилизацию тем не менее продолжали, чтобы иметь возможность выбора. Преимущество при вступлении в «Литовский территориальный корпус» имели сыновья крестьян, владевших свыше 20 гектаров земли, как «особо враждебная большевизму» социальная группа.

Формально ЛТК должен был иметь независимый статус под общим германским руководством и не относиться ни к вермахту, ни к войскам СС или полиции. В то же время все обмундирование и военное снаряжение было предоставлено немцами.

В мае 1944 года вопреки всем предыдущим обещаниям «Литовский территориальный корпус» был передан в распоряжение германского армейского командования. После наспех проводимого обучения батальоны ЛТК были направлены в район Вильнюса для подавления партизанского движения. Там, по словам немцев, они показали себя не пригодными для выполнения этих задач в «моральном и военном отношении», так как значительная часть солдат перешли на сторону партизан.

Вскоре после этого было объявлено о расформировании «Литовского территориального корпуса», а его личный состав был передан в

распоряжение ВВС для использования в качестве наземного аэродромного персонала и помощников на батареях ПВО. Значительному числу солдат ЛТК удалось избежать разоружения и отправки в другие части, уйдя в лес к партизанам.

Одновременно с формированием ЛТК началась вербовка добровольцев в литовские полицейские батальоны. По данным служб «Остланд», на призыв явились 12 600 человек. Впрочем, предшествовавшая мобилизации пропагандистская акция проводилась таким образом, что большинство из них думали, что их призывают в мифическую «Вселитовскую армию».

Летом 1944 года по инициативе двух литовских офицеров-коллаборантов была предпринята последняя попытка объединить различные литовские вооруженные формирования, которые не были расформированы и отступали вместе с частями вермахта. Эта сводная часть получила название «Армия обороны Отечества» (ТАР). Она состояла из двух полков под командованием литовских офицеров. Общее командование соединением осуществлял немецкий полковник.

«Армия обороны Отечества» занимала оборонительную позицию близ села Папилие, когда 7 октября 1944 года немецкая оборона была прорвана силами Красной Армии. Оба полка ТАР были смяты и понесли большие потери. Уцелевшие отступили вместе с немцами и уже в Восточной Пруссии были преобразованы в «Литовский саперный батальон», который был направлен на строительство укреплений на Балтийском побережье. Позднее он вошел в состав группы армий «Курляндия». Лишь немногие раненые были эвакуированы по морю и закончили войну в Любеке. Значительное число оставшихся в живых фашистских пособников покидали свою часть и уходили в леса.

13 июля 1944 года советские войска освободили Вильнюс, а 2 августа этого же года был очищен от немецких войск частями Красной Армии Каунас.

2. ПРОДОЛЖАТЕЛИ «ДЕЛА» ФАШИСТСКИХ ПОСОБНИКОВ

Как же сложилась судьба прибалтийских национальных фашистских пособников? Некоторые понесли суровую кару по законам военного времени, другие, отбыв положенное наказание в виде лишения свободы, стали жить в советских республиках, а часть из них дожили и до «благополучных» времен, когда можно пройтись по улицам и площадям в старой форме легионеров СС. Кому-то удалось уйти с немца-

ми на запад, осесть в Германии, Англии, США, Канаде, Австралии и других странах и оттуда десятилетиями проводить подрывную работу против СССР. Некоторые из них смогли вернуться на родину, а один даже стал президентом страны. Но иная судьба у основных виновников этих событий: например, Розенберг и Йеккельн получили сполна за свои преступления.

На суде бывший министр по делам оккупированных восточных территорий пытался защищаться, однако весьма неумело. Получив на руки копию обвинительного заключения, возмущенный Розенберг нацарапал на нем: «Я отвергаю обвинение в заговоре. Антисемитское движение было только мерой защиты». Сидя в камере Нюрнбергской тюрьмы, идеолог нацизма написал свои мемуары — очевидно, чтобы обелить себя по крайней мере перед историей.

Фридриху Йеккельну, являвшемуся главой СС и полиции в «Остланде», также не удалось уйти от возмездия. На суде он с поразительным хладнокровием признавался в совершенных на территории Прибалтики массовых убийствах. В феврале 1946 года военный трибунал вынес ему смертный приговор, а на следующий день приговор был приведен в исполнение на территории бывшего Рижского еврейского гетто.

Чиновники оккупационной администрации, которые вовремя сумели сдать в плен союзникам, отделались «легким испугом».

Рейхскомиссар «Остланда» Лозе предстал перед трибуналом лишь в 1948 году, правда, не советским, а британским. Приговор оказался мягким — 10 лет тюремного заключения. К тому же Запад очень любил отпускать военных преступников на волю через пару-тройку лет. Лозе был амнистирован в феврале 1951 года.

Тем не менее заслуженный конец настиг нацистских главарей — людей, которые почти в течение четырех лет управляли оккупированной Прибалтикой и под чьим руководством творились страшные злодеяния.

Их литовским, эстонским и латвийским коллегам повезло больше. Многие из них оказались на Западе, благополучно уйдя от расплаты. Наказание в виде приговора трибунала получили лишь несколько «мелких сошек» — рядовых исполнителей казней, но не их организаторов.

Скольким преступникам удалось скрыться за границей? Кто предоставил им убежище? В основном, это бывшие союзники СССР по антигитлеровской коалиции. К сожалению, во многом благодаря им большинство военных преступников из числа коллаборационистов остались безнаказанными. На Западе их приветствовали как «борцов за независимость» своих стран, пострадавших от советских «оккупантов».

После всего сказанного есть смысл внимательно взглянуть и на факты, связанные с «националистическим сопротивлением» в республиках Прибалтики в 1944—1952 годах.

После освобождения территории Прибалтики от немецко-фашистских войск там стали действовать достаточно многочисленные подпольные группы националистов. Они оказывали сопротивление в тылу Красной Армии, совершали диверсии и саботаж, убийства советских и партийных активистов, офицеров и солдат Красной Армии, простых людей, которые приняли социалистические принципы хозяйствования и начали строить новые промышленно развитые республики, восстанавливать свои жилища. Националисты всячески пытались помешать этому процессу. Их целью было противопоставить местное население Советской власти, вовлечь людей в свою деятельность — кого с помощью агитации, а кого и путем запугивания.

По данным западных источников, численность участников «националистического сопротивления» после изгнания немецких войск в Эстонии составила 50 тысяч человек (так называемые лесные братья), в Латвии — около 60 тысяч человек, а в Литве — примерно 120 тысяч. Данные специальных органов СССР говорят, что эти цифры были явно завышены. Действия боевых националистических групп продолжались в Эстонии до конца 1945 года, в Латвии — до 1947 года, а в Литве выстрелы гремели до 1952 года.

Возникает вопрос, кто же были эти националистические силы — люди, сотрудничавшие с немецко-фашистскими оккупантами в годы войны, или это была «третья сила», выступающая как против немецких оккупантов, так и против советских войск?

Нынешние власти прибалтийских государств сейчас занимают однозначную и твердую позицию — только «третья сила». Многочисленные же документы дают на этот вопрос убедительный ответ — у истоков националистического движения стояли германские спецслужбы. Значительная часть вооруженных формирований националистов была подготовлена в 1944—1945 годах немецкой военной разведкой.

На территории Латвии спецслужбы приступили к организации боевых групп из прибалтийских националистов не позднее августа 1944 года. Параллельно с разведкой абвера организацией таких групп занимался особый штаб во главе с известным диверсантом Отто Скорцени. Главной задачей этого штаба являлась организация диверсий и саботажа на территориях, освобожденных Красной Армией от немцев.

В октябре 1944 года из тех, кто ранее служил в Латышском легионе СС и полицейских батальонах, была сформирована националистичес-

кая организация «Дикие кошки». Основная задача «кошек» состояла в том, чтобы развернуть партизанское движение в освобожденных Красной Армией районах советской Латвии. Некоторые политики и исследователи по незнанию, а некоторые и умышленно считают «диких кошек» самостоятельной организацией латвийских националистов. Однако не только показания пленных, но и сохранившиеся документы говорят о том, что это было «детище» Скорцени и действовало это «дитя» под прямым руководством высшего командования СС и СД.

На момент капитуляции Германии на территории советской Латвии находилось пять групп «диких кошек», которые ушли в подполье. Последняя группа была ликвидирована летом 1947 года. Возглавлял ее немецкий офицер.

Подобной была история создания так называемой группы Курелиса, и такой же бесславный постиг ее конец.

На территории советской Эстонии существовали как самостоятельные националистические группы «лесных братьев», так и отряды, специально подготовленные немецкой разведкой. Однако здесь националистическое движение оказалось слабее и малочисленнее, чем в других республиках Прибалтики. Организацией этих групп и заброской агентуры в тыл Красной Армии на освобожденных территориях Эстонии занимались непосредственно немцы. В последние месяцы немецкой оккупации эстонские коллаборационисты прилагали все усилия, чтобы установить контакт с правительством Финляндии и добиться помощи в организации националистического подполья. Дальнейшее развитие событий показало, что некоторая помощь была оказана.

Советская Литва — единственная из республик Прибалтики, где националистическое движение практически возникло без руководства и контроля со стороны немецких спецслужб. В оккупированной Литве деятели националистической оппозиции летом 1942 года создали «Верховный литовский комитет», целью которого было провозглашение независимости Литвы. Позднее литовские католики создали свою подпольную освободительную организацию — «Национальный совет». В ноябре 1943 года эти организации объединились и образовали «Верховный комитет освобождения Литвы». По мнению большинства членов этой организации, «непобежденная Германия не готова восстановить независимость Литвы», но в то же время поражение Германии на востоке считалось еще более нежелательным для сторонников буржуазного развития республики. Такая позиция не допускала разгрома немцев и подталкивала на сотрудничество с оккупантами. Наиболее благоприятным

вариантом считался разгром Германии на западе, после чего Литва могла бы получить свою независимость из рук западных держав.

Часть литовской националистической оппозиции, придерживаясь тактики пассивного сопротивления немцам, тем не менее отвергала эту тактику в отношении Красной Армии и Советской власти. Наиболее боеспособной организацией литовских националистов являлось подпольное формирование «Кястутис». Оно ставило своей целью «восстановление независимости Литвы в ее этнических границах, усиление военной мощи литовской нации и борьбу с коммунистическим движением».

Задача «Кястутиса» состояла в том, чтобы поднять массовое движение среди населения, готовить и осуществлять террористические акты против частей Красной Армии, а также против тех, кто будет сотрудничать с Советской властью. Наличие в этой глубоко законспирированной организации своего «тайного суда» расправы над изменниками создавало вокруг нее своеобразный ореол загадочности и страха.

Отдельно от литовских националистов действовали польские подпольные вооруженные группы на территории Литвы, и среди них особенно выделялась своей беспощадностью не только к немецким оккупантам, но и к литовцам в Вильне и Виленской области «Армия Крайова» (АК). С литовскими националистами их разделяла давняя вражда, поскольку поляки считали литовцев, начиная с октября 1939 года, также оккупантами древних славянских земель исторической Литвы в Виленском крае. К советским партизанам они, как правило, относились враждебно из-за роли СССР в разделе Польши. Однако в отличие от литовских националистов поляки были резко враждебно настроены и по отношению к немцам. Сотрудничество польских националистов и советских партизан складывалось непросто, но их объединяло то, что у них был один общий противник — немецкий оккупант.

В советской Литве националистические формирования продолжали активные действия до 1952 года. Главнокомандующим Литовских повстанческих вооруженных сил в 1951—1955 годах являлся полковник Раманаускас-Ванагас — в годы немецкой оккупации он служил в полицейских частях и был командиром литовского добровольческого пехотного полка войск СС.

В 1952 году Раманаускас издал приказ о прекращении боевых действий. Это послужило окончанием националистического движения в советской Литве, хотя не все командиры частей сразу подчинились этому приказу и сложили оружие. Таким образом, не получив ожидаемой поддержки от стран Запада и США и не дождавшись Третьей мировой войны, националистическое сопротивление постепенно сошло на нет.

На желание коснуться описанных событий, происходивших во время Второй мировой войны в Прибалтике, меня подтолкнули сложившиеся в последние годы отношения между Россией и Литвой, Эстонией и Латвией. Конечно, запевал в хоре извращения реалий прошедшей войны следует искать несколько западнее Прибалтики. Они дружно поставили все с ног на голову: освободители мира от коричневой заразы стали оккупантами, оккупанты — верными друзьями, а свои доморожденные фашистские коллаборанты — национальными героями и весьма уважаемыми людьми.

Недавно мы отпраздновали 60-летие Победы в Великой Отечественной войне. Страна отдала должное погибшим и поклонилась оставшимся в живых ветеранам-воинам. Это был всенародный праздник, дань уважения нашей Истории. Но как на мощной волне обязательно появляется грязная пена, так и здесь появилась грязь, особенно мерзкая в преддверии великого торжества.

Если говорить откровенно, то вот уже в течение 60 лет День Победы нравится не всем. Он не нравится немцам, венграм, итальянцам, японцам — по вполне понятным причинам. Не нравится семьям двух миллионов добровольцев из Франции, Бельгии, Норвегии, Испании, Хорватии и других стран, которые пошли в вермахт и в эсэсовские части, воевали на восточном фронте. Не нравится бандеровцам. Не нравится, как мы могли убедиться, карателям из литовцев, латышей и эстонцев, которые верой и правдой служили в эсэсовских дивизиях и полицейских частях.

Прибалтийские эсэсовцы занимались страшными делами, о которых было рассказано выше. Тем не менее с конца 90-х годов властями Эстонии и Латвии усиленно стала проводиться реабилитация легионеров «Waffen-SS». В Литве окружают почетом и уважением националистов-палачей.

Сегодня в центре эстонского курортного города Пярну на гранитном постаменте установлен бронзовый барельеф с изображением солдата в форме эстонского легиона СС, с автоматом, ствол которого направлен на восток. На постаменте надпись: «Всем эстонским воинам, павшим во 2-й Освободительной войне за родину и свободную Европу в 1940—1945 годах». Это — памятник эстонцам, воевавшим во Второй мировой войне на стороне нацистской Германии.

В Латвии реабилитируют немецких коллаборантов, нацистских преступников, цинично провозглашая их партизанами. Их уравнивали в правах с ветеранами Великой Отечественной войны. Им ставят памятники, а по улицам спокойно и при поддержке властей маршируют легионеры дивизии «Waffen-SS». Некоторые действия Сейма и Прави-

тельства Латвии последнего времени подтверждают, что оголтелый национализм подталкивает их к фашизму.

Сначала Сейм Латвии почти единодушно принял поправки к закону о праздничных памятных днях и определил 16 марта, день первой совместной операции двух латышских дивизий «Waffen-SS» против советских войск, как государственный праздник — День памяти латышских воинов.

Затем Правительство Латвии поставило на грань срыва ежегодную встречу ветеранов войны на партизанском Кургане Дружбы, символизирующем боевое братство россиян, белорусов и латышей в борьбе с фашистскими варварами. В 1959 году на стыке трех бывших братских республик был воздвигнут этот рукотворный Курган, и в центре его посажен дуб. С тех пор ежегодно, в первое воскресенье июля, проводятся международные встречи ветеранов войны и партизанского движения с участием официальной делегации трех государств и жителей приграничных районов. Воздается дань уважения и благодарной памяти погибшим в борьбе с фашизмом. Передается как бы эстафета от старшего поколения молодому. Каждая из сторон по очереди становится организатором торжеств, и каждый год принимались добрососедские решения о безвизовом пропуске участников на территорию государств и обратно в период проведения встречи.

Наступила очередь Латвии. Церемониал зажжения факела и митинг должны были пройти на ее территории — у подножия Кургана. И вдруг на этот раз латвийская сторона уведомила, что пропускать без виз участников встречи не может и не будет. А большинство ветеранов войны не имеют не только латвийского паспорта, но и паспорта негражданина. Это по латвийским дискриминационным законам значит, что выехать они могут, а вернуться нет. Но ведь встреча с боевыми друзьями у Кургана была для ветеранов бальзамом на раны, давала им заряд бодрости, психологическую установку на жизнь. Теперь же озлобленные националисты отобрали и этот поток свободы. Так велика их ненависть к антифашистам.

По существу, в Латвии сформировался политический режим, взявший на вооружение идеи крайнего национализма и шовинизма. Складывается впечатление, что война с прошлым стала национальной забавой в маленькой Латвии. Вот и в 30-х годах прошлого века Запад смотрел на действия Гитлера, как на забаву...

Всплеск национализма в странах Прибалтики достиг своего пика в преддверии и во время празднования 60-летия Великой Победы. Как известно, два президента — Литвы и Эстонии — демонстративно отказались от участия в торжествах, проводимых в Москве. Президент

Латвии Вике-Фрейберга все-таки соизволила осчастливить нас своим посещением — правда, оскорбив перед поездкой ветеранов Великой Отечественной войны, а находившийся на территории Латвии концлагерь Саласпилс, памятный дикими расправами над заключенными, деликатно назвав «исправительно-трудовым лагерем».

В канун 60-летия Великой Победы, в марте 2005 года, в Риге состоялось очередное шествие оставшихся в живых легионеров «Waffen-SS». На этот раз оно было особое. Этих пособников фашистской Германии вдохновила своими поступками и заявлениями сама президент Латвии. Неудивительно, что после этого шествия нацистов собралось в Риге несколько сотен человек, многие из которых явились в гитлеровской форме и с наградами Третьего Рейха. Марш легионеров и членов молодежных неонацистских организаций проходил под охраной полиции. Старые эсэсовцы и их потомки рассчитывали беспрепятственно пройти по городу и возложить цветы к памятнику Свободе.

Однако еще накануне этого дня латвийские антифашисты заявили, что выступят против нацистов. Демонстранты попытались перегородить путь нацистам, громко скандируя: «Фашизм не пройдет!» Многие из них были одеты в робы узников гитлеровских концлагерей. Акция в тот день закончилась для рижских антифашистов полицейскими застенками. За неподчинение властям и участие в несанкционированных митингах были задержаны десятки людей. Как сообщил представитель Объединенного конгресса русских общин Латвии, тридцать пять антифашистов обвиняются по соответствующей статье республиканского кодекса административных правонарушений. Эта статья предусматривает наказание в виде штрафа до 200 латов (около 10 тысяч рублей) и ареста до 9 месяцев.

Местные власти делали все возможное, чтобы оказать поддержку нацистам. Так, представителям русского национального союза «Родина» было категорически отказано в разрешении на антифашистский пикет. Иными словами, в год 60-летия Великой Победы над фашизмом в Латвии было запрещено поднять победный флаг. И, напротив, обладатели фашистских регалий были объявлены на весеннем празднике желанными гостями.

«То, что происходит в Латвии, — позор для всего европейского общества, которое позволяет в год 60-летия Победы безнаказанно возрождаться фашизму в этой прибалтийской республике, — заявили депутаты Российской Госдумы. — К сожалению, и в России пока что не дано адекватной оценки происходящему в Риге. Между тем есть все основания перейти от слов к жестким санкциям против государства, которое позволяет себе оскорблять наши национальные символы, глумиться над нашей Победой...»

Одним из наиболее серьезных российско-латвийских и российско-эстонских разногласий на современном этапе является явно покровительственное со стороны государства отношение к участникам формирований СС. В России не без основания считают их преступниками, виновными в уничтожении сотен тысяч советских граждан. Латвийские же и эстонские власти утверждают, что это борцы за независимость своих стран, воевавшие с оружием в руках прежде всего против большевиков, что дивизии «Waffen-SS» и латвийские и эстонские формирования СС являлись национальными воинскими частями, преследовавшими своей целью достижение независимости страны и не имевшими никакого отношения к преступлениям Третьего рейха.

Приведенные в этой публикации факты, основанные на документальных материалах, позволяют с уверенностью говорить о том, что ни о какой независимой военной политике в период оккупации германским Третьим рейхом Литовской ССР, Латвийской ССР и Эстонской ССР не может быть и речи и очередная националистическая кампания затеяна не только для того, чтобы уйти от исторических реалий, но и чтобы сыграть на руку ярым местным националистам фашистского толка. Впрочем, это уже не кратковременная кампания, а постоянная, откровенно националистическая линия поведения республиканских властей. Хуже того, происходящее в последние полтора десятка лет в Прибалтике в отношении фашистских пособников с их добровольными палачами, у которых руки по плечи в крови, — это даже не реабилитация оставшихся в живых легионеров или полицейских, а тенденция возрождения фашизма в прибалтийских странах. И существует это, несмотря на то что приговор Нюрнбергского трибунала, определивший СС как «преступную организацию», не имеет ни срока давности, ни обратной силы.

Сегодня власти Прибалтики стремятся в первую очередь стереть из исторической памяти своих граждан все, что происходило в годы войны. Нет памятника событию или человеку — нет и памяти о них у народа, особенно у будущих поколений. Да и для живущих сегодня это является четкой политической позицией. По-другому это оценить невозможно.

Хочу напомнить властям нынешней «суверенной» натовской Литвы, что за освобождение их территории от немецких захватчиков в 1944—1945 годах погибли около 100 тысяч советских солдат и офицеров, в том числе и воинов 16-й Литовской дивизии, сформированной в 1942 году под командованием генералов Ф. Балтушиса-Жямайтиса, В. Карвялиса и А. Урбшаса.

Хочу также напомнить им, что в Литве было воздвигнуто 15 мемориальных памятников погибшим советским воинам-освободителям и замученным военнопленным.

Еще хочу напомнить, как Латвия отличилась в 1997 году: в ночь на 6 июня в Риге был совершен чудовищный акт вандализма — взорван комплекс Мемориала Победы над фашизмом. Государственная дума приняла тогда специальное заявление, в котором говорилось:

«Государственная дума Федерального собрания Российской Федерации выражает серьезную озабоченность беспрецедентной по цинизму и бесчеловечной акцией группы варваров и их политических вдохновителей, посягнувших на святую для каждого нормального человека память о воинах-освободителях, павших в борьбе с фашизмом...

...Свершенный в Риге акт вандализма свидетельствует о желании определенных политических сил предотвратить наметившееся улучшение отношений с Россией. Очевидно также наличие обратной связи: взрыв у памятника воинам-освободителям стал возможен благодаря откровенно антирусской и антироссийской истерии, постоянно нарастаемой латвийскими национал-радикалами...

... Государственная дума вновь привлекает внимание международных организаций, всего мирового сообщества к тому, что после провозглашения независимости латвийские власти встали на путь построения моноэтнического государства, что на практике означает проведение заслуживающей крайнего осуждения политики выдавливания русских из страны, отказ в предоставлении им основополагающих политических, социальных и экономических прав и свобод. Нельзя закрывать глаза на то, что насаждаемый латвийским руководством режим дискриминации людей по национальному признаку и создает благоприятную обстановку для осуждаемых всеми цивилизованными людьми актов вандализма, посягательств на святую память о погибших в борьбе с фашизмом».

Впоследствии еще дважды пытались подорвать этот памятник освободителям Риги. При последнем взрыве два подрывника погибли, а трое — члены латышской нацистской организации «Перконкрустс», борющейся «за латышскую Латвию», — были арестованы. Латвийская прокуратура длительное время вела следствие. При этом, надо заметить, для того чтобы «доказать вину» и осудить советского партизана Василия Кононова (о нем речь пойдет дальше), понадобилось гораздо меньше времени. На ремонт монумента латвийские власти денег найти не могут да и не торопятся, так как рижская Дума с завидной регулярностью поднимает вопрос о сносе «памятника оккупантам».

В Екабпилсе местные радикалы долгое время пытались убрать пушку-памятник, установленную на месте гибели советского генерала — освободителя Латвии от фашистов. Не получилось. Тогда подняли шум, что не в ту сторону повернута. «Чего это она, — закричали, — на запад смотрит?» Тогда, чтобы не дразнить гусей и НАТО не пугать, ствол направили на восток.

Рижские поисковики откопали под Ригой «тридцатьчетверку». Долго вытаскивали ее из болота. У кого только денег не просили — никто не дал ни лата. Поднимали своими силами и за свой счет. Только машину подняли, как прибежали господа из местной управы и танк конфисковали. По той простой причине — все, что в латвийской земле находится, принадлежит Латвийскому государству. Т-34 отвезли на авторынок в Румбуле, где он ждал покупателей.

Этот случай напомнил другую историю. Осенью 1992 г. из латвийского Даугавпилса вывозили «тридцатьчетверку», ранее полвека простоявшую на постаменте. Вывозили на железнодорожной платформе ранним утром, дабы не будоражить этот больше русский, чем латышский город. Редкие прохожие могли заметить начертанную белой краской на башне танка вежливую надпись: «До скорого свидания!»

В латвийском городе Лиепая 8 марта 1998 года была вновь совершена чудовищная и циничная акция: на центральном кладбище группой подонков-националистов осквернена братская могила советских воинов, павших в борьбе с фашизмом в годы Великой Отечественной войны. И вновь заявление Государственной думы России, и опять полное пренебрежение латвийских властей.

И снова Литва. Уже в конце войны, в феврале 1945 года, от смертельных ран скончался выдающийся молодой генерал Великой Отечественной войны Иван Данилович Черняховский. Смерть талантливого генерала отозвалась болезненным эхом по всему сражавшемуся с фашизмом миру. Премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль прислал письмо соболезнования на имя Верховного главнокомандующего Сталина: «С печалью прочел я о потере, которую Вы понесли в связи со смертью генерала Черняховского от ран, полученных им в бою. Талант и деятельность этого блестящего и храброго офицера вызывали большое восхищение у правительства Его Величества и британской армии».

Сталин приказал в час погребения генерала армии Черняховского отдать погибшему последнюю воинскую почесть и произвести в столице нашей Родины Москве салют в 24 артиллерийских залпа из 124 орудий.

По распоряжению Сталина генерал был похоронен в городе Вильнюсе, столице Литвы, которую он освободил, не произведя при этом никаких разрушений. Ведь именно генерал Черняховский отдал приказ своим войскам не штурмовать город, не вести разрушительных уличных боев, а обойти его, оставив Вильнюс целым. Литовские власти тогда клятвенно обещали сохранить прах генерала. Могила Черняховского после войны украсилась огромным монументом работы скульптора Томского. К нему всегда приносили цветы.

Но пришли иные времена, и восторжествовала подлость. В период распада СССР литовские националисты избрали могилу Черняховского объектом для непрерывных нападений, издевательств и надругательств. И прах знаменитого полководца был увезен в Москву на Новодевичье кладбище, а его величественный памятник занял почетное место в Воронеже, подальше от вандалов, от тех, кто оказался не способен быть благодарным своему освободителю.

В июле 2006 года премьер-министр Эстонии А. Ансип направил письмо на имя мэра Таллина, где попросил его снести памятник советскому воину на том основании, что «оккупанту» не место в центре столицы Эстонии.

Но оказалось, что памятник — собственность Таллина и решение о сносе находится в компетенции городских властей. Раздосадованный премьер в сердцах бросил: «Что мы чикаемся? Надо подогнать кран и решить проблему. Подобный опыт у нас уже есть!» Бронзового солдата в Таллине, воздвигнутого в память о павших за освобождение города, готовятся убрать с глаз долой, а пока мерзко, под покровом ночи систематически оскверняют.

Сердце давит боль за погибших в битве, которой не знал мир со дня его сотворения. Если бы они могли подняться из братских и безымянных могил, где покоятся, выполнив свой долг перед Родиной и человечеством, то из своих собственных автоматов уничтожили бы тех, кто разрушил страну, во имя свободы которой они умирали, и тех, кто сегодня совершает надругательство над их прахом. И это было бы справедливо!

Конечно, делают это моральные уроды, грязные подонки. Но ведь при этом царит чуть ли не благожелательное молчание. Так как же предателям и пособникам фашистов в республиках Прибалтики удалось привлечь на свою сторону значительную часть населения? Нельзя же объяснить возникновение националистического движения после войны исключительно организующими действиями спецслужб гитлеровской Германии или пропагандой со стороны местных самоуправлений. Дело в том, что психологической основой таких поступков был и остается национализм.

Он еще долго будет существовать среди сравнительно малочисленных наций, в молодых государствах. И это неудивительно. История вселила в них опасение, а то и страх, что какая-нибудь большая страна подомнет их под себя, поработит, подвергнет дискриминации. А когда этот страх еще и умело подогревается местными политиками или иностранными спецслужбами, то ему трудно противостоять. Он становится благодатной почвой для всевозможных националистических действий.

Именно поэтому лозунги интернационализма, которые так великодушно может принять большая нация, не вызывают доверия у малых наций — а вдруг это всего лишь приманка? И наоборот, пропаганда, в которой подчеркивается необходимость охраны национальной самобытности, суверенитета, языка, культуры, оказывается чрезвычайно популярной среди небольших да и больших народов, заставляя объединяться, считать себя одним сообществом и даже в какой-то мере забывать о социальных противоречиях внутри своей нации. Проблема здесь «только» в том, чтобы не перейти грань между национальным и националистическим, от чего лишь один шаг к шовинизму, ксенофобии, фашизму.

Вторая мировая война в Прибалтике продолжается. В настоящее время идет целенаправленная мерзкая работа властей этих ныне суверенных государств по осквернению и сносу памятников павшим воинам Советского Союза, ведется циничная борьба с оставшимися в живых ветеранами Великой Отечественной войны.

3. ХОЛОКОСТ В ПРИБАЛТИКЕ

Рассказ о зверствах фашистов и их пособников из стран Прибалтики был бы неполным без информации о проводимой ими политике геноцида, то есть массового истребления целых групп населения, в данном случае — по национальному признаку.

«Теоретическую» опору они имели в виде немецко-фашистского учения о «полноценных» и «неполноценных» народах. Первыми и сверхполноценными были, в соответствии с этой теорией, арийцы, то бишь немцы, призванные поэтому господствовать над всеми прочими народами, которым была уготована участь рабов.

Вторая мировая война принесла неисчислимые бедствия практически всем народам мира. Более 55 миллионов человек, в основном, молодых людей, погибли в пожарах развернутой фашистской Германией гигантской, по сути, общечеловеческой войны, и половина этих ужасных потерь пришлось на народ нашей страны.

Эта война была направлена не только на овладение жизненным пространством, экономическим и природным потенциалом — это была война и за господство фашистского мировоззрения, целью ее было насаждение в завоеванных странах этой античеловеческой идеологии, очистка планеты от представителей «низшей расы»: славян, евреев, цыган и др.

Официальным «идеологом» фашистского руководства Германии на протяжении четверти века являлся Альфред Розенберг, немец по происхождению, выходец из Прибалтики. Именно он — автор преступной расовой теории. Его проповеди о превосходстве «арийской» крови представителей «расы господ» отравили сознание миллионов немцев, морально растлили многих, подготовив их к совершению неслыханных в истории преступлений. Этот активный участник злодеяний гитлеровского фашизма закончил свою жизнь на виселице по приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге.

В первую очередь нацистские преступления по уничтожению «недочеловеков» касались «неполноценной славянской расы» — русских, украинцев, белорусов. Учитывая, что русские были самым многочисленным в СССР народом, они стали объектом особого внимания со стороны гитлеровских «специалистов» по национальному вопросу. Перед вторжением в Советский Союз части вермахта были снабжены установками по поведению немцев на востоке и их обращению с русскими. Во что на практике вылились такие «рекомендации», помнят уже несколько поколений в России, Белоруссии, Украине и всех других республиках бывшего СССР.

К «неполноценным» относились славяне, цыгане, «полукровки» и, разумеется, особенно ненавистные гитлеровцам и их пособникам евреи. Последние вообще подлежали тотальному уничтожению. Ну, а для практического осуществления своей теории фашисты создали концлагеря, наиболее технически «совершенные» из которых располагали лабораториями для изуверских экспериментов над узниками, газовыми камерами и крематориями для превращения их в «полезный» продукт — пепел.

Впрочем, и без «технического оснащения» в лагерях смерти удавалось добиться впечатляющих результатов. Например, за период оккупации только в Литве немецкие фашисты и их местные пособники уничтожили около 470 тысяч человек, в том числе 230 тысяч советских военнопленных разных национальностей. Но особенно старательно истребляли евреев, живших до войны на территории Литвы, — погибли 240 тысяч человек, так что практически эта диаспора была стерта с лица земли. Всего же в Европе были уничтожены 6 миллионов

человек еврейской национальности (3 миллиона из которых являлись гражданами СССР), из них, по данным международных организаций, 4 миллиона были замучены в лагерях смерти.

Процесс патологически циничного и изуверского истребления евреев получил название «холокост» (от греческого — «сожжение целиком»). По существу, он является одним из направлений и проявлений более широкого понятия, о котором сказано выше, — геноцида. И геноцид, и холокост осуждены Организацией Объединенных Наций, причем последний назван в ее документах страшным преступлением нацизма. Именно им, проводимым, в частности, в странах Прибалтики, и посвящен этот раздел главы.

27 января 1945 года солдаты 1-го Украинского фронта Красной Армии освободили Освенцим.

Освенцим (Аушвиц) был создан в 1940 году возле Кракова, в Польше, по специальному приказу Гитлера. За время существования концлагеря, с 1940-го по 1944 год, в нем было уничтожено, по официальным данным, около 4 млн евреев, поляков, цыган, советских военнопленных. При освобождении нашими войсками узников Освенцима были спасены 3790 человек, из них 158 — русских, из которых военнопленными были только 95 человек.

Освенцим стал символом жестокости и человеконенавистничества фашизма. Он был превращен гитлеровцами в идеально работающую «фабрику смерти», одну из самых крупных среди других немецких концлагерей. По замыслу фашистских руководителей, целью таких «фабрик» было решить проблему уничтожения «низших рас» на оккупированных территориях. Мужчин, женщин, стариков и детей подвергали пыткам, морили голодом, убивали, а трупы сжигали в крематориях.

Начиная с 1940 года, когда в предместьях небольшого польского городка Освенцим в бывших казармах был организован концлагерь, туда со всех захваченных земель по железной дороге стали прибывать эшелоны с заключенными, примерно по 15—20 тысяч человек в день. Так, в начале октября 1941 года в Освенцим прибыли первые эшелоны, в которых находились около 20 тысяч советских военнопленных. Через год в живых остались всего 200 человек. Остальные погибли, не выдержав чудовищных условий этого лагеря.

В Освенциме была создана по-немецки четкая система, направленная прежде всего на подавление психики человека, превращение его в полуживотное и в итоге — на его физическое уничтожение.

Но эти люди были не просто обречены на смерть. Третий рейх хотел и из их смерти извлечь максимальную выгоду. Пунктуальные гитлеров-

цы сразу же после того, как отправляли свои жертвы в газовые камеры, приказывали так называемым зондеркомандам, сформированным из других заключенных, разбирать их вещи, чтобы ничего не пропало зря и еще могло бы пригодиться рейху. Волосы узниц-женщин использовались для спальных матрасов на подводных лодках германского Военно-морского флота. Прежде чем отправлять трупы в печи крематориев (в Освенциме их было пять), у мертвых выламывали изо рта зубные коронки. Находилось применение и человеческой коже — в музее концлагеря хранятся изготовленные из нее абажур лампы и перчатки. Над тысячами заключенных нацистские врачи проводили бесчеловечные медицинские эксперименты. Женщин принудительно стерилизовали. Таковы лишь отдельные штрихи страшной картины жизни заключенных в Освенциме и других концентрационных лагерях Третьего рейха.

Освобождение узников концлагеря решалось масштабами частей одной дивизии. Зимой 1945 года в ходе Висло-Одерской стратегической наступательной операции войска 1-го Украинского фронта, принявшие участие и в освобождении Освенцима, потеряли свыше 26 тысяч человек убитыми.

27 января 2006 года, день освобождения Освенцима советскими войсками, стал официальным Днем памяти холокоста. «Холокост» — от греческого «сожженный целиком». Этот день был увековечен Генеральной Ассамблеей ООН. В ее резолюции «Память холокоста», принятой Генассамблеей ООН и одобренной 89 странами, говорится:

«— ...воздавая должное мужеству и самоотверженности, проявленным солдатами, освободившими концентрационные лагеря, подтверждая, что холокост, приведший к истреблению одной трети евреев и бесчисленным жертвам из числа представителей других меньшинств, будет всегда служить всем народам предостережением об опасностях, которые таят в себе ненависть, фанатизм, расизм и предвзятость... Организация Объединенных Наций объявит 27 января Международным днем памяти жертв холокоста, который будет отмечаться ежегодно;

— настоятельно призывает государства-члены разработать просветительские программы, благодаря которым уроки холокоста всегда будут в памяти будущих поколений и которые помогут предотвратить будущие акты геноцида...

— отвергает любое отрицание холокоста — будь то полное или частичное — как исторического события;

— выражает признательность тем государствам, которые активно способствовали сохранению мест, использовавшихся в качестве нацистских лагерей смерти, концентрационных лагерей, принудительно-трудовых лагерей, тюрем во время холокоста;

— безоговорочно осуждает все проявления религиозной нетерпимости, подстрекательства, преследования или насилия в отношении отдельных лиц или общин, обусловленные этническим происхождением или религиозными верованиями, где бы они ни имели место...»

Такая резолюция была вызвана весьма опасной тенденцией — попытками пересмотра итогов Второй мировой войны. Историю в очередной раз пытаются использовать в качестве орудия в решении современных политических устремлений. В полной мере это относится и к проблеме холокоста.

Об установке Гитлера и его окружения на истребление «неполноценных рас» известно немало, но, полагаю, многие читатели в меньшей степени осведомлены о тех, кто с энтузиазмом занимался этим на своих собственных территориях, захваченных фашистами, — о добровольцах из местного населения. И это вопрос не только истории, а и сегодняшнего дня, отравляющий отношения между странами и тормозящий их сотрудничество и в без того более чем сложных условиях современного мира.

В гитлеровском «крестовом походе» против «большевизма» приняли участие значительное количество граждан немемецких национальностей, противников коммунистических идей. Нужно отдать должное организаторам фашистской пропаганды — они весьма ловко использовали классовое неприятие этими людьми коммунистических взглядов, а главное — крайне слабые, поверхностные представления о них, характерные для подавляющего большинства этой публики, что позволяло достаточно свободно манипулировать ее сознанием. Не идеалы антикоммунизма воспитывали местных националистов, а внедряли в их головы тезис о так называемой еврейско-большевистской угрозе, возбуждали у них антисемитские настроения. Многие поверили гитлеровским пропагандистам, изображавшим врага в образе коммунистов-безбожников и евреев христопродавцев, а некоторые использовали эту пропаганду как предлог для оправдания своего зачастую корыстного и всегда варварского отношения к соотечественникам еврейской национальности. Участие в геноциде евреев представителей местного населения накладывает на этих отщепенцев пятно несмываемого позора.

«Окончательным решением еврейского вопроса» на востоке занимались специальные подразделения, айнзатцгруппы, сотрудники СД имперского Главного управления безопасности (РСХА). Им помогали батальоны немецкой полиции порядка, тысячи добровольцев из местных жителей. Осенью 1942 года, когда в самой Германии, захваченных странах Европы, на оккупированных территориях СССР

основная часть евреев была уже истреблена, в рейхскомиссариате «Остланд» в полиции порядка служили 4428 немцев и 55 562 местных уроженца.

А между тем, несмотря на мюнхенский сговор Запада с Гитлером, нюрнбергские расовые законы, погромы, дискриминацию, число эмигрировавших евреев из Германии было весьма невелико — с 1933-го по 1935 год из Третьего рейха бежали только 137 тысяч евреев. Можно с уверенностью сказать, что у мировой общественности не было четкой программы переселения евреев не только из Германии, но и других западноевропейских стран, вскоре оказавшихся оккупированными Третьим рейхом.

Какие здесь были причины — политические, идеологические или просто равнодушие к чужим жизням, — следует судить специалистам по данному вопросу. И все же напрашивается вывод: мировое сообщество — страны Западной Европы, Соединенные Штаты Америки, различные еврейские общественные организации — не сделало всего возможного в то время для спасения этого народа.

В послевоенный период по проблеме холокоста издана масса книг, научных трудов и исследований, опубликованы десятки тысяч леденящих душу документов. Складывается впечатление, что мировая общественность по прошествии времени решила сгладить свою вину за непринятие своевременных мер по спасению еврейского населения в годы Второй мировой войны.

Здесь впору снова обратиться к пакту о ненападении между СССР и Германией, чаще именуемому пактом Риббентропа—Молотова. Этому документу даны многочисленные и противоречивые оценки: от его «положительного значения для СССР» в сложнейшее время перед началом Второй мировой войны и до его «преступной роли» в отношении республик Прибалтики.

Много лет спустя после окончания войны известный советский историк Л. Безыменский задал бывшим государственным деятелям прибалтийских государств — тогдашнему министру иностранных дел Литвы Ю. Урбшису и статс-секретарю МИДа Латвии Р. Стегманису — один и тот же вопрос: «Как вы считаете, в случае отсутствия пакта о ненападении между Германией и Советским Союзом Гитлер напал бы на прибалтийские республики?»

«Да, пожалуй, они двинулись бы на нас, — признался Урбшис, — или, может быть, решили бы немного подождать, сделать паузу и захватить наши республики, когда пошли бы на Советский Союз. Но если учесть, что тогда немцы находились в состоянии полного опьянения своими успехами, можно полагать, что они не стали бы дожи-

даться...». Стегманис ответил на тот же вопрос еще более категорично: «У меня нет никакого сомнения, что Гитлер немедленно захватил бы все прибалтийские республики». То, что они не получили бы самостоятельности, очевидно. И события 1941—1945 годов это полностью подтвердили.

Перед войной интеллигенция, здравомыслящая часть населения и особенно евреи, проживавшие в Прибалтике, прекрасно понимали, что фашистская Германия всей мощью человеконенавистнической психопатии своих лидеров в первую очередь обрушится на их народ. Они были свидетелями того, как Гитлер одну за другой оккупировал страны Европы, и никто не остановил его в преступных злодеяниях в отношении многих наций, в том числе еврейского народа.

Надо полагать, что опасения евреев и преобладающего большинства жителей прибалтийских республик были абсолютно реальны. Никто не смог бы спасти их от истинного, а не мнимого оккупанта, которым хотят сейчас представить Советский Союз, который в итоге дал им возможность развивать экономику, культуру и жить единой семьей вместе с другими союзными республиками.

Начало Великой Отечественной войны остро поставило перед всеми народами, и, прежде всего и безусловно, перед евреями, вопрос об их полном физическом истреблении, если немцы не будут побеждены. И советские евреи в одном ряду с представителями всех других народов Советского Союза с самого начала войны приняли участие в боевых действиях. Около полумиллиона евреев сражались в рядах Красной Армии, 25—30 тысяч — в партизанских отрядах и соединениях. Почти 200 тысяч евреев — участников боевых действий — погибли. Более 130 воинов-евреев были удостоены звания Героя Советского Союза. Только за первые 15 месяцев войны 5163 еврея получили награды за храбрость, а за годы Великой Отечественной войны свыше 163 тысяч евреев награждены боевыми орденами и медалями. Среди советских генералов и адмиралов было более 200 евреев.

Победа достигается не только на фронте, непосредственным участием в боевых действиях, проявлением личной храбрости, жертвенности и полководческих дарований. Тыл — в широком понимании этого слова — играет огромную роль в деле обороны государства. И здесь тоже, как и на фронте, были колоссальные физические и интеллектуальные нагрузки.

Нужно напомнить, что удельный вес еврейской интеллигенции в СССР был достаточно высок. В конце 30-х годов, т.е. к началу войны, евреи составляли 14 процентов инженерно-технических работников, 27 процентов — врачей, 17,6 процента — научных работников.

Многие специалисты-евреи работали в различных отраслях промышленности, науки, образования, здравоохранения и т.д. Среди них были наркомы (министры), директора крупнейших оборонных предприятий, ученые, конструкторы в авиапромышленности и танкостроении. В годы войны 12 евреев получили звание Героя Социалистического Труда, около 300 удостоены Сталинской премии в области науки и техники.

Несмотря на тяжелейшее положение и неудачи на фронтах в первые месяцы войны, гигантское перемещение на восток предприятий, материальных и культурных ценностей, Правительство СССР, учитывая опасность тотального уничтожения евреев, старалось эвакуировать их в первую очередь. Так что нельзя не признать, что руководство Советского Союза делало все возможное для спасения евреев. В чем-то другом можно упрекнуть власти страны, но только не в нежелании спасти еврейское население.

В июне 1941 года, после вторжения фашистской Германии в СССР, началось беспрецедентное по жестокости уничтожение гражданского населения оккупированных районов. А 2 июля 1941 года обер-палач Р.Гейдрих (впоследствии казненный чешскими патриотами) подписал секретную директиву руководству эйнзатсгрупп СС, командам полиции безопасности и СД о проведении «эзекуций» против советских партфункционеров, комиссаров и евреев. Нацисты стремились раз и навсегда покончить с теми, кого они называли «еврейско-большевистскими ублюдками». Для «окончательного решения еврейского вопроса» на оккупированных фашистами территориях развертывалась мощная антисемитская пропагандистская кампания, которая способствовала вербовке добровольцев в зондеркоманды смерти. Евреи представлялись самыми отвратительными людьми, замыслившими погубить все человечество.

В наиболее трагическом положении оказались евреи в западных областях Украины, Белоруссии, Прибалтики, т.е. в районах, последними вошедших в СССР и имевших в составе населения большой удельный вес евреев. Из-за быстрого продвижения немецких частей только небольшой части еврейского населения удалось вырваться на восток. Здесь, в западных областях, в основном, и закончили свой жизненный путь сотни тысяч евреев.

Основными центрами массовых казней стали Минск и Львов. Евреев и других лиц, подлежащих уничтожению, сгоняли в колонны и вели в ближайший лес. Там их заставляли раздеваться, отдать ценные вещи (чтобы ничего не пропадало!), выстраивали в шеренгу и стреляли в затылок.

В одном из рапортов командира немецких карателей, составленном вскоре после вторжения в Советский Союз, говорилось: «Не расстреливали лишь детей. Их брали за ноги и ударяли головой о камень или хоронили заживо».

Командиры-каратели гордились своей работой. Обер-группенфюрер СС Ф. Еккельн, старший эсэсовский начальник в Риге, хвастался изобретением метода казни, который он называл «упаковка сардин». Он утверждал, что достоинством этого метода была экономия места захоронения.

Вот такие леденящие душу признания делали «цивилизованные» люди, которые уничтожали всех, являющихся по их теории «недочеловеками». Нюрнбергский трибунал дал оценку их злодеяниям, и они понесли заслуженное наказание. Были осуждены и казнены многие высокопоставленные исполнители преступных действий против человечества.

Но можно ли на этом успокоиться, предав забвению все их зверские преступления? Поведение нацистских главарей и исполнителей не поддается какому-либо объяснению и человеческому пониманию. Оправдания им нет и не может быть!

Что же меня заставило коснуться этой непростой темы? На протяжении многих лет, особенно в годы «перестройки» и послеперестроечное время, настойчиво замалчивалась роль национальных кадров оккупированных территорий в геноциде евреев и других «неполноценных рас». Безусловно, идеологами и организаторами геноцида против славян, евреев, цыган и т.д. являлись фашисты. Но будем откровенны: во многих злодеяниях принимали активное участие и предатели своих народов — русского, украинского, белорусского, но особо в этом отличились прибалтийские националисты, о чем убедительно говорят цифры по их участию в карательных органах.

В послевоенных лагерях СССР находилось немало безвинных жертв, но места заключений были наполнены также изменниками и предателями, в том числе власовцами, полицейскими, бывшими в услужении у фашистов на временно оккупированных территориях. В последние десятилетия с целью дискредитации советского строя изменников стали представить борцами за свободу. Им, как известно, предоставляются права участников войны, ставят памятники, окружают почетом и т.д. Особенно преуспели в этом страны Прибалтики — Эстония, Латвия, Литва, где это делается не только при попустительстве, но и при поддержке и прямому указанию властей. Не могу не привести в связи с этим выдержку из статьи А. Стракшиса, опубли-

ликованной в одной из литовских газет. В частности, в ней говорится о книге, посвященной патентованному фашистскому убийце, капитану Литовской армии Й. Семашке, и об отношении к нему президента Литвы:

«В готовом к изданию тексте книги не нашлось ни строчки о том, что в августе-сентябре 1942 г. солдаты 4-й роты 7-го батальона, которым руководил капитан Й. Семашка, участвовали в Виннице, в Украине, в ужасно кровавых расправах над евреями. Здесь за один день солдаты Й. Семашки вместе с нацистами расстреляли около полутысячи евреев. Среди убитых были старики, женщины и дети. После убийства нацисты вдоволь напоили экзекуторов водкой и коньяком. Расстрел евреев в Виннице был не единственным их праздником. В Литве таких праздников было больше...

Я не нашел в книге никаких намеков на кровавые дела солдат Й. Семашки, поэтому горжусь, что Его Превосходительство Президент Литовской республики Валдас Адамкус, оценив заслуги майора немецкой армии Й. Семашки для Литвы, посмертно наградил его Орденом Креста Витязя и присвоил ему звание полковника Литовской армии...

Награждая орденами убийц или их командиров — военных преступников Второй Мировой войны, — президент становится похожим на них».

Вывод бесспорный — президент не одинок в своей сознательной нравственной слепоте и глухоте. У него есть единомышленники. Решая свои политические задачи, часто сиюминутные, они закрывают глаза на то, что те, кто пользуется их всесторонней моральной поддержкой и получает от них всяческие материальные блага, это бывшие изуверы и палачи. И в то же время настоящие освободители в Прибалтике приравнены к преступникам: их судят, бросают в тюрьмы, лишают гражданства, обрекают на нищенское существование.

К сожалению, нынешняя Россия не проявляет настойчивости в защите своих соотечественников в этих странах, в политической поддержке оставшихся в живых ветеранов войны, в отстаивании правды о своей собственной истории. Создается впечатление, что мы «подарили» нынешним литовским, латвийским и эстонским политикам жизни 700 тысяч солдат и офицеров, погибших при освобождении Прибалтики, чтобы они глумились над их останками.

Мне бы хотелось, чтобы представленные в следующем разделе факты не позволили никому, в том числе и фальсификаторам истории, оправдывать действия нацистских преступников. Надеюсь, что некоторые нынешние прибалтийские политики наконец поймут: у нацизма нет и не может быть никаких нравственных оправданий!

4. ПАЛАЧИ ЗА «РАБОТОЙ»

20 января 1942 года в Берлине состоялось совещание высокопоставленных представителей Третьего рейха, утвердившее проект «окончательного разрешения еврейского вопроса в Европе». Судьба миллионов евреев на захваченной гитлеровцами территории была решена.

Особое внимание на совещании было уделено Прибалтике. К этому времени результаты проводимой фашистами операции по «очищению» от евреев Литвы, Эстонии и Латвии были весьма впечатляющими.

В начале 1995 года с визитом в Израиль прибыл президент Литовской республики А. Бразаускас. Вместе с ним приехали литовские бизнесмены. Их ждал холодный душ: правительство Израиля потребовало привлечь к уголовной ответственности литовских военных преступников, которые в годы Второй мировой войны участвовали в убийстве 240 тысяч литовских евреев, в том числе женщин и детей.

Господину Бразаускасу было заявлено, что в Израиле имеются материалы о том, что в массовых расстрелах евреев принимали участие около 5 тысяч литовцев. Израильцы также напомнили литовскому президенту, что в 1991 году, когда Литва объявила независимость, ее парламент, возглавлявшийся Ландсбергисом, сообщил о реабилитации литовских военных преступников, несмотря на протесты правительства Израиля.

Президент Бразаускас был вынужден заявить, что преследование гитлеровских военных преступников в Литве будет продолжено, а их реабилитация отменена. В израильском парламенте он произнес слова покаяния: «Я, президент Литвы, склоняю голову перед памятью более двухсот тысяч убитых евреев Литвы. Прошу прощения за тех литовцев, которые беспощадно убивали евреев, стреляли в них, ссылали, грабили...» Весьма жаль, что ничего подобного он никогда не говорил о русских и других советских людях, убитых фашистами и их подручными.

Еще труднее, пожалуй, Президенту Литвы было слушать слова вице-спикера Кнессета Дова Шилански, который в годы войны в Литве сам лично пережил все ужасы, обрушившиеся на литовских евреев и уцелел лишь чудом. С возмущением он напомнил, что Сейм Литвы под руководством В. Ландсбергиса, который так любит говорить о демократии, реабилитировал осужденных в СССР кровавых преступников, на чьей совести массовые уничтожения евреев в годы Второй мировой войны.

Прошли годы. В Литве отменили День памяти жертв геноцида еврейского народа, приуроченный к 60-й годовщине ликвидации нем-

цами вильнюсского гетто 22 сентября 1943 года. И снова скандал. В своей жесткой речи на торжественном заседании литовского Сейма председатель Кнессета Израиль Реувен Ривлин призвал литовских депутатов «признать свое прошлое без прикрас». Он напомнил, что многие литовцы 60 лет назад участвовали в убийствах его братьев и сестер. При этом он также отметил, что не только нацистский режим, но и антисемитские настроения в Литве способствовали тому, что литовцы участвовали в геноциде, унесшем жизни более 200 тысяч живших там евреев: «К сожалению, в Литве еще есть люди, считающие, что факт оккупации их страны нацистами освобождает их от моральной, исторической, национальной или личной ответственности за чудовишные преступления, совершенные их народом. Однако эти преступления совершались ими вместе с нацистским режимом и от их имени».

В беседе с Президентом Литвы Р. Паксасом Р. Ривлин снова высказался, что литовцы «еще не осознают своей роли в массовом истреблении евреев». И опять А. Бразаускасу, как 8 лет назад, но на этот раз уже в роли премьера Литвы, пришлось заверять Р. Ривлина, что к этой проблеме руководство и парламент страны дополнительно еще вернутся.

Напомню, к началу Второй мировой войны в Литовской республике проживало большое количество евреев. Кстати, город Вильно вместе со столицей Чехословакии Прагой, был в межвоенный период одним из двух мировых центров еврейской культуры. Государство Израиль было создано при содействии СССР под эгидой ООН только после Второй мировой войны в 1948 году.

В Вильно более 40 процентов горожан было еврейской национальности, более 30 процентов — польской, литовской же только около 2 процентов. Учитывая большой удельный вес жителей-евреев, этот город даже называли «Северный Иерусалим». Аналогичная демографическая ситуация была в межвоенное время и в столице Литовской республики Каунасе. Здесь тогда проживали только 23 процента литовцев.

Граждане Литовской республики, в частности, евреи, контролировавшие основной промышленный, торговый и финансовый капитал в стране, чувствуя дыхание в затылок фашистской Германии с ее человеконенавистническим стремлением истребить еврейский народ, не могли не приветствовать включение Литвы в сферу интересов СССР, а в состав республики — города Вильно и всего Виленского края.

Литовская интеллигенция идеологически обеспечила выборы в Народный сейм, в результате чего, как известно, была восстановлена Советская власть, а в августе 1940 года Литовская ССР на сессии Верховного Совета СССР была принята в состав СССР на правах союзной рес-

публики. В тот же день часть территорий Белорусской ССР была передана Литовской ССР «в ознаменование вступления в состав СССР».

Вот так «оккупанты» сделали свой первый подарок Литве. Ей передали территорию с населением около полумиллиона человек, из них поляки, белорусы, евреи, русские староверы составляли 400 тысяч человек, остальные были литовцами.

Угроза юдофобской всеразрушающей немецко-фашистской оккупации была на время отодвинута от граждан Литовской ССР. Но именно литовские евреи заплатили затем, в годы войны, самую большую цену литовским националистам — до 240 тысяч жизней.

Политические амбиции, грубая физическая сила, животные инстинкты, алчность, зависть и тупость раздавили их жизни, не щадя ни младенца, ни старика, ни кормящую мать, ни юношу в расцвете лет, ни стройную красавицу, ни дряхлую старуху. К сожалению, в литовском народе нашлись отщепенцы, которые под руководством фашистских палачей — или потому, что сами были таковыми — взяли на себя этот страшный грех.

Многочисленные документы и свидетельские показания дают возможность утверждать, что большинство акций по уничтожению евреев в Прибалтике было совершено местными фашистами.

Бригаденфюрер СС Шталекер в своем докладе, сделанном в октябре 1941 года, с удовлетворением отметил, что уничтожение евреев в Прибалтике «проводилось вспомогательной полицией и силами самообороны» и носило характер «самоочищения».

Известно, что на литовской территории в годы войны было сформировано 20 полицейских батальонов, общей численностью до 8 тысяч человек, которые участвовали в карательных операциях.

Уже в самом начале Отечественной войны, с 24 по 29 июня 1941 года, прямо на улицах Вильнюса убили 2300 граждан еврейской национальности, сожгли несколько синагог, с 4 по 6 июля 1941 года были убиты еще 3 тысячи евреев. Такие же ужасные события имели место и в Каунасе. Эти страшные факты отмечены в сообщении гитлеровской оперативной группы «А» своему руководству в октябре 1941 года. В этом же документе сказано, что подобные антиеврейские акции в несколько меньших размерах происходили и в других районах Литвы.

Палачи получали «признание» немецкого командования и соответствующие поощрения. Так, 2-му вспомогательному батальону полицейской службы, который сильно преуспел по части уничтожения евреев в Литве, за «заслуги» было предоставлено новое широкое поле деятельности — в 1941 году он был отправлен немцами в Белоруссию, где расстрелял еще более 10 тысяч человек.

Все они в благодарность за свои злодеяния в конце 80-х — начале 90-х годов были реабилитированы как участники «резистансии» (сопротивления), как «невинные жертвы советского тоталитаризма», представлены борцами за свободу, которые якобы не имели ничего общего с гитлеровскими захватчиками и безвинно пострадали от «русских оккупантов». Реабилитированные получили денежную компенсацию в размере 18 месячных окладов, пенсии по высшей шкале и другие льготы, а своим погибшим соратникам поставили памятники. И все это делалось под руководством «отца нации» Ландсбергиса.

Господин Ландсбергис не единственный, кто пытается стереть из памяти людей кровавые преступления, направленные на истребление русских, белорусов, евреев и других народов, совершенные в годы Второй мировой войны литовскими националистами под руководством германских фашистов.

Как-то в одной из московских газет я прочитал статью под названием «Мир холокоста». По мнению автора, нееврейских свидетельств об убийствах евреев в газовых камерах почти нет. Оказывается, что комендант Освенцима Р. Хесс лишь под пытками в тюрьме показал, что массовые «акции» были! Посетив 9-й форт в Каунасе, автор статьи любопытствовал: где здесь расстреляли 70 тысяч евреев, где кости, зубы, пепел? «Немцы, говорите, рассеяли? Пора прекратить пропаганду, холокоста не было...».

Столь же категоричны высказывания бывшего депутата Сейма Литвы и кандидата в президенты К. Бобялиса: «Я никогда не соглашусь с высказываниями, что в Литве были убиты более 200 тысяч евреев. Здравый ум не может даже принять это высказывание. Подумайте только, где бы могли похоронить эти 200 тысяч евреев? Это было бы около 10 дивизий солдат. Таких убийств в Литве не было. Если в Литве убили каких-то 10—15 тысяч евреев, большинство из них — большевистские коллаборационисты, так это максимальная цифра».

Как уже сказано, в зависимости от опыта и проявленного рвения в карательных акциях литовские подразделения отправлялись за пределы своей территории. Позволю себе процитировать свидетельства Майзлеса и Гурвича из Минского гетто:

«Мир не видел таких издевательств, какие происходили в тот день... 2 марта 1942 года в 11 часов начался погром. Хозяйка квартиры, старушка, оставалась в квартире, закрыла наше сховище и погибла в этой комнате, но не выдала нас, 19 человек...»

Каратели (литовские полицейские) в этот день не могли набрать 5 тысяч стариков. По пять раз проверяли в каждой квартире, лазали по чердакам. Тогда они вывели из еврейского детского дома 300 детей в

возрасте от двух месяцев до тринадцати лет, родители которых погибли. Совсем маленьких не выводили, а, пользуясь тем, что день был морозный и малыши лежали на постелях, каратели раскрывали окна и двери, и дети замерзали. Вывели около 10 коммунистов, весь обслуживающий персонал — 29 человек, из которых 26 расстреляли.

Всех работников детского дома и детей загнали в руины сгоревшей обувной фабрики и стали издеваться над ними, детей брали за ноги и ударяли головой о стену. На улицах гетто валялось очень много трупов. Еврейских полицейских заставили собрать их и отвезти на место свалки. На свалке еврейским полицейским дали в руки винтовки и сфотографировали, чтобы показать, что это делали сами евреи. Здесь же собрали детей, которым немцы бросали конфеты, и эту «инсценировку» также сфотографировали. В этот день специалистов не трогали, но всех чернорабочих, даже из рабочих колонн, увозили и расстреливали...

2 марта 1942 года мы лично наблюдали восемь фактов, когда матери душили своих детей, так как с ними их не пускали в места, где прятались, боясь, что дети своим криком выдадут их.

2 марта погибло очень много людей, и тех, кого мы встречали до 2 марта, после уже не встречали...

Майзлес и Гурвич бежали из Минска 12 марта 1942 г. (Показания цитируются по книге «Оккупанты» Б.В. Соколова).

Литовских националистов опьяняла проливаемая кровь. Зачем нужно было тратить на газовые камеры — убийство совершалось открыто! Сами немцы ужасались жестокости карателей, заранее зная адреса и размеры имущества своих жертв. «Воевать не умеют — расстреливать молодцы», — заявил нацистский генерал на послевоенном процессе в Риге.

Только официальный список кладбищ жертв геноцида содержит более 20 названий. В отчете штандартенфюрера Егера, руководившего истреблением русских, евреев, литовцев, поляков в Литве, перечисляется 36 местностей, где шли расстрелы. До 1 декабря 1941 года, по этому отчету, в Литве были расстреляны и физически уничтожены 92 087 евреев, из них — 2002 детей.

Об этом сейчас стараются забыть, обелить преступников, для которых в России, США, Франции, Италии не существует срока давности. Логика циничная: нет могилы — не было человека.

Всего же за годы оккупации в Литве были уничтожены около 700 тысяч человек, в том числе свыше 370 тысяч жителей Литвы, 229 тысяч — советских военнопленных и около 100 тысяч — из других республик СССР и оккупированных государств Европы.

Советский Союз сурово наказал литовских палачей, зверствовавших в прошедшей войне. Сейчас же они, как было сказано, посмертно или при жизни реабилитированы «суверенной» Литвой, и часть из них без всякого смущения марширует по площадям в фашистской форме.

Я уже упоминал об отношении руководителей парламента Израиля к проблеме литовского геноцида. Но и американские охотники за нацистами обвиняют Литву в том, что она не хочет вскрывать гнойники прошлого — просто дожидается, пока эти лица умрут сами. Нынешние литовские власти ничего не предпринимают, хотя обещали преследовать военных преступников «последовательно и добросовестно». «Литва занимается проволочками и ждет, что наступит “биологическое решение”», — так выражается на эту тему Нил Шер, который занимается розыском нацистских преступников, нашедших прибежище в Америке.

Вспомним, например, дело палача виленских евреев Лилейкиса, многолетняя имитация суда над которым шла до тех пор, пока он не умер и с почестями не был похоронен на родине своими единомышленниками. До этого все время после его экстрадиции в Литву он находился дома под опекой лечащих врачей, выделенных ему литовскими властями. В то же время пожилых лидеров Коммунистической партии Литвы морили в застенках Лукишской и других тюрем, что привело к смерти некоторых из них.

По словам Шера, в Литве укрылось столько военных преступников, что она заслуживает наименования «новый Парагвай». Масла в огонь подлило то обстоятельство, что американские следователи смогли найти в ныне открытых, а ранее засекреченных литовских архивах компромат, который помог им преследовать военных преступников-литовцев, проживавших в США. В то же время литовские власти не выказывали особого желания взять эти документы и привлечь к ответственности палачей, которые живут у них под боком.

Литва не хочет ворошить прошлое. Но даже Вашингтон, давний покровитель этого, ныне уже независимого государства, недоволен тем, что бывшая советская республика нянчится с военными преступниками. Надо полагать, что под давлением сильных еврейских организаций Америки администрация США стыдливо, но все же делает робкие намеки руководству Литвы. Думаю, однако, на самом деле Белый дом так же, как и нынешние вильнюсские политики, ждет «биологического решения».

Сейм Литвы с подачи Ландсбергиса в 2000 году принял закон, подтверждающий законность оккупационного правительства Амбразявичюса, сформированного немцами в 1941 году, того самого, которое от-

ветственно за геноцид литовских евреев и убийства военнопленных. Этот закон легализовал военные преступления, тем самым возложив ответственность за эти преступления на преемников прежнего правительства, т.е. на сегодняшнее руководство Литвы, а именно — на Ландсбергиса и Адамкуса. Логика говорит, что этим Литва провозгласила себя нацистским государством. Однако вскоре, с ужасом осознав прямые юридические последствия принятого закона (санкции Совета Безопасности ООН и Совета Европы, материальные иски родственников убитых, денацификация и т.п.), Ландсбергис в панике попросил Адамкуса наложить на принятый законопроект президентское вето.

Документы архивов и общественных еврейских организаций свидетельствуют, что в войну и эстонские эсэсовцы в усердии по уничтожению евреев не уступали литовским, а порой брали верх и над гитлеровцами.

Большинство еврейских погромов здесь, как и в других странах Прибалтики, совершалось местными фашистами. Бригаденфюрер СС Шталекер в докладе от 25 декабря 1941 года с удовлетворением отметил, что уничтожение евреев «проводилось вспомогательной полицией и силами самообороны».

В этом же докладе подчеркивалось, что операции в Эстонии под руководством местных вождей и «Зондеркоманды-1» были особенно тщательно подготовлены и проведены в наикратчайший срок. Для наглядности к докладу был приложен специальный «Отчет о числе казненных», а также карта с указанием мест казни. Из документов становится ясно, что к концу января 1942 года практически все проживающее в Эстонии еврейское население было уничтожено. Зверски убит был и главный раввин Эстонии Аба Гомер. Глава эстонского самоуправления Х. Мяз имел полное основание отчитаться перед Берлином о превращении подведомственной ему территории в «Judenfrei» («Свободной от евреев»).

В публикациях еврейских общественных и других антифашистских организаций не называется точное количество концентрационных лагерей, которые были созданы эстонскими наци в годы войны на этой территории. Приводимые иногда в прессе цифры чаще всего колеблются от 20 до 30. Однако в эстонском Госархиве имеется список, где указано более 140 лагерей смерти, в которых содержались заключенные из многих стран Европы. Часть из них специализировалась только на евреях. В перечне они так и значатся — «концлагерь для евреев в Кивиыли», «концлагерь для евреев в Вивиконна», «концлагерь (рабочий) для евреев “Нарва-Ост”», концлагерь при «льняной фабрике в Нарве» и т.п.

Эстонские фашиствующие власти с готовностью взялись оказывать помощь Третьему рейху в истреблении евреев других стран, оккупированных фашистской Германией. По разнарядке оберштурмбанфюрера Адольфа Эйхмана (руководитель специального отдела в гестапо по «окончательному решению еврейского вопроса») первые эшелоны с еврейскими заключенными из Германии и Чехословакии начали прибывать на эстонскую станцию Разику уже в сентябре 1942 года. Только 5 сентября 1942 года из 1500 чехословацких граждан еврейской национальности свыше тысячи человек — в основном, дети, старики и больные — были расстреляны у специально подготовленной для этого ямы в Калеви-Лийва. Через две недели аналогичным образом были уничтожены 1000 из 1500 евреев, прибывших из Германии.

Эстонские фашисты создали свою систему «экономического эффекта» от проводимых акций. Если в Освенциме специальные команды снимали кольца и извлекали золотые зубные коронки у трупов после газовых камер, то профессионалы-эстонцы плоскогубцами вырывали золотые зубы у еще живых людей тут же, на краю могилы, перед очередным залпом.

Эстонские «нелюди-рационализаторы» проявляли такой творческий энтузиазм не только из любви к своей жуткой работе. Такая «золотодобыча» позволила многим эстонским эсэсовцам, скрывшись после войны от возмездия, безбедно доживать свой век. «Эстонский Эйхман» — Эрвин Адольф Вике еще в 60-х годах спокойно наслаждался солнцем в далекой Австралии, а его шеф Оскар Ангелус — крупнейший «специалист» по еврейскому вопросу в довоенной и военной Эстонии — столь же безмятежно писал мемуары в соседней Швеции.

Самый главный эстонский нацист Хяльмар Мяэ, являвшийся в оккупированной немцами Эстонии руководителем местного «самоуправления», нашел себе приют в Австрии. Этот «фюрер» имел австрийское гражданство, и власти Австрии делали вид, что не знают о его личной виновности в убийстве группы австрийских граждан, бежавших в 1938 году от преследований из Австрии в Финляндию, но затем арестованных и направленных для уничтожения на территорию Эстонии.

Эстонские полицейские части использовались немецким командованием для охраны лагерей и тюрем в «Остланде» и проведения карательных операций на своей территории, а также в Польше (охрана гетто), Югославии и Италии. Эстонские каратели активно участвовали в операциях против партизан на территории Белоруссии, Украины, Литвы, Ленинградской, Псковской областей и др. И, следует отметить, эстонские фашисты превосходили своих хозяев в жестокости при обращении с местным населением.

Практически после получения независимости власти Эстонии сейчас делают все, чтобы скрыть от мировой общественности факт совершения злодеяний своими соотечественниками в годы Второй мировой войны, обелить своих доморожденных фашистов, представить их борцами за свободу страны. Так, бывший премьер-министр Эстонии, лидер национал-радикалов М. Лаар пишет, что «еще в 1992 году в Таллине предвидели возможность задействия Россией “еврейской карты” в пропагандистской войне с Эстонией и использования в этих целях таких еврейских организаций, как Центр Симона Визенталя. Для противодействия этой “антиэстонской” структуре и ее лидеру Эфраиму Зурофу в Эстонской республике под эгидой полиции безопасности создана и действует комиссия историков и юристов».

Сам собой напрашивается вывод о том, что в этой «нравственной войне» антифашистской организации — Центру Симона Визенталя противодействует подразделение полиции безопасности Эстонии. Следуя логике бывшего премьера, мировые еврейские организации и Москва борются против фашизма, а Таллин находится по другую сторону баррикад.

Невольно напрашивается вопрос: неужели в республике забыли, что представляли собой эстонские легионеры СС?

Фактов, свидетельствующих о том, что бывшие эстонские и другие эсэсовцы никак не могут быть борцами за свободу, в архивах великое множество. Однако мало надежды на то, что руководство республики даст объективную оценку, как бы она ни была горька, содеянному эстонскими фашистами 60 лет назад.

Обобщая, хочу привести слова бывшего президента Российского еврейского конгресса Евгения Сатановского по случаю очередного собрания эстонских легионеров СС:

«Проблема в том, что СС — это та самая организация, которая занималась отрядами смерти. Это мероприятие абсолютно аморально. Эти люди были частью института крови и смерти. Пусть их дети посмотрят им в лица и увидят, что в Эстонии из-за них пролились реки крови».

Как уже было сказано, в Латвии основу для созданной немецким оккупационным командованием охранной полиции, или так называемых отрядов самообороны, составили члены вышедшей из подполья военно-фашистской организации «Айзсаргов». Во главе этих отрядов был поставлен подполковник бывшей латвийской армии З. Вейс.

Политика германских властей в первые дни оккупации Латвии была такова: очистить «восточные оккупированные территории» от евреев и коммунистов должны сами жители этих территорий. «Если они хо-

тят сотрудничать с немцами в будущем, то это надо сначала заслужить». Они и «заслуживали» так усердно, что люди помнят это до сих пор.

Латвийские полицейские с самого начала войны проводили массовые расстрелы советских граждан в Риге. Кроме Риги, в июле 1941 года на территории Прейльской волости Двинского уезда такие карательные группы расстреляли 900 советских граждан, в том числе все еврейское население Прейли. В этом же уезде в августе 1941 года были расстреляны 110 жителей селения Дагла. Руками карателей-латышей на окраине Субатэ Илукского уезда 21 июля 1941 года были расстреляны 700 советских граждан, в том числе женщин и детей. При этом во всех случаях все имущество расстрелянных делилось поровну между палачами.

Основные категории граждан, намеченных для уничтожения на местах, как и во всех зонах оккупации, были евреи, коммунисты, советские активисты, лица, сочувствующие Советской власти. Основными местами расстрела арестованных, как правило, евреев, в Латвии стали территории между станциями Румбуле и Саласпилс, где был расположен один из самых страшных лагерей истребления людей, а также в Лудзе (лес Гарба), в Карсаве (гора Майту Калнс), в Резекне (гора Анчупана) и в лесах между Катлакалном и Бишунуйжа.

Для расстрела людей везли на станции Румбуле или Саласпилс отовсюду: из Риги, из Австрии, Чехословакии, Франции и др. Масштабы истребления росли из месяца в месяц. Так, если в декабре 1941 года в гетто Риги было около 30 тысяч евреев, то в августе 1942 года их оставалось приблизительно 3 тысячи человек. То есть за это время были уничтожены 27 тысяч человек.

Латвийские карательные отряды действовали также на территории Новгородской и Ленинградской областей. Летом 1942 года немецкая полиция безопасности передала охрану Слонима в Белоруссии 18-му латвийскому полицейскому батальону. Командир его Рубенис буквально в тот же день отдал приказ об уничтожении еврейского гетто (2000 человек).

Легионеры 2-й латвийской бригады СС сожгли деревню Федоровка и село Осино Чудского района, произвели расстрелы в лагере для военнопленных в Красном Селе под Ленинградом.

Особо необходимо сказать о полицейской «команде Виктора Арайса». Она была специально создана оккупационными властями для проведения карательных акций. Бывший капрал Латвийской армии, выпускник Рижского университета, на момент формирования отряда возглавлял всю рижскую полицию. Арайс создал батальон общей численностью до 3 тысяч человек.

Немецкое командование возложило на это подразделение следующие функции: проведение арестов антифашистски настроенных лиц по всей территории бывшей Латвийской ССР; массовые расстрелы советских граждан; карательные экспедиции против партизан; несение охранной службы в гетто и концентрационных лагерях.

Большинство лиц, служивших в батальоне, направлялись на учебу в Фюрстенбергскую школу СД, после окончания которой они становились официальными сотрудниками, правомочными исполнять карательные функции. Личный состав «команды Арайса» носил обмундирование бывшей латышской армии, на рукаве была повязка с изображением черепа и перекрещенных костей с надписью: «Вспомогательная полиция безопасности». Впоследствии отряд экипировали формой войск СС.

Вот как описывают очевидцы первое «дело» этих убийц:

«В июле 1941 года в подвалах большой хоральной синагоги, что располагалась в самом центре Риги, прятались около 500 евреев беженцев из Шауляя. Измученные, перепуганные, полные самых страшных предчувствий женщины, старики и дети нашли приют в храме. 4 июля Виктор Арайс и его подчиненные подъехали на автомобилях к синагоге. Они облили стены керосином, обложили паклей, а потом подожгли. В матерей, пытавшихся выбросить детей из окон горящего здания, стреляли из автоматов. Когда старые стены занялись мощным пламенем, люди Арайса стали бросать в окна ручные гранаты. Так 500 евреев обрели здесь мученический конец». (Материал из публикации С. Семенова.)

С июля по декабрь 1941 года систематически вместе с другими полицейскими батальонами личный состав этого подразделения производил расстрелы евреев в Бикерниекском лесу, на окраине города (общее число жертв — 46 500 человек), а также в Либаве, в местечке Талси и на станции Царниково были уничтожены более 10 тысяч человек. Батальон участвовал в массовых расстрелах в Румбульском лесу. За всю оккупацию здесь были уничтожены около 38 тысяч человек. Во время некоторых расстрелов убивали сразу до 2 тысяч человек. По показаниям члена «команды Арайса» Литониса, только с января по март 1943 года в Бикерниекском лесу латышскими полицейскими были расстреляны более 10 тысяч человек.

Палачи постоянно «совершенствовали» способы расстрелов. Эта жуткая картина выглядела так: обреченных на смерть людей ставили небольшими группами на край рва, и стрелки по команде производили залпы, а затем следующие жертвы, раздетые до нижнего белья, а иногда донага, должны были спуститься на трупы ранее убитых людей и встать так, чтобы их тела ложились ровными рядами.

Сам Арайс активно участвовал в расстрелах и требовал того же от своих подчиненных. В 1942 году за проявленное усердие гитлеровское командование присвоило Арайсу звание штурмбанфюрера, а в июле 1943 года он был награжден Крестом с мечами за боевые заслуги.

В последующие годы Великой Отечественной войны отряд с теми же в буквальном смысле убийственными целями периодически выезжал в так называемые командировки в районы городов Великие Луки, Барановичи, Слуцк, Минск. Продолжительность таких выездов колебалась от одного до трех месяцев.

Кроме того, полицейские «команды Арайса» охраняли концлагерь в Саласпилсе, где в результате массовых расстрелов, чинимых администрацией и охраной лагеря, за весь период оккупации были истреблены более 100 тысяч советских граждан. «Команда Арайса» занимала первое место среди латышских полицейских формирований по количеству преступлений. На руках этого палача навсегда запеклась кровь около 50 тысяч убитых евреев. Не отставали от него и другие карательные части латышских фашистов.

Латвия — страна, где в годы немецкой оккупации местных евреев было убито в процентном отношении больше, чем где-либо в мире. По архивным данным, латвийские националисты погубили 85 тысяч местных евреев — из 100 тысяч, проживающих в довоенной Латвии. В самой Риге после ее освобождения в 1944 году в живых остались 162 чудом уцелевших еврея.

Согласно данным Чрезвычайной республиканской комиссии по злодеяниям немецко-фашистских захватчиков и их пособников, только на территории Латвии были замучены 313 798 мирных жителей (в том числе 39 835 детей) и 330 032 советских военнопленных. На принудительные работы в Германию угнаны около 280 тысяч человек.

Поражают жестокость и необъяснимый садизм подручных немецких фашистов. Трудно поверить, что это делали люди.

Бывшие партизаны 5-го отряда на Псковщине рассказывают, что в Опочке в 1944 году оккупанты казнили молодую еврейскую женщину, которую подозревали в связи с местным подпольем. Ее звали Зоя, больше о ней ничего неизвестно. Немцы связали ей руки, воткнули в шею мясной крюк и подвесили на виселице. Для устрашения населения всех согнали на казнь. Зоя умирала на крюке несколько дней. Забрать ее тело разрешили через неделю после смерти.

Известны факты участия военнослужащих латышских дивизий и в расправах над пленными, включая женщин. Так, в августе 1944 года в ходе боев на территории Латвии в плен к эсэсовцам попали несколько десятков тяжелораненых бойцов и командиров Красной Армии. От-

ходя под натиском наших солдат, эсэсовцы из 43-го стрелкового полка 19-й латышской дивизии выкололи глаза рядовому Караулову Н.К., младшему сержанту Корсакову Я.П. и гвардии лейтенанту Богданову Е.Р., а затем добили их ножами. Гвардии лейтенантам Кагановичу и Космину вырезали на лбу звезды, выкрутили руки и выбили ногами зубы. Попавшим в руки извергов санинструктору Сухановой А.А. и трем другим санитаркам отрезали груди, выкрутили руки и ноги, а добивали опять же ножами.

Как отмечалось во многих документах и свидетельских показаниях, латышские и эстонские легионеры отличались едва ли не большей жестокостью, чем немцы.

Приведу доклад поручика Русской освободительной армии (РОА) В. Балтиньша адъютанту А. Власова полковнику В. Позднякову, находившемуся в 1943 году в Риге для координации идеологической работы по разложению войск Красной Армии. Предатели Родины из РОА были далеко не ангелами, но и они ужасались увиденному.

«Господин полковник, после личного моего доклада Вам относительно зверств латышских и эстонских СС на занятой немцами российской территории я позволяю подать Вам этот письменный доклад.

В середине декабря 1943 года по делам службы мне пришлось (с несколькими сотрудниками) быть в районе Белоруссии (быв. Витебской губернии), в деревнях Князево (Красное), Барсуки, Розалино и др. Эти деревни занимали немецкие части и терпимо относились к населению, но когда им на смену пришли латвийские части СС, сразу начался беспричинный страшный террор. Жители были вынуждены по ночам разбегаться по лесам, чтобы не быть убитыми. Вокруг этих деревень лежало много трупов женщин и стариков. От жителей я узнал, что этими бесчинствами занимались латвийские СС.

23 апреля 1944 года мне пришлось быть в деревне Морочково. Вся она была сожжена. В погребках хат жили эсэсовцы-латыши. В день моего прибытия туда их должна была сменить немецкая часть, но мне все-таки удалось поговорить по-латышски с несколькими из них, правда, фамилий их не знаю. Я спросил у одного из них, почему вокруг деревни лежат трупы убитых женщин, стариков и детей, сотни непогребенных трупов, а также убитые лошади. Ответ был таков: «Мы их убили, чтобы уничтожить как можно больше русских...»

На следующий день мы перешли маленькую речку и нашли вблизи нее несколько уцелевших хат и жителей. При виде нас последние испугались, но нам удалось быстро успокоить их. Мы показали им семь свежих крестов на могилах, в которых мы захоронили трупы, и рассказывали о том, что видели. Крестьяне горько рыдали и рассказывали о том,

что им пришлось пережить за время пребывания здесь латвийских СС.

В начале мая в районе деревни Кобыльники в одной из ложбин мы видели около 3 тысяч тел расстрелянных крестьян, преимущественно женщин и детей. Уцелевшие жители рассказывали, что расстрелами занимались "люди, понимавшие по-русски, носившие черепа на фуражках и красно-бело-красные повязки на левом рукаве", то есть это были латвийские СС.

На такие же факты пришлось натолкнуться и в бывшей Псковской губернии со стороны эстонских СС.

Представляя вышеуказанный доклад на Ваше рассмотрение, я надеюсь, господин полковник, что будут приняты меры для ограждения русского населения от повторения описанных зверств».

Вопреки этим ужасающим свидетельствам сейчас в прибалтийских республиках утверждают, что национальные эсэсовские дивизии не участвовали в расправах над мирным населением. В Латвии, как известно, даже учрежден День памяти латышских воинов. Сначала его приурочили к первому столкновению эсэсовского легиона с частями Красной Армии на реке Великой, в районе города Опочка, а затем перенесли на 11 ноября, когда в стране поминают героя латышского эпоса Лачплесиса. Так эсэсовцев приравняли к народным героям.

Описывая активное участие местных нацистских карателей в геноциде своих сограждан во время Великой Отечественной войны на территории Латвии, наблюдая нынешнюю реабилитацию бывших местных эсэсовцев и одновременное преследование истинных освободителей от нацистского гнета германского рейха, невольно задаюсь вопросом: даст ли когда-нибудь нынешнее руководство этой республики адекватную оценку содеянному ее фашистскими приспешниками?

В феврале 2006 года Президент Латвийской республики Вайра Вике-Фрейберга во время встречи с президентом Израиля извинилась за холокост на территории своей страны. «Мы искренне сожалеем в связи с участием Латвии в ужасах холокоста», — сказала она, выступая в Иерусалиме на встрече с президентом Израиля Моше Кацавом.

Может быть, госпожа президент наберется мужества и извинится также за гибель 330 тысяч советских военнопленных на территории Латвии в годы Второй мировой войны? Ведь в их гибели не последнюю роль сыграли латышские каратели! Да вряд ли дождемся этого, как не дождались и от ее коллеги — Президента Литвы.

Всего накануне Второй мировой войны, в 1940 году, в Прибалтике проживали 5865 тысяч человек, из них евреев было уничтожено около 306 тысяч, т.е. более 5 процентов населения.

Меня могут спросить: а что, не было предателей и карателей среди русских, украинцев, белорусов и т.д.? Ответу: да, были. Но они понесли заслуженное наказание. Эти палачи до сих пор выявляются, и им предъявляются жесткие обвинения со всеми вытекающими последствиями, без учета срока давности. Из них не делают героев, им не предоставляют материальных льгот. Им не ставят памятники, в их честь не устраивают сборища и парады.

В Прибалтике же все делается прямо наоборот. Вот почему нельзя равнодушно наблюдать за происходящим в этих странах. В своем стремлении добиться признания «советской оккупации» стран Прибалтики в 1940—1990 годов нынешние прибалтийские политические лидеры при содействии Западной Европы и своих теперешних заокеанских друзей идут на реабилитацию чудовишных преступлений своих соотечественников, бывших палачами в годы войны.

Спрашивается: почему так спокойно в этом вопросе ведет себя Европа, столь чувствительная ко всем проявлениям экстремизма? Впрочем, чему удивляться? Ведь нечто подобное уже было, а люди, как известно, плохо усваивают уроки истории: в 30-е годы, во времена разрастания фашистской опасности, западные «демократии» стремились же использовать эту силу против Советского Союза, который вызывал у них тогда еще большую тревогу, чем современная Россия. Вот в чем явная причина слепоты Евросоюза, который обычно крайне болезненно и жестко реагирует на любое проявление экстремизма. Очевидно, для них созревающий прибалтийский фашизм, направленный против России, — это не фашизм!

Ну что ж, с новыми, прибалтийскими членами своей семьи «цивилизованных народов» Европа, уж точно, не соскучится. Видимо, сегодня они, именно такие, ей и нужны.

В качестве примера можно привести положение, сложившееся в отношении этого вопроса в Австрии, являющейся членом европейской семьи, куда теперь вошла и Прибалтика. один из руководителей Центра Симона Визенталья назвал Австрию «раем для нацистских военных преступников». Он резко осудил правительство этой страны и судебные власти за то, что они не предают суду подозреваемых в преступлениях холокоста.

Действительно, в Австрии военные преступники беспрепятственно могут рассказывать о совершенных ими преступлениях. Центр Визенталья обнаружил там 83 подозреваемых, которые пока живы. Однако расследования в отношении 77 подозреваемых, дела которых сейчас рассматриваются австрийскими властями, ведутся медленно и пассивно, и не прилагается никаких особых усилий к тому, чтобы

поддержать обвинения.

В числе подозреваемых — Альберт Хайм, врач, проводивший эксперименты на еврейских заключенных в концентрационном лагере Маутхаузен; Милливой Аснер, бывший офицер хорватской полиции, который, как предполагается, отправил сотни людей в лагеря смерти; Эрна Виллиш, охранница в одном из концлагерей, сопровождавшая заключенных в газовые камеры.

Среди этих троих А. Хайм — самый известный из числа нацистов, которые до сих пор находятся на свободе. За семь недель, проведенных им в лагере Маутхаузен в 1941 году, он убил сотни заключенных, проводя над ними незаконные медицинские эксперименты. Он был судим заочно в 1979 году. Суд пришел к выводу, что, совершая бесчеловечные операции на заключенных, Хайм находился в полном сознании, он «наслаждался страхом смерти, который испытывали его жертвы». Австрия возбудила против него уголовное дело в 1957 году. Сейчас ему 91 год, и его якобы видели в Южной Америке, Египте, Испании и Германии.

У господина М. Аснера двойное гражданство — австрийское и хорватское. В прошлом году Хорватия выдвинула против Аснера обвинения в преступлениях против человечности и обратилась к австрийским властям с просьбой экстрадировать его для проведения суда. Однако те отказали на том основании, что он гражданин Австрии.

Это только один пример международного отношения к нацистским преступлениям, совершенным во время Второй мировой войны. И если уж такое государство, как Австрия, позволяет себе вставать на защиту военных преступников, то что же тогда может остановить прибалтийские страны, которые смотрят в рот «цивилизованной» Европе?

История ничему не учит тех, кто благоволит к гитлеровским палачам. Пепел миллионов погибших мученической смертью в боях и казненных в годы Второй мировой войны не стучит в их сердцах.

Царь народа Израиля Соломон три тысячи лет тому назад сказал слова, которые следовало бы всегда помнить:

«Сын мой! Не ходи в путь с ними, удержи ногу твою от стези их, потому что ноги их бегут ко злу и спешат на пролитие крови».

5. POST SCRIPTUM

Происходящее в мире противостояние на религиозной и этнической почве заставило меня с нынешних позиций подойти к осмыслению этой проблемы.

В начале 2006 года по миру прокатились массовые демонстрации, волнения с человеческими жертвами, погромы посольств Дании, Норвегии и других стран. Волна насилия захлестнула мусульманский мир. Это было вызвано публикацией в сентябре 2005 года одной датской газеты, поместившей целую полосу из 12 карикатур под заголовком «Лицо Мухаммеда». Обращает внимание, что эти жесткие и довольно опасные акции проходят практически по всему миру одновременно. Не надо быть большим политиком, чтобы сделать вывод — этим процессом кто-то четко управляет. Чем реально это вызвано — полагаю, ответ дадут время, политологи и объективные политики.

Невольно возникает вопрос: кому это нужно, кому это выгодно? Вчера выступления на национальной почве во Франции, сегодня религиозные волнения во многих странах, а чего же ждать завтра? Обращает на себя внимание тот факт, что карикатур не перепечатала ни одна из крупнейших американских и британских газет.

Как всегда, на острые мировые события посыпались комментарии известных и не очень известных политических и общественных деятелей. Оценки их иногда прямо противоположные — о недопустимости удушения свободы слова до ввода цензуры в средствах массовой информации.

Я лично выступаю за свободу слова в любом обществе. Это оценка общества — есть в нем демократия или нет. Но в то же время мое твердое убеждение состоит в том, что свобода выражения мнений должна преследовать гуманные цели. Мощнейшее оружие современности должно быть направлено на устранение пороков жизни общества, воспитание в человеке гуманных чувств и качеств, но не на поощрение низменных наклонностей.

Нравственное кредо многих журналистов Запада можно оценить по высказыванию редактора отдела вошедшей в «карикатурную войну» датской газеты. В статье, сопровождавшей эти карикатуры, он писал: «Некоторые мусульмане отвергают современное светское общественное устройство. Они настаивают на особом отношении к своим религиозным чувствам. Такое требование несовместимо с демократией и свободой слова, обществом, где ты всегда должен быть готов к нападкам и насмешкам. Это бывает неприятно и это не значит, что чувства верующих надо высмеивать любой ценой, однако в данном случае эти соображения играют второстепенную роль. Мы скатываемся к ситуации, когда никто не знает, как остановить самоцензуру».

У человечества есть святыни, которые должны быть уважаемы всеми людьми. Разве нормальный человек позволит себе что-либо предосудительное в отношении своей матери, разве он может отдать на поругание свою Родину? Он всегда скажет «моя», а не «эта» страна.

В первую очередь к святыням человека надо отнести его религиозные убеждения. В какую религиозную истину верить — это индивидуальное дело каждого. Любая религия в течение столетий создавала образы своих религиозных святых и их последователей. Веками работали художники, скульпторы, писатели над образом Иисуса Христа, Девы Марии, Будды, возвышенно благовествовали о пророке Мухаммеде и т.д. Последователи стремились найти через эти возвышенные умозрительные образы основное в их поучениях. Но никогда не позволяли кощунствовать кому-либо над образами своих святых и сущностью исповедуемых религиозных табу, над своей верой. С этих позиций нет оправдания тем безнравственным пропагандистам, кто в погоне за сенсацией, политическими дивидендами, массовым читателем, в итоге — «золотым тельцом» пошел на этот шаг.

В январе 2003 года в музее и общественном центре имени Андрея Сахарова открылась выставка «Осторожно, религия!». Чтобы иметь представление об экспонируемых «шедеврах», я упомяну только о некоторых. Думаю, даже этого достаточно, чтобы сделать выводы о дальнейших событиях: шелкография Александра Косолапова представляла Иисуса, который протягивал зрителям бутылку кока-колы со словами «Сия есть кровь моя»; работа «мученика атеизма» Авдея Тер-Оганесяна (в 1998 году на художественной ярмарке он рубил топором иконки) — иконки с вырезанными на них надписями «Водка» с серпами и молотами; у Ирины Вельдрон овечка Долли выступает против клонирования Иисуса Христа.

На одной из икон лик Пресвятой Богородицы и Богомладенца вымазали черной икрой. Как пояснялось озадаченным зрителям, здесь соединились два торговых бренда — «Русь православная» и «Русь, добывающая столь любимое иностранцами лакомство». Спустя некоторое время после открытия выставки «сбрендивший» автор под давлением общественности вынужден был снять свой «труд».

Как известно, в помещение выставки ворвались шесть человек, которые стали разрушать подобные «произведения». Была милиция, было судебное разбирательство. Кошунственная акция вызвала широкий резонанс во всей стране. Против нее резко выступили депутаты Государственной думы, деятели культуры и искусства, верующие различных конфессий. Представители исламских, иудейских и буддийских организаций России осудили организаторов выставки «Осторожно, религия!».

По мнению верховного муфтия Центрального духовного управления мусульман Российской Федерации Мухаммедгали Хузина, выс-

ставка представляет собой «акт глумления над чувствами миллионов верующих России». Главный раввин России Берл Лазар заявил: «Я уважаю свободу творчества, но она не должна оборачиваться свободой плевать людям в лицо».

Резкая оценка выставки дана в заявлении Отдела внешних церковных связей Московского патриархата. «Кошунственные действия не имеют и не могут иметь никакого оправдания, — сказано в нем. — Церковь настаивает на том, что любое публичное осквернение иконографических изображений Господа Иисуса Христа, Божией Матери и святых, то есть совмещение их с чуждыми изображениями, помещение в ненадлежащий контекст, употребление в книгах, фильмах и постановках, пропагандирующих человеческие страсти, использование в рекламе, в объявлениях колдунов и знахарей, на этикетках бытовых товаров, оскорбляет чувства верующих. Такие действия противоречат закону, запрещающему “оскорбление религиозных чувств граждан либо осквернение почитаемых ими предметов”».

Суд оправдал «погромщиков» выставки и присудил штраф администрации музея и центра А. Сахарова. Надо полагать, что здесь возобладало мнение судей, что устроители кошунственных выставок посягают на святыни людей. Отнять у народа святая святых — значит не оставить ничего святого.

Мы очень часто приводим в пример США, страну «истинной» демократии. Как же они относятся к подобным выставкам «произведений искусства»? В свое время у них тоже проходила выставка, где было изображено распятие, утопленное в моче, а Дева Мария — в окружении слоновьих фекалий. Такого рода картины и фотомонтажи вызвали в американском обществе шок.

Наш же народ по-настоящему не дал отпора хулителям веры и, безусловно, явным провокаторам. В заключение хочу привести слова из статьи А. Шаргунова в 2005 году:

«Попробовали бы они устроить подобную выставку где-нибудь в мусульманской стране, “концептуально обыграв” Коран, или спародировали бы раввинов или Талмуд в Израиле — их бы просто растерзали, и никакие органы правопорядка не вмешались бы».

Действия в ответ на эти предположения не заставили себя долго ждать. В декабре 2006 года в Тегеране прошла двухдневная международная конференция по холокосту. Впрочем, задолго до начала этой псевдонаучной конференции со своим видением истории неоднократно выступал Президент Ирана Махмуд Ахмадинежад. Он на весь мир заявил, что никакого холокоста в природе не было вообще. Выступающие «ученые» дошли до выводов, которые, вероятно, можно услышать

в психушках. Например, лагерь смерти Освенцим был построен после войны русскими, чтобы бросить тень на Гитлера.

Конечно, проведение такой конференции можно расценивать как проявление коллективной шизофрении. Но раз делаются попытки опровергнуть холокост, значит, степень умопомрачения слишком глубока. Полагаю, что руководителю Ирана доподлинно известно о решении Генеральной Ассамблеи ООН от 1 ноября 2005 года, где отвергается любое отрицание холокоста — полное или частичное — как исторического события. Его безответственные действия являются источником величайшей опасности. Но они не случайны. Израиль — государство евреев, которое, по их мнению, является врагом мусульманского мира. Следовательно, надо нанести удар по болевой точке евреев — холокосту. Казалось бы, какое отношение имеет карикатура на пророка Мухаммеда к холокосту? Замысел — столкнуть мусульманский мир с Европой и США, где еврейская нация имеет достаточно большой политический и экономический вес.

Отрицание холокоста считается уголовным преступлением в одиннадцати государствах. В их числе и Австрия. В этой стране обнародование подобных утверждений в устной или письменной форме карается тюремным заключением сроком до 10 лет.

В феврале 2006 года закон, принятый еще в 1955 году, т.е. полвека тому назад, впервые был применен на практике. Городской уголовный суд Вены приговорил 68-летнего британца Дэвида Ирвинга к 3 годам тюрьмы «за отрицание факта массовых убийств евреев в годы Второй мировой войны».

Этот плодовитый историк-самоучка в 1977 году издал книгу «Война Гитлера», в которой утверждал: «Я не считаю, что убийства евреев были санкционированы руководством германского рейха. Если бы такие планы действительно существовали, не было бы такого количества выживших евреев». Газовые камеры Ирвинг назвал «выдумкой», а свидетельства выживших узников концлагерей — «бездоказательными, полученными в результате психологической обработки».

В Германии и Австрии против него возбудили уголовное дело. Поэтому, когда в ноябре 2005 года Д. Ирвинг неожиданно прилетел в Вену, он был арестован прямо в аэропорту. Суд приговорил его к 3 годам тюрьмы — с учетом преклонного возраста и слабого здоровья.

К сожалению, ни резолюции, ни приговоры не останавливают политиков в их стремлении использовать, фальсифицировать историю себе на потребу. Искусствовед израильского мемориального музея холокоста Яд-Вашем Лиза Давидович сказала, что карикатура уже служила инструментом разжигания межнациональной розни. Одним из

пропагандистских рупоров нацистской Германии была иллюстрированная антисемитская газета «Штурмер» («Штурмовик»). Ее владельцем и издателем был Юлиус Штрайхер. Нюрнбергский трибунал приговорил его к смертной казни. «Первый зал, с которого мы начинаем экскурсию по музею, посвящен гитлеровской пропаганде, где карикатура занимает важнейшее место. К сожалению, все начинается карикатурами, а заканчивается печами».

Я долго думал, чем закончить эту тяжелую главу. Чувства безгласности и тяжелой ненависти к предателям, которые сотрудничали с истинными оккупантами — фашистской Германией, нынешнее отношение к ним властей Прибалтики, а также большая тревога по поводу происходящих в мире межнациональных и конфессиональных противостояний преследовали меня во время ее написания.

Что сказали бы мудрейшие люди, живи они в XX веке и наблюдая за всем происходящим?

Наиболее емко и глубоко высказал это Аристотель, древнегреческий философ и мыслитель, живший в III веке до н.э.: «Преступление нуждается лишь в предлоге».

Глава девятая

ПОЗОРНЫЕ СУДИЛИЩА

В 90-х годах теперь уже прошлого века в течение восьми лет я был депутатом Государственной думы России, в том числе четыре года — руководителем депутатской группы «Народовластие».

Государственная дума наряду с законотворческой деятельностью, большое внимание уделяла внутренним и внешнеполитическим проблемам. Естественно, что положение, складывавшееся в прибалтийских государствах, не могло не беспокоить депутатов.

Причин тому было несколько: недопустимое отношение к нашим соотечественникам, гонения на политических оппонентов и участников Великой Отечественной войны, откровенно враждебный настрой по отношению к СССР и его правопреемнику — современной России. Особое возмущение у депутатов да и у большей части общественности страны, вызвал тот факт, когда демократические лозунги, под которыми прибалтийские республики боролись за выход из состава Советского Союза, обвиняя его во всех смертных грехах, были ими же немедленно попораны. В отношении политических противников и «неграждан» они стали применять действия, сравнимые, на мой взгляд, с существовавшим в свое время апартеидом в ЮАР.

Наблюдая в последние 10—15 лет за судебными процессами в странах Прибалтики, анализируя их, невольно вспоминаю слова Спасителя: «Фарисей слепой! Очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и внешность их. Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты» (Мф. 23, 26—27). Это изречение из Нового Завета очень точно подходит к прибалтийским судилищам, проходящим на фоне фактического геноцида в Прибалтике не угодных властям людей, в основном, нетитульной национальности, хотя достается, как говорится, и «своим».

1. ПОЛИТИЧЕСКИЕ СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Сразу после объявления независимости прибалтийские страны, в первую очередь Латвия и Литва, организовали преследование политических и общественных деятелей, не разделявших убеждений пришедших к власти национал-сепаратистов, а затем инициировали позорные судилища над своими политическими оппонентами. Следующим их шагом стали гонения на бывших военнослужащих, сражавшихся на стороне государств антигитлеровской коалиции и участвовавших в борьбе против фашистской агентуры, оставленной после ухода гитлеровских войск.

Открыл списки политических заключенных в стремившейся немедленно стать «демократической» Прибалтике член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Латвии, народный депутат СССР и депутат Верховного Совета Латвийской ССР Альфред Петрович Рубикс.

23 августа 1991 года он был взят под стражу в ЦК, своем служебном кабинете. Хочу напомнить читателям, что независимость Латвии была предоставлена 6 сентября 1991 года. Таким образом, арест А. Рубикса состоялся в то время, когда Латвийская ССР была составной частью единого государства — СССР, где действовали законы, обязательные для всех союзных республик.

Однако нетерпение власть повластвовать у радикально-националистических сил было настолько велико, что они начали действовать, игнорируя существовавшие республиканские и союзные законы и нормы международного права, не говоря уже о простой человеческой порядочности.

Первой жертвой такой беспринципной деятельности и стал А. Рубикс. Его политические противники воспользовались беспомощностью Центра, нежеланием и неумением Горбачева отстаивать общесоюзные интересы и сразу же нанесли удар в тот момент, когда выяснился полный провал ГКЧП.

Да и как было не воспользоваться сложившейся ситуацией? Именно 23 августа Ельцин публично презрительно растоптал деморализованного «форосского сидельца» — Президента СССР и Генерального секретаря ЦК КПСС, когда на глазах у всего мира демонстративно подписал Указ о «приостановлении» деятельности Компартии России, а на следующий день признал независимость Латвии и Эстонии.

Эти действия Ельцина и Горбачева послужили наглядным примером для Прибалтики и, можно сказать, развязали им руки. Они тут же и пустили их в ход...

Цивилизованные люди, которыми хотели показать себя и новые власти прибалтийских стран, должны соблюдать хотя бы видимость законности. Но им было не до этого — революционная необходимость оправдывала все. Как депутат союзного и республиканского парламентов, А. Рубикс мог быть арестован только с санкции Верховных Советов СССР и Латвийской ССР. Однако руководство республики демонстративно не обращалось в Москву.

А. Рубикс был обвинен в том, что он якобы принимал участие в заговоре с целью захвата власти в СССР и Латвийской ССР. Трудно представить себе всю абсурдность этого обвинения — руководитель республики обвиняется в захвате власти в своей республике, а заодно, очевидно, и во всей стране. В СССР была единая система власти, и Рубикс являлся ее официальным представителем. Безусловно, никакого заговора не было и в помине.

Тем не менее прокурор ставшей независимой Латвии, будущий ее Генеральный, получивший высшую награду республики — орден «Трех звезд» Я. Скростиныш докладывал Горбачеву и Верховному Совету СССР о том, что «вина А. Рубикса в действиях против СССР (?) полностью доказана».

Оказалось также, что весь следственный материал готовили тогда для... Москвы. Впрочем, эти странности быстро прояснились, замысел был тщательно продуман — присоединить А. Рубикса к «путчистам» и отправить его в «Матросскую тишину», а там, глядишь, и далее. И политический соперник устранен, и руки, как у Понтия Пилата, умыты! Но руководству Советского Союза этот патриот своей страны был не нужен: ни ответа, ни вопросов от президента и Верховного Совета не последовало — не до руководителя одной из республик было им тогда, самим бы уцелеть!..

Это обстоятельство не обескуражило новых латвийских властей: они решили любыми средствами и ухищрениями основательно расправиться со своим главным политическим противником. Его подвели под расстрельную статью Уголовного кодекса Латвийской ССР, т.е. союзной республики, от статуса которой они всячески открещивались и настаивали на том, что Латвия уже существует как суверенное государство.

«Выход» был найден — решили обойтись своими силами и законами. Для этого в принятой в Латвийской республике 22 августа 1991 года,

т.е. за сутки до ареста А. Рубикса, новой «расстрельной» статье закона время начала ее действия изменили в обратную сторону — с 4 мая 1990 года, т.е. со дня принятия Декларации о независимости. Таким образом, закону была придана обратная сила, что противоречит всем имеющимся в мировой практике нормам права.

После такого правового подлога дела пошли «веселей». Одним только уголовным делом А. Рубикса занимались более 50 прокуроров, не считая остальных участников следствия и суда, в том числе и бывшие члены КПСС, которые в свое время клялись ей в верности, а впоследствии «перестроились» до неузнаваемости и под демократическими лозунгами пошли разрушать социалистический строй. Особым рвением отличались бывшие депутаты Верховного Совета Латвийской ССР, некоторые из них также бывшие члены КПСС. Их поддерживал бывший секретарь ЦК Компартии Латвии по идеологии, он же бывший председатель Верховного Совета Латвийской ССР, впоследствии Латвийской республики, ставший затем председателем ее Сейма, — А. Горбунов. Я помню его в период 1989—1990 годов, когда он в Москве на различных встречах убеждал всех в необходимости демократических перемен в Латвии. Мне неизвестен дальнейший жизненный путь этого перевертыша. Убежден, что предательство рано или поздно отразится на судьбе таких людей.

Как уже было сказано, суд приговорил А. Рубикса к 8 годам тюремного заключения. Такой длительный срок он получил за свои твердые идейные убеждения, за предупреждения о том, что в стране наступит небывалое гражданское неравенство. Время показало, что именно это и произошло.

Находясь под следствием, заключенный № 1, как его называли в своих публикациях журналисты, был избран депутатом пятого Сейма Латвийской Республики. К сведению читателей, Сейм с первого по четвертый избирался в период с 1922-го по 1931 год. Во время диктаторского правления К. Ульманиса выборы в Сейм не проводились. Сейм же, избранный в 1940 году, нынешними властями легитимным не признается, как и все последующие составы Верховного Совета Латвийской ССР. Так вот, избранный народом депутат Сейма за период срока своих полномочий ни одного дня не присутствовал в зале заседаний парламента — он «заседал» в зале Верховного суда Латвийской Республики.

В мае 1996 года заключенный А. Рубикс дал согласие «Социалистической партии Латвии — движение «Равноправие» баллотироваться на пост президента страны. Конституция государства не содержала каких-либо ограничений для кандидата в президенты, кроме возраста —

он должен быть не менее 40 лет. Таким образом, А. Рубикс имел полное право избираться на этот пост.

Как и следовало ожидать, такой шаг А. Рубикса вызвал шок у власть предержащих и крайне правых депутатов Сейма. Экстренно был разработан проект закона о выборах президента государства. Национал-радикалы настаивали на его срочном рассмотрении и немедленном введении в действие. В предложенном ими проекте введены ограничения, которые были явно направлены против А. Рубикса. И среди них читаем: «отбывают наказание в местах лишения свободы»; «после 13 января 1990 года действовали в КПСС и КП Латвии» и т.д. Когда проект закона был подан в президиум Сейма, он сразу получил название «закон против Рубикса». Закон был принят 13 июня 1996 года в предложенной редакции.

Во время тюремного заключения А. Рубикса, и особенно в период избирательной кампании на пост президента государства, поступало большое количество ходатайств о его помиловании. С такой просьбой к Президенту Латвии 22 марта 1996 года обратилась и Государственная дума России. Через два дня, 24 марта, ему же было направлено письмо группы членов Парламентской ассамблеи Совета Европы. В числе «подписантов» обращения к президенту Латвийской республики Г. Ульманису были члены ПАСЕ Украины (Б. Олейник и др.), России (С. Глютов, А. Дзасохов, Р. Абдулатипов, Г. Зюганов, В. Жириновский), а также Греции, Кипра, Италии, Финляндии.

Вопрос о помиловании тянулся долго, спотыкался о специально созданные препятствия. Те, от кого зависела судьба политзаключенного № 1, прекрасно понимали, что выпускать его перед президентскими выборами нельзя. Скажу об этом словами самого А. Рубикса из его книги «Голосовали цветами...»:

«Президент Латвии Гунтис Ульманис не станет рассматривать вопрос о помиловании бывшего руководителя Компартии Латвии Альфреда Рубикса...

Служба помилования не представит на рассмотрение президента материалы о Рубиксе, так как сам осужденный отказался от помилования.

Хотя сам Рубикс не подавал просьбы не предоставлять ему помилования, о своей позиции он неоднократно заявлял публично, и она отражена в средствах массовой информации...

Службой получено семь заявлений с просьбой помиловать Рубикса. Помиловать Рубикса просили его мать, девять депутатов Сейма Латвии, депутаты Парламентской Ассамблеи Совета Европы, группа депутатов Рижской думы и депутаты Государственной думы России.

Получено также одно заявление, подписанное 32 частными лицами. Отдельное заявление направлено бывшими депутатами Сейма Латвии Ларисой Лавиной и Филиппом Строгановым».

12 ноября 1997 года в Государственной думе был распространен обращение А. Рубикса в адрес Председателя Государственной думы Г. Селезнева. Приведу из него только несколько строк: «Убежден, что внимание к моей судьбе со стороны Государственной думы России способствовало моему условно-досрочному освобождению, и я вернулся на волю после шести лет, двух месяцев и двенадцати дней пребывания в тюрьме.

Желаю вам, дорогие товарищи и друзья, успехов в работе на благо трудового народа России. С уважением, бывший политзаключенный А.П. Рубикс».

Из тюрьмы Альфред Рубикс вышел не сломленный. В одном из интервью он сказал: «Боязни нет, в будущем уверен». В этом весь Альфред Петрович.

16 февраля 1999 года состоялось заседание окружного суда города Риги по вопросу о правомочности мандата депутата Рижской думы Татьяны Аркадьевны Жданок, широко известной в Латвии и за ее пределами правозащитницы, одного из лидеров политической организации «Равноправие». Удовлетворив иск Генеральной прокуратуры Латвийской республики, суд признал, что Т. Жданок состояла в республиканской Коммунистической партии после 13 января 1990 года, и поэтому на нее распространяются политические ограничения, существующие для бывших членов этой партии.

Накануне выборов в Рижскую думу в 1997 году Т. Жданок в своей декларации указала, что состояла в Коммунистической партии Латвии до 10 сентября 1991 года, когда деятельность партии была прекращена решением Верховного Совета Латвийской Республики. Однако в то время ее право быть избранной в Рижскую думу не было опротестовано в судебном порядке.

В Заявлении Государственной думы России в связи с судебным преследованием в Латвии депутата Рижской думы от политической организации «Равноправие» Т. Жданок говорится, что гонения на нее властей Латвийской республики напрямую связаны с ее правозащитнической деятельностью, направленной прежде всего против продолжающегося ущемления политических, гражданских, социально-экономических и культурных прав российских соотечественников, постоянно проживающих в Латвии. Она вызвана также непрекращающимися попытками ее властей ужесточить дискриминационную политику в сфере языка и об-

разования, пересмотреть итоги Второй мировой войны. Судебное преследование Т. Жданок началось вскоре после ее выступлений на международных форумах в Париже и Брюсселе в конце 1998-го — начале 1999 года в защиту прав постоянно проживающих в Латвии людей, родным языком для которых является русский.

Выразив сомнение в обоснованности приговора в отношении Т. Жданок, Государственная дума отметила, что закон Латвийской республики о выборах противоречит Международному пакту о гражданских и политических правах, в соответствии с которым каждый гражданин должен иметь без каких бы то ни было необоснованных ограничений право и возможность избирать и быть избранным. Правоохранительные органы Латвийской республики нарушали также Конвенцию о защите прав человека и основных свобод. Она призвала мировое сообщество не оставлять без внимания вопрос о нарушении властями Латвийской республики общепризнанных принципов и норм международного права в области прав человека в отношении Т. Жданок и потребовала от латвийского руководства немедленного прекращения судебного преследования ее — депутата Рижской думы и одного из лидеров политической организации «Равноправие».

Несмотря на негативное отношение общественности, 15 декабря 1999 года решение Рижского окружного суда от 16 февраля этого же года было подтверждено Комиссией Верховного суда Латвии, а в феврале 2000 года департамент по гражданским делам Сената Верховного суда Латвии отклонил соответствующую кассационную жалобу. Таким образом, были исчерпаны все национальные процедуры рассмотрения данного дела. Татьяну Жданок лишили не только депутатского мандата, но и всех средств к существованию.

Латвийский комитет по правам человека подготовил обращение в Европейский суд. Эта общественная организация считала случай с Т. Жданок расправой над известной правозащитницей и опасным прецедентом устранения из органов представительной власти политических оппонентов местными национал-радикалами. Материал по делу Т. Жданок был передан 23 февраля 2000 года Верховному комиссару ОБСЕ по делам меньшинств М. ван дер Стулу.

Для того чтобы подвести черту под вопросом отношения латвийских властей к инакомыслящим, политическим оппонентам и использования в антидемократических целях правосудия, мне хотелось бы сослаться на интервью гражданина России, родившегося и жившего в Латвии, Владимира Смирнова «Я был в четырех латвийских тюрьмах», опубликованное в российских средствах массовой информации несколько лет назад.

В начале 1992 года по его инициативе была создана Ассоциация российских граждан, имевшая четкую задачу — защиту прав русских в Латвии. Власть встретила эту общественную организацию в штыки, объявила ее членов шовинистами, «рукой Москвы». Ассоциация российских граждан стала добиваться открытия посольства РФ в Латвии.

«И вот мы дождались, — рассказывает Смирнов, — приехал в Латвию посол России Александр Ранних и отмахнулся от нас, как от назойливых мух. Он предпочитал заниматься верховой ездой, участвовать в пивных фестивалях, вести светскую жизнь. Мы, российские граждане (стыд и срам!), даже вынуждены были пикетировать российское посольство в Риге, что вызвало злорадство латышских газет».

В 1995 году В. Смирнова арестовали, устроив для этого провокацию — пьяные полицейские стали оскорблять его жену, выкручивать ей руки, надели на нее наручники. Как всякий нормальный муж, он стал защищать свою жену и бросился на насильников, разогнал их и скрылся. Спустя четыре месяца В. Смирнов был арестован на похоронах отца. Ему дали срок — три года лишения свободы за сопротивление полиции.

Испытав все муки ада в четырех тюрьмах Латвии, дабы сохранить жизнь, он написал в Генеральную прокуратуру заявление, чтобы его, как российского гражданина, перевели в Россию. Его просьбу удовлетворили, и в декабре 1997 года спецэтапом он был переведен в Псков.

На вопрос, могли бы так поступить правоохранные органы в России, Владимир Смирнов ответил:

«Думаю, что нет. Это латвийская особенность. Во время событий августа 1991 года они уже использовали эту тактику. Тогда, издеваясь над женой офицера рижского ОМОНа, они тоже спровоцировали конфликт».

Я думаю, что в России правоохранные органы далеки от идеала, но на такую низость не пойдут. Ни в России не пойдут, ни на Западе, ни на Востоке. Такое только в Латвии возможно. Потому что там человеконенавистническая идеология возведена в ранг государственной политики».

Заканчивается интервью весьма убедительным ответом на вопрос: разве в России не хватает такой гнили?

«С избытком. Но в России, во-первых, нет национализма на государственном уровне, а это пороховая бочка. Во-вторых, Россия — это океан. Океан способен абсорбировать грязь. А Латвия — пруд. Пруд очень быстро превращается в болото».

В одной из «прибалтийских» глав этой книги я уже упоминал о судьбе двух замечательных людей. В январе 1994 года из Минска были на-

сильственно вывезены при содействии одного из разрушителей СССР Шушкевича и западных спецслужб первый секретарь ЦК Компартии Литвы на платформе КПСС Миколас Бурокаявичюс и заведующий идеологическим отделом ЦК Юозас Ермалавичюс. 15 января они были помещены в Лукишкский следственный изолятор. Следствие длилось около трех лет, и только в октябре 1996 года начался судебный процесс. Материалы следствия заняли 350 томов, были зарегистрированы более сотни потерпевших. Предъявленные им обвинения предусматривали большие сроки лишения свободы и даже «высшую меру». Прежде чем дать им оценку, следует рассмотреть главный вопрос — правомерность обвинения М. Бурокаявичюса и его товарищей в заговоре с целью захвата власти в Литве в январе 1991 года.

Власти Литовской республики в своей деятельности исходили из ложного посыла, что «Литовская республика стала независимым государством 11 марта 1990 года», а не 6 сентября 1991 года, когда Горбачев от имени Госсовета подписал решение о предоставлении независимости Литовской республике.

После объявления Верховным Советом Литовской ССР 11 марта 1990 года «о восстановлении независимости Литовского государства и об отмене действия на территории республики Конституции Литовской ССР и Конституции СССР», как помнит читатель, последовал целый ряд указов Президента СССР, которыми все односторонние решения Верховного Совета Литовской ССР, противоречащие Конституции СССР, объявлялись не имеющими юридической силы.

В период 1990-го — первой половины 1991 года на территории Литовской ССР действовал паспорт гражданина СССР, все обладатели которого являлись равноправными гражданами СССР. Следует констатировать, что в рассматриваемый период ни М. Бурокаявичюс, ни другие подсудимые по указанному «делу» не могли нести персональную ответственность за сложившуюся на территории Литовской ССР политико-правовую неопределенность и ее последствия.

М. Бурокаявичюсу было предъявлено обвинение по ряду статей Уголовного кодекса Литовской республики, при этом основное обвинение базировалось на статье «Создание антигосударственных организаций и активное участие в их деятельности». И, как ни нелепо с юридической точки зрения, термин «антигосударственная организация» использовался также в отношении легально действовавшей до 22 августа 1991 года Коммунистической партии Литвы на платформе КПСС. Более того, Верховным Советом Литовской республики был принят специальный закон о внесении изменений и дополнений в УК Литовской республики 4 октября 1990 года, то есть в период, когда приня-

тие такого закона не порождало никаких юридических последствий, так как на всей территории государства, в том числе на территории Литовской ССР, входящей в то время в СССР, действовал Закон «Об уголовной ответственности за государственные преступления». Нормы этого общесоюзного уголовного закона не вправе была изменять, дополнять либо признавать утратившими силу ни одна союзная республика.

В декабре 1996 года, т.е. в год начала судебного процесса, в средствах массовой информации России была опубликована справка группы ученых-правоведов Российской Федерации по поводу «обвинительного заключения» по делу М. Бурокаявичюса, Ю. Ермалавичюса и других лиц, привлеченных к уголовной ответственности судом Литовской республики.

Я должен извиниться перед читателями за довольно большое цитирование одного из разделов этого документа. Но вопрос принципиальный: имели ли право литовские власти судить этих людей? Итак:

«Многотомное обвинение имеет целью убедить общественность в том, что КПЛ является подрывной организацией, действующей в интересах иностранного государства, в связи с чем ее лидеры должны подлежать преследованию. Обвинение для этого представляет десятки “доказательств”, в основном, резолюции и обращения ЦК КП Литвы.

Правда, по логике обвинителей, и президента А. Бразаускаса следует признать агентом иностранного государства, так как он в свое время руководил партийной организацией республики.

Игнорируя конституционный статус политической партии и объявив членство в ней преступлением, власти нарушили Конституцию своей республики.

Отвергнув общепризнанный принцип недопустимости обратной силы уголовных законов, усиливающих или формулирующих новое наказание, и подвергая преследованию лиц за ранее выполнявшиеся ими законные функции, власти Литвы нарушают ст. 16 Международного пакта о гражданских и политических правах, в соответствии с которой никто не может быть признан виновным в совершении какого-либо действия или упущения, которое, согласно действующему в момент его совершения внутригосударственному законодательству или международному праву, не являлось уголовным преступлением.

Обвинительное заключение строится на утверждении о том, что в период, когда имели место описываемые в заключении события и факты, Литва и СССР были иностранными государствами. Это противоречит не только объективным реалиям, но и действовавшему на тот момент союзному и республиканскому законодательству и меж-

дународно-правовым актам (принципам и нормам международного права).

Описываемые в обвинительном заключении события и факты стали следствием односторонних действий Верховного Совета Литовской ССР, который 11 марта 1990 года принял Акт о восстановлении независимого Литовского государства. В соответствии с действующим законодательством все граждане Литовской ССР являлись гражданами СССР и обязаны были исполнять Конституцию и законы СССР и Литовской ССР. Данный факт не может быть оспорен на основании того, что Верховным Советом Литовской ССР был принят Акт о восстановлении независимости, так как его принятие произошло вне процедур, предусмотренных действовавшими в тот момент Конституцией СССР и Конституцией республики.

По всем нормам права и в соответствии с принципом справедливости преследование за действия против независимости государства возможны только после того, как государство приобрело такую независимость, сформировалось как институт...

Однако все инкриминируемые М. Бурокаявичюсу, Ю. Ермалавичюсу и другим проходящим по делу лицам деяния, как следует из обвинительного заключения, относятся к предшествующему периоду, а, следовательно, преследоваться не должны. Привлечение указанных лиц к уголовной ответственности с учетом сложившихся обстоятельств, по нашему мнению, противоречит всем правовым и моральным нормам.

Несмотря на неправомотность этого позорного судилища, о чем говорили российские юристы, дело шло к оглашению приговора. Мной как депутатом Государственной думы России было направлено письмо министру иностранных дел Российской Федерации И.С. Иванову. Это обращение было опубликовано в одной из российских газет:

«По имеющейся у меня информации, 23 августа с.г. в Вильнюсе начнется чтение приговора по известному делу М. Бурокаявичюса и других. Этот процесс носит, несомненно, политический характер, поэтому, несмотря на отсутствие у суда каких-либо доказательств вины М. Бурокаявичюса и его товарищей, всем им, по-видимому, будет вынесен обвинительный приговор. Одним из обвиняемых на этом процессе является гражданин Российской Федерации Станислав Мицкевич.

Государственная дума на протяжении 3 лет неоднократно высказывала свое осуждение этого политического процесса, обращалась в международные организации, включая Парламентскую ассамблею Совета Европы. Это оказало определенное сдерживающее воздействие на литовские власти и предотвратило откровенную расправу над обвиняемыми.

К сожалению, аналогичные политические процессы, проходившие в Литве в последнее время, показывают, что литовские суды фактически стали инструментами подавления политического инакомыслия и поэтому на объективный подход рассчитывать не приходится.

Как мне представляется, сейчас, когда наступает решающий этап этого процесса, нужны особенно энергичные усилия, чтобы не допустить жестких приговоров М. Бурокаявичюсу, С. Мицкевичу и другим лицам, в весомой степени символизирующим пророссийские силы Литвы.

Двое из обвиняемых — М. Бурокаявичюс и Ю. Ермалавичюс — не принимали литовского гражданства. В этой связи Россия, как правопреемница СССР, по-видимому, несет определенные моральные и юридические обязательства по их защите.

Хотелось бы надеяться, что МИД Российской Федерации в соответствии с политической линией в защиту наших соотечественников за рубежом, сформулированной Председателем Правительства Российской Федерации В.В. Путиным во время его выступления в Государственной думе 16 августа с.г., примет энергичные усилия для предотвращения судебной расправы над М. Бурокаявичюсом, С. Мицкевичем и другими обвиняемыми».

Как показали дальнейшие события, власти Литвы игнорировали любые обращения, в том числе и МИДа России. 26 августа 1999 года в Вильнюсе были объявлены приговоры по так называемому делу о заговоре с целью свержения законной власти. Бывший первый секретарь ЦК Компартии Литвы М. Бурокаявичюс приговорен к 12 годам колонии строгого режима, заведующий Отделом ЦК Компартии Литвы Ю. Ермалавичюс — к 8 годам, секретарь ЦК КП Литвы Ю. Куолялис — к 6 годам, редактор радиостанции «Советская Литва» С. Мицкевич — к 4 годам, капитан милиции Я. Прокопович — к 4 годам, директор издательства ЦК КП Литвы Л. Барташявичюс — к 3 годам.

Суд тянулся почти 3 года — с октября 1996 года. Но с тем же успехом шестерых обвиняемых могли бы отправить в тюрьму и в первый же день процесса, без этого фарса судопроизводства. Обвинительный приговор был предreshен заранее.

Что касается сути обвинения — все шестеро обвиняются в том, что они чуть ли не управляли действиями Советской Армии во время известных событий в Вильнюсе в январе 1991 года. Это ложь от начала и до конца. Бывший заместитель министра обороны СССР генерал В. Ачалов еще за год до окончания этого процесса заявил в прессе, что подготовку введения чрезвычайного положения в Литве возглавлял он и действиями войск в Вильнюсе в те дни также управлял он. На прямой

вопрос, знали ли руководители Компартии Литвы о планах военных и участвовали ли они в их осуществлении, генерал-полковник В. Ачалов столь же прямо заявил: «Нет, не знали и не могли знать».

Будучи осведомленным не понаслышке о взаимоотношениях партийных органов, в том числе региональных, с руководством армии и высшей политической властью СССР, я могу с уверенностью сказать, что ни министр обороны страны, ни его заместители и другие высшие военачальники никогда, ни при каких условиях не выполняли указаний местного партийного руководства. Да министр обороны СССР никогда и не мог бы принять самостоятельное решение по событиям, подобным вильнюсским. В СССР был Верховный главнокомандующий, президент страны М. Горбачев — он, и только он имел право принимать такого рода решения. Как он это делал, в какой форме — об этом он должен был честно сказать сам, ведь судили его соратников по партии, которая в 1985 году доверила ему высший партийный, а позднее и высший государственный, пост. Он же, наоборот, начал сдавать их всех поодиночке — как это было в Тбилиси в 1989 году или в Баку в 1990-м, а затем в августе 91-го сдал и всю партию.

Вернусь теперь к самой печальной и старательно раскручиваемой литовскими властями и их друзьями в российских средствах массовой информации стороне «дела». Считается, что в событиях ночи 13 января 1991 года около Вильнюсской телебашни погибли 13 человек. Все они литовцы. А вот застреленный там же лейтенант КГБ В. Шатских из группы «Альфа» никогда не упоминается. Он вроде как и не человек. Ясно, что убить его мог только один из боевиков литовского националистического движения «Саюдис».

Есть обоснованные предположения, что часть «жертв» — это люди, погибшие в ту ночь в других местах, в частности, во время автокатастроф. В любом случае огульные обвинения в адрес Советской Армии в гибели людей очень напоминают выводы Комиссии А. Собчака в 1989 году о том, что солдаты в Тбилиси саперными лопатками рубили беззащитных девушек. Потом выяснилось, что этих несчастных девушек затоптали грузинские «джигиты». Что-то подобное происходило и в Вильнюсе. Прокуратура СССР провела тщательное расследование. Документально установлено, что ни один из погибших не был убит солдатами.

Литовские власти получили от Генеральной прокуратуры СССР еще в сентябре 1991 года все документы по этому делу. Если была бы хоть малейшая возможность доказать, что убивали военные, сейчас уже стоял бы вселенский шум: от России требовали бы извинений, ком-

пенсации семьям погибших. Да только почему-то так до сих пор и не смогли определить, кто же убивал...

Из материалов следствия установлено, и я уже рассказывал об этом, что пули поражали людей не спереди или сзади, а сверху вниз. Стреляли с крыш и из окон домов, расположенных неподалеку от телебашни. В обвинительном заключении отмечено, что один из погибших был убит пулей из винтовки образца 1891 года. Это что же получается — бойцы Советской Армии палили из мосинских винтовок? Более вероятно — один из недобитых «лесных братьев» достал обрез из тайника и решил тряхнуть стариной. Хорошо известно, что с осени 1991 года у «Саюдиса» были вооруженные формирования, созданные с помощью западных разведок.

Литовские власти ссылаются на то, что расследование было неполным, ибо они не смогли допросить того же В. Ачалова и других военных.

Прошло 15 лет с той трагической ночи в Вильнюсе, и до сих пор правда о погибших закрыта литовскими властями за семью замками. Чтобы отвести подозрение от истинных виновников, в течение всех этих лет идут процессы над людьми, которые были далеки от той иезуитской операции. Надо полагать, рано или поздно мы узнаем, кто были настоящие убийцы, мировая общественность даст правильную оценку вильнюсским событиям. Убежден, она будет не в пользу литовских радикальных национал-сепаратистов, часть которых сейчас восседает на скамьях Европарламента.

Правда, хоть и небольшими ручейками, все же со временем начала пробиваться: Аудрюс Буткявичюс, бывший с 1991 года министром обороны Литовской республики, несколько лет назад заговорил. Он заявил, что не знает, кто в январе 1991 года стрелял в мирное население с Вильнюсской телебашни. Кстати, этот господин, который стажировался в военной академии в Великобритании и институте Эйнштейна в США, был в 1990 году генеральным директором Департамента обороны республики и принимал самое активное участие в подготовке к будущим литовским событиям. И это происходило тогда, когда до решения Госсовета СССР о выходе Литвы из состава страны оставалось еще полгода.

И только когда А. Буткявичюс рассорился со своим соратником В. Ландсбергисом и начал публично говорить о своих «подвигах» во время январских событий в Вильнюсе, летом 1997 года ему моментально «пришили» дело по обвинению «за покушение (?) на мошенничество» и определили в тюрьму на пять с половиной лет. Такой «намеком» он понял и — замолчал.

После него заговорил другой весьма осведомленный человек в Литве, упоминавшийся выше, — известный литовский писатель Витаутас Петкявичюс. Кстати, теперь его тоже судят. В. Ландсбергис подал на него иск. Судя по обвинению, писатель «оскорбил» в своей нашумевшей книге «Корабль дураков» папашу лидера нынешних радикальных национал-сепаратистов, когда сообщил читателям, что Ландсбергис-старший сотрудничал не только с Гестапо, но и с НКВД. Так вот, В. Петкявичюс, который с 1994-го по 1998 год возглавлял Комитет по национальной безопасности литовского Сейма и знал многие секреты, представил новые интересные свидетельства по поводу трагических вильнюсских событий. Еще раз сошлюсь на его книгу. Он пишет:

«На совести Ландсбергиса и Буткявичюса жертвы ночи тринадцатого января, поскольку один придумал, а по приказу другого несколько десятков пограничников были переодеты в гражданские одежды и впущены в телебашню. Это они сверху вниз стреляли в толпу... Я это своими глазами видел, когда возле моих ног от асфальта рикошетом отскакивали пули».

До сих пор это свидетельство не заставило никого из политиков Литовской республики сделать запрос в органы правосудия о причине гибели литовцев в Вильнюсе во время трагических январских событий 1991 года в связи с публично названными писателем обстоятельствами.

Прошел Литовский апелляционный суд — приговоры остались в силе. Расправа над М. Бурокаявичюсом и его товарищами вызвала волну протестов в России и других странах. Государственная дума России в целом, ее комитеты, отдельные депутаты многократно обращались к руководству Литвы с просьбой освободить этих пожилых и больных людей, проявить к ним милосердие.

Что же на самом деле происходило в Литве? Вот выдержка из местных средств массовой информации 2000 года: «В литовской тюрьме умирает политзаключенный, на невиновности которого настаивают даже политические противники, в частности, бывший руководитель вооруженных формирований “Саюдиса” А. Буткявичюс.

Ляонас Барташявичюс, осужденный литовским судом по «делу о вильнюсских событиях 13 января», будет, судя по всему, первым, кто не доживет до решения Литовского апелляционного суда, заседания которого тянутся уже в течение пяти месяцев. В течение этого времени стражи правосудия втаскивали его в зал суда на руках.

Просьба осужденного проявить милосердие и дать ему умереть дома, на руках жены и сына, высказанная на заседании суда, была про-

игнорирована. Сейчас он находится в тюремной больнице практически без сознания, и его состояние, по словам врачей и родственников, безнадежно. Несмотря на тяжелое физическое состояние, Л. Барташвичюс не пошел на сделку с «правосудием», и не признал свою вину в обмен на амнистию. «Передай товарищам, что я ухожу не сломленным, но силы уже кончаются», — сказал он жене за день до последнего заседания суда.

Позорное судилище над М. Бурокаявичюсом и его товарищами не оставило равнодушным общественность России. Как во время судебного процесса, так и после вынесения приговора многие государственные и общественные деятели обращались к руководству Литовской республики с просьбой объективно рассмотреть создавшееся положение. Из формальных отписок властей Литвы можно было сделать безошибочный вывод — они намерены во что бы то ни стало держать этих людей в политической изоляции.

В качестве примера приведу ответ господина В. Ландсбергиса Председателю Государственной думы РФ Г. Селезневу:

«Высокочитимый Господин Председатель! Сегодня, 24 июля 1998 года, я получил от Вас адресованное мне Обращение Государственной думы Российской Федерации и подписанное Вами 28 июня Постановление Государственной думы относительно этого действия.

Мы понимаем заботу Думы о гражданах бывшего СССР в целом, хотя к нашим гражданам это не относится, так как Верховным Советом Литовской республики уже в 1991 г. постановлено о навязанном силой в 1940 г. и неправомерном для местного или коренного населения «советском гражданстве». Что же касается граждан М. Бурокаявичюса и Ю. Ермалавичюса, то, с одной стороны, вина их тяжкая, усугубленная жизнями погибших (двое упомянутых именно лично усердствовали о возобновлении агрессии СССР), а с другой стороны, судопроизводство на самом деле слишком затянулось. Доля вины тут лежит и на российских судебных органах, отказавших в помощи, совершенно не в духе и не согласно букве существующей между нашими странами соответствующей российско-литовской договоренности. К примеру, упомянутый Думой бывший президент М. Горбачев так и не дал никаких показаний по вильнюсскому январю 1991 года. Любое движение Государственной думы в сторону такого добрососедского сотрудничества судебных властей Литвы и России приветствовалось бы нами со всей искренностью.

По поводу же амнистии или изменения меры пресечения осведомляю, что Сейм Литовской республики не правомочен решать ни одно, ни другое. Первое относится к полномочиям президента страны, и то,

как помилование, лишь по оглашении судебного приговора, а второе — является исключительно прерогативой судебной власти.

Хочу заверить Вас, Господин Председатель, что Сейм Литовской республики стремится к возможно полному взаимопониманию с Государственной думой Российской Федерации, видя в этом важный залог развития межгосударственных отношений, а также взаимной дружбы между нашими народами».

Обращения к международным организациям также оставались без внимания, или они отделялись формальными отписками. В конце 2004 года в Страсбурге, под занавес январской Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ), с заявлением «Доктор исторических наук М. Бурокаявичюс, 1-й секретарь Коммунистической партии Литвы — заключенный» обратились 290 парламентариев. Члены этого совещательного органа напомнили европейским правозащитникам о том, что в застенках литовской тюрьмы по сфабрикованному обвинению вот уже «более 11 лет томится политзаключенный, профессор Миколас Мартинович Бурокаявичюс, доктор исторических наук, лидер литовских коммунистов, бывший член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Литвы».

Документ, инициированный известным украинским поэтом и членом ПАСЕ Борисом Олейником, подписали парламентарии из различных европейских стран. Среди них — представители Голландии, Греции, Кипра, Польши, России и даже Швейцарии. Среди подписантов этой декларации — политик Ежи Яскерня, председатель комитета по иностранным делам Сейма Польской республики, а также польский сенатор Анджей Велёвейский, человек правых, весьма консервативных убеждений.

«Парламентарии Украины и других стран, а также члены Европарламента неоднократно выступали с просьбами к лидерам Литвы продемонстрировать высокую духовность и освободить смелого человека из тюрьмы», — говорится в документе. При этом европейские парламентарии ссылаются на бездоказательность обвинения узника в государственной измене. Не мог гражданин СССР, до конца остававшийся верным Конституции своей страны, Литовской ССР, быть государственным изменником по отношению к никем не признанной тогда Литовской республике. В то же время юридически не состоятельно и никак не обосновано с точки зрения конкретных фактов судебное решение по обвинению в соучастии в убийстве людей.

Надо отдать должное, что наши обращения к Президенту Белоруссии А.Г. Лукашенко всегда находили отклики. Привожу одно его письмо в мой адрес:

«Уважаемый Николай Иванович! В связи с Вашим обращением о содействии гражданину Российской Федерации Мицкевичу С.В. в обустройстве в Беларуси хочу отметить следующее.

Разделяю Вашу озабоченность относительно того сложного положения, в котором оказались престарелые, больные люди, ставшие заложниками событий, произошедших 13 января 1991 года в Вильнюсе.

Республика Беларусь делает все возможное для того, чтобы в отношении этих людей было принято гуманное решение властей Литовской республики.

В феврале 1999 года группой депутатов Палаты Представителей Национального собрания Республики Беларусь направлено обращение депутатам Сейма Литвы с просьбой оказать содействие в прекращении судебного преследования и освобождения из тюрьмы участников январских событий.

В связи с поступившей в конце мая с.г. информацией об ухудшении здоровья М. Бурокаявичюса и необходимостью срочной операции на сердце мною лично направлено обращение Президенту Литовской республики В. Адамкусу по поводу лечения М. Бурокаявичюса в Беларуси.

Важно, что к этой работе подключились Государственная дума и Правительство Российской Федерации. Уверен, что совместными усилиями мы сможем облегчить участь этих людей.

Хочу также подчеркнуть, что в соответствии с белорусским законодательством граждане Российской Федерации могут проживать на территории Республики Беларусь».

Миколас Мартинович Бурокаявичюс вышел на свободу после 12-летнего тюремного заключения 13 января 2006 года. Мужество против несправедливости — так можно охарактеризовать его судьбу в последние 15 лет. Практически все его коллеги в высшем руководстве КПСС совершили удачный кульбит, оказавшись после разрушения СССР в президентских креслах независимых государств. Из руководителей первого уровня лишь А. Рубикс и М. Бурокаявичюс проявили стойкость в защите своих идеалов.

Расправа над Бурокаявичюсом и его товарищами — стойкими литовскими коммунистами — началась 22 августа 1991 года, когда лидер националистического движения «Саюдис» и глава литовского парламента В. Ландсбергис принял решение о запрете Компартии Литвы. И сразу по республике прокатилась волна арестов. Были брошены в тюрьмы те, кто не желал распада СССР — гаранта развития всех союзных республик, кто считал Советскую власть высоким достижением гуманизма.

М.М.Бурокаявичюс не смирился и не пошел на службу новым хозяевам, как это сделал, например, его соратник на посту руководителя компартии А. Бразаускас, ставший премьер-министром и преуспевающим бизнесменом. М. Бурокаявичюс ушел в подполье. Однако 15 января 1994 года, как уже было сказано, он вместе с Ю. Ермалавичюсом был похищен в Минске литовскими спецслужбами (во главе с Генпрокурором, а ныне председателем парламента Литвы А. Паулаускасом) и вывезен в Вильнюс. Это похищение происходило при полной поддержке «демократических» лидеров Белоруссии, прежде всего главы белорусского парламента Шушкевича, по-прежнему рядящегося в тогу «демократа».

Тогдашние белорусские «демократы» отказали литовским коммунистам в их юридическом праве на политическое убежище. Находившийся в тот день в Минске Президент США Б. Клинтон, разумеется, не выступил с осуждением этого «акта международного терроризма». Ныне белорусская оппозиция, то и дело обвиняя А. Лукашенко в недемократичности, предпочитает не вспоминать о преступлении своих вождей.

Новые литовские власти, сфабриковав обвинения на своих вчерашних товарищей, заточив их в застенки, получили индульгенцию и «ярлык» на правление в Литве от своих хозяев из НАТО. Ни в одной из европейских стран, объявленных «просвещенными» и «цивилизованными», не нашлось людей, готовых назвать это насилие над истиной преступлением. Не нашлось ни одной национальной или международной правозащитной организации, которая защитила бы невиновных. Страсбургский суд до сих пор не рассмотрел апелляции руководителей ЦК Компартии Литвы по поводу юридической несостоятельности обвинения, предъявленного им нынешними литовскими властями.

М. Бурокаявичюс твердо держался на суде, аргументированно отвергая абсурдные обвинения в свой адрес. Столь же стойко он вел себя и в тюрьме. Но ему уже 78 лет, и он перенес операцию по шунтированию сердца. Однако, несмотря на возраст, он так и не дождался сокращения срока заключения, хотя в Литве на волю досрочно по «помиловкам» выходили отпетые уголовники. Более того, после столь сложной операции его, словно стремясь замести следы или вообще угробить, постоянно перевозили из гражданской больницы в тюремную и обратно, потом в инфекционную и вновь в тюремную. Во время этих перемещений профессор и едва не умер от воспаления.

Боялась нынешняя литовская «элита» выхода лидера литовских коммунистов М.Бурокаявичюса из тюрьмы! Он мужественно перенес

все 12 лет тюремных невзгод, не изменил ни на йоту своим убеждениям и идеалам, остался верен своей гражданской позиции.

В подтверждение своих слов я хочу ознакомить читателя с письмом М.М. Бурокаявичюса, полученным мной из тюрьмы в ноябре 1999 года:

«Дорогой Николай Иванович! Имею возможность написать Вам это небольшое письмо. Я сердечно поздравляю Вас, Николай Иванович, с днем Вашего рождения — 70-летием. Я Вас, Николай Иванович, знаю как крупного государственного деятеля Советского Союза, как честнейшего и мужественного человека, как верного сына великого русского народа, как глубокого интернационалиста, как борца за сохранение единства Союза Советских Социалистических Республик — СССР, разгромившего фашистскую Германию и освободившего многие народы Европы, в том числе и литовский народ, от гитлеровского порабощения.

Николай Иванович! Вами гордятся многие порядочные люди, прогрессивная часть общества. Это я Вам говорю от всего сердца и от всего сердца желаю Вам, Николай Иванович, крепкого здоровья и больших успехов в общественной работе и депутатской деятельности на благо русского народа, будущей социалистической России.

Уважаемый Николай Иванович! Благодарю Вас за присланные книги — «Десять лет великих потрясений» (1995 г.) и «Возвращение в политику» (1998 г.), которые прочитал с большим удовлетворением. Ваши книги значительно меня обогатили. Богатство Ваших мыслей, изложенных в упомянутых книгах, поможет людям понять суть развития сложнейших процессов общества и государства. Я, как и Вы, Николай Иванович, являюсь сторонником социалистического общества. Я убежден, что социальная справедливость возможна только в условиях социализма. Суд, выражающий интересы господствующего класса, приговорил меня за участие в деятельности Коммунистической партии Литвы и за якобы подстрекательство руководства СССР и применение силы в Литве к 12 годам строгого режима — заключения. К различным срокам приговорили и других политических деятелей Компартии Литвы. Я и мои товарищи опротестовали решение — приговор Вильнюсского окружного суда.

Дорогой Николай Иванович! Я благодарен Вам и другим депутатам Государственной думы Российской Федерации, отстаивающим правду и истину жизни, и за моральную поддержку меня и других товарищей в тяжелые и трудные дни жизни. Я оптимист и верю в социалистическое будущее литовского народа, развитие Литвы по пути прогресса. Благодарю Вас за присланные поздравления по поводу празд-

ников трудового народа — 1-е Мая и Великой Октябрьской социалистической революции. Поздравляю Вас, Николай Иванович, с наступающим Новым годом — 2000-летием и желаю всего наилучшего в жизни.

Спасибо Вам, Николай Иванович, за все, что Вы делаете в мою защиту. Спасибо за доброе сердце».

В январе 2006 года в газете «Советская Россия» было опубликовано письмо бывшего заключенного литовской тюрьмы М. Бурокаявичюса. Он предварил его следующими словами: «Товарищи! По болезни я не могу присутствовать на пленуме Совета СКП—КПСС, но очень рад, что могу обратиться к вам с письменной речью после долгого тюремного заключения за политическую коммунистическую деятельность. Литовская буржуазия, ее власть не достигла своей цели, она не смогла меня идейно сломить. Я был и остаюсь на марксистско-ленинских коммунистических позициях, на позициях рабочего класса и его союзников, ведущих борьбу за социальную справедливость, за социализм. Я в заключении перенес сложную операцию на сердце, но это не сломило меня. Я остался оптимистом и убежден в правоте деятельности коммунистических партий, борющихся против капиталистического строя, за интересы народа».

Недавно, одержимые маниакальным антикоммунистическим синдромом, некоторые депутаты Сейма Литвы выступили с инициативой обратиться в Государственную думу РФ с просьбой возобновить преследование граждан России, якобы ответственных за гибель людей в Вильнюсе той трагической ночью. Цель — лишний раз досадить России и вновь поиграть на национальных чувствах своих соотечественников, тем более что свыше более 60 процентов из них, по недавно обнародованным официальным данным, открыто заявляют: «При Советской власти жили лучше!»

Преследование инакомыслящих не только продолжается, но власти находят любые причины, чтобы не угодный им, по-другому рассуждающий человек подвергался систематическим гонениям. Пример тому — судьба Валерия Иванова.

В. Иванов родился в Литве, в Каунасе, образование высшее, магистр истории (окончил Варшавский университет). На его воспитании сын, для которого он является и мамой, и папой, — жена умерла, когда сыну было 2 года. Престарелая, больная мать и сын — вот и вся его семья.

Утром 27 ноября 1991 года, отведя сына в детский сад (ребенку в то время было 5 лет и 10 месяцев), он был арестован и помещен в

камеру предварительного заключения в Вильнюсе, поскольку, как заявил тогдашний Генеральный прокурор Литвы А. Паулаускас, «скрывался от следствия», в связи с расследованием событий 13 января 1991 года в Вильнюсе. Условия содержания в тюрьме, процесс следствия, отношение правоохранительных органов к подследственному, сроки следствия и т.д. В. Ивановым подробно, в форме дневника, описаны в книге «Литовская тюрьма», вышедшей в 1996 году в Москве.

Судебный процесс по «делу Иванова» начался спустя 271 день после ареста — упорно искали статью для предъявления обвинения. Кстати, тот факт, что российский гражданин столько времени находится в тюрьме без суда и следствия, не обеспокоил ни одну российскую и западную правозащитную организацию. Даже заявления в прессе не было. На суде не присутствовал ни один представитель правовых органов России, чтобы наблюдать за процессом.

Против Иванова в конце концов было выдвинуто обвинение по 70-й статье УК Литовской республики — создание антигосударственной организации и деятельность в ней. «Шили» ему и убийство одного из «литовских патриотов» трагической ночью 13-го января в Вильнюсе. Однако в силу абсолютной абсурдности этого обвинения сам государственный обвинитель от литовской Генеральной прокуратуры отказался от подобной судебной расправы. Представленное суду обвинение в создании антигосударственной организации носило не менее абсурдный характер, поскольку Социалистическое движение в Литве «Vienybė — Единство — Jedność», лидером которого являлся В. Иванов, с 1989 года было официально зарегистрированной литовскими властями организацией.

Никаких военизированных структур и даже дружинников организация «Единство» не имела. Действовала она, используя известные политические средства: забастовки, пикеты, митинги, газеты, листовки, массовые демонстрации и т.п. В материалах дела не было и доказательств, свидетельствующих об организаторской роли этого правозащитника в названных трагических событиях в Вильнюсе. Чтобы как-то публично опорочить лидера «Единства», литовская Генеральная прокуратура пошла на ухищрение: объединила «Дело Иванова» с совершенно иным делом, возбужденным против советских патриотов. Ребята-радиолюбители были обвинены за то, что захотели поздравить по радио 7 ноября 1991 года жителей Вильнюса с 74-й годовщиной Октябрьской социалистической революции, и чуть не были расстреляны в лесу выследившими их литовскими полицейскими, после того как один из «радистов» оказал сопротивление при их задержании. Станным обра-

зом тут же в автомобиле у «радивов» полицейские «нашли» автомат Калашникова, принадлежавший одному из убитых 30 июля 1991 года на Мядининском таможенном пункте. Как и следовало ожидать, никакой причинно-следственной связи между В. Ивановым и действиями группы «радивов» суд так и не установил. Не установил он связи и с другими подсудимыми по этому делу. Этот пример весьма красноречиво показывает, как Генеральный прокурор Литвы А. Паулаускас, некогда член ЦК КП Литвы, «фабриковал» это «дело».

Прошло 76 заседаний суда, обвинение настойчиво пыталось доказать вину В. Иванова и его «подельников»: «радивов» — Х. Дзагоева, В. Орлова, А. Смоткина, В. Шорохова; омовца А. Бобылёва; секретаря Вильнюсского горкома партии С. Нагорного и руководителя народных дружинников А. Кондрашова — в преступлениях на территории Литовской республики, которой в то время еще де-юре не существовало.

Чтобы иметь представление о стиле судебных разбирательств, позволю себе процитировать отрывок из дневника В. Иванова, опубликованного в уже упомянутой книге «Литовская тюрьма»:

«19 апреля 1994 года, вторник. Заседание суда № 73.

Сегодня на суде состоялось “шоу”, которое по задумке режиссеров из Генпрокуратуры ЛР называется, видимо, “Нация осуждает!”, длившееся 1 час 25 минут. В течение этого времени перед коллегией Верховного суда ЛР, напротив клетки, где сидели мы, предстали 41 так называемых общественных обвинителей, из которых: 16 человек потребовали расстрела для нас; остальные — “судить по закону” или «возместить материальный ущерб». Только один, Д. Валёнис, студент консерватории, видевший все, что происходило в ту январскую ночь около телебашни, сказал: “Если они и виноваты, их осудит Бог. Я прощаю им”.

Для 16 человек, потребовавших для нас высшей меры наказания, мы нелюди. Исходя из логики, все эти “общественные обвинители” поддерживали литовские власти с их моралью: “Все, кто против независимости Литовской Республики — “недочеловеки”, которых надо физически уничтожить”».

Знакомый мотив. В фашистской Германии такое отношение к политическим оппонентам было возведено в ранг государственной политики. Невольно в очередной раз вспоминаются события 1989—1991 годов, выступления, призывы и действия руководителей Литвы против Советского Союза, против страны, в которой они жили и обязаны были подчиняться Конституции СССР и Конституции Литовской ССР, тогда никем еще не отмененным. Руководителям Советско-

го государства в то время даже в голову не приходило сажать их за призывы и выступления в тюрьмы, возбуждать следствие и т.д.

29 апреля 1994 года на 76-м заседании В. Иванову был объявлен приговор: его признали виновным в совершении преступления по 70-й статье УК ЛР и приговорили к трем годам и шести месяцам лишения свободы. Отбывание наказания назначили в исправительно-трудовой колонии усиленного режима. С учетом предварительного заключения ему оставалось отсидеть в тюрьме 7 месяцев и 21 день. Остальные товарищи, проходившие по этому делу, также получили различные сроки тюремного заключения.

Через несколько дней после оглашения приговора, В. Иванова этапом отправили в Правенишскую зону усиленного режима, откуда 6 октября 1994 года он вышел на свободу.

Итак, В. Иванов, обвиненный в антигосударственной деятельности и участии в январских событиях в Вильнюсе, отсидел в литовской тюрьме установленный ему срок.

Будучи в тюрьме, В. Иванов при содействии российского консула Сергея Загрядского принял российское гражданство. Спустя некоторое время после освобождения он взялся юридически оформлять свое местожительство в Литве. Как и всем российским гражданам, проживающим в республике, ему понадобился вид на жительство.

Вскоре после выхода из тюрьмы В. Иванов дал в местные газеты несколько интервью, в которых выразил свое суждение о состоянии дел в литовской политике. То ли «подельники» В. Иванова в период нахождения его в тюрьме и на судебном процессе, то ли сама его личность напугали литовские власти, но они решили избавиться от «нежелательного элемента». Помните известный афоризм: «Нет человека — нет проблемы!»?

В. Иванову предложили покинуть Литовскую республику в течение 30 суток. Его обязали исполнить это до 22 января 1995 года, в противном случае ему грозила высылка из Литвы без права возвращения в республику в течение 5 лет. Такое постановление вручили ему в городском отделе миграции. Кандидатами на высылку являлись также еще пять человек, которые вместе проходили по «делу Иванова», — А. Кондрашов, В. Орлов и В. Шорохов, а двое «ссылаемых» уже находились в России.

Средства массовой информации Литвы опубликовали тогда мнение известных политиков республики по депортации В. Иванова в Россию:

«В. Иванова уже давно следовало изгнать из Литвы и забыть об этой проблеме. А вместе с ним из Литвы следовало бы депортировать и ми-

нистра внутренних дел Ромасиса Вайтякунаса, который затянул депортацию», — сказал руководитель Союза свободы Литвы Витаутас Шустаускас.

Руководитель партии Независимости Валянтинас Шапалас заявил, что «В. Иванову нечего делать в нашей стране, тем более что он не намерен отказаться от своей антиконституционной деятельности».

«Совершившие преступление 13 января и действовавшие против независимости Литвы (?) не могут жить в нашей стране», — таковым было мнение представителя по печати правой оппозиции в Сейме Расы Раустаускене.

В январе 1995 года бывшие лидеры «Единства», В. Иванов и его товарищи, обжаловали постановление городского отдела миграции в министерстве внутренних дел Литвы и попросили вид на жительство.

В мае 1996 года В. Иванов приехал в Москву на презентацию своей книги «Литовская тюрьма», выпущенной российским издательством. Книга была представлена в Государственной думе депутатам и журналистам. На пресс-конференции В. Иванов ответил на многие вопросы, в том числе и о своем видении январских событий 1991 года в Вильнюсе, высказав ту же позицию, которой он придерживался на протяжении всего следствия и суда в 1991—1994 гг. Во время посещения Государственной думы В. Иванов встретился с руководителем депутатской группы «Народовластие» Н. Рыжковым, председателем думского комитета Г. Тихоновым и другими депутатами.

Реакция на пресс-конференцию В. Иванова не заставила себя долго ждать. Генеральный прокурор Литвы Владас Никитинас сообщил через средства массовой информации в середине июня, что «в настоящее время Генпрокуратура проводит расследование, в ходе которого будут проанализированы выступление В. Иванова в Думе и другие материалы. По окончании следствия будет решаться вопрос о привлечении В. Иванова к ответственности».

В июле 1997 года Вильнюсским судом В. Иванов был приговорен «за клевету» к одному году колонии строгого режима и выплате гражданского иска в размере 70 тысяч литов (около 20 тысяч долларов США) в пользу семи человек из числа родственников погибших 13 января 1991 года, поскольку эти родственники были «оскорблены» тем, что Иванов, как «установил» суд, сказал, что нет доказательств гибели людей от рук советских военнослужащих в ту трагическую ночь. После оглашения приговора сразу в зале суда на руки В. Иванова надели наручники, как на злостного убийцу, и увезли в тюрьму.

Второй апелляцияционный суд в Вильнюсе, состоявшийся в сентябре 1997 года, оставил в силе ранее вынесенный приговор. На этом про-

цессе В. Иванова защищал Александр Клигман, член Московской областной коллегии адвокатов. В своей речи на суде он выразил несогласие с тем, что в приговоре есть ссылка на якобы имеющуюся в деле стенограмму выступления Иванова в Госдуме 21 мая 1996 года. Как показывает исследование материалов «дела», такого документа в Думе нет. Там был лишь некий бюллетень, в котором освещалась пресс-конференция. Кто его составил, кто обработал, насколько точно он передает слова подсудимого — неизвестно. Но это, если хотите, несколько формальная сторона вопроса. Принципиальный же подход к нему содержится в выступлении адвоката А. Клигмана, опубликованном после апелляционного суда в газете «Литовский курьер» в октябре 1997 года:

«Сегодня никто не может достоверно сказать, при каких именно обстоятельствах погибли люди. Эти обстоятельства могут быть установлены только вступившим в законную силу приговором суда по каждому конкретному факту гибели человека. До тех пор, пока таких приговоров нет, любой гражданин волен высказывать свою точку зрения на событие, опираясь на собственные наблюдения, документы. Я сослался на известный юридический пример, что, хотя комиссией Уоррена и были установлены обстоятельства гибели президента Кеннеди, это не мешает самым разным людям на протяжении последних двадцати лет высказывать различные версии происшедшего. Так и события, имевшие место в январе 1991 года в Вильнюсе, не могут не служить объектом внимания историков, политиков, журналистов, юристов.

В приговоре записано, что Иванов «руководствовался мотивом ненависти к Литовскому государству». Это не соответствует действительности, и мой подзащитный категорически отрицает наличие у него такого мотива. К тому же в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и в обвинительном заключении, где должно быть исчерпывающе перечислено все, что человек совершил противоправного, нет утверждения о наличии мотива ненависти к Литовскому государству. Записав это в приговоре, суд вышел за рамки предъявленного обвинения, что совершенно недопустимо с точки зрения цивилизованного судопроизводства.

В приговоре утверждается также, что Иванову была известна официальная оценка Литовской республики тех событий, о которых идет речь. В переводе на простой язык это означает, что Иванов не имел права на оценку события, отличную от той, которую дало государство. Эти вещи мы знаем, мы их проходили. Это грубейшее нарушение прав человека, записанных в международных конвенциях, в Конституции Литовской республики...

Все перечисленное приводит к выводу, что процесс Валерия Иванова является политическим. Состоявшийся приговор безжалостен, это совершенно очевидное преследование за инакомыслие».

Единственным убедительным контраргументом апелляционного суда на эти соображения стало вынесенное им решение, подтверждающее приговор В. Иванову.

В сентябре 1997 г. направили в Алитусскую колонию строгого режима, а в конце этого месяца мать В. Иванова получила письмо от сына, что может посетить его и сделать продуктовую передачу. 4 октября она с его малолетним сыном и продуктами поехала на свидание, но ей было отказано и передача не принята, т.к. он был наказан за неповиновение — не вышел в зону к уголовникам.

Действительно, по прибытии в колонию В. Иванов не пошел в зону уголовников, где, как стало известно, более 300 человек были инфицированы ВИЧ. К тому же, будучи политическим заключенным и гражданином иностранного государства, он попросил у местной тюремной администрации поместить его, согласно существующим в Литве правилам содержания заключенных, в другую зону. Вместо этого его поместили в карцер так называемого блока усиленного режима, лишив всего положенного на полгода — теплого одеяла, которое он имел, теплой верхней одежды, приемника, передач, свидания с матерью и сыном. «В камере 15 градусов — осень, сыро, через каждые 10 минут должен ходить, чтобы согреться, — пытка Средневековья», — писал он по этому поводу. Размеры этой камеры — 0,78 × 2 м!

Приведу письмо В. Иванова своей матери. Думаю, нет необходимости комментировать его. Оно ужасно.

«Литва. Алитус, тюрьма, камера № 11 (письмо из могилы).

Милая, любимая моя мама, здравствуй.

Пишу уже второе письмо из этой ужасной камеры, которая по размерам — точно могила, а разница здесь только та, что она не в земле и имеет вонючую “парашу” при входе — прямо у дверей (вход через “парашу”). Это та камера, о которой я говорил на суде в своем протесте. Пребывание в этом не отапливаемом склепе (имеющаяся батарея — холодная), где отстегнутые от стены и поставленные на пол нары являются собой не человеческое ложе, а стояк для гроба или возложения на него мертвого тела — удручает. Затхлость, отсутствие дневного света, беспрестанная возня крыс по ночам — завершают единство картины, название которой — могила, склеп.

Проходит уже 5-й день моего нахождения здесь, после возвращения с очередного суда. Стараюсь как-то организовать, сделать человекоподобным пребывание здесь. Сознание того, что рядом в анало-

гичных условиях заживо похороненных находятся другие люди, — укреплает и мой дух. Все же человек — коллективная скотина. Даже в могиле ему легче лежать, когда знаешь, что рядом так же, как ты, лежат заживо похороненные такие же люди, и они терпят и живут назло своим истязателям, зная, что и я здесь с ними невдалеке, также возлежу на смертном одре — живым и не сломленным, фактически из принципа принявший этот страшный новый крест на себя.

Охранники все сокрушаются: «Шел бы ты, Иванов, в зону». Что им, молодым, наивным, ответить — молчу и тихо принимаю через кормушку очередную пайку в ожидании единственной отрады — 30-минутной ежедневной прогулки. На ней я выкладываюсь — усиленная зарядка, кровь разогнать по телу, сердцу дать нагрузку, мышцам... Спасибо тебе, что выслала оперативно письмо-бандероль с газетами, стержнями для авторучки, бумагой. Все получил и с удовольствием читал газеты.

Целую, обнимаю тебя крепко, крепко — твой сын Валерий. 28.12.97 г.».

По замыслу «цивилизованных» литовских политиков, правозащитник должен был там погибнуть, но слишком пристальный интерес к его судьбе со стороны российской общественности не позволил совершиться этому.

В общем, как видите, приближаться к истине и сомневаться в официальных установках, как бы далеко от нее они ни были, в современной, такой «демократической», такой «цивилизованной» Литве опасно не только для свободы человека, но и для его жизни. Что же касается Валерия Иванова, то М. Бурокаявичюс сказал о нем кратко, но емко: «Достойный человек!» Нельзя не присоединиться к такой высокой оценке.

Сейчас в Литве с помощью судов и тюрем полностью подавлена левая оппозиция, считавшаяся самой сильной в Прибалтике. Теперь литовские власти не ищут себе новых врагов, чтобы разделаться с неудобными, — ищут уже в своей среде бывших сотрудников КГБ.

В список подозреваемых попал такой «кит» литовского «евроатлантизма», как министр иностранных дел А. Валёнис, а также заместитель председателя Сейма А. Пикалюнас, директор Департамента государственной безопасности ЛРА. Пошюс, недавно назначенный на этот пост вслед за М. Лауринкусом, успешно «сместившим» со своего поста президента Р. Паксаса. Всего, как объявила литовская пресса, только в списке КГБ за 1989 год имеется 324 мужских фамилий, среди которых А. Пошюс — 218-й, А. Валёнис — 289-й. Ожидается, что весь список «Резерва КГБ» будет опубликован. Для расследования очередного литовского скандала уже назначена временная сеймовская комиссия

под руководством члена Трудовой партии С. Пабединскаса. «Охота на ведьм» в Литовской республике началась!

Эстонские власти, как и латышские, занимаются прежде всего проживающими в республике русскими, не только дискриминируя их общину, но и преследуя активистов Союза граждан России, борющихся за равноправие. В подтверждение этого можно привести пример с «делом» заместителя председателя Таллинского союза граждан России с января 1992 года Олега Морозова.

Морозов О.Ю., проживающий в Эстонии с самого рождения (в Таллине родились и трое его детей), отказался признать поражение в правах по принятому в 1992 году эстонскими властями закону. Именно поэтому его, как и многие десятки тысяч других, объявили нелегалом.

В 1996 году после визита сотрудника полиции безопасности (КаПо) Я. Муру в отдел кадров завода «Пионер» О. Морозова уволили с работы. С 1996-го по 1997 год длился уголовный процесс по обвинению его в оказании сопротивления полиции при выселении многодетной семьи граждан России Шаумянов. Расследованием формально бытового дела занимались следователи КаПо. Морозов судом был оправдан, т.к. всего лишь защитил подростка от избивавшего его полицейского.

С 1997-го по 2000 год длился новый уголовный процесс против О. Морозова по обвинению его в разжигании политической розни, это выразилось в том, что Морозов, участвуя в пикете пенсионеров, держал плакат «Долой прибалтийский апартеид!». Это дело также возбуждено КаПо. Суд оправдал Морозова.

Департамент гражданства и миграции (ДГМ) дважды, в 1999-м и 2000 году, выдавал Морозову предписание покинуть территорию Эстонии. В августе 1999 года по иску ДГМ («за незаконное пребывание») Морозов по решению административного суда был помещен в тюрьму на 20 суток. Все эти дни он держал голодовку протеста. Через год — в июле 2000 года — вновь по иску ДГМ административный суд отправил Морозова на 5 суток в тюрьму. И опять он голодал.

В преддверии встречи В.И. Матвиенко с премьер-министром Эстонии М. Лааром мной, как депутатом Государственной думы, было направлено письмо Валентине Ивановне как председателю Российско-Эстонской межправительственной комиссии с просьбой поставить перед руководством республики вопрос о О.Ю. Морозове.

Ниже приводится ответ в мой адрес заместителя министра иностранных дел РФ Е. Гусарова:

«В связи с Вашим обращением к заместителю Председателя Правительства Российской Федерации В.И. Матвиенко по поводу заклю-

чения под стражу заместителя председателя Таллинского союза российских граждан О.Ю. Морозова хотели бы сообщить следующее.

В.И. Матвиенко в беседе с премьер-министром Эстонии М. Лааром, состоявшейся в рамках встречи сопредседателей Российско-Эстонской межправительственной комиссии по торгово-экономическому, научно-техническому, социальному, гуманитарному и культурному сотрудничеству 4 июля с.г. в Санкт-Петербурге, в острой форме поставила вопрос о О.Ю. Морозове. Она подчеркнула, что действия официальных эстонских властей, в том числе заключение этого российского гражданина под стражу, носят недружественный по отношению к России характер, могут негативно отразиться на двусторонних российско-эстонских связях. Эстонцу напомнили о многочисленных обращениях в защиту О.Ю. Морозова Председателя Государственной думы Г.Н. Селезнева, министра иностранных дел И.С. Иванова, политических и общественных организаций, частных граждан нашей страны, известных заявлениях МИД. В.И. Матвиенко призвала М. Лаара проявить добрую волю при определении судьбы О.Ю. Морозова.

М. Лаар, со своей стороны, утверждал, что эстонские власти, добиваясь получения О.Ю. Морозовым вида на жительство в Эстонии, лишь пытаются выполнить требования действующего законодательства. Однако из высказываний эстонца следовало, что официальные круги Эстонской республики не заинтересованы в обострении ситуации вокруг О.Ю. Морозова.

МИД России в соответствии с имеющимися принципиальными решениями будет и далее выстраивать отношения с Эстонией с учетом положения сограждан и соотечественников в этой стране».

После того как В.И. Матвиенко был твердо поставлен перед М. Лааром вопрос о прекращении преследования семьи О. Морозова, на какое-то время наступило «затишье», но ненадолго. Местные власти решили использовать экономические рычаги давления. Сначала по политическим соображениям была сокращена с работы жена Морозова, работавшая в школе преподавателем русской словесности.

О.К. Морозова считалась в школе одним из самых сильных педагогов, ее ученики часто занимали призовые места на олимпиадах по русскому языку и литературе, но в администрацию школы стали поступать докладные о том, что классы, в которых преподает Морозова, не лояльны к Эстонскому государству. Многодетная семья лишилась последних средств к существованию.

Поскольку и О. Морозов не имел возможности легально устроиться на работу, то у семьи образовался большой долг по оплате квартиры. ДГМ на протяжении полутора лет трижды вызывал его на беседу

и после отказов О. Морозова обратиться к ним с ходатайством о виде на жительство трижды назначал штрафы, каждый из которых составлял 6000 крон. Но так как эти штрафы выплачены не были, ДГМ передал документы судебным исполнителям. Чиновники ДГМ сообщили, что будут добиваться продажи квартиры Морозовых за долги.

Председатель кооперативного дома, в котором проживает семья Морозова, получив соответствующие рекомендации от властей, принял решение о взыскании долга через суд, что на практике означает продажу квартиры за бесценок (для покрытия долга) и выселение многодетной семьи на улицу.

Вот так эстонские власти настойчиво проводят политику «выживания» из страны неугодных русских. И пример тому — печальная история О.Ю. Морозова. Он не имеет ни родственников, ни жилья, ни источников к существованию. Он даже ни разу не пересекал российско-эстонскую границу и искренне убежден, что имеет все законные основания проживать на территории той страны, где родился, жил десятки лет без какого-либо дополнительного разрешения.

Случай с О. Морозовым — проявление проблемы так называемых нелегалов в Эстонии. Она создана искусственно и затрагивает десятки тысяч человек, которые не смогли или не пожелали выполнять требования властей, введенные для легализации жителей страны. Формальный подход эстонских властей к ситуации с О. Морозовым ведет к созданию крайне опасного прецедента, затрагивающего судьбу массы других так называемых иностранцев-нелегалов, в своем большинстве — представителей русскоговорящего меньшинства.

В Эстонии для КаПо продолжается сезон охоты. В декабре 1999 года в Таллине был арестован известный правозащитник, руководитель Таллинского союза граждан России Петр Рожок. Его бросили в тюремную камеру чуть ли не в 15-й раз.

П. Рожок — борец за справедливость, можно сказать, по своей природе. Он подвергался гонениям еще в конце 80-х годов, когда разоблачал квартирные махинации властей Таллина. Теперь эстонские перевертыши, сменив партбилеты КПСС на мандаты депутатов эстонского парламента, продолжают душить его.

После 1991 года П. Рожка неоднократно сажали в тюрьму за постоянную защиту русских, подвергающихся в Эстонии грубой дискриминации. В 1994 году его даже насильственно возили на осмотр в психиатрическую больницу. Тайная полиция никак не могла понять, как один человек может бороться против репрессивной машины Эстонского государства. Эстонские психиатры, к их чести, признали П. Рожка полностью здоровым.

В марте 1995 года он был насильственно депортирован из Эстонии, однако при мощной поддержке Государственной думы РФ и через суд добился отмены этого незаконного решения и смог вернуться к семье. Более того, он выиграл судебный процесс, вынудив власти выплатить ему компенсацию.

Однако КаПо (напомню — полиция безопасности Эстонии) не угомонилась. Полгода назад П. Рожка обвинили в том, что он в нетрезвом состоянии врезался на своей машине в полицейский автомобиль. Правда, потом выяснилось, что в этот вечер он в машину вообще не садился, а медицинская экспертиза показала отсутствие алкоголя в крови. Теперь его обвиняют в вымогательстве. Один из свидетелей обвинения — человек, который неоднократно пытался внедриться в русские организации Эстонии.

Дело, что называется, шито белыми нитками и держится фактически на показаниях провокатора. Однако все намного серьезнее, чем может показаться на первый взгляд. За очередной попыткой «придушить» П. Рожка стоит не просто полицейская мстительность, а долгосрочный стратегический замысел. Планируются сначала разобшение, а затем и полный разгром русских общественных организаций и их замена подконтрольными тайной полиции марионеточными структурами. Преследование П. Рожка, человека твердого, волевого, неподкупного, не идущего в принципиальных вопросах на сделку с властями, — один из элементов программы репрессивных мер.

В прибалтийских государствах постоянно и грубо нарушаются права человека и права национальных меньшинств, растет число политзаключенных, возрождаются и культивируются симпатии к немецкому фашизму и одновременно преследуются те, кто боролся против него. Однако и Европейское сообщество, и Совет Европы закрывают на все это глаза, способствуя тем самым наращиванию антироссийских настроений в Прибалтике, превращению этих стран в пояс враждебности, выстраивая вдоль наших границ новый вариант «санитарного кордона». С одной стороны, они постоянно и жестко требуют от России соблюдать «права человека» — например, бандитов в Чечне. С другой — ЕС приняло в свои ряды Латвию, Литву и Эстонию, которые все более превращаются в тоталитарные режимы, фактически в новую систему, напоминающую в чем-то пресловутую и осужденную всем человечеством, — апартеид.

Вот такие сложные процессы стоят за внешне не заметным эпизодом с очередным арестом лидера Таллинского союза граждан России. Петр Рожок — человек, происходящий из семьи со славными революционными и боевыми традициями, сын украинского и русского наро-

дов, олицетворение этих двух народов. Он, О. Морозов, их товарищи в трех республиках, о которых идет речь, ведут неравную борьбу за права русскоязычного населения, борьбу со стремительно растущим национализмом и оголтелым шовинизмом в странах Прибалтики.

2. ПОЗОРНЫЕ СУДИЛИЩА ВETERANОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Расправившись со своими политическими оппонентами, приговорив некоторых из них к длительным срокам тюремного заключения, власти прибалтийских государств инициировали судебные процессы против бывших партизан и ветеранов органов госбезопасности.

Естественно, возникает вопрос: какую опасность представляют сейчас эти люди, находящиеся в преклонном возрасте? Ответ ясен: еще и еще раз скажу, что власти Литвы, Латвии и Эстонии стремятся сделать все возможное, чтобы показать, будто прибалтийские страны были «оккупированы» Советским Союзом, а оккупанты должны понести наказание, и его наследнице будет выставлен многомиллиардный счет в долларах США. Но при всей ненависти к русским руководители этих стран в силу их геополитического и экономического положения никогда самостоятельно не рискнули бы пойти на такой шаг. Все это лишний раз говорит о том, что поют они с чужого голоса и являются угодливыми исполнителями воли своих друзей из Европы и из-за океана. Поэтому и затеваются один за другим позорные процессы против ветеранов Великой Отечественной войны.

Такие процессы, прежде всего против бывших советских партизан и ветеранов госбезопасности, проходят по всем странам Балтии. В Латвии они начались в 1995 году, в Литве — в 1997-м. В Эстонии первый такой процесс состоялся в 2001 году.

Остановлюсь на самом известном. В августе 1998 года правоохранительными органами Латвийской республики был арестован 75-летний полковник в отставке Кононов Василий Макарович за то, что в годы Второй мировой войны он был командиром партизанского отряда и сражался с фашизмом на территории Латвии.

В мае 1944 года, в период немецко-фашистской оккупации, жители деревни Малые Баты Лудзенского района Латвии, состоявшие на службе в подконтрольной гитлеровцам полиции, заманили к себе группу партизан, обезоружили их и сдали фашистам, которые их всех рас-

стреляли. Партизаны приняли решение отомстить фашистским пособникам за смерть своих боевых товарищей. Когда партизанский отряд выдвинулся в район этого населенного пункта, хуторяне встретили его интенсивным огнем. Завязался бой, во время которого были уничтожены девять человек, якобы мирных жителей, которым фашисты для «самообороны» выдали оружие, хотя известно, что карабины немцы раздавали не простым крестьянам, а только вспомогательной полиции — шуцманам.

В январе 2000 года Рижский окружной суд объявил ветерана Второй мировой войны, бывшего партизана В.М. Кононова «виновным в военных преступлениях» и приговорил его к 6 годам тюрьмы.

Властей Латвии, как и на политическом процессе А. Рубикса, не останавливало то, что происходило явное нарушение норм международного права. Суд признал Кононова виновным по статье Уголовного кодекса Латвии в редакции закона 1993 года за действия, которые, если говорить языком юриспруденции, на 27 мая 1944 года не являлись уголовно наказуемыми.

Латвийским властям, а тем более юристам известно, что в соответствии со Всеобщей декларацией прав человека от 10 декабря 1948 года, «никто не может быть осужден за преступление на основании совершения какого-либо деяния или за бездействие, которые во время их совершения не составляли преступления по национальным законам или по международному праву». Латвия присоединилась к указанной Декларации после выхода из состава СССР и перенесла в свое законодательство нормы международного права, подтвердив тем самым, что до этого момента они в Уголовном законе Латвии не действовали, т.е. деяния, предусмотренные УК Латвии, стали уголовно наказуемыми в Латвии лишь с 1993 года, когда в Кодексе были внесены соответствующие дополнения. Поэтому осуждение Кононова по статье за «военные преступления», которая принята в Латвии только в 1993 году, а в 1944 году не действовала, является грубым нарушением Всеобщей декларации прав человека.

Приговор Рижского суда всколыхнул общественное мнение ветеранских и общественных организаций многих стран. Особый резонанс расправа над героем-партизаном Великой Отечественной войны вызвала в России. Это судебное решение повергло в шоковое состояние не только ветеранов войны, но и все ветви власти, и в первую очередь Государственную думу. В одном из ее заявлений говорится:

«Государственная дума неоднократно принимала заявления и обращения, в которых указывалось на преступное стремление власть имущих Латвии подвергнуть ревизии итоги и принципы Нюрнбергс-

кого трибунала, чтимые мировым сообществом, что означает, по существу, попытку пересмотреть итоги Второй мировой войны и оправдать фашизм.

Государственная дума не раз обращала внимание мирового сообщества на продолжающуюся в Латвии активизацию крайне правых профашистских сил, возведение идей воинствующего национализма и шовинизма в ранг государственной идеологии. О том, что в Латвии формируется политический режим, руководствующийся идеями крайнего национализма и шовинизма, свидетельствует и реакция властей Латвии на заявление Министерства иностранных дел Российской Федерации в связи с произошедшим в Латвии судилищем над ветераном-антифашистом В.М. Кононовым.

Государственная дума требует от властей Латвийской республики отмежеваться от любых попыток реабилитации фашизма и воинствующего национализма и настаивает на скорейшем пересмотре дела В.М. Коконова».

Верховный суд Латвии, куда направил кассационную жалобу бывший партизан, признал предъявленные Кононову обвинения недостаточно обоснованными и доказанными. Ветеран был освобожден.

В апреле 2000 года Президент России В.В. Путин рассмотрел и удовлетворил обращение Василия Коконова о предоставлении ему российского гражданства. Как отметил глава Российской Федерации, это не только ответ на ходатайство отдельного человека, но и дань уважения воину, который внес весомый вклад в победу над фашизмом.

В апреле 2003 года латвийская прокуратура повторно направила его дело на рассмотрение. В латвийском городе Резекне Латгальский окружной суд начал повторное рассмотрение уголовного дела против Василия Коконова. По горькой иронии судьбы, В. Кононов родился и вырос недалеко от этого городка, отсюда ушел партизанить, стал лучшим подрывником отряда, пустил под откос около 20 фашистских военных эшелонов. И здесь же по прошествии стольких лет оказался на скамье подсудимых как военный преступник.

В 2003 году Латгальский окружной суд вынес очередной — уже третий — приговор по делу многострадального 80-летнего ветерана Великой Отечественной войны и гражданина России Василия Коконова. На этот раз суд переквалифицировал предъявленное бывшему красному партизану обвинение в военных преступлениях на... «бандитизм», за который Кононов «за давностью лет» не был подвергнут наказанию.

В заключение рассказа о характерном для современной Латвии «деле» В.М. Коконова приведу слова кемеровского губернатора Амана Тулеева, который неоднократно выступал в защиту старого партизана:

«Сколько можно истязать старика, отдавшего свою молодость борьбе с фашизмом?! Рига внезапно пытается ревизовать итоги Нюрнберга. А Россия, одна из участниц этого процесса, молчит. Неужели у нас забыты герои прошедшей войны, неужели предан забвению тот факт, что за свободу стран Западной Европы мы обильно удобрили землю этих государств нашими костями и полили кровью?! Удивительно и другое: нет никакой реакции Запада, готовящегося распахнуть объятия стране, где преследуют ветеранов-освободителей и обеляют пособников палачей. А может быть, в сытой и умильной Европе тоже забыли Орадур, Бухенвальд, Заксенхаузен, Берген-Бельзен?! Или для нее подвиг солдат стран-освободительниц СССР, Англии, США — уже так, древняя история? Или парады бывших эсэсовцев из латвийского легиона кажутся им театрализованным шествием, на которое можно не обращать внимание? Да и был ли мальчик? Был, был мальчик!!! И никто не вправе забывать этого, сколько бы лет ни прошло.

Конечно, сейчас времена куда как более гуманные — в годы фашистской оккупации молодого партизана Кононова, попади он в лапы фашистов, пытали, истязали и повесили бы без суда и следствия. В нынешней же демократической Латвии ветерана-инвалида всего-то преследуют по суду.

Хочу напомнить, что Кононов — гражданин России! Я неоднократно со страниц печати призывал руководство нашей страны применить самые жесткие меры, даже включая экономические санкции, против тех стран, где ущемляются права наших соотечественников, где по суду преследуются ветераны Отечественной. И сейчас остаюсь при своем мнении. Сотни тысяч наших сограждан, живущих в ближнем и дальнем зарубежье, должны быть уверены: Россия помнит о них, знает об их бедах и всегда готова прийти на помощь. В ином случае нас не простят живые и проклянут погибшие герои».

У другого бывшего партизана и сотрудника НКВД, 85-летнего Василия Кирсанова, находившегося под следствием тоже в Латвии, не выдержало сердце. Бывший майор КГБ СССР и фронтовик обвинялся в том, что он участвовал после войны в незаконной, по мнению суда, высылке жителей республики в Сибирь. Уголовное дело на него было заведено в ноябре 1999 года, и тогда же он был взят под стражу. Вплоть до самой смерти он находился в тюремном заключении. Несмотря на его серьезное заболевание, латвийское правосудие не желало оставлять старика в покое. Смерь фронтовика закрыла «дело».

Состоялось очередное судилище и над ветераном Великой Отечественной войны, 83-летним Николаем Ларионовым. Его обвиняют в

геноциде. Бывшего сотрудника органов госбезопасности приговорили к 5 годам тюремного заключения (прокурор требовал 8 лет) за участие в депортации в 1949 году из Латвии в Сибирь пятисот человек. То, что Ларионов в годы войны в составе дивизии латышских стрелков дрался с фашистами, получил ранения, имеет боевые награды, для латвийских судей ничего не значило. Равно как и тот факт, что решение о депортации принимал вовсе не Ларионов, а Совет Министров и прокуратура Латвийской ССР.

Список судебных приговоров в Латвии весьма обширен. Бывший министр госбезопасности Альфонс Новикс, 1908 года рождения, который получил пожизненный срок, скончался в тюрьме. Михаил Фарбгух, тоже бывший чекист, инвалид, отсидел два года. Евгений Савенко провел в местах лишения свободы год и три месяца. Николай Тэсс, Янис Кирштейнс и Трофим Якушонок ждут судебного разбирательства.

В Латвии «охота на ведьм» распространяется только на людей, выполнявших свой воинский или служебный долг. Отечественные палачи-фашисты остаются на свободе. Разве латвийским властям не известны имена тех, кто в годы войны тысячами уничтожал мирных граждан и военнопленных? Разве им не известен нацистский преступник К. Калейс, который в годы войны принимал участие в истреблении тридцати тысяч мирных жителей, находясь в составе команды палачей латышского фашиста В. Арайса, действовавшей при латышской вспомогательной полиции безопасности СД?

Войдя в состав «цивилизованной Европы», Латвия в знак этого великого события в местечке Лестене построила мемориал солдатам «Waffen-SS». Открытие сопровождалось выступлением военного оркестра и мужского хора, с трансляцией по радио и телевидению, в присутствии латвийского министра культуры. Вот так демонстративно и вызывающе пересматриваются исторические решения Нюрнбергского трибунала, однозначно признавшего СС преступной организацией.

Европа молчит!

Подгоняя под свои нужды факты истории, односторонне и предвзято оценивая их, парламент в июне 2002 года принял документ «О преследованиях оккупационного режима в Эстонии», в котором вся деятельность советских силовых органов в республике квалифицируется как противозаконная.

Руководствуясь им, правоохранные органы республики в сентябре 2002 года начали показательные процессы по уголовному преследованию престарелых чекистов-ветеранов, которым, как ранее и в

двух других прибалтийских странах, предъявлено обвинение в «преступлениях против человечества».

Первым из бывших чекистов в Эстонии на скамье подсудимых оказался ветеран МГБ ЭССР, 77-летний российский гражданин Владимир Пенарт, чуть позже по аналогичному обвинению судили тоже россиянина, Юрия Карпова, третьим — опять же гражданина России Степана Никеева. Все трое должны отвечать перед эстонским законом за участие в депортациях 1941 и 1949 годов и за борьбу с «лесными братьями» — участниками бандформирований и фашистскими пособниками.

Владимир Пенарт по матери — русский, чем усугубилась его «вина» в глазах правящих в независимой Эстонии. В 1953 году он был начальником отдела милиции и отдавал приказы об уничтожении банд, грабивших местные магазины и терроризировавших население. В нынешней Эстонии его обвиняют в том, что он отдал приказ об уничтожении троих таких террористов, называемых ныне «национальными героями» и «лесными братьями». Ему грозит от 8 до 15 лет. А пока у В. Пенарта случился инсульт, и у него отнялась одна рука.

В официальном заявлении МИД России совершенно справедливо указывалось, что в Эстонии возобладала «субъективная и политизированная оценка событий, происходивших в этой стране в период Второй мировой войны и послевоенное время».

Может быть, кто-то видел или слышал, что с аналогичной характеристикой такого положения дел выступил кто-нибудь из западных опекунов этой и двух других прибалтийских стран? Мне встретиться с подобными заявлениями не удалось и, думаю, не удастся.

Упомяну вкратце в связи с этой темой и о происходящем в Литве. В июне 1999 года был вынесен приговор суда по уголовному делу о «Народных защитниках», когда к лишению свободы приговорены бывшие сотрудники госбезопасности Литовской ССР: П. Бартошевич, К. Куракин, А. Суринин, А. Шакалис — за то, что в послевоенные годы, охраняя мирный труд советских людей в Литве, тоже боролись с бандформированиями «лесных братьев». Некоторые из них умерли в литовской тюрьме. Не дожили до суда профессор, доктор юридических наук И.Д. Кучеров, бывший заместитель Генерального прокурора Литовской ССР Н. Кремповский, а также ряд других советских и партийных работников в бывших прибалтийских советских республиках.

Итак, подводя итоги рассказанному в этой главе, подчеркну еще раз следующее. В 90-х годах прошлого века руководство этих республик состояло, в основном, из людей, которые сначала под демократическими лозунгами боролись за суверенитет, а затем, используя самые

недостойные приемы, стали расправляться со своими идеологическими противниками, проводить над ними политические процессы. Во второй половине этого же десятилетия развернулось масштабное преследование и начались судебные процессы над партизанами — ветеранами Великой Отечественной войны и сотрудниками правоохранительных органов союзных республик Прибалтики. Одновременно проходили реабилитация и признание «заслуг» пособников фашистской Германии. В этот же период набирали силу радикальный национализм и шовинизм, создавая в глазах нового поколения и мировой общественности создавался новый образ Советского Союза не спасителя этих народов и стран, не государства, в составе республики поднялись на принципиально новый уровень экономического и социального развития, а их «оккупанты».

Нет, ничему история не научила тех, кто не хочет и не способен учиться у нее. Жаль только, что расплачиваться за это приходится, как всегда, простому люду, народу, именем которого они прикрывают свои личные интересы и оправдывают творимые беззакония.

Забыли эти господа библейскую мудрость: «Ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить» (Мф. 7. 1—2).

Глава десятая

«НЕЗАЛЕЖНА» УКРАИНА*

1. К «НЕЗАЛЕЖНОСТИ»!

Объявленная Горбачевым перестройка воспринималась в Украине неоднозначно: относительно благополучная республика, возглавляемая одним из признанных руководителей страны, В.В. Шербицким, не бросилась в числе первых трубить на всех перекрестках о начале перемен.

Никто тогда еще не мог и предположить, что назревшая необходимость совершенствования прежде всего процессов экономического развития страны на деле окажется миной под всей политической основой существования СССР. «Новое мышление» и мечты о «европейском доме» Горбачева расценивались как стремление хоть как-то заявить о себе на дорогом для него Западе.

На Украине долгое время не находили широкой поддержки различные движения, фронты, преследовавшие под лозунгами перестройки сепаратистские, националистические, антисоветские цели (за исключением западноукраинских — галичинских областей).

Однако события в других республиках (Нагорном Карабахе, Алма-Ате, Фергане, Душанбе), регулярные приезды эмиссаров-«учителей» из прибалтийских республик вдохновляли остерегавшихся в то время открытых выступлений «борцов за независимость». До поры до времени все эти движения маскировались под сторонников перестройки.

* В этом разделе главы использован материал любезно предоставленный Харченко Г.П.

Даже возникшая организация «Рух» («Народное движение Украины за перестройку»), ставшая наиболее влиятельной, в своей программе заявила, что она «представляет собой общенародное выражение одобрения и поддержки революционной, инициированной партией перестройки...», что это «новая форма блока коммунистов и беспартийных» и т.п.

Надо сказать, что «Рух» значительное время официально не признавали ни в Киеве, ни в большинстве областей — знали, что за люди там объединились. Путевку в жизнь «Руху» «выписал» сам главный перестройщик.

После участия в работе пленума ЦК Компартии Украины (сентябрь 1989 г.) по освобождению В.В. Щербицкого от обязанностей первого секретаря ЦК Горбачев встретился на улице с лидерами «Руха», которые обратились к нему с жалобами на отказ в регистрации. Выслушав басни о том, что руховцы его любят и чтят как лидера перестройки, Горбачев «порекомендовал» не чинить препятствий в регистрации своих новоявленных сторонников. Стоявший рядом Щербицкий только тяжело вздохнул.

Владимира Васильевича Щербицкого я хорошо знал по работе в ЦК КПСС. Он был тогда членом Политбюро, я же занимал пост секретаря ЦК по экономике. Мне нравился этот уравновешенный, с негибким характером и твердыми убеждениями человек.

Можно много вспоминать о нем, но я остановлюсь только на двух эпизодах. В мае 1986 года, во время обсуждения на Политбюро проекта постановления по антиалкогольной политике, он занял довольно жесткую, реалистическую позицию. По его мнению, предложенный вариант документа принесет больше вреда, чем пользы. Но, к сожалению, он и ему подобные, в том числе и пишущий эти строки, остались в меньшинстве, «не понимающими веления времени».

О его неприятии дешевого популизма — типа «хождения в народ» руководителей, чем особенно отличался Горбачев, — можно судить по одному факту. В.В. Щербицкий и я были направлены на очередной съезд Компартии Румынии. Во время доклада Н. Чаушеску зал 60 раз вставал и устраивал докладчику бурные овации со здравицами! Когда мы летели домой, в самолете Владимир Васильевич обратился ко мне: «Не знаю, какое у вас, Николай Иванович, настроение после этого съезда, но у меня ощущение, что мы улетели с него, как будто выманные в дерьме!»

Поэтому он и вздохнул, увидев на улице действия Горбачева.

Так был выпущен еще один «джинн из бутылки», рвавшийся к власти, навязывавший народу националистическую идеологию, курс

на отделение Украины от Советского Союза, реабилитацию бандеровщины.

После официальной регистрации «Руха», как черти из чертополоха, стали выплывать различные партии и движения — все до единой оппозиционные существовавшему строю. Правда, рождались они в то время в среде интеллигенции Киева и западных областей Украины.

Несмотря на стремление «Руха» создать филиалы и ячейки в промышленной и высокоразвитой аграрной восточной части страны, для металлургов, шахтеров да и простых хлебопашцев многие их лозунги были неприемлемы. Тогда руховцы решили заняться «перевоспитанием» оплотов «москалей». Под лозунгами празднования 500-летия запорожского казачества в города и села Днепропетровской, Запорожской, Херсонской и других областей на поездах и автобусах устремились тысячи «агитаторов» за «вильну» и «незалежну». Во главе — лидеры «Руха».

Тысячные шествия этих незваных гостей, одетых в оуновскую униформу, с хоругвями и невиданными здесь портретами Бандеры, Шухевича, Петлюры, с пением националистических гимнов вызывали недоуменные вопросы у жителей: кто это такие? что это за нашествие? В итоге попытки организовать митинги, встречи для «братания» заканчивались провалом, а из сел непрошенных гостей попросту выгоняли.

Здесь немаловажное значение имело и то, что восточный украинец не совсем понимал вроде бы родную речь западника, насыщенную наречиями, оборотами, ударениями, заимствованными за время многовекового подчинения западных земель Украины Австро-Венгрии и панской Польше. Кстати, сейчас, когда смотришь телевидение Украины, замечаешь, как нынешний украинский язык отличается от слога Г. Сковороды и Т. Шевченко, Ю. Коцюбинского, О. Гончара, П. Тычины, Б. Олейника, считающихся корифеями литературного творчества.

Надо прямо признать, что на востоке слово «бандеровец» всегда было нарицательным. Ведь именно отсюда в западную часть в начале 50-х годов направляли десятки тысяч коммунистов, комсомольцев, беспартийных для создания сельсоветов, колхозов, милиции, для работы учителями и врачами. Тысячи из них, замученные, возвратились в родные села и города в гробах. Начавшееся с тех пор негласное и гласное противостояние отражается на всех политических событиях в Украине.

К сожалению, разжигание розни, призывы освободиться от «командования» из Москвы, выйти из состава СССР (все ведь оправдывалось кокетливой горбачевской гордостью — плюрализмом), приобре-

сти экономическую, а затем и политическую независимость не были остановлены Конституцией СССР, принятыми законами и Уголовным кодексом. Предупреждения партийных комитетов с мест об опасности развития такой ситуации воспринимались Горбачевым и Яковлевым как саботаж перестройки, паникерство и т.д.

С ухудшением экономического положения, вызванным политической нестабильностью и целенаправленными действиями разрушителей страны и общественного строя, стремившихся поступать по принципу «чем хуже — тем лучше», социальная демагогия стала восприниматься довольно широкими массами.

Особенно ярко это проявилось во время подготовки и проведения выборов народных депутатов СССР. К тому времени широкий размах уже приобрела борьба с так называемыми привилегиями и навязанным обществу мнением (как известно, не без участия Ельцина), что ими пользуются исключительно «партаппаратчики». К этому добавилось знаменитое горбачевское предложение «вы их снизу, а мы их сверху». Низовое партийное звено, рабочие лошади партии — райкомы и горкомы считались саботажниками перестройки. В «Правде», а вслед за ней с благословения А. Яковлева и в «Известиях», «Комсомольской правде», «Советской культуре» и др. (никогда не стоявших до этого в оппозиции к партаппарату) началась атака на кадры, «нос-тальгирующих по брежневскому застою». Многотысячные митинги на центральных площадях и стадионах с требованиями изгнать обкомы прокатились по многим областям Украины. На них выступали озверевшие от злобы националисты, разогревали толпу. Если же раздавались здравые голоса, заведенная масса скандировала: «Геть!» (долой!); «Ганьба-ганьба-ганьба» (позор-позор-позор!). Вот вам и горбачевский плюрализм!

В дополнение к сложившейся тяжелейшей ситуации в республике соборам центральных газет было объявлено, что материалы с «телегами» на секретарей обкомов являются срочными и первополосными. Спорить с публикациями было бесполезно — что плевать против ветра. Видимо, Владимир Васильевич Щербицкий, видя этот «разгул демократии», вынужден был уйти досрочно в отставку.

Сильный козырь в руки руховцам в канун выборов дал ЦК КПСС, приняв решение о повышении зарплат партийным работникам — при этом даже были обнародованы новые оклады. Кстати, я был одним из немногих членов Политбюро, кто выступил против повышения зарплаты партийным функционерам. Несмотря на рекомендации сделать это и в правительстве, я отказался повышать оклады в Совете Министров СССР.

Таким образом, в течение короткого времени партийные кадры были уведены от повседневной кропотливой работы по решению насущных задач в области экономики и социальной сферы, все завязли в бесконечных митингах, погашении забастовок.

Как известно, выборы на Съезд народных депутатов СССР впервые проходили на альтернативной основе. Антикоммунистическим выдвиженцам была обеспечена не только местная поддержка: в прибалтийских республиках для Украины печатались плакаты, лозунги, листовки, «разоблачающие» номенклатурщиков. Материальная подпитка украинских националистов потоком шла из многочисленных зарубежных националистических центров.

Особенно отличились различные фонды Канады, созданные в рамках структур украинских националистических формирований и группировок, которые были едины в одном — всемерном содействии «деколонизации» Украины, отрыву ее от СССР. Так, в 1990 году был создан фонд «Благотворительная помощь Украине» в Торонто, образован украинско-канадский фонд «Помощь Украине», в правление которого вошли известные лидеры «Руха» В. Чорновил, И. Горынь, Л. Лукьяненко и другие. Под эгидой «Канадского института украинских студий при Альбертском университете» был учрежден так называемый Вечный фонд помощи развитию науки в Украине с целью финансирования стажировки «нового поколения лидеров Украины». В это же время создавалось канадское «Общество сторонников народного движения («Руха»)» с 13 отделениями.

Националистическая газета «Путь победы» в декабре 1990 года сообщила, что «украинские националисты, члены и симпатизирующие Организации украинских националистов и бывшие воины Украинской повстанческой армии... оказывают поддержку, моральную и материальную помощь самостийным силам в Украине». Приводились и некоторые цифры этой «помощи»: «Только в 1989 году выделено на разные нужды, связанные с событиями и борьбой в Украине, около 400 тысяч долларов, в том числе более 50 тысяч долларов на закупку необходимых технологий, более 150 тысяч долларов на удержание регулярной связи с патриотическими кругами в Украине... около 50 тысяч долларов на прямую помощь отдельным деятелям и организациям в Украине».

Финансовая поддержка многочисленных оппозиционных движений и партий велась и из других стран. Издаваемый в Мюнхене бюллетень «Центрального представительства украинской эмиграции в Германии» (№ 2 за 1990 г.) сообщил о сборе «пожертвований» для отдельных «правозащитников» в Украине.

Тайны из этих фактов в начале 90-х годов уже никто не делал. Так называемый Канадско-Украинский фонд «Помощь Украине» в газете «Новый путь» (3 ноября 1990 года), сообщая о «пожертвованиях» от 1 тысячи до 1 миллиона долларов, в заключение добавил: «Ситуация, которая сложилась в Украине и в других республиках СССР, позволяет вести открытую деятельность с целью достичь экономической, культурной и политической независимости нашей Родины от Москвы». Ни со стороны МВД, ни КГБ СССР и Украины это бесцеремонное вмешательство во внутренние дела не пресекалось.

Главными получателями средств от этих и подобных организаций в США являлись «Рух», Украинская республиканская партия и другие оппозиционные движения, а также новые органы местной власти во Львове, Тернополе, Ивано-Франковске.

Наиболее рьяных «борцов» — кандидатов в народные депутаты поддерживало Центральное телевидение, организуя специальные телерепортажи с мест. Практически все из них, получившие депутатские мандаты, пополнили ряды Межрегиональной депутатской группы (МДГ) и стали ярыми проводниками развала «империи». Как на союзном, так и на республиканском телевидении они были всегда желанными гостями, поучали всех, как следует жить. Большая часть из них «делала» себе имя, спекулируя на горе людей вследствие Чернобыльской аварии. Но главным их козырем были трудности со снабжением продовольствием, другими необходимыми товарами.

Все это сыграло свою роль во время выборов в Верховный Совет Украины в марте 90-го года. Места депутатов от западных областей Украины почти полностью заняли представители «Руха» и других оппозиционных движений.

«Рух» к этому времени, так и не превратившись в обещанного Горбачеву союзника «перестройщиков», заявил о своей четкой антикоммунистической ориентации, заговорил о выходе Украины из состава СССР.

Между тем руководство Верховного Совета Украины, быть может, памятуя и о «рекомендации» Генсека, приняло решение отдать посты руководителей ведущих комитетов представителям оппозиции. Это значительно усилило их возможности проводить пропаганду, навязывать свои взгляды.

Маски были сброшены в период подготовки всенародного референдума по определению судьбы СССР 17 марта 1991 года. В этот же день по предложению Председателя Верховного Совета УССР Кравчука было решено провести республиканский опрос населения: «Согласны ли вы с тем, что Украина должна быть в составе Союза Советс-

ких суверенных государств на началах Декларации о государственном суверенитете Украины?» Сама формулировка уже чем-то «попахивала». Но важнее был, конечно, результат референдума и опроса.

Появившиеся к этому времени 15 партий и движений открыто развернули агитационную деятельность против сохранения СССР и против вхождения Украины в Союз Советских суверенных государств. Им противостояла одна только Коммунистическая партия Украины. Города и села республики наводнялись материалами с нападка на Союз, требованиями выхода из него Украины, которую якобы грабит «империалистический центр». Приводя цифры, свидетельствовавшие о передовых позициях республики по производству промышленной и сельскохозяйственной продукции даже в сравнении с Европой, авторы этих материалов пытались убедить народ в том, что, выйдя из состава Союза, «украинцы будут жить так, как живут в Европе».

Разжигались антироссийские страсти, с пеной у рта национал-экстремисты пытались доказать, что «москальи» поедают украинский хлеб, мясо и сало. На слуху у всех было утверждение, что из экономики Украины ежегодно Центром изымается 100—120 миллиардов рублей и вывозится половина выращенного зерна.

По поручению Президиума Верховного Совета УССР ученые Академии наук республики произвели соответствующие расчеты, показавшие всю абсурдность названных «изъятий», так как они в 3—4 раза превышают все реальные ресурсы республики, значительная часть которых потребляется в ее же пределах. При этом ученые указывали, что собственными ресурсами потребность республики в нефти удовлетворялась только на 8 процентов, газом природным — на 22 процента, лесными ресурсами — на 38 процентов и т.д.

А между тем годовая потребность Украины в нефти равнялась 60 млн тонн (т.е. в 10 раз превышала ее добычу в республике). Для приобретения ее на внешнем рынке по международным ценам Украине потребовалось бы 8 млрд долларов. Что касается товаров для населения, то республика ввозила все швейные машины, более 40 процентов радиоприемников, треть мотоциклов, четвертую часть стиральных машин, велосипедов и мопедов. Украина производила только половину потребляемых тканей, однако и для их выпуска использовалось 94 процента завозимого сырья (хлопок, шерсть).

Если в 1989 году ввоз продукции (с учетом внешнеэкономических связей) по внутренним ценам составил 54,5 млрд рублей, то вывоз — 48,0 млрд рублей, или на 6,5 млрд меньше ввоза. Госкомстат Украины пересчитал в целях анализа происходящего продуктообмена экономические результаты и в мировых ценах. Отрицательное сальдо, т.е. пре-

вышение ввоза над вывозом, составило 5,0 млрд рублей. Однако эти цифры замалчивались, ими оперировали только сторонники сохранения Украины в составе СССР, доказывая несостоятельность и провокационность измышлений об «ограблении» Украины.

Невзирая на непрерывные психические атаки националистов, более 22 миллионов граждан, или 58,6 процента, положительно ответили на вопрос всесоюзного референдума, и 25,2 млн человек, 66,9 процента, — на вопрос республиканского опроса.

При этом следует напомнить, что в Киеве 53 процента, в Тернопольской, Ивано-Франковской и Львовской областях примерно 80 процентов проголосовавших высказались против сохранения СССР. В Ивано-Франковской области более 45 процентов, а в Тернопольской и Львовской — более 60 процентов высказались и против вхождения Украины в состав Союза Советских суверенных республик.

Результаты голосования стали еще одним поводом для противостояния «восточников» и «западников».

Постоянно возникал вопрос: как быть дальше? Различных предложений и доводов рождалось немало. Вот некоторые из них. Пусть Галичина отделяется и живет, как желает. В Крыму начали говорить о превращении области в Крымскую ССР или АССР. В краю шахтеров и металлургов вспомнили о существовании в 1918 году Донецко-Приднепровского индустриального края. Подогревал сепаратизм и Запад. Американский «Ньюсуик» дал карту «Европа в 2000 году», где из Украины с «полунезависимым статусом» выделена Западная Украина.

Настроения в пользу сепаратизма усиливались и в связи с возникшими трудностями в экономике. Ситуация осложнялась еще и тем, что в структуре народного хозяйства Украины, которая исторически формировалась как основа тяжелой индустрии страны, более двух третей составляли энергетика и металлургия, горнорудное производство, тяжелое машиностроение. С этими отраслями связана была повседневная небедная жизнь десятков миллионов людей, судьба целых регионов. Сбои в их работе усилили социальную напряженность. К этому добавлялись трудности, связанные с аварией на Чернобыльской АЭС.

Всем этим не могли не воспользоваться экстремистские силы. В центре Киева развернулся палаточный лагерь протестовавших студентов из вузов Львова, Ивано-Франковска, Киева, находившихся под полной опекой «Руха». Среди лозунгов «Геть» уже не было требования отставки Кравчука с поста Председателя Верховного Совета Украины. Отставка же В.А. Масола с поста Председателя Совета Министров не только не ослабила натиска националистов, но и ободрила их на тре-

бование дальнейших уступок со стороны власти. Митинговые страсти захлестнули всю Украину. Парк перед Верховным Советом превратился в постоянно действующий палаточный лагерь то новоявленных демократов, то сторонников социалистического выбора Украины в составе Союза ССР.

Телевидение и радиовещание полностью стали «демократическими» — сплошное искажение истории Украины, очернение не только Октябрьской революции, но и Переяславской рады. Националисты-сепаратисты требовали покаяния коммунистов за голодомор 30-х и репрессии 1937—1938 годов, настойчиво обеляли преступные деяния украинских националистов, особенно в период Великой Отечественной войны и послевоенные годы, призывали расправиться с коммунистами — «Коммуняку на гілляку!».

Естественно, что патриоты Союза не могли с этим смириться и в телерадиостудиях разворачивались настоящие рукопашные за возможность овладения эфиром для высказывания своих позиций. На обращения к Президенту СССР, ЦК КПСС с информацией о ситуации, ведущей к отторжению Украины от СССР (члены МДГ от прибалтийских республик открыто заявляли, что без участия Украины развал СССР не состоится), и на требования к прокуратуре, МВД обеспечить защиту конституционных норм и правопорядка следовал совет — «не паникуйте». В западных областях и столице Киеве органы внутренних дел и прокуратуры были или полностью деморализованы и неспособны навести порядок, или, перейдя на сторону национал-реформаторов, подчинялись только им, что отнюдь не способствовало стабилизации ситуации.

Обострению политической обстановки и, как следствие, дальнейшему ухудшению экономического положения способствовала развернувшаяся борьба вокруг Союзного договора. Президент страны Горбачев, получив мандат Всесоюзного референдума на сохранение СССР как обновленной федерации равноправных суверенных республик, не пресек дальнейших попыток его развала, в том числе и со стороны Верховного Совета Украины, который с самого начала занял негативную позицию к опубликованному проекту Союзного договора. Оказалось, что представители Украины в подготовке этого документа не участвовали вообще. Как объяснял тогдашний Председатель Верховного Совета Кравчук общественности, на момент голосования по выдвижению кандидатур, полномочных участвовать в разработке проекта, «не было кворума». Это затем дало возможность Кравчуку на сессии Верховного Совета заявить, что договор в таком виде Украине не подходит.

Сначала Президиум Верховного Совета УССР (рыба, как известно, гниет с головы), а затем и Верховный Совет УССР в сентябре 1990 года приняли постановление о том, что заключение Союзного договора следует считать «преждевременным».

Осуждение принятого постановления партийными комитетами, общественностью Украины на изменение обстановки не повлияло.

В поддержку решения Верховного Совета оппозиция начала организовывать митинги, манифестации, провоцировать забастовки под лозунгом «Нет Союзному договору». Тысячные десанты выбрасывались из западных областей в восточные под лозунгами «Геть Союзний договір — ярмо на шип українського народу».

Возмущенные инспирированными Верховным Советом республики подобными акциями, трудовые коллективы, сессии городских и районных советов многих областей республики, даже народные депутаты СССР от Украины выступили с требованиями отменить постановление Верховного Совета УССР об отношении к Союзному договору как противоречащее интересам народа, результатам общесоюзного референдума. Однако все эти требования высшим органом законодательной власти республики были проигнорированы.

Курс на дистанцирование от Советского Союза стал просматриваться во всех сферах политики и экономики. Этому немало способствовали как шаги руководства Российской Федерации и лично Ельцина, так и невнятность, непоследовательность, медлительность союзных органов власти — начиная с Президента СССР Горбачева и Верховного Совета СССР.

На развал Советского Союза были направлены и некоторые правовые акты Верховного Совета Украины, одобренная им особая концепция перехода к рынку, оторванная от общесоюзной экономики (и это, не имея в достатке своей нефти, бензина, дизтоплива, газа, цветных металлов, леса!). И все это делалось не спонтанно, а целенаправленно.

«Декларация о государственном суверенитете Украины», принятая парламентом 16 июля 1990 г. — вслед за подобным актом России! — содержала аббревиатуру «СССР» только в одном разделе — о гражданстве Украинской ССР.

Упование на суверенитет затмевало разум. Экономическое развитие было продекларировано только как «экономическая самостоятельность», без всякой связи с Союзом и отдельными республиками, но с претензией «на свою долю в общесоюзном богатстве, в частности, в общесоюзных алмазном и валютном фондах и золотом запасе». Более того. Новоявленные украинские «демократы» при настойчивых кон-

сультациях американских советологов в свой проект концепции перехода к рынку включили намек на возможное предъявление России экономических претензий, связанных с эвакуацией в восточные регионы страны из Украины производственного оборудования в начале Великой Отечественной войны. Очевидно, они полагали, что для Украины, для всего хода войны было бы лучше оставить производственный потенциал республики для его использования Германией в борьбе с Советским Союзом. Подобное положение было во время Второй мировой войны, когда захваченные фашистами страны Западной Европы работали на своих оккупантов.

Никто не сделал выводов о подлинной жизни украинского руководства. Любопытно также, что программу совместных действий Кабинета Министров СССР и правительств суверенных республик по выводу экономики страны из кризиса в условиях перехода к рынку, утвержденную Горбачевым, подписал не премьер-министр Украины В. Фокин или кто-либо из его заместителей. Под ней стоит только подпись постоянного представителя УССР при союзном правительстве А. Тарушкина.

Декларацией о суверенитете были заблокированы всякие отступления от нее, так как текст ее завершался словами, которые потом легли в основу поведения Кравчука при «торговле» Горбачева за заключение Союзного договора: «Принципы Декларации о суверенитете Украины используются для заключения Союзного договора». Ведь уже тогда было ясно, что подписание Договора в августе 1991 года не состоится. Тем временем Кравчук нашел в лице Ельцина «достойного» партнера: Ельцин заявлял, что без Украины он договор подписывать не будет. А Кравчук и не думал ставить текст будущего Договора на обсуждение Верховного Совета УССР! В срочном порядке, без согласования с ЦК КП Украины (где он еще состоял членом Политбюро) распустил парламент на летние каникулы (до сентября). Воспротивиться этому ЦК уже не мог — статья 6 Конституции была отменена. Так был сделан еще один шаг к будущему сговору в Вискулях.

А ситуация в Украине все более осложнялась. За полугодие 1991 года национальный доход упал на 9,3 процента. Падение промышленного производства составило 11 процентов.

Такой спад производства был обусловлен ухудшением ресурсного обеспечения народного хозяйства в условиях разрушения хозяйственных связей, массовых остановок предприятий из-за отсутствия сырья и материалов, срывов кооперационных поставок, забастовок.

Особенно тяжелое положение сложилось в угольной промышленности. Из 249 шахт весной бастовали 58. Шахтеры недодали почти

12 млн т угля. Его добыча в республике снизилась до уровня 1958 года. Только в первом полугодии из отрасли ушли 13 тысяч рабочих, и их недокомплект превысил 78 тысяч человек.

Спад производства в угольной промышленности дестабилизировал работу других важнейших для Украины отраслей народного хозяйства — черной металлургии и электроэнергетики. Дефицит кокса, сбои в поставках металлолома дезорганизовали весь металлургический цикл. Недодано было 3,1 млн т чугуна, 3,2 млн т стали, 2 млн т готового проката, 266 тысяч т стальных труб.

На электростанции недопоставлено около 3 млн т угля, из-за чего выводилось из эксплуатации по 10—15 крупных энергоблоков.

Пострадала и социальная сфера — резко сократился ввод жилья, больниц и поликлиник, дошкольных учреждений, клубов и домов культуры. Обострилось положение со снабжением топливом населения и системы ЖКХ.

Потребительскому рынку недопоставили только продовольственных товаров на 5 млрд рублей, большой объем предметов длительного пользования и массового спроса. Цены возросли в 1,5—2 раза, усилилась инфляция, расцвела теневая экономика.

Понятно, что противники заключения Союзного договора находили почву для своей разрушительной деятельности в значительной степени именно из-за ухудшения положения в экономике и на потребительском рынке. Средства массовой информации, находившиеся к тому времени в руках доморощенных разрушителей СССР, замалчивали трезвые голоса экономистов и политиков, утверждавших, что эти негативные явления связаны не с существованием, а наоборот — с начавшимся распадом СССР, ослаблением единства в Союзе, к чему приложили руку и украинские «демократы».

Главный удар по желанию большинства населения остаться в Союзе, в единстве с Россией нанесли августовские события 1991 года.

День 19 августа 1991 года для руководства республики начался со встречи в Верховном Совете с Главкомом Сухопутных войск генералом армии В.И. Варенниковым как представителем Министерства обороны СССР. Состоялся обмен мнениями, какую работу предстоит провести в связи с образованием ГКЧП и принятым им обращением к народу и решениями. В Кабинете Министров была образована временная комиссия для координации мер по обеспечению общественного порядка, безопасности граждан, обеспечения жизнедеятельности экономики и населения, предотвращения чрезвычайных ситуаций.

Главная политическая интрига развернулась вокруг Компартии Украины. Дело в том, что секретариат ЦК КПУ утром 19 августа на-

правил обкомам партии шифротелеграмму, в которой в соответствии с телеграммой, полученной от ЦК КПСС за подписью секретаря ЦК О. Шенина, наряду с другими рекомендациями содержалась и такая: «В связи с введением в стране чрезвычайного положения важнейшей задачей партийных комитетов является содействие Государственному комитету по чрезвычайному положению в СССР. В практической деятельности необходимо руководствоваться Конституцией и Законами Союза ССР, документами, издаваемыми Государственным комитетом по чрезвычайному положению». И хотя в тот же день Секретариат ЦК эту шифровку из обкомов отозвал, а взамен отправил другие, в которых этих положений уже не было, именно первая шифротелеграмма стала основанием для запрещения деятельности Компартии Украины. Первую шифровку в ЦК возвратили все обкомы, кроме Львовского, где она оказалась в руках местных националистов и была срочно доставлена Кравчуку.

Вся общественная и политическая жизнь республики в те дни была построена следующим образом: заседания Верховного Совета республики, создание комиссии по расследованию деятельности КПУ, разгон парткомов и райкомов партии, захваты обкомов и при этом — толпы экстремистов с призывами «бить и вешать» коммунистов. Венцом стало возбуждение Прокуратурой Украины уголовного дела против секретарей ЦК и первых секретарей обкомов по статье «Измена Родине».

Решающую роль в этом процессе играл Председатель Верховного Совета УССР Кравчук. Принявший участие в заседании Политбюро ЦК КПУ 25 августа и правивший его документ об отношении к ГКЧП, он заявил впоследствии, что из партии вышел еще 19 августа и именно он приложил все усилия для быстрее ее запрета Президиумом Верховного Совета УССР, хотя о незаконности этого акта заявили министр юстиции республики, ее прокурор, председатель Комиссии Верховного Совета по вопросам законодательства и законности, ученые-правоведы. Внесудебное решение о запрете партии (а она была зарегистрирована Минюстом) является антиконституционным. Это было ясно всем, в том числе и Кравчуку. Но главный идеолог КПУ решил по-другому — для достижения его личных целей Компартия Украины будет ему помехой, — и он пошел на нарушение конституционных норм.

Почти полтора года длилось следствие по возбужденным уголовным делам. Это было время травли ничем не запятнавших себя людей. В августе 1993 года дело было прекращено «за отсутствием в действиях должностных лиц Компартии Украины состава какого бы то ни было преступления». Но хозяйничавшие к этому времени в Верховной раде

борцы «за нэньку» не допустили отмены указа Президиума Верховного Совета о запрете КПУ.

Лишь в декабре 2001 года Конституционный суд Украины признал указы Президиума Верховного Совета Украины о приостановлении и запрещении деятельности Компартии Украины не соответствующими Конституции Украины и утратившими силу.

О том, что во время ГКЧП Кравчук взаимодействовал с Ельциным, существуют неопровержимые факты. По свидетельству бывшего первого секретаря Одесского обкома партии Г. Крючкова, он сам, вылетая в Москву 23 августа 1991 года на чрезвычайное заседание Верховного Совета СССР и Съезд народных депутатов, в депутатской комнате аэропорта «Борисполь» в книге регистрации видел запись о прилете в Киев накануне путча, 17 августа, близкого сподвижника Ельцина — Бурбулиса. Прилет и отлет нигде не афишировался, его встречали и провожали доверенные люди Кравчука. Видимо, речь шла о вещах, которые эти «два брата» боялись доверить телефонам.

Все последующие действия Верховного Совета и его Председателя были направлены на реализацию «голубой мечты» украинских националистов — развал СССР, отрыв Украины от России.

Впереди был референдум по «самостийности» Украины, прибытие в Беловежскую Пушу окрыленного успехом референдума 1 декабря 1991 года и лично своей исторической ролью Кравчука. Именно он был ключевой фигурой в Вискулях. Только от него зависело подписание, которое должно было прославить его на века, документа по ликвидации единой Державы — СССР.

Прошло полтора десятка лет. Уходят в мир иной свидетели того смутного времени. Выросло новое поколение, которое толком не знает о тех трагических днях, да и средства массовой информации во многом или замалчивают, или искажают истинную картину произошедших событий.

Во время многочисленных встреч и бесед с различными людьми мне часто задают вопрос: кто такой Кравчук? Откуда он взялся, какой служебный пост занимал в советское время? Каким предприятием или областью в Украине руководил?

Оказывается, наш герой, Леонид Макарович Кравчук, с детских лет мечтал об отделении Украины от СССР. Об этом он поведал миру в 1993 году, уже будучи Президентом «незалежной» Украины, в украинском национальном центре Гарвардского университета. Не имея других доказательств своего раннего сепаратизма, Кравчук откровенно заискивающим тоном сообщил собравшимся, что у него хранится вырезка из какой-то оккупационной газеты военного времени, в кото-

рой рассказывается, что мальчик Леня Кравчук колядовал (пел народные песни, которые исполняются в Украине в канун Рождества) немецким и румынским солдатам, оккупировавшим Украину. Таким образом, он доказывал аудитории этого крупнейшего заокеанского националистического центра, что уже в восьмилетнем возрасте испытывал теплые чувства к тем, кто пришел в Украину, чтобы изгнать «коммунистическую гадину», которой, между прочим, он потом верно служил многие годы. Для большей убедительности г-н президент сообщил, что все эти годы он хранил эту газету как зеницу ока. Правда, не сказал, где хранил — между томами классиков марксизма-ленинизма или в папке своих статей по идеологическим вопросам? Такое оправдание своей многолетней деятельности в партийных органах Украины вызвало гомерический смех даже среди доброжелателей «самостийников».

Получив после окончания Киевского университета назначение в Черновцы, Кравчук не стал тратить время на преподавание политэкономии в техникуме, его увлекла партийно-аппаратная работа. Усердный труд в качестве консультанта и лектора Дома политического просвещения позволил ему довольно скоро возглавить отдел пропаганды и агитации обкома партии.

Верное служение партийному делу в области было замечено в Киеве, в ЦК партии Украины. Умение войти в доверие помогло Кравчуку стать помощником секретаря ЦК. Благодаря этой должности он стал известен руководству ЦК, что позволило ему проталкивать свои «светлые» мысли на идеологическом фронте, а за особое прилежание в служении марксистско-ленинским идеям и делу «родной партии» ему была оказана большая честь — закончить престижное партийное учебное заведение, Академию общественных наук при ЦК КПСС. Возможность учиться в этой академии, получить серьезную теоретическую подготовку предоставлялась особо отличившимся аппаратчикам, причем диплом академии сулил более высокую должность.

Особенно проявился его «талант» при написании речей и выступлений для первого секретаря ЦК КПУ. Здесь обязательными условиями были четкость марксистско-ленинской основы, принципиальность партийных оценок буржуазной пропаганды, националистических проявлений, необходимость всемерно укреплять социалистический интернационализм и патриотизм и т.д.

В то же время многие личностные качества Кравчука настораживали В.В. Щербицкого. Как многоопытный руководитель республики, он четко представлял себе, мягко говоря, неоднозначность его человеческих качеств. Кравчук демонстрировал свою политическую принципиальность и вместе с тем способность улавливать запросы начальства,

умение угодить ему, подготовить нужные именно в этот момент документы и т.д. Правда, в постперестроечное время Леонид Макарович залеймил свое «проклятое прошлое». Но тогда заветная мечта Кравчука наконец-то осуществилась. Правда, карьерный взлет начался только после того, как партийным лидером Украины и одновременно руководителем ее Верховного Совета стал В. Ивашко. Один из первых его шагов — кадровая перестановка на «идеологическом фронте». Секретарем ЦК КПУ, отвечающим за идеологию, стал Кравчук. А когда Ивашко буквально через месяц переместился в кресло заместителя Генсека КПСС, его место в Верховном Совете занял Кравчук.

Бюро ЦК комсомола Украины по поводу этих перемен опубликовало свое заявление:

«Заявление Председателя Верховного Совета УССР В.А. Ивашко об отставке мы не можем расценивать иначе, как не до конца продуманный и безответственный шаг, ведущий к усугублению политического кризиса и ослабляющий конструктивный потенциал парламента республики». Эти слова относились не только к ушедшему с политической сцены Украины Ивашко, они звучали как недоумение в связи с перемещением на новый пост Кравчука.

Интересна дальнейшая трансформация взглядов будущего президента Украины. Еще в 1989 году он резко отрицательно оценивал зарождающиеся оппозиционные движения, и в первую очередь «Рух». В своем труде «Стиль идеологической работы» Кравчук твердо придерживался интернациональных позиций, осуждал националистов, экстремистов, оуновцев. Он был обеспокоен разжиганием национальной розни в республике.

Но наступило время, когда в ряды реформаторов, искренне желающих обновления общественной жизни, ринулись ретивые партаппаратчики, для которых мировоззренческая позиция являлась чисто разменной монетой. Именно тогда и проявилось истинное лицо этих людей. Кравчук резко поменял свои идеологические знамена... Так возник кравчуково-руховский альянс, без которого он не мог и мечтать о кресле Президента Украины. Безусловно, здесь сказалось крайне негативное отношение большинства населения к потерпевшему политическое крушение Горбачеву.

Вот так появился президент Украины, который обещал процветание и мир украинскому народу. Но все его предвыборные обещания лопнули, как мыльный пузырь. Украина все больше и больше погружалась в беспросветную социальную и экономическую бездну.

Накануне следующих выборов Кравчук предпринимал отчаянные, даже можно сказать, героические усилия, чтобы вновь переизбрать-

ся президентом. Но ни юридические маневры, ни послушные СМИ, ни нечистоплотные махинации во время голосования ему не помогли. К тому времени уже наступило прозрение народа. Роль этого человека в подписании Соглашения в декабре 1991 года в Беловежье и его действия на посту Президента Украины в 1991—1994 годах вполне красноречиво говорят об этом специалисте по смене идеологического белья.

При знакомстве с биографией Кравчука, его перерождением невольно возникает сравнение его с Горбачевым. Разве не выпестовали их комсомол и партия? Они прошли путь до вершины власти, не проработав ни одного дня на низовой практической работе. Я полагаю, что подобное выдвижение кадров было величайшей ошибкой руководства КПСС. Слишком много внимания оно уделяло громким фразам, политической трескотне. Вот и выдвигались на первый план люди, не умевшие ничего, кроме как трепать языком. Они это делали и в комсомоле, и в партии — за что и ВЛКСМ, и КПСС и поплатились.

2. БЕЛОВЕЖСКИЙ «ПОДАРУНОК» ЕЛЬЦИНА

В Беловежской Пуше 8 декабря 1991 года в ту темную, трагическую ночь при подписании приговора Советскому Союзу Ельцин, как шубу с царского плеча, сделал «подарунок» Кравчуку, отдав Украине Крым и Севастополь, повторив тоже не совсем трезвый жест Хрущева 1954 года. Как известно, Кравчук с компанией не ждали такого поворота дел. В мыслях они смирились, что и Крым, и Севастополь придется вернуть РСФСР. И вдруг такой сюрприз!

Проблема Крыма, Севастополя и Черноморского флота и сейчас остается яблоком раздора в отношениях между Россией и Украиной. В связи с этим остановлюсь на исторических фактах, без которых читателю будет трудно сформировать свое мнение в этом сложном вопросе.

Крым с конца XVII века стал неотъемлемой частью Русского государства по Кучук-Кайнарджийскому договору 1774 года, которым закончилась русско-турецкая война 1768—1774 гг. Этот договор был подписан графом Петром Александровичем Румянцевым у деревни Кучук-Кайнарджи после его решающих побед над турецкими войсками. По нему Турция признавала независимость Крыма и Кубани, уступила Кинбурн, Еникале, Азов и Керчь. Кроме того, она предоставила русским кораблям свободу мореплавания через Босфор и Дарданеллы, уп-

латила четыре с половиной миллиона рублей контрибуции. Договор открыл российской дипломатии возможность влиять на крымские дела, что завершилось в 1783 году изданием Манифеста о присоединении Крымского полуострова, полуострова Тамань и всей кубанской стороны к Российской империи, подписанного императрицей Екатериной II, и присягой крымско-татарских ханов на верность России.

Ясский мирный договор 1791 года между Россией и Турцией подтвердил присоединение Крыма к России. Таким образом, государственный суверенитет над территорией Крыма был передан Турцией России. Это произошло через 137 лет после Переяславской рады (1654 года), когда Украина вошла в состав Русского государства «всей своей территорией» по соглашению, которое носит все черты международного договора, заключенному сторонами добровольно и на равноправной основе.

В 1784 году началось строительство города и порта Севастополь, а в 1804 году он был объявлен главным военным портом Черноморского флота и особым административным округом, управление которым осуществляла военно-морская администрация, назначаемая непосредственно Санкт-Петербургом.

После Октябрьской революции и согласно Конституции СССР 1936 года и Конституции РСФСР 1937 года, Крымская АССР входила в состав РСФСР, а город Севастополь сохранил за собой статус административно-хозяйственного центра и главной военно-морской базы Черноморского флота. В 1945 году Крымская АССР была преобразована в область РСФСР.

Н. Хрущев, придя к власти, поставил вопрос о передаче Крыма в состав Украины и, несмотря на возражения, что Крым — исконно русская земля, что никто в России не поймет этого, волевое решение было принято. Однако постановление Верховного Совета СССР от 26 апреля 1954 года о выведении Крымской области из состава РСФСР никак не изменяло установленного статуса города Севастополя.

Споры по вопросу юридической правомерности передачи Севастополя в ведение Крымской области и, соответственно, в состав Украины не утихают до сих пор и, я думаю, не утихнут еще многие годы. Это болезненная точка нашего общества, и вряд ли народ России согласится со сложившимся положением.

Ключевое значение для анализа ситуации вокруг Севастополя и Черноморского флота имеет вопрос о соотношении понятий «главная база Черноморского флота» и «город», а также определение соответствующих границ. С момента основания Севастополь является военноморской крепостью Юга России.

Предназначение Севастополя не пересматривалось и в советский период. 10 мая 1944 года Верховный главнокомандующий Вооруженными силами Союза ССР Сталин объявил приказом, что наши войска «...овладели крепостью и важнейшей военно-морской базой на Черном море — городом Севастополь». Таким образом, высшая власть СССР в условиях военного времени подтвердила статус Севастополя, как крепости и шлавной военно-морской Базы.

В 1948 году правительство страны приняло постановление «О восстановлении города и главной базы Черноморского флота — Севастополь» в существовавших административных границах города, в соответствии с которыми определялись границы севастопольского гарнизона. Постановление требовало ускорить восстановление Севастополя как «первоклассной военно-морской крепости» и в связи с особым статусом и предписывало «выделить город Севастополь в число городов республиканского подчинения». Тем самым, как и военная администрация главной базы, отныне и гражданская администрация города замыкалась непосредственно на Москву.

Во исполнение этого решения Президиум Верховного Совета РСФСР 29 октября 1948 года принял Указ о выделении города Севастополя в самостоятельный административно-хозяйственный центр со своим особым бюджетом. На практике с этого времени решения Крымского облисполкома не распространялись на территорию Севастополя.

Все структурные подразделения Севастопольского горисполкома переподчинялись министерствам РСФСР. Разделялась и статистика. Например, сообщалось: «План первого квартала 1951 года по выпуску валовой продукции промышленностью, находящейся на территории Крымской области, выполнен на 103,4 процента, на территории города Севастополя на 100,6 процента».

Если по советской линии город Севастополь существовал самостоятельно от Крымской области с особым режимом прописки и въезда, то городская партийная организация, согласно территориально-производственному принципу построения КПСС, входила в состав Крымской областной парторганизации. Такой принцип действовал на всей территории страны. Воинские части, закрытые города и другие специальные структуры, кому бы они ни подчинялись, в партийном порядке замыкались на политуправления и местные парторганизации.

После передачи в 1954 году Крымской области в состав Украины последовало переподчинение Крымского обкома партии (и, соответственно, Севастопольского горкома партии) ЦК Компартии Украины. Это привело к юридически не обоснованному, одностороннему переподчинению гражданской администрации города Севастополя. К со-

жалению, из-за специфики исторически сложившейся роли КПСС глубоко партийные структуры во многом подменяли государственные и народнохозяйственные. Положение, которое, кстати сказать, тот же Кравчук и руховцы так громогласно обличали!

Однако установление де-факто административного управления Украины в Севастополе не могло означать автоматической утраты жителями города российского гражданства, которое они имели, согласно действовавшей Конституции РСФСР.

По Конституции СССР, функция обороны являлась исключительной прерогативой Союза и его высших органов государственной власти. Вследствие этого никак не изменялся и особый союзный статус Севастополя — главной базы Черноморского флота, которая всегда находилась в ведении Союза ССР. Все решения о развитии оборонного производства в Севастополе принимал Совет Министров СССР. По линии союзных министерств, в первую очередь обороны, осуществлялось основное финансирование на развитие городского хозяйства, строительства жилья.

Таким образом, очевидно, что особый статус Севастополя — главной базы Черноморского флота подтверждается документально. Он никогда не передавался Украине. Правопреемником СССР является Российская Федерация. Следовательно, есть все основания к подтверждению суверенитета России над главной базой Черноморского флота — Севастополя в границах городских земель по состоянию на 1991 год. Попытки искусственно разделить понятия «главная база Черноморского флота» и «Город Севастополь» несостоятельны методологически и практически.

До июня 1995 года Россия отстаивала на переговорах с Украиной точную формулу «Севастополь — главная база Черноморского флота России». Однако в сочинском Соглашении от 9 июня 1995 года появилась принципиально иная — «основная база Черноморского флота России располагается в Севастополе», что позволило Украине толковать документ в ущерб Российской Федерации.

Таковы некоторые фактические материалы по этой злободневной проблеме. Безусловно, есть и будут существовать политики и теоретики, доказывающие неправомерность ранее принятых решений. Но из истории невозможно вычеркнуть свершившееся. Не вычеркнуть же из нее Беловежскую ночь! Она была, и одним из ее трагических результатов является проблема исторического города Севастополя и Черноморского флота.

Но следует помнить, что при подписании Беловежских соглашений признавалась необходимость создания объединенного командо-

вания стратегическими силами, сохранения единого контроля над ядерным оружием и другими видами оружия массового уничтожения. При этом термин «стратегические силы» был четко определен. И в данном, конкретном случае Черноморский флот — это оперативно-стратегическое подразделение ВМФ, которое должно защитить СНГ с южного морского направления. Необходимо подчеркнуть, что вся инфраструктура управления и жизнеобеспечения — единая и неделимая оперативно-стратегическая единица. И всякие попытки разделить флот означают его уничтожение.

Руководство ВМФ России еще в 1992 году предлагало оказать Украине помощь по созданию собственного флота, были даже сформулированы те задачи, для решения которых он необходим ей. Но эти идеи, обсужденные в предварительном порядке, не нашли в дальнейшем развития.

На мой взгляд, есть две причины, которые побуждают руководство Украины на конфронтацию с Россией.

Одна из них — это Крым. 20 января 1991 года состоялся Крымский референдум по вопросу: «Вы за воссоздание Крымской Автономной Советской Социалистической Республики как субъекта Союза ССР и участника Союзного договора?» В референдуме приняли участие 82 процента населения, из которых 93 процента ответили утвердительно на этот вопрос, что составляет $\frac{3}{4}$ крымчан, имеющих право голоса.

Результаты референдума были признаны Верховным Советом Украины, который принял Закон «О восстановлении Крымской Автономной Социалистической Республики». Таким образом, Украина признала право Крыма самостоятельно вступать в государственно-правовые отношения и договорные союзы с другими субъектами тогда единой страны — СССР.

17 марта 1991 года на Всесоюзном референдуме 87 процентов населения полуострова высказались за сохранение СССР как обновленной федерации равноправных суверенных республик.

4 сентября 1991 года Верховный Совет Крыма принял «Декларацию о государственном суверенитете Крыма», но закон Украины «О статусе Автономной Республики Крым» от 29 апреля 1992 года намногу ограничил ее права.

В мае 1992 года была принята Конституция Республики Крым, которая вызвала резкие нападки украинских националистов и в то же время не получила поддержки от исполнительной власти России.

В конце мая того же года законодательная власть России в лице ее Верховного Совета заслушала доклад специальной комиссии о право-

вой оценке решения 1954 года, из которого следовало, что при его подготовке и принятии Верховный Совет РФ в полном соответствии с действующими международно-правовыми нормами и на основании Венской конвенции принял свое постановление о неконституционности и отменил решение о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР.

Затянувшиеся разногласия между Крымом и Украиной при полном самоустранении России из переговоров привели к затяжному политическому кризису. В этих условиях правительство Украины в августе 1995 года принимает постановление «О мерах по разрешению политико-правовых, социально-экономических и этнических проблем в Автономной Республике Крым», которое в целом направлено не на преодоление экономических трудностей, вызванных кризисным положением в социально-экономической сфере Украины и усугубленных в Крыму переселением бывших депортированных граждан и их потомков на полуостров, а на создание этнических «союзников». К ним, к «коренному» населению, отнесены украинцы, которые переселились в Крым, в основном, после 1945 года, крымские татары, караймы и крымчаки, а к некоренным — русские и все остальные.

Кроме того, принятые решения предполагают закрепление на уровне законодательства Украины особого статуса Меджлиса крымско-татарского народа и его вхождение в политико-правовое поле Украины. В Постановлении правительства Украины ставится вопрос об обязательном представительстве депортированных народов, и, прежде всего крымских татар, в органах исполнительной власти, то есть явное стремление к государственному строительству по этническому принципу в многонациональном регионе.

Итак, Киев стремится изменить этнополитическую ситуацию на полуострове и превратить в исторической перспективе Республику Крым в крымско-татарское государство в составе Украины. Но при этом, мне кажется, совершенно не учитываются современные тенденции пантюркизма и не оцениваются последствия предпринимаемых действий для Украины и всего Причерноморского региона.

Недальновидная политика украинского руководства в этом вопросе наглядно подтверждается недопустимыми публикациями в печати. Говорю «недопустимыми» сознательно, так как есть темы, которые не должны поощряться государством. К ним в первую очередь относится все то, что разжигает национальную ненависть. Не буду импровизировать в столь щекотливом вопросе, тем более что с глубоким уважением отношусь к украинцам. У меня много украинских друзей, детство и юность я провел вместе с ними. Приведу лучше инфор-

мацию, почерпнутую из официальных изданий и показывающую позицию властей и поддерживаемых ими научных авантюристов.

В 1997 году в газете «Голос Крыма», являющейся приложением к издаваемой Верховной радой Украины газете «Голос Украины», была напечатана серия статей доктора исторических наук В. Возгрина. Публикация была настолько возмутительной, что Верховный Совет АР Крым вынужден был принять в этой связи особое постановление. В нем, в частности, говорится: «...Указанная работа, как и предыдущие публикации В. Возгрина о Крыме, характеризуется откровенной славянофобией и русофобией, отсутствием научного подхода, подтасовкой фактов, их прямой фальсификацией, избытком фактических ошибок и неточностей...

...В. Возгрин вслед за идеологами национал-социализма Гитлером, Гиммлером, Геббельсом, Розенбергом и другими — обосновывает идею о якобы присущих отдельным этносам отрицательных природных началах, которые определяют место данных этносов в историческом процессе и их ответственность за политические деяния отдельных представителей этих этносов и некоторых политических организаций. В отличие от своих идейных предшественников, видевших природных врагов в евреях, В. Возгрин приписывает широкий комплекс негативных природных качеств, вытекающих из “глубинной, сокровенной воли этноса”, славянским народам, и прежде всего русскому. В частности, в его работе обосновывается мысль о том, что им присущи такие отрицательные и опасные качества, как немотивированная агрессия, чувство экспансии, стремление подавить и уничтожить другие этносы. Автором последовательно проводится идея об антагонистических противоречиях между славянами и крымскими татарами, об агрессивном противостоянии в Крыму их культур».

В своем обращении в Государственную думу России руководство парламента Крыма пишет: «В связи с тем, что подобные действия, способствующие разжиганию межнациональной розни и ненависти к русскому народу и русским, проживающим в странах СНГ и Балтии, могут иметь место со стороны не только В. Возгрина, но и других научных работников и государственных служащих Российской Федерации, Верховный Совет Автономной Республики Крым обращается к Вам с предложением проанализировать деятельность государственных учреждений Российской Федерации, отдельных государственных служащих, научных учреждений и научных работников, направленную на разжигание межнациональной розни, антиславянских, антирусских настроений в Украине и Автономной Республике Крым, в других государствах СНГ и странах Балтии».

Последствий таких «научных» разработок недолго ждать. К тому же к этой «теоретической» основе добавляется политика киевских властей.

Еще свежо в памяти, как украинские националисты с восторгом встречали первых крымско-татарских репатриантов. «Вот та сила, которая поможет нам выгнать из автономии всех русских», — говорил один из их лидеров Вячеслав Чорновил.

Прошли годы, и сейчас можно сказать, что он был прав. Крымско-татарский Меджлис имеет представительство при Президенте Украины, активно ведет сепаратистскую политику в Верховном Совете Крыма. Задача сформулирована четко и открыто: создать крымско-татарское государство под покровительством Турции и выйти из состава Украины.

Лозунг: «Это территория наших предков, мы на ней хозяева, а вы ныне — чужаки», — претворяется в жизнь настойчиво и жестко. Идет самозахват земель, организуются массовые беспорядки, избиваются люди славянской внешности, блокируются административные здания. Власть показывает (на мой взгляд, сознательно) свою беспомощность. До суда доходят единицы уголовных дел. По всей вероятности, украинские власти в слепой ненависти к русским согласны отдать Крым крымским татарам и создать там «дружеское» Украине государство.

Наблюдая за событиями, происходящими в Крыму, за агрессивной позицией крымских татар и отношением к этому киевских властей, невольно обращаешься к нашей истории.

Во время Второй мировой войны воюющие страны в целях своей безопасности были вынуждены интернировать людей, принадлежавших к этносу стран-противников. Так было в Англии с немцами, в Соединенных Штатах Америки — с японцами. Советских немцев переселили из Европейской части страны на Восток — в Сибирь, Казахстан, Среднюю Азию.

Кроме того, известно, после освобождения Красной Армией территорий, временно оккупированных Германией, за сотрудничество с фашистами были выселены крымские татары и ряд народов Северного Кавказа и некоторых других регионов.

В дальнейшем политическое руководство СССР дало оценку действиям Сталина, осудив его решения, в соответствии с которыми были наказаны целые народы, а не конкретные виновники содеянных преступлений. Депортированным народам разрешили вернуться на свои территории. Но это не значит, что такие действия государства в условиях жесточайшей войны родились на пустом месте. Вот, например, передо мной находится монография «Мировые войны XX века». Кни-

га 4-я. В докладной записке наркома внутренних дел СССР Государственному Комитету обороны И. Сталину в мае 1944 года говорилось:

«Следственным и агентурным путем, а также заявлениями местных жителей установлено, что значительная часть татарского населения Крыма активно сотрудничала с немецко-фашистскими оккупантами и вела борьбу против Советской власти...

Немецко-фашистские оккупанты при помощи прибывших из Германии и Турции белогвардейско-мусульманских эмигрантов создали разветвленную сеть так называемых «татарских национальных комитетов», филиалы которых существовали во всех татарских районах Крыма.

«Татарские национальные комитеты» широко содействовали немцам в организации сколачивания из числа дезертиров и татарской молодежи татарских воинских частей, карательных и полицейских отрядов для действий против частей Красной Армии и советских партизан. В качестве карателей и полицейских татары отличались особой жестокостью.

На территории Крыма немецкие разведывательные органы, при активном участии татар проводили большую работу по подготовке и заброске в тыл Красной Армии шпионов и диверсантов.

«Татарские национальные комитеты» принимали активное участие вместе с немецкой полицией в организации угона в Германию свыше 50 тысяч советских граждан, проводили сбор средств и вещей среди населения для германской армии и проводили в большом масштабе предательскую работу против местного нетатарского населения, всячески притесняя его.

Деятельность «Татарских национальных комитетов» поддерживалась татарским населением, которому немецкие оккупационные власти предоставляли всяческие льготы и поощрения».

Сейчас другие времена и методы борьбы крымских татар с русскими и украинцами в Крыму иные, чем шестьдесят лет назад. Но историю нужно знать и делать из ее уроков обязательные выводы. Ей нельзя мстить, как это делается в настоящее время в Крыму. Иначе мы зайдем слишком далеко и попадем в тупик.

Второй причиной конфронтации с Россией являются притязания Украины на статус державы, оказывающей влияние на европейскую политику, для чего пока нет ни экономических, ни политических предпосылок. Сейчас Украина пытается провозгласить себя морской державой, хотя никогда до выхода из СССР не имела флота.

Таким образом, определились место и роль Черноморского флота в военно-политической стратегии Украины. На побережье Черного

моря расположено шесть независимых государств (Турция, Грузия, Россия, Украина, Румыния и Болгария). Острая борьба стран за укрепление своих позиций в этом регионе, за контроль над проливами Босфор и Дарданеллы уже не раз приводила к серьезным военным конфликтам.

После 1991 года Россия вывела свой флот из Средиземного моря. Хотя реального противника, т.е. наших военных кораблей, там не осталось, 6-й флот США по-прежнему базируется в Италии, контролируя всю военно-политическую обстановку Средиземноморья. В руках американцев, по существу, и выход через проливы из Черного моря. Но для оказания влияния на государства Черноморского региона США необходим контроль и над и входом через те же проливы в Черное море.

И в этой связи очень важен Севастополь как база нашего флота. Она занимает доминирующее положение на море. Все остальные направления, согласно стратегическим выкладкам, равноудалены от Севастополя, и военно-морские силы, базирующиеся здесь, могут держать под контролем весь бассейн Черного моря.

В середине 80-х годов корабли 6-го флота США неоднократно пытались продемонстрировать свой флаг в Черном море. И только активное противодействие Черноморского флота мешало этому. Сейчас американские политики и адмиралы объявили Черное море зоной жизненных интересов США. В этом — одна из причин того, почему так настойчиво идет привлечение стран, ранее входивших в Варшавский договор, и бывших республик СССР в НАТО. Не следует забывать и о возросшем военно-морском потенциале Турции, за которой опять же стоит 6-й флот США и флоты стран — членов НАТО.

Роль и место Черноморского стратегического направления можно проиллюстрировать двумя примерами из истории.

Первый пример. Крымская война 1853—1856 гг. Как только англо-франко-турецкая коалиция добилась превосходства на море, а военное командование России недооценило в этом конфликте решающей роли флота, война была проиграна. И это несмотря на победу при Синопе и Карсе, героическую оборону Севастополя.

И второй. В XVIII веке Россия вела бесконечные войны с Турцией, защищая свои южные рубежи и пытаясь выйти к морю. И вот в кампанию 1768—1774 гг. одновременно с действиями сухопутной армии под командованием П.А. Румянцева против Турции был предпринят широко и смело задуманный маневр. Его инициатором был граф Алексей Орлов, который подал Екатерине II мысль напасть на владения Османской империи с юга, снарядив морскую экспедицию в

район греческого Архипелага. Одержав там ряд побед, в том числе и при Чесме, эскадры русского флота осуществили блокаду пролива Дарданеллы, обеспечив подписание выгодного для России Кучук-Кайнарджийского мира.

Это история, и она говорит о том, что ни в коем случае Правительству России нельзя недооценивать важности Черноморского стратегического направления для национальной безопасности страны.

По инициативе депутатов — членов Комитета по делам СНГ и связям с соотечественниками Государственная дума первого созыва, проведя консультации с ведущими военными специалистами, пришла к выводу о невозможности совместного базирования Черноморского флота России и ВМС Украины в акватории Севастополя и в апреле 1995 года приняла Федеральный закон «О моратории на одностороннее сокращение Черноморского флота», который в мае 1995 года был отклонен Советом Федерации.

В октябре того же года Государственная дума приняла Федеральный закон «О приостановлении одностороннего сокращения и об обеспечении содержания Черноморского флота», который также был отклонен Советом Федерации. В феврале 1996 года Государственная дума второго созыва преодолела вето Совета Федерации, но закон был возвращен президентом без рассмотрения. Государственная дума настаивала на необходимости принятия данного закона и отмечала, что бассейн Черного моря имеет ключевое значение для обеспечения геополитической устойчивости России на юге.

В апреле 1996 года, в разгар президентской предвыборной кампании, распоряжением Президента РФ раздел Черноморского флота был приостановлен, так как украинская сторона пыталась навязать России неприемлемую формулу раздела бухт и всей инфраструктуры Черноморского флота в Севастополе. По-видимому, кто-то напомнил Ельцину, что он «гарант» Конституции и Верховный главнокомандующий Вооруженными силами страны, следовательно, обязан отстаивать национальные интересы России.

Я считаю, что Сочинские соглашения о разделе Черноморского флота, подписанные президентами Российской Федерации и Украины и предусматривающие раздельное базирование ВМС этих государств, нарушены украинской стороной в одностороннем порядке. Несмотря на то что у Украины есть неплохие морские базы в Одессе, Очакове и других местах, она настаивала на базировании своего Черноморского флота в Севастополе. Базирование двух флотов в одной Севастопольской бухте с военной точки зрения недопустимо, так как ВМС Украины могут в любой момент блокировать наш флот, нейтра-

лизовать системы его жизнеобеспечения и его действия как оперативно-стратегического объединения Вооруженных сил России.

С января 1992 года между Россией и Украиной было подписано восемь соглашений и протоколов по разделу Черноморского флота, в том числе Сочинское, ни одно из них не представлялось парламенту на ратификацию.

Все это противоречит федеральному закону, в соответствии с которым подлежат обязательной ратификации все договоры, затрагивающие обороноспособность Российской Федерации, а также относящиеся к вопросам контроля над вооружениями.

В конце мая 1997 года был подписан «большой договор», то есть Договор о дружбе и сотрудничестве между Россией и Украиной. Как я уже говорил, переговоры о его заключении велись много лет и были связаны с немалыми трудностями.

Что же получили страны в результате подписанного «большого договора»? Стоит перечислить три основных вопроса, которые легли в его основу: о разделе флота; об условиях аренды военно-морских баз в Севастополе; об условиях оплаты за переданные России суда и аренду баз.

По первому пункту Украина получила чуть меньше 20 процентов флота, а Россия выкупит все остальные корабли примерно за 500 млн долларов. Эта сумма будет вычтена из долга Украины России. По второму — Россия получила в аренду на 20 лет Севастопольскую, Казачью и Карантинную бухты. И по третьему — Москва должна будет заплатить за аренду этих баз за 20 лет 2,5 млрд долларов. Эта оплата также будет произведена в счет зачета долга Украины России за полученные нефть и газ.

Отступив от Сочинских соглашений 1995 года, Россия отказалась от принципа раздельного базирования флотов и признания Севастополя основной базой российского Черноморского флота. Все это может привести к постоянным конфликтам как в городе, так и в акватории порта. Но договор очень выгоден Украине, ее прозападной элите, так как на уровне международного права закрепляет ее нынешние границы и принадлежность ей Крыма и Севастополя. Подписанный договор оставил «за скобками» немало военных и социальных вопросов.

Севастополь и Черноморский флот стали постоянной разменной монетой в политических осложнениях между нашими странами. В конце 2005 года разразилась «газовая» война — на решение России поднять цены на поставляемый в Украину газ немедленно поступило заявление ее властей, что будут пересмотрены экономические условия базирования российского Черноморского флота. Не понравились не-

которые действия наших моряков и жителей Севастополя — начался захват российских маяков и т.д.

Я думаю, нельзя считать, что договор действительно решил все проблемы взаимоотношений России и Украины. В чем-то он даже усугубил их. На мой взгляд, они могут быть разрешены только в том случае, когда в обеих странах придут действительно правительства, целью которых будет восстановление взаимопонимания и дружбы двух народов. Только тогда отпадут все надуманные проблемы во взаимоотношениях России и Украины.

В целом России необходимо не только твердо отстаивать свои права, но и учитывать принципиально новую военно-политическую ситуацию в Черноморской зоне. Запад и США через Турцию и Украину добиваются фактического вытеснения России из бассейна Черного моря. Все это сопровождается повышением военно-морской активности блока НАТО: проводятся многочисленные учения с использованием авиации по контролю за морскими коммуникациями, высадками десанта на побережье. Но это не только учения, а еще и глубокая разведка: изучение стратегического района, сбор сведений о радиолокационном оборудовании, выявление «мертвых зон» в системах наблюдения и обороны и т.п.

Таким образом, юг России теперь непосредственно соприкасается с произвольно устанавливаемой зоной ответственности НАТО, что кардинально меняет баланс сил в регионе в неблагоприятную для России сторону, сводит на нет результаты соглашений о сокращении вооружений в Европе. При этом следует учитывать, что без тесного взаимодействия с Черноморским флотом, его главной базой — городом Севастополем — сухопутные группировки войск на Северном Кавказе и в Закавказье не могут обеспечить надежную защиту национальных интересов России.

Контроль над бассейном Черного моря обеспечивает и экономическую безопасность России, так как оно играет роль мировой коммуникации по экспорту энергоносителей из Азии в Европу. Ослабление позиций России в регионе приводит к его активному использованию международными террористическими группировками для транспортировки оружия, наркотиков, разжигания национализма и сепаратизма внутри страны.

Вот основные факторы, которые должны, на мой взгляд, учитываться при формировании политики России в Черноморской зоне.

Сложные вопросы Крыма, Севастополя, проблемы национальных отношений народов России и Украины не должны рассорить наши братские народы. Мы вышли из одного гнезда и исторически должны быть вместе. Правители приходят и уходят, а народ живет вечно.

Народ Украины начинает прозревать. Очередной восторг «оранжевой» революцией сменился горькими буднями. Люди быстро удостоверились, что их в очередной раз обманули.

Наиболее убедительно об этом говорят события, произошедшие в Крыму летом 2006 года. По решению Президента Украины В. Ющенко в июне 2006 года в районе Феодосии должны были проводиться учения с участием НАТО в рамках «Партнерства во имя мира». Но официальный представитель НАТО Джеймс Аппатурой заявил, что их организация не имеет никакого отношения ни к проведению в Крыму учений «Си Бриз—2006», ни к прибывшим на полуостров американским военным и их грузам.

В связи с этим в Крыму произошли серьезные антинатовские и антиамериканские выступления. Их эпицентром была Феодосия. Бессрочный пикет блокировал феодосийский порт, куда американский военный корабль доставил технику и вооружение. Горожане не давали вывезти груз из порта, поскольку считали совместные с американцами, а также рядом других стран НАТО, запланированные на нынешнее лето военные учения незаконными. Но и в том случае, если Верховная рада Украины даст разрешение на проведение учений, крымчане не желали видеть на своей земле чужие и явно не дружественные войска. Особенное возмущение вызвала информация о легенде учений, по которой, десант «мироотворцев» должен нейтрализовать на полуострове «мятеж сепаратистов».

Проведя два дня в санатории Министерства обороны «Дружба» города Алушты, его покинули 109 американских морпехов. Все это время они были фактически заблокированы в здании местными жителями, требовавшими, чтобы американские военные убралась из их города. А обслуживающий персонал санатория отказался готовить для американцев еду и убирать их номера. Более того, на вторые сутки пребывания незваных гостей им отключили электричество и канализацию. Отъезд янки из Алушты более всего напоминал бегство. Горожане приветствовали это бегство радостными криками, добавляя, однако, что протесты не закончатся, пока все военнослужащие и военный груз не будут вывезены из Крыма.

«Тайными тропами», оберегая от протестов и пикетов, морпехов доставили в Феодосию, где на осадном положении проживали около 150 их сослуживцев. Пикетчиков санатория, ставшего местообитанием чужих военных, попытались было разогнать с помощью милиции. Однако находившиеся среди протестующих депутаты Верховной рады Украины и Верховного Совета Крыма смогли не допустить развития этого конфликта.

Работники санатория сообщили, что американцы закрылись на своем этаже, где выставили охрану, не пускают в свое «расположение» местный персонал и питаются сухими пайками.

Акции протеста охватили и другие крымские города, а принимавшие в них участие тысячи граждан прибывали не только из Крыма, но и из Донецка, Днепропетровска, Одессы, Запорожья.

В конечном итоге американцы, несолоно хлебавши, погрузились на зафрахтованный корабль и ушли в неизвестном направлении, покинув негостеприимные крымские берега и упрямый народ, не желавший видеть иностранные войска на своей земле, щедро политой русской кровью.

Возвращаясь к путям приобретения «незалежности», можно уверенно сделать вывод, что в Украине, как и во всех других советских республиках, кроме Белоруссии, произошел переворот — были сломаны государственные структуры, которые существовали в соответствии с действовавшей Конституцией, радикально изменился общественно-политический строй, что принесло многолетние беды простому люду.

Хочу еще раз подчеркнуть, что, конечно, «корень зла» Беловежского сговора в том, что руководители трех республик любыми путями стремились к полной единоличной власти. Возможность трагических последствий этого соглашения для судьбы государства и его трехсотмиллионного народа, которую, в общем-то, легко можно было предвидеть, ни на одно мгновение не остановила их. Вот что значат себялюбие и эгоизм в политике! Вот почему необходима сильная представительная ветвь власти, которая должна, кроме прочих своих функций, контролировать деятельность исполнительных органов власти и пресекать любое самодурство на государственном Олимпе.

2. РУССКИЙ ЯЗЫК И УКРАИНСЬКА МОВА

Этот раздел главы я хотел бы начать с такой шутки-были. На одном высоком собрании в столице незалежной Украины председатель собрания обращается к присутствующим с вопросом: «Чи є в залі москалі?» Ответ: «Немає». — «Тоді переходимо на російську мову».

Эта шутка показывает реально сложившееся положение с русским языком в Украине. В бывшей советской республике сегодня имеется противостояние не только между Востоком и Западом, между различ-

ными политическими пристрастиями, но и по наиболее осязаемым проблемам, в том числе по языковому признаку.

Как и в Прибалтике, в Украине в конце 80-х и 90-х годах прошлого века вопрос о русском и украинском языках был взят на вооружение националистическими движениями и их лидерами. Они всячески подчеркивали верховенство украинского языка как основы национального самосознания, духовности украинцев. Одновременно с этим в республике разрасталась «языковая нетерпимость», перерастающая в настоящий «лингвистид» по отношению к русскому языку. Все это раскрутило виток махрового национализма, который явился источником и питательной средой обострения межнациональных отношений. Вот так язык стал политическим рычагом в жизни Украины.

В предыдущих главах я подробно останавливался на этой проблеме в прибалтийских государствах. Но переносить полностью ситуацию с русским языком, сложившуюся у них, в Украину, безусловно, нельзя. Это регионы, в которых исторически существовали свои языки, и русский там возник в силу вхождения их в Российскую империю, в Советский Союз, а также миграционных процессов.

Говоря о проблеме русского языка и украинской мовы в Украине, полагаю, есть необходимость оглянуться на нашу общую историю. Иначе трудно дать оценку этому вопросу, который благодаря сторонникам политиканов-националистов перерос в большую политическую и гуманитарную проблему.

Юго-запад России был колыбелью русской государственности. Население этого края с тех времен называло себя русскими. В XIII веке, после татарского нашествия, единая Русь оказалась разделенной на две части, получившие название Малой и Великой Руси. Наименования «Малая Русь» и «Великая Русь» пустили в обиход византийские греки, которым для продолжения церковных отношений потребовалось отличать одну ее часть от другой. По их тогдашним понятиям, «малая» — значит «исконная», «изначальная», где изначально пребывал народ и зарождалась его собственная цивилизация. «Великая» — это область дальнейшего распространения этого народа и расширение его владений.

Как известно, Малая Русь длительное время пребывала под иностранным владычеством, но народ твердо хранил и отстаивал свою православную веру. Вплоть до 1917 года население Малой Руси считало себя принадлежащим к одной из трех ветвей триединого русского народа.

Впервые в Малороссии попытки писать на языке, отличном от литературного русского, приходится на вторую половину XIX века, ког-

да сюда пришло общее для того времени стремление просвещать народ посредством издания для него литературы на привычном для него языке бытового общения.

Между тем разговорная сельская «мова» исторически сложилась в оккупированной поляками юго-западной Руси в XV—XVII веках. Ее стали использовать русские крепостные крестьяне Речи Посполитой. Приспосабливаясь к языку помещика, польского пана, они в общении с ним и его польской челядью постепенно перешли на разговорный русско-польский жаргон, который намного позже получил название украинского языка. Как уже было сказано, во второй половине XIX и начале XX века этот «суржик» (разговорная смесь) усовершенствовались, создав литературный язык.

В послереволюционное время цели украинских самостийников и большевиков совпали: скорее покончить с ненавистными тем и другим старыми российскими порядками и со всем тем, что могло бы напомнить о прежней России. В первую очередь на вооружение был взят атеизм. Он разрушил то, что объединяло этот народ, — православие. Именно православная вера, общая вера малороссов и великороссов, препятствовала попыткам врагов России вынудить население Малой Руси изменить свой национальный культурный и духовный облик.

Вытеснению и замалчиванию великой русской культуры — несмотря на то что она создавалась совместно всеми социальными слоями русского народа и должна принадлежать всем — способствовала установка на полный разрыв с дореволюционной Россией, ее историей, наследием, преданиями. Стремление разрушить «до основания» прежний порядок вещей, а затем на его месте строить «новый мир» развязало руки национал-сепаратистам Украины.

Рождение и дальнейшее существование украинского языка использовалось на различных этапах истории для достижения определенных политических целей. Так, Австро-Венгрия с его помощью добивалась противостояния и разъединения русского и украинского народов. Подобная цель была и у панской Польши. Украинские сепаратисты-националисты в XIX—XX веках использовали его для попытки создания отдельной от России «незалежной» Украины.

Пыль с этих идей прошлого стряхнули «самостийники» перестроенного времени. А сейчас развернулась жесточайшая борьба с русским языком и противопоставление ему с «государственной» мовы нынешними украинскими властями. Цель у этих разных сил была одна и та же — представить Россию в качестве врага Украины, а Запад — ее другом.

Недалек от деятелей, которые поставили языковую проблему на службу «дерусификации Украины», был Альфред Розенберг, министр оккупированных областей востока, видный идеолог нацизма. В своих планах расчленения СССР он придавал большое значение пробуждению «национального самосознания» в Украине, враждебного истории и культуре России, ее языку. Для этих целей в его министерстве был создан учебник по истории Украины, украинцам разрешили вести занятия в школах на украинском языке. Розенберг предложил даже открыть в Киеве университет и создать широкую сеть технических вузов и техникумов на всей территории Украины. Для русских же областей в городах было разрешено открывать лишь семилетние общеобразовательные школы, а в сельской местности — только четырехлетние начальные школы. На открытие университета в Киеве не дал согласия Гитлер. Розенберг же, как известно, закончил свой жизненный путь на виселице...

Говоря о связи оголтелого национализма с языковой проблемой, поставим вопрос: почему не проходят эти уродливые процессы уничтожения русского языка в Белоруссии? Ведь там, как и в Украине, живет братский, единокровный народ. Ответ довольно прост: в этом ныне суверенном государстве нет белорусских националистов, а если и есть небольшая прослойка, то ее идеи не воспринимаются подавляющим большинством населения.

Мина замедленного действия по противостоянию украинской мовы и русского языка, противостоянию украинцев и русских, противостоянию Украины с Россией сознательно заложена в действующую Конституцию Украины. Русский язык отнесен к языкам национальных меньшинств, и это в стране, где этнических русских проживает более 12 млн человек! Русский язык считают родным около 30 процентов населения страны, в том числе почти 15 процентов этнических украинцев.

Согласно исследованию, которое в 2005 году провели Киевский международный институт социологии и фонд «Демократические инициативы», в повседневном общении русский язык используют 38 процентов граждан Украины, а украинский — только 34 процента. На обоих языках в зависимости от обстоятельств говорят 27 процентов украинцев. Сходные данные получены и об использовании языка на работе — только по-русски говорит одна треть граждан, только по-украински — 30 процентов, а 22 процента трудящихся разговаривают на службе попеременно на двух языках.

Надо полагать, что руководители страны постсоветского периода — Кравчук, Кучма и Ющенко — были информированы своими специалистами, что в мире есть страны, где для поддержания мира и стабильности введено два и более государственных языков: Канада — английский и французский, хотя франкоговорящих всего 14 процентов; Финляндия — финский и шведский, хотя шведов в стране всего 6 процентов. В Индии два государственных языка — хинди и английский, хотя англичан там сейчас совсем незаметно; Швейцария — сразу четыре языка имеют равные права.

Совершенно очевидно, что и после победы «оранжистов» в Украине сохранится курс на создание в перспективе моноэтнической нации. Многие политики в Украине и в России считают, что нынешний внутриукраинский раздор по языковому вопросу может привести к разрушению единого государства. Консолидация же народа по языковому принципу после придания русскому языку статуса второго государственного могла бы принести Киеву большие политические дивиденды.

Большинство населения страны в отличие от ее политиков не видят ничего плохого в том, чтобы законодательно закрепить за русским языком тот статус, который он имеет исторически. В 2005 году Киевский международный институт социологии по заказу Центра стратегического планирования провел опрос на эту тему. Выяснилось, что 58 процентов украинцев согласны с тем, что русский язык в Украине должен иметь статус государственного. Не согласны — 37 процентов. Правда, мнения опрошенных украинцев распределились совсем неравномерно с географической точки зрения. Если на востоке и юге Украины за статус государственного для русского языка высказались до 90 процентов опрошенных, то в западных регионах страны около 80 процентов были категорически против этого.

На взгляд многих политиков и общественных деятелей Украины, принятие специального закона о статусе русского языка ничего не даст. Даже если он и будет принят, что трудно ожидать от нынешнего парламента, найдутся 50 депутатов Верховной рады, чтобы направить его в Конституционный суд, который, как показало время, достаточно ангажирован в этом вопросе.

Только изменения Конституции, и конкретно статьи 10, дадут необходимые правовые гарантии для полноценного функционирования русского языка в Украине. Для придания конституционного статуса русскому языку требуется провести имеющий юридическую силу референдум. При этом важно инициировать не консультативный, а полноценный референдум прямого юридического действия по внесению

изменений в Конституцию Украины. Иные формы этой акции при любых масштабных усилиях и затратах не имеют смысла.

Вопрос референдума предлагают сформулировать так: «Согласны ли вы с внесением изменений в статью 10 Конституции, изложив ее первую часть так: “Государственными языками в Украине являются украинский и русский языки”?»

Речь идет в конечном итоге не только о сохранении мощного исторического фактора, основанного на тысячелетних духовных и культурных достижениях народа, что само по себе очень ценно. Но еще более важно: пойдет ли Украина по пути построения демократического государства, в котором каждому гражданину будут обеспечены его неотъемлемые языковые права.

На многочисленные требования придать государственный статус русскому языку и прежние, и нынешние украинские власти неизменно отвечают ссылками на количество театров, учебных заведений, книг и т.д., будто бы гарантирующих вполне удовлетворительное положение «русской мовы». Власть пытается загнать проблему внутрь, но она неминуемо вырвется наружу. Причем в новой и куда более острой форме, чем это случилось во время прошедших президентских выборов. Не проще ли решить проблему сейчас, закрепив государственный статус русского языка в Конституции Украины? Хотя бы для того, чтобы не ставить под удар целостность страны.

К сожалению, у киевских властей иная позиция. «В Украине не существует проблемы русского языка», — заявил президент Виктор Ющенко. По его словам, дискуссия вокруг данного вопроса имеет «исключительно политический» и «спекулятивный» характер. Ему вторят высокопоставленные, националистически настроенные соратники, общественные деятели, руководители различных институтов и центров.

В 2006 году в Украине после весенних выборов в парламент страны произошли большие политические события. После длительного противостояния, создания различных коалиций и блоков и их распада в конечном итоге во главе правительства стал В. Янукович. В России хорошо помнят один из его основных политических тезисов — придание русскому языку статуса государственного. Благодаря такому обещанию русские в Украине дружно проголосовали на выборах за его партию.

Время идет. Мы прекрасно понимаем, что партия и фракция В. Януковича в парламенте не имеет конституционного большинства. Но ведь было же сделано четкое, жесткое заявление по вступлению Украины в НАТО. И в решении этого вопроса тоже должна

быть проявлена твердая политическая воля. В противном случае неизбежно возникнет очередное разочарование русских и в Украине, и в России.

Гонения на русский язык неизбежно скажутся на уровне развития нации, ее образования и культуры в Украине, на ее конкурентоспособности в современном мире. Между тем процессы, происходящие в этих сферах, чреваты крупными проблемами и для государства, и для населения. Посмотрим, например, что происходит на самом деле в Украине в области образования? Сейчас основной удар приходится на русскоговорящего человека. Русскоязычные учебные заведения Украины тают на глазах. Процесс приобрел лавинообразный характер. Последнее десятилетие русскоязычные школы в Украине живут в режиме ожидания. Ожидают они только двух вещей: либо того, что их, как и большинство других собратьев по несчастью, закроют, либо что власти сжалятся над ними.

Судя по официальной статистике, с 1992 года число общеобразовательных школ с русским языком обучения сократилось более чем в два раза. В 1992 году их насчитывалось 3364 (16 процентов от общего числа), то в 2004 году — 1411, или только 6 процентов. Если говорить о количестве обучающихся на русском языке, то в 1992 году их было 48 процентов от общего числа учеников общеобразовательных школ, а в 2004 году — 22 процента.

Приведенные данные относятся в целом к Украине. В отдельных регионах положение значительно хуже, можно сказать, катастрофическое. Даже в Киеве из 150 русских школ, которые действовали еще в начале 1990-х, на сегодняшний день осталось только 8. Так, на западе Украины в восьми областях на 180 тысяч русскоговорящего населения лишь 15 школ, а в некоторых — таких, как Ровненская, Тернопольская, Хмельницкая — не осталось ни одной русской школы. Отсутствуют в областях и национальные детские сады. Закрыты почти все русские театры, а на весь регион приходится один Русский культурный центр, расположенный во Львове. Его помещение регулярно громят и поджигают местные националисты.

В некоторых областях власти пошли еще дальше. Городской совет Ивано-Франковска вообще запретил русский язык в учебных заведениях. Таким путем депутаты проявили заботу о развитии украинского языка. Они убеждены, что украинская мова лишь тогда расцветет пышным цветом, когда с корнем вырвут русский язык — тот сорняк, который затмевает солнце их единственному достойному использованию языка. Принятая ими программа обязывает детей общаться только на украинском языке. При этом пострадали не только рус-

скоязычные, но и польские школьники тех классов, где обучение проводилось на их родном языке. Эти требования распространяются и на Институт филологии Прикарпатского национального университета имени Стефаника. Продумана и система контроля в старых «добрых» традициях доносительства, для чего создан специальный «Комитет общественного языкового контроля» с привлечением общественных организаций. Горсовет Ивано-Франковска обнародовал номера телефонов, по которым все национально-сознательные жители должны информировать этот комитет о «языковых нарушениях».

Каждый год статус русскоязычных теряет около 130 учебных заведений. При этом технология закрытия во всех случаях примерно одна и та же: если школа отказывается перейти на украинский язык, то после предупреждения ее просто закрывают. На этом фоне учебные заведения, где русскому языку удалось сохраниться хотя бы в качестве дополнительного предмета, воспринимаются как чудо.

Что касается высшего образования, то в Украине сейчас нет ни одного украинского вуза с официально применяемым русским языком.

Между тем между Украиной и Россией существует договоренность о том, что количество русскоязычных школ в Украине должно соответствовать доле русского населения, проживающего в этой стране. То же самое — в отношении украинских школ в России. Но пропорции эти давно нарушены. К примеру, во Львове в начале 1990-х, где численность русских составляла примерно 160 тысяч (из 800 тысяч всего населения), существовало 25 русскоязычных школ и 75 украинских. Сейчас же русских школ там всего пять. В целом в Украину, где проживают свыше 12 миллионов этнических русских, теперь приходится около полутора тысяч русских школ. Конечно, украинская сторона часто возражает, что 6 миллионов проживающих в России украинцев не имеют и половины тех учебных заведений, что были открыты для русских в Украине. Это верно, но представители российской стороны считают, что потребность украинцев, проживающих в России, в изучении родного языка полностью удовлетворена. В российской столице существует восемь общеобразовательных школ с национальным украинским компонентом, хотя полностью украинского учебного заведения в российской столице нет ни одного. Связано это прежде всего с тем, что проживающие здесь украинцы понимают: их дети будут конкурентоспособны в России, только свободно владея всем комплексом образовательных дисциплин на русском языке.

В других же регионах, скажем, в Тюменской области, Краснодарском или Приморском краях, полностью украинские школы суще-

ствуют. Более того, в отличие от русских учебных заведений в Украине их не пытаются закрыть. Споры на эту тему могут идти без конца, особенно если учесть, что языковой вопрос в Украине — проблема не столько образовательная, сколько политическая. Следует сесть за стол переговоров и с холодной головой решать возникающие вопросы.

Драматичная языковая ситуация сложилась в Крыму. Проблему обострил лично премьер Автономной Республики Крым Анатолий Матвиенко, соратник и ставленник Юлии Тимошенко. Лидер правой партии «Собор» в Киеве общался только по-украински. Свою первую публичную речь в день утверждения Крымским парламентом новый премьер произнес по-русски. На этом русский исчез из его речей, но не из действий — разрушительных, конечно. Премьер пригрозил уволить 114 работников Крымского правительства, если они в ближайшее время не выучат украинскую мову. Он заявил, что за пять лет мышление крымчан будет переведено на украинское на подсознательном уровне.

Соратники Матвиенко говорят, что «через пять лет среди крымской молодежи будет модно говорить по-украински. Давайте говорить откровенно: общение на украинском языке будет органичным для нового поколения молодых ребят. А тех людей, которым за 50, наверное, уже не переделать».

Для воспитания этого самого «нового поколения» и закрывают в Крыму русские школы. Как сообщил министр образования автономии Александр Глузман, в ближайшее время будет реорганизовано около 25 школ «с украинским и русским языками обучения». Постепенно эти школы будут полностью переведены на украинский язык обучения. Сейчас в Крыму действует 600 школ с обучением на русском языке, 14 — на крымско-татарском и 6 — на украинском. Во всех «русских» школах изучаются украинский язык и литература. При этом русские составляют 58 процентов населения Крыма, русский язык считают родным 77 процентов крымчан, тогда как украинский — только 10 процентов.

В 2005 году жители поселка Комсомольский узнали, что в недавно построенной в поселке школе все предметы будут преподаваться на украинском. Русский и крымско-татарский языки станут факультативными. Первыми возмутились родители второклашек, затем к ним присоединились остальные. Под письмом протеста, направленным в Министерство образования Республики Крым, было поставлено 800 подписей, 150 родителей высказались за то, чтобы их дети учились на украинском языке. Школа рассчитана на 1000 мест. Первой реакцией министерства было компромиссное решение — создать в

школе и украинские, и русские классы. Но от него пришлось тут же отказаться, поскольку премьер автономии А. Матвиенко продолжает стоять на своем. Он заявил, что лично выбил внебюджетные средства на окончание долгостроя — школы в Комсомольском — и рассчитывает сделать ее образцово-показательной национальной украинской сельской школой.

Еще 15 русских школ полуострова должны были с первого сентября 2005 года перейти на украинский язык обучения. Министерство образования Крыма срочно организовало ускоренные языковые курсы для учителей-предметников, которые должны будут в них преподавать.

Несколько лет назад Министерство образования Украины в одночасье закрыло десятки частных вузов Крыма, выбросив за ворота почти десять тысяч студентов. Сложную процедуру министерской аккредитации смогли пройти в Киеве только 44 высших учебных заведения автономии.

Киевские чиновники ссылаются на подписанную украинским правительством Лиссабонскую хартию, обязывающую государство повышать уровень подготовки в высших учебных заведениях. В принципе, требование правильное. Однако получилось так, что на крымской земле аккредитованы только вузы с украинским языком обучения.

Даже Черноморский филиал МГУ им. М. Ломоносова в Севастополе до сих пор не имеет аккредитации Министерства образования Украины. Неужели уровень подготовки Московского университета тоже не соответствует украинским требованиям? Скорее всего, московским профессорам придется заговорить на украинской мове, если они хотят продолжить работу в «городе русской славы».

Одних закрывают, а другие процветают, несмотря на совершенную ненужность. Львовский национальный университет открывает филиал своего журналистского факультета в Крыму. Хотя по всему полуострову издается только одна украинская газета, спроса на нее нет, тираж мизерный, и выживает издание только благодаря постоянному бюджетному кормлению. Однако с благословения правительства Крыма львовские преподаватели уже отправлены в Симферополь, чтобы готовить украиноязычных журналистов.

На Украине с упорством, как говорится, достойным лучшего применения, проводится линия по формированию резко отрицательного образа истории России. К сожалению, в то же время наши историки, разделенные на ряд враждующих между собой школ и кланов, не дали отечественному школьнику ясного представления вообще о том, что такое Российская империя. В школьных учебниках можно найти ди-

аметрально противоположные оценки самых принципиальных этапов развития нашего многонационального государства. Например, скандально известный «соросовский» учебник И. Ионина «Российская цивилизация и истоки ее кризиса» представляет Российскую империю как «тюрьму народов», в которой «царское правительство не желало замечать накопившихся различий в культуре русского, украинского и белорусского народов, зачисляя их всех в разряд “русских” и не считаясь с наличием украинского и белорусского языков». В учебнике же по истории России XIX — начала XX века А. Боханова утверждается прямо противоположное: «В России не было дискриминации (различия) по национальному или расовому признаку».

Подобный плюрализм возможен только в России. В США школьники никогда не слышали и не услышат о геноциде индейцев или осуждающих оценок захвата у Мексики Техаса в середине XIX века. Не найдете во французских учебниках отрицательного отношения к захватническим войнам Наполеона и т.д.

Украинские историки в отличие от российских, все 15 постперестроечных лет ведущих ожесточенную перебранку, хорошо усвоили европейский и американский опыт использования национальной истории в политических и идеологических целях. С 5-го класса украинский школьник должен зубок усвоить, что «Иван Мазепа стремился сделать Украину великим и сильным европейским государством, освободить из-под гнета Московского царства», а Петр I относился к Украине исключительно «враждебно», видя в ней «извечную рабу, которая не имеет права ни на собственный язык, ни на культуру, не говоря уже о свободе».

История не знает сослагательного наклонения, но можно смело утверждать, что созданный в современной Украине негативный во всех отношениях исторический образ России пришелся бы по душе упоминавшемуся Розенбергу и другим нацистам, стремившимся как можно сильнее рассорить русских и украинцев. Воспринимая Россию как главного извечного врага Украины, современные украинцы с самых ранних лет становятся жертвами бессовестного искажения истории не только России, но и своей «нэньки».

Подрастающие поколения и украинцев, и россиян окажутся во власти самых превратных, негативных, фальсифицированных исторических представлений друг о друге. От этого не выиграет никто. Вернее, выиграют те, кто продолжает мечтать о полном историко-культурном разрыве русских и украинцев. Десяти-двенадцатилетняя дерусификация истории Украины не прошла даром. В России это обстоятельство сильно недооценивается как научной, так и политической элитой.

Какова же позиция России в создавшейся ситуации? В 2005 году Киев посетил российский министр образования и науки А. Фурсенко. После встречи с властями он сделал заявление, что «языковая проблема очень серьезно рассматривается в Украине, причем на всех уровнях. Очень важно, чтобы люди сами смогли выбрать язык обучения». Со второй фразой нельзя не согласиться, а вот с первой — только в том случае, если под ней понимать «очень серьезное» вытеснение русского языка.

Все мировые державы озабочены распространением родного языка за пределами своих границ. Особенно это видно на примере Британского содружества, в которое входят Великобритания, Австралия, Новая Зеландия и несколько десятков других государств. Созданный в начале 30-х годов прошлого столетия Британский совет предоставляет услуги по изучению английского языка и культуры в 110 государствах мира. Россия не составляет исключения: на Северном Кавказе, и в первую очередь в Чечне, англичане довольно бойко распространяют методические региональные программы по изучению английского языка.

Языковые курсы вызывают интерес к образу жизни народа — носителя языка, уважение к нему, пропагандируют его идеалы. Война мировых языков — это война за мозги, которые уплывают в страну, говорящую на понятном языке. Борьбу за интеллектуальные ресурсы ведет не только Британский совет, но и Немецкий институт Гёте и Международная организация франкофонии. Во французском правительстве есть даже специальная должность — министр-делегат по вопросам сотрудничества, развития и франкофонии. В данный момент создается Иберийский союз — союз испаноязычных стран.

Для России создание аналогичного общества по распространению языка и культуры за ее пределами — насущная необходимость. Мы активно участвуем в многолетней работе общественной организации, о которой я уже упоминал ранее, — Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Но в новых условиях необходимы непосредственные усилия государства по распространению русского языка в мире. До 1989 года русский язык был обязательным для изучения в школах Восточной Европы. Сегодня его забывают не только в этих странах, но и в некоторых республиках СНГ. В Прибалтике, Грузии, Туркмении, в странах Восточной Европы, где раньше все дети в школах изучали русский язык, теперь его могут забыть в течение одного поколения!

Русский язык входит в пятерку мировых языков. По числу говорящих на нем он следует за китайским, английским, хинди и испанс-

ким. На китайском говорят почти полтора миллиарда человек, на английском — более миллиарда, на испанском — 400 миллионов. На русском разговаривают примерно 300 миллионов жителей планеты.

Про положение с обучением на русском языке в «единокровной» Украине было рассказано. Как же обстоят дела в этом вопросе в других странах СНГ?

По данным издательства «Просвещение», в Азербайджане осталось 29 русских школ, в Грузии — 59, в Киргизии — 138, в Таджикистане — 3 школы, в Туркмении несколько лет назад была закрыта последняя русская школа. Это при том, что русский язык по-прежнему является главным и практически единственным средством общения между народами бывшего СССР.

Главным конкурентом русского языка в мире является английский. В системе школьного и вузовского обучения всех стран мира в последние 20 лет число людей, желающих овладеть английским языком, неуклонно растет. Вместе с тем количество желающих выучить русский, немецкий или французский уменьшается. Медленно, но растет число школ, в которых за пределами Китая изучают китайский язык.

В докладе МИД РФ «Русский язык в мире», выполненном по заказу Правительства РФ, говорится, что через 10 лет число владеющих русским языком в странах СНГ уменьшится более чем вдвое. Из 300 миллионов русскоговорящих в данный момент 100 проживают в СНГ. Вычтите отсюда годовую убыль населения в миллион человек, и окажется, что уже через несколько десятилетий русский, возможно, перестанет входить в число мировых языков.

Проблема русского языка в Украине, как уже было сказано, не сходит с повестки политической жизни уже два десятка лет. Первый Президент Украины Кравчук в 1991 году пришел к власти благодаря — не в последнюю очередь — росту национального самосознания и обещаниям «украинизировать» страну.

В 1994 году он проиграл выборы Кучме, который пообещал сделать русский язык вторым государственным языком в Украине. Дальше обещаний дело не пошло, однако в 1999 году он снова разыграл эту языковую карту и переизбрался на второй срок. В 2004 году языковую тему взял на вооружение кандидат в президенты В. Янукович. Выборы, как известно, он проиграл, но от идеи придать русскому языку статус второго государственного языка не отказался и сделал этот пункт ключевым в программе своей партии в успешных для нее выборах в парламент страны в 2006 году.

В 2003 году Верховная рада Украины ратифицировала Европейскую хартию региональных языков, или языков региональных мень-

шинств. Надо полагать, что власти Украины, ратифицируя этот документ, прежде всего преследовали цель «интегрироваться» в Европейское сообщество и, по-видимому, не думали об истинном положении языков нацменьшинств, к которым в первую очередь отнесли русских.

Видя безнадежность решения проблемы признания русского языка на уровне государственной власти после создания «оранжевой» коалиции, многие города и регионы Украины, где преобладает русскоговорящее население, с марта 2006 года, используя Европейскую хартию о языках, начали принимать решения о придании русскому языку статуса регионального. Это было сделано, например, в Харькове, Севастополе, Днепропетровске, Донецке, Ялте и Луганске, Николаеве.

Подобные решения стали принимать и областные органы власти. Например, в Луганской области тоже предоставили русскому языку статус регионального в апреле этого же года, когда депутаты на заседании облсовета единогласно проголосовали «за». Донецкий областной совет в мае принял решение, что русский можно использовать на территории области наряду с государственным, то есть украинским, «в качестве языка работы, делопроизводства, документации и взаимоотношений населения, государственных, общественных органов, предприятий, учреждений и организаций, а также образования, науки и культуры». Совет решил также направить в Верховную раду предложение придать русскому языку статус государственного наряду с украинским. 30 мая 2006 года присоединилась к русскоязычному статусу и Николаевская область.

Однако Министерство юстиции республики по поручению Ющенко признало такие действия не соответствующими Конституции страны. Комментируя свое скандальное заключение, министр юстиции Украины заявил, что право определять статус языков принадлежит исключительно народу Украины путем референдума. По его мнению, статус языков в Украине четко определен статьей 10 Конституции Украины, в соответствии с которой украинский язык является государственным, а русский — языком национального меньшинства. Он заявил, что, придав русскому языку статус регионального, Луганский облсовет, а также городские советы Харькова, Севастополя и других городов вышли за рамки своих полномочий. По словам министра, целью Европейской хартии, к которой апеллируют поборники расширения правового пространства русского языка, является не защита прав национальных меньшинств, а защита языков, которые находятся на грани исчезновения. По его словам, в Украине к таким языкам

относятся караимский, крымско-татарский, ассирийский, идиш и другие языки. К этому перечню, по его мнению, можно добавить и украинский язык в Крыму.

Однако статья 10 украинской Конституции гласит: «В Украине гарантируются свободное развитие, использование и защита русского, других языков национальных меньшинств». Парадокс ситуации, однако, в том, что в «незалежной», кроме этнических русских, на русском говорят и мыслят, считают его родным языком миллионы украинцев. Но если русские являются в Украине — а они составляют без малого четверть населения — национальным меньшинством, то говорящих по-русски украинцев вряд ли можно отнести к этой категории граждан.

Для борьбы против защитников русского языка был пущен в ход прокурорско-судебный механизм. Так, решение Днепропетровского городского совета о предоставлении русскому языку статуса регионального было обжаловано в суде. Прокурор Днепропетровска обратился в хозяйственный суд области с исковым заявлением о признании решения горсовета противоправным. Как подчеркивает в своем иске прокурор, решение о статусе противоречит требованиям Конституции Украины и действующему законодательству. Действие решения о присвоении русскому языку статуса регионального на территории города было остановлено с момента обращения прокурора города Днепропетровска в суд. Сессия Николаевского горсовета отклонила большинством голосов протест прокурора против придания русскому языку статуса регионального.

Один из наиболее «веских» доводов противников русского языка строится на «эмигрантских» мотивах: мол, если вы переезжаете во Францию или Германию, то вам придется выучить язык новой страны проживания. Но они напрочь не хотят понимать, что русскоговорящие граждане Украины не переезжали сюда, а живут здесь десятки и сотни лет. Более того, проголосовав на референдуме за создание независимой Украины, многие из них не отказываются от этой идеи и сегодня. Для них Украина — исконная Родина. А на Родине все должно быть так, чтобы жилось хорошо, поэтому они и требуют придать русскому языку статус, который обеспечил бы их культурно-языковую свободу.

Президент Ющенко, надо полагать, знает — по крайней мере от своих помощников, консультантов, референтов, — что на Международной конференции по вопросам сохранения статуса и преподавания русского языка в государствах Евразийского экономического сообщества, в которой приняли участие ученые, представители нацио-

нальных парламентов и министерств образования Казахстана, Белоруссии, Киргизии, Таджикистана, Украины и других бывших советских республик, учеными был сделан вывод, что русский язык постепенно «вымирает». Думаю, что подобное положение русского языка воодушевляет на борьбу с ним в «незалежной» Украине.

Действительно, Ющенко уже открыто вмешался в этот вопрос. В начале июня 2006 года он сделал заявление, что убежден в незаконности ряда областных и городских советов относительно предоставления русскому языку статуса регионального. «Это грубое нарушение Конституции», — сказал он журналистам.

По его словам, соответствующие решения может принимать только Верховная рада конституционным большинством состава парламента. Ющенко выразил убеждение, что Конституционный суд даст «быструю и легкую оценку этим событиям».

«От какого языка надо защищать русский? — задал риторический вопрос Президент Украины и резюмировал: — Россия заканчивается там, где заканчивается русский язык».

Прошу обратить внимание читателя на вторую фразу этой политической тирады. Для того чтобы закончилась Россия, необходимо в ближайшее время прикончить в Украине русский язык. Читая эти «откровения», невольно задумываешься: в каком состоянии находился президент, говоря это? Осознавал ли он, как глава многонационального государства, в котором русские по численности занимают второе место, свою ответственность за судьбу народа, поверившего его сладким речам во время «оранжевой революции»?

Не менее цинична позиция представителей Совета Европы, в недрах которого была разработана Европейская хартия. Они одобряют действия центральных украинских властей, препятствующих приданию особого статуса русскому языку. По словам директора украинского бюро Совета Европы, в хартии нет отдельного понятия «международного языка», а говорится о «региональном языке» и «языке национальных меньшинств». Этот господин носит украинскую фамилию и, по-видимому, все-таки читал Конституцию страны, в которой он представляет интересы Совета Европы.

Наступление на русский язык идет не только в области образования, делопроизводства, официальных документов и т.д. Это наступление широкомасштабное, почти фронтовое, и готовилось оно уже давно. Еще в 1996 году в Киеве с подачи президента Кучмы состоялся «круглый стол» под названием «Государственный язык и информационный простор Украины». Результатом этого собрания стали «Рекомендации».

Языковая ситуация в Украине оценивается авторами документа как «ненормальная» и названа «тяжелым наследием империи». Исправление ее возможно лишь путем «утверждения полноценного функционирования государственного языка и целенаправленного уничтожения негосударственного». Под «негосударственным языком», как несложно догадаться, понимается русский. Употребление русского языка в эфире, а также издание газет и журналов на русском языке предложено считать деянием, которое «своими негативными последствиями представляет не меньшую угрозу безопасности Украины, чем пропаганда насилия, проституции, а также разные формы антиукраинской пропаганды».

Через несколько дней Кучма раздал поручения различным государственным деятелям по «результатам рассмотрения вопроса о порядке выполнения законодательства о языке в Украине». Суть их сводится к обеспечению финансирования и административной поддержки «Рекомендаций»! Премьер-министру предложено было рассмотреть вопрос об обеспечении льготных условий финансирования издания и реализации печатной продукции, учебников и учебной литературы на государственном языке и «усилить контроль за внедрением украинского языка как государственного в делопроизводство и функционирование органов государственного управления, прочие сферы общественной жизни всех регионов Украины». Подобные поручения получили и другие руководители страны.

Уже в то время многие отметили, как сильно — с умеренно анти-русского на откровенно русофобский — изменился тон украинского телевидения, когда к его руководству пришел галичанин Зиновий Кулик. Русскоязычные телекомпании, пытающиеся получить лицензии на вещание, например, в Крыму и в Закарпатье, сталкиваются с открытым противодействием националистически настроенных чиновников. Теперь эта практика выдавливания русского языка с телеэкрана и из радиозэфира в общеукраинском масштабе получила государственную поддержку.

Президент Ющенко еще более ужесточил борьбу с русским языком в эфире. Министр культуры Украины и подруга семьи Ющенко Оксана Билозир взялась за радиостанции. Она обещала «сделать все, чтобы в эфире звучала украинская речь». Это ставит под угрозу существование большинства украинских радиостанций, вещающих на русском языке и транслирующих русскоязычные песни.

Под угрозой оказался и общенациональный канал «Украина», вещающий на русском и считающийся оппозиционным. Националисты потребовали закрыть канал за то, что он транслировал футболъ-

ный репортаж на русском языке. Политики заявили, что «по законодательству и регламенту Федерации футбола Украины языком футбольных репортажей является украинский». А применение русского, очевидно, есть угроза целостности страны и проявление сепаратизма?!

Подводя итог о положении русского языка в средствах массовой информации Украины, следует сделать вывод, что власти «незалежной» преследуют одну цель: «Геть з інформаційного простору!»

Украинские депутаты уверены, что ни один из 12 законопроектов о предоставлении русскому языку официального статуса не будет принят Верховной радой. Об этом свидетельствует заявление бывшего спикера Рады Владимира Литвина. Он тоже был уверен, что русский — угроза для Украины. Какую позицию он займет теперь в Украинской Академии наук, которая исторически теснейшим образом взаимодействовала с советской, а ныне с Российской Академией наук?

Украинские власти не останавливаются на изгнании русского языка с информационного поля. Гонения принимают самые уродливые формы! Диву даешься, когда читаешь о том, что уже и песни на русском языке в Украине начали подвергаться преследованиям. Во Львове решением Горсовета было принято решение о запрете исполнения песен на русском языке на улицах, площадях и в общественном транспорте. Нарушители будут подвергаться штрафу в размере 50 гривен. Представьте себе такую ситуацию: в каком-нибудь львовском ресторане отмечается свадьба, гости танцуют под песни русского исполнителя, и тут их «вяжет» милиция, приводят в отделение и штрафуют на 50 гривен. Очередная русофобская акция во Львове в России, скорее всего, будет проглочена так же покорно, как и факты избиения в этом городе молодчиками Социал-национальной партии Украины ветеранов Великой Отечественной войны, сноса памятника герою-разведчику Н.И. Кузнецову, переименования проспекта Лермонтова в улицу Джохара Дудаева т.д.

На украинском телевидении демонстрируются советские и российские кинофильмы. Но представьте себе изумление людей, когда они слышат, что русская речь в фильме переводится на украинский язык! Сидит русский у телевизора и делает обратный перевод — на русский язык. Трудно представить себе всю абсурдность действий властей, которые во всеуслышание говорят о дружбе народов Украины, уважении ко всем национальностям, проживающим в ней, — и в то же время вытворяют подобное.

На этом русофобские выверты в «незалежной» Украине не прекращаются. Мы в России были свидетелями, как во время выборов в

Верховную раду масса людей, в том числе региональное начальство, не могли найти себя в списках на избирательных участках. Эта история вообще феноменальна по своей тупости, идиотизму и подлости. Людей насильно лишили их фамильных корней, связи с предками, не говоря уже о явной дискриминации и юридической неразберихе.

Судите сами: в преддверии выборов власти решили перевести на украинский язык списки избирателей. Машина добросовестно переделала фамилии на украинский лад. Был человек по паспорту Мельников — стал Мирошников. Ищет себя Мельников — и не находит. Но это еще полбеды. И Мельников, и Мирошников хотя бы с одной буквы алфавита начинаются. А ну как быть Телегиным? Будешь искать себя, как привык, на букву «т». И где уж тут догадаться, что теперь на «б» надо искать, потому как теперь Телегин на украинский манер зовется Брычкиным.

Кому-то вовсе не повезло, поскольку в одночасье сменилась не только фамилия, но и имя. Был человек Николаем Скворцовым, а превратился в Мыколу Шпака. Другого все знали как Филиппа Хохлова, теперь же он Пылып Чубьев. Кузнецовы немедленно превратились в Ковалевых, Дубинины — в Дрюковых, Крюковы — в Гаковых, а Портновы — в Кравцовых.

Увидев новые списки, люди атаковали главный штаб выборов и его территориальные комиссии жалобами на безграмотный компьютер. Например, в результате автоматического перевода Зонтикова стала Парасолькиной, Пуговкин — Гудзыковым. Удивительные метаморфозы произошли и с адресами: улица Воровского переименована в Крадижную, поселок Земляничный — в Полунычный... Какой-то бред сумасшедших.

Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно. Грустно мне писать о позорных действиях украинских националистов по уничтожению русского языка. Грустно писать об этом мне, родившемуся на украинском Донбассе. Мы, русские, жили обычной трудовой жизнью бок о бок с украинцами, понимали друг друга, и никогда не возникал вопрос, как будет звучать моя фамилия. Мне нравились их певучий говор, украинский юмор, душевные песни. У меня много друзей-украинцев, я дорожу их дружбой и постоянно переживаю — как они чувствуют себя там, в «незалежной» Украине?

Я задаю вам, господа политики, вопрос: во имя чего вы это творите? Не думаете ли, что все сойдет вам с рук и не придется рано или поздно нести ответ за натравленных друг на друга родных братьев?

Закончить эту главу мне хотелось бы словами великого русского и украинского писателя Николая Васильевича Гоголя: «Сам не знаю,

какая у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому перед малороссиянином. Обе природы слишком щедро одарены Богом, и, как нарочно, каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой, — явный знак, что они должны пополнить одна другую. Для этого самые истории их прошедшего быта даны им не похожими одна на другую, дабы порознь воспитались различные силы их характеров, чтобы потом, слившись воедино, составить собою нечто совершеннейшее в человечестве».

Глава одиннадцатая

ДВОЕДЫВ УКРАИНА

В последнее время появилось много литературы и различных публикаций с анализом ситуации, сложившейся в «незалежной» Украине. Часто они имеют прямо противоположное толкование происходящих там событий. Понятно, что одни авторы в силу определенных причин злобствуют и злорадствуют по поводу человеческого горя, обрушившегося на ее народ, другие же без зазрения совести обеляют все то темное, что творится в этом государстве.

У меня нет стремления подробно останавливаться на всех отрицательных моментах в общественной жизни Украины да и, откровенно говоря, особого желания вскрывать дурно пахнущие гнойники тоже нет. В предыдущей главе я постарался показать, как происходил процесс оглупления людей на пути к «незалежности», а также мораль тех, кто искусно использовал в своих целях чаяния и надежды народа на более счастливую жизнь. Не мог обойти и злободневную тему русского языка, потому что сам я, как уже было сказано, родом из Донбасса и эта проблема напрямую касается моих родственников, чьи предки в течение столетий разговаривали там на русском языке, являвшемся для них родным.

Нам, в России, кажутся кошмарным сном марши бандеровцев в Киеве и других городах Украины, глумящихся над могилами и памятниками патриотов советской Родины. Мы вольно или невольно становимся очевидцами стремления к развалу нашей православной церкви на украинской земле, наступления национализма с его идеологическими «ценностями».

Когда я пишу эти строки, спокойствия в Украине по-прежнему нет. Парламент бурлит, идет постоянная непримиримая война партийной коалиции с приверженцами «оранжевой революции», производится перераспределение властных полномочий между Президентом страны,

парламентом и исполнительной властью. Люди же, выполнив свой долг и отдав голоса партиям, которым они доверяли, в итоге остались один на один со своими бедами и невзгодами. Идет верхушечная борьба.

Народ не объединен ни по национальному признаку, ни по профессиональному, ни по идеологическим принципам. Есть общая географическая территория, но нет единого общества. Страна практически состоит из двух частей — Востока и Запада. Поэтому эта глава и названа «Двоедына» — двуединая — Украина».

1. УКРАИНСКИЕ НАЦИОНАЛИСТЫ

Вторая мировая война, самая жестокая и кровопролитная, сплотила государства и народы против опаснейшего врага человечества — фашизма. Несмотря на различия в политических пристрастиях, принадлежность к различным религиям, национальностям, для всех это был единый порыв, время массового героизма и самопожертвования.

Но, как всегда, на крутой волне, тем более мировых потрясений, плавают грязная пена. В этой войне она была выражена, в частности, в виде сотрудничества с фашистской Германией националистических воинских формирований.

После окончания Второй мировой войны мировое сообщество специально рассмотрело и подвело итоги злодеяниям гитлеровской Германии и ее сообщников. Со времени Нюрнбергского международного процесса над нацистскими лидерами прошло 60 лет. Семь судей — по два от Великобритании, от США, от Франции и один от СССР — от лица Международного трибунала вынесли приговоры конкретным лицам и определили виновность организаций, так или иначе связанных с фашизмом.

Сейчас ООН и главные державы мира не только продолжают разделять принятую тогда точку зрения в отношении нацизма, но и продвинулись достаточно далеко в этом отношении.

Советский Союз строго придерживался позиций Международного трибунала. В соответствии с законами государства и другими политическими решениями, вне зависимости от срока давности давалась оценка лицам и организациям, замеченным в связях с фашистами и запятнавшим себя в преступлениях против жителей страны.

К сожалению, во время Великой Отечественной войны, в которой погибли миллионы граждан Советского Союза, нашлись люди, которые в силу разных причин стали сотрудничать с фашистской Германией. Среди них были и русские, и украинцы, и белорусы. Не оста-

лись в стороне и представители Закавказья, Северного Кавказа, Средней Азии. Но наиболее рьяно проявили себя в этом отношении прибалты — латыши, эстонцы и литовцы.

Это черная страница нашей истории, и наиболее трагично то, что она появилась в тяжелейший для нашей Родины период — в войну, которая по праву получила название Великой Отечественной. Советское государство отнеслось со всей строгостью закона к оставшимся в живых коллаборационистам. Жестко пресекались любые попытки оправдать их. Поиск преступников продолжался до последнего дня существования СССР, невзирая на срок давности, и все найденные понесли заслуженное наказание.

Казалось, эти позорные факты безвозвратно ушли в прошлое. Но с разрушением единого государства, Советского Союза, в некоторых странах и бывших союзных республиках, где во время войны действовали войска Третьего рейха, подняли голову участники националистических формирований, сотрудничавших с фашистами. Их реабилитируют, ставят им памятники, на государственном уровне устанавливают льготы как участникам Второй мировой войны, и даже поощряются сборища этих «ветеранов».

Особенно отличаются в этом деле прибалтийские государства, о чем уже говорилось в предыдущих главах, и Украина. Естественно, возникает вопрос: почему подобное происходит именно там?

Борьба за суверенитет в Прибалтике и за «незалежность» в Украине в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века имела ярко выраженную националистическую окраску. На вооружение в борьбе против Советского Союза бралось все, в том числе и националистические движения, сражавшиеся против своих же государств в тесной связи с фашистской Германией.

Открытая поддержка таких действий властями и частью общества этих стран дает основание считать, что это их целенаправленная политическая линия, а не просто «историческое эхо» давно минувшего времени.

Оправдание этому происходит там и сегодня, после приобретения самостоятельности. Прибалтийским республикам необходимо показать миру, что они сражались за суверенитет не только в перестроечное время, но и значительно раньше. Новым властям, вззошедшим на воцеленный для них государственный престол, эти отщепенцы, которые воевали против своего же народа рука об руку с немецкими захватчиками, стали крайне нужны. Они оказались востребованными.

Во время Второй мировой войны фашистская Германия в борьбе с СССР частично делала ставку на этнический национализм населяв-

ших его народов и связанный с ним антикоммунизм. Этнический национализм в некоторых странах был основой официальной идеологии, а в ряде случаев стал одной из причин прямого оправдания тех, кто сотрудничал с нацистами.

Главная линия в попытках реабилитировать коллаборационистов состоит в стремлении отделить деятельность националистов от сотрудничества с фашистской Германией или придать службе национальных воинских подразделений в составе фашистских войск смысл борьбы за освобождение своих народов.

Но это, так сказать, обобщенная картина. А вот для того, чтобы разобраться в причинах возникновения и описать деятельность националистического движения в Украине, необходимо сделать экскурс в новейшую историю прошлого века.

Истоки украинского националистического движения восходят к периоду Гражданской войны. Тогда на территории распадавшихся Российской и Австро-Венгерской империй возникло сразу два украинских государства — Украинская Народная Республика (УНР) и Западно-Украинская Народная Республика (ЗУНР).

После Октябрьской революции Центральная рада, не признав Советскую власть, установила новые границы своей власти и учредила украинскую автономию в границах бывшей Гетманщины. Непонятно, по каким принципам сюда вошли Новороссия и территория современных Харьковской, Донецкой и Луганской областей, где исторически было великорусское население. Позднее сменивший Раду гетман Скоропадский присоединил к ним еще и Таврию (сейчас это основная часть территории Херсонской области).

В 1920 году советская Украина занимала левобережье Днепра и часть правобережья. Численность ее составляла 32,5 млн человек. Польша получила вторую по величине территорию — Галицию и Волынь, которую принято называть Западной Украиной, с численностью населения 10,2 млн человек. Румынии достались Северная Буковина и причерноморское побережье между Дунаем и Днестром. Чехословакия присоединила Закарпатье, которое получило официальное название Прикарпатская Русь.

Для удержания новой власти советской Украине были предоставлены полная свобода в культурной области и слегка ограниченная политическая свобода действий.

Болгарский еврей по происхождению, Христиан Раковский стал самым ярким украинизатором за всю историю Украины. Жесточайшее культурно-социальное подавление, т.н. украинизация, в русских регионах республики идет не с 1991-го, а с 1919 года. В те времена даже

отца «украинства» Михаила Грушевского вызвали из эмиграции и сразу же сделали главой Академии наук УССР, а через пару лет и членом Академии наук СССР.

В 1939 году советская Украина воссоединилась с Галичиной, что придало украинизации новый мощный импульс. Галичинские кадры сыграли в ней немалую роль. В 1945 году к УССР присоединилось Закарпатье, где был русинский регион, до сих пор упорно отказывающийся от украинского наименования.

Следующий подарок Украине в 1954 году сделал Хрущев, а в 1991 году в Беловежской Пуще с молчаливого согласия Ельцина был, по существу, аннексирован русский город союзного подчинения — Севастополь.

Таковы основные звенья истории «сложения» будущей «независимой» Украины.

Размах украинского националистического движения был большим. Начиналось все в 1920 году в Праге с небольшой группы националистов — украинских офицеров. Здесь была основана террористическая Украинская войсковая организация (УВО). Ее основу составили бывшие офицеры армии УНР и Украинской галицинской армии (УГА). В 1928 году в УВО состояли около двух тысяч человек. Руководил организацией полковник армии УНР Евгений Коновалец, в Западной Украине отделение УВО возглавлял полковник Андрей Мельник.

УВО вела пропаганду идеи независимой Украины, но основной упор делался на террористическую деятельность. В целях приобретения союзников в своей антипольской и антисоветской деятельности УВО еще в 1921—1922 годах установила связь с немецкой военной разведкой. В обмен за информацию об этих врагах немцев они получали деньги и право свободно действовать в Германии. В 1928 году у поляков оказались доказательства связи УВО и немецких спецслужб, они выразили дипломатический протест, и немецкое финансирование УВО прекратилось.

В 1929 году на съезде националистических организаций, получившем название Первый конгресс украинских националистов, УВО была переименована в Организацию украинских националистов (ОУН), которая стала нелегальной террористической структурой. Обращает на себя внимание тот факт, что оуновцы хотели видеть независимую Украину от реки Сан на западе до Северного Кавказа на востоке (в Ставропольском и Краснодарском краях живут много почти обрусевших украинцев, которые туда переселились еще в XVIII веке). Кроме того, в Украину, по их мнению, обязательно должны войти некоторые граничащие с ней территории РСФСР и Белорусской ССР.

После убийства в 1938 году лидера УВО—ОУН Коновальца, 27 августа 1939 года, перед самым началом Второй мировой войны, на Втором великом собрании ОУН в Риме главой организации был избран полковник Андрей Мельник.

В сентябре 1939 года Германия захватила западную часть Польши, и из тюрем и лагерей вышли активисты ОУН, в том числе и Степан Бандера, которые отбывали там сроки за убийство в 1934 году министра внутренних дел Польши Бронислава Порецкого.

Выйдя на свободу, Бандера начал собирать вокруг себя группу людей, недовольных руководством Мельника. С этого времени началась вражда между ОУН(м) и ОУН(б) — мельниковцами и бандеровцами. Их идеология была практически одинаковой и отличалась лишь только тем, что мельниковцы согласны были на более глубокий компромисс с германским нацизмом. Бандеровцы, также активно сотрудничавшие с немцами, предлагали ориентироваться в своей деятельности и на другие страны.

С началом Отечественной войны против фашистской Германии ОУН немедленно активизировала свои военные формирования. На западноукраинских землях были мобилизованы около 10 тысяч готовых к боевым действиям вооруженных бойцов-националистов. Их немедленно ввели в дело. Они проводили диверсионные действия, нарушали связь между воинскими частями Красной Армии, нападали на тылы, штабы и воинские подразделения.

Вильнюсский еврей Илья Йонес, в июне 1941 года находившийся во Львове, свидетельствует: «Мы делали безуспешные попытки покинуть город с отступающими русскими войсками. Из засад в пригородах и деревнях восточнее Львова стреляли по бегущим войскам, было много жертв. Стрелявшими были националистические украинские банды, которые быстро организовались, достали оружие из тайников и затрудняли отход русским солдатам, а также бегущим с ними евреям».

По данным некоторых специалистов, Красная Армия и части войск НКВД потеряли здесь в первые недели войны около 2100 солдат и офицеров, погибших от рук националистов, и 900 раненых. В ходе антисоветского вооруженного выступления украинским националистам удалось поднять восстание на территории 26 районов современных Львовской, Ивано-Франковской, Тернопольской, Волынской и Ровенской областей.

После занятия немцами Львова 30 июня 1941 года группа Бандеры провозгласила образование независимого Украинского государства. Главой правительства Украины был назначен бандеровец Ярослав

Стецко. Несмотря на то что независимость Украины была провозглашена без спроса оккупантов, ОУН(б) четко придерживалась курса на коллаборационизм. Вот некоторые положения Манифеста провозглашения независимой Украины:

«Восстановленное Украинское государство будет тесно взаимодействовать с Национал-Социалистической Великой Германией, которая под руководством вождя Адольфа Гитлера создает новый порядок в Европе и мире и помогает украинскому народу освободиться из-под московской оккупации.

Украинская Национальная Революционная Армия, которая создается на украинской земле, будет бороться в дальнейшем вместе с союзной немецкой армией против московской оккупации за Суверенное Объединенное Украинское Государство и новый порядок во всем мире».

И чтобы уже до конца убедиться в истинных целях руководителей новоиспеченной «независимой» Украины, цитирую выдержки из посланий Стецко фюреру:

«Исполненные действительной благодарности и испытывая удивление перед Вашей героической армией, которая на полях битвы, в борьбе с наибольшим врагом Европы, московским большевизмом, снова добыла новую славу, мы пересылаем Вам, великий фюрер, от имени украинского народа и его правительства, созданного в освобожденном Львове, сердечнейшие пожелания увенчать борьбу окончательной победой.

Победа немецкого оружия даст Вам возможность расширить запланированное Вами строительство новой Европы также на ее восточную часть. Таким образом, Вы делаете возможным также активное участие украинского народа в воплощении этого великого плана как одного из полноправных, вольных членов европейской семьи народов, в своем суверенном Украинском государстве».

Таким образом, цели националистов заключались не только в приобретении независимости, но и в участии в установлении нового фашистского «порядка». Подобное послание «премьером» Стецко было направлено также Муссолини в Италию, Франко в Испанию и в «независимую» Хорватию.

Но, несмотря на верноподданнические заявления, германские власти посчитали провозглашение украинской независимости недопустимым. Им не нужен был такой «младший брат», им нужны были послушные рабы.

В июле 1941 года Бандеру с несколькими сторонниками арестовали, отправили в Берлин под домашний арест, а позже в концлагерь.

Несмотря на аресты, оуновцы — как бандеровцы, так и мельниковцы — продолжали надеяться на благосклонность немцев и пропагандировали их «освободительную миссию».

В 1942—1943 годах националистические военизированные формирования Украины представляли собой многочисленные разрозненные отряды, которые постоянно объединялись, распадались, враждовали между собой, вели переговоры, подписывали меморандумы и декларации.

Следует остановиться еще на одном войсковом националистическом движении в Украине. Речь идет об украинской повстанческой армии (УПА). Численность ее формирований составляла 20 тысяч человек. Пополнялась УПА и за счет того, что в нее вошла часть украинской полиции, которую немецкие власти заменили на польскую. Служба безопасности УПА активно ликвидировала политических противников и оппонентов.

Необходимо отметить, что существовали две армии с одним и тем же названием. Сначала была армия национал-демократа Тараса Боровца (псевдоним Тарас Бульба). Он не входил в ОУН, хотя и был националистом по политическим убеждениям. В поисках союзников Боровец—Бульба в 1939—1941 годах установил связи с немецкой военной разведкой-абвером и до начала советско-германской войны вернулся в СССР.

В первые дни войны «бульбовцы» вели бои с отступающими частями Красной Армии и войсками НКВД в Ровенской области. В дальнейшем они боролись против остатков разбитых частей Красной Армии и вместе с другими украинскими и белорусскими коллаборационистами в течение нескольких месяцев уничтожали и вытесняли красных партизан из так называемой Полесской котловины.

В феврале и марте 1943 года ОУН(б) приняла решение об участии своих вооруженных отрядов в УПА. Эту аббревиатуру бандеровцы начали использовать с апреля 1943 года. Для того чтобы избежать путаницы, в июле 1943 года Боровец—Бульба переименовал свою УПА в Украинскую народно-революционную армию — УНРА. Но уже в августе 1943 года часть отрядов УНРА были насильно разоружены, а бойцы из ее рядов перешли в УПА. Боровец после войны жил в США и умер там в 1981 году.

История Боровца в определенной степени характерна для украинских националистов. В 1941 году — сотрудничество с фашистами, с 1941-го по 1943 годы — борьба против них, с конца 1944 года, когда немцы были вынуждены изменить свою «восточную политику», — вновь сотрудничество.

Создание бандеровцами УПА в феврале-марте 1943 года было вызвано тем, что на рубеже 1942—1943 годов в западноукраинских землях появилось большое количество красных партизан, в то время они были полными хозяевами лесов в этом регионе. Против партизан и боролись бандеровцы вместе с немецкими фашистами. Один из руководителей УПА так охарактеризовал их взаимоотношения: «Они нам давали винтовки, мы им — сало».

УПА, по мнению историков, стала отчасти невольным союзником немцев и непосредственно на фронте. Оценивая действия УПА, немецкая разведка отмечала, что эта группа взяла под контроль перевалы в западных Карпатах и восточных Бескидах и внесла большой вклад в то, чтобы предотвратить прорыв Советов через Карпаты на этом участке. УПА также оказала помощь некоторым отступавшим немецким частям.

По мере роста в Украине движения советских партизан под руководством С.А. Ковпака, а также в связи с нехваткой немецких полицейских и охранных подразделений по предложению военного коменданта Галиции бригаденфюрера СС Вехтера была создана дивизия СС из местных жителей. Проведенная под флагом борьбы с коммунизмом, агитационная кампания дала желаемый результат. На вербовочных пунктах в формируемое подразделение записались несколько десятков тысяч человек, желавших вступить в СС. Это обстоятельство позволило отобрать в дивизию 14 тысяч человек, а из остальных сформировать несколько полицейских полков. В 1943 году во Львове было начато формирование дивизии СС. Рядовой и сержантский состав дивизии составляли жители Западной Украины.

До июня 1944 года дивизия именовалась «добровольческая дивизия СС «Галичина», а с 27 июня её название стало «14-я гренадерская дивизия СС». Подготовка дивизии велась на высоком уровне. Соединение было расквартировано в учебных лагерях на территории Германии, весь командный состав прошел обучение в офицерских училищах СС. Командиром дивизии был назначен бригаденфюрер СС Фриц Фрейтаг.

В 1943 году все служившие в германских частях украинцы были объявлены солдатами Украинской освободительной армии («Українського визвольного війська», УВВ). Это было пропагандистское мероприятие нацистов — армия не имела собственного командования. Текст присяги украинских эсэсовцев был обращен к Адольфу Гитлеру как фюреру и канцлеру германского рейха.

В июне 1944 года «Галичина» и еще семь немецких дивизий были разгромлены советскими войсками под Бродами. Из 14 000 солдат и

офицеров «Галичины» лишь 3000 вырвались из окружения и были направлены в Словакию на отдых и пополнение. Впоследствии пополненная дивизия принимала участие в полицейских операциях на территории Восточной и Центральной Европы. «Галичина» проводила карательные операции против мирного населения Польши (боевая группа «Баерсдорф»), на Львовщине и Тернопольщине, в Словакии (совместно с «бригадой Дирлевангера») и в Югославии.

После капитуляции Германии большая часть дивизии (около 10 тысяч человек) прорвалась в Австрию и сдалась англичанам, а 4700 солдат и офицеров были пленены советскими войсками.

Союзников смутил статус этих людей, именовавшихся галичанам, и позволил многим из них избежать насильственной депортации в Советский Союз. Несмотря на то что они служили в составе Ваффен-СС, польский генерал Андерс предпочел рассмотреть ситуацию с прагматической точки зрения и решил простить им прошлое, а учитывая их потенциальную полезность как истинных антикоммунистов, поддерживал их заявления о том, будто они являются поляками.

В общем, взаимоотношения украинских националистов с фашистскими оккупантами нельзя назвать равными, но они были постоянными. Были у них и взаимная любовь, и временное охлаждение, и снова дружеские объятия. Руководители националистических движений Украины не могли не знать отношения немцев к их народу, интересы которого, по их мнению, они выражали. Безусловно, они прекрасно понимали истинные цели фашистов, но скрывали их от людей, внушая им мысль, что главное — это «независимость» Украины.

Недавно было опубликовано письмо рейхсляйтера Мартина Бормана Альфреду Розенбергу от 27 июля 1942 года. В нем он доводит до сведения Розенберга мнение фюрера о политике Германии на оккупированных восточных территориях. Приведу только некоторые выдержки, дающие возможность осознать «гениальность» этого указания верховной власти фашистской Германии, повлиявшего на судьбу украинского народа, включая и тех, кто встал под знамена лидеров-националистов:

«...Опасность, что население оккупированных восточных областей будет размножаться сильнее, чем раньше, очень велика. Именно поэтому мы должны принять необходимые меры против размножения ненемецкого населения. Поэтому ни в коем случае не следует вводить немецкое обслуживание для местного населения оккупированных восточных областей.

Например, ни при каких условиях не должны производиться прививки и другие оздоровительные мероприятия для ненемецкого населения. Ни в коем случае не следует давать местному населению более

высокое образование. Если мы совершим эту оплошность, мы сами породим в будущем сопротивление против нас. Поэтому, по мнению фюрера, вполне достаточно обучать местное население, в том числе так называемых украинцев, только чтению и письму.

Ни в коем случае мы не должны какими бы то ни было мероприятиями развивать у местного населения чувство превосходства! Необходимо делать как раз обратное! Вместо нынешнего алфавита в будущем в школах надо ввести для обучения латинский шрифт.

...На коренной территории империи, подчеркнул фюрер, слишком многие вещи регламентированы законом. Этого мы ни в коем случае не должны практиковать в оккупированных восточных областях. Для местного населения не следует издавать слишком много законов: здесь надо обязательно ограничиться самым необходимым.

Ни в коем случае не следует создавать единого украинского правления на уровне Генерального комиссариата или даже рейхскомиссариата».

В 1944 году советские войска освободили Украину от фашистских оккупантов. После окончания Великой Отечественной войны ОУН—УПА продолжала свою деятельность на территории советской Украины. Ареной противостояния стала огромная территория, общей площадью не менее 150 тысяч квадратных километров, на которой проживали 15 миллионов человек.

Украинская повстанческая армия вела также активные диверсионные действия в юго-восточных районах Польши. После установления советско-польской границы УПА создала 6-й военный округ под кодовым названием «Сан», который охватывал «польские» районы действия УПА. Борьба с правительственными войсками Польши продолжалась до 1948 года.

К этому времени ОУН создала нелегальную структуру, противостоявшую органам Советской власти. Почти на всей территории, где действовали подпольщики ОУН и отряды УПА, фактически царило двоевластие. Такое положение в некоторых районах Западной Украины продолжалось вплоть до начала 1950-х годов.

Однако с 1947 года крупные диверсии УПА прекратились. Крайне усложнилась связь между отдельными боевиками. Тогда УПА перешла к мелким диверсионным акциям и вплоть до 1953 года продолжала от случая к случаю боевую деятельность. К 1955 году деятельность УПА фактически прекратилась. Последние мелкие очаги сопротивления были ликвидированы в 1956 году. Есть свидетельства, что некоторые отряды УПА, боровшиеся против Советской власти, в

начале 50-х годов ушли в ФРГ или Австрию через горные районы Словакии и Чехии.

О деятельности украинских националистических организаций написано очень много. Это были тяжелые для народа Украины годы. Чтобы представить истинную картину того времени, приведу небольшую выдержку из очерка Я. Галана «Чему нет названия», написанного им в 1945 году:

«Четырнадцатилетняя девочка не может спокойно смотреть на мясо. Когда в ее присутствии собираются жарить котлеты, она бледнеет и дрожит, как осиновый лист.

Несколько месяцев назад в воробьиную ночь к крестьянской хате недалеко от города Сарны пришли вооруженные люди и закололи ножами хозяев. Девочка расширенными от ужаса глазами смотрела на агонию своих родителей.

Один из бандитов приложил острый нож к горлу ребенка, но в последнюю минуту в его мозгу родилась новая «идея».

— Живи во славу Степана Бандеры! А чтобы, чего доброго, не умерла с голоду, мы оставим тебе продукты. А ну, хлопцы, нарубите ей свинины!..

«Хлопцам» это предложение понравилось. Они постаскивали с полка тарелки и миски, и через несколько минут перед оцепеневшей от отчаяния девочкой выросла гора мяса из истекающих кровью тел ее отца и матери...

Вот до чего дошли вырожда-бандиты, именующие себя «украинскими националистами» — бандеровцами, бульбовцами, мельниковцами. Их деятельность за последние годы — это непрерывная цепь диких зверств, чудовищной разнузданности и непревзойденных провокаций...»

В июле 2006 года исполнилось 100 лет со дня рождения Ярослава Александровича Галана, выдающегося украинского советского писателя-публициста. Сегодня о нем не прочитаешь в украинских учебниках литературы, его имени не услышишь ни по радио, ни по телевидению. Будучи уроженцем Западной Украины, Ярослав Галан всю свою жизнь боролся против украинского национал-сепаратизма, уродливого движения, насажденного сначала в галицийских землях, а потом, в годы горбачевщины, пустившего свои ядовитые корни по всей братской Украине.

Ярослав Александрович сражался с предателями нашей великой Родины пером, своими великолепными памфлетами и очерками, а они его зарубили топором прямо за рабочим столом. Это случилось в 1949 году. После прочтения очерка становится абсолютно ясно, поче-

му эти и подобные им «люди», описанные в очерке, убили Ярослава Александровича Галана.

Послевоенная борьба с националистическим подпольем до середины 1950-х годов была трудной и жестокой.

По данным некоторых историков, от террора ОУН и УПА погибли 30 секретарей райкомов партии, 32 председателя и зампред райисполкомов, 37 секретарей обкомов и райкомов комсомола, сотни депутатов областных, районных и местных Советов, 50 православных священников, 30 тысяч партийных и советских активистов.

Естественно, что жесткая, упорная борьба ОУН и УПА в семи западных областях УССР против Советской власти вызывала в ответ не менее жесткие действия с ее стороны.

По данным, озвученным на заседании Президиума ЦК КПСС 26 мая 1953 года, «с 1944-го по 1952 год в западных областях Украины подверглись разным видам репрессий до 500 тысяч человек, в том числе арестовано более 134 тысяч, убито более 153 тысяч, высланы навечно из пределов УССР более 203 тысяч человек».

2. ВОЙНА С ПАМЯТНИКАМИ И МОГИЛАМИ АНТИФАШИСТОВ

Последнее время, как уже было сказано, отмечено новыми активными попытками переоценки роли националистических движений в некоторых республиках бывшего СССР в годы Второй мировой войны.

Так, в Украине все громче слышно требование реабилитировать на государственном уровне Организацию украинских националистов (ОУН), Украинскую повстанческую армию (УПА) и другие политические и военизированные организации украинских националистов, действовавшие на территории СССР и соседних стран в военные и послевоенные годы. Это касается и воинов германской дивизии Ваффен-СС «Галичина».

Например, в одном из предложений конференции, посвященной 50-летию Первой украинской дивизии Украинской национальной армии (УНА), прошедшей в Киеве в августе 1993 года, сказано: «Учитывая большой вклад бывших дивизионников в борьбе за независимость, активную деятельность на пользу Украины в войне, выдвинуть предложение перед Верховной радой о признании воинов дивизии, приравнять их в правах с другими участниками Второй мировой войны».

В 2002 году городской Совет Ивано-Франковска принял решение о реабилитации бывших солдат дивизии СС «Галичина». Постановле-

нием органа местного самоуправления их приравнивали к ветеранам Великой Отечественной войны. Это решение было мотивировано тем, что дивизия СС «Галичина» являлась стороной, воевавшей не за Гитлера и фашистскую Германию, а против СССР за независимость Украины.

27 июля 1944 года — день, когда Львов был освобожден от немецко-фашистских захватчиков, — объявлен «началом оккупации московским тоталитарным режимом свободлюбивого украинского народа». Именно к этому дню теперь приурочены торжества в честь создания 14-й дивизии СС «Галичина» в составе гитлеровских войск, защищавших Львов от Советской Армии.

Летом 2002 года Правительство Украины заявило о необходимости признать бойцов Украинской повстанческой армии борцами за свободу и независимость страны, что означает: бандеровцы должны быть объявлены героями и приравнены по статусу к ветеранам Великой Отечественной войны! Звучали и идеи считать период с сентября 1939 года до середины 1950-х годов движением сопротивления, которое вели ОУН и УНА «с одной целью — объединение и создание единой Украины».

С приходом к власти в конце 2004 года сил во главе с Виктором Ющенко участились попытки реабилитации националистических организаций, сотрудничавших с фашизмом. 9 апреля 2005 года группа из десяти видных украинских историков обратилась с открытым письмом в адрес президента В. Ющенко, премьер-министра Ю. Тимошенко и главы Верховной рады В. Литвина с просьбой содействовать «выработке украиноцентричной концепции Второй мировой войны». Предлагалось признать, что победа Советского Союза означала «новую оккупацию Украины». Соответственно, праздновать День Победы нельзя, поскольку это «не праздник» для украинцев. Главными героями новой Украины вновь предлагалось считать не ветеранов Красной Армии, а коллаборационистов и участников повстанческих националистических движений. Спикер Верховной рады В. Литвин официально заявил о намерении парламента реабилитировать ОУН—УПА принятием специального закона.

В 2005 году в связи с 60-летием Победы произошла активизация процесса реабилитации лиц и организаций, сотрудничавших с фашистской Германией. 11 мая 2005 года Президент Украины Ющенко поручил премьер-министру Тимошенко организовать работу комиссии по изучению деятельности ОУН—УПА. Президент в своем обращении отметил, что ее бойцы «смотрели на свободную Украину как на свою надежду. Они боролись за нее своим способом, своими возможностями».

Выступая 6 мая 2006 года, Ющенко в еженедельном радиообращении сказал, что ему «досадно, что на официальном уровне государство до сих пор не признало всех, кто воевал за свободу и независимость Украины».

«Я возлагаю большие ожидания на новый парламент. Надеюсь, он сумеет решить вопрос статуса всех, кто воевал. Верховная рада должна отдать почет всем, кто защищал свою Родину, и проголосовать за закон, который признает членов УПА ветеранами войны».

Президент Украины в очередной раз призвал ветеранов Советской Армии и УПА «примириться ради будущего». «Я обращаюсь к вам от имени поколения ваших сыновей и дочерей: уважаемые родители, не передавайте нам эту проблему. Пожмите друг другу руки, простите друг друга ради Украины, ради ваших детей и правнуков. Украинская нация достойно оценит ваш шаг», — заверил он радиослушателей.

УПА воевала против тех бойцов, которых сейчас называют ветеранами Отечественной. Она боролась с ними партизанскими методами, расстреливала как «оккупационные войска» и в итоге уничтожила более 3000 солдат и офицеров. И теперь страна решила реабилитировать этих «героев»? А дети и внуки погибших от рук бандеровцев должны «примириться с ними ради будущего»?!

Первые попытки реабилитации начались в Ивано-Франковске. Но реабилитировать бандеровцев там не смогли — не нашли поддержки Киева. А то, что «СС-Галичина» не была восстановлена в правах во Львове, заслуга депутатов прежнего Горсовета.

Настаивая на реабилитации УПА, власти и историки аргументируют это тем, что ее бойцов осталось мало, что все они «безобидные деды». С этим не соглашаются левые — коммунисты и социалисты, считающие, что даже в связи с истечением срока давности участников братоубийственной войны оправдывать нельзя.

Разговоры о реабилитации бандеровцев возникают регулярно — перед выборами. Нынешний случай — внеплановый: парламентская кампания завершена, до президентской — почти два года. Как говорят депутаты, правительство выступило за УПА, чтобы потрафить Верховной раде с ее правами.

Сейчас в Украине есть несколько организаций, иницирующих вопросы реабилитации. Это зарегистрированная общественная организация — Организация Украинских Националистов (ОУН). Наиболее активно ее так называемое «бандеровское крыло», которое в 1993 году создало политическую партию — КУН (Конгресс украинских националистов). КУН считает себя правопреемником разгромленной в 50-е годы ОУН, входит в блок Ющенко «Наша Украина», через

который ее представители смогли попасть в украинский парламент. Глава Конгресса украинских националистов Александр Ивченко (бывший глава компании «Нафтогаз Украины») заявил в декабре, что «Конгресс украинских националистов получил реальный шанс на представительство украинских националистов, членов нашей партии, на всех уровнях власти — от Верховной рады до депутатов советов местного уровня, а также в исполнительных структурах власти. Впервые Конгресс пребывает не в оппозиции к власти. Впервые мы имеем реальные шансы прийти к власти».

Знаменитая некогда партия УНА—УНСО, созданная в 1991 году, расколота по территориальному признаку. Фактически в Украине сейчас целых три партии с названием УНА—УНСО. Одна партия входит в блок Юлии Тимошенко. Еще две партии с одноименным названием не относятся к влиятельным политическим силам Украины, а являются осколками некогда единой УНА—УНСО.

Современные украинские националисты готовы делать все, чтобы реабилитировать коллаборационистов и их деяния во время Великой Отечественной войны. Сносятся памятники и могилы советским героям, а вместо них воздвигаются мемориалы националистам, переименоваются площади и улицы и т.д.

Несколько лет тому назад мне в руки попала книга, где были помещены фотографии памятной доски Роману Шухевичу, назначенному Гиммлером главнокомандующим УПА — «генералом Чупринкой», установленной на месте его гибели, и памятника ему же, воздвигнутого в селе Белгорода под Львовом. Его именем названа также бывшая улица Пушкина во Львове. А недавно были опубликованы воспоминания ветерана Великой Отечественной войны Л. Маркова, служившего в стрелковом полку 81-й дивизии войск МВД СССР. Наравне с разгромом попавших в «котлы» немецких частей они вели борьбу по уничтожению с бандами Бандеры:

«...Помню, жители Львова рассказали нам о том, как вслед за немецко-фашистскими войсками в город летом 1941 года заявили боевики ОУН, сведенные по предложению Бандеры в батальон “Нахтигаль” под командованием палача и убийцы Романа Шухевича. Бандера напутствовал своих борцов за единую, неделимую Украину: “Наша власть должна быть страшной... Рекомендуется уничтожать всех, кто будет оказывать сопротивление режиму...”»

Как-то в марте 1945-го наша рота прочесывала Яновские леса в окрестностях Львова. Мы наткнулись на захоронение уничтоженной оуновцами тысячи военнопленных и мирных жителей. Бандеровцы не жалели ни женщин, ни детей. К примеру, с февраля 1944-го по

октябрь 1945-го бандиты убили в Волынской области (в Ровно) 1932 жителя, среди них — 313 детей, 615 женщин, 365 стариков. С лета 1944-го по май 1946-го во Львовской области ими же замучены 5088 человек. Более трех тысяч из них — крестьяне. Уже после Победы местные сообщили нам, что банда Дуба (это кличка Шухевича) свирепствует в деревнях Лозовы, Кулички... Мы ворвались в Лозовы, завязался бой, в котором погибли пятеро наших солдат, а бандитов было убито более пятидесяти. В деревне мы узнали, что бандеровцы за ночь до того боя учинили страшную резню, уничтожили более 100 жителей. В доме украинки Н. Драгун зверски зарубили топором хозяйку и троих ее сыновей.

Позже мы выловили остатки этой банды в лесу под Львовом. А теперь в честь этого бандита в Дрогобыче назвали улицу...

“Полководца” оуновцев Василия Сидора (он же Шелест) сейчас причисляют к героям Украины. И его мы поймали в лесу под Станиславом. Не пожелав сдаться, он получил пулю в лоб.

Нам стало известно, что Михаил Дуды (он же — Григорий Зиновий) находится в Цуманском лесу, Михаил Федыка (Смирный, Бриль) — в Ровенском, Дмитрий Грицала (Перебейнос) — Коростеньском. Как же тщательно нужно отмывать от крови и грязи этих бандитов, начисто забыть историю, чтобы причислить их к героям?! Помнит-ся, прочесывая ночью глухой, непроходимый лес, мы вышли к деревням Гусвице и Волковыя, где горело несколько хат и стоял сплошной плач. Оказывается, бандиты устроили здесь “кровавую баню”. Сognав мужчин, женщин, детей, стариков, они живьем сожгли их в сарае. Молодых женщин изнасиловали и из “милости” расстреляли. А в деревне Волковыя несколько мужчин привязали к лавкам и перепилили пополам».

Увековечение С. Бандеры в Украине — уже вне всяких обсуждений. Во Львове стоит закладной камень на месте будущего памятника. В этом же городе установлена памятная доска на здании, где был провозглашен Акт восстановления Украинского государства и сформировано правительство во главе со Стецко. Некоторые выдержки из этого «исторического» акта приведены выше.

В ноябре 1991 года во Львове под давлением украинских националистов был демонтирован памятник Герою Советского Союза Николаю Ивановичу Кузнецову. Один украинский «историк» пишет, что это было сделано якобы по многочисленным просьбам местных трудящихся. «Но не взорвали, а уважительно отправили на родину разведчика — Екатеринбург». Вот так, дорогой читатель, «уважительно» демонтировали. В свое время по Центральному телевидению России в

передаче «Покушение на Н.И. Кузнецова» было показано, насколько «уважительно»: зацепив тросом за голову, бюст героя подняли и просто небрежно бросили на землю. Все это было проделано с какой-то мстительной радостью и злорадством. Поднялся бы он из могилы и посмотрел на этих людей, во имя свободы которых отдал свою жизнь! Следующие кадры показали, как сняли табличку с улицы, носившей имя Кузнецова, и торопливо приколотили другую, с именем... Степана Бандеры.

Для меня Н.И. Кузнецов не просто легендарная личность. Мы, уральцы, свято чтим имя этого патриота земли русской. Кроме того, в начале 30-х годов прошлого века он работал конструктором на моем родном «Уралмашзаводе». Уралмашевцы всегда гордились этим человеком. В заводоуправлении, где тогда было конструкторское бюро, в память о нем, в той комнате, где он работал, создан музей его имени. При входе в заводоуправление висит памятная доска, на которой написано, что здесь работал Н.И. Кузнецов. Работая на «Уралмаше», я застал еще заводчан, работавших в те годы вместе с конструктором Кузнецовым. Мы тепло относились к его родному брату, Виктору Ивановичу, который как две капли воды был похож на своего родного брата Николая. Частыми гостями завода были и соратники Кузнецова — В. Довгер, Н. Струтинский и др. На встречу с Д.Н. Медведевым — легендарным командиром отряда, в составе которого сражался Николай Иванович, собралось огромное количество людей.

Николай Иванович Кузнецов родился 27 июля 1911 года в деревне Зырянка Талицкого района Свердловской области.

Уже в годы учебы в школе он обнаружил незаурядные способности к изучению иностранных языков. О врожденной способности Кузнецова к языкам сегодня некоторые скептики говорят с раздражением, называют биографию разведчика советским мифом. Однако отрицать факты не могут и они.

В начале 30-х годов Н. Кузнецов переехал в Свердловск и поступил на работу в конструкторский отдел «Уралмашзавода». Одновременно учился на вечернем отделении индустриального института (кстати, этот же институт через 20 лет закончил и я) и на курсах немецкого языка. На заводе очень часто общался с немецкими специалистами, и это было для него не только хорошей разговорной практикой, но и возможностью изучить манеры немецких рабочих и инженеров, их психологию, привычки. После окончания института Кузнецов был направлен в Москву, зачислен в аппарат внешней разведки.

В первые дни Великой Отечественной войны Кузнецов подал рапорт с просьбой использовать его в «активной борьбе против германс-

кого фашизма, на фронте или в тылу, вторгшихся на нашу землю немецких войск». Лишь второй его рапорт был удовлетворен. Как рассказывали боевые товарищи разведчика, «забросили Кузнецова на территорию оккупированной Украины с пистолетом и гранатой — и все! Но у фашистов земля загорелась под ногами...».

Летом 1942 года Н. Кузнецов был зачислен в отряд особого назначения «Победители», которым командовал Д.Н. Медведев, впоследствии, в 70-х годах, написавший известные романы о подвиге разведчика. Действуя под видом немецкого офицера, Николай Кузнецов в центре города Ровно уничтожил имперского советника рейхскомиссариата Украины Гелля и его секретаря Винтера. Через месяц смертельно ранил заместителя рейхскомиссара генерала Даргеля. Позже похитил командующего карательными войсками в Украине генерала фон Ильгена. Вскоре после этого уничтожил президента Верховного суда на оккупированной Украине А. Функа.

Одновременно Кузнецов целенаправленно собирал важную для Центра разведывательную информацию. Весной 1943 года ему удалось получить чрезвычайно ценные разведывательные сведения о подготовке противником крупной наступательной операции в районе Курска с использованием новых танков «Тигр» и «Пантера». Ему также стало известно точное местонахождение полевой ставки Гитлера под Винницей. Именно Кузнецов первым сообщил о подготовке покушения на глав правительств «большой тройки», собиравшихся на историческую встречу в Тегеране.

В конце декабря 1943 года Н.И. Кузнецов получил новое задание — развернуть разведывательную работу во Львове. Совершая акты возмездия, он уничтожил вице-губернатора Галиции Отто Бауэра.

В ночь с 8 на 9 марта 1944 года его группа попала в засаду в селе Боратин Львовской области и погибла в неравной схватке с бойцами УПА. Видя полную безвыходность положения, Кузнецов взорвал себя и окруживших его врагов гранатой.

5 ноября 1944 года за исключительное мужество и храбрость при выполнении заданий командования Николай Иванович Кузнецов был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

О подвигах Н.И. Кузнецова написаны книги и пьесы, статьи и очерки, сняты художественные («Подвиг разведчика», «Сильные духом», многосерийный «Отряд особого назначения») и документальные кинофильмы («Гений разведки» и др.).

Боевой друг Николая Ивановича, который заботился о его могиле, скончался летом 2003 года. Это был Николай Струтинский, личный шофер Кузнецова — Зиберта, участвовавший во всех его боевых опе-

рациях. Он потратил немало лет на подтверждение истинных фактов биографии своего легендарного соратника. «Кузнецов жизнь отдал за свободу и само существование украинского народа, а его сегодня пытаются объявить врагом Украины, — говорил Н. Струтинский, сам отмеченный высокими боевыми наградами. — Но вот лишь несколько фактов, которым я был свидетелем. Когда мы ликвидировали сенац-президента Украины генерала Альфреда Функе, его должны были хоронить в с. Тютюковичи, на окраине Ровно. Там была небольшая речка. Мы решили взорвать деревянный мост со всеми генералами, которые должны были следовать за катафалком. Все было подготовлено, но в последний момент Кузнецов операцию отменил — опасался, что за это немцы уничтожат село. Мы возражали против отмены операции, но Кузнецов настоял на своем.

Другой факт. После захвата графа Гаана и раскрытия тайны «Вервольфа» мы возвращались к своему отряду. На реке Случи попали в засаду отряда атамана Бульбы, но, вступив в бой, захватили в плен тринадцать человек. Кузнецов посмотрел, как они одеты — лапти, одежда бедная. Он их выстроил в шеренгу, а мне говорит: “Коля, расстреливать их не будем. Это простые обманутые люди, крестьяне...” А им сказал: “Мы воюем с немцами, а не с украинцами. И отпускаем вас с условием, что оружия в руки больше не возьмете”. Они поклялись, и были отпущены. Такое на войне — редкость. Были и другие случаи.

...Он сын России, Украины сын. И независимое Украинское государство должно признать его своим героем. Он воевал не за славу, он защищал не власть, он бился с фашистской чумой и погиб за украинский народ. И надо наконец воздать ему должное».

В год 95-летия легендарного разведчика уральцы, не удовлетворенные состоянием могилы прославленного земляка, активизировали инициативу перезахоронения праха Николая Кузнецова. Он будет перенесен в Екатеринбург. В качестве места для перезахоронения выбраны площадь Коммунаров, площадь Обороны и Широкореченский мемориал.

А что же думает об этом сегодня Украина, за свободу которой погиб Кузнецов? Ответ на этот вопрос ясен: там сейчас идет другая война — с памятниками и могилами павших в борьбе с фашизмом.

Только как поощрение националистического вандализма можно оценить действия украинских властей. На самом деле они борются не с памятниками, а с исторической памятью народа в угоду своим домогощенным ренегатам.

Из средств массовой информации мы знаем, что некоторые граждане «независимой» Украины выступают против подобных действий, происходивших в стране. Они блокируют митинги и марши участников и сторонников украинских националистов — бандеровцев. Но, к сожалению, их очень мало.

Украинцам стоило бы поучиться у крымчан. Женщины, в основном, зрелого возраста, выгнали с позором морпехов США. Вместе с их контейнерами.

Украинскому народу нужно проснуться, подальше отойти от лидеров крикливой «оранжевой революции» и трезво оценить, во имя чего все это делается. Уничтожая память народа, нынешние власти пытаются оправдать свой твердый курс на Запад, стремление быть подальше от России, от «москалей».

3. «САМОСТИЙНОЙ ДЕРЖАВЕ — САМОСТИЙНУЮ ЦЕРКОВЬ»*

Политическая ситуация, сложившаяся в Украине в 80—90-х годах прошлого столетия, определялась отчасти и межконфессиональными отношениями. Несмотря на то что официально церковь отделена от государства, ее влияние на политическую жизнь весьма велико. Ведь миряне в той или иной степени прислушиваются к голосу своих духовных пастырей.

Не ведя прямой пропаганды за какие-либо политические силы, тем своим поведением и отношением к ним как бы дают сигнал о своих политических симпатиях и поддержке.

В Западной Украине до конца Великой Отечественной войны действовала униатская церковь. Украинская грекокатолическая церковь (УГКЦ) была создана Брестской унией в 1596 году. Подчинялась она Папе Римскому, признавала основные догматы католической церкви при сохранении православных обрядов. Служила интересам властей Польши, а затем Австро-Венгерской монархии. Стояла на антисоветских позициях, в годы Второй мировой войны сотрудничала с гитлеровцами, поддерживала ОУН. Самоликвидировалась в 1946 году с расторжением Брестской унии.

В конце 80-х годов произошел всплеск националистических настроений в западных областях Украины. С самого начала этот процесс

* В этом разделе главы использован материал, любезно представленный автору Отделом церковных связей Московского патриархата.

носил откровенно политический характер, являясь перенесением на церковную почву сепаратистских тенденций, присущих галицийской ментальности.

Первыми на Западной Украине эти настроения выразили грекокатолики. Уже в 1988—1989 годах они выходят из подполья. Во второй половине 1989 года представители УГКЦ переходят к прямой агрессии. С осени 1989 года начинаются массовые захваты православных храмов. Первой жертвой униатов в октябре стал Преображенский собор во Львове.

Был выдвинут экстремистский лозунг: вернуть УГКЦ все храмы и имущество по состоянию на 1939 год. К исходу 1989 года УГКЦ получила законный статус, чему немало содействовали дипломатическое вмешательство Ватикана и достижение договоренности по данному вопросу между Иоанном Павлом II и М. Горбачевым 1 декабря 1989 года. В начале 1990 года в результате победы на выборах в местные Советы к власти в западных областях Украины пришли национал-«демократы». Благодаря этому униаты отныне получали практически неограниченную поддержку властей и гонения на все русское и православное достигли апогея.

Выборы в Верховный Совет Украинской ССР привели к появлению в его составе значительного числа националистических политиков из Западной Украины. У сторонников самостийности отныне появлялась парламентская трибуна, что резко активизировало противостояние с Советской властью. На фоне возрастания накала политических страстей еще большего размаха достигает кампания захвата храмов сторонниками УГКЦ. Никакие обращения к лицам, способным повлиять на ход событий, в частности, к папе Иоанну Павлу II, Президенту СССР М. Горбачеву и Председателю Верховного Совета УССР Л. Кравчуку, действия не возымели.

В малых городах и селах прокатолически настроенные власти действовали по шаблону: независимо от соотношения православных и униатов в данном населенном пункте, как правило, решением местной администрации (в советах всех уровней в 1990 году уже повсеместно господствовали «руховцы») храм передавался грекокатоликам. Если православные отказывались освободить храм, начинался штурм, причем следствием его, в основном, бывали многочисленные ранения и травмы людей, разрушения в самом храме. Зачастую осквернялись святыни, в церковь могли ввести собак для травли православных, а священнослужителей боевики насильственно выдворяли из алтарей.

Вот такая агрессивная ситуация сложилась в Западной Украине в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века из-за действий униатс-

кой церкви, благодаря националистически настроенным «руховцам», которых поддерживал вчерашний секретарь ЦК КПУ по идеологии Кравчук.

Кульминация прилась на время официального визита Иоанна Павла II в Украину. Этот визит диктовался прежде всего политическими соображениями. Для пошатнувшегося положения президента Л. Кучмы прибытие столь видного гостя было истинным подарком.

В аэропорту Киева, Борисполе, понтифика встречали Кучма, дипломатический корпус, «парубки и девушки» в национальных костюмах, восклицающие: «Хай живе пан!»

С первых же шагов на украинской земле стало ясно, что Иоанн Павел II в полной мере использует этот визит для проповедей, обращенных не только к католикам, но и ко всей Украине. В них нашлось место для напоминаний о «злодеяниях, совершенных политическими силами, и преследованиях верующих» (разумеется — грекокатоликов). Но ни одним словом не упоминалось о преступлениях гитлеровцев по истреблению восточных славян, о миллионах расстрелянных, заживо закопанных и сожженных, брошенных в шахты советских граждан.

Папа побывал в Бабьем Яру — тему холокоста не может обойти ни один из политиков мира. Затем последовало посещение Быковлянского леса, где погребены десятки тысяч жертв репрессий советского времени. Расставленные акценты отразились и на пространных проповедях: краткое упоминание о нацизме и довольно основательный упор на советский тоталитаризм. Выработанная схема не позволила ему, естественно, посетить страшный Дарницкий концлагерь для советских военнопленных.

Итог был подведен во Львове 27 июня 2001 года. Здесь во время литургии к лику святых были причислены 29 грекокатоликов, из которых лишь один погиб в Майданеке. Остальные же, как сообщается, «погибли от рук большевиков». Годы подготовки этого визита и само содержание посещения понтификом Украины вылились в прямую героизацию Степана Бандеры, Ярослава Стецко и их боевиков.

Сам визит и сопровождавшие его события были расценены как торжество справедливого и окончательного преодоления последствий «сталинского» Львовского собора 1946 года. Было забыто, в какой сложной обстановке проходил этот Собор, насколько сильно было в Украине возмущение против грекокатолического духовенства. Ведь известно, что подавляющая его часть во главе с митрополитом Андреем Шептицким открыто поддерживала фашистскую Германию, а также сотрудничала с оккупационными властями и несла свою долю ответственности за все злодеяния фашистов на землях Украины.

Шептицкий лично поздравил Гитлера со взятием «златоглавого города на Днепре». Еще до падения Киева этот митрополит выступил с пастырским посланием в поддержку провозглашенного 30 июня 1941 года «правительства» Ярослава Стецко. Глава УГКЦ призывал к «тесному взаимодействию с национал-социалистической Великогерманией, которая под руководством Адольфа Гитлера создает новый порядок в Европе и мире и помогает украинскому народу освободиться от московской оккупации» и совместной с «союзной немецкой армией» борьбе против этой самой оккупации.

Сразу же после обнародования этого акта первым опытом такого «взаимодействия» стала продолжавшаяся неделю чудовищная львовская резня. В ее основе был еврейский погром, однако под нож шли и работники советских органов власти, коммунисты, подозреваемые в сочувствии к Москве, и просто случайные люди. Во многом пострадала и польская интеллигенция. Тем не менее Иоанн Павел II пообещал львовянам, что недалек день, когда «в главе святок» узрят и самого митрополита Андрея Шептицкого. И, разумеется, не затрагивался вопрос об униатских захватах православных церквей в 90-е годы, ведь грекокатолики возвращали отнятое у них «сталинистами».

Таков итог «возрождения» униатской церкви в Западной Украине. Почти два десятка лет националисты совместно с этой церковью создают напряженность в украинском обществе. Противостояние запада и востока Украины не затухает ни на один день. Все это чревато большими серьезными последствиями для целостности государства.

Начиная с крещения Киевской Руси, основной религией Украины было православие. В то же время в истории Православной церкви в Украине было несколько попыток создать здесь не зависимую от Московского патриархата автокефальную церковь. Основой стремления к «самостийной украинской церкви» всякий раз были сепаратистские настроения определенной части населения Украины. Этой цели так и не удалось достичь в 1919 году, в период режима «директории» Симона Петлюры. Однако создание первой по счету так называемой Украинской автокефальной православной церкви (УАПЦ) стало возможным в 1920—1921 годах благодаря стремлению большевиков изнутри разложить единую Русскую православную церковь. Именно с этой целью органами НКВД были инспирированы обновленческий раскол в России и автокефалистский в Украине.

В связи с тем, что никто из архиереев Русской церкви не поддерживал раскольников, последние оказались перед лицом крушения всей автокефальной авантюры. Дабы избежать его, лидеры раскола пошли

на открытое и беспрецедентное попрание канонов православия: лжемитрополит Василий Липкивский и другие лжеепископы УАПЦ 1921 года были «рукоположены» не епископами, а священниками и мирянами. Отсюда и другое название раскольников-автокефалистов Липкивского — «самосвяты». Эта псевдоцерковь просуществовала недолго: не оправдавшая надежд НКВД, она, как неэффективное средство борьбы с православием, была принуждена к самоликвидации в 1930 году.

Во время Великой Отечественной войны, в феврале 1942 года, в Пинске проходит «Собор автокефальных украинских епископов» в составе Поликарпа (Сикорского) и Александра (Иноземцева), которые «рукополагают» еще трех «архиереев». Собор объявил о принятии в лоно новой автокефалии лжесвященников «самосвятской» иерархии 1921 года. В мае 1942 года последовало признание новой УАПЦ со стороны немецких оккупационных властей, которые в поисках популярности у населения открывали на захваченных землях Украины православные храмы и в то же время боялись возрастания авторитета Русской православной церкви. С помощью раскольников-автокефалистов немцы надеялись реализовать в своей украинской политике принцип «разделяй и властвуй». Новая «церковь» получила в первый период оккупации (до 1943 года) широкую поддержку со стороны германских оккупантов. Но еще большее содействие оказывали собратья по идеям украинского национализма — бандеровцы, мельниковцы и прочие бандитские формирования. УАПЦ стала идейной вдохновительницей злодеяний украинских сепаратистов, направленных в первую очередь против собственного народа. На Волыни при помощи ОУН автокефалисты развязали настоящий террор против канонической Украинской православной церкви. Жертвами террора стали многие священнослужители и миряне, не пожелавшие перейти в УАПЦ. Бандеровцами был повешен епископ Владимиро-Волинский Мануил (Тарнавский), зверски замучены десятки православных священников, отказавшихся от сотрудничества с раскольниками.

Альянс между украинскими националистами и руководством УАПЦ был весьма прочным. Однако в итоге это отразилось на отношении немецких властей к УАПЦ. После того как к 1943 году бандеровцы убедились в том, что гитлеровцы не помышляют на деле ни о каком «самостийном» Украинском государстве, сепаратисты стали действовать против немецких оккупационных войск. В таких условиях германские власти Украины вынуждены были отказаться от всемерной поддержки, прежде оказываемой раскольникам-автокефалистам.

Успешное наступление Красной Армии и освобождение Украины от гитлеровцев в 1943—1944 годах положило конец автокефалистскому расколу на канонической территории Русской православной церкви. После бегства «иерархов» УАПЦ за границу на территории Украины не осталось ни одного раскольничьего прихода, все они вошли в юрисдикцию Русской православной церкви.

После Второй мировой войны на территории Западной Украины были созданы православные епархии: Львовско-Тернопольская, Ивано-Франковско-Коломыйская и Ужгородско-Мукачевская. Церковная жизнь в них была весьма оживленной. Хрущевские гонения задели западноукраинские епархии не в такой степени, как некоторые другие. Даже после хрущевской волны закрытия храмов на территории СССР в одной только Львовско-Тернопольской епархии, крупнейшей в составе Московского патриархата, в 1960—1980-х годах насчитывалось почти 2 тысячи приходов, то есть свыше четверти всех общин Русской церкви.

Большинство из них было сосредоточено на западе Украины, которую, как уже сказано, почти не затронули антицерковные репрессии. Это было связано в первую очередь с тем, что западноукраинские области вошли в состав СССР в 1939 году, а вскоре началась Великая Отечественная война. Естественно, что советские преобразования начались в Галичине только в послевоенные годы, когда антирелигиозная пропаганда на некоторое время утасла и кампания по закрытию храмов прекратилась. Поэтому церковная жизнь не подверглась здесь столь сокрушительному разгрому, как в России или на востоке Украины в довоенные годы. В немалой степени этому способствовало самоупражнение униатской церкви на Львовском соборе 1946 года.

Появление третьей генерации автокефалистов также было связано со взрывом националистических настроений на Западной Украине и совпало по времени с возрождением униатства. Зачинатели нового раскола часто в те годы объясняли свои действия необходимостью поставить заслон грекокатоликам. Идея автокефалии, по их словам, лишала униатство наиболее веского аргумента в его пользу — характера «национальной» Украинской церкви. Однако очень скоро стало ясно, что и уния, и автокефалия — это порождение одного и того же явления — украинского сепаратизма. Правда, ориентированы они оказались на разные слои населения. И те, кто традиционно воспринимал имеющее на Западе Украины трехвековую историю униатство как свою национальную религию, и те, кто считал верой отцов православие, в итоге оказались общими заложниками национализма, но никак не догмати-

ческих, богословских, вероучительных или даже обрядовых споров и несогласий.

В этой связи важно отметить, что программа «Народного Руха» Украины имела специальный религиозный раздел, в котором были слова о необходимости борьбы «за нормализацию правового статуса разрушенных сталинщиной Украинской католической церкви (имелась в виду УГКЦ, называвшаяся так в 1989—1990 годах) и УАПЦ». Причем перспектива возрождения УАПЦ многим политикам Галичины представлялась еще более заманчивой, чем реанимация унии: можно было ожидать потенциального экспорта автокефалистского раскола на восток Украины, где население традиционно было исключительно православным и униатство заметного отклика найти не могло.

Именно галицийское церковно-сепаратистское движение, тесно связанное с правыми политиками, реанимировало идею автокефалии Православной церкви в Украине 1921 года. Новый раскол начался под своеобразными девизами: «Рим нам не отец, но и Москва не мать» и «Самостийной державе — самостийную церковь».

В феврале 1989 года при активной поддержке того же «Руха» в Киеве стал действовать инициативный комитет по восстановлению УАПЦ, подтвердивший преемственную связь с УАПЦ 1921 года и призывавший украинские приходы выйти из юрисдикции Патриарха Московского. Раскол стал набирать силу только после того, как в августе 1989 года о своем выходе из юрисдикции РПЦ вместе со своим приходом объявил протоиерей Владимир Ярема, настоятель львовского храма Петра и Павла. Решено было действовать в двух направлениях: искать архиерея-перебежчика среди епископата Русской церкви и одновременно завязывать контакты с эмигрантскими кругами и сохранившейся за границей «церковью».

Но особого сотрудничества между «двумя ветвями Церкви святого Владимира», как зачастую украинские националисты именовали УАПЦ и УГКЦ, не получилось. УГКЦ первоначально крайне негативно отнеслась к автокефалистскому расколу, видя в нем конкурента своей монополии на националистическую идею.

Для поднятия авторитета раскольникам был крайне необходим архиерей. Без него просто невозможно было создать хотя бы видимость каноничности и расширять свои ряды. В итоге такой архиерей-ренегат был найден в лице бывшего епископа Житомирского и Овручского Иоанна (Боднарчука), который был весьма обижен на Московский патриархат. Это обусловило его согласие примкнуть к расколу.

В ноябре Боднарчук телеграммой объявил о своем выходе из состава епископата Русской церкви. С ним велись переговоры, однако

это не возымело действия. Иоанна приглашали на заседание Священного синода РПЦ в ноябре 1989 года, но он дважды телеграфировал о своем отказе прибыть в Москву на рассмотрение своего дела. После этого за свои раскольничьи действия Иоанн определением Священного синода Русской православной церкви был лишен архиерейского сана и монашества.

Тем не менее Боднарчук никак не реагировал на это и продолжал участвовать в расколе. Автокефалисты, уже успевшие зарекомендовать себя столь же яростными поборниками националистической идеи, как и униаты, постепенно начинают завоевывать популярность среди галичан. Это позволяет раскольникам в скором времени перейти к той же практике насильственного захвата храмов Русской православной церкви, которую уже отработали греко-католики.

Архиерейский собор Русской православной церкви, проходивший в Москве 30—31 января 1990 года, уделил значительное внимание проблеме межконфессионального противостояния на западе Украины. Собор направил в адрес Председателя Верховного Совета СССР Горбачева телеграмму с призывом «способствовать немедленному прекращению актов насилия и беззакония» со стороны униатских и раскольничьих экстремистских кругов. Собор дал расколу наряду с унией однозначную оценку как явлению не религиозного, а политического порядка.

Важно отметить, что, помимо откровенных приверженцев украинского национализма, в западноукраинских епархиях было немало клириков, которые, будучи искренними в своем православии, тем не менее полагали, что предоставление Украинскому экзархату Русской православной церкви канонической автокефалии сможет предотвратить наступление униатства и раскола в Украине.

В адрес Святейшего патриарха Пимена и тогдашнего митрополита Киевского, Патриаршего экзарха Украины Филарета (Денисенко) стали поступать многочисленные послания от клириков из западноукраинских епархий с призывами даровать автокефалию экзархату. Ответом на это стало предоставление Архиерейским собором РПЦ 30—31 января 1990 года Украинскому и Белорусскому экзархатам более широкой автономии.

Новое положение об экзархатах давало им весьма значительную автономию в пределах Русской православной церкви, частью которой они продолжали оставаться. Экзархаты получили помимо нового наименования, право иметь собственный Синод, которому принадлежала бы высшая судебная, законодательная и исполнительная церковная власть. Также экзархатам была предоставлена огромная финансовая самостоятельность, что являлось весьма важным в условиях, когда рас-

кольники постоянно утверждали, будто средства украинских приходов изымаются Москвой. По сути, экзархаты становились автономными церквями в пределах Патриархата.

Между тем религиозная война в Галичине разгоралась все более остро. В Тернополе к середине 1990 года в юрисдикции Русской православной церкви уже не оставалось ни одного храма: они оказались в руках униатов, в том числе и церковь, построенная в 1540 году, задолго до Брестской унии.

3 мая 1990 года скончался Святейший патриарх Московский и всея Руси Пимен (Извеков). Первосвятитель почил на 80-м году жизни. Вероятно, автокефалисты опасались того, что новый Предстоятель Русской церкви окажется молодым и энергичным и сможет успешно противостоять распространению раскола. Поэтому они решают действовать незамедлительно, пока Московский Патриарший престол остается вдовствующим.

В июне 1990 году раскольники собрались в Киеве на так называемый Всеукраинский собор УАПЦ. На «соборе» их амбиции разгулялись до такой степени, что решено было не только провозгласить автокефалию, но и избрать «патриарха Киевского». Им стал престарелый Мстислав Скрипник, глава американских автокефалистов, которого к тому времени раскольники сделали знаменем своего движения. Избран он был заочно, так как на «соборе» не присутствовал лично, оставаясь в США. Иоанн (Боднарчук) стал «Местоблюстителем Патриаршего престола».

О том, что власти советской Украины отнюдь не препятствовали деятельности раскольников, свидетельствует тот факт, что участникам раскольничьего «собора» впервые была предоставлена возможность совершить кощунственное «богослужение» в святыне Русской православной церкви — храме святой Софии в Киеве, который до сих пор остается музеем-заповедником.

Среди причин, побудивших Русскую православную церковь безотлагательно приступить к выборам нового Предстоятеля еще до истечения сорока дней с момента кончины Патриарха Пимена, была возникшая церковная смута в Украине.

Поместный собор в своих определениях коснулся и чрезвычайно осложнившейся религиозной ситуации в Украине. Собор отметил, что униатская проблема до крайности обострила взаимоотношения Русской православной церкви и Ватикана, подорвала надежду на успешное продолжение православно-католического диалога.

Собор также осудил действия украинских раскольников-автокефалистов, нарушивших церковный мир в Западной Украине. Было от-

мечено, что «справедливое стремление к самоуправлению Православной церкви в Украине, вместо того чтобы осуществляться в рамках церковных канонов с сохранением церковного единства, пошло по ложному пути разделения со всеми вытекающими из этого пагубными последствиями». Поместный собор подчеркнул, что Украинская православная церковь, обладая широкой самостоятельностью, сохраняет законную каноническую связь как с Московским патриархатом, так и со всеми другими поместными православными церквями.

К дальнейшей судьбе автокефалистского раскола косвенно имело отношение и избрание нового Патриарха Московского и всея Руси. После кончины патриарха Пимена Местоблюстителем Патриаршего престола 3 мая 1990 года стал в ходе голосования митрополит Киевский и Галицкий Филарет, Патриарший экзарх Украины. Митрополит Киевский считался вторым по значению после Патриарха архиереем Русской православной церкви и самым влиятельным из постоянных членов Священного синода. По традиции полагали, что Местоблюститель является наиболее вероятным кандидатом в будущие патриархи.

Однако в прессе все чаще и настойчивее стала появляться информация о далеко не безупречном нравственном облике митрополита Филарета. Не нравился многим, особенно украинскому духовенству, стиль управления митрополитом Экзархата, властный и грубый, приущий скорее недалекому светскому начальнику, нежели архиерею. Многие уклонившиеся в раскол также свидетельствовали, что единственным мотивом их действий было желание уйти из той удушающей атмосферы, которую насадил в Украинской церкви митрополит Филарет.

В то же время было заметным стремление митрополита Филарета стать Патриархом Московским и всея Руси. На Поместном соборе 1990 года Экзарх Украины фигурировал в избирательных бюллетенях на первом месте. За него при выборах Патриарха было подано 66 голосов. Однако новым Предстоятелем Русской православной церкви стал не Филарет, а митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей (Ридигер). Можно предположить, что это обстоятельство также отразилось на дальнейшей деятельности митрополита Филарета.

Огромное значение в жизни Украинской православной церкви имел визит Святейшего патриарха Московского и всея Руси Алексия II в Украину 27 июля — 6 августа 1990 года. Тем самым была оказана весьма значительная моральная поддержка православному населению Украины, подвергнутому в это время агрессии со стороны униатов и автокефалистов. Приезд Первосвятителя, посетившего Украину вскоре

после своей интронизации, свидетельствовал о том, что преодоление религиозного конфликта в Украине являлось одной из важнейших задач, стоявших перед Московским патриархатом. Обращаясь к молящимся после богослужения в Киевском кафедральном соборе во имя святого равноапостольного князя Владимира, проходившего в день памяти Крестителя Руси, патриарх Алексей сказал: «Нас не может не тревожить распространение так называемой автокефалии, а по сути, раскола в церкви. Мое посещение Украины является свидетельством того, что мы едины с епископатом, клиром и верующими Украинской православной церкви в радостях и скорбях».

Но, несмотря на все принимаемые Русской православной церковью меры, все более усиливалась политизация межконфессионального конфликта.

9 июля 1990 года в Киеве собрался епископат Украинского экзархата, который принял «Обращение Украинской православной церкви о предоставлении ей независимости и самостоятельности в управлении», а также единогласно избрал Предстоятелем Украинской церкви митрополита Филарета (Денисенко).

Священный синод Русской православной церкви на своем заседании 20 июля 1990 года рассмотрел Постановление Синода Украинской церкви о мерах, направленных на расширение ее автономии. Украинские архиереи просили дать Экзархату еще более широкую самостоятельность, аргументируя свое прошение сложной религиозно-политической ситуацией в Украине. Священный Синод РПЦ постановил в связи с принципиальной значимостью данного вопроса рассмотреть его на Архиерейском соборе Русской православной церкви, который назначался на 25—27 октября 1990 года.

Следует отметить, что абсолютное большинство православного населения центральных и восточных областей Украины было настроено против любой формы церковной «самостийности» и выступало за тесное единство с Русской православной церковью в составе Московского патриархата.

25—27 октября 1990 года в Московском Свято-Даниловом монастыре собрался Архиерейский собор Русской православной церкви. В числе вопросов, предложенных на рассмотрение иерархов, главным в повестке дня значился вопрос о предоставлении Украинской православной церкви независимости и самостоятельности в управлении.

Уже 28 октября, на следующий день после состоявшегося Собора, Патриарх Московский и всея Руси Алексей II прибыл в Киев для того, чтобы торжественно объявить о независимости Украинской церкви, даруемой ради преодоления раскола и водворения мира церковного.

В день приезда патриарх Алексий II совершил Божественную литургию в Софийском соборе Киева. Перед началом литургии Первосвященитель даровал митрополиту Филарету грамоту о независимости Украинской церкви.

Фактически УАПЦ получала полную независимость, сохраняя лишь каноническое единство с Московским патриархатом. Сходный статус имела до конца XVII века Киевская митрополия в составе Константинопольского патриархата. Причем характерно, что автокефалисты, говоря об этом домосковском периоде истории Украинской церкви, именовали его временем независимости. Оценивая же положение Украинской православной церкви после дарования ей независимости в 1990 году, они непременно указывали, что это фикция и ни о какой самостоятельности УПЦ нет и речи.

Многие в Украине вполне искренне считали, что получившая самостоятельность УПЦ сумеет теперь дать должный отпор притязаниям автокефалистов и униатов. Свидетельствовали о перевесе сил у УПЦ и статистические данные: к лету 1991 года в Украине было свыше 5 тысяч приходов канонической юрисдикции против 1,8 тысячи униатских и 1,1 тысячи раскольничьих, многие из которых к тому же являлись фиктивными.

Собор Украинской православной церкви был созван по решению Синода Украинской православной церкви в связи с предоставлением ей статуса независимой и самостоятельной в управлении и состоялся в Киеве 22—23 ноября 1990 года.

Вместе с тем Собор был вынужден вновь обратиться к обсуждению проблемы противостояния с автокефалистами и униатами. Его участники с сожалением констатировали, что деструктивные силы, прикрываясь религиозными лозунгами, тем не менее преследуют нецерковные цели. Было отмечено, что церковный раскол в Украине с самого начала носил откровенно политический характер и являлся составной частью сепаратистского направления в украинской политике.

На Соборе было также отмечено, что среди западноукраинского духовенства весьма сильна тяга к канонической автокефалии, однако необходимо считаться и с настроениями верующих восточной епархии УПЦ, где отношение к автокефалии резко отрицательное.

В 1991 году произошли очень серьезные изменения в расстановке политических сил в Украине. После того как в июне 1990 года Верховным Советом СССР была принята Декларация о государственном суверенитете Украины, все очевиднее намечалась тенденция к распаду СССР и выходу Украинской республики из его состава. В таких условиях большая часть партийной номенклатуры в целях сохранения сво-

его влияния в меняющихся условиях решила вступить в сговор с националистическими кругами, резко поменяв свою политическую ориентацию. Сепаратизм становится уже не только достоянием галицийских депутатов-диссидентов, но и официальной политикой Киева. Наиболее отчетливо это прослеживалось в деятельности Председателя Верховного Совета Украины Кравчука. Вскоре Украина объявила в одностороннем порядке о своем выходе из состава СССР, и вовремя сменившие политические ориентиры представители партноменклатуры вместе с галицийскими националистами поделили власть.

После провала ГКЧП, следуя националистическим веяниям, митрополит Филарет из непримиримого противника Украинской церковной автокефалии становится ее ревнителем, тем более что исход выборов Патриарха на Поместном соборе 1990 года он счел своим провалом. Немаловажное значение имели и публикации в периодических изданиях Киева и Москвы статей о его личной жизни; авторы утверждали, что митрополит Филарет имеет жену и детей, обкрадывает Церковь и связан с КГБ. Священнослужители Украинской церкви обвиняли его в том, что он ответственен за успех униатов в Галиции и за раскол, учиненный бывшим епископом Житомирским, ушедшим в автокефалию во многом, надо полагать, из-за личной неприязни к митрополиту Филарету.

Под давлением митрополита Филарета в начале ноября 1991 года Собор Украинской православной церкви вынес постановление «обратиться к Святейшему патриарху Московскому и всея Руси Алексию II и епископату Русской православной церкви с просьбой даровать Украинской православной церкви полную каноническую самостоятельность». Собор считал, что это «будет способствовать укреплению единства православия в Украине, содействовать ликвидации возникшего автокефального раскола, противостоять униатской и католической экспансии, служить примирению и установлению согласия между враждующими ныне вероисповеданиями, сплочению всех национальностей, проживающих в Украине. Учитывая тысячелетнюю историю Киевской митрополии, прямой правопреемницей которой является Украинская православная церковь, имеющая 35-миллионную паству, Собор просит Русскую православную церковь после дарования полной самостоятельности Украинской православной церкви способствовать учреждению Киевского патриархата Восточными патриархами и главами поместных церквей».

На заседании Священного синода, состоявшемся 25—27 декабря 1991 г. под председательством Святейшего патриарха и с участием митрополита Филарета, решено было разослать обращение и определе-

ние Украинского собора всем архиереям Русской православной церкви для тщательного изучения вопроса столь исключительной важности, с тем чтобы впоследствии он стал предметом обсуждения на архиерейском Соборе. Решение Собора Украинской церкви встревожило значительную часть священнослужителей и мирян в Украине, и в Московскую Патриархию из разных епархий стали поступать телеграммы с просьбой оставить их приходы в московской юрисдикции. Более 60 приходов Винницкой епархии прислали даже протоколы своих собраний с подписями от сотни до нескольких тысяч человек под каждым протоколом. В то же время митрополит Филарет предпринимал энергичные усилия к тому, чтобы ускорить процесс автокефализации, рассылал по епархиям циркуляр о проведении собраний духовенства в поддержку решения Собора УПЦ о предоставлении ей независимости.

22 января 1992 года в Киеве состоялось епископское совещание Украинской церкви. На совещании было принято новое обращение к Святейшему патриарху Алексию II, в Священный синод и ко всем архиереям Русской православной церкви, в котором содержался упрек в том, что священноначалие Русской православной церкви умышленно затягивает положительное решение вопроса об автокефалии, что «определенные силы, в том числе и из Москвы, сеют смуту среди монашествующих, духовенства и мирян в отдельных областях и тем самым фактически работают против православия в Украине... Некоторые московские средства массовой информации развернули клеветническую кампанию против предстоятеля Украинской православной церкви, пытаясь путем грязной клеветы смущать умы и сердца несведущих людей».

Поток писем и телеграмм, направленных в Московскую Патриархию из приходов, духовных школ, от отдельных священнослужителей и мирян с просьбой предотвратить разделение Русской православной церкви и сохранить существующий статус Украинской церкви, нарастал. Встревоженный ситуацией, Святейший патриарх Алексий II направил митрополиту Филарету телеграмму, предлагая в связи с опасным развитием церковных событий в некоторых областях Украины до заседания Священного синода «воздержаться от любых канонических прещений». 17 февраля от митрополита Филарета в адрес Святейшего патриарха поступило две телеграммы; в первой он просил «не принимать» в Синоде «никаких постановлений, касающихся внутренней жизни Украинской православной церкви», а во второй заявил о том, что не придет на заседание Синода по причине болезни. Перед заседанием Священного синода Святейший патриарх Алексий II получил так-

же «открытое письмо» Совета по делам религий при Кабинете Министров Украины, в котором Совет настаивал на предоставлении Украинской православной церкви автокефалии.

Священный синод Русской православной церкви, состоявшийся 18 и 19 февраля 1992 года, принял обращение к митрополиту Киевскому Филарету и епископату Украинской церкви с требованием «незамедлительно пересмотреть решение Украинского синода от 23 января, чтобы внести мир в сердца братьев архиереев и в их скорбящую паству, взывающую ныне о справедливости церкви. Это позволит сохранить мир церковный и единство Украинской православной церкви... Если же, сохрани Бог, этот единственно правильный и канонически законный принцип будет нарушен, то каждый, кто останется верным православию, получит наше каноническое пастырское окормление и не будет брошен на произвол сил зла».

31 марта 1992 года в Свято-Даниловом монастыре открылся Архиерейский собор Русской православной церкви, заседания которого продолжались до 5 апреля. С 1 по 4 апреля Архиерейский собор обсудил ходатайство украинских архиереев о предоставлении Украинской церкви автокефального статуса.

После доклада митрополита Филарета началась дискуссия, в которой участвовали большинство архиереев. На обсуждение вопроса о статусе Украинской церкви не могли не повлиять многочисленные делегации верующих из разных епархий Украины, протестовавших против автокефалии; на территории Свято-Данилова монастыря стояли пикеты с плакатами: «Призываем участников Собора отстаивать единство церкви!», «Автокефалия — путь к унии!», «Украине нужно чистое православие!», «Владыко Филарет! Ради блага церкви уйдите, наконец, за штат!» и даже «Отступнику Филарету — анафема!».

Значительное большинство архиереев, выступая на Соборе, говорили о несвоевременности автокефализации Украинской церкви, главным образом из-за того, что при полной самостоятельности Православная церковь в Украине окажется один на один перед лицом униатской агрессии, а раскольники все равно не прекратят своей разрушительной деятельности. Некоторые из выступавших напоминали, что все прошлые попытки автокефализации Украинской Церкви приносили церкви беду.

Против предоставления Украинской церкви автокефального статуса высказывались некоторые правящие архиереи украинских епархий. Поворотным моментом в полемике явилось предложение епископа Магаданского Аркадия (Афонина) рассмотреть вопрос о смене главы Украинской церкви, «так как владыка Филарет не соответствует

требованиям, предъявляемым к личности, способной объединить вокруг себя всех православных клириков и мирян в Украине». Предложение епископа Магаданского было поддержано митрополитом Винницким Агафангелом, епископом Уральским Антонием (Москаленко) и некоторыми другим архиереями. В связи с замечанием митрополита Филарета, что он подчиняется только Собору украинских епископов, архиепископ Солнечногорский Сергей (Фомин) вполне резонно возразил: «Украинская православная церковь пока не автокефальная, у нее нет своих закрытых внутренних вопросов, которые не были бы доступны компетенции Архиерейского собора Русской православной церкви».

Подводя итог состоявшейся дискуссии, председатель Архиерейского собора Святейший патриарх Московский и всея Руси Алексий II сказал: «Нас уверяют, что предоставление автокефалии Украинской православной церкви решит все вопросы, как ранее нас уверяли в необходимости независимости в управлении и даровании митрополиту Филарету титула Блаженнейшего. Но титул Блаженнейшего не спас положения, предоставление независимости и независимости тоже не дало результата. Не вернулись ушедшие в неканоническую автокефалию приходы, раскол укрепился. Возьмем ли мы на себя ответственность за разделение, есть ли у нас уверенность в том, что это принесет благо святой церкви?.. Для того чтобы говорить об автокефалии, нужна спокойная обстановка. Но в наше время, время разрушения экономических, национальных, человеческих связей, разделения и противостояния, от которых так устал народ, желание сохранить единство церкви является глазом Божиим. Все мы в ответе за то, что происходит в Украине, но с предстоятеля Украинской церкви спрос особый. Мы просим владыку Филарета ради блага православия в Украине, ради нашего единства, во имя спасения церкви в Украине уйти со своего поста и предоставить епископам Украины возможность выбрать нового предстоятеля».

Митрополит Филарет выступил с заявлением, которое не могло быть понято иначе как изъявление готовности оставить пост главы Украинской церкви и подчиниться воле Архиерейского собора, голосу большинства священнослужителей и мирян Украины: «Я чувствую, что нужен пророк Иона, и я готов им быть. Но я прошу, чтобы этого Иону бросили так, чтобы в Украине не взбунтовалось море, поэтому прошу предоставить возможному украинскому епископу провести выборы нового предстоятеля Украинской православной церкви в Киеве. Я даю архипастырское слово, что такой Собор будет проведен, что никакого давления оказываться не будет. Патриарх Алексий своим указом утверждает нового предстоятеля. Украинская православная церковь долж-

на полностью осуществить свои права, данные ей Архиерейским собором 1990 года. Также я прошу дать мне возможность продолжать служение у престола Божия и не отправлять меня на покой».

Поблагодарив митрополита Филарета за его готовность сложить с себя обязанности предстоятеля Украинской церкви, Святейший патриарх выразил надежду, что он сможет продолжить архипастырское служение на одной из кафедр Украины. По итогам состоявшейся дискуссии о статусе Украинской церкви Архиерейский собор принял определение, которое гласит: «Архиерейский собор принял к сведению заявление преосвященного Филарета, митрополита Киевского и всея Украины, о том, что во имя мира церковного он подаст прошение на предстоящем Архиерейском соборе Украинской православной церкви об освобождении его от обязанностей предстоятеля Украинской православной церкви. Архиерейский собор с пониманием отнесся к позиции преосвященного митрополита Филарета, выразив ему признательность за многолетние архипастырские труды на Киевской кафедре, благословил нести епископское служение на другой кафедре Украинской православной церкви».

Согласие митрополита Филарета на уход с поста главы Украинской церкви обещало благоприятное разрешение церковного кризиса, но события в Киеве стали разворачиваться в ином направлении: митрополит Киевский обманул собратьев-архипастырей и свою паству. Вернувшись в Киев, он 14 апреля провел пресс-конференцию, на которой обвинил Архиерейский собор в давлении на него, заявил, что на Соборе он был, как на Голгофе, где его «распинали», и сообщил, что обещание его уйти с поста предстоятеля Украинской церкви было сделано по дипломатическим соображениям и что он будет возглавлять Украинскую церковь до конца своих дней.

6 и 7 мая состоялось расширенное заседание Священного синода в Москве, но митрополит Филарет, постоянный его член, на заседание не явился. Синод решительно осудил заявления митрополита. В связи с чрезвычайным положением, сложившимся в Украинской православной церкви, митрополиту Филарету запрещалось в период до Архиерейского собора УПЦ действовать в качестве предстоятеля, а именно: созывать Синод, рукополагать архиереев, издавать указы и обращения, касающиеся Украинской православной Церкви. Исключением являлся созыв Архиерейского собора УПЦ для принятия его отставки и избрания нового предстоятеля Украинской православной церкви... В случае неисполнения определения Архиерейского собора РПЦ и настоящего постановления предать митрополита Филарета суду Архиерейского собора РПЦ».

Но и это постановление Священного синода было проигнорировано митрополитом Филаретом. 21 мая Синод обсуждал церковную ситуацию в Украине, и снова без виновника кризиса, который не пожелал явиться на заседание. Старейшему по хиротонии архипастырю Украинской Церкви митрополиту Харьковскому Никодиму (Руснаку) Синод поручил созвать Архиерейский собор до празднования Святой Троицы, для того чтобы принять отставку митрополита Филарета и избрать нового предстоятеля Украинской церкви. Временное исполнение обязанностей первого епископа возлагалось на митрополита Никодима. Получив извещение о постановлении Священного синода, митрополит Филарет заявил, что он считает решение Синода «необоснованным и... недееспособным».

26 мая Святейший патриарх Алексей II направил митрополиту Филарету телеграмму, в которой, взывая к его архипастырской и христианской совести, просил его во имя блага церковного подчиниться каноническому священноначалию.

В тот же день митрополит Филарет собрал в Киеве своих сторонников на конференцию, в которой участвовали несколько священнослужителей и мирян, но не присутствовали ни один из архиереев. Конференция отвергла постановление Священного синода Русской православной церкви: «Все решения Московского синода относительно Украинской православной церкви не имеют действительности, потому что они приняты вопреки действующему уставу и акту о независимости и самостоятельности в управлении Украинской православной церкви». «Признавая Патриарха Московского и всея Руси Алексия II в настоящее время каноническим главой, — отмечалось далее в постановлении конференции, — мы заявляем о своем намерении каноническим путем получить полную независимость Украинской православной церкви. Единогласно поддерживаем в этом нашего канонического председателя митрополита Киевского и всея Украины Филарета».

Архиерейский собор, созданный в Харькове 27 мая митрополитом Никодимом в составе 17 архипастырей, но в отсутствие митрополита Филарета, не пожелавшего явиться на Собор, выразил недоверие митрополиту Филарету и уволил его с Киевской кафедры. После этого состоялось избрание нового предстоятеля Украинской церкви тайным голосованием. Перед вторым туром митрополит Харьковский Никодим взял самоотвод. Главой Украинской церкви был избран митрополит Владимир.

Священный синод Русской православной церкви на заседании, состоявшемся 28 мая, выразил согласие с решением Архиерейского собора Украинской церкви и назначил на 11 июня созыв Архиерейского

собора Русской православной церкви для рассмотрения дела бывшего митрополита Киевского Филарета. Святейший патриарх Алексей II в соответствии с определением «Об Украинской православной Церкви», принятом Архиерейским собором в октябре 1990 г., благословил новоизбранного митрополита Киевского на его служение в качестве главы Украинской церкви. Митрополит Филарет получил тоекратный вызов на Архиерейский собор от Святейшего патриарха, но на заседания не явился, после чего Собор, согласно канонам, мог рассматривать дело обвиняемого в его отсутствие.

11 июня 1992 г. в Свято-Даниловом монастыре состоялся Архиерейский собор под председательством патриарха Алексия II, специально созданный для рассмотрения дела по обвинению бывшего митрополита Филарет в антицерковной деятельности. На Собор по разным причинам не явились 14 архиереев, в том числе 5 украинских; двое из них, митрополит Филарет и епископ Почаевский Иаков, при этом заявили, что не подчиняются Собору. Вначале было заслушано заявление 16 епископов Украинской церкви, которое давало подкрепленную ссылками на каноны исчерпывающую характеристику раскольническим действиям митрополита Филарета, за которые он подлежал лишению сана. В ряде выступлений была подтверждена справедливость обвинений, выдвинутых против него украинскими епископами, но тема личной жизни митрополита Филарета, которая в ту пору широко обсуждалась на страницах московских и киевских газет, почти не затрагивалась.

Тщательно рассмотрев все обстоятельства дела по обвинению бывшего митрополита Киевского и епископа Почаевского Иакова в тяжких церковных преступлениях, Архиерейский собор постановил: «За жестокое и высокомерное отношение митрополита Филарета (Денисенко) к подведомственному духовенству, диктат и шантаж, внесение своим поведением и личной жизнью соблазна в среду верующих, клятвопреступление, публичную клевету и хулу на Архиерейский собор, совершение священнодействий, включая рукоположения в состоянии запрещения, учинение раскола в церкви: извергнуть митрополита Филарета (Денисенко) из сущего сана, лишив его всех степеней священства и всех прав, связанных с пребыванием в клире».

Это решение Архиерейского собора Русской православной церкви постановили довести до сведения предстоятелей всех поместных православных церквей.

Разъясняя свой судебный приговор, Архиерейский собор в послании пастырям и верующим чадам Украинской православной церкви свидетельствовал, что «Филарет и Иаков лишены сана не за убеждения, а за

преступления против церкви, выразившиеся в сознательном грубейшем нарушении священных канонов. Что же касается предоставления Украинской православной церкви полной канонической самостоятельности, то мы твердо убеждены: вопрос этот должен решаться законным каноническим путем через созыв Поместного собора и согласование его решений с волей всех братских поместных церквей. Если этого не произойдет, мы пожнем лишь новые и новые расколы, несущие гибель церковной жизни».

Бывший митрополит Филарет и бывший епископ Иаков не подчинились решениям Архиерейского собора и вступили в переговоры с лже-епископами УАПЦ по главе с Антонием (Масендичем). Переговоры велись в Киеве под патронажем президента и Правительства Украины и закончились 25 июня 1992 года собранием запрещенных священнослужителей и впадших в раскол мирян, провозгласившим себя Всеукраинским православным собором. Этот лжесобор постановил объединить сторонников митрополита Филарета, отделившихся от канонической Украинской православной церкви, с УАПЦ и считать, что «Украинская православная церковь — Киевский патриархат является правопреемницей УПЦ и УАПЦ... Собор заявляет, что главой Украинской Православной Церкви — Киевского Патриархата считает патриарха Мстислава. В связи с неотложной необходимостью укрепления руководства Украинской православной церкви — Киевского Патриархата, учитывая пребывание Патриарха Мстислава за пределами Украины, а также его возраст — 94 года, что осложняет руководство церковью, ввести должность заместителя Патриарха. Утвердить заместителем Патриарха блаженнейшего Филарета, митрополита Киевского и всея Украины».

Между тем 14 июня 1995 года скончался очередной глава УПЦ лже-патриарх Владимир (Романюк). Его похороны были использованы оуновцами и другими воинствующими националистами, в том числе и со священническими крестами на рясах, для политической демонстрации, вылившейся в кровопролитное столкновение с милицией. Потасовку начал один из автокефалистских «священников», ударивший милиционера крестом по лицу. Демонстранты намеревались вопреки запрету со стороны гражданских властей похоронить Владимира в Софийском соборе. После неудачи со вносом тела лжепатриарха в собор оно было предано земле под асфальтом мостовой перед собором. В ноябре УПЦ (Киевский патриархат) избрала нового — третьего уже «патриарха». На этот раз им стал сам Филарет.

15 декабря 1996 года в Киево-Печерской лавре состоялся Архиерейский собор Украинской православной церкви; из 37 епископов в заседаниях по болезни не участвовал один. Собору предшествовала острая

полемика в лоне самой Украинской церкви по вопросу об автокефалии. Архиерейский собор единодушно (против был подан только один голос) принял заявление, в котором содержался продиктованный заботой о благе церкви мудрый отказ от того, чтобы просить предстоящий Поместный собор Русской православной церкви о даровании автокефалии Украинской православной церкви.

18 февраля 1997 года открылся Архиерейский собор в гостинице Данилова монастыря в Москве. В Соборе участвовали 133 архипастыря, в том числе 114 епархиальных, 17 викарных и 1 находящийся на покое; 12 архиереев прибыть не смогли.

В ходе Собора митрополит Харьковский Никодим, епископ Львовский Августин, митрополит Одесский Агафангел подняли вопрос об отлучении от церкви лишенного сана и кощунственно называющего себя «патриархом» монаха Филарета.

Освященный Архиерейский собор отлучил от церкви монаха Филарета (Денисенко) и предупредил об отлучении в случае нераскаяния монахов Иакова (Панчука) и Андрея (Горака).

Проходивший в августе 2000 года юбилейный Архиерейский собор Русской православной церкви, в котором участвовали почти все канонические архиереи Украины, уделил значительное внимание рассмотрению украинского вопроса. Более того, Собор принял специальное Определение, в котором было подтверждено, что возглавляемая Блаженнейшим митрополитом Киевским Владимиром Украинская православная церковь, признаваемая единственной законной и канонической Церковью Украины поместными православными церквями всего мира, обладает независимостью и самостоятельностью в управлении, что создает благоприятные предпосылки для объединения вокруг нее всего украинского Православия.

В настоящее время Украинская православная церковь Московского патриархата (УПЦ МП) окормляет 35 млн верующих.

Раскольническая филаретовская УПЦ КП имеет влияние среди верующих, в основном, на западе Украины — в Галичине и на Волыни, исторически входивших в состав Речи Посполитой, Австро-Венгрии, Польши. На начало 2002 года УПЦ КП имела около 2000 приходов, 80 процентов которых находятся в западных областях Украины.

Украинская автокефальная православная церковь. В настоящее время главой УАПЦ является «митрополит» Киевский и всея Украины Мефодий (Кудряков). По данным УАПЦ (2001), она имела 11 епархий, 561 приход и 404 священнослужителя. Более 80 процентов прихожан сконцентрированы в трех областях Западной Украины (Львовской, Ивано-Франковской и Тернопольской).

После победы на президентских выборах в 2004 году В. Ющенко Патриарх Московский и всея Руси Алексий II на встрече с украинскими казаками высказал опасения за судьбу Украинской православной церкви Московского патриархата. «Среди тех, кто активно поддерживал избранного президентом кандидата от оппозиции, были раскольники и униаты, поэтому существует опасение, что каноническая Украинская православная церковь в новых условиях будет испытывать определенные трудности и вступит в сложный период своего бытия», — заявил Патриарх. Глава Русской православной церкви поблагодарил представителей казачества за то, что они взяли под свою охрану Киево-Печерскую и Почаевскую лавры — святыни Украинской православной церкви. «Я думаю, что сейчас это особенно важно и актуально. В связи со сложной политической обстановкой, которая в последнее время сложилась в Украине, против канонической православной церкви могут быть организованы провокации и нападения», — предостерег Алексий II.

Конечно, националистические силы и дальше будут использовать мирян для своих политических целей. Им невыгодно иметь в Украине единую и мощную православную церковь. Но рано или поздно их действия будут отвергнуты большей частью украинского народа.

4. ОРАНЖЕВЫЙ КОШМАР

Противостояние политических элит Украины оформилось задолго до смены президентской власти Л. Кучмы.

Во время выборной кампании 1999 года, когда он избирался на второй срок президентства, будущие «закопершики», «водители» «оранжевой революции» Ющенко и Тимошенко безоговорочно поддерживали его кандидатуру в предвыборной борьбе с коммунистом П. Симоненко.

В соответствии с предвыборными договоренностями Кучма, вновь став Президентом Украины, выдвинул Ющенко на должность премьер-министра. Тимошенко заняла пост вице-премьера по топливно-энергетическому комплексу, фактически прибирая к рукам управление всем экономическим блоком. Таким образом, оба лидера будущих «оранжевых» начали активно претворять в жизнь предвыборную программу Кучмы, против которого затем создали оппозицию.

Что же послужило причиной раскола? Прежде всего возбуждение уголовных дел в отношении бывшего премьер-министра Украины П. Лазаренко, бизнес-партнера Тимошенко по гигантской корпорации «Единые энергетические системы Украины» — монополиста газового

рынка страны. Этот процесс не мог не коснуться и ее как главы этой корпорации. В январе 2001 года Тимошенко, отправленная в отставку, была арестована. По освобождении она становится активным организатором и участником политической кампании «Украина без Кучмы!».

К этому времени общество уже накалялось известиями о гибели журналиста Гонгадзе и разоблачениями бывшего президентского охранника майора Мельниченко с аудиозаписями разговоров Кучмы. Эффект разорвавшейся бомбы на заседании Верховной рады произвела демонстрация записей, свидетельствующих о причастности президента Кучмы к исчезновению журналиста. Эти записи стали основой обвинений Кучмы в узурпации власти. Затем были обнародованы многочисленные факты коррупции в клане Кучмы, достоянием общественности становится причастность этих людей к незаконному присвоению государственной собственности.

Как заявил лидер социалистов А. Мороз, один из активных организаторов акций «За Украину без Кучмы!» и «Восстань, Украина!», идея движения — это не просто лишение власти конкретной персоны, а изменение системы власти как причины всех несчастий Украины. Акции проходили в большинстве регионов Украины и, таким образом, стали прелюдией «оранжевых» митингов уже в период борьбы за президентскую власть в конце 2004 года.

Ющенко, Кучма и Председатель Верховной рады Плющ в нашедшем «письме трех» осудили эти акции как противоправные, а его участников назвали проводниками фашизма. Однако это только еще больше сплотило оппозицию президентскому окружению.

В апреле 2001 года Ющенко был отправлен в отставку, и с тех пор начало формироваться его политическое сотрудничество с Тимошенко с целью вернуться во власть.

Упомянутые выше события в Украине резко подорвали авторитет Кучмы в глазах Европейского сообщества и властей США, но, как свидетельствуют последующие события, президент не только не собирался оставить пост после окончания конституционного срока, но и рассчитывал остаться во главе Украины и после выборов 2004 года. С этой целью в 2003 году он внес предложение о политической реформе в стране. Она подразумевала переход на парламентско-президентскую модель с двухпалатным парламентом, нижняя палата которого формируется по мажоритарной системе, а также возможность избрания президента страны Верховной радой.

Как известно, оппозиция не позволила Кучме реализовать эти намерения. Его администрация вынуждена была поддержать законопроект об изменениях в Конституции государства, предложенный оппо-

зицией, в котором, однако, был учтен и вопрос об избрании президента парламентом, что отвечало интересам Кучмы. Однако внеочередная сессия Верховной рады 3 февраля 2004 года сохранила прямые всеобщие выборы президента на текущий год.

Как свидетельствуют дальнейшие события, Кучма до последнего момента не оставлял надежд остаться у власти, и это имело немало важное значение в разрастании массовых противостояний («оранжевые» — «синие») во время предвыборного противоборства В. Януковича и В. Ющенко.

Сформировавшаяся оппозиция, конфликт элит, наличие популярного лидера оппозиции, геополитические интересы внешних сил, применение технологий «бархатных революций» и близость выборов — все это сыграло свою роль.

Развитие президентской «гонки» в Украине большинство политологов предсказывали заранее. И, несмотря на многочисленность претендентов, становилось ясно, что за президентское кресло будут бороться двое — Янукович и Ющенко.

Все деятели оппозиционного блока Ющенко—Тимошенко (БЮТ) предрекали безусловную победу нынешнего президента и утверждали, что ее у него может «украсть» только административный фактор, т.е. фальсификация итогов голосования. Для продвижения Ющенко на высший пост был выбран югославский и грузинский пути борьбы, т.е. давление со стороны масс народа на улицах и площадях на существующую власть.

Ход украинской «оранжевой революции» регулярно освещался на телевидении и в других средствах массовой информации. Как же была организована столь крупномасштабная и достаточно долговременная акция, каковы были источники ее финансирования и степень внешнего вмешательства?

История Украины показала, что во всех значимых для нее событиях всегда имело место геополитическое противостояние юго-восточной и западной частей (Галичины). Оно с особенной очевидностью проявилось, когда заинтересованные в этом силы организовали приезд в Киев большого числа людей с националистическим настроем. Так было и в этом случае. Тысячи людей из Львовской, Тернопольской, Ивано-Франковской, Ровенской и других западных областей организовано, к назначенному дню подведения итогов первого тура выборов съехались в Киев с лозунгом — «Ющенко — наш президент!».

Более того, украинская «демократия» родила беспрецедентный феномен. Ивано-Франковский областной совет, городские советы Львова, Тернополя, Ивано-Франковска и Винницы, не дожидаясь итогов

голосования, заявили о недоверии Центризбиркому и признали Ющенко президентом страны. О том, что эта акция готовится заблаговременно, знали многие. Как рассказывал один из депутатов Верховной рады, разрешение на многотысячный митинг на площади (Майдане) в ночь подведения итогов голосования власти Киева дали... за два месяца до выборов.

В самом Киеве прекратилась учеба в вузах, школах. Тысячи молодых людей в оранжевом облачении выводились на Майдан. Фактически их усилиями на длительное время была полностью парализована деятельность правительства, администрации президента, перекрыто движение по многим улицам. Командовали всеми этими действиями заранее обученные люди, что было очевидно даже в телерепортажах.

О роли сил правопорядка, мягко говоря, судить сложно, поскольку руководители МВД и СБУ (Служба безопасности Украины) заявили митингующим на Майдане о своей лояльности и пообещали, что никогда против них не применяют силы.

В качестве протеста против давления «оранжевых» начались массовые митинги в Донецке, Харькове, Луганске, Запорожье, Симферополе и других городах юго-восточной Украины, поддержавших на выборах В. Януковича. В случае, если победивший в голосовании В. Янукович не будет признан президентом страны и требу прекратить давление «оранжевых» на власть, представители местного самоуправления этих регионов на съезде в Северодонецке приняли решение о проведении 12 декабря 2004 года референдума по вопросу создания юго-восточной Республики Украины. Этому предшествовало принятое Верховной радой решение о признании результатов выборов во втором туре недействительными.

Сегодня уже никто не опровергает того факта, что «оранжевая» акция в Украине стала одним из методов организации фальсификации выборов. Каждому ясно, что тысячи палаток, спальных мешков, оранжевых одеяний и т.п. были приготовлены и привезены в Киев заранее. Необходимо было кормить, лечить и ежесуточно выплачивать «зарплату» десяткам тысяч людей. И каждому ясно, что источником финансирования всей этой акции был не избирательный, по закону жестко лимитированный фонд Ющенко, а внешняя «помощь». США перед выборами выделили несколько миллионов долларов только на то, чтобы разместившийся в Украине координатор ОБСЕ открыл 25 филиалов этого представительства по всем регионам.

Нельзя не обратить внимание и на специфический компонент происходивших событий. Он отражен, например, в статье С. Дж. Чиверса в «Нью-Йорк таймс» от 17 января 2005 года под весьма выразитель-

ным названием «Как высокопоставленные сотрудники разведслужб в Украине изменили путь страны», где подробно описывается их деятельность с целью воспрепятствовать приходу к власти В. Януковича. К слову, известный обозреватель итальянской газеты «Стампа», депутат Европарламента Д. Кьеца заявляет, что американское влияние на события и в Тбилиси было очень заметным.

Как сейчас выясняется, в стороне от таких событий не стоял и вездесущий Борис Абрамович Березовский. Он потребовал от штабистов Ющенко отчета о расходовании перечисленных им «на цели демократии» нескольких миллионов долларов. Известно, что Березовский «просто так» никогда ничего не делает. О его широких связях с «оранжевыми», непосредственном влиянии на события на Майдане свидетельствуют обнародованные телефонные переговоры Тимошенко с этим членом «семьи» Ельцина.

Несомненно, что в победе Ющенко огромную роль сыграло и давление Запада. Европарламент принял даже специальную резолюцию, в которой призвал украинские власти аннулировать результаты второго тура выборов президента, не признав решения Центризбиркома провозгласить победителем В. Януковича.

В те дни посланцы Европарламента во главе с Президентом Польши А. Квасьневским дважды посетили Киев с «миротворческими» функциями. Пребывая в восторге от «оранжевой революции», он заявил: «Россия без Украины лучше, чем Россия с Украиной». По-видимому, теперь уже бывший президент и бывший лидер молодежных организаций Польши забыл, что значительная часть истории России — это борьба против бесчисленных польских агрессий. Это и завоевания южных княжеств Руси с «матерью городов русских» — Киевом, и порождение Смуты 1605—1612 годов, и вторжение польских войск в составе армии Наполеона. Можно было бы еще напомнить господину Квасьневскому многие не очень-то доброжелательные шаги правительства его страны и в современной истории. А кто воскресит 600 тысяч советских воинов, положивших свои жизни за освобождение Польши во время Второй мировой войны?

Россия извинилась за организованную при Сталине гибель нескольких тысяч польских офицеров в Катыни. Но извинилась ли Польша за страшную драму, произошедшую в 1919—1920 годах с русскими военнопленными в польских концлагерях, где погибли 80 тысяч человек? Ни Россия, ни мировое сообщество во имя человеколюбия не стали побуждать польские верхи покаяться, воздвигнуть мемориал замученным русским воинам, чтобы родственники могли поклониться их памяти, как это делают поляки, приезжая в Катынь.

Российские политики не могли стоять в стороне от событий в Украине и вне ее. 23 ноября 2004 года Госдума приняла специальное заявление о ситуации в Украине, где депутаты выразили «глубокую озабоченность противозаконными действиями радикальной части оппозиционных сил Украины» и призвали страны Запада не вмешиваться в ситуацию, которая в ходе выборов возникла в этой стране.

Однако это заявление политиков уже не в силах было повлиять на судьбу выборов.

Активную часть «оранжистов» составляла молодежь. Студенческая организация «Пора!», созданная в канун массовых выступлений по образцу грузинской «Кхмары» и возглавляемая специально подготовленными лидерами, умело манипулировала огромными массами людей. Вот почему «оранжевые» не выглядели толпой на Майдане, а подчинялись единым командам. «Синие» же не имели такой организации, а поезда шахтеров из Донбасса в Киев, как и крестный ход прихожан церкви Московского патриархата под лозунгом «Ющенко — нечисть!», были попросту «поглощены» огромными толпами «оранжевых». Не помогла «синим» и такая акция, как забастовка в поддержку Януковича 400 предприятий с прозвучавшими в одно время гудками.

Для поддержания «революционного пыла» «оранжевых» в СМИ была запущена невероятная история об отравлении кандидата в президенты Ющенко, даже с указанием фамилий отравителей. Как оказалось, согласно официальному заявлению Генерального прокурора Украины по телевидению, никакого отравления не было. Судя по информации в газетах, речь идет о неудавшейся процедуре омолаживания.

После победы Ющенко на выборах главным вопросом стало формирование «древа власти» — кто и на какой ее ветке займет свое место. И прежде всего, кто займет должность премьер-министра страны. Основным претендентом, судя по подготовке и ходу «оранжевой революции», являлась ее главный лидер — Тимошенко. Но в ближайшем окружении Ющенко было немало таких, кто ранее уже состоял при власти и также претендовал на это место. Например, Порошенко, кум Ющенко. Против Тимошенко выступили и ближайшие к будущему президенту члены его штаба, и решение о претенденте на вторую иерархическую ступень власти затянулось.

Судьба премьерского кресла решилась в последний момент, когда буквально на крыле самолета перед отлетом в Москву Ющенко подписал Указ о назначении премьер-министром Украины Тимошенко. Возможно, здесь свою роль сыграли не только их предвыборная договоренность, но и произошедший в «оранжевом» движении раскол —

сторонники Тимошенко, блокировавшие все это время здание правительства, заявили открыто, что не пустят никого до тех пор, пока туда первой не войдет Тимошенко.

Паралич власти привел экономику Украины в плачевное состояние. И тем не менее на первое место был выдвинут совсем другой вопрос: начались преследования тех, кто активно поддерживал В. Януковича. Прокатилась волна увольнений — были отправлены в отставку все руководители министерств и ведомств, губернаторы всех юго-восточных областей. Началось уголовное преследование руководителей некоторых областных советов. Группа депутатов даже внесла в Верховную раду законопроект «О люстрациях». Этот законопроект, по сообщениям прессы, предполагал, что даже руководители детских садов и школ должны будут отчитаться, кого они поддерживали во время президентских выборов. По данным средств массовой информации, в частности, газеты «Московский комсомолец», стало известно, что по этой причине работы лишились 18 тысяч человек.

Однако что такое вообще эти «цветные» или «бархатные революции»? Можно ли их вообще относить к научному понятию революции, то есть «скачкообразному, быстрому переходу от одного качественного состояния к другому как проявлению одной из важнейших закономерностей диалектического развития природы, общества, мышления»?

Мнения политологов расходятся. Одни говорят, что в Украине, в Грузии повторена «бархатная революция» России 1991 года, другие настаивают на том, что необходимо отделить классическое понятие революции от понятия «бархатная революция», которая, по сути, революцией не является. А некоторые называют эти «революции» суррогатом, имеющим всем известное название еще со времен О. Генри — «банановые революции» как фирменное блюдо спецслужб, проводивших операции по установлению нужных «форматов» власти.

При всем различии мнений главное и общее в этих явлениях можно выделить. На постсоветском пространстве в странах, где прошли «цветные революции» — Грузия, Украина, Киргизия, — принципиальных, коренных изменений в политическом устройстве этих государств не произошло. Состоялась лишь смена правящих элит, а в Украине вообще к власти пришли люди, выдвинутые на высшие посты тем же Кучмой и поддерживавшие его длительное время.

Одним из важнейших условий победы «оранжевой революции» в Украине стало поведение представителей властных элит (самого Кучмы, руководителей МВД, СБУ, депутатов парламентской фракции «Трудовая Украина» Верховной рады).

Кажущаяся на Майдане монолитной коалиция Ющенко—Тимошенко на деле оказалась раздираемой непримиримыми противоречиями с самого начала прихода к власти. Тимошенко четко определила, что главные ее враги окопались в ближайшем окружении президента и не простят ей ни одного промаха.

И на митингах, и в инаугурационной речи звучали обещания вывести экономику из тени, уничтожить коррупцию, провести реприватизацию и национализацию незаконно приобретенной собственности. Вначале речь шла о трех тысячах предприятий, затем о трехстах, потом их количество уменьшилось до 29. Разразившиеся скандалы с реприватизацией «Криворожстали» и особенно Никопольского ферросплавного заводов показали всем, что речь идет не о возврате государству этих объектов для укрепления его финансового состояния, а об элементарном переделе собственности, где столкнулись интересы кланов премьер-министра и президента.

В результате принятых Тимошенко правительственных решений разразились кризисы — мясной, сахарный, бензиновый.

Недовольство политикой правительства стали проявлять многие, но сама Тимошенко все сваливала на своих противников — «окружение президента». Уже в апреле 2005 года, как лидер объединения «Батькивщина», она называет пофамильно людей из этого окружения — П. Порошенко, Р. Безмертний, О. Третьяков, Д. Жвания, М. Мартыненко, обвиняя их в разрушении единства «оранжевых» и участии в подготовке смещения ее с поста премьера в июле-августе 2005 года. Началось противостояние двух группировок из числа победителей Майдана.

Широкую огласку получили события на Никопольском ферросплавном заводе — самом большом в мире производителе ферросплавов. Владельцем этого предприятия являлся В. Пинчук — зять Л. Кучмы. Высший хозяйственный суд по предписанию правительства признал незаконной его приватизацию, а приобретение Пинчуком 50 процентов + 1 акция — недействительной сделкой. И тогда пошли «пляски» по всей Украине: в дело вмешались суды Полтавы, Никополь, Феодосии, выносившие противоположные решения. Финал этой затеи наблюдала по телевидению вся Украина — 1 сентября 2005 года была осуществлена попытка силами спецподразделений милиции штурмом взять завод и ввести на территорию новое руководство, сформированное в интересах другой группировки — И. Коломойского. Против милиции сторонники Пинчука выставили тысячные пикеты рабочих завода.

В дело вынужден был вмешаться Ющенко, заявив, что правительство Тимошенко не смогло защитить интересы государства в ситуа-

ции с Никопольским заводом, не предотвратив провокаций двух противостоящих кланов. Украинские средства массовой информации активно муссировали версию о причастности Тимошенко к лоббированию в этой ситуации интересов группировки Коломойского, что грозило ей большими неприятностями.

События стали развиваться стремительно.

Ближайшие соратники премьер-министра решили нанести упреждающий удар: 1 сентября 2005 года в прямом эфире на 5-м канале М. Бродский, советник премьер-министра Тимошенко, обвинил пофамильно ближайшее окружение Ющенко в переделе собственности Украины в свою пользу. Масла в огонь подлила сама премьер-министр — на заседании Кабинета 3 сентября она заявила, что якобы ей лично позвонил российский предприниматель Абрамов и сообщил, что он дал взятку в 50 млн долларов секретарю Совета национальной безопасности и обороны Порошенко и главе фракции «Нашей Украины» Мартыненко. Абрамов немедленно опроверг заявление Тимошенко.

В этот же день поступила информация из пресс-службы президента об отставке государственного секретаря О. Зинченко, одновременно через все информгентства было объявлено о предстоящей 5 сентября его пресс-конференции. Выступление госсекретаря с обвинениями в коррупции ближайшего окружения Ющенко стало первополосной темой всех средств массовой информации, в т.ч. и зарубежных.

Вечером 7 сентября 2005 года президент Ющенко провел узкое совещание с участием своих сотрудников, главой правительства Тимошенко и двумя ее заместителями, где рассматривалась сложившаяся ситуация. Ближайшие помощники Ющенко в разразившемся скандале обвинили Тимошенко и потребовали отставки всего состава Правительства Украины. Тимошенко же была готова поклясться на иконе, что все обвинения в ее адрес — неправда.

Президент в результате дискуссии принял решение — отправить в отставку секретаря Совета национальной безопасности и обороны Порошенко, главу Совета безопасности Украины Турчинова, генпрокурора Пискуна, вице-премьер-министра Томенко, министра экономики Терехина.

Однако это все было только прелюдией к большому скандалу в правящей верхушке Украины. Как описывает дальнейшие события Д. Чобит, народный депутат Украины I, II, III созывов, в своей брошюре «Фарисеи, или Необъявленная войн Украине», после совещания у Президента Тимошенко пригласила на ночное совещание к себе на дачу

своих ближайших соратников и друзей. Речь шла о дальнейшем обострении ситуации, вплоть до импичмента президенту, с использованием банковских документов о финансировании выборов Ющенко олигархом Березовским.

В горячке обсуждений у кого-то возник вопрос: а как же на все это среагирует мировое сообщество? Министр обороны А. Гриценко предложил созвониться с послом США в Украине Д. Хербстом, а так как свободно владел английским один Гриценко (недаром учился в военных академиях США!), ему и поручили эту миссию.

В два часа ночи подняли посла. После длительного рассказа о намерениях группы, собравшейся на даче премьер-министра, слышали ответ американского дипломата: международное сообщество эти события назовет заговором, причем Хербст высказал свое личное возмущение этой «тайной вечерей».

Сразу же с дачи послешно сбежали Генпрокурор и министр обороны, отрекшиеся от обсуждавшихся на совещании намерений. Они же утром позвонили президенту и доложили о ночных событиях. Но информацию о сборище еще раньше Ющенко получил от посла США.

Утром 8 сентября Тимошенко срочно запросилась на встречу с президентом, который назначил на 11.00 пресс-конференцию. Как свидетельствует сама Тимошенко, она взяла его руку в свои руки и просила «не разрушать авторитет нашей революции. Давайте сейчас выйдем к прессе вместе и скажем, что пока мы вместе — стабильность в Украине гарантирована».

А в этот час шла пресс-конференция ближайшего соратника Юлии, вице-премьер-министра Томенка, солидаризировавшегося с выступлением госсекретаря Зинченко и заявившего о своей отставке. Президенту доложили о том, что фракция Тимошенко в полном составе проголосовала за лишение депутатских полномочий Порошенко, который к этому часу отзывал свое заявление о сложении депутатских полномочий. И Ющенко, прервав Тимошенко, сказал: «Разговор окончен».

Может быть, читателю покажется излишним повременное детализирование событий и описание роли отдельных личностей из окружения главных героев Майдана. Но это сделано с одной целью — показать, насколько лживы были лозунги лидеров «оранжевых», обещавших мир, покой, благоденствие жителям Украины, а вместо этого вцепившихся друг в друга при дележе доставшегося им пирога.

Жажду власти, передел собственности — вот что увидел украинский народ в годы их правления. И это вынужден был признать сам Ющенко: «Я стал свидетелем, как, по сути, каждый день приходилось вмешиваться в конфликты, которые возникали между РНБО (Совет

национальной безопасности и обороны. — *Н.Р.*) и правительством, между госсекретарем и РНБО, между правительством и Верховной радой. Одним словом, эти конфликты уже стали повесткой дня работы власти. Восемь месяцев Президент Украины был миротворцем среди этих институций. Я об этом почти не говорил публично». Что это, как не приговор паукам в одной банке?

А экономика Украины в это время сбавляла темпы роста (2 процента роста ВВП в 2005 году и ожидаемые 1,2 процента в 2006-м), сократились бюджетные поступления из-за спада промышленного производства в отраслях экономики.

Голубая мечта Ющенко, прозвучавшая на Майдане в день его инаугурации: «Моя цель — Украина в объединенной Европе!» — отдалается хотя бы потому, что, по подсчетам международных финансовых институтов, чтобы стать только кандидатом на вступление в Европейский союз, Украине необходимо иметь как минимум 5—6 процентов роста экономики ежегодно в течение 5—6 лет.

Политическая нестабильность продолжается. В стране после мартовских выборов 2006 года пять месяцев не приступала к работе Верховная рада. Со времени газового кризиса правительство Еханурова по инициативе Тимошенко отправлено в отставку и до сих пор «исполняет обязанности», новое же правительство, судя по всему, появится нескоро. В стране не функционирует Конституционный суд.

Домогательство Тимошенко, по сути, высшего поста в стране — должности премьер-министра — фактически стало причиной многомесячных маневров по формированию «оранжевого» большинства в Верховной раде. Десятки раз начинались победные восторги по случаю ее создания, но никто не верит в реальность нового «оранжевого» альянса.

Ближайшее окружение лидера Партии регионов Януковича считает, что сериал под названием «Оранжевый кошмар-2» сегодня Украине навязан, а политологи даже предрекали досрочные парламентские выборы. Конечно, в этой ситуации удивляет позиция Президента Украины Ющенко.

Дав убийственную характеристику деятельности Тимошенко и возглавляемого ею правительства, ее личным качествам, ощутив жесткость ее позиции по отношению к своей партии во время выборов в Верховную раду, предлагать ей вновь пост премьер-министра — все это противоречит всякой логике, здравому смыслу и личному достоинству. Тем более что в «тусовке» по созданию большинства в Раде участвуют те же лица, что и в канун противостояния и развала «оранжевого» братства, в дни изгнания Тимошенко с поста премьер в 2005 году.

Как стало известно из средств массовой информации, 1 июля 2006 года реформаторские планы рвавшейся на должность премьер-министра Украины Тимошенко поддержал посол США в Киеве У. Тейлор. Он заявил о необходимости немедленного пересмотра украинско-российских газовых соглашений в ближайшее время. Заявление дипломата вызвало в Украине всплеск эмоций, ведь оно прозвучало 1 июля, когда ожидалось повышение цены на российский газ, чего, по заявлению Газпрома, не последует. Призыв посла США подхватили и понесли, как знамя будущих действий, сторонники Тимошенко, а оппозиция квалифицировала это как вмешательство во внутренние дела Украины. Ничего нового в этой ситуации нет — кто платит, тот и правит бал.

Попытки реанимировать «оранжевое» большинство в Раде провалилось. Сформировавшийся блок Партии регионов, социалистов и коммунистов взял на себя ответственность за формирование руководящих органов парламента, назначение премьер-министра и формирование правительства. Насколько окажется долговечным и плодотворным блок в 240 голосов, покажет время.

Но то, что народ Украины устал от «оранжевой» вакханалии, стало ясно многим, в том числе и активным сторонникам «цветных». Как бы то ни было, украинский народ не выйдет радоваться на улицы по поводу появления новой «влады» — он сыт по горло демагогическими речами о своем светлом будущем.

В контексте всех нынешних политических противостояний в особом ряду стоит вопрос отношения украинской элиты ко вступлению в НАТО. Он не нов и присутствует постоянно со времени объявления Украиной независимости. И Кравчук, и Кучма постоянно твердили о североатлантических приоритетах внешней политики и держали постоянно этот «камень за пазухой», который вытаскивался всегда, когда надо было в чем-то потребовать уступок от России. Несмотря на Декларацию о государственном суверенитете от 16 июня 1990 года, провозгласившую Украину нейтральной, внеблоковой, безъядерной и утверждающую, что «Декларация является основой для новой Конституции, законов Украины и определяет позиции Республики при заключении международных договоров», президент Кучма своим Указом от 4 ноября 1998 года утвердил «Государственную программу сотрудничества Украины с организацией Североатлантического договора (НАТО)....».

Самая первая строка этой программы отмечает положения Декларации о суверенитете в части нейтралитета и безблоковости: «Стратегической целью Украины являются полномасштабная интеграция в ев-

ропейские и евроатлантические структуры и полноправное участие в системе европейской безопасности».

И далее — панегирики НАТО за его миролюбивость и вклад в дело разоружения, заявления о надежде с помощью этого альянса обеспечить свою независимость (от кого только?), демократическое развитие, внешние гарантии национальной безопасности и т.д.

Кроме разделов о сотрудничестве в политической сфере, сфере гражданско-военных отношений, в военной сфере, участия вооруженных сил Украины в миротворческих операциях под эгидой НАТО (что имеет место в Ираке), был заложен и пункт о сотрудничестве в области вооружений. Им предусмотрено: совместные разработки и производство с государствами — членами НАТО вооружений и военной техники, переход на стандарты НАТО, обмен результатами военно-научных исследований в области вооружений и т.д.

Таким образом, еще до вступления в НАТО руководство Украины взяло на себя обязательство вести себя как действительный член этого альянса.

Но если до президентства Ющенко все это объявлялось сотрудничеством в рамках Комиссии Украина—НАТО, то с приходом во власть последнего встал вопрос о конкретных сроках вхождения Украины в альянс и обещаниями, прежде всего американцев, о его ускорении.

Как заявил в январе 2006 года и.о.министра обороны Гриценко, «Украина вступила в активную фазу реализации плана по приобретению статуса члена НАТО». Под это планируются и немалые расходы в бюджете страны.

Президент США Д. Буш в канун 20-летия аварии на Чернобыльской АЭС публично озвучил желание видеть Украину полноправным членом «евроатлантической семьи» еще до истечения своих президентских полномочий. Генсек НАТО Схефер заверяет, что двери Украине в альянс раскрыты настежь к следующей волне расширения блока в 2008 году. Ну, а что же «любі друзі» (так любит обращаться к населению Украины Ющенко)?

Несмотря на то что украинские натофилы зачастую свое стремление войти в НАТО объясняют тем, что, мол, страны, вступившие в него, живут хорошо, значит, когда мы туда вступим, тоже хорошо заживем, 61,4 процента населения им не верят и выступают против вступления Украины в блок. Еще в феврале 2006 года в Центризбирком поданы подписи более 4,5 миллиона граждан, поддерживающих инициативу проведения референдума по вступлению в НАТО. Настрой простых людей на присутствие в Украине американских друзей Ющенко и К° показали события в Феодосии, когда жители Крыма при огромной под-

держке населения городов юго-восточной Украины не допустили проведения совместных американо-украинских военных учений и выдворили американский десант из Крыма.

Но это еще, на мой взгляд, не факт, что референдум — если он состоится — завершится победой противников НАТО и вопрос будет исчерпан. С этим опять не согласятся Галиция и Волынь, приученные добиваться своего шантажом, снова стягивая людей в «оранжевые» палатки на Майдан. А что в ответ предпримут жители Крыма и юго-восточных регионов?

Ответ на этот вопрос появился довольно быстро. 16 декабря 2006 года прошел Всеукраинский народный референдум по проблеме вступления Украины в НАТО. Участки для голосования (всего 1200) были организованы в самых многолюдных местах. В голосовании приняли участие около 900 тысяч человек, что составило более 57 процентов крымских избирателей. Результаты ошеломляющие: против вступления в НАТО высказалось 98,7 процента, а за — лишь 1 процент.

Как бы то ни было, Всеукраинский референдум — это противостояние двух противоположно настроенных полюсов, и он еще больше расширит пробойну в отношениях восток—запад. Летом 2006 года В. Янукович сделал серьезное политическое заявление о невозможности в настоящее время вхождения Украины в НАТО и о реальности этого шага в дальнейшем только после народного референдума.

Ни для кого не секрет, что Украина нужна стратегам нового мирового порядка прежде всего и главным образом в качестве плацдарма против нашей страны. Стоило Литве, Латвии и Эстонии стать членами НАТО, как сразу же истребители военно-воздушных сил блока стали барражировать вдоль российской границы с прибалтийскими странами, якобы охраняя их от нападения со стороны ее огромного восточного соседа.

Или предстоящая установка на территории новых членов НАТО — Польши, Болгарии или Румынии противоракет со смешной целью — предотвратить возможный ядерный удар со стороны... Ирана, хотя «инструментов сдерживания» и без того слишком много в Германии, Турции и других странах альянса.

Давайте бросим взор на карту Украины как потенциального члена НАТО. С точки зрения возможного ракетно-ядерного удара подлетное время крылатых ракет, запущенных в сторону Москвы и других крупных городов Центральной России с территории Харьковской, Сумской и Черниговской областей, — считанные минуты. А с точки зрения слежения и перехвата запущенных из более отдаленных районов России ракет — лучше не придумаешь.

Все это гораздо серьезней и опасней, чем может показаться на первый взгляд. Как сообщил влиятельный киевский еженедельник «2000», недавно в США прошли командно-штабные учения, в ходе которых детально отработывался сценарий ракетно-ядерной атаки на Россию в случае ее вооруженного конфликта с Украиной после ее вступления в НАТО. Источники этой публикации мне неизвестны, но если такие учения были, то о них не мог не знать наш Генеральный штаб. В соответствии с военной доктриной РФ 1993 года, в случае нападения на Россию предусматривается применение ядерного оружия. В этом случае неизбежен удар и по Украине? От таких предположений, как говорится, пот прошибает.

Пока нашу политику в противодействии устремлениям НАТО закрепить повсеместно на границах с Россией назвать результативной трудно. Руководство России непоследовательно в этих вопросах. Например, с его ведома натовские генералы совершили вояж по всей стране — от Владивостока до Калининграда, убеждая студенческую молодежь в миролюбивости этого альянса и о «великом счастье» стать его членом.

Похоже, что наступательные действия НАТО после распада Варшавского договора стали восприниматься как неизбежность. И кто бы ни придумывал оправдания вступлению Украины в этот альянс, это будет крупным поражением внешней политики России.

Жесткое противостояние политических сил в Украине нарастает и может иметь непредсказуемые последствия. Совершенно очевидно, что взятая на вооружение политика Кравчука—Кучмы—Ющенко не даст мира и спокойствия Украине и ее замечательному народу.

Мир в братской Украине наступит только тогда, когда к власти придут трезвые политики и устранят эти и другие культивируемые нынешним руководством противоречия. Надо полагать, что и для большей части народа Украины рано или поздно будет неприемлем пятнадцатилетний кошмар, в последние годы приобретший слишком агрессивный, режущий глаз оранжевый цвет.

Глава двенадцатая

СССР: ОТ РЕФОРМИРОВАНИЯ К РАЗРУШЕНИЮ

В предыдущих главах, как могли заметить читатели, рассказано о круто замешанных на местном национализме разрушительных событиях, происходивших в 1986—1990 годах в ряде союзных республик и ставших зародышами тех политических акций, которые в конце концов привели к гибели нашей общей Родины — Союза Советских Социалистических Республик. Именно национализм наряду с социально-экономическим, политическим и прочими факторами, вплоть до сугубо личного, стал той роковой спичкой, которой заинтересованные в этом силы подожгли костры, в чье пламя одурманенные ложными посулами люди бросили свое прошлое — жизнь в едином мощном государстве — во имя, как они вскоре с горечью убедились, химеры светлого «суверенного» будущего.

Конечно, отдельные всплески национализма сыграли определенную роль в уничтожении великой Державы, но главный импульс к разрушению СССР был дан в Центре, в Москве.

В то же время объективности ради следует отметить, что центробежные разрушительные процессы в РСФСР начались значительно позднее, чем в других республиках Союза. По-видимому, здесь сказалась особая роль России во всей истории нашей страны. Ведь именно она на протяжении веков была центром формирования единого и мощного государства. И народ, даже подсознательно, всегда помнил и гордился этим. Да и в мире понятия «Советский Союз» и «Россия» были идентичными.

Роль будущего лидера РСФСР Б. Ельцина в распаде СССР весьма огромна. Большую ответственность за это несут и его соратники. Их

действия войдут в современную мировую историю на многие времена.

Веками Россия защищала себя от притязаний завоевателей — уж больно сладок был российский пирог с его просторами, природными ресурсами, трудолюбивым и талантливым народом. Трудные бывали времена для нашей Отчизны, но она всегда выходила победителем в борьбе с захватчиками.

Дважды в XX веке мы своими руками разрушали единое государство — в 1917-м и в 1991 году. После революции семнадцатого года политические деятели того времени через 5 лет сумели найти общий язык и создали Советский Союз. После второго развала в суверенных государствах сейчас, к сожалению, преобладают больше центробежные политические силы, нежели центростремительные.

Как и почему это историческое по масштабу и последствиям преступление произошло в столице России — крупнейшей республики, которая, являясь государствообразующей, хотя бы поэтому не совершала и не могла совершать никаких действий, направленных на решение своих задач за счет других регионов страны и их населения? Что за силы появились на волне перестройки, к каким методам прибегли их лидеры для достижения своих, зачастую сугубо личных целей, прикрываемых, как дымовой завесой, якобы народными интересами? Вот об этом мой рассказ и размышления как очевидца и участника тогдашних бурных событий.

1. В НЕДРАХ ПАРТИИ

В октябре 1987 года состоялся очередной Пленум ЦК КПСС. Проходил он в Кремле, в специально выстроенном для таких мероприятий зале. Сейчас он называется Мраморным залом Кремля, здесь оглашаются ежегодные Послания Президента страны Федеральному собранию РФ.

Пленум был рядовым, проводили его в соответствии с нормами устава партии, и каких-либо отклонений от традиционного хода заседания не ожидалось. Как всегда, открывая его, Генеральный секретарь ЦК КПСС М. Горбачев предложил для обсуждения повестку дня. Учитывая, что членов ЦК заранее информировали о ней, это было сугубо ритуальное действие. Когда же Горбачев — также по заведенной схеме — спросил, кто против или воздержался, с первого ряда (члены Политбюро на пленумах сидели за столом президиума, а кандидаты в члены Политбюро и секретари ЦК — в первом ряду зала) поднялся Б. Ельцин и предложил рассмотреть заявление о выводе его из кандидатов в члены Политбюро, коим он был.

Для всех членов ЦК, даже входивших в Политбюро, это было полной неожиданностью. Естественно, мы тут же спросили Горбачева, о чем идет речь. Из его невнятного ответа стало ясно, что, находясь в отпуске на юге, он действительно получил от Ельцина такое заявление. По установленному порядку Генеральный секретарь обязан был проинформировать об этом Политбюро, с тем чтобы выработать коллективное мнение по данному вопросу и в случае, если Ельцин своего документа не отзовет, поставить вопрос на обсуждение пленума. Только Пленум ЦК КПСС имел право избирать и освобождать членов и кандидатов в члены Политбюро, а также секретарей ЦК. Горбачев этого не сделал, он скрыл от своих партийных товарищей факт существования такого заявления, что явилось, как показало время, первым звеном в длинной цепи тяжелейших событий не только в партии, но и в стране.

Ельцин с 1968 года был на партийной работе, сначала — в качестве заведующего отделом Свердловского обкома, а позднее — его первого секретаря. Ко времени описываемых событий он уже почти два года проработал в должности первого секретаря Московского горкома КПСС, стал кандидатом в члены Политбюро. В столице о нем сложилось довольно противоречивое мнение. Многие обратили внимание на радикализм в его действиях, особенно в кадровых вопросах, на разухабистость заявлений, от которых за версту несло явной саморекламой, или, как нынче говорят, популизмом, о необходимости борьбы с привилегиями и пр. Вместе с тем настораживало явное отсутствие интереса к повседневной, будничной работе. Тем не менее правительство страны да и ЦК партии поддерживали его в стремлении решать жизненно важные для Москвы вопросы.

Выступление Ельцина на Пленуме в дальнейшем обросло легендами, о которых не стоит даже упоминать. На самом деле это была путаная и невнятная речь, если ее вообще можно назвать таковой. Как он сам позднее сказал в своей книге-«исповеди», выступление было резким и не очень уместным. Горбачев же вместо того, чтобы предложить предварительно рассмотреть возникший вопрос на Политбюро, а затем уже на следующем Пленуме обсудить его, открыл дискуссии. Может быть, это было вполне демократично, но и крайне неосмотрительно.

Выступления, а точнее, отповеди на Пленуме посыпались, как из рога изобилия. Мне нет необходимости останавливаться на них. На второй день после Пленума был опубликован список выступающих, а через несколько лет и стенограмма этих речей. Что же повлекло столь бурную реакцию верхушки партии, будь это московские или регио-

нальные руководители? Казалось бы, ведь сама партия в лице ее лидера и Политбюро продекларировала «гласность» и уже стояла на пороге «плюрализма» — и в то же время все так болезненно отнеслись к выступлению, далеко не программному, одного из своих коллег о его неудовлетворенности методами работы руководящих работников ЦК и особенно секретаря Е.К. Лигачева.

Бурное обсуждение и абсолютно бессмысленное избиение «ослушника» дали обратный эффект: как водится на Руси, возник миф о народном герое — гонимом «защитнике угнетенных».

Естественно, возникает вопрос: как выступление Бориса Николаевича, неглубокое, имевшее явно личностный характер, могло вызвать такую реакцию? Этот феномен нельзя рассматривать в отрыве от реального положения, сложившегося в государстве и партии: в ней уже ощущалось серьезное глухое брожение, которое и подхватило рождавшегося диссидентствующего лидера.

На мой взгляд, проведение пленума в проработочном ключе было большой ошибкой, показало незрелость высшего руководства страны, в первую очередь членов Политбюро и секретарей ЦК. Я прекрасно понимаю, что в то время большинство партийных лидеров всех уровней еще не отошли от существовавших норм партийной жизни и отношений. Но ведь верхушка партии, которая стала инициатором изменений, в том числе и в КПСС, не должна была допускать подобного «судилища».

По-видимому, руководство партии еще до конца не осознало, какой разрыв возник между партийными руководителями всех уровней и основной массой рядовых коммунистов. В полной мере этот разрыв обнаружился в 1991 году, когда после роспуска КПСС Горбачевым по указующему персту Б. Ельцина никто из 19 миллионов коммунистов не вышел на ее защиту.

Вот таким образом в нашей Отчизне благодаря бездарной позиции руководства партии родился отечественный Робин Гуд. Этот весьма посредственный политический деятель, которого я знал многие годы еще по Свердловску, стал знаменем разрушительных оппозиционных сил.

На следующий день собралось Политбюро, чтобы по традиции подвести итоги прошедшего Пленума. После информации Горбачева А.А. Громыко, в то время Председатель Президиума Верховного Совета СССР, обратился к докладчику с вопросом о дальнейшей судьбе Ельцина. Генсек длинно и туманно высказался в том духе, что сейчас не то время, когда за подобные действия наказывают, и что нужно найти ему работу.

Андрей Андреевич Громыко был старше нас, да и жизненный опыт, особенно политический, у него за плечами был гораздо больше, чем у других участников заседания.

— Смотрите, смотрите, Михаил Сергеевич, — сказал он. — Я думаю, его надо бы отправить послом подальше от нашей страны.

Увы, никто не внял голосу старейшины, увеличив тем самым еще на одно звено цепь будущих роковых событий.

Прошло примерно два года. В Кремлевском дворце съездов (ныне Государственном Кремлевском дворце) состоялось торжественное собрание, посвященное очередной годовщине одного из отмечаемых на государственном уровне праздников. Так получилось, что я прибыл туда несколько раньше. Поднялся в комнату президиума. За длинным столом уже сидели и пили чай Горбачев с Раисой Максимовной и секретарь ЦК Иван Васильевич Капитонов. Принесли и мне чашку чая. И вдруг Р. Горбачева задает мне вопрос:

— Николай Иванович! Что же это творит ваш земляк Ельцин?

Откровенно говоря, я был в большом затруднении с ответом. Видя мое состояние, Горбачев обратился к жене:

— Раиса! Ты не упрекай Николая. Он был единственным, кто нас с Егором (Е.К. Лигачевым. — *Н.Р.*) предупредил, что Ельцина ни в коем случае нельзя назначать первым секретарем Московской парторганизации.

При всех недостатках Горбачев обладал хорошей и цепкой памятью. Надо полагать, что он всегда помнил — думаю, помнит и сейчас — разговор, который состоялся еще летом 1985 года в кабинете Генерального секретаря ЦК на Старой площади.

Как-то поздним вечером раздался звонок прямого телефона Генсека (я еще работал в ЦК). Он попросил меня срочно зайти, и через несколько минут я был у него. По кабинету ходили, что-то обсуждая, Горбачев и Лигачев. По первым же фразам я понял, что речь идет о том, кто может сменить Гришина.

— Ты ведь знаешь, что настало время укрепить руководство столицы. Мы с Егором сейчас обсуждаем возможную кандидатуру на пост первого секретаря Московского городского комитета. Хотели бы посоветоваться с тобой, — начал Горбачев.

— Я надеюсь, что у вас уже есть предложения...

— Да. Нам нужен туда крепкий и боевой товарищ. Наше мнение с Егором Кузьмичом, что это должен быть Ельцин. Ты его знаешь, твое мнение?

Откровенно говоря, я не очень задумывался над этим кадровым вопросом — у меня своих, экономических забот хватало. Но на такое

заявление я не мог прореагировать положительно. Оно удивило и поразило меня.

— Да, я знаю Бориса Николаевича и считаю, что он абсолютно не годится для этой роли. Не забудьте, что речь идет об огромной столичной организации, где сосредоточены масса заводских рабочих, основная научная и творческая элита страны. Здесь должен быть умный, гибкий, интеллигентный руководитель. Ельцин же — человек другого склада: он хотя и строитель, но по натуре своей — разрушитель. Наломает дров, вот увидите! Ему противопоказана большая власть. Вы сделали уже одну ошибку, переведя его в ЦК из Свердловска. Не делайте еще одну, роковую.

Мои доводы восприняты не были. Фактически они уже приняли решение. И мне оставалось только сказать:

— Я вас не убедил, и вы пожалеете о таком шаге. Когда-нибудь будете локти кусать, но будет уже поздно!

Так и разошлись. Каждый остался при своем мнении. Я раньше не писал об этой беседе. Позднее, однако, сам Горбачев, надо отдать ему должное, по телевидению подтвердил то, что в свое время сказал своей супруге в Кремле: единственным человеком, который возражал против назначения Ельцина в МГК, был Рыжков. Но мы его не послушали.

История любит порой пошутить с людьми: как уже было сказано, именно Лигачев настоял на переходе в Москву своего будущего злейшего и непримиримого врага. Сейчас, и оценивая принимавшиеся тогда решения в связи с Ельциным, начиная с перевода его в Московскую партийную организацию, вспоминаешь древних греков: кого Бог хочет наказать, того сначала лишает разума.

Общественные потрясения и государственные катаклизмы подталкивают многих на размышления о роли личности и случая в истории, и мы часто спрашиваем себя и других: а что было бы, если бы?.. Имела бы перестройка такие губительные последствия, если бы во главе партии встал не Горбачев? Что было бы с Советским Союзом, если бы Ельцин остался на Урале? О роли личности в истории имеется немало теоретических трудов, от древних философов, французских просветителей, основателей марксизма до великого множества известных и неизвестных авторов. По-моему, весь XX век и, может быть, последние полтора-два десятка лет жизни нашей страны дали более чем выразительный материал для анализа и новых выводов философам, социологам, историкам...

Вернемся, однако, к конкретным фактам. Через восемь месяцев после октябрьского Пленума, в июне 1988 года, в Кремле открылась

XIX партийная конференция. На повестку дня было поставлено рассмотрение вопроса о ходе реализации решений XXVII Съезда КПСС и задач по углублению перестройки. В Кремлевском дворце съездов собрались 5 тысяч делегатов конференции.

С докладом выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС Горбачев. В его выступлении были и анализ достигнутого за годы перестройки, и раздел о радикальной экономической реформе, и многое другое. Но, пожалуй, главным было то, что впервые за три года был поставлен вопрос о реформе политической системы. Конференция образовала несколько комиссий по различным вопросам, в том числе по международным отношениям во главе с членом Политбюро Рыжковым.

Просматривая сейчас стенограмму конференции, я вижу, насколько сильно звучали на ней критика и самокритика всех ветвей власти, в том числе и партийной. Складывается впечатление, что была прорвана плотина и пошел неуправляемый поток самобичевания. Здесь, по-видимому, нет ничего странного — многие годы все речи и выступления были четко регламентированы, произносились только по заранее написанным, строго выверенным текстам, а теперь вдруг вам сказали: говорите, что считаете нужным. Конечно, выплеснулось все, что подспудно накапливалось многие годы. И выступления на партийной конференции были острые, хлесткие, даже в какой-то мере мазохистские.

Теперь я задаю себе вопрос: что же произошло в последние пятнадцать лет? Те люди, которые тогда громили все и вся, придя к власти, должны были сделать все, чтобы подобного в нашей политической да и обыденной жизни никогда не было. Но они не предприняли ничего, чтобы улучшить ситуацию. Разве Ельцин, на выступлении которого я остановлюсь ниже, в бытность свою Президентом России исправил хоть что-нибудь из того, что когда-то критиковал? Напротив, достижения прошлого были отброшены, а недостатки воспроизведены и выросли до невиданных ранее размеров. При этом чем хуже шли дела в стране, тем больше приходилось Ельцину и его команде уверять население в обратном. В доперестроечный же период да и в годы перестройки существовало неписаное правило для докладчиков и выступающих: минимум говорить о достижениях и максимально — о недостатках и задачах. По-видимому, это было связано с однопартийной системой. Не имея оппозиционных партий и движений, именно таким образом стремились вскрывать недостатки.

Теперь все поставлено с ног на голову: за одиннадцать лет работы в постсоветском парламенте — восемь лет в Государственной думе и три года в Совете Федерации — я не раз слушал доклады и выступления членов правительства страны. Много и красочно говорили они о не-

ких виртуальных «достижениях» и ничего — о недостатках. Это вызвало негативную реакцию со стороны депутатов, но, по мере того как законодательная власть становилась все более откровенно проправительственной, надежда услышать «от них» правду постепенно таяла, пока не исчезла окончательно...

Ну, а на той, XIX партийной конференции, на мой взгляд, была допущена еще одна, роковая для КПСС и страны ошибка. Именно там Ельцин окончательно был отброшен в стан стремительно формировавшейся оппозиции, где он вскоре стал лидером. Для того чтобы более понятна была ситуация, сложившаяся тогда, приведу довольно большие выдержки из выступлений на конференции Ельцина и его основного оппонента — члена Политбюро, секретаря ЦК Лигачева.

По неписаным правилам секретарь ЦК, который вел заседание секретариата Центрального Комитета, являлся неформальным вторым человеком в партии. Тогда им был Егор Кузьмич. Ельцин же к тому времени был освобожден от обязанностей первого секретаря столичной парторганизации, но оставался членом ЦК, т.к. избирал его Съезд партии и только он мог и освободить его.

На партконференции Ельцину была предоставлена возможность выступить. Если проанализировать его речь, отбросив эмоции и предвзятость, сложившиеся в последние десятилетия к этому человеку, она была весьма критичной и острой. Пусть выступление было не очень красноречиво — на этот раз в отличие от знаменитого Пленума он выступал по существу.

«Главным вопросом конференции, — заявил Ельцин, — является демократизация в партии, имея в виду, что со временем она сильно деформировалась в худшую сторону. И, конечно, обсуждение сегодняшних горячих вопросов: перестройки в целом и революционного обновления общества. Сам период подготовки конференции вызвал необычайный интерес и возродил надежды коммунистов и всех советских людей. Перестройка встряхнула народ. И, видимо, перестройку надо было начинать именно с партии. Затем она повела бы за собой, как и всегда, всех остальных. А партия, как раз с точки зрения перестройки, и отстала. То есть получается, что конференцию сегодняшнюю надо было проводить значительно раньше. Это моя личная точка зрения...»

Трудно было не согласиться с некоторыми положениями его речи, особенно по внутривнутрипартийным вопросам. Но складывалось впечатление, что он, партийный функционер с двадцатилетним стажем, на все крупные недостатки в партии смотрел как бы со стороны, хотя в течение долгого времени был в числе тех, кто их сам порождал и пестовал.

Поэтому невольно закрадывалась мысль о его неискренности, о весьма ловком использовании создавшейся ситуации в личных целях.

Все мои сомнения подтвердило время: судить человека можно только по его делам. А рассматривая действия «позднего» Ельцина, можно сказать, что, как говорит библейская мудрость, «все возвращается на круги своя». Прочтите еще одну часть его выступления и сами сделайте выводы:

«Я, например, знаю, сколько перечисляется миллионов рублей в ЦК от Московской городской и Свердловской областной партийных организаций. Но куда они расходуются — не знаю. Только вижу, что, кроме рациональных расходов, строятся роскошные особняки, дачи, санатории такого размаха, что стыдно становится, когда туда приезжают представители других партий. А надо бы за счет этого материально поддержать первичные партийные организации, в том числе и по зарплате их руководителей. А потом мы удивляемся, что некоторые крупные партийные руководители погрязли в коррупции, взятках, приписках, потеряли порядочность, нравственную чистоту, скромность, партийное товарищество.

Разложение верхних слоев в брежневский период охватило многие регионы, и недооценивать, упрощать этого нельзя. Загнивание, видимо, глубже, чем некоторые предполагают, и мафия, знаю по Москве, существует определенно.

Вопросы социальной справедливости. Конечно, по-крупному, на социалистических принципах они у нас решены. Но остались некоторые вопросы, которые не решаются, вызывают возмущение людей, снижают авторитет партии, пагубно действуют и на темпы перестройки.

Мое мнение — должно быть так: если чего-то не хватает у нас, в социалистическом обществе, то нехватку должен ощущать в равной степени каждый без исключения...»

В последней фразе выступавший явно «перебрал», впал в демагогический раж. А может быть, он так испугался оказаться среди тех, кому действительно многого не хватало «в социалистическом обществе», что вскоре переметнулся в стан своих прежних оголтелых врагов, а затем и возглавил уничтожение нашего общественного строя и страны в целом, начал реставрацию в ней отторгнутого народом капитализма — общества, в котором царят социальное неравенство и эксплуатация человека человеком.

Чего же добился сей «правдолюбец» и «борец» за счастье людское? Для себя и своего клана вплоть до седьмого колена — всего, что он так пламенно обличал в недалеком прошлом. Для страны и ее народа —

разгрома промышленности и сельского хозяйства, превращения России в нищенствующую попрошайку на мировой арене, чудовищного социально-экономического расслоения населения, его вымирания, деградации науки и культуры.

Не зря говорят в США: первое, что необходимо сделать, выиграв выборы, это забыть свои предвыборные обещания. По-видимому, нашего незабвенного Бориса Николаевича этому научили там во время его «исторической» поездки.

В 90-е годы прошлого века, именно в период правления Ельцина в России, в небывалых масштабах расцвели коррупция, мздоимство, преступность, в том числе организованная. Он щедро унавожил почву, создал тепличные условия для воров и бандитов. Народное достояние разграбили приближенные к власти и лично к тогдашнему президенту лица. Ну, а о его собственной «порядочности, нравственной чистоте, скромности» народ увидел, услышал, узнал за время пребывания Ельцина у высшей власти столько, что и упоминать об этом снова не хотелось бы.

Однако кое о чем в этом плане — для отходчивых и забывчивых — напомню. Быстро были забыты им и районная поликлиника, и демонстративные поездки в Кремль на дребезжащем «Москвиче»...

В его книге-«исповеди» большое внимание уделено фактам из жизни руководства партии. Говоря откровенно, и мне многое не нравилось в тогдашних порядках, о чем я не раз говорил и писал. Но почему же, став во главе России, он все, подвергавшееся критике, не только сохранил, но и невероятно приумножил, причем в наглой, вызывающей по отношению к основной массе населения, к тому же в безвкусно-помпезной форме? В то время, когда старики умирали от голода, не получая по полгода пенсии — единственного средства к существованию, — он реконструировал кремлевские дворцы и свою резиденцию с такой роскошью, что у президентов Франции и США, увидевших все это, в буквальном смысле отвисли челюсти.

Надо полагать, наступит время, когда предадут огласке, во что обошлись нашему государству переделка зданий, загородной резиденции, дорогостоящая мебель, мощные ограды от собственного народа.

По всей стране в кабинетах «супердемократической» власти царят откровенное вымогательство, взяточничество, коррупция — куда там коммунистам! Раньше-то хотя бы парткомов боялись да и собственной совести тоже. Нынешним все дозволено, тормоза отсутствуют...

При этом президенте появились дачи-дворцы, бесчисленные кортежи самых дорогих машин новоявленных «хозяев жизни», персональные самолеты и яхты, оборудованные и отделанные по личному указу-

нию Ельцина. В настоящее время, будучи на «заслуженном отдыхе» после разрушения великой Державы, он летает на этих лайнерах в Париж, чтобы поприсутствовать на теннисном турнире... Находятся средства (не последние, конечно), чтобы снять частную виллу где-нибудь в Италии, и т.д. и т.п. Вот реальная цена «демократии», на которую «ключу» наш доверчивый народ.

Все это было чуть позже, а вот летом 1988 года Ельцин пытался вернуться в верхний эшелон партийно-государственной власти, обратившись к XIX партконференции с заявлением:

«Товарищи делегаты! Щепетильный вопрос. Я хотел обратиться только по вопросу политической реабилитации меня лично после октябрьского Пленума ЦК. (*Шум в зале.*) Если вы считаете, что время уже не позволяет, тогда все».

Горбачев М.С.:

«Борис Николаевич, говори, просят. (*Аплодисменты.*) Я думаю, товарищи, давайте мы с дела Ельцина снимем тайну. Пусть все, что считает Борис Николаевич нужным сказать, скажет. А если у нас с вами появится необходимость, то мы тоже потом можем сказать. Пожалуйста, Борис Николаевич».

Ельцин Б.Н.:

«Товарищи делегаты! Реабилитация через 50 лет сейчас стала привычной, и это хорошо действует на оздоровление общества. Но я лично прошу политической реабилитации все же при жизни. Считаю этот вопрос принципиальным, уместным в свете провозглашенного в докладе и выступлениях социалистического плюрализма мнений, свободы критики, терпимости к оппоненту.

Вы знаете, что мое выступление на октябрьском Пленуме ЦК КПСС было признано «политически ошибочным». Но вопросы, поднятые там, на Пленуме, неоднократно поднимались прессой, ставились коммунистами. В эти дни все эти вопросы практически звучали вот с этой трибуны и в докладе, и в выступлениях. Я считаю, что единственной моей ошибкой в выступлении было то, что я выступил не вовремя — перед 70-летием Октября.

Видимо, всем нам надо овладевать правилами политической дискуссии, терпеть мнение оппонентов, как это делал В.И. Ленин, не навешивать сразу ярлыки и не считать еретиками.

И в выступлениях на конференции, и в моем выступлении полностью нашли отражение вопросы, высказанные мною на октябрьском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС. Я остро переживаю случившееся и прошу конференцию отменить решение Пленума по этому вопросу. Если сочтете возможным отменить, тем самым реабилитируете меня в гла-

зах коммунистов. И это не только личное, это будет в духе перестройки, это будет демократично и, как мне кажется, поможет ей, добавив уверенности людям.

Да, обновление общества дается тяжело. Но сдвиги, пусть небольшие, есть, и сама жизнь заставляет нас идти только по этому пути. (*Аллодисменты.*)»

Однако большинство выступавших затем ораторов, думаю, не без подсказки Генерального и его присных, с привычным пафосом продолжали клеймить Ельцина, и в итоге вопрос о его реабилитации тихотихо сошел на нет.

В качестве примера приведу выдержки из выступления на конференции Е. Лигачева:

«— Быть может, мне труднее, чем кому-либо из руководства, говорить в связи с выступлением Бориса Николаевича Ельцина. И не потому, что шла речь и обо мне. Просто пришла пора рассказать всю правду...

Нельзя молчать, потому что коммунист Ельцин встал на неправильный путь. Оказалось, что он обладает не созидательной, а разрушительной энергией. Его оценки процесса перестройки, подходов и методов работы, признанных партией, являются несостоятельными, ошибочными...

Борис Николаевич Ельцин на Пленуме ЦК обвинял Секретариат ЦК в том, что он сам насаждал в Московском горкоме партии. Замечу, что, будучи секретарем горкома партии, он не бывал на заседаниях Секретариата. Хочу сказать и другое. Трудно поверить, но, находясь в составе Политбюро, присутствуя на его заседаниях, а заседания длятся по 8—9 и 10 часов, Ельцин почти не принимал никакого участия в обсуждении жизненно важных проблем страны и в принятии решений, которых ждал весь народ. Молчал и выжидал. Чудовищно, но это факт. Разве это означает партийное товарищество? Свою задачу, смысл своей деятельности секретари ЦК, аппарат ЦК видят в оказании помощи, налаживании работы на местах...»

Ореол гонимого народного героя вокруг Ельцина после конференции засиял еще ярче. Спустя короткое время он с гигантским отрывом от конкурента выиграл предвыборную гонку и стал народным депутатом, несмотря на совершенно глупейшие титанические усилия ему помешать. А ведь, «реабилитируй» его конференция, может, и не было бы очередного нагнетания разрушительных событий. «Опала» — в силу нашей национальной психологии — помогла ему победить на выборах.

Я веду речь не о тактике «верхов» — верная она или ошибочная. Собственно, здесь ответ может быть только один — до идиотизма без-

дарная. К сожалению, сам Ельцин не отличался от своих тогдашних «врагов» и даже написал в своей книге: «Я воспитан этой системой». И когда пришел срок, он попросту свел счеты со своими обидчиками, запретив партию. Он ведь, Робин Гуд наш доморощенный, сражался-то с партийной верхушкой, которая его прилюдно секла. И победил. И унизил ее с наслаждением. А то, что девятнадцать миллионов коммунистов заодно в грязь положил, — это мелочи! А то, что законы попрадал, — пустяки! Потом он стал хозяином России, «царем Борисом», о чем, не стесняясь, не раз объявлял во всеуслышание...

Двадцать лет в аппарате партии — это огромная ломка характера. Я не знаю ни одного функционера, на котором так или иначе не сказалось бы пребывание у власти. Она часто уродует души, убивает веру, идеалы, надежды. Если я еще могу поверить, что Ельцин «искренне вступал с партией» (его слова), то в искренность его картинного ухода из нее в 1990 году, на XXVIII Съезде, не верю. Потому что уйти — значит измениться, по-другому думать и действовать. А что изменилось в этом смысле в управлении нашей расколотой державой со смертью партии и воцарением у власти «демократов» во главе с Ельциным? В лучшую сторону — ровным счетом ничего.

XIX партконференция показала, что в недрах самой партии вызревало ясное, хотя и не слишком оформленное понимание того, что довольно скоро будет выражено расхожей фразой: дальше так жить нельзя. Политическая система в условиях последовательной экономической реформы неизбежно требовала изменений политической системы. Нас, экономистов и производственников, это тревожило особенно.

Мы отлично понимали, что управление хозяйством чем дальше, тем больше сосредоточивается в руках партийного руководства. А между тем, обладая безраздельной властью, партия — в лице ее лидеров — практически не несла ответственности за происходившее в стране. В сложившейся политической системе конституционная законодательная власть — Верховный Совет, как и Советы иных уровней, — во многом лишь оформляла подготовленные в партийных структурах проекты решений. Все более фиктивной становилась и избирательная система. Авторитет Советов, таким образом, размывался, хотя по своей природе и потенциалу они содержали в себе все необходимое для эффективного демократического управления государством и обществом.

Сегодня многие, особенно так называемые демократы, напрочь «забыли», что впервые о насущной необходимости политических реформ заявила именно КПСС на XIX партийной конференции.

Первый вопрос на конференции, как всегда, был чисто экономическим: об итогах первой половины двенадцатой пятилетки, о дальнейших задачах партийных организаций в связи с этим. Второй же вопрос был посвящен дальнейшей демократизации жизни партии и общества. Докладывал по обоим вопросам Горбачев. И произнес он верные слова: «Сегодня надо иметь мужество признать: если политическая система останется неподвижной, без изменений, то мы не справимся с задачами перестройки».

Далее он перечислил семь принципов политической реформы, как некогда тоже семь постулатов самой перестройки, которые он огласил на Пленуме ЦК в январе 1987 года. Однако на партконференции при этом не ставилась одна из коренных для любой демократии задач — уравновесить наконец в стране три ветви власти: законодательную, исполнительную и судебную. Крен откровенно делался в сторону первой из них.

Прежде чем Генеральному выступить на конференции, его доклад традиционно обсуждался на Политбюро. Я опять не смолчал, сказал примерно так:

— В том, что я прочитал, вижу явную тенденцию к ослаблению исполнительной власти. Это недопустимо! Давайте четко разделим функции между тремя классическими ветвями власти. Давайте четко определим границы сфер деятельности каждой из них. И даже если отдать всю — подчеркиваю: именно всю! — власть Советам, что является, на мой взгляд, неправильным, справятся ли они с нею? Сомневаюсь. А не справятся — государство может потерять управляемость...

Как вы думаете, что мне поставили в упрек? Как всегда: я защищаю Совет Министров и не понимаю требований времени. Тогда я высказал моим оппонентам все, что думаю про эти пресловутые требования, которые вновь и вновь входят в противоречие с основным классическим разделением ветвей власти и элементарным здравым смыслом. Разговор получился резкий, и я остался, как часто случалось в Политбюро, увы, в меньшинстве. Генеральный понимал, что по-настоящему идея работающих Советов обретет в народе невероятную популярность, а мелкие, на его взгляд, подробности можно продумать по ходу дела.

Рассказывая здесь о своей позиции в отношении намеченного полновластия Советов, должен подчеркнуть: я ни в коей мере не возражал против наделения их реальной властью, но считал и считаю, что это надо делать в четко определенных законом рамках. Еще, будучи генеральным директором «Уралмаша», я был избран в Верховный Совет СССР. За годы своего депутатства достаточно отчетливо понял, что

истинная роль парламента куда скромнее той, что провозглашалась в советской Конституции. В подобном положении находились и нижестоящие Советы.

Эту ситуацию действительно надо было менять коренным образом, но не шарахаясь, как у нас часто бывало, из одной крайности в другую. Я не мог смириться с тем, что Горбачев, освобождая партию от не свойственных ее природе как общественной организации функций, явно думал не столько о нормализации соотношения между ветвями власти и, следовательно, об эффективности управления государством, сколько о том, чтобы просто перенести свое кресло со Старой площади в Кремль, сохраняя за собой фактически все прежние полномочия и меняя лишь вывески, но не суть дела. Вот это и было главной целью реанимации (при коренном изменении его исторического смысла, конечно) ленинского лозунга 70-летней давности: «Вся власть Советам!»

Отдавая полноту власти Советам, говоря о том, что партия должна уйти от управленческих функций, остаться только политической силой, Генеральный в своем докладе вовсе не умалял ее авангардной роли. Напротив, подчеркивал, что «без направляющей деятельности партии... задач перестройки не решить». Более того, высказывал убеждение, что необходимо рекомендовать на посты председателей Советов первых секретарей соответствующих партийных комитетов.

Кстати, именно эта позиция и вызвала на конференции немало возражений. Люди понимали, что в такой форме уход партии от практического, повседневного руководства всеми сторонами жизни, в том числе и хозяйственной, станет, по сути, формальным. Иными словами, Советы будут исподволь, не явно, но по-прежнему жестко и уверенно управляться партийными органами. Мне трудно утверждать точно, была ли эта позиция придумана специально для Горбачева, чтобы он мог возглавить будущий Верховный Совет и при этом остаться Генеральным секретарем ЦК КПСС. Не знаю, никто никогда по этому вопросу со мной не советовался. Думаю, что в основе этого предложения формально лежал тезис о необходимости сохранения партийного влияния на экономику, а на самом деле главной целью было совмещение должностей Генсека и Председателя нового Верховного Совета, которому и отводилась, как уже сказано, «вся власть».

«Теория» вопроса была продумана. Практически вся структура будущего Съезда народных депутатов, Верховного Совета СССР и система выборов депутатов были представлены конференции и обсуждены на ней. Конференцию торопили события: весной 89-го, меньше чем через год, заканчивались полномочия Верховного Совета СССР.

К проблеме передачи всей власти Советам мы еще вернемся в этой главе, подойдем к ней, так сказать, с другой стороны, а пока я не могу не отметить и еще одну сторону работы конференции: в череде громких выступлений, поддерживавших перестройку и лично Горбачева, прозвучали тревожные, критические нотки. Наиболее ярким и выразившим большую обеспокоенность происходившим было выступление выдающегося писателя-фронтовика Юрия Бондарева. Я полагаю, что пройдет время, и историки периода перестройки полностью опубликуют эту речь. А сейчас мне хотелось бы тезисно и с некоторыми выдержками передать суть его выступления. Оно было по-писательски образно. К примеру, говоря о разрушительных процессах, рожденных перестройкой, он сравнивает их с разрушенной библейской Вавилонской башней как символом несостоявшегося братства не понявших друг друга людей: «Нам не нужно, чтобы мы, разрушая свое прошлое, тем самым добивали бы свое будущее. Мы против того, чтобы наш разум стал подвалом сознания, а сомнения — страстью».

Недвусмысленно было сказано и о расплывчатых целях перестройки: «Если апрель — месяц весны и ожидания — принес осознание необходимости действия, то сейчас настала пора осмысления каждым исторической логики непреложных законов развития».

Можно ли сравнить нашу перестройку с самолетом, который подняли в воздух, не зная, есть ли в пункте назначения посадочная площадка? При всей дискуссионности, спорах о демократии, о расширении гласности, разгребании мусорных ям мы непобедимы только в единственном варианте, когда есть согласие в нравственной цели перестройки, то есть перестройка ради материального блага и духовного объединения всех. Только согласие построит посадочную площадку в пункте назначения. Только согласие».

С особым беспокойством и болью он говорил о нравственности, об ответственности писателей, журналистов, средств массовой информации за духовную жизнь общества:

«Безнравственность печати не может учить нравственности. Аморализм в идеологии несет разврат духа. Пожалуй, не все в кабинетах главных редакторов газет и журналов полностью осознают или не хотят осознавать, что гласность и демократия — это высокая моральная и гражданская дисциплина, а не произвол, по философии Ивана Карамазова (*аплодисменты*), что революционные чувства перестройки — происхождения из нравственных убеждений, а не из яда, выдаваемого за оздоравливающие средства...

Та наша печать, что разрушает, унижает, сваливает в отхожие ямы прожитое и прошлое, наши национальные святыни, жертвы народов в

Отечественную войну, традиции культуры, то есть стирает из сознания людей память, веру и надежду, — эта печать воздвигает уродливый памятник нашему недомыслию, геростратам мысли, чистого чувства, совести, о чем история идеологии будет вспоминать со стыдом и проклятиями...»

К сожалению, полные тревоги мысли Юрия Васильевича Бондарева были подтверждены ходом событий, кончиной перестройки в 1990—1991 годах и реалиями жизни «суверенной» России. Художник-мыслитель значительно раньше политиков понял происходящие в то время процессы в обществе и смог заглянуть далеко вперед. Пожалуй, его выступление и стало самым тревожным колоколом, прозвучавшим через три года после рождения перестройки, на ее переломе, когда разрушительные тенденции и формирующие их силы стали все больше преобладать над созидательными.

По окончании конференции в аппаратах ЦК и Верховного Совета развернулась спешная работа по подготовке Закона о выборах и внесению изменений в Конституцию СССР. Первые изменения в Закон были внесены именно в связи с системой Советов. К сожалению, дело на этом не остановилось. Стоило только начать перекраивать Конституцию, как этот «творческий процесс» стал неуправляемым. С ней поступали, как с черновой тетрадкой. Ее черкали как ни попадя, а в итоге похоронили.

Разумеется, я вовсе не против конкретных изменений, которые продиктованы жизнью, ее развитием, да еще когда они, эти изменения, пойдут на благо страны. Я лишь против спринтерской поспешности, с которой тогда взялись за дело, против неуважения к Основному закону, которое, естественно, порождает такое же отношение и ко всем другим законам.

Возьмите Конституцию США. Она была принята, как известно, в 1787 году. За двести лет в нее было внесено только 26 поправок! Что касается царской России, то она Конституции не имела. Были так называемые Основные государственные законы, в которые революция 1905 года внесла лишь некоторые статьи буржуазно-демократического порядка.

За 70 лет Советской власти были приняты четыре Конституции — в 1918, 1924, 1936 и 1977 годах, они имели и соответствующие названия — ленинская, сталинская (это название широко использовалось в официальной пропаганде) и брежневская. В 1988 году началась обвальная и бесцеремонная перекройка последней из них. Изменения коснулись половины статей. Но с этими поправками страна прожила всего год. В 1990 году Конституция менялась уже дважды. В начале — для

введения президентства и новых государственных органов: Президентского совета и Совета Федерации. В конце — для ликвидации Совета Министров СССР как главной исполнительной и распорядительной государственной власти и устранения Президентского совета, введения должности вице-президента и т.д. Подобная же участь постигла Конституцию в 1991 году, в декабре которого она и вовсе ушла в Историю. Такое легкое отношение к Основному закону государства хорошо выразил один небезызвестный народный депутат, сказав, что мы относимся к Конституции, как к уличной девке.

Еще более бесцеремонно и цинично поступили с российской Конституцией. Сначала ею всячески манипулировали, а вскоре просто растоптали. Впрочем, ступив на путь кощунства, как и предательства, остановиться уже невозможно. Такой образ мыслей и действий становится нормой. Б. Ельцин 10 июля 1991 года, вступая в должность Президента РСФСР, поклялся, держа руку на Конституции, соблюдать ее и другие законы России, а затем на глазах страны и всего мира вытер о них ноги и, расстреляв в 1993 году парламент, навязал обществу свою, под него писанную Конституцию. Быстро состряпанный ее проект был поставлен на референдум. Но до сих пор идут споры, сколько процентов населения проголосовало за нее и принята ли она, строго говоря, вообще? Даже во времена Сталина обсуждение проекта Конституции проводилось почти полгода, в результате чего поступило около двух миллионов различных дополнений и поправок. Активно обсуждало население страны и Конституцию 1977 года.

Полагаю, читатель сделал вывод, что я не в восторге и от ельцинской Конституции 1993 года. Но я отношусь к тем, кто не поддерживает «торопыг» в вопросе изменения нашего Основного закона. Как только возникают проблемы, сразу же раздаются голоса: надо менять Конституцию! Жизнь меня научила: тронули главный Закон страны в 1988 году — и остановиться уже не смогли, а потом, как я уже сказал выше, похоронили его вместе с государством. Ну, а тогда, в 1988 году, споров вокруг изменений Конституции и нового Закона о выборах было много. Совет Министров в них участия не принимал. Но я, как член Политбюро, регулярно читал все документы и, бывая на его заседаниях, не мог не высказывать своего мнения о тех или иных проблемах. Не исключая, что кое-какие из моих недоуменных вопросов и даже возражений возникали именно в связи со спешкой, из-за невозможности серьезно продумать предложения к Закону, посоветоваться со знающими людьми. Как проходила законотворческая работа? Мы получали документы чаще всего вечером, накануне утренних заседаний Политбюро. Иной раз не только посоветоваться — прочесть их внимательно време-

ни не хватало. Помню, возникали сомнения, а иногда и мучительные вопросы.

Во-первых, я не очень понимал, зачем нужен Съезд народных депутатов. В своем докладе на конференции Генсек туманно объяснил его необходимость тем, что в этом новообразовании «будет сильно и прямо выражено общественное начало». Очень хочется скаламбурить и добавить — «общественный конец». Но дело здесь не в проблемах трибунного словотворчества, а в сути. Горбачев попросту перефразировал ленинскую идею Съезда как «широкого народного собрания», иными словами — некоего народного схода, на котором можно вольготно наговориться. А все конкретные дела все равно станут решаться на заседаниях Верховного Совета. Так и вышло.

Малопонятным было и то, почему депутатов именно 2250 человек. Откуда такая странная «некруглая» цифра? Если уж «широкое народное собрание», то логичнее — 5000, хотя бы потому, что в Кремлевском дворце съездов, где намечалось проводить Съезд, именно столько мест...

По окончании Первого Съезда народных депутатов, увидев, что так быстренько было «сотворено», и понимая разрушительную роль этого громкого и многоголосого органа власти, я спросил А.И. Лукьянова и А.Н. Яковлева, не им ли принадлежит идея создания такого организованного митинга в стране. Оба они стыдливо отказались от столь почетного авторства. Кто же тогда? Горбачев? Вряд ли он додумался бы до этого в одиночестве.

Может, я излишне критичен по отношению к Съезду как институту народовластия, но стоит, к слову, заметить, что подобная структура существовала только в СССР и РСФСР, а остальные бывшие республики Союза разумно избежали создания нового, неповоротливого и непродуктивного органа. Но он тем не менее был высшей государственной властью. Так почему же он не собрался в последний раз, чтобы принять конституционное решение о роспуске государства под названием СССР?

Мой скепсис по поводу целесообразности существования съездов народных депутатов СССР и РСФСР не распространяется на Верховный Совет. Взаимной любви у нас не было и не могло быть, так как сама природа взаимоотношений парламента и правительства основана на противоречиях. Полтора года довольно тесного общения, вплоть до моего фактического ухода с поста Председателя Совета Министров СССР в декабре 90-го, прошли в состоянии худого мира или доброй ссоры — это уж с какой стороны смотреть. Но Верховный Совет и правительство все же, на мой взгляд, уважали друг друга и

постепенно учились работать вместе, находить не всегда легкие общие решения.

В то же время я не мог оправдать членов Верховного Совета в том, что они забрали себе право на обсуждение и решение всех вопросов — от законотворчества до хозяйствования, зачастую подменяя исполнительную, а порой и судебную власть. Я так и не понял, почему Верховный Совет едва ли не буквально скопировал структуру ЦК КПСС с его отраслевыми отделами и секторами, только их роль здесь исполняли комитеты и комиссии, причем делали это куда ретивее, чем партийные функционеры. И притом далеко не всегда профессионально.

Время приближалось к весне, выборы были назначены на 26 марта 1989 года. Закон о выборах, как и изменения в Конституции, был обсужден всенародно и принят, борьба кандидатов в депутаты за голоса избирателей развернулась нешуточная. Но ее участники оказались в неравном положении. На мой взгляд, создатели Закона о выборах испугались того, за что сами ратовали, а именно... демократии: они законодательно предусмотрели раздвоенность грядущего депутатского корпуса, в котором часть избранников — 1500 человек — должна была пробиться сквозь густые тернии выборов по территориальному принципу, а другая — 750 человек — легко и безболезненно попадала на Съезд, избранная пока еще послушными властям общественными организациями.

Естественно, что эти организации, в том числе творческие союзы, в первую очередь выдвинули своих руководителей, которые все, как правило, стали депутатами. Естественно и то, что депутаты, всерьез сражавшиеся с соперниками в округах, довольно враждебно относились к безмятежно прошедшим в депутатский корпус коллегам.

Не могу утверждать, что сразу увидел ошибочность подобной системы. Никогда особенно не верил заверениям, что таким образом общественные организации получают дополнительный канал прямого воздействия на властные структуры — это не более чем аргумент в не слишком честном споре. Но поначалу я наивно полагал, что в отсутствие многопартийности на Съезде и Верховном Совете корпоративное представительство сделает состав парламента более разнообразным, расширит его социальную базу. Однако наивности моей хватило ненадолго.

Не самый демократический принцип царил уже на этапе составления списка «750». 100 человек — от девятнадцатимиллионной КПСС. 100 — от двадцатishестимиллионного комсомола. 100 — от едва ли не двухсот миллионов членов профсоюза! И так далее... Вряд ли кто-нибудь взялся бы объяснить такое неравное представитель-

ство. К тому же получалось, что одни и те же люди выбирали нескольких депутатов.

Возьмем хотя бы членов ЦК КПСС. Сначала они выбирали депутатов от партии. Потом (пусть и опосредованно) от профсоюзов — каждый коммунист являлся членом какого-либо из них. Потом по месту жительства — от территории. Примерно то же можно сказать и об академиках, и о писателях, и о художниках, и о защитниках мира... В то время как рядовые граждане страны новых Советов могли использовать право выбора лишь однажды — голосуя по месту жительства.

К слову, не могу не отметить, что осуждаемая всеми демократами «красная сотня», то есть группа депутатов от КПСС, была составлена по старому и, на мой взгляд, хорошему партийному принципу: в ней были и секретари парторганизаций, и писатели, и ученые, и рабочие, и крестьяне.

Сразу после подведения итогов выборов состоялось заседание Политбюро, на котором мы опять не сошлись с Генсеком в оценке результатов выборов. Горбачев был приподнято-радостным. Выборы, утверждал он, показали огромный авторитет Компартии у народа: 87 процентов депутатов — члены КПСС... Вопреки обыкновению он начал разговор на заседании первым, словно хотел собственным авторитетом утвердить победу, предчувствуя возможные возражения. Однако некоторые участники заседания были настроены иначе. Партия проиграла выборы, сказал я. Тридцать руководителей местных партийных организаций, выдвинутых по территориальным округам, позорно и шумно провалились, проиграв куда менее маститым и известным, но более «убедительным» соперникам.

— Но тоже членам партии! — утверждал Горбачев.

— Их выбирали не за членство в КПСС, — не соглашался я. — Наоборот, они нигде и не подчеркивали его.

Это, к величайшему сожалению, не частный случай, говорил я. Это тревожный симптом, указывающий на то, что партия сильно отстает от тех перемен, которые она же и начала. Складывается впечатление, что руководство КПСС почило на лаврах зачинателей перестройки и, уверенное в своем незыблемом авторитете, не хочет видеть, что само то действует прежними методами. Да разве кто-нибудь из тех тридцати проигравших, спрашивал я, боролся со своими удачливыми соперниками? Сам и отвечал: нет. Боюсь, что они считали, будто, как и в прошлые времена, достаточно какому-нибудь парторгу всего лишь приказать членам своей «первички» проголосовать за областного партийного лидера, и все немедленно и беспрекословно сделают это. Не те времена! Выборы как раз и показали, что время незыблемых авторите-

тов кануло в Лету, что авторитет нынче надо завоевывать ежедневно всем и каждому и что партия и ее руководители — не исключение. И не надо думать, будто выборы проиграли тридцать конкретных лиц. Выборы проиграла именно партия, которая доверила представлять себя этим лицам.

Увы, но руководство партии — от районных секретарей до членов Политбюро — еще не очень, видимо, осознавало эти довольно простые истины. Послевыборная эйфория закончилась быстро — тогда, когда большинство из этих 87 процентов начали поспешно и с шумом покидать КПСС. Конечно же, с их стороны никакое это было не прозрение, а всего лишь элементарное предательство. Но ведь это был тревожнейший сигнал! Он означал, что быть членом партии становилось непопулярно. И тем не менее даже тогда, когда «эмиграция» из партии стала опасно массовой, руководство КПСС бестрепетно уверяло: пусть, мол, крысы бегут с корабля — курс верен, маршрут проложен, ход неизменен... Они забыли или не знали, что крысы бегут с корабля, когда он дал течь, когда ему грозит гибель... Вот эти-то «верность и неизменность», нежелание перестраиваться самим, чрезмерная самоуверенность и неумение слышать достаточно громкие сигналы тревоги и привели Компартию к августовской (1991 года) гибели.

Меня сейчас спросят: выходит, вы предполагали подобный финал?

Нет, отвечу, на такое у меня воображения не хватило. Я хотел лишь, чтобы в коридоры партийной власти ворвалась та жизнь, которая и родилась-то — как идея — в этих коридорах и уже всюю царила за их пределами.

И все же я с большим удовлетворением вспоминаю эти первые в истории страны демократические выборы. Пусть в ходе их было много ошибок, нелепостей, не любимого мною популизма, не самой честной борьбы — не в том суть! А в том, что в жизни каждого гражданина, достигшего избирательного возраста, появилась наконец действительная свобода выбора власти. Хотя бы даже в том, что он мог никого не выбирать, если его не устраивал ни один из кандидатов. И как все первое, выборы сопровождал хорошо подзабытый к тому времени дух энтузиазма, который всегда помогает жить.

Признаюсь, я специально остановился на партийных форумах 1987—1988 годов и последовавшем за этим изменении Конституции СССР, поскольку, на мой взгляд, именно в эти годы начало активно создаваться разрушительное оппозиционное движение и появились его лидеры, приведшие впоследствии страну к расчленению и гибели.

Читатель вправе спросить: что же, автор против оппозиции вообще? Никоим образом! Мое твердое убеждение состоит в том, что де-

мократическое общество не может жить без оппозиции. Это, безусловно, касается и парламента страны, и региональных, и местных органов власти. Но я против такой оппозиции, которая ненавидит свое государство, свой народ, которая была в восторге от разрушения Советского Союза и, несомненно, стала бы радоваться и распаду России по рецепту господина Бжезинского. Именно такую оппозицию я отношу к разрушителям, а значит, объективно — и к предателям своей Родины.

Огромную роль во всех этих негативных явлениях сыграли, к великому сожалению, процессы, которые происходили в обществе. Их влияние стало особенно ошутимым после партконференции, на съездах народных депутатов СССР и РСФСР. На Первом Съезде народных депутатов в адрес КПСС было высказано много претензий, тяжелых обвинений и призывов к «возмездию», к освобождению страны от «гнета КПСС». В выступлениях содержалась и справедливая критика, обнажавшая реальные проблемы деятельности партии в обществе. Зачастую чувствовалась гражданская, политическая незрелость ораторов. Но были и вполне сознательные, хорошо срежиссированные акции по дискредитации партии, которая в результате исторического развития стала мощной политической организацией, глубоко интегрированной в государственные структуры и, естественно, отвечающей за все победы и за все недостатки. Именно поэтому было крайне опасно разрушать авторитет партии. И те, кто дирижировал всем этим, знали, что для смены власти и общественного строя необходимо было сломать или хотя бы надломить прежде всего партийно-государственный стержень, на котором держалась страна. Ложь была тотальной, циничной, наглой, и ею оболванили многих и многих из трехсот миллионов населения бывшего СССР. Немалая часть людей поначалу с детской наивностью поверили, что стоит запретить Коммунистическую партию — и жизнь пойдет по-другому: лучше, чище, честнее, гуманнее, справедливее и, конечно же, богаче...

Были и более глубокие причины разраставшегося политического кризиса. После XIX партконференции и прихода к государственной власти новой структуры в виде Съезда народных депутатов и постоянно действующего Верховного Совета СССР партия должна была немедленно перестроиться, кардинально реформироваться. Строго говоря, это надо было делать даже намного раньше, опережающими темпами готовить ее к работе в новых условиях — организационных, теоретических, идеологических...

Все эти субъективные и объективные факторы вызывали тревогу у многих партийных организаций, от них поступали предложения о не-

медленном созыве Пленума ЦК, на котором необходимо было рассмотреть вопросы о характере деятельности партии в новых условиях, о требуемых изменениях в ней самой. Уже было очевидно: если не выработать новую стратегическую линию, а с ней и тактику деятельности партии, то вся перестройка может обернуться для народа небывалым поражением.

Этого выступления мне тоже не простили, но громкого, как с Ельциным, спектакля устраивать не стали: пришло другое время.

Но почему же все-таки партия своевременно или хотя бы с опозданием не перестраивалась, не готовилась работать в новых условиях? Кто в этом виноват? Отвечу ссылкой на интервью «патриарха перестройки», ныне уже покойного, А. Яковлева. В одной из известных газет он достаточно четко сформулировал стратегию разрушителей партии и Союза ССР: «Сначала тоталитарный режим надо было сломать через тоталитарную партию, другого пути не было... Потому что, только используя ее тоталитарный характер, выражавшийся как в организованности, так и в дисциплине и послушании, можно было сломать тоталитарный режим...» Полагаю, что именно этим и можно объяснить нежелание Горбачева, Яковлева и их единомышленников реформировать партию в условиях шквального изменения политических сдвигов в СССР, чтобы использовать ее как орудие смены общественно-политического строя в нашей стране. Циничнее не скажешь: партию, создавшую мощную Державу и отстоявшую во время войны СССР, перевертыши решили использовать для разрушения Державы!

Волна антикоммунизма, все круче поднимаемая так называемыми демократами, не встречала на своем пути никакого сопротивления. Третий, внеочередной Съезд народных депутатов, на котором президентом страны был избран М. Горбачев, под улюлюканье и неистовые восторги отменил 6-ю статью Конституции СССР о роли и месте КПСС в государстве.

Наступило время, как говорили остряки, когда советский народ под руководством КПСС стал бороться против КПСС. И если в первой части этой формулы — народ — содержалось немалое преувеличение, то вторая, увы, была близка к истине: партию разрушали самые активные ее члены, пользовавшиеся слепотой, бездеятельностью, а то и попустительством и поддержкой ее высших руководителей. И вскоре уже миллионы покинули партию, после того как пример им подали идеологические вожди КПСС. Она и пала в результате беспрецедентного предательства.

В начале июля 1990 года открылся последний, XXVIII съезд КПСС.

В партии практически произошел раскол, размежевание в ее рядах по идейно-политическим и даже национальным мотивам, возникло глубокое отчуждение и между ЦК, его Политбюро и Генсеком — с одной стороны, и партийными организациями на местах — с другой. С каждым месяцем оно разрасталось. Не случайно за год-полтора до XXVIII съезда численность партии уменьшилась на миллион человек.

Раскол произошел и в самом Политбюро. Прошли времена, когда в этом высшем органе КПСС в жарких дискуссиях находили необходимые решения. Сейчас же в нем образовалось несколько групп, и они были непримиримы. Одна — Горбачев, Яковлев, Шеварднадзе, Медведев, другая — Рыжков, Воротников, Слюньков, Зайков. Было, конечно, и «болото». Разногласия по отдельным, иногда даже частным вопросам отражались на взаимоотношениях и вредили общему делу.

Хотя с начала 90-го года Политбюро практически прекратило свою деятельность, все же за несколько дней до съезда оно было созвано. Заседание проходило в Ново-Огареве. Там Горбачев работал над своим докладом съезду. Никто из моих соратников, сослуживцев не принимал участия в его подготовке. Не было и традиционного тщательно-го рассмотрения на Политбюро этого документа.

В процессе обсуждения некоторых проблем встал вопрос о будущем составе новых Политбюро и Секретариата. Кто-то из присутствующих в дополнение к тем кандидатурам, которые были уже названы, внес предложение ввести в состав Политбюро меня и А. Лукьянова. Мы с ним понимали, что в сложившейся обстановке это принесет лишь вред партии. Президент страны — Генсек КПСС, Предсовмина и Председатель Верховного Совета — члены Политбюро, это даст противникам КПСС повод активизировать ее травлю, обвинить в монополизме и сосредоточении высших государственных постов в руках одной партии. Мне и Анатолию Ивановичу пришлось долго убеждать присутствующих в нецелесообразности подобного шага. А членами ЦК мы считали необходимым остаться, если нас изберут на съезде. Я пишу об этом, так как впоследствии появились публикации, особенно в связи с 20-летним «юбилеем» перестройки, будто мы с А. Лукьяновым рвались в члены Политбюро, а нас не пустили.

До запрета КПСС оставалось менее двух лет...

Я был членом Компартии в первом и, как оказалось, последнем поколении. Мои дед и отец трудились на шахте в Донбассе. Позднее работал на этой же шахте, но уже на глубине один километр, младший, ныне покойный, брат Евгений. Они трудились в темноте и сырости не ради партийных званий. Это прежде всего был их образ жизни.

В шахту с ее тяжелыми, а во многих случаях и опаснейшими условиями труда, всегда сопряженными с риском, идут люди с крепким характером. Там, под землей, с человека сдирается всяческая шелуха. Труд шахтеров сродни повседневному героизму, и они знают себе цену. Наверное, поэтому, когда однажды в отпуске я заехал к родным проведать их, брат, увидев в моем чемодане журнал «Огонек» с фотографией на обложке Хрущева в шахтерской каске, сурово спросил:

— А это что за морда надела на себя нашу шахтерскую каску?

Так получилось, что из семьи только я стал членом КПСС. Даже моя супруга, Людмила Сергеевна, на предложения вступить в партию отвечала: у нас в семье есть один член партии, и этого достаточно.

22 ноября 1982 года на Пленуме ЦК в своем коротком выступлении по оргвопросу Ю.В. Андропов проинформировал членов ЦК о том, что, поскольку экономике надо сейчас уделять особое внимание, Политбюро считает необходимым ввести должность секретаря ЦК по экономике. И тут же назвал мою фамилию. Пленум Андропова поддержал.

Сразу после Пленума я был назначен заведующим Экономическим отделом ЦК. Я навсегда запомнил этот Пленум — он повернул мою жизнь совершенно в иное русло. И, не будь его, неизвестно еще, как сложилась бы моя дальнейшая судьба.

Потом были многочисленные устные и письменные поздравления. Я храню телеграмму моих родителей — теперь уже ушедших из жизни отца и мамы:

«Дорогой Николай, поздравляем тебя с избранием секретарем ЦК КПСС. Большая ответственность легла на твои плечи, сынок, оправдай доверие народа, желаем тебе крепкого здоровья и больших успехов в работе. Целуем, обнимаем».

Простые труженики из шахтерского края, далекие от начальственных вершин и большой политики, говорили о доверии народа, потому что они и были им, тем народом, во имя кого и должны руководители страны жить и работать.

В своей жизни я старался оправдать доверие народа, своих родителей. КПСС предали, и я дал себе слово, что никогда больше не вступлю ни в какую другую партию. Слово свое держу.

2. РОКОВЫЕ СЪЕЗДЫ

Первый Съезд первых демократически избранных народных депутатов, как известно, открылся в Кремлевском дворце съездов 25 мая 1989 года в 10 часов утра... Сегодня нет Советского Союза, нет Съезда

и Верховного Совета СССР. Избранники народа спрятали в долгие ящики свои депутатские значки — внучатам на память. Но всем полезно бы помнить, что роспуск Съезда и Верховного Совета СССР был первым звонком в череде «демократических» извращений власти в России после августа 91-го года. И сделал это Верховный Совет РСФСР — тот самый, который всего через два года будет расстрелян из танковых пушек...

Два не очень веселых воспоминания о Съезде. Первое — нежелание поддержать вполне разумное, в духе общего демократического настроения предложение академика Сахарова выслушать платформы кандидатов на пост Председателя Верховного Совета СССР. Настрой остался настроем, но предложение не прошло. Поскольку, как вскоре выяснилось, кандидат был всего один, и он предпочел сначала быть избранным, а уж потом выступить с докладом. И хотя еще до выборов с трибуны Дворца съездов прозвучали сомнения в целесообразности совмещения двух постов, депутаты этих выступлений не поддержали. Их можно было понять: в те дни альтернативы Горбачеву не видели. Известный писатель, авторитетный депутат Чингиз Айтматов и внес его кандидатуру на пост Председателя Верховного Совета СССР.

Выборы его на пост председателя обещали быть чисто формальным актом, вот почему общий смех вызвало самовыдвижение на тот же пост депутата А. Оболенского. Никому не известный житель города Апатиты, сотрудник лаборатории полярного геофизического института, хочет померяться силами с самим автором Перестройки... Но в том-то и дело, что этот человек своим истинно гражданским поступком хотел всего лишь укрепить едва рожденную демократию. Напомню его слова: «Ведь я прекрасно понимаю, что шансов в борьбе с Михаилом Сергеевичем Горбачевым у меня никаких. Я хочу, чтобы в нашей истории, в нашей с вами практике возник прецедент проведения выборов. Пусть это и не совсем альтернативная основа, но это — выборы».

Он даже не попал в бюллетень для голосования. Мы, депутаты, не захотели или, точнее, еще не сумели понять, что однажды рожденная и объявившая об этом событии демократия требует ежечасного, ежеминутного, ежесекундного подтверждения собственного существования. Даже в мелочах. Тем более в мелочах! И коли говорить о неприятно резанувшем, так это то, что Горбачев счел за лучшее промолчать. Не пытаюсь угадывать мотивы его молчания, но думаю, он тоже не смог правильно оценить смысл поступка Оболенского.

И второе — попытка народного депутата из Свердловска Г. Бурбулиса угодить своему земляку-соратнику Б. Ельцину, внеся его кан-

дидатуру на пост Председателя Верховного Совета СССР. Примечателен невнятный ответ Ельцина на это предложение:

«В связи с тем, что я со вчерашнего дня безработный, я мог бы, работая серьезно и признавая перестройку, согласиться на какое-то предложение. А сейчас я беру самоотвод».

Когда Ельцин пришел к власти, он не забыл услуг этого «без лести преданного» человека: назначил его государственным секретарем — на донные непонятную и ненужную должность. Поистине, долг платежом красен.

Вот, пожалуй, и все о неприятном, так, булавочные уколы совести на фоне действительно памятных дней. Для меня тем более памятных: на заседании нового Верховного Совета СССР утром 7 июня, а потом и на заседании Съезда вечером того же дня меня назначили и утвердили в должности Председателя Совета Министров страны. Это было не формальное назначение. Долго я стоял на трибуне в тот день, докладывая о программе предстоящей деятельности правительства и отвечал на многочисленные вопросы.

Я стал первым и последним Председателем Правительства СССР, утвержденным именно Съездом. Не стоит думать, что это — пустяк, рутинный процесс. Все на том Съезде было первым. И первые ошибки, и первые радости. К слову, позднее, во время назначения Верховным Советом предложенных мной членов правительства депутаты в полную силу показали свой норов — строптивый и не слишком логичный.

По ходу работы Съезда все яснее становилось, что на нем происходит организационное оформление оппозиции, стали очевидными ее «кадровый состав», политическая направленность и методы борьбы за захват власти в стране, и также изменение общественного строя. Расскажу об этом поконкретнее, потому что многое уже в памяти общества подернулось дымкой времени, а молодым людям неизвестно вообще.

Итак, одной из важнейших задач Съезда было формирование Съездом Верховного Совета СССР. По Конституции, он состоял, как и прежде, из двух палат — Совета Союза и Совета национальностей. Обсуждение этого вопроса было длительным и нудным — десятки выступающих по процедуре составления списков, квот от республик, порядка выдвижения, голосования и т.д. В конце концов все вопросы утрясли и поставили представленные списки на тайное голосование. В бюллетень по выборам в Совет Национальностей от РСФСР было внесено 12 кандидатур, включая Ельцина. За него проголосовали 1185 человек, против — 964. Все остальные кандидаты получили зна-

чительно меньше голосов «против». Особенность же голосования по РСФСР была в том, что при квоте для каждой республики в 11 человек у нее в списках кандидатов было 12. Таким образом, Ельцин в состав Верховного Совета не вошел.

Памятны события, происходившие при формировании Совета Союза. За таких народных депутатов, которые вели себя нахраписто, нарушая регламент, не покидали трибуны и не отходили от микрофонов в зале, критиковавших все и вся, голосование было еще более выразительным. Например, за академика Татьяну Ивановну Заславскую, автора «теории» неперспективных деревень, проголосовали «за» 591 человек, «против» — 1558. Илью Заславского поддержали 829 человек, «против» — 1320. Позднее он «прославился» неблагоприятными коммерческими махинациями в Москве на Калужской заставе, а затем стигнут с политического горизонта. Таким же образом «пролетели» на выборах в Верховный Совет Г. Попов, С. Станкевич — будущие неудачливые градоначальник столицы и его заместитель, Ю. Черниченко — известный публицист-аграрий, который критиковал наших селян и в то же время держал в кармане печать им созданной — правда, почти без ее членов — Аграрной партии.

В общем, по итогам выборов в Верховный Совет можно сделать вывод, что большинство народных депутатов не поддерживали зарождавшейся оппозиции, подспудно понимая или чувствуя, какую опасность она представляет для страны.

Через несколько дней народный депутат, уже избранный в Совет Национальностей, доцент кафедры трудового, экологического и сельскохозяйственного права Омского государственного университета А. Казанник обратился к Съезду с предложением вместо себя «включить без голосования в состав Совета Национальностей Бориса Николаевича Ельцина... Я опасаюсь, товарищи, что если назначат повторное голосование, то Бориса Николаевича опять “завалют”, а это совершенно недопустимо».

Предложение было принято, и Ельцин таким странным образом стал членом Верховного Совета СССР и председателем комитета в нем. В благодарность за этот поступок, будучи Президентом России, он назначил А. Казанника Генеральным прокурором страны. Но этот наивный и, по-видимому, порядочный человек все-таки разобрался, в какую компанию попал, и быстро вернулся в свой родной Омск.

На третий день работы Съезда, после поражения на выборах в Верховный Совет СССР активных ниспровергателей всего существующего в стране, слово взяли Ю. Афанасьев — ректор Московского государственного историко-архивного института и Г. Попов — главный ре-

дактор журнала «Вопросы экономики». В своих выступлениях они вошли в открытую конфронтацию с властью и большинством. Маски были сброшены!

В своей речи Афанасьев заявил, что Съезд сформировал сталинско-брежневский Верховный Совет, избрав в него депутатов низкой квалификации. Им было брошено в зал обвинение «агрессивно-послушному большинству», которое блокирует прогрессивные начинания на Съезде. Кстати, эта формулировка вошла в оборот у «демократов» в ходе работы всех съездов народных депутатов СССР.

Другой будущий лидер оппозиции, Г. Попов, выразил свое разочарование началом работы Съезда, обвинив в этом неразумное большинство депутатов, не признающих плюрализма мыслей и действующих под диктовку аппарата. Правда, было непонятно, о каком аппарате идет речь — государственном, партийном или парламентском. Поступало же так «неразумное большинство» Съезда, по мнению Гавриила Харитоновича, только для того, чтобы сформировать послушный воле аппарата Верховный Совет и продолжать оказывать давление на «прогрессивное крыло» руководства страны уже от имени Верховного Совета.

Поэтому, по его словам, остается подумать об изменении позиций. Во-первых, группа региональных московских депутатов от научных организаций, от творческих союзов считает необходимым выйти из общемосковской делегации. Он предлагал подумать о формировании Межрегиональной независимой депутатской группы и приглашал всех товарищей депутатов, чтобы они к этой группе присоединились.

Действительно, в конце июля 1989 года в Москве, в Доме кино состоялось первое собрание Межрегиональной депутатской группы (МДГ). Были избраны сопредседатели группы — Афанасьев, Ельцин, Пальм, Попов, Сахаров. Собрание межрегиональщиков широко освещалось средствами массовой информации, особенно телевидением. Был создан Координационный совет, в который вошли такие депутаты, как Собчак, Травкин, Станкевич, Полторанин, Бурбулис и др. Депутаты от прибалтийских республик выразили желание, чтобы их членство в группе формально не фиксировалось.

Так оформилась легальная оппозиционная структура в нашей стране. Она объединила многих из оппозиционно настроенных депутатов, стала основной силой, организатором разрушительных процессов в конце 80-х годов, закончившихся распадом государства. Лидеры группы и Координационного совета года через два вошли во власть, возглавили Россию, Москву и Ленинград.

Вначале из тактических соображений, по-видимому, руководство группы продекларировало умеренные цели — оказывать воздействие на республиканские и местные органы власти. В их документах говорилось, что группа будет готовить поправки к документам Верховного Совета СССР и Съезда, выдвигать новые проблемы, «не противопоставлять себя Верховному Совету, а, напротив, радикализовать сам Верховный Совет, чтобы он скорее начал в полной мере выражать то, что требует народ».

Прошло немного времени, и стало ясно, что МДГ как депутатская фракция не намерена была ограничивать себя рамками только парламентской деятельности. Она все больше и больше претендовала на особую роль в политической жизни страны. С первых же собраний группы было ясно, что она вступила в конфронтацию со Съездом народных депутатов, с Верховным Советом СССР, с местными органами власти и депутатами, которые не вошли в ее состав. Явно прослеживалось, что группа, объединяющая меньшинство депутатов, претендует на то, чтобы отражать мнение большинства народа и стать реальной силой, противостоящей «партократическим замашкам». На Втором Съезде межрегиональщики заявили о принципиальном расхождении между ними и большинством депутатского корпуса. По поручению МДГ Афанасьев с трибуны Съезда сделал официальное заявление и назвал те разногласия, которые побудили группу перейти в оппозицию.

Практически сразу МДГ встала на антисоветские и антисоюзные (называя СССР «империей») позиции и начала поддерживать лидеров национальных сепаратистов. Можно вычлени из всей шелухи их притязаний два главных требования, которые затем сыграли роковую роль в разрушении великой Державы. Это — отмена 6-й статьи Конституции СССР о руководящей роли КПСС и легализация забастовок. Группа выдвинула лозунг «Вся власть Советам!» с тем, чтобы подорвать гегемонию КПСС, а впоследствии объявила Советы прибежищем партократов и в октябре 1993 года ликвидировала их вообще.

Вскоре между руководителями Межрегиональной группы началась борьба за лидерство. Попытка Афанасьева встать «над группой» закончилась неудачей. Немаловажной причиной того была его поездка в Японию, где он «подарил» ей наши острова, так называемые северные территории. По этому поводу и сейчас ведутся сложные переговоры, в ходе которых нынешнее руководство России категорически не дает согласия на передачу островов Японии. А в то время позиция Афанасьева вызвала восторг правых сил и негодование практически всего народа.

Пик известности Ю. Афанасьева пришелся на момент его выступления на Первом Съезде. В дальнейшем, хоть он и оставался сопредседателем МДГ, его общественная деятельность померкла, он увлекся заграничными поездками, интервью, представительством на различных политических тусовках. Да и свои депутатские обязанности, насколько мне известно, стал выполнять спустя рукава. В общем, вместо работы он купался в лучах свалившейся на него славы.

До всех этих событий Афанасьев в течение многих лет руководил пионерской организацией страны, воспитывал детей в духе социализма, любви к нашей партии и государству. Вот такие люди с двойной моралью и положили начало предательствам в годы гласности и плюрализма.

В стенах руководимого Афанасьевым института учились дети известных партийных и государственных деятелей. Эти потомки затем с огромным удовольствием топтали то, что завоевали их родители. Кончилось все тем, что институт с согласия его руководства и Министерства образования за 100 миллионов долларов купил олигарх Невзлин, став во главе этого учебного учреждения, к которому не имел никакого отношения. Правда, его «руководство» длилось недолго. Сейчас он взирает на нашу Родину с «благословенной земли» Израиля, а Афанасьев недавно покинул институт, громко хлопнув дверью.

Понимал ли Афанасьев, что именно так будут развиваться события в его институте да и во всей стране? Судя по последним интервью, его постигло горькое разочарование.

Руководителям МДГ для расширения поставленных перед собой задач необходимо было создать работоспособную структуру. Не получив поддержки своей идеи создать собственную газету, они организовали на базе многотиражной газеты «Советский физик», издаваемой в институте атомной энергии им. И.В. Курчатова, выпуск специальных номеров под названием «Народный депутат». При газете была создана редколлегия и образован фонд депутатских инициатив. Многочисленные группы экспертов и помощников стали, по существу, аппаратом МДГ.

Активность МДГ снизилась из-за внутренних противоречий, она не внесла конструктивного вклада в работу Первого Съезда да и ко Второму (в декабре 1989 года) не сумела разработать реальную программу действий. Но она стала ядром, вокруг которого объединились всяческие оппозиционные силы, в январе 1990 года официально образовавшие радикальное движение «Демократическая Россия». В основу своей идеологии и деятельности оно открыто положило махровый антикоммунизм.

Интересные выводы о создании и деятельности МДГ делали в то время зарубежные средства массовой информации.

Канадская «Торонто Стар» писала: «Создание группы свидетельствует о том, насколько глубок кризис внутри самой Компартии и в процессе перестройки».

«Таймс оф Индия» утверждала, что МДГ представляет собой «смесь анархистов, коммунистов, либералов, националистов и социал-демократов... и все, что они говорили, имеет мало общего с каким-либо прагматическим подходом, пожалуй, эта группа слишком мало связана, чтобы быть достаточно эффективной».

Британская «Дейли телеграф» отметила, что требования группы «идут гораздо дальше реформ, которые продвигает президент Горбачев. Уверенность новой группы в своих возможностях была укреплена успехом забастовки шахтеров, которая поставила на колени партию и правительство. Эта акция ясно показала радикалам, что их цели совпадают с целями рабочих. Создание группы подтверждает углубляющуюся поляризацию в партии».

Однако мне пора выполнить данное выше обещание вернуться к проблеме передачи власти Советам, подойдя к вопросу, так сказать, с другой стороны, со стороны «демократов», заранее извинившись перед читателями за повторение ради целостного впечатления некоторых мыслей. Итак, Межрегиональная депутатская группа на первом этапе ее существования, что уже было сказано, взяла на вооружение лозунг «Вся власть Советам!». Думаю, это не было случайностью, ведь в сознании многих и многих людей само слово «Советы» до сих пор воспринимается как власть народа. Именно поэтому бывшие коммунисты, в одночасье ставшие антикоммунистами, уже без малого два десятка лет всячески поносят Советскую власть в печати, по телевидению и радио.

К сожалению, ход событий привел к тому, что с годами властные функции Советов становились все более формальными, поскольку они, эти функции, постепенно сосредоточивались в органах партийного руководства. И поэтому вполне естественно, что когда в связи с перестройкой встала задача фактически вернуть нашему обществу подлинно социалистический характер, то одним из важнейших направлений ее решения явилась всесторонняя демократизация страны, и в первую очередь — возвращение реальной власти Советам народных депутатов. Так в 1988 году в политической жизни страны вновь зазвучал лозунг «Вся власть Советам!». Его выдвинул Горбачев на XIX партконференции, и в то время этот призыв означал в отличие от предреволюционной ситуации начала XX века передачу власти из рук ЦК КПСС в руки Советов народных депутатов.

Конечно, само требование, выраженное словом «вся», в обстановке 80-х годов было абсолютно неприемлемым и, по большому счету, ошибочным. Лозунг этот отражал главное: у Советов постепенно открывалось второе дыхание. Начиная с 1989 года, они постепенно освобождались от исторически возникших слабостей и недостатков и, переживая трудности возрождения и развития, становились все более реальной, все более эффективной властью.

Вера в огромный потенциал обновленных Советов была тогда присуща многим политикам страны, в том числе и мне. Я часто вспоминаю выступление на Съезде народного депутата, академика А. Сахарова. Неважный оратор, с плохой дикцией, он, как всегда, сумбурно и вместе с тем вполне отчетливо говорил о роли Советов, о том, что они должны взять в свои руки власть в республиках, областях, районах, селах.

Один из сопредседателей МДГ, Андрей Дмитриевич Сахаров, оставил большой след в общественной жизни страны. Я знал его, но близких отношений у меня с ним не было, да и политические взгляды у нас во многом не совпадали. И вот этот человек, посвятивший себя науке, один из создателей водородной бомбы, как народный депутат, с первых же дней работы Съезда стал играть там заметную, важную роль. Он, слывший «отцом демократии», связывал ее именно с советской формой государственного устройства, что и зафиксировал в своем проекте Конституции. У меня сохранилась копия этого документа с пометками автора. Мне вспоминается его фотография на одном из московских митингов. На груди пожилого академика, трижды Героя Социалистического Труда, лауреата Нобелевской премии висит огромный плакат, на котором крупными буквами написано: «Вся власть Советам!» И как же тогда понимать тех, кто, до сих пор клянясь именем Сахарова, в одночасье уничтожил власть Советов?..

Напомню, что Советы родились в нашей стране и стали характерным признаком ее политической организации. Они самым естественным образом выросли из многовековых соборных, коллективистских традиций народа. В нашем менталитете «мы» доминирует над «я», и именно советский строй существенно укрепил эту особенность психологии граждан СССР и большинства государств, появившихся на его территории.

Сейчас правящие круги насильственно насаждают в стране капиталистический строй. А он вопреки нашим традициям с неизбежностью выдвигает на первое место в сознании каждого человека «я», к тому же чудовищно гипертрофированное и противопоставляемое отброшенному на задворки «мы». И, можно сказать, с этой точки зрения вполне

естественно, что именно Советы стали ближайшей жертвой оголтелых отечественных идолопоклонников дикого капитализма.

О том, к чему привело страну и народ ежедневно происходящее истребление присущих нам коллективистских начал, пусть скажет человек, которого трудно заподозрить в приверженности к коммунизму да, наверное, и в симпатиях к Советам, — А.И. Солженицын: «Проехав много российских областей, через тысячи писем влогонку я вынес ощущение, что наша народная масса обескуражена. Людей низов практически исключили из жизни. Все, что делается в стране, происходит помимо них. У них остался небогатый выбор. Или влачить нищенское и покорное существование, или искать пути, такие, как незаконные ремесла, как обманывать государство или друг друга».

А. Сахаров скоропостижно скончался во время работы Второго Съезда — 15 декабря 1989 года. 18 декабря мы, несколько членов Политбюро и секретарей ЦК, были на церемонии прощания с ученым и народным депутатом, которая состоялась перед зданием Президиума Академии наук. На мой взгляд, в жизни нашего государства многое произошло бы по-другому, будь он жив. После его смерти оппозиция осталась без своего интеллектуального и морального лидера. Была утрачена возможность создания нормально функционирующей парламентской системы. В МДГ возобладали радикалистские тенденции. Но группе был необходим новый и хотя бы внешне харизматический лидер. Ни Попов, ни Собчак, ни даже Афанасьев на эту роль не годились, и она была отдана Ельцину.

Оппозиция, прежде всего в лице МДГ, перехватила у Горбачева лозунг «Вся власть Советам!» для борьбы с партией и государством, для изменения общественного строя. Но стоило ей прорваться к рычагам управления страной, на повестку дня фактически был поставлен новый, противоположный предыдущему лозунг: «Долой власть Советов!»

...Наступили сентябрьско-октябрьские дни 1993 года. Конституция, на которой лежала рука Президента России при его инаугурации, им же попорана. Представительная власть в лице Советов народных депутатов распущена на всех уровнях. Лозунг, который открыл демократический путь к управлению страной, выброшен на помойку.

Я часто думаю: если бы Сахаров был жив, как повела бы себя оппозиция? Эволюционным ли путем менялось бы государство или революционными методами — «разрушить до основания, а затем...»? Оценивая сложившуюся ситуацию в стране, разбуженной гласностью и «типорализмом», я получил единственный ответ: эволюция большей частью народа в то время не воспринималась. Это я ощутил на собственном опыте: все мои предложения по переходу экономики на ры-

ночные отношения при развитой системе социальной защиты и населения и с государственным регулированием рынка встречались в штыки: дай все сегодня, через 500 дней, а не через 6—8 лет!

По-видимому, это была достаточно адекватная реакция людей на долгое ожидание земных благ, о которых партия говорила на протяжении многих лет еще до перестройки. Да и неумные обещания Генсека и президента Горбачева также подорвали у народа доверие к власти. И это было одной из причин того, что люди приветствовали и поддерживали предложенного им нового лидера Ельцина с его бонапартистскими замашками и примитивным, но действенным популизмом. Народ увидел в нем нового Мессию, как когда-то, в 1985 году, понадеялся на Горбачева.

Что касается Ельцина, то я напому лишь несколько фактов из его так называемой эпохи: у большинства людей еще свежи в памяти его клоунские замашки на посту президента страны, чудовишное воровство тех, кого называли «семьей» главы государства, и что еще важнее — разгром народного хозяйства, ограбление, обнищание и вымирание населения, деградация всех сфер духовной жизни, расцвет преступности, вплоть до массового террора, и т.д., и т.п. Потребовались годы, чтобы народ отделил «зерна от плевел». И слишком дорого он за это заплатил.

В 1989 году Ельцин совершил поездку в США.

Поскольку на горьком опыте миллионы людей убедились, что вся его «демократическая» деятельность представляет собой грубое варено из глупейших, зачастую пьяных ужимок самовлюбленного провинциального актера-самоучки, сплошной демагогии и наглого вранья по любому поводу, я не стану приводить здесь его собственные рассказы об этой поездке, а приведу небольшие отрывки из статьи итальянского журналиста В. Дзукконы, менее известные у нас в стране.

«Американская ночь “перестройки” пахнет виски, долларами и освещается светом прожекторов. Борис Ельцин, народный герой Москвы, Кассандра Горбачева, обличитель гласности, проносится над Америкой, как вихрь; его слова вылетают и возвращаются обратно. Он оставляет за собой след в виде предсказаний катастроф, сумасшедших трат, интервью и особенно запаха знаменитого кентуккского виски «Джек Дэниэлс» с черной этикеткой. Поллитровые бутылки он выпивает в одиночестве за одну ночь в своем гостиничном номере в Балтиморе, куда он приехал по приглашению факультета политических наук Университета Джона Гопкинса. Ошалевшего профессора, который рано утром приехал за ним, чтобы отвести в конференц-зал университета, Ельцин одарил слюнявым пьяным поцелуем и наполовину опо-

рожденной бутылкой виски. Выпьем за свободу, — предложил ему Ельцин в половине седьмого утра, размахивая наполненным стаканом, одним из тех, в которых обычно хранятся зубные щетки и паста в ванной комнате. Но выпил он в одиночестве...»

И еще один факт, далеко не всем известный, это уже из мемуаров Д. Гаррисона, координировавшего поездку Ельцина по США: «Когда самолет приземлился, Ельцин спустился с трапа, но вместо того, чтобы приветствовать ожидавшую его делегацию, он прошел на взлетно-посадочной полосе к хвосту самолета и, повернувшись спиной к нам, стал мочиться на задние колеса самолета. Потрясенные, мы стояли в неловком положении, не зная, что и думать. Ельцин вернулся, не сказав ни слова, пожал руки должностным лицам, получил букет цветов от молодой женщины и сел в ожидавший его лимузин».

Скажу откровенно, мне не доставляет удовольствия цитировать эти отрывки из прессы. Противно читать это о распоясавшемся за океаном нашем соотечественнике: этот движимый животными инстинктами человек через два года станет «всемирно избранным» Президентом Российской Федерации!

Читая иностранные публикации тех дней, обращаем внимание, как наш будущий президент государства развязно и недопустимо говорил о своей стране. Хочу напомнить, что существует неписаное правило для политиков: о своих, отечественных проблемах следует говорить у себя в стране.

Вспоминается, что канцлеру ФРГ Г. Шмидту во время его визита в Москву был задан вопрос о его политическом сопернике Г. Коле. Он ответил лаконично и однозначно: «Я приехал в Москву не затем, чтобы высказываться о господине Коле. Это я сделаю в Бонне».

В своей книге «Президент, или Уотергейт по-русски» В. Губарев, бывший в то время заместителем главного редактора газеты «Правда», довольно ярко описывает реакцию читателей и общественности: «Такого не может быть, это клевета на хорошего человека» и т.д. Показали по телевидению запись пребывания Ельцина в США — поднимется крик о том, что это грубая фальсификация, специальная подделка, смонтировали растяжение слов и т.п. А то, что трибуна, с которой он должен был выступать в университете в Балтиморе, стоит нормально, а человек возле нее, мягко говоря, держится неустойчиво, — это технический монтаж. И вот создается специальная комиссия Верховного Совета СССР, проходят митинги с яркими нападками на руководство страны, и все это направлено на поддержку дорогого защитника народа — Бориса Николаевича.

Да, тогда трудно было переубедить людей, они ждали такого борца за справедливость, как Ельцин, — и моментально, не задумываясь, сотворили себе кумира. Любой негатив о Ельцине отвергали с порога. Состоялось «купание в мешке», не поверили — навет; проспал в самолете встречу с Президентом Ирландии в Шенноне — враки; работа на даче «над документами» — человек думает о них, о государстве. Но когда он в непотребном виде дирижировал оркестром в Германии и все это было показано по телевидению, иллюзии у многих наконец улетучились.

Однако это было потом, а осенью 1990 года по стране прокатились массовые митинги. Они были организованы лидерами «Демократической России», которая, мгновенно забыв о депутатском характере своей деятельности, сделала вывод, что парламентская борьба за власть весьма длительна и непредсказуема в своих результатах. На вооружение был взят более радикальный вариант завоевания власти в стране, где в качестве эффективного инструмента использовались митинги, забастовки, разрушение систем жизнеобеспечения людей и т.д.

Я с содроганием вспоминаю ту осень. Полки в магазинах опустошаются, в морских портах и на железнодорожных станциях стоят вагоны с продовольствием и товарами народного потребления, а желающим принять участие в их разгрузке вручают деньги и отправляют восвояси. На железных дорогах создаются пробки, практически перекрывающие жизненные артерии страны. На полях гибнет хлеб, овощи, в садах гниют фрукты. На страну выплеснулось сразу все: различный дефицит, преступность, обострение межнациональных отношений, забастовки. Фактически в государстве наступила полная дестабилизация экономической и политической жизни. В итоге власть была парализована.

Кому это было выгодно? Тем, кто ни с чем не считался в своих действиях по дискредитации государственной власти и кто рвался к ней сам. С тех пор на протяжении более полутора десятков лет, чтобы задним числом оправдать приход к власти «демократов», по телевидению показывают одни и те же кадры: пустые продуктовые полки. Но нынешние властители «независимых» СМИ стыдливо умалчивают о том, почему магазины пустовали.

У меня часто возникает вопрос: а что, если бы это случилось «при Ельцине» или даже при нынешней власти? Сколько лет эти люди провели бы в местах, не столь отдаленных, чтобы остудить свои головы? Отвечаю: много! И это правильно — не играйте судьбой народа и своего государства.

Митинги проводились везде, практически без всяких разрешений. В стране брала власть охлократия. Но кто накалял и без того сложную,

тяжелую обстановку до крайнего предела, кто организовывал массовые демонстрации, превращая их в средство разрушения структур управления, а с ними и самого нашего государства? Пожалуйста, вот список основных «игроков» судьбами своего народа, опубликованный, например, в листовке, объявляющей о митинге на Манежной площади 16 сентября 1990 года. «Участвуют: Ю. Афанасьев, И. Заславский, Т. Гдлян, А. Мурашев, Г. Попов, А. Собчак, С. Станкевич, Г. Якунин. Приглашен Б. Ельцин». Правда, после прихода этой публики к власти Манежную площадь очень быстро перерыли и изуродовали, мягко говоря, безвкусно оформленным торговым центром, дабы никто не мог проводить там митинги уже в «демократическое» время.

Некоторые из этих имен (и иже с ними) уже забываются, а ведь напрасно: они и составляли первый эшелон тех, кто сделал то, чего не сумел добиться Гитлер, — привели страну к величайшему в ее истории краху. Скажу несколько слов лишь о некоторых из них.

Гавриил Харитонович Попов заявил однажды, что именно он уничтожил Коммунистическую партию Советского Союза. Как всегда, он явно завысил свою самооценку, но отрицать его активный вклад в этот губительный для страны процесс не приходится. В дальнейшем он разочаровался в своем ставленнике Ельцине, но до этого побывал в кресле градоначальника столицы и, максимально использовал этот пост в своих личных целях: реквизирует «хороший кусок» партийной и государственной собственности, на базе которой создал большое частное, во главе с собой, учебное заведение — международный университет. Я часто читаю его статьи в центральных газетах и не узнаю прежнего Попова: теперь он стал государственным, поборником и защитником русского народа. Натура, однако, рано или поздно в человеке проявляется: недавно он выпустил книжонку, в которой собрал из разных источников все самое дурное о Красной Армии в период Великой Отечественной войны, о поведении некоторых солдат и офицеров в Германии, ни словом при этом не обмолвившись о том чудовищном, что творили гитлеровские изверги в нашей стране.

На заседаниях Верховного Совета СССР часто вступал в дискуссию молодой, аккуратненький и благообразный народный депутат Станкевич. Он, как и его коллега Собчак, по собственной инициативе объявил себя «романтиком» новой демократии. Станкевич использовал этот «благородный имидж» и свое служебное положение московского вице-мэра для личного обогащения. Трогательные отношения с криминальными структурами, взятки, присвоение квартиры бывшего советского министра Н. Патолочева и прочие «художества» характеризуют этого «романтика-демократа». Немудрено, что уже в период

депутатства Станкевича в первой Госдуме ему правоохранительными органами были предъявлены обвинения в получении взятки. Депутаты тогда не дали согласия на лишение его иммунитета. Но, как известно, чует кошка, чье мясо съела, и в оставшееся до истечения депутатских полномочий время сей «романтик» потихоньку с дипломатическим паспортом выехал за пределы страны. Потолкался в США, Германии и наконец подался в Польшу, где Интерпол и напал на его след. И снова «либеральные» СМИ подняли лай по поводу того, что «темные силы» якобы чинят расправу над романтиком-демократом первой волны.

Примерно то же самое можно было бы сказать практически обо всех «демократах» и «либералах», оказавшихся у власти. Мало, позорно мало оказалось тех, кто выдержал искушение ею. Да и сами «демократические» убеждения их оказались политической шелухой. Вот лишь один пример: те же митинги в «тоталитарных» условиях проводились по любому случаю, в любое время и в любом месте, включая Лужники. При «демократической» власти появились различного рода жесткие ограничения, административные запреты, применение насилия, спровоцированные столкновения работников правоохранительных органов с демонстрантами. Недавно прошел судебный процесс над 39 молодыми людьми, которых приводили в суд скованными наручниками. Их обвиняют в том, что они организовали массовые беспорядки в общественной приемной Администрации Президента РФ. 8 человек были приговорены к лишению свободы на срок от 1,5 до 3,5 лет. Сравните масштабы действий «демократов» в те годы и комнату в приемной!

16 мая 1990 года в Большом Кремлевском дворце открылся Первый Съезд народных депутатов РСФСР. В соответствии с Конституцией открыл его Председатель Центральной избирательной комиссии по выборам народных депутатов РСФСР В.И. Казаков. На день открытия Съезда было избрано 1059 депутатов, свободными оставались 9 мандатов. В. Казаков сообщил, что на Съезде присутствуют М. Горбачев, Н. Рыжков и А. Лукьянов, члены Президентского совета, члены и кандидаты в члены Политбюро, секретари ЦК КПСС.

Разгорелась острая борьба вокруг повестки Съезда, избрания Председателя Верховного Совета РСФСР. Депутаты разделились на два открыто и резко враждебных лагеря: ориентирующихся на КПСС и приверженных блоку сил образованного движения «Демократическая Россия». Памятен этот Съезд также марафоном по избранию Председателя Верховного Совета РСФСР. Только 29 мая им был избран Ельцин, на-

бравший 535 голосов при необходимом минимуме 531 голос. Четыре голоса, это примерно полпроцента депутатов Съезда, в конечном счете определили его дальнейшую политическую судьбу, а вместе с тем и судьбу России!

Вопрос о руководстве Верховного Совета РСФСР еще на стадии подготовки к Съезду неоднократно обсуждался на Политбюро. На мой взгляд, оно, и особенно секретари ЦК под руководством Горбачева, допустило огромные ошибки в этом важнейшем кадровом вопросе. Оно рекомендовало явно не проходные в сложившейся обстановке кандидатуры — А. Власова, И. Полозкова. На одном из заседаний Политбюро я твердо сказал: это неплохие товарищи, но их не поддержат на Съезде. Мы будем вынуждены отдать этот пост Ельцину, не скрывавшему своего стремления стать во главе высшего в то время органа власти республики, которая практически определяла жизнь всего государства. В своем выступлении я сказал, что мы должны рекомендовать любого общесоюзного руководителя на этот высший пост России — Рыжкова, Лигачева или кого-то из других членов Политбюро и секретарей ЦК. Однако конкретное решение по этому поводу так и не было принято.

С самого начала работы Съезда встал вопрос о суверенитете РСФСР. Дискуссия была жаркая и продолжалась три дня — 22, 23 и 24 мая 1990 года. Просматривая сейчас стенограмму обсуждения, хочу отметить: депутаты занимались, в основном, частными вопросами и формулировками статей. По-настоящему ни один из депутатов ни разу не возразил в принципе против такого шага, который стал роковым в истории Советского Союза, поскольку практически создал почву для его распада. В дискуссии приняли участие 40 депутатов, затем около двух с половиной недель работала редакционная комиссия.

Различные варианты Декларации о государственном суверенитете РСФСР с многочисленными поправками, в том числе о верховенстве законов республики над союзными, обсуждались и голосовались два дня — 11 и 12 июня. Итоговое голосование состоялось 12 июня. За принятие Декларации проголосовали 907 депутатов, против — 13, воздержались — 9. Политическая слепота, неспособность просчитать последствия такого шага охватили даже коммунистов. Итог подвел тогда уже председательствовавший на Съезде Ельцин:

— Решение принято. (*Бурные, продолжительные аплодисменты. Возгласы: ура! ура!*)

— Поздравляю всех народных депутатов и все народы Российской Федерации. (*Аплодисменты.*)

Так Первый Съезд народных депутатов России стал главным разрушителем великой Державы, а 12 июня 1990 года, объявленное «демократами» великим праздником, стало днем вселенского позора.

Однако из чего же исходили, принимая такое решение, депутаты российского Съезда? Ведь суверенитет — и они не могли этого не знать — означает полную независимость государства от других государств. Следовательно, Россия объявила о своей независимости от всех остальных союзных республик, то есть отказалась от своей государственнообразующей роли — и уже одним этим обрекала СССР на распад. Правда, по советской Конституции, и она, и каждая республика и без того были суверенными государствами, на практике передавшими часть функций центральной, их объединявшей власти. Формальным же прикрытием истинных целей авторов идеи Декларации служили вполне «благородные» мотивы — обеспечить «достойную жизнь, свободное развитие и пользование родным языком» гражданам России, как будто эти принципы не были заложены в общесоюзной Конституции и государство не стремилось к их наравне с другими положениями реализации.

За общими словами, как обычно в политике, стояли реальные интересы. Они были различными, но их носителей объединяла, на мой взгляд, общая задача — любой ценой освободиться от «опеки» центральной власти — и партийной, и государственной. У вдохновителей и дирижеров была задача противопоставить Россию общесоюзному Центру и, разрушив его, развалить советскую «империю». Коммунисты, только что создавшие «новую» партию — КП РСФСР, боялись противостоять идее суверенитета, чтобы не потерять голоса наэлектризованных и дезориентированных избирателей, которые могли бы не понять и не принять отрицательную позицию в отношении самостоятельности России. К тому же руководство этой партии тоже было не прочь стать фактически «суверенной» структурой хотя бы для того, чтобы не быть обвиненными в автоматическом исполнении решений и указаний ЦК КПСС.

Передо мной лежат стенограмма этих заседаний и список итогового поименного голосования. Много знакомых фамилий людей, которые голосовали «за». Позднее, через несколько лет, я задавал некоторым из них вопрос: почему тогда они поддержали Декларацию о суверенитете России? Единственный ответ гласил: мы даже не предполагали, что она приведет к разрушению СССР.

Но для того, чтобы российский суверенитет сыграл отведенную ему роль в уничтожении СССР и существовавшего в нем строя, нужно было придать этой идее практически работающий механизм. И он был со-

здан в виде идиотского, с точки зрения нормальной логики, положения о верховенстве российского законодательства над общесоюзным. Другими словами, «часть» была объявлена стоящей выше «целого». Это означало, что организационные, а с ними и материальные, финансовые и прочие ресурсы выходили из-под управления общегосударственным Центром, а это фактически делало бессмысленным само его существование. Вот этого уже нельзя было, извините, не понимать до, во время и после голосования.

Тринадцатого июня 90-го года, рано утром, я провожал премьер-министра Великобритании М.Тэтчер в аэропорт. Она находилась с визитом в Москве и вылетала на открытие школы, построенной ее страной в разрушенном Ленинакане (в Армении).

Не успели сесть в машину, как она начала разговор:

— Господин Рыжков, я вчера вечером узнала по вашему телевидению, что российский парламент принял закон о суверенитете, и самое главное — о верховенстве российских законов над федеральными. Вы в курсе дела? Как вы к этому относитесь?

— Да, конечно, в курсе, — ответил я. — Можно было бы согласиться с самим понятием «суверенитет», так как Россия практически имела меньше прав, нежели другие республики Союза. Но никак нельзя оправдать его наполнение — и особенно верховенство республиканских законов над союзными. Это — начало разрушения единого государства. Оно не сможет в этих условиях функционировать, тем более что вслед за Россией немедленно сделают то же самое остальные республики.

Вот такой разговор произошел через несколько часов после принятия закона. Даже ей, со стороны, было ясно: произошло нечто недопустимое для единого государства, и она примеряла эти события на свою страну. И высказала, на мой взгляд, правильные мысли. К слову, маленький штрих, смахивающий, скорее, на политический анекдот: через три года Тэтчер (к тому времени она уже не возглавляла правительство), находясь в России, предложила для ускорения реформ ни мало ни много — распустить наш парламент. Попробовал бы я, например, поехать в Англию, а статус у нас сейчас один — мы экс-премьеры, — и предложить там немедленно распустить их парламент. Интересно, что произошло бы?

Так была поставлена точка в вопросе практического расчленения единого государства. Первый Съезд народных депутатов Советской России, скажу еще раз, стал главным разрушителем великой Державы, а новое руководство России выступило здесь в роли «тройного коня». Воистину, великие государства создают великие люди, а разрушают ничтожества.

3. «ПОЧЕМУ ВЫ НАС ТОГДА НЕ УБЕДИЛИ?»

Одна пожилая женщина, узнав меня на улице, невольно выразила, по-видимому, мысль многих: «Николай Иванович, почему вы нас тогда не убедили?!»

Потребовалось несколько тяжелых и горьких лет, чтобы пелена у людей — с глаз, душ, разума — сошла и они задним числом услышали и осознали то, что предлагалось их вниманию, о чем их предупреждали, к чему призывали, казалось бы, в недалеком и вместе с тем уже ставшем таким далеким прошлом.

В тех областях — в народном хозяйстве, в экономике, — которые мне довелось заниматься в первую очередь, в разные годы было много положительного, но, к сожалению, имелось и немало просчетов. Мне не раз приходилось говорить, что экономика слишком во многом и с каждым годом все более становится заложницей политики. Сначала, в первые два-три года перестройки, когда экономика функционировала по прежней, планово-распорядительной модели, темпы ее роста были достаточно высоки и стабильны. Но экономическую жизнь страны лихорадило от все новых и новых замыслов Горбачева. Ездил он по стране много, обещал еще больше. Сегодня — ускорение, завтра — научно-технический прогресс, затем — село, металлургия, электроника и т.д., и т.д.

Мы пытались остепенить его, подсказать, что сваливание всех проблем и задач в одну кучу наносит вред экономике, но не тут-то было: «Вы не понимаете, что люди ждут этого!» Народ действительно ждал и жаждал серьезных, коренных перемен в стране — одних, других, третьих.... Экономика, однако, сама по себе весьма инерционна. Для необходимого маневра требуется время, а постоянно дергать ее — только мешать ее развитию. Через 3—4 года народ разочаровался в перестройке, и власть перестала пользоваться уважением. Заболтали дело.

Я прекрасно понимал, что существовавшая экономическая модель, решившая в свое время многие глобальные государственные и социально-экономические проблемы, практически исчерпала себя. Но говорить и делать — не одно и то же, проблемы поджимали, а для их решения требовалось время. В результате правительство в сознании значительной части общества постепенно «смещалось» из категории прогрессивных сил в категорию консерваторов.

Нужна была новая модель, которая бы стимулировала развитие народного хозяйства без радикальных потрясений. После многомесяч-

ных исследований и тщательных проработок наше правительство в мае 1990 года внесло в Верховный Совет программу перехода экономики на социально ориентированные рыночные отношения с необходимым механизмом государственного регулирования. Мы представили три возможных варианта новой экономической модели.

Два из них были подготовлены в качестве информации о том, что они имеют право на существование, но их мы не рекомендовали как слишком резкое, чреватые большими издержками для населения. Кстати, один из них, наиболее острый в этом отношении, через полтора года и взяли на вооружение Ельцин с Гайдаром, начав с января 1992 года осуществлять радикальные экономические реформы. То, что из этого получилось, народ испытывает на себе до сих пор.

Мы предложили парламенту страны вариант постепенного, эволюционного, рассчитанного на 6—8 лет перехода на рыночные отношения. Кроме того, нас основательно настораживала начавшаяся политическая нестабильность в государстве: решения съездов народных депутатов СССР, Верховного Совета СССР, вступающего в свои права Съезда народных депутатов РСФСР — все это расшатывало управление государством. При слабой политической власти проводить радикальные реформы — дело, на мой взгляд, совершенно неперспективное и весьма опасное. Верховный Совет СССР, в основном, одобрил нашу программу и поручил правительству представить конкретные предложения к началу осенней сессии.

В дни Первого Съезда народных депутатов РСФСР, как уже было сказано, шла чрезвычайно активная борьба за кресла Председателя Верховного Совета России и Председателя правительства республики. На должность Председателя Совета Министров республики было несколько кандидатур, причем две — из нашей «команды». Я имею в виду моих заместителей Л. Воронина и И. Силаева. По-прежнему котировался бывший Предсовмина России А. Власов. Резко выдвинулся вперед директор подмосковного Бутовского кирпичного завода М. Бочаров, очень много сделавший для поддержки Ельцина на выборах в депутатский корпус. Но, похоже, тот понимал, что уровень республиканского премьера должен быть, мягко говоря, несколько выше уровня директора небольшого кирпичного производства, и не торопился платить ему той же монетой. И Бочаров приготовил себе весомый козырь — заявил, что у него есть своя программа перехода к рынку за 500 дней.

Эти сверхреволюционные экономические откровения, вынесенные на депутатский суд Бочаровым, я читал раньше. Еще в начале весны 90-го года группа Л. Абалкина готовила к сессии Верховного Совета

СССР правительственную концепцию по переходу на социально ориентированные рыночные отношения и в связи с этим знакомилась с огромнейшим числом проектов, инициативно сочиненных как целыми организациями, так и отдельными учеными. Два молодых экономиста — Задорнов и Михайлов — подготовили к обсуждению programu под названием «400 дней». Ее целью было предложить план радикальных действий для избираемого в марте этого же года президента страны.

Однажды после ежедневного вечернего обсуждения принципиальных вопросов экономической реформы мне сообщили о существовании такого документа. Я не воспринял его всерьез и посоветовал не отвлекаться на второстепенные дела. Однако эта программа каким-то образом попала в руки Бочарову. Тот внес в нее свой «творческий вклад»: заменил цифру «400» на «500», добавил по несколько дней на каждый этап и, не изменив ни слова, выдал за свой собственный оригинальный проект. Более того, в каком-то сибирском издательстве он выпустил ее в свет под своим именем. И чуть ли не одновременно эта программа, только с цифрой «400», вышла в Москве под фамилиями упомянутых двух экономистов и Г. Явлинского, который в то время работал в Комиссии Совета Министров СССР под руководством моего заместителя академика Л. Абалкина.

В общем, плагиат был налицо. Г. Явлинский был вынужден даже заявить в «Московских новостях»: «Программа “500 дней”, с которой Бочаров выступил перед Верховным Советом России, с самого начала задумывалась как союзная...»

Впрочем, литературно-политическое воровство и мелкотравчатая суэта вокруг него Бочарову не помогли: в премьеры он не прошел. А Явлинский, напротив, сумел потом при поддержке академика Шаталина, Горбачева и Ельцина сделать себе громкое имя на нереалистичной, экономически иллюзорной теории своих молодых коллег. В том же интервью он противопоставил себя опытным ученым: «Ну а то, что у сторонников программы “500 дней” будут оппоненты в лице таких видных экономистов, как Абалкин, Шаталин, Ясин, думаю, пойдет на пользу делу». В двух последних Явлинский ошибся — они предпочли перейти на сторону экстремистских «500 дней», а Шаталин еще и авторство с ним поделил: программа стала называться — «Шаталина—Явлинского», а сам Григорий Алексеевич пересел в кресло заместителя Председателя Совета Министров РСФСР.

В 1991 году уже прославившийся своими (или все же не своими?) «500 днями» Явлинский побывал в США. Оттуда он привез анализ экономической ситуации в СССР: там черным по белому было напи-

сано, что на тяжелейший рыночный рывок потребуется никак не менее 6—8 лет, и был назван нами же намеченный срок — 1997 год.

А пресса между тем, словно (впрочем, почему «словно?») по заказу, трубила славу программе «500 дней», напрочь забыв о том, что Верховный Совет СССР принял концепцию правительства и поручил ему лишь дополнить и поправить ее. Хорошо зная отечественную «четвертую власть», я ничуть не сомневался, что когда-нибудь ей понадобится «стрелочник» или, грубее, «козел отпущения», на которого можно свалить все ошибки экономической политики. Вернее, не прессе этот стрелочник нужен, думал я, а Горбачеву, который, конечно же, не мог признать за собой какие-либо грехи.

К несчастью для отечественных наук вообще и для экономической в частности, в них подвизалось много людей, которые хорошо умели пользоваться давно открытым и пройденным и даже приобретали себе на этом степени и звания. Умение интриговать всегда ценилось не менее, если не более, чем умение открывать новое. Многие годы моей жизни связаны с производством и экономикой. Я знаю и ценю сотни ученых — подвижников в своем деле. И не их вина, что их мысли во многом остались невостребованными. Это неотъемлемая часть трагедии нашей страны...

Противостояние Горбачева и Ельцина буквально раздирало государство на враждующие лагеря, лишая смысла и нашу работу, ибо начавшаяся после Первого Съезда народных депутатов РСФСР война союзных и республиканских законов прежде всего била по делу, по экономике, по людям.

В конце июля 1990 года перед уходом в отпуск Горбачев четко определил свою позицию в отношении программы правительства по переводу экономики на рыночные принципы, «благословение» которой дал в мае на Президентском совете. Однако в начале августа открылось, что между лидерами СССР и России возник сговор за моей спиной. Какой? На этот вопрос отвечает телевизионное интервью Ельцина, прошедшее в эфир 3 августа. Выдержки из этого выступления приводят к неоспоримому выводу о том, что президент страны уже тогда встал на путь недопустимых компромиссов, которые в дальнейшем привели к разрушению государства.

Я привожу эту часть интервью дословно, не внося никаких корректив:

«...— Вы как-то в своем, в нашем интервью уже упоминали о том, что вы собираетесь предложить программу России Центру. И также упомянули, что независимо от того, будет ли Центр, примет ли Центр эту программу или нет, вы будете настаивать на том, что у России дол-

жна быть своя экономическая программа. Скажите, пожалуйста, если Центр все-таки не примет, так сказать, вашу программу, каковы могут быть ваши действия в этой ситуации?

— Я уже сегодня могу сказать, что Центр примет, потому что сегодня в «Известиях» опубликовано, что Горбачев и Ельцин подписали вдвоем вот специальную, ну, как бы сказать, договоренность, что ли, что, основываясь на концепции российской программы, создать такую группу, которая бы сделала на ее основе союзную программу.

То есть не ту программу правительства союзную, которую сейчас критикуют и которая, конечно, не будет, я думаю, принята, вот. И это приведет к отставке союзного правительства, а программу, именно основанную на российской основе, концепции российской. И мы с Горбачевым такой документ подписали именно в тот период, когда я находился здесь (Ельцин тоже был в отпуске. — *Н.Р.*). Мы разговаривали по телефону несколько раз, а потом подписали такой документ. Я обратился к нему с таким предложением письменно, что выход только такой, что мы предлагаем российскую программу, чтобы нам не иметь своей денежной единицы, потому что если Союз не принимает, тогда мы должны внутри России, реализовывая эту программу, иметь свою денежную единицу. Мы бы пошли на это».

Многие средства массовой информации, особенно газета «Известия», немедленно сделали далеко идущие выводы, что возник союз авторитетов — Горбачева и Ельцина, что «имперский диктат Центра» будет исключен, что создаваемая программа станет основой экономической части Союзного договора, что эта договоренность будет способствовать реальному объединению суверенных республик и т.д. Между строк читалось: долой правительство Рыжкова, оно мешает радикальным переменам в политической и экономической жизни страны. Мне и моим соратникам было совершенно очевидно, что политический и экономический экстремизм приведет к разрушению государства, изменению общественного строя. С этим мы не могли согласиться, понимая, что, по существу, речь идет о национальной катастрофе, а не о реформировании политической и экономической системы во имя людей, общества и государства.

Итак, образовались, по сути, два центра по разработке программ перехода к рынку. Мы готовили свою к 1 сентября — к сроку, отпущенному нам Верховным Советом СССР. Как и прежде, работали в «Соснах». А в другом подмосковном пансионате, «Сосенки», находились «шаталинцы». К слову сказать, не было, по-моему, журналиста, который не побалагурил бы в связи со столь забавным совпадением: «Сосны» и «Сосенки».

По предложению Л. Абалкина 21 августа мы с ним приехали в «Сосенки» с надеждой найти компромисс и консолидировать силы для решения общей задачи. Приехал туда и новый премьер-министр России И. Силаев. Сели друг против друга, я рассказал о работе над правительственной программой, попытался обозначить общие точки двух программ, вновь призвал к объединению усилий. Где там! Мы попали в стан откровенных врагов, для которых само наше появление было чрезвычайно неприятным происшествием. И разговаривали-то с нами, как мэтры с пригостишками, чуть ли не сквозь зубы — куда исчезла хваленая интеллигентность научной элиты! Три часа прошло бессмысленно. Убеждать, по моему разумению, можно тех, кто умеет и хочет слушать и слышать. Мои собеседники этого не умели и не хотели.

Ничего положительного встреча не дала. Наоборот, она показала, что пропасть между нами становится непреодолимой. И было полное ощущение, что тактические их действия до деталей направлялись с юга находившимся там Горбачевым и его советниками.

Сейчас никто уже не вспоминает, что у истоков нынешних «радикальных» рыночных реформ стояли мои тогдашние собеседники. Сегодня, когда и Державы нет, а Россия и другие бывшие союзные республики переживают многолетний социально-экономический кризис, фамилии Шаталина, Явлинского, Ясина и иже с ними забываются, а двое последних еще и пытаются откреститься от содеянного. Может быть, им удобно в нынешней разрухе все «забыть». Но хочу напомнить: начинали — они. Потом уж их идеи подхватили новые радикалы-рыночники — Гайдар, Чубайс, Б. Федоров и др.

Горбачев по-прежнему отдыхал на Черном море, мне практически не звонил, не интересовался ходом работы, в которой, казалось бы, должен был быть кровно заинтересован. Все это еще раз подтверждало, что у него имелись иные соображения и другие люди, на которых он ориентировался. В 20-х числах августа 1990 года президент вдруг прервал отпуск, вернулся в Москву и встретился с разработчиками «500 дней». Никого из команды союзного правительства на эту встречу не позвали. Да мы и понимали уже, что ни о каких скоординированных экономических предложениях к Союзному договору речи не идет, что на сессию Верховного Совета СССР будет представлено две кардинально разнящиеся программы.

Проблемами стремительно надвигающегося 91-го года вообще никто озабочен не был. Между тем Совет Министров бомбардировали телеграммами, телефонными звонками руководители союзных республик, регионов, предприятий, пребывавшие в растерянности: как им работать? По каким законам и правилам жить, если борьба, даже вой-

на этих законов и правил уже всюду разворачивалась на территории Союза, переплетаясь с борьбой за суверенность республик?

Многим руководителям предприятий Ельцин предлагал выйти из союзного подчинения и перейти под юрисдикцию России, уменьшая им за это налоги. Экономика будущего года грозила развалиться до того, как начнет действовать та или иная программа. К тому же то, что предлагалось в программе «500 дней», шло вразрез с принятыми Верховным Советом СССР законами.

На второй день после досрочного приезда президента страны из отпуска я по предложению моих заместителей потребовал у Горбачева встречи в ближайшие дни с членами Президиума Совета Министров СССР. 23 августа такая встреча состоялась. Она длилась 6 часов. Первым выступил я, а затем высказались все члены Президиума. У меня сохранился конспект моего выступления, который, возможно, передаст остроту поднимаемых нами проблем и общего состояния в стране:

«Наша просьба об этой встрече вызвана тем, что назрела крайняя необходимость откровенного разговора правительства и президента страны по ряду жгучих, неотложных проблем.

Первая из них связана с тем, что социально-политическая обстановка в государстве в целом и в большинстве союзных республик чрезвычайно обостряется. В стране складывается тяжелейшая ситуация, ведущая к непредсказуемым процессам в политической и экономической жизни. Страна втягивается в самый сложный политический и экономический кризис.

Вторая проблема, по которой хотелось бы определить наши позиции, заключается в том, как мы будем жить в экономике в 1991 году.

Третья. Судьба Союза в целом.

Нерешенность этих проблем будет иметь тяжелые последствия: хаос в экономике и тяжелый политический кризис.

В то время как вся ответственность за состояние дел в стране фактически возлагается на ее правительство, все делается для устранения его из системы управления государством. Правительство сегодня является последней реальной силой, которая противодействует нарастанию деструктивных, дестабилизирующих факторов. Возможный уход Правительства изменит баланс и расстановку политических сил в стране.

Не менее острая проблема — потеря управляемости. Это чрезвычайно опасно. Она выражается прежде всего в том, что не выполняются решения правительства, игнорируются указы президента, объявляется верховенство республиканских законов над союзными, принимаются декларации о полном государственном суверенитете и т.д. Если

раньше в этом вопросе лидировали республики Прибалтики, то сейчас это приобрело более серьезный размах — во главе этих действий встали Россия и Украина. В то же время ответственность за все, вплоть до табака, ложится на центральное руководство.

При кажущейся на первый взгляд стихийности этих процессов начинают все более четко обозначаться формы разрушения существующих государственно-политических структур. Фактически под вопрос поставлено существование самого Союза как единого государства. Вокруг этого развернута острейшая политическая борьба. Вопрос стоит ребром — будет ли СССР существовать как единое государство, будет ли он юридическим лицом в мировом сообществе или его не будет, а Россия станет правопреемником СССР. (Это говорилось за год до сговора в Беловежской Пуще. — *Н.Р.*)

Делаются попытки внести коренные изменения не столько в экономические отношения между республиками и Союзом ССР в целом, сколько в характер самого строя, пересмотреть основополагающие политико-экономические принципы, отвергнуть существующий политический строй.

Под воздействием всего этого экономика все больше и больше теряет жизнестойкость. Начался нарастающий процесс не только спада объемов производства, но и разрушения единого народнохозяйственного комплекса. Этот процесс, если не принять экстренных мер, может завершиться катастрофой. Широко распространившаяся во многих республиках практика ограничений прав предприятий и, как следствие, массовый разрыв прямых связей между ними, отказ от заключения договоров и поставок продукции, а также игнорирование действующего законодательства, налогообложения и формирование местного, республиканского и союзного бюджетов могут уже в ближайшее время парализовать функционирование народного хозяйства. Образовался замкнутый круг: политическая дестабилизация прямо сказывается на экономике, экономическая — на политическом положении.

Правительство на протяжении последних месяцев, невзирая на все усиливающуюся критику, работает интенсивно в двух направлениях. Завершается подготовка программы перехода к регулируемой рыночной экономике и ведется разработка основных параметров экономического и социального развития страны на 1991 год. Однако результативность этой работы сегодня крайне низка из-за прямого неприятия правительственных решений и усиления центробежных сил.

Сегодня практически все предприятия не имеют планов своего развития на будущий год. Нет ясности в организации их материально-тех-

нического снабжения, валютного обеспечения, в вопросах цен, налогообложения. По тем же причинам во многих республиках парализован процесс формирования местных бюджетов. Принятые Верховным Советом СССР по этим вопросам законы многими республиками не признаются. Конституция игнорируется.

Идет процесс массового, внутренне рассогласованного принятия всевозможных решений и постановлений отдельными союзными республиками, которые, по существу, ведут к разрушению всей сложившейся системы в стране. Такова реальная ситуация. И независимо от того, какова мера вины правительства в этом вопросе, главное сегодня заключается в том, чтобы объединить все усилия для предотвращения хаоса в функционировании народного хозяйства.

Анализ подходов союзных республик к выработке взаимоприемлемых решений по вопросам развития экономики, консультации, проводимые в Верховном Совете СССР, непосредственная работа с представителями республик над программой перехода к рынку, расширенные заседания Совета Министров СССР с участием руководства всех республиканских правительств показали, что любая программа перехода к рынку иллюзорна и нереальна, когда отсутствует Союзный договор и нет четкого определения, в условиях какой государственности мы будем жить в перспективе. Между тем трудно ожидать, что в ближайшее время Союзный договор может быть заключен. Этот процесс чрезвычайно сложный и может оказаться длительным.

Но мы не можем остановить жизнь страны, работу над планом ее развития на 1991 год, реализацию уже принятых крупных социальных программ, затормозить практическую хозяйственную деятельность предприятий, отказаться от первых реальных шагов функционирования экономики в новых условиях. Президиум Совета Министров СССР детально и всесторонне проанализировал ситуацию и пришел к выводу, что единственно реальным путем выхода из создавшегося положения является заключение до принятия нового Союзного договора Экономического соглашения между республиками и Союзом в целом, на основе которого можно было бы организовать всю работу по разработке плана на 1991 год. Эта Программа должна включать в себя взаимосогласованные принципы организации планирования на предприятиях, применение системы налогообложения, новую ценовую политику, которая приемлема для всех республик, систему материально-технического обеспечения, формирование валютных фондов предприятий, республик и Союза, а также решение других принципиальных вопросов, без которых не смогут прожить ни одно

хозяйственное звено и ни одна республика в будущем году. Это один из главных вопросов, который Президиум Правительства хотел бы обсудить на этой встрече...»

Выступления членов Президиума Совмина затрагивали примерно эти же вопросы, с большей детализацией и конкретикой.

Таково было наше видение истинного положения дел в стране в то сложнейшее время, понимание смертельной опасности, все больше нависавшей над ней. Думаю, читатели оценят весь драматизм такой ситуации, когда видишь, что страну ведут к гибели, предлагаешь реальные пути ее спасения и при этом наталкиваешься на непреодолимую преграду — тупое безразличие к судьбе Родины или ее прямое предательство.

30 августа в Кремле по итогам нашей встречи у Горбачева в зале заседаний Верховного Совета СССР собрались представители республик, министры, народные депутаты и многочисленные приглашенные. Совершенно неожиданно накануне поздно вечером из канцелярии президента был разослан материал на 18 страницах для рассмотрения его на этом заседании. Подготовлен он был группой Шаталина и представлял некую выжимку из проекта «500 дней». Ни о каких предложениях о том, по каким правилам жить в будущем году, там и речи не было. Были лишь самые общие рассуждения о переходе на рыночные отношения, роли и месте союзных республик.

Стало совершенно ясно, что предпринята попытка увести совещание от решения конкретных вопросов, независимо от того, что произойдет со страной через несколько месяцев, привлечь на свою сторону союзные республики и при их поддержке перейти на «общесоюзное поле». Я часто задаю себе вопрос: ведал ли ныне покойный Станислав Сергеевич Шаталин о последствиях своих шагов? Думаю, он просто был использован более опытными политиками для достижения их целей. И какие бы хорошие у нас ни были отношения, я должен сказать прямо: в разрушении государства он, сам того, уверен, не желя, сыграл не последнюю роль.

Заседание проходило два дня. Один за другим на трибуну выходили ораторы и, как по мановению дирижерской палочки, говорили не о хлебе насущном, а противопоставляли 18 страниц предложениям правительства. Одним из первых выступил Ельцин:

— Правительство Рыжкова должно немедленно уйти в отставку!

Не скрывал своей неприязни к союзному правительству и первый заместитель Председателя Совмив Украины В. Фокин. Более желчно-го и наглого выступления от имени этой республики я не слышал до сих пор. Человек рвался к власти. За будущую похлебку он готов был

на все. Руководство Украины уже не устраивал опытный премьер Виталий Андреевич Масол.

Даже официальные профсоюзы в лице их лидера Щербакowa в столице не остались: он тоже выпил достаточно грязи на правительство. Любопытно, где этот профсоюзный лидер сейчас, когда цены мчатся вверх со скоростью ракеты, а народ, то есть члены профсоюза, нищает? Почему он молчит?

На второй день выступления стали еще жестче. Ночь помогла сгруппировать антиправительственные силы. Экономическое соглашение осталось в тени. Мало кто вспоминал о нем. Под конец заседания меня опять выбросило на трибуну. На этот раз у меня не было подготовленных тезисов. Шла жестокая битва, и обращаться к разуму этих людей было равносильно гласу вопиющего в пустыне. Нервы были возбуждены до предела. Я бушевал на трибуне, гневно бросал обвинения политикам, тащившим страну в пропасть.

— И если бы мы не несли ответственности перед народом, — в заключение сказал я, — мы бы ни одного дня не работали в такой обстановке. Только это останавливает нас.

С трибуны я сошел, как в тумане. Вместе с заместителями вышли с заседания. Все были подавлены, я — тем более: переживал и за то, что не мог сдержаться. И все же у нас хватило сил и разума, чтобы сделать коллективный вывод: уходить сейчас нельзя. Это будет не только наше поражение. Надо бороться.

После окончания депутатских каникул в сентябре 90-го года возобновилась работа Верховных Советов СССР и РСФСР. В союзном парламенте проходили бурные дебаты по переходу экономики на рыночные отношения: несмотря ни на что, к 1 сентября, как было решено в мае, мы представили необходимые материалы. Программа «500 дней» была также в центре дискуссий. На одном из заседаний Верховного Совета СССР Горбачев в своем выступлении по итогам предварительного обсуждения четко сказал, что ему больше импонирует именно эта программа. Впервые он заявил об этом во всеуслышание. Честно говоря, именно в тот момент я подумал о ставшей практически необходимой отставке, о чем и сказал на пресс-конференции в тот же день:

«Если будет принято решение, которое не совпадает с позицией правительства, то правительство не сможет его выполнять... Я могу выполнять свои функции только тогда, когда я в это верю. Если же я не верю или вижу, что будет нанесен большой вред, то к этому делу я свою руку прикладывать не стану».

Но пока никакого решения Верховного Совета и президента не было. После перерыва депутат Бурбулис — как читатель помнит, на

Первом Съезде выдвигавший Ельцина на пост Председателя Верховного Совета СССР, — примчался из Белого дома с горящими глазами и с восторгом сообщил, что Верховный Совет РСФСР в 14.00 принял программу «500 дней». «Российская Федерация определилась», — гордо сообщил он, давая понять: Верховный Совет Союза может обсуждать что угодно — все равно Россия поступит по-своему. Опять пошумели, покричали, подрались за места у микрофонов в зале. А в итоге утвердили аморфное постановление, где «приняли к сведению» сообщение Совета Министров СССР, «сочли целесообразным» рассмотреть все материалы по этому вопросу и «отметили» все же, что Президиум Верховного Совета «недостаточно подготовил» данный вопрос, — шпилька А. Лукьянову...

Да, в те дни в Кремле шли непрерывные дискуссии, споры, схватки. Много раз нам снова и снова приходилось высказывать позицию правительства и на пресс-конференциях. Приведу выдержку из стенограммы одной такой встречи с журналистами.

«Николай Рыжков:

— Страна во многом не подготовлена к форсированному переходу к рынку, не готово и общественное сознание. Поэтому мы за взвешенный вариант. Твердость, с которой правительство отстаивает свою позицию, имеет объяснение. К подготовке новых предложений привлекались серьезные научные силы, в них учли предложения парламента, а также альтернативные проекты реформы. Затем было проведено моделирование предстоящих нововведений, математический анализ всех плюсов и минусов. При этом расчет шел по двум вариантам перехода к рынку — радикальному, который проповедуют некоторые известные советские экономисты, и умеренному, который предлагает правительство.

Модель первого варианта (почти немедленный перевод цен на свободные, практически полное исключение госзаказа и т.д.) показала резкий спад в первые годы объемов производства, занятости, жизненного уровня...

Анализ второго варианта также показывает спад, но более пологий, медленный. Снижение уровня жизни населения в целом по стране произойдет, но меньше, чем по первой модели. Соответственно, и оздоровление экономики будет идти дольше».

Наступала бурная осень 90-го. Изнуряющие дебаты в Верховном Совете СССР, митинги с требованием отставки «правительства нищеты», решение парламента России об отставке Совета Министров СССР (против 1, воздержались 16), шквал критики в средствах массовой информации.

В ходе генерального наступления на правительство страны отношения республик с Центром становились все более сложными. Конфронтация, и в первую очередь России с центральной властью, приобретала все нарастающую остроту. Союзная власть быстро становилась аморфной и неустойчивой.

Нараставший политический разброд губительно сказывался на экономике, а ее ухудшение, в свою очередь, усиливало деструктивные процессы в стране. Мы оказались в замкнутом, можно сказать — порочном круге. Но все наши попытки прорвать его встречали яростное сопротивление.

А до моего ухода со сцены оставалось чуть больше месяца...

Почему я дотянул до инфаркта? Почему не ушел в отставку тогда, когда сказал об этом Горбачеву, или позже — на пресс-конференции после тяжелого для меня заседания сессии? Почему терпел, когда все вокруг, включая Горбачева, с кем вместе начинали долгий путь, наотмашь били по мне и правительству? Неужели самолюбия не хватило? Или кресло премьера было так дорого?

Нет, ответу, не потому. Держало обыкновенное чувство долга. Окончательное решение уйти в отставку было принято мной после ноябрьской сессии Верховного Совета. Объявил же я ему об уходе в начале декабря, еще до Четвертого Съезда. Так что болезнь лишь ускорила все это на одну-две недели.

Как-то я разыскал страничку моего интервью, данного, уж и не помню, кому. Наверное, какой-то иностранной газете. Там был такой вопрос: «В последнее время правительство постоянно подвергается критике, вплоть до требований об отставке. Вы не похожи на тех, кто держится за кресло, подчиняя свои действия карьерным устремлениям. Что ж тогда заставляет вас так настойчиво проводить в жизнь свою линию?»

Ответил так: «Дело в том, что кое-кого не устраивает политическая линия правительства, его твердая позиция в том, что касается сохранения нашего государства, недопущения хаоса в народном хозяйстве, обеспечения социальных гарантий тем, кто живет на зарплату, пенсии и стипендии, кто может не выдержать ударов рыночной стихии, если будут сняты все или почти все регуляторы. Спекулируя на этом, кто-то утверждает, будто правительство не может избавиться от консервативного мышления. Неправда! Правительство открыто для всего, что может помочь выходу из кризиса. Но, будучи ответственным перед народом, правительство не имеет права идти за теми, кто предлагает ломать до основания все и вся, а там будь что будет. У правительства нет более важной задачи, чем обеспечить переход к рынку

с наименьшими издержками для народа. Тот, кто обвиняет правительство в забвении этого, либо некомпетентен, либо, мягко говоря, не очень порядочен... Но если народ, его представители в Верховном Совете сочтут, что правительство действует в ущерб интересам общества, то пусть они решают вопрос о нашей судьбе».

Все, что было сказано тогда, я готов повторить и сейчас. Видимо, мое поколение было так воспитано: довести дело до конца, не сдаваться, не ломаться перед трудностями, исчерпать все возможности — и лишь потом уходить. Кстати, в дни, когда я заявил журналистам о своей возможной отставке, в Совет Министров пришло множество телеграмм с требованиями — не сдаваться. И требовали этого не только мои ровесники, но, что особенно радовало и вселяло надежды на лучшее будущее страны, и совсем молодые: подождите, не уходите, не бросайте начатое...

Все равно пришлось уйти. Все-таки вынудили.

В первых числах декабря по моей просьбе состоялась встреча один на один с Горбачевым, на которой я сообщил, что принял окончательное решение об уходе с поста главы правительства страны. Он воспринял это довольно спокойно и даже с облегчением. Он был, как и я, готов к этому нелегкому разговору. Попросил меня высказать мнение о будущем преемнике. Я высказал свои соображения.

В заключение встречи я сказал Горбачеву:

— Помяните мои слова. Сейчас вас заставляют убрать правительство. Это лишь первая жертва среди многих. Потом придет черед Верховного Совета СССР, а потом — и ваш. Подумайте о судьбе страны, пока еще есть какое-то время...

Как всегда, он не захотел услышать то, что ему было не по душе. Такой специфический род глухоты...

Сегодня, оглядываясь назад, анализируя произошедшее, я прихожу к однозначному выводу: мы были правы. Нас объявили консерваторами, а мы были нормальными, здравомыслящими людьми, болеющими за дело, за народ и страну.

Мое правительство уходило из этой битвы достойно, не сломленным, с верой в свои идеалы. Жизнь подтвердила нашу правоту.

На 12 июня 1991 года (день провозглашения суверенитета России в 90-м году) были объявлены выборы Президента РСФСР. И уже в апреле ко мне посыпались звонки из областей, республик, от трудовых коллективов и многих общественных и политических деятелей с просьбой дать согласие баллотироваться в Президенты России. Многочисленные встречи с их представителями заканчивались тем же. У меня было полное моральное право отказаться, сослаться на не так дав-

но перенесенную болезнь. Но тогда бы я до конца своих дней корил себя за то, что даже не попытался вступить в борьбу.

Следя за бурными событиями того страшного для страны года, я понимал, что наступает пик противостояния всех ветвей власти России и СССР. И если победит на выборах Ельцин, то тогда судьба страны будет предрешена. Если же победит другой, в том числе и Рыжков, то еще можно предотвратить катастрофу и с помощью взвешенных реформ, нормальных взаимоотношений Центра и республик не допустить разрушения государства и стабилизировать положение. Вместе с тем я понимал и то, что в обстановке неприятия народом Горбачева и его политики, полного разброда в стране, вызванного оппозицией Ельцина, победить будет трудно. Народ был одурочен. Многие пребывали в ожидании рая небесного на 501-й день и видели в Ельцине спасителя Отечества. Главная же моя надежда была на то, что, может быть, мой голос предостережения будет услышан.

Не буду останавливаться на всех перипетиях избирательной кампании. Там было все: и клевета, и грязь, и помои. Все было пущено в оборот. Да и фамилия моя часто ассоциировалась с Горбачевым. Все мои попытки объяснить людям, что это далеко от действительности, что пути наши давно разошлись, что он предал идеалы перестройки и тех людей, с которыми ее начинал, доходили не до всех. Люди голосовали не только за Ельцина, но и против Горбачева. И мои противники немало потрудились, «связывая» меня с ним.

Чтобы иметь представление о том времени и сложившейся ситуации, приведу выдержки из интервью с журналистом газеты «Советская Россия» за две недели до голосования. На страницах этого авторитетного издания я отвечал корреспонденту газеты Н. Белану на наиболее острые вопросы, заданные мне во время поездок по стране. Название интервью — «Я предлагаю другой путь...» — говорит само за себя.

— Как он смел выставить себя на пост Президента России? Всем же ясно, что народ выберет Ельцина. Вас что, Горбачев или ЦК обязал?

— Согласие баллотироваться я дал по собственной воле. Ни ЦК меня не обязывал, ни Горбачев. За пять лет работы Председателем Совета Министров страны я испытал, что такое власть, вкусил ее «прелести», знаю, насколько это тяжелый и часто неблагодарный труд.

Однако положение в стране и России ухудшается, оно критическое. И я не уверен, что программа Ельцина, с которой он выступает сейчас, изменит положение дел к лучшему. Все будет наоборот. Поэтому я не мог оставаться в стороне, безучастно наблюдать за развитием событий. Вот что движет мною...

Теперь о программах по переходу к рынку. Летом прошлого (1990) года, вы помните, их было две — правительственная и “500 дней”. Последнюю еще называли программой “шоковой терапии”, отношение к которой у меня однозначное. Убежден, что перевод экономики на новые рельсы неизбежен, кстати, я был одним из первых, кто говорил, что мы исчерпали свои возможности в жесткой планово-распределительной системе, что по-старому мы дальше двигаться не в состоянии и что нужно переходить на более гибкие формы экономических отношений. Но наша формула была — регулируемый рынок, плавный, постепенный переход к нему. Когда рушится что-то старое и тут же взамен создается новое, все просчитывается, прогнозируется, а не сметается одним махом, в короткий период.

Я категорически против таких мер, против “шоковой терапии”, считал и считаю, что попытка перехода в течение нескольких месяцев на новые экономические отношения чревата серьезными последствиями.

Чтобы переходить на свободный рынок, нужно создать соответствующие структуры. А сказать: все, с нового года госзаказа не будет, как это предлагается сейчас, надейтесь только на себя, — это несерьезно. Сегодня трудно, но если с нового года вообще никакого регулирования не будет, то многие предприятия не смогут работать. Особенно машиностроительные, которые имеют огромные кооперационные связи между собой.

Или другое: я за многообразие форм собственности. Надо находить такие формы, чтобы человек действительно был собственником своих средств производства. А что касается мелких предприятий — каких-то мастерских, кафе, магазинчиков и т.д., то здесь у нас будет и частная собственность. Но при этом я за то, чтобы приоритет был у людей, которые работают на этих мелких предприятиях, чтобы они в первую очередь могли приобрести их. Пусть они решают свою судьбу, а не на торгах, аукционах, где побеждают те, кто ворочает большими деньгами.

Что же касается крупных предприятий, так есть акционерная, коллективная собственность, когда, к примеру, каждый работающий член коллектива наделяется средствами производства и имеет свою долю прибыли, так называемые народные предприятия. Надо идти и по этому пути. В сельском хозяйстве я категорический противник частной собственности на землю для товарного производства, ее купли и продажи. (Поясню: говоря о «земле товарного производства», я не имею в виду, конечно, приусадебные, садово-огородные и дачные участки).

Каждый человек должен иметь право работать на земле, выбирать, что ему по душе: хочешь быть фермером — пожалуйста, оставаться в колхозе — на здоровье. Я и за то, чтобы передавать арендованную землю по наследству. Но продавать?..

— Как Вы относитесь к приватизации нерентабельных предприятий? Вы консерватор, вы против жилищной реформы, а значит, тянете нас в застойные времена.

— Категорически не согласен с теми, кто призывает до нового года “разобраться” с убыточными предприятиями и насильственно их приватизировать, то есть пустить с молотка. Такая поспешность — дело опасное.

Возьмем ту же угольную промышленность — она имеет от государства 23 миллиарда рублей дотаций. Что же произойдет, если шахты купят наши доморощенные или иностранные бизнесмены? А о миллионах безработных кто подумал? Поэтому я понимаю, что нерентабельное предприятие — это действительно наше несчастье, это гиря на ногах экономики страны, но провозглашать лозунг принудительной приватизации преждевременно. Сегодня у нас 25 процентов колхозов — убыточные, что же, делать коллективизацию наоборот? А может, разобраться в каждом отдельном случае, помочь хозяйству встать на ноги, в том числе за счет введения новых форм собственности?

О приватизации жилья. Год назад этот вопрос обсуждался на Президентском совете. Предлагалось: давайте делать рынок жилья, чтобы человек мог свободно продать и купить квартиру. А с целью ускорения создания такого рынка предлагалось резко увеличить квартирную плату, особенно за излишки площади. Вроде бы звучит привлекательно. Но я тогда выступил категорически против. Нельзя так легко подходить к этой проблеме, глубоко не изучив ее, не просчитав. У нас, к примеру, сегодня в СССР 60 миллионов пенсионеров, из них, по данным, которыми располагаем, 30 миллионов человек имеют излишки жилья — кто пять, кто десять квадратных метров, а кто и больше. Так сложилось — уехали дети, умерли муж или жена... Как же этих стариков вырывать из своих гнезд, домашний очаг ведь не просто стены. Это больше проблема моральная, нравственная. Но и материальная: представьте, если за излишки жилья они станут платить по той “кривой”, которая предлагалась, — никакой пенсии не хватит.

А разве по силам купить квартиру молодым и малоимущим семьям? Разве не ясно, куда уплывут квартиры?

Вот такой я консерватор в этом вопросе — был и остаюсь им.

— Рыжков — автор повышения цен. Уходя в отставку, он посоветовал Павлову поднять цены.

— Да, мы постоянно говорили о том, что в вопросах ценообразования было отставание. Надо было отрегулировать цены, но сделать это еще в 1988 году, тогда бы все прошло с меньшими потерями, чем сейчас.

По расчетам, общая сумма повышения цен в 1990 году должна была составить 160 миллиардов рублей, причем предусматривалась полная компенсация за ряд продуктов, детский ассортимент почти не затрагивался. Однако наполучал я шишек за “непопулярные меры”, хотя с тем, что надо отрегулировать цены, были согласны почти все руководители и ведущие экономисты страны. (Забегая вперед, хочу напомнить, что Ельцин с Гайдаром со 2 января 1992 года подняли цены практически в два раза по сравнению с тем, что предлагалось нами, а на многие товары — и в три раза. Вскоре эти цены стремительно выросли в сотни, если не в тысячи раз, отбросив миллионы людей в непроглядную нищету. Были забыты все громогласные заявления и даже рельсы, на которые обещал лечь Ельцин в случае повышения цен. Все это больно ударило по народу.)

— Ваши отношения с М. Горбачевым? Были ли у вас разногласия с ним? Если вас изберут Президентом России, не окажетесь ли Вы во всем согласны с ним? Почему вы ушли в отставку?

— Сейчас у меня никаких отношений с М. Горбачевым нет. Я не участвую ни в каких совещаниях, не являюсь советником.

Раньше, примерно до 1987 года, особых разногласий у меня с ним не было. Если помните, перестройка тогда набирала темпы, на подъеме была экономика страны. Однако и тогда я занимал независимую, самостоятельную позицию: считал возможным высказываться принципиально, даже если и оставался на Политбюро в меньшинстве. Вспомним ту же антиалкогольную кампанию. Я выступал против тех методов, которыми ее предлагалось осуществлять.

В последнее время, особенно в 1988—1990 годах, у нас были большие разногласия с Горбачевым. О них я говорил прямо, в глаза — и на Политбюро, и на Президентском совете. Например, о той же приватизации жилья.

Особый пункт — программа перехода к рынку. Правительственная программа дважды рассматривалась на Президентском совете, я представлял ее там, ее критиковали, дополняли, в конце концов сказали: хорошо, товарищ Рыжков, выходите с ней на Верховный Совет СССР. Я знал, что будет острая критика. Особенно из-за ценового фактора. Но как иначе я мог поступить в то время, если с 1988 года в каждом документе говорилось: вот когда подойдем к реформе розничного ценообразования, то обязательно посоветуемся с народом. По-

этому я и вышел на трибуну, честно сказал, как мы видим все это дело. И принял на себя весь огонь...

Я всегда был искренен в своей позиции. Единственное, что ставлю себе в укор, так это то, что нужно было на год раньше сказать то, о чем я говорил в декабре прошлого (1990-го) года на Четвертом Съезде народных депутатов СССР. Что перестройка в том виде, как ее задумали в 1985 году, не состоялась.

Что касается моего ухода. Главная причина была в том, что за несколько недель до Съезда я сообщил Горбачеву, что не согласен с проводимой экономической и политической реформой, поэтому заявляю о своей отставке.

Но, как бы то ни было, я остаюсь на своих позициях. Считаю, что тот поворот, который сегодня делается, ведет страну к "шоковой терапии", а это остро отразится на жизни народа.

Мы знаем это, например, по Польше. Да, там сегодня все лежит на прилавках, но простому человеку купить не по карману. Насытить рынок таким образом, за счет снижения потребления, большого ума не надо, я мог сделать это в одну ночь: поднять как следует цены — и в магазинах изобилие. Я же сторонник другого: надо найти такое равновесие, чтобы и товары были, и человек мог бы приобрести их.

— Сначала экономику страны развалил, а теперь в российские президенты нацелился.

— Давайте вспомним о том, что происходило в стране в течение пятилет. Считаю, что первые три года мы развивались нормально. А потом пошла полнейшая неразбериха: и война законов, и забастовочное движение, и нарушение договорных связей...

Да, в целом страна развивалась не так, как хотелось бы, в том числе и мне. Но, как известно, все познается в сравнении. Поживем — увидим, что будет, если победит Ельцин...

— Как вы относитесь к Б.Н. Ельцину?

— Его я знаю давно, мы вместе с ним работали в Свердловске. Он — в областном комитете партии, я — на заводе.

Я не согласен с его программой по социально-экономическому развитию России, о чем уже сказал. Не понимаю и его поведения, его методов действия. В КПСС он сделал карьеру, дошел до кандидата в члены Политбюро, руководителя столичной партийной организации, а потом стал топтать все, что его воспитало и что он сам насаждал с помощью партийной дисциплины на протяжении двух десятков лет. Это уже не позиция. А его "война" с Центром? Ему все время кто-то мешает.

И в заключение хочу прямо сказать: если меня выберут Президентом России, буду бороться за нее, защищать ее интересы. Но при этом буду проводить линию на сохранение Союза».

Это говорилось 30 мая 1991 года. Прошли годы. Читатель может оценить мое тогдашнее видение перспектив в случае победы Ельцина. Что-то я мог недооценить, но в целом жизнь подтвердила мои опасения за судьбу народа и государства. Из шести кандидатов я завоевал второе место в президентской избирательной скачке. Крайняя ее поспешность тоже входила в стратегические расчеты команды будущего президента: не дать народу долго думать. И эта задача была решена...

Грянул август 1991 года. Он знаменателен тем, что стал переломным пунктом в процессе разрушения СССР. Анализируя те события, можно сделать вывод, что у «путчистов» не было четкой программной цели. В акцию ГКЧП не были вовлечены никакие организованные политические силы. Политбюро не вело никакой деятельности, не принимало никаких документов, «путч» застал штаб партии врасплох. 20 августа в Москве находилось примерно две трети членов ЦК, но секретариат от проведения Пленума отказался. Дела, возбужденные после августа в отношении региональных партийных лидеров и некоторых секретарей ЦК, были закрыты ввиду полной непричастности этих организаций к событиям в Москве. Народ в массе своей остался безучастным к ним, что говорит о его уверенности в том, будто это был политический конфликт между узкими группировками.

И сразу же победившая сторона наносит смертельный удар — по КПСС. Ближайший соратник Ельцина Г. Бурбулис пишет записку Горбачеву:

«В ЦК КПСС идет форсированное уничтожение документов. Надо срочное распоряжение Генсека — временно приостановить деятельность здания ЦК КПСС. Лужков отключил электроэнергию. Силы для выполнения распоряжения Президента СССР — Генсека у Лужкова есть. Бурбулис». И на ней резолюция от 23 августа: «Согласен. М. Горбачев».

Вызванный на сессию Верховного Совета РСФСР Горбачев подвергся невероятным унижениям со стороны Ельцина, своего бывшего партийного соратника, который обращался с ним, как с нашкодившим учеником. Прямо в ходе заседания сессии под улюлюканье депутатов, ставших в одночасье антикоммунистами, Ельцин подписал указ о роспуске КПСС.

Всё это действие транслировалось по телевидению, передавалось по радио. С этой минуты Горбачева не стало, осталась одна лишь оболоч-

ка. Он полностью проиграл эту смертельную для страны игру. Перестройка, объявленная под фанфары шесть лет назад, лопнула, как мыльный пузырь.

В тот же день Секретариат ЦК КПСС принял постановление о том, что «ЦК КПСС должен принять трудное, но честное решение о самороспуске, судьбу республиканских компартий и местных партийных организаций определяют они сами».

На следующий день Горбачев согласился с запретом партии и, сложив с себя полномочия Генсека, призвал ЦК самораспуститься. Так он похоронил партию, в которой был с юношеских лет, которая вела его по жизни и с которой он дошел до высшего государственного поста. А разгром партии открывал путь к беспрепятственному уничтожению и нашей Державы.

Кремлевский дворец съездов. 2 сентября 1991 года. В 10 утра открылся внеочередной, Пятый Съезд народных депутатов СССР. Первое заседание продолжалось 10 минут. По уполномочию Президента СССР и высших руководителей десяти республик Н. Назарбаев огласил специальное Заявление. В нем предлагалось подготовить и всем желающим республикам подписать Договор о Союзе суверенных государств, безотлагательно заключить экономический союз для нормального функционирования народного хозяйства.

Вместо Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР намечалось создать Совет представителей народных депутатов по принципу равного представительства от республик, учредить Государственный совет в составе Президента СССР и высших должностных лиц союзных республик, а для координации управления народным хозяйством и согласованности проведения экономических реформ — Межреспубликанский экономический комитет.

Предполагалось заключить соглашение на принципах коллективной безопасности в области обороны в целях сохранения единых Вооруженных сил. В Заявлении также высказывалась просьба к Съезду народных депутатов поддержать Обращение союзных республик в ООН о признании их субъектами международного права и рассмотрения вопроса об их членстве в этой организации.

Уже в те часы депутатам стало ясно, что Советский Союз фактически прекращает свое существование. Все прекрасно понимали, что это практически нежизненная конструкция и предлагается она от безысходности, из-за стремления сохранить хотя бы основы единого государства.

У меня, как и многих депутатов, сложилось твердое мнение, что это был не Съезд победителей, как его представляли ладкие до сенса-

ции СМИ, а Съезд побежденных, которые понимали, что страна с ускорением катится под откос, и депутаты своей деятельностью во многом способствовали этому. Большая их часть находилась в угнетенном, я бы даже сказал, подавленном состоянии. Казалось, что мы присутствуем на коллективных похоронах.

В ходе этого необычного Съезда звучали и полезные соображения. Например, Председатель Верховного Совета Украинской ССР Л. Кравчук (один из трех будущих разрушителей СССР в Беловежской Пуще), по существу, поддержав идею экономического союза, внес предложение: в целях предотвращения экономического хаоса незамедлительно создать межреспубликанский, межгосударственный орган, совет или комитет, наделить его правами и полномочиями, чтобы он мог обеспечить жизнедеятельность всех отраслей народного хозяйства, а значит, и удовлетворить потребности людей. Он, правда, «постеснялся» напомнить, что ровно год назад с трибуны Верховного Совета СССР я призывал республики подписать такое Экономическое соглашение на 1991 год, но это предложение, как помнят читатели, было встречено в штыки...

Но за это короткое время Кравчук да и другие руководители республик почувствовали разрушительные последствия экономического хаоса, который сами и создали в преддверии 91-го года.

Звучали и другие трезвые голоса, к примеру, А. Орлова с Южного Урала: как депутат от промышленного региона, он поддерживал создание межреспубликанского органа по регулированию межреспубликанских экономических отношений. «Если этого не будет, — заявил он, — если Съезд не примет данного решения, то такое регулирование возьмет на себя какая-то республика. Или свои проблемы республики будут решать силой, а что это означает, думаю, всем понятно. Республики в отдельности не смогут в ближайшие 10—15 лет обрести свою экономическую самостоятельность».

В целом атмосферу Съезда все же определяли тревога за судьбу общества, растущая угроза общенациональной катастрофы и отсутствие реалистичных предложений по сохранению нашей общей Державы. Помню, например, слова А. Журавлева из Белоруссии: «По чертежам, которые нам предложены проектом Союзного договора, Союз как страну создать нельзя. Это будет не страна, это будет не государство... Такой страны, которая предусмотрена этим проектом Союзного договора, нет и быть не может».

Депутат из Донецкой области А. Саунин предупреждал: «Граждан беспокоят (как они пишут) распад, предстоящий раздел Союза, установление границ, потоки беженцев. Они считают, что наряду с эконо-

мическим кризисом это приведет к катастрофе, новым национальным конфликтам, возможно, более тяжелым последствиям».

Готовя этот материал, я еще раз тщательно изучил стенограмму этого Съезда. Хочу напомнить, что более восьмидесяти процентов депутатов были коммунистами. И только один-два выступающих затронули проблему КПСС. Позволю себе процитировать слова депутата А. Яценко — ректора Новосибирского инженерно-строительного института:

«Горбачев руководил не только страной, но и был Генеральным секретарем партии. И руководил так, что отдельные работавшие рядом с ним руководящие работники оказались причастными к этому путчу... Это каким же надо быть руководителем, чтобы не знать и не чувствовать, кто твой единомышленник и кто тебя поддерживает! Вы же, Михаил Сергеевич, — Генеральный секретарь партии, ее “капитан”, покинули свой “капитанский мостик” в самое тяжелое для партии время, бросили на произвол судьбы ее рядовых членов».

Верховные руководители СССР и РСФСР, Горбачев и Ельцин, всячески убеждали депутатов, что предложения в “Заявлении” — это веяние времени, выражающее необходимые демократические перемены в жизни страны.

Выступление Ельцина на том внеочередном Съезде партии — это речь победителя, опьяненного успехом. Он заявил, что, как Президент России, он с этими проблемами обязательно справится. Как это у него получилось, известно теперь каждому...

В самом сложном положении находился Горбачев. Ему надо было как-то попытаться сохранить лицо, оправдаться перед Съездом за содеянное — ГКЧП, развал КПСС и государства, анархию в стране. Было очевидно, что он уже давно смирился с предстоящей трансформацией СССР в более аморфное и, следовательно, несопоставимо более слабое образование.

«Свое выступление я заканчиваю выражением глубочайшего убеждения, что сейчас центральный, первый вопрос, который требует безотлагательного прояснения, — это вопрос о нашей государственности. Не проясним его — не решим и другие вопросы: экономические, политические, социальные, научные, межнациональные и прочие. Я убежден в этом. На референдуме люди выразили свою волю за сохранение и решительное обновление Союза. В ходе ново-огаревского процесса мы вышли на формулу — Союз суверенных государств, и она теперь нуждается в переосмыслении. Давайте переосмыслим!»

Им вторили клеветы: например, Силаев, ставший главой Правительства России. Очумевший от августовских событий и своей новой

роли, предлагал без суда и следствия расстрел членов ГКЧП. В своем выступлении этот неофит с удовлетворением заявил: «Да, прежний унитарный Союз умер. Но вот что следовало бы сказать “плакальщикам” по “великой державе”: попытки реанимировать имперский труп все равно что “мертвому припарки”, мы будем опираться на другие ценности и другие идеи».

И ценности действительно появились... перекочевав из карманов населения и государства в личные сейфы современных буржуа. И новые идеи появились, вытеснив былые: прибыль любой ценой, деньги определяют все.

Отрезвляющим было выступление Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Я с удовольствием процитировал бы все его выступление, но ограничусь только отдельными выдержками:

«Уважаемые братья и сестры, народные депутаты! Неизмеримо велика ответственность нашего настоящего внеочередного Съезда. Я призываю всех вас проникнуться чувством этой ответственности не только перед нынешним поколением наших сограждан, ожидающих от нас, их полномочных представителей, слов и решений, которые могли бы вдохнуть оптимизм в смятенные сердца и надежду на справедливое разрешение стоящих перед страной проблем, но и ответственности перед нашими предками, перед теми, кто возводил наш общий дом не на песке произвольных умозрений, не на демагогии, властолюбии, эгоизме и зависти — на камне веры, верности и жертвенной любви. Нетшь числа этим сынам и дочерям из всех народов нашей страны, которые своими подвигами, жизнью, талантами, умением создавали подлинную славу нашего Отечества.

Велика наша ответственность и перед грядущими поколениями, жизнь которых будет судом нашим словам и нашим поступкам. Основания для будущего заложены в прошлом. А прошлое — это общность, наша историческая общность. Помимо нашей воли она стала неотъемлемой частью наших национальных традиций. Пренебрегая этим, отрицая, отрекаясь от этого, в сумятице перемен означает подвергать опасности наше национальное будущее. История последних десятилетий дала нам множество прискорбных примеров забвения традиций, печальных последствий такого забвения».

Вот этим напутствием нашего православного духовного лидера я и закончу рассказ об этом внеочередном Съезде народных депутатов. Он стал номинальным колокольным звоном по единой великой Державе, которую наши предки собирали сотни лет.

Через три месяца ее не стало. Не стало, несмотря на предупреждение великих людей современности. В заключение этой скорбной темы

я хотел бы привести слова, сказанные несколько десятков лет тому назад нашим соотечественником, знаменитым философом и мыслителем, патриотом земли русской Иваном Александровичем Ильиным, прах которого недавно вернулся на Родину — в Россию:

«Россия есть организм природы и духа — и горе тому, кто его расчленяет!.. Горе придет от неизбежных и страшных последствий этой слепой и нелепой затеи, от ее хозяйственных, стратегических, государственных и национально-духовных последствий. И не только наши потомки: вспомнят и другие народы единую Россию, испытают на себе последствия ее преднамеренного расчленения».

Глава тринадцатая

АГОНИЯ ВЛАСТИ

8 декабря 2006 года исполнилось пятнадцать лет, когда на карте мира перестал существовать СССР. Этой дате был посвящен фильм о Беловежской Пуше, где три лидера — президенты России, Украины и Белоруссии подписали документ о разрушении Советского Союза. Один из этой троицы, Ельцин, отказался участвовать в фильме, но зато дал развернутое интервью «Российской газете».

Читая его «откровения», невольно делаешь вывод, что прошедшие пятнадцать лет его ничему не научили — те же затасканные штампы и доводы, которыми он и тогда объяснял свои действия в декабре 1991 года. Создается впечатление, что он еще больше стал политическим циником или превратился, как говорят, в неадекватного человека.

Не может нормальный, думающий человек не видеть, что произошло с нашей страной и ее народом. Все его доводы о неизбежности развала Советского Союза — наглая ложь и бесцеремонная клевета.

Ничего он не понял, а точнее, и не хотел понимать, что произошло за эти пятнадцать лет. Полагаю, что нет необходимости вступать с ним в полемику — это дело бесполезное.

И пусть эта книга даст ответ на многие вопросы, о которых сознательно умалчивает главный разрушитель нашей великой Державы.

Долго я думал, как назвать завершающую главу своего грустного повествования. Ведь это не только последняя глава книги, но и рассказ о последних днях моего великого Отечества. Просмотрел много словарей и выбрал определение нужного понятия в «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимира Даля, ибо оно шире и полнее других характеризует состояние мощного государства накануне его трагической гибели:

«Агония — (греческое), борение жизни со смертью, издыхание, отход, лежание на смертном одре, последний час».

По мере того как эти события всплывали в моей памяти, вставали со страниц документов, подтверждались участниками или наблюдателями происходившего, я все чаще задумывался над многообразием действовавших тогда разрушительных факторов, и особенно — национализма. Этот феномен политики, общественного сознания, психологии отдельного человека в каждом конкретном случае, в каждой республике, в тот или иной исторический момент звучал по-разному, имел множество отличий от того, как он выглядел в другом месте, в другое время, в другой обстановке. То национализм был главным тараном, разрушавшим стены нашего общего дома, то чуть ли не романтическим плащом «борцов за народные интересы», то жалким фиговым листком, прикрывавшим их интеллектуальную и политическую немощь. Но в любом случае за ним скрывалась подлинная и главная цель поднимавших это знамя — овладение властью и удержание ее в бурном и грязном потоке событий, приведших к гибели великого государства.

Мощный государственный организм умирал трудно — от ран, нанесенных не столько врагами внешними, о которых более не стоит забывать, сколько своими доморощенными предателями, ее главными разрушителями. Эти выродки глумились над телом Державы, не считаясь с тем, что она — Родина и наша общая мать. Они издевались над собственной матерью, забывая о том, что это никогда не простится им в этой жизни.

Безусловно, были и внешние, и внутренние причины, приведшие к развалу Союза ССР. И те, и другие, по существу, сливались в своем стремлении ликвидировать СССР как центр притяжения мировых прогрессивных сил, как политический, экономический, военный и духовный противовес Западу, прежде всего США, использующим любые средства для достижения своего безраздельного господства. Именно такому повороту в обратном направлении, когда история объективно, вольно или невольно, способствовали те силы, те конкретные люди в нашей стране, которые, движимые ненавистью к социализму, своими националистическими взглядами и расчетами, а более всего — безудержной жадой личной власти совершили величайшее преступление, уничтожив могучее государство, его общественный строй и ввергнув в нищенское состояние огромную часть населения.

Вспомним же, подводя итоги рассказанному в книге, как это было.

1. КРИЗИС И ПАРАЛИЧ ВЛАСТИ

В одной из предыдущих глав я уже писал о том, что внеочередным, Пятым Съездом народных депутатов СССР в сентябре 1991 года были приняты решения о реформировании государственной власти, которые положили начало реальному разрушению всей системы жизнедеятельности единого государства — Советского Союза. Наступление на Центр приобрело открытый характер. Республики бесцеремонно пренебрегали решениями союзного руководства, структуры, выполнявшие функции управления государством, становились практически недееспособными, президент Горбачев с каждым днем терял авторитет, а с ним и власть.

В стране происходило то, к чему ее настойчиво вели деструктивные силы в течение последних двух-трех лет. Нельзя сказать, что все это возникло спонтанно и неожиданно. В частности, и моя отставка в конце 1990 года была неизбежным следствием создавшегося тогда положения, того курса политических и экономических реформ, который окончательно выбрали временно «породнившиеся» Горбачев и Ельцин.

Предвидя пагубность и трагические последствия происходившего в стране, 19 декабря 1990 года, менее чем за месяц до своего ухода с поста Председателя Совета Министров СССР (упомяну еще раз об этом), я выступил на Четвертом Съезде народных депутатов СССР. Я решил высказать все, о чем постоянно думал в тревоге за будущее страны и народа. Это было выстраданное выступление, оно стало, повторю, моим политическим завещанием. Учитывая, что в нем выражена моя гражданская позиция, приведу здесь его текст с некоторыми сокращениями:

«Последние недели я неоднократно возвращался к мысли о том, с чем выходить на эту трибуну, если такая возможность будет предоставлена. Ведь судьба правительства в той форме, в которой оно существовало в нашем государстве, предрешена. В соответствии с поправками к Конституции СССР нам предстоит пережить одну из самых радикальных реформ высшей исполнительной власти. Однако мое решение выступить перед вами продиктовано не этим обстоятельством. Я просто не имею права молчать, так как наряду с другими членами политического и государственного руководства несу огромную ответственность за происходящее в стране. Поэтому буду говорить с предельной откровенностью в расчете на то, что наши соображения, оценки, видение выхода из создавшейся ситуации будут в какой-то мере полезны.

Начну с того, что перестройку в том виде — я подчеркиваю это, — в котором она замышлялась, осуществить не удалось. Являясь одним из ее инициаторов, считаю себя, безусловно, ответственным за это. И если смена Кабинета могла бы исправить ситуацию, то правительство подало бы в отставку еще в мае этого года.

Но все намного серьезнее. Те политические силы, которые развернули против правительства необъявленную войну, имеют далеко идущие цели, и эти цели прямо вытекают из идеи подмены сути начатых нами преобразований. И как не сводилась эта война в мае текущего года к сбросу правительства, так сегодня она не сводится к войне с Президентом, Верховным Советом и Съездом народных депутатов СССР. Ее главная цель — нанести удар по государству, по общественно-политическому строю, сломать его окончательно. Картой в этой игре становится уже не только Советский Союз в целом, но и многие республики — как большие, так и малые, государственность и общественный строй, которые также оказались под самой серьезной угрозой. В такой ситуации я не могу ограничиться только констатацией срыва преобразовательного процесса. Здесь необходим безжалостный анализ не частных, а всего комплекса причин этого срыва.

В 1985 году мы выдвинули задачу перестройки, содержанием и целью которой назвали обновление социализма, преодоление допущенных деформаций. Но она не удержалась на этой позиции под воздействием деструктивных сил, многие из которых (как сейчас совершенно очевидно) имеют целью изменить характер общественного строя. Это делалось под видом отказа от идеологии социализма, но на самом деле это была замена одной идеологии другой.

...Мы не смогли (да и не знаю, могли ли) в ходе углубления реформы добиться приоритета экономики над идеологией и политикой. Таково общество, в котором мы живем. Можно сколько угодно его критиковать и осмеивать, но нельзя было жить в нем вне его законов, менять его вне понимания его природы, его сути. Приоритет идеологии над экономикой — это не мелочь, не частность, не волюнтаризм, не глупость тех или иных руководителей. Это суть той модели, в которой мы жили, это ее устои.

Характер нашего строя таков, что нынешний кризис экономики порожден не обострением внутренних противоречий в производственной сфере, а очевидным кризисом в области политики, идеологии и управления. Мы пытаемся лечить не болезнь, а ее внешние проявления. Уже сейчас очевидно, что идеология (но уже иная) вновь нависает над экономическими преобразованиями. Под флагом рынка развернулась политическая война. Она лишена серьезного экономичес-

кого содержания. И в этом смысле наши так называемые левые радикалы от экономики — те же идеологи и пропагандисты, только вывернутые наизнанку. В итоге — критика без берегов, разрушение исполнительной власти, популизм и некомпетентность.

За пять лет все кардинально изменилось: от энтузиазма мы скатились к неверию и скептицизму. Это во многом объясняется размытостью целей и созданием иллюзий о благах, которые могут быть быстро получены. Мы, по сути, не раскрыли модели будущего, не назвали социальной цены, которую придется платить за реализацию данной модели, и не определили, кто ее будет платить, чтобы компенсировать издержки тем, кто их несет. А ведь мировой опыт реформ показывает, что за каждую перестроечную акцию надо платить, что требуется время для создания новых структур.

Созидательный переход в наших условиях возможен только при проведении крайне взвешенных и системных реформ. Масштабы страны и комплекс сложившихся за десятилетия закономерностей не позволяют применить здесь “шокотерапию”. Достаточно сделать один неосторожный шаг, лишит общество каких-либо социальных гарантий — и это с неизбежностью вызовет социальный взрыв. Правительство не могло не считаться с этим, за что нас до сих пор обвиняют в консервативности. Но, именно исходя из реальности, мы вносили свои предложения по оздоровлению экономики и переходу к рынку. Любой проект имеет свою логику. Реформирование обязывается перед обществом не допускать вакуум, заменять сломанные структуры новыми. Что же произошло на деле?

Перестройка сломала многие устоявшиеся структуры — как государственные, так и партийные. Взамен же пока ничего действенного и эффективного не создано. Это прямо отразилось на экономике, где и сейчас нет ни плана, ни рынка. Компенсировать на новой, демократической основе ослабление механизма власти все еще не удалось. Несмотря на то что в начале года в систему государственной власти страны был введен институт президентства, заметных изменений в стране не произошло. Более того, в данный период перестали действовать многие вертикальные структуры исполнительной власти. В этом корень основных бед, приведших к тем негативным явлениям, которые в последнее время стали остро проявляться и в экономике, и в сфере правопорядка, и в межнациональных отношениях, и в моральном состоянии общества.

Все это подтолкнуло к росту питательной среды для преступности, обернулось ее разгулом. На фоне мер по укреплению законности, которую действительно надо было укреплять, развернулась кампания по

компрометации, дискредитации честно выполнявших свой долг сотрудников милиции и прокуратуры. Это не могло не повлиять на них, вселяя дух апатии и неверия в справедливость. Если мы не остановим этот маховик, то он может вызвать такую волну преступности, которая сметет все усилия по борьбе с ней*. Целенаправленное шельмование коснулось и армии. Звучат призывы к растаскиванию ее по республикам. А ведь история свидетельствует, что наше государство не было мощным до тех пор, пока были разобщены Вооруженные силы. К армии у нас было особое, уважительное отношение. И здесь недопустима какая-либо дискредитация!

Удары политического и экономического кризиса принимает на себя и наша культура. Полки магазинов в конце концов наполняются. Но не опустошаются ли наши души?

Конечно, мое видение обстановки в стране преломляется через призму экономики, и это естественно. Как известно, Совет Министров СССР является тем звеном управления государством, куда действительно сходятся все информационные потоки. И правительство не по какой-то особой прозорливости, а по своему месту в системе информационного обеспечения в наибольшей степени способно дать целостную картину сложившейся ситуации и ее возможных последствий. Все, что происходило в эти годы в стране, прямо отражается на ее экономике. Политические циклы в развитии общества вызвали такую же цикличность в экономической жизни.

Наглядное свидетельство того — отличие результатов первых трех лет пятилетки от итогов двух последних лет. Тогда нам удалось выйти на устойчивые темпы экономического роста, существенно продвинуться вперед в решении таких острых проблем, как строительство жилья, школ, больниц. Да и потребительский рынок, несмотря на все издержки непродуманной антиалкогольной кампании, выглядел иначе. В 1989 году резко обозначился водораздел. В экономику ворвалось одновременно два фактора: масштабный, не до конца отработанный переход на новые принципы хозяйствования, поспешность, ошибки в выборе инструмента управления экономическими процессами и резкое нарастание политической, социальной нестабильности в государстве. Экономика не выдержала и ответила спадом. В итоге нам не только не удалось выйти из предкризисной ситуации, а напротив, мы столкнулись с не виданным ранее снижением производства. На сегодня предприятия страны смогли заключить договоры по поставкам продукции лишь на 60 процентов. Для сведущих в экономике эта цифра в

* Напомню, это говорилось 15 лет тому назад. — Н.Р.

подробных комментариях не нуждается. Она означает серьезнейшее разрушение хозяйственных связей, когда возможен сильнейший спад производства со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Если не будут приняты немедленно соответствующие меры, то исходные условия, по нашему мнению, позволяют прогнозировать дальнейшее возрастание социальной напряженности. Трудности, стоящие перед нами, многолики. Они требуют, чтобы мы четко определились в тактике дальнейших действий. Ситуация такова, что надо будет в чем-то остановиться, перегруппировать силы, а в чем-то решительно пойти вперед. Во-первых, необходимо принять решения, позволяющие своевременно предотвратить общесоюзное бедствие. Сразу замечу: сегодня мы уже упустили момент, когда можно было напрямую заняться стабилизацией. Нам придется пройти через механизм экстренного блокирования разрастающегося кризиса, и не надо бояться издержек. Иначе потом их будет несоизмеримо больше.

Разумеется, это вынужденный шаг, зато он позволит избежать непредсказуемых последствий. Это блокирование прежде всего касается многих законов, противоречащих Конституции Союза ССР. Следует отказаться от верховенства законов* в его примитивном виде, ввести мораторий на забастовочные движения, любые действия, ведущие к нарушению работы единой транспортной системы страны, безоглядное закрытие производств по экологическим причинам, на установление внутренних таможенных барьеров. Пора понять, и жизнь нас, похоже, уже научила, что может произойти, если не остановить губительный для всех процесс развала дисциплины поставок продукции. Ответственность за это ложится прежде всего на тех, кто принимает такие решения. Конкретных предложений много. Надо перестать друг друга уговаривать, а найти согласованные решения и проявить политическую волю для их реализации. На мой взгляд, сегодня это единственный выход.

Особо останавлиюсь на задачах в 1991 году. Без осуществления названных мер мы не сможем не только реально говорить о плане и бюджете на следующий год, но даже принять их в Верховном Совете СССР. Принципиальное значение здесь должно иметь экономическое соглашение на будущий год между республиками, позволяющее заблокировать нарастание кризиса. Только на этой основе мы сможем достичь взаимопонимания и обеспечить согласованные действия по поддержанию жизнестойкости экономики. Это будет временное

* Речь шла об объявленном Россией верховенстве ее законов над законами общесоюзными. — Н.Р.

соглашение. Оно предусматривает сохранение сложившихся хозяйственных связей, проведение в жизнь единых принципов финансовой и налоговой политики, скоординированные действия по реформе ценнообразования и социальной защите населения, чему в этих условиях мы придаем первостепенное значение.

В это соглашение обязательно должны войти конструктивные предложения, которые будут высказаны на нашем Съезде. До конца декабря остаются считанные дни, и нельзя допустить, чтобы мы вошли в новый год без решения этих вопросов. Мы надеемся, что в первых числах января Верховный Совет СССР примет решение по плану и бюджету и тем самым откроет возможность для быстрых действий как республикам, так и союзным органам управления.

Далее. Совет Министров СССР, осознавая свою ответственность за нормальное функционирование экономики и социальной сферы, был вынужден пойти на принятие решений, связанных с работой народного хозяйства в первом квартале будущего года. Они направлены на то, чтобы до утверждения плана и бюджета была предоставлена возможность выдавать людям заработную плату и не останавливать предприятия.

Исходя из создавшейся ситуации, предприняты также экстренные меры по закупке продовольствия, медикаментов и ряда других товаров и материалов за рубежом, о чем было принято соответствующее решение союзно-республиканского валютного комитета.

Конечно, и эти решения правительства тоже можно критиковать как нарушение установленного порядка. Но можно ли было не пойти сейчас на такой шаг, когда от этого прямо зависят работа и повседневная жизнь людей?

Эти и другие меры, призванные заблокировать нарастание кризиса, должны позволить нам войти в режим стабилизации народного хозяйства. Конечно, я понимаю, что эти предложения включают ряд жестких мер в области финансов, денежного обращения, управления инвестициями и потоками материально-технических ресурсов. Но на это придется идти, так как они продиктованы реальной ситуацией в экономике.

Думаю, что любой состав правительственного кабинета в той или иной форме пойдет на их осуществление.

Безусловно, все, о чем я только что сказал, будет возможно осуществить при условии доверия со стороны союзных республик к тому экономическому соглашению, которое ими же будет заключено. Но повторяю, что это соглашение — временная мера. Надо настойчиво продолжать работу над Союзным договором. Затягивать его принятие

нельзя ни в коем случае. Откладывание рассмотрения этого вопроса и окончательного решения по нему будет означать, что мы все дальше и дальше отодвигаем возможность достижения гражданского мира и согласия. Конечно, я понимаю стремление представителей некоторых политических течений затянуть подписание нового Союзного договора, “заболтать” его в дискуссиях и в связи с этим наращивать давление на парламент страны и Верховные Советы союзных республик. Они видят, что новый Союзный договор — это прежде всего удар по деструктивным силам, возможность преодолеть межнациональные распри, сохранить целостность нашего государства, обеспечить в нем мир и согласие.

Правительство в последнее время обвиняют в непонимании стремления республик к суверенитету и независимости. Категорически отвергая подобное обвинение, я твердо заявляю, что Совет Министров всегда стоял на позициях уважения к республикам, к их декларациям о суверенитете, видел в них здоровые начала по укреплению политической и экономической самостоятельности, не ущемляющей государственного суверенитета Союза в целом. Это подтверждается практическими действиями правительства. В то же время мы всегда были за сохранение территориальной целостности советской федерации, за сохранение ее социального выбора, единого экономического пространства, за соблюдение всех прав граждан и народов на всей территории Союза.

Мы считаем, что выполнение таких требований — это гарантия предотвращения политических, экономических и социальных потрясений в стране. Здесь нужна твердость. Мы должны были проявить ее раньше, когда только начинался пожар межнациональной вражды в некоторых регионах. Теперь, когда масштабы народного бедствия разрастаются все больше, ставя под угрозу жизнь безвинных людей, может возникнуть необходимость принятия жестких мер, прежде всего в отношении тех лиц и организаций, которые в своих амбициозных порывах готовы идти на все.

Остановиться еще можно, проблема решаема. Ее основы заложены в Союзном договоре. Поэтому повторяю: откладывать дальше его рассмотрение и принятие аморально и даже преступно. Острота проблемы межнациональных отношений такова, что не принимать сейчас решений нельзя. Забота эта общая, она затрагивает интересы всех республик, и поэтому требуется повысить роль и влияние в этом деле такого коллективного органа, как Совет Федерации.

...Осуществляя такой серьезный шаг, мы должны учитывать, что идем на него в условиях, когда нет Союзного договора, когда обста-

новка в стране катастрофическая, и здесь надо десять раз взвесить, оценить, чем может обернуться такое радикальное реформирование центральной власти. Не опережаем ли мы тем самым Союзный договор, который призван расставить все точки над "i" в соотношении властных полномочий и ответственности союзных республик и центра?

Я не за консервацию нынешней структуры управления экономикой, но и те новации, которые предстоит осуществить, не должны содержать в себе ни малейшего отрыва от существующих реалий.

Особо скажу об отношении между законодательной и исполнительной властью, о необходимости разграничения их функций. Острота проблемы, как показал минувший год, продолжает нарастать. Смешение этих функций, по существу, лишило исполнительную власть всех уровней возможности действовать быстро и энергично. Правительство постоянно обвиняли в нерешительности, отсутствии твердости и последовательности. Но могли ли мы эффективно действовать в рамках своих полномочий, если были поставлены такие условия, когда приходилось даже в оперативных вопросах постоянно оглядываться на комитеты и комиссии Верховного Совета? Если такая обстановка будет создана вокруг нового Кабинета Министров, то он вряд ли сможет оправдать возлагаемые на него надежды.

Программа предотвращения бедствия в нашей стране должна отбросить все идеологические и политические нюансы. Идейные счеты будем предъявлять друг другу, когда отойдем от края пропасти. Главное сегодня — сделать все для того, чтобы поддержать жизнестойкость народного хозяйства и тем самым оградить человека от тех социальных потрясений, которые все больше и больше обрушиваются на него. В этом сегодня гарантия выживания, гарантия спасения общества. Все, кто объединится вокруг этой идеи, должны действовать сообща. Не сделаем этого — тогда и блокирование разрушительных процессов, и стабилизация экономики останутся пустыми разговорами.

Подводя некоторый итог сказанному, хочу еще раз подчеркнуть: в стране сейчас нужен порядок, хоть какая-то передышка. Добиваться ее можно и нужно не силой, окриком и принуждением, а конкретной работой, которая будет чрезвычайно сложной и тяжелой. Она потребует огромных усилий воли, настоящей правды в оценках. Только тогда народ поймет и поддержит, только тогда будет результат.

Люди многого ждут от нас, так давайте оправдаем их надежды!»

Вот такое было мое выступление за девять месяцев до внеочередного, Пятого Съезда народных депутатов СССР. По этому выступлению можно судить о моей личной политической позиции. Возглавляемое мной союзное правительство видело пагубность сложившегося

положения в стране, и наша задача состояла в том, чтобы еще раз предупредить о надвигающейся катастрофе. Но у меня создалось впечатление, что моя речь ушла в пустоту — часть депутатов были настроены совсем на другую «волну», а большинство уже просто боялись крикливого и агрессивного меньшинства.

Из зала понеслись выкрики: «Что ты нас пугаешь?», «Ты хотел поднять цену на хлеб!» и т.д. Мои последние слова на этом наэлектризованном и, я даже сказал бы, во многом бесноватом и враждебном Съезде были: «Сегодня вы кричите о моем предложении поднять цены на хлеб на несколько копеек с полной компенсацией, а о дальнейшей судьбе страны и не думаете».

Перед тем, как покинуть трибуну, я бросил в зал:

— Вы еще будете вспоминать это правительство!..

Вспомнили много раз, испытав тяготы ельцинской «райской жизни». Более того, даже предъявляли претензии: почему я тогда не убедил их? А разве не убеждал я народ этим выступлением?

Пятый, внеочередной Съезд народных депутатов СССР одобрил предложения, вытекающие из совместного Заявления президентов некоторых союзных республик и из Постановления Верховного Совета СССР о ситуации, возникшей в стране в связи с государственным переворотом. Был объявлен переходный период — «период формирования новой системы государственных отношений, основанной на волеизъявлении республик и интересах народов».

Постановлением вводилась новая, характерная для сложившейся ситуации правовая норма — «процедура отказа от вхождения в обновленный Союз». Предусматривалось, что для этого необходимо провести референдум или принять решение республиканского парламента. Требовалось только одно — вступить в переговоры с СССР по всему комплексу вопросов, связанных с таким государственным актом.

В СССР же на переходный период высшим органом государственной власти был объявлен Верховный Совет, весьма отличавшийся от прежнего. Он состоял из двух палат: Совета Республики и Совета Союза. Первый формировался путем делегирования в него союзными республиками как народных депутатов СССР, так и депутатов региональных парламентов. В целях обеспечения равноправия республик каждая из них в этой палате имела только один голос. Совет Союза формировался из числа народных депутатов СССР по существующим квотам и по согласованию с высшими республиканскими органами власти.

Съезд народных депутатов СССР — прежний высший орган государственной власти страны — Пятым, внеочередным Съездом был лик-

видирован. Высшие органы государственной власти союзных республик получили право приостанавливать на их территории действие законов, принимаемых Верховным Советом СССР. Этот принцип имел явно выраженный конфедеративный характер.

Был создан еще один, новый высший орган власти Союза — Государственный совет, состоявший из Президента СССР и высших должностных лиц союзных республик. Компетенция этого органа была сформулирована весьма широко и весьма неопределенно. Тем самым ему была предоставлена почти неограниченная власть, что принижало роль высшего представительного органа — Верховного Совета СССР.

В целях координации управления государственным хозяйством, согласованного проведения экономических реформ был образован на паритетных началах Межреспубликанский экономический комитет (МЭК). Его председатель назначался Президентом СССР с согласия Государственного совета. Этот Комитет явился преемником Комитета оперативного управления народным хозяйством СССР, созданного Указом президента Горбачева 24 августа 1991 года. Руководителем МЭКа был И. Силаев, заместителем — А. Вольский, членами Комитета — Ю. Лужков и Г. Явлинский.

После Съезда Горбачеву все-таки удалось возобновить замороженный было ново-огаревский процесс. Но в отличие от предыдущих обсуждений все проходило уже по-иному: республиканские руководители взяли инициативу в свои руки, а Президент СССР был вынужден занять оборонительную позицию.

Как вспоминал Ельцин в своих «Записках Президента»: «...Он шел на уступки, которые до августа всем казались бы невысказанными, он согласился на то, чтобы будущий Союз стал конфедеративным государством... Ударом для Горбачева стало то, что от ново-огаревского процесса уклонялись одна за другой бывшие союзные республики. Сначала три прибалтийские... затем Грузия, Молдова, Армения, Азербайджан... Да и атмосфера на ново-огаревских заседаниях в октябре-ноябре сильно отличалась от той, которая царила на них до путча. Если раньше подавляющее большинство глав республик не смели спорить с Президентом СССР и даже где-то осуждали меня за “чрезмерный радикализм”, то теперь они сами уже бросились на Михаила Сергеевича, не давая мне и рта раскрыть».

25 ноября 1991 года в Ново-Огареве состоялось очередное заседание глав республик, которые собрались для парафирования Договора. Но на встречу не приехали руководитель Украины Л. Кравчук и лидер Азербайджана А. Муталибов.

И ельцинские «Записки» продолжают: «Заявление о парафировании заставило руководителей республик внести коренные поправки в текст Договора. Главным образом они касались смещения оставшихся полномочий от Центра к республикам. Президент СССР пытался сначала мягко уговаривать, потом стал нервничать, раздражаться. Его слова не помогали, лидеры республик упрямо требовали все большей независимости от Центра; ни мягкость, ни настойчивость, ни жесткость Горбачева уже ничего не могли сделать с почувствовавшими вкус свободы руководителями союзных республик. Когда Горбачев в очередной раз попробовал настоять на своей формулировке и снова мы все дружно, как один, ее отвергли, он не выдержал — вскочил из-за стола и выбежал из зала заседаний. И именно в этот момент, когда на какое-то время в зале наступила тяжелая, гнетущая тишина, все вдруг поняли: здесь мы собираемся в последний раз. Ново-огаревская эпопея подошла к концу. И в этом направлении движения нет и не будет. Надо искать, придумывать что-то новое».

Через два года в одной из российских газет Горбачев освещает те же события так: «В Ново-Огареве, где возник вопрос о конфедерации, я встал и сказал: до этого пункта я с вами; если пойдете дальше — на отказ от союзного государства, я вас покидаю, а вы сами решайте, какой хотите иметь союз, и берите на себя всю ответственность. И я ушел в свой кабинет. Они поторговались, поторговались — и пришли за мной: Ельцин и Шушкевич. И родился вариант конфедеративного, но все-таки государства — сохранилось союзное государство. В этом я видел гарантию сохранения страны».

В результате в конце ноября 1991 года появился еще более компромиссный вариант проекта Союзного договора — Договор о Союзе Суверенных Государств (ССГ). Каждая республика — участница Союза провозглашалась в нем суверенным государством. ССГ же должен был стать «конфедеративным демократическим государством, осуществляющим власть в пределах полномочий, которыми его добровольно наделяют участники Договора». А дальше полная нелепица: ССГ — это все-таки государство, имеющее территорию, гражданство, органы законодательной, исполнительной и судебной власти, но суверенным оно объявлялось лишь в международных отношениях.

Много других несуразностей было в этом проекте: ССГ, по нему, не имел своей собственности, полномочиями его наделяли республики, порядок финансирования органов Союза устанавливался особым соглашением и т.д. И уж совсем за пределами логики: у запроектированного государства не было своей Конституции, Основного закона...

Сейчас трудно даже представить, что некоторые руководители страны и союзных республик, прекрасно понимая, что, «кастрируя» один за другим проекты Договора, целенаправленно готовили разрушение своего государства. Это была дымовая завеса, прикрывавшая их истинную цель — любой ценой развалить СССР, чтобы стать совершенно самостоятельными. Очень уж хотелось им быть полновластными хозяевами в своих республиках, и во имя этого они шли, по существу, на государственные преступления. Но они не осознавали, что подобное может произойти и внутри их будущих суверенных государств. Кстати, именно это и произошло в России после предложения Ельцина: «Берите суверенитета столько, сколько проглотите». Многие годы пришлось потратить для нейтрализации этого регионального «глотания», еле спасли и Россию от разрушения. Прошло 15 лет, а некоторым республикам Российской Федерации до сих пор выделяются большие деньги из государственного бюджета за отказ от «проглоченного» суверенитета.

Но как мог пойти на такой убийственный для страны компромисс Горбачев? Сейчас он везде заявляет, что боролся за единство страны в любом ее виде. Полагаю, что это лукавство: не такой он наивный политик, чтобы, создавая эфемерный Союз, считать реальным его существование. Да и пример Югославии с подобными структурами власти и формой взаимоотношения между республиками был более чем наглядным. Что же двигало нашим тогдашним лидером? Стремление хотя бы номинально сохранить положение главы государства? Или были не только личные, но и действительно политические мотивы и расчеты? Убедительного ответа нет.

Как бы то ни было, но в результате наступил паралич государственной власти. Политические руководители всех рангов разрушали страну, бились за свои посты, совершенно не думая о народе, о его хлебе насущном. Наступили полная дестабилизация обстановки и потеря управляемости государством, о чем я и предупреждал страну в декабре 1990 года в своем выступлении на Четвертом Съезде народных депутатов СССР.

В этой ситуации 3 декабря 1991 года Горбачев направил Обращение к парламентариям страны. Призывая к одобрению Договора о Союзе Суверенных Государств, он писал:

«Этот документ — продукт всестороннего, очень серьезного анализа, длительных переговоров и тщательной проработки с участием представителей суверенных государств. Им не раз занимались руководители суверенных государств-республик, вместе и раздельно. Он не-

сколько раз кардинально пересматривался в сторону расширения начал конфедеративности и демократичности.

...Моя позиция однозначна. Я — за новый Союз, Союз Суверенных Государств — конфедеративное демократическое государство. Хочу, чтобы в преддверии вашего решения эта моя позиция была всем хорошо известна. Медлить далее нельзя. Время может быть катастрофически потеряно».

Но оно уже было потеряно. До Беловежской Пуши оставалось пять дней...

2. ПЬЯНАЯ НОЧЬ И УТРО. ТУМАННОЕ

8 декабря 1991 года недалеко от малоизвестного белорусского селения Вискули в Беловежской Пуще, в трех верстах от польской границы, Президент РСФСР Б. Ельцин, Президент Украины Л. Кравчук и Председатель Верховного Совета Республики Беларусь С. Шушкевич в глубокой тайне приняли решение о ликвидации СССР и создании Содружества Независимых Государств.

«Мы, Республика Беларусь, Российская Федерация (РСФСР), Украина, как государства — учредители Союза ССР, подписавшие Союзный договор 1922 года, далее именуемые Высокими Договаривающимися Сторонами, — говорилось в Соглашении, — констатируем, что Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование».

Что же предшествовало этому, на мой взгляд, величайшему в истории человечества преступлению, кто и как его осуществил?

Свою взрывчатку для уничтожения СССР беловежские заговорщики подобно террористам готовили заранее. И главную роль в этом сыграл, безусловно, Ельцин. Его личная ненависть к Горбачеву быстро переросла в ненависть к союзному Центру вообще. Утолить ее он мог только «свалив» Горбачева и союзную власть в целом, для чего необходимо было уничтожить само государство, во главе которого по своим политическим и человеческим качествам Ельцин не мог оказаться ни при каких условиях. Думаю, что это было понятно ему самому, даже при его патологическом самолюбовании и безудержной жажде власти. И сформированная Съездом народных депутатов РСФСР Конституционная комиссия во главе с Ельциным уже в сентябре-октябре 1990 года представила такой проект новой Конституции РСФСР, в котором не было вообще никакого упоминания о Союзе Советских

Социалистических Республик. Было это более чем за год до уничтожения СССР. Случайными такие вещи не бывают.

В этой связи не могу не вспомнить и о своей последней встрече на официальном уровне с Ельциным, Хасбулатовым и моим бывшим заместителем Силаевым. В дальнейшем жизнь разбросала ее участников, включая Горбачева, не только в разные — в противоположные стороны. Тогда, 11 ноября 1990 года, Горбачев позвонил мне и сообщил, что у него имеется договоренность о встрече во второй половине дня с руководством России. Сначала пройдет беседа один на один с Ельциным, а затем к ней подключатся и другие. От разговора с Горбачевым оставалось впечатление, что то, как она организована, уже тогда напоминало дипломатическую процедуру при подготовке контактов руководителей двух независимых государств. Я не был против такой встречи, ибо считал необходимым использовать любую возможность для того, чтобы попытаться найти общий язык с этими деятелями. Еще теплилась надежда: не пойдут же они ради своих личных политических целей на разрушение единой экономики страны с неизбежными тяжелейшими последствиями для нее...

Встреча намечалась в кабинете президента страны на третьем этаже правительственного здания в Кремле. Этот кабинет, зал заседания Политбюро и несколько комнат работников аппарата были специально оборудованы для Брежнева. Во второй половине 70-х годов, начав быстро дряхлеть и, естественно, отходить от фактического руководства партией и государством, он окончательно избрал своим рабочим местом этот кабинет.

В пять часов я поднялся на третий этаж. В приемной президента уже были Хасбулатов, Силаев и Бурбулис. Последнего я практически не знал. Мне было известно лишь, что он из Свердловска и является особо доверенным лицом у Ельцина. Видел этого человека на съездах народных депутатов, сессиях Верховного Совета страны. Здесь же я впервые непосредственно столкнулся с ним, сыгравшим, на мой взгляд, одну из роковых ролей в жизни страны. Придет время, и найдется дотошный историк, который нарисует его неллицеприятный портрет. Ну, а пока передо мной стоял, вернее, вертелся человек с бегающими глазами. Не знаю, почему он был в тот момент в приемной, но на встречу в расширенном составе его не пригласили.

Кабинет президента и одновременно Генерального секретаря ЦК КПСС летом претерпел изменения. Вместо традиционной обстановки служебных кабинетов того времени появилась новая, стильная мебель. На стене четко выделялся герб СССР, в углу, за письменным столом — флаг страны. За отдельным столиком, который больше го-

дился для чаепития, расположились с одной стороны — Ельцин, Хасбулатов, Силаев, с другой — Горбачев и я. Лукьянов не присутствовал в связи с какими-то срочными делами.

Горбачев проинформировал вновь пришедших о том, что они с Ельциным рассматривали вопросы целостности страны, реформирования Центра, опасности для России сепаратистских действий автономных республик (пример союзных был ведь налицо!), участия союзных республик в работе центрального правительства, а также экономические вопросы РСФСР. Этот перечень затронутых тем я по привычке записал в свой блокнот.

Запомнилась атмосфера этого заседания. Собравшиеся не были единомышленниками в решении государственных задач, это были люди, явно несовместимые в своих взглядах и устремлениях. Ельцин разговаривал высокомерным тоном, как победитель с побежденным. Жесты, мимика, все поведение руководителя России не вызывали сомнения, что эта встреча используется им не для поиска общего языка во взаимоотношениях крупнейшей республики и центральной власти, а имеет целью лишь продиктовать ей свои условия. Хасбулатов занимал более нейтральную позицию, по-видимому, понимая, как ученый-экономист, абсурдность требования своего лидера. Силаев же с подобострастием ловил взгляд своего нового шефа и полностью соглашался со всем, что тот говорил.

Начали с системы и величины федерального и республиканского налогообложения. Российское руководство стало настаивать на так называемой одноканальной системе, согласно которой, все налоги собираются в республике, а Центру отдается только малая часть для финансирования общесоюзных нужд. Что же это за нужды, никто по существу сказать не мог. Забегая вперед, скажу, что прошло немного времени, и автономные республики России взяли на вооружение этот разрушительный для любой федерации принцип. И с какой яростью это стало отвергаться Ельциным и его командой! Но в тот момент, в конце 90-го года, они преследовали главную цель — разрушить СССР, а что потом будет с той же Российской Федерацией, видимо, их тогда мало беспокоило.

Мои доводы о том, что при существующей структуре распределения властных полномочий Союза и республик такие финансовые соотношения нереальны и, более того, вызовут хаос в управлении государством, были проигнорированы.

Дальше пошло еще «интереснее». Были выдвинуты требования, чтобы доходы от внешнеэкономической деятельности целиком оставались в республике, что в распоряжение России следует передать 50 тонн золота, предоставить ей право выдавать лицензии на экспорт

сырья, материалов и другой продукции и т.д. На вопросы, будут ли централизованно закупаться для всех союзных республик продукты питания, зерно, некоторое сырье, особенно для легкой промышленности, кто будет погашать наступающие по срокам платежи внешней задолженности, вразумительного ответа не было. Предложение о том, чтобы эти проблемы рассматривались при подписании нового Союзного договора с перераспределением функций между Центром и республиками, также осталось без внимания.

На мое предложение прекратить начавшуюся войну банков, разрушение единой финансовой системы страны ответы были на уровне лозунгов: Россия — де объявила о своем суверенитете и верховенстве республиканских законов и выдвинутые требования вписываются в ее новую роль.

Обсудили еще несколько второстепенных вопросов и в заключение, как обычно делают в подобных ситуациях, создали комиссию двух Совминов — СССР и РСФСР. Им поручили рассмотреть вопросы разделения собственности, организации налоговой и банковской систем, внешнеэкономической деятельности.

Встреча оставила у меня самое тягостное впечатление. По главным вопросам, определявшим жизнь страны в следующем, 91-м году и в перспективе, так и остались принципиальные разногласия. Было очевидно, что наши собеседники ставили перед собой задачу экономически взорвать Союз, вызвать еще большее недовольство народа центральной властью и на этой волне укрепить свои политические позиции. Конфронтация России с Центром приобретала все большую остроту. Страна катастрофически быстро становилась аморфной и неустойчивой. Попытки Горбачева и его окружения хоть как-то стабилизировать положение парализовались явным саботажем и прямым противодействием со стороны руководителей России и других республик. Это продолжалось на протяжении почти всего 1991 года.

В конце концов М. Горбачев все же договорился о встрече 9 декабря 1991 года с Б. Ельциным, Л. Кравчуком, Н. Назарбаевым и С. Шушкевичем с тем, чтобы подписать новый Союзный договор и определить порядок и дату его подписания другими республиками, которые пожелают к нему присоединиться.

На мой взгляд, сам по себе подготовленный проект этого договора о создании ССГ был, используя ленинскую характеристику другого, Брестского договора, «похабным», но «утроза» его подписания стала спусковым крючком для окончательного решения о ликвидации СССР. Поначалу, правда, все выглядело довольно безобидно. Шушкевич по совету главы Правительства Белоруссии Кебича пригласил Президен-

та России посетить республику с официальным визитом (а неформально — поохотиться в Беловежской Пуще) с целью уговорить Ельцина дать Минску побольше энергоносителей — газа и нефти, в связи с приближением зимы.

Перед отъездом Ельцина в Минск, по воспоминаниям Горбачева, у них состоялся такой разговор:

«...я спрашиваю Ельцина: о чем будете говорить в Белоруссии? Он отвечает: “У меня есть общие вопросы с белорусами. Я хочу их решить. Заодно переговорю с украинцами. Сюда Кравчук ехать не хочет, а туда прибыть согласен”.

Я ему напоминаю: “Мы ведь в понедельник должны встретиться и приглашаем Кравчука”. Он отвечает: “Поговорим с белорусами, послушаем Кравчука и т.д.”. Тогда я говорю: “Давай, Борис Николаевич, договоримся, что на встрече в Белоруссии вы не выходите за рамки того, что есть в Союзном договоре”. Ельцин отвечает: “А Кравчук может на договор не пойти — он же теперь независимый. Тогда предложите ему стать ассоциированным членом», — говорю я. Ельцин замечает: “Но он и на это может не согласиться”. “В таком случае будем все решать здесь, в Москве, в понедельник”, — подытоживаю я.

Вот такой доверительный состоялся разговор, от которого Ельцин и сам не отказывается».

Нужно сказать, что в тот момент решающей фигурой был Кравчук, именно от него зависела судьба великой Державы. Через несколько месяцев в своем интервью он подтвердил это: «Если бы я сказал, что Украина подпишет Союзный договор, Ельцин тоже подписал бы его». Но в Вискулях националистический запал и честолюбивые амбиции, желание войти в историю на правах первого Президента «самостийной» Украины взяли верх. Позиции украинского и российского президентов совпали в своем разрушительном замысле и сыграли роковую роль в судьбе Союза.

Встреча в Беловежской Пуще проходила в обстановке строгой секретности, и многое из проходившего там стало известно только позднее.

Самолет с российскими разрушителями СССР взял курс на Минск 7 декабря в 17.40. В Вискули приехали вечером. Кравчук был уже там и, не дождавшись Ельцина, отправился со своей свитой на охоту. По приезде Ельцина состоялось застолье. Разгоряченная беловежскими напитками, уже вся троица совершила общий выход на охоту, после которой заговорщики дали подчиненным задание: за ночь «родить» документ с политическим решением судьбы СССР.

С российской стороны над документом работали (запомните их имена!) Г. Бурбулис, С. Шахрай, Е. Гайдар, А. Козырев и В. Илюшин.

Рождение несправедливого приговора нашей стране началось «с чистого листа», каких-либо заготовок вроде бы ни у кого не было. Приведу некоторые детали, характеризующие происходившее, по книге А.Д. Шутова «На руинах великой Державы».

«Текст коллективно сочиняемых российско-украинско-белорусских Беловежских соглашений писался от руки сведущим в юридических делах С. Шахраем, затем, из-за его “корявого” почерка, переписывался Гайдаром. При этом ни у одного из сочинителей не пробудилась гражданская совесть, никому не вспомнились защитники Брестской крепости, хотя неподалеку от нее вершилось пакостное дело. Не поднялись ни Шахрай, ни внук легендарного Аркадия Гайдара с гневным протестом, не защитили Родину, не заслонили ее собою. Не вошли в историю как герои, а опозорили себя и род свой соучастием в непрощаемом грехе.

Готовился документ в обстановке цинизма и холодного равнодушия к происходящей драме. Чего стоит, к примеру, обсуждение “ритуального” вопроса после завершения проекта «бумаги»: как пить — за все соглашение сразу, постранично или построчно?* И уже в четыре часа утра послали Козырева подсунуть родившийся текст под дверь комнаты, в которой спала машинистка. Но “министр” зашутал и сунул бумагу под дверь коржаковского охранника. Тот спустя какое-то время, обнаружил “бумагу”, покрутил ее в руках, пытаясь понять, что это такое. Но, увидев, что в ней написана какая-то галиматья, скомкал ее, пошел в туалет и бросил в корзину для использованной туалетной бумаги. Поэтому утром сочинители в большой тревоге стали искать “пропавшую грамоту”: уж не проделки ли это нечистой силы или, того хуже, КГБ? Машинистка уверяла, что под дверью ничего не было. Искали по всем углам, лазали под кровать — ничего. Потом все-таки отыскали “эпохальный” документ, извлекли его из мусорной корзины и коллективно вручили машинистке. Вот так вершилось событие, изменившее ход мировой истории.

Днем 8 декабря, в воскресенье, президенты ознакомились с текстом, затем уселись на дешевые табуретки за двумя сдвинутыми типовыми “общепитовскими” столами облегченной конструкции, поставили перед собой по государственному флажку и со скучными, смур-

* Об этой уникальной дискуссии напомнил В. Жириновский в выступлении на заседании Госдумы 15 марта 1996 г. при обсуждении вопроса о денонсации Беловежских соглашений. — *Н.Р.*

ными лицами в 14 часов 17 минут скрепили подписями машинописный текст исторического документа, которым извещали мир, что “Союз как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование”.

Совершив государственное преступление, заговорщики, боясь ареста, испытывали животный страх, которого не мог заглушить даже изрядно потребляемый алкоголь. “Мы смертники, — с тревогой говорил Ельцин. — Если ничего не получится, уйдем в отставку”.

Верховная власть имела и законное право, и реальную силу, чтобы решительно и быстро нейтрализовать сепаратистскую выходку и, используя ситуацию, резко повернуть руль управления страной в сторону действительного восстановления политической стабильности. Народы СССР были бы за такие акции. Ведь только националистически настроенная верхушка некоторых союзных республик — и то не вся — да продажные до мозга костей “агенты влияния” Запада хотели развала Союза.

Опасения за свои шкуры побудили сепаратистов сделать первый звонок министру обороны СССР Е. Шапошникову. Чтобы обеспечить себе безопасность, Ельцин, при согласии Кравчука и Шушкевича объявил о его назначении главнокомандующим объединенными Вооруженными силами СНГ.

Затем, в расчете на поддержку “в случае чего” извне, Ельцин срочно доложил о содеянном американскому президенту Дж. Бушу (старшему). “Сегодня в нашей стране произошло очень важное событие, и я хотел бы лично проинформировать вас, прежде чем вы узнаете об этом из печати”, — торжественно произнес Ельцин. Он подчеркнул, рассказывает Буш в своих мемуарах, что “Горбачев еще не знает этих результатов”. А завершил разговор Ельцин уж совсем по-холуйски: “Уважаемый Джордж, я заканчиваю. Это чрезвычайно, чрезвычайно важно. Учитывая уже сложившуюся между нами традицию, я не мог подождать даже десяти минут, чтобы позвонить вам”.

По-моему, в этом разговоре, как в зеркале, отражается все ничтожество Ельцина — человека и государственного деятеля, всегда готового к любой подлости, интриге и предательству ради своих личных интересов.

В связи с тем, что через пятнадцать лет один из бывшей троицы — Шушкевич утверждает, что там не были пьянки, я приведу снова отрывок из книги А. Д. Шутова:

«Затем состоялся праздничный обед, во время которого Ельцин, ободренный словами Буша, сказанными ему по телефону (идея панславянского государства ему нравится), надрался настолько, что ни о

какой пресс-конференции, назначенной на 17 часов, не могло быть и речи. Она состоялась только в два часа ночи, причем Ельцина не сразу привели в чувство. Потом банкет, где Ельцин вновь быстро дошел до кондиции, упал на ковер и облевался».

Совершив свое коллективное злодеяние, далеко не святая троица (да будут прокляты имена этих преступников и их подручных во веки веков!) поспешила задним числом оправдать его в своем Заявлении. Они отметили, что подготовка нового Союзного договора зашла в тупик, не сказав, правда, что они ее туда и завели. Ну и, конечно, добавили, что недалекovidная политика Центра привела к экономическому кризису, к развалу производства, катастрофическому понижению жизненного уровня населения. На самом деле до 1989 года страна развивалась динамично. Но затем именно разрушительные действия тех, кто поставил своей целью изменение общественного строя и разъединение государства, начали играть все более негативную роль.

Я пережил эти годы, будучи главой Правительства СССР, и могу сказать, что на моих глазах происходило сознательное уничтожение экономики страны. Снижение жизненного уровня народа с тем, чтобы восстановить его против центральной власти, — вот что было первостепенной задачей этой публики. Все делалось по принципу «чем хуже — тем лучше», ибо только таким путем эти люди могли проложить себе путь к вожаденной политической власти. Из Заявления троицы разрушителей страны складывалось впечатление, что высшие органы управления и руководители республик стояли в стороне, не принимая никакого участия в подрывных акциях. «Забыты» были и объявленное ими верховенство республиканских законов над союзными, и введение запрета на право вывоза товаров за пределы республик, и обособленное регулирование цен. Именно такие сепаратистские решения руководителей республик размывали единое экономическое пространство.

Впопыхах и по пьянке подписывая свой документ, лидеры трех республик даже в межнациональных конфликтах умудрились обвинить тот же Центр! И здесь, как и во многом другом, жизнь не раз ткнула их носом в содеянное: разрушение многонациональной семьи народов и «разъезд» ее членов по национальным квартирам резко обострили напряженность, породили споры о границах между бывшими союзными республиками и внутри них: Грузия — Абхазия и Южная Осетия; Молдавия — Приднестровье; Украина — Крым; Россия — Чечня — вот только некоторые из примеров затяжных, тяжелых и даже кровавых конфликтов, от которых страдает население отделившихся друг от друга государств.

Ельцин так спешил выбить кресло из-под Горбачева, что вообще не стал обсуждать многие жизненно важные для России вопросы. Да и сама полулегальная обстановка и фактор времени, точнее, неожиданности, не располагали к этому. Ведь, затаив они подписание своих документов, Центр обеспокоился бы и весь заговор мог провалиться. Впрочем, боюсь, что у Горбачева решимости на это не хватило бы. Так или иначе, но, например, совершенно не были защищены права русскоязычного населения в бывших союзных республиках. Обойдена была и проблема внешнего долга страны, составлявшего к тому времени 70 млрд долларов. Это тяжкое бремя Ельцин взвалил на плечи лишь одной обессилившей России, несмотря на то что заемные средства использовались всеми республиками. А, скажем, вопрос о Крыме можно было выпустить из поля зрения только спяну или просто не имея царя в голове.

Вот что рассказал об этом Кравчук через восемь лет после разрушения Советского Союза при получении награды за то, что в Беловежье «отстоял Крым за Украиной». По его словам, сохранить Крым за Украиной «было легко: Ельцин сильно ненавидел Горбачева и для того, чтобы его убрать, он готов был пол-России отдать, а не то, что Крым». Насколько сейчас известно, у украинской делегации, когда она ехала в Беловежскую Пушу, не было сомнения: Россия будет стремиться оставить Севастополь своим городом. Они были готовы согласиться, чтобы и Крым отошел к России. Однако каково же было их удивление, когда Ельцин ни разу даже не упомянул слов «Севастополь», «Крым». Ну, а о том, насколько остра эта проблема для России и для большинства населения Крыма, до сих пор и в перспективе говорить не приходится.

В общем, несть числа проблемам, возникшим при разрушении веками создававшегося государства с его спецификой, сложившимися политическими и экономическими отношениями, своими традициями.

Итак, государственный переворот свершился.

Через четыре дня после событий в Беловежской Пуше, 12 декабря 1991 года, Комитет Конституционного надзора СССР отреагировал на Заявление глав трех государств и Соглашение о роспуске СССР с точки зрения законности этих актов.

Было указано, что в соответствии с Союзным договором 1922 года Белоруссия, РСФСР и Украина, являясь одними из учредителей СССР, вместе с тем никакого особого статуса и каких-либо дополнительных прав по сравнению с остальными союзными республиками не имели. С того времени в конституционном законодательстве СССР стал дей-

ствовать принцип равноправия союзных республик. Следовательно, Белоруссия, РСФСР и Украина были не правомочны решать вопросы, касающиеся прав и интересов всех республик, входящих в Советский Союз, тем более что те составляли значительное большинство. Комитет сделал вывод, что данные акты не имели обязательной юридической силы. Кроме того, Комитет подчеркнул, что статьи принятого в Беловежской Пуще Соглашения могут привести к подрыву правопорядка, к неуправляемости общества и анархии. По мнению Комитета, принятые акты могли рассматриваться лишь как политическая оценка сложившейся в стране ситуации и, естественно, не имеющие юридической силы.

Но ни эти выводы, ни неоднократные заявления по этому поводу президента Горбачева не возымели никакого действия. Процесс разрушения единого государства продолжался и вскоре был «успешно» завершен.

Подписания Беловежских соглашений было недостаточно, чтобы легитимно зафиксировать факт ликвидации СССР со всеми вытекающими политико-правовыми последствиями. В первую очередь требовалось правовое подтверждение Соглашения о создании Содружества высшими законодательными органами государственной власти России, Белоруссии и Украины. Без ратификации эти документы не обладали политической силой. В спешке разработчики Соглашений и их подписанты даже не отметили необходимости такого подтверждения и не определили, в какой форме это должно произойти. Все зависело от того, в каком качестве рассматривалось Беловежское соглашение: то ли как межреспубликанский договор трех субъектов Союза ССР, то ли как «международный» договор между двумя уже объявившими себя «независимыми» государствами — Украиной и Белоруссией, с одной стороны, и субъектом Союза, в состав которого на тот момент еще входила Россия, — с другой, или же как международный договор, заключенный тремя суверенными государствами.

Руководство Украины первым начало форсировать ратификацию Беловежского соглашения. 10 декабря 1991 года в повестку дня Верховного Совета республики был внесен вопрос о ратификации Соглашения. С самого утра вопрос переносился с одного часа на другой — у постоянных депутатских комиссий было множество замечаний по тексту. Их необходимо было обсудить с руководством Белоруссии и России. Только к вечернему заседанию парламента Кравчук смог все это согласовать.

Его речь продолжалась около получаса. Он обвинил Центр в развале страны, в намерении вновь сконцентрировать власть в своих ру-

ках. «Кому-то хочется нас учить, — сказал Кравчук, — и заботиться о нашем народе больше, чем он сам».

Верховный Совет Украины без обсуждения, 288 голосами против, ратифицировал Соглашение, но с оговорками. Они состояли из 12 пунктов и скорректировали многие статьи документа. Например, «открытость границ» была сужена и сопровождалась отсылкой к будущим актам. Беловежским (его называют также Минским) соглашением предусматривалась «координация внешнеполитической деятельности», а киевским вариантом — лишь «консультации в области внешней политики». Существенное дополнение содержалось в формулировках о Вооруженных силах. Парламент Украины добавил слова: «Государства — члены Содружества реформируют размещенные на их территориях группировки Вооруженных сил бывшего Союза ССР и, создавая на их базе собственные Вооруженные силы, будут сотрудничать в обеспечении международного мира и безопасности...» Речь шла, таким образом, о разделе Вооруженных Сил СССР между республиками. Воспользовавшись этим, Кравчук объявил себя Верховным главнокомандующим Вооруженными Силами республики в составе трех военных округов и Черноморского флота, оставив в центральном подчинении лишь стратегические силы.

Беларусь юридически оказалась в несколько более сложном положении в связи с ратификацией Минского соглашения. Дело в том, что в отличие от Украины референдум о независимости здесь не проводился, что делало позицию республики более уязвимой с правовой точки зрения. 10 декабря состоялась сессия Верховного Совета Беларуси. После краткого сообщения Председателя Верховного Совета Шушкевича об итогах работы трех глав республик в Беловежской Пуще в парламенте неожиданно выразили — по разным причинам — свои сомнения в том, надо ли утверждать соглашение о Содружестве, и «левые», и «правые». Первые опасались «хитро поставленной ловушки», которая, по их мнению, неизбежно заведет Содружество в прежнее унитарное государство. Вторые же имели в виду прямо противоположное — Содружество, полагали они, означает окончательный развал Союза и вызывает великий хаос в стране. Некоторые депутаты упрекали Шушкевича, подписавшего Соглашение, в превышении власти. И все же, несмотря на то что первоначально вопрос стоял лишь об одобрении концепции Содружества, многие депутаты потребовали немедленно ратифицировать Минское соглашение. Эта позиция победила при поддержке 263 депутатов при одном «против» и двух «воздержавшихся».

Верховный Совет республики также денонсировал Союзный договор 1922 года и принял закон о мерах, связанных с этим фактом.

В самом же сложном правовом положении в связи с ратификацией Соглашения находилась РСФСР, власти которой не обладали никакими основаниями для подтверждения на законодательном уровне этого документа, подписанного в Вискулях Ельциным и Бурбулисом. Единственным органом, который мог принять законное решение как по Соглашению, так и по денонсации Союзного договора, был только и исключительно Съезд народных депутатов РСФСР — высший орган государственной власти республики. Причем для этого было необходимо принять изменения и дополнения в Конституцию РСФСР. Но такой вариант был неприемлем для сторонников ликвидации СССР, так как они не имели квалифицированного большинства среди народных депутатов РСФСР. Поэтому Беловежское соглашение представили как «международный договор РСФСР», ратификация которого, согласно Конституции, входила в компетенцию Верховного Совета республики. Таким же образом преподнесли и Союзный договор 1922 года, что и позволило денонсировать его. И то и другое произошло на заседании Верховного Совета РСФСР 12 декабря 1991 года.

В тот день с докладом выступил Ельцин. Переговоры в Белоруссии он охарактеризовал как «закономерное следствие тех процессов, которые развивались в течение последнего времени». Еще два года назад, сказал он, стало ясно, что «союзные структуры не способны к коренному обновлению. Наоборот, свои последние жизненные силы командная система бросила на сохранение своего всевластия, стала главным препятствием реформ». Ельцин подверг критике все разработанные проекты Союзного договора. «В них, — утверждал он, — по сути дела, протаскивалась все та же модель Союза с сильным Центром. Принцип суверенности республик признавался лишь в качестве декоративного украшения... Только в апреле в Ново-Огареве был сделан наконец шаг навстречу реальности, республики были готовы пойти на компромисс и подписать Союзный договор... После августа распад Союза ССР вступил в последнюю стадию, началась его агония... А в это время мы буквально стали тонуть в бесконечных переговорах и согласованиях, широких и узких обсуждениях, консультациях. Все это приобрело характер какой-то дурной закономерности...

Три республики, которые были в числе учредителей СССР, приостановили процесс стихийного, анархического распада... Была найдена единственно возможная формула совместной жизни в новых условиях — Содружество Независимых Государств, а не государство, где никто не имеет независимости».

Ельцин подверг критике утверждение, что в Беловежской Пуще лидеры трех республик «ликвидировали Союз ССР». «Союз, — сказал

он, — уже не способен играть позитивную роль по отношению к бывшим его членам. Мировое сообщество стало считать его банкротом... Только Содружество Независимых Государств способно обеспечить сохранение складывающегося веками, но почти утраченного сейчас политического, правового и экономического пространства... Положен конец главному препятствию к этому — союзному Центру, который оказался неспособным освободиться от традиций прежней системы, главная из которых — присвоенное право командовать народами, сковывать самостоятельность республик».

Голоса критиков Соглашения на сессии были редки. Залом владела какая-то эйфория беспредельной суверенности. Итоги поименного голосования по ратификации Минского соглашения были такими: за — 188, против — 6, воздержались 7 депутатов. После оглашения результатов голосования в стенограмме сессии появилась запись: «Бурные аплодисменты. Все встают». Так были «узаконены» государственный переворот и разрушение нашего великого государства.

Конечно, можно было бы критически разобрать каждый пункт выступления Ельцина, но лучше и убедительнее всего оценку и сказанного и, главное, содеянного им, его подельниками и прихлебателями дала жизнь: после уничтожения СССР во всех без исключения республиках наступил политический и экономический хаос. Миллионы и миллионы людей заплатили и продолжают платить чудовищную цену за преступления своих лидеров и за свою политическую слепоту и доверчивость.

В марте 1996 года в повестку дня очередного заседания Государственной думы России был предложен для рассмотрения вопрос о денонсации Беловежского соглашения. Проект постановления по этому вопросу внесли фракция КПРФ и две депутатские группы — «Народовластие» и «Аграрная».

При обсуждении повестки дня, как и следовало, ожидать, против рассмотрения данного вопроса выступили те, кто несколько лет назад поддерживал Ельцина в его разрушительных действиях. Среди них были руководитель фракции «Яблоко» Г. Явлинский, руководитель проправительственной фракции «Наш дом — Россия» С. Белов, Г. Старовойтова и С. Юшенков. И тем не менее за включение этого вопроса в повестку проголосовали 57 процентов депутатов.

В то время я возглавлял в Государственной думе депутатскую группу «Народовластие» и, естественно, считал необходимым выступить по этому важнейшему политическому вопросу с парламентской трибуны, чтобы не только выразить свою гражданскую позицию, но и попытаться

повлиять на принятие крайне необходимого решения по денонсации преступных Беловежских соглашений. Некоторую часть этого выступления хотелось бы предложить вниманию читателя:

«При всей значимости вопросов, которые уже рассматривал и еще будет рассматривать наш парламент, нет более важного и ответственного, чем вопрос единства народов Советского Союза. Распад великого государства продолжает терзать умы и души десятков миллионов людей, и не будет преувеличением сказать, что его последствия будут определять судьбу нашей страны на длительную историческую перспективу. Сегодня мы уже в состоянии не на основе наших прогнозов 1990 года, а исходя из горького опыта последних лет, заявить, что развал Советского Союза стал подлинной трагедией не только для России, но и для всех народов, входивших в состав Союза. Эйфория суверенитетов испаряется под напором жизненных реалий. С распадом страны ситуация в экономике и политике приобрела крайне нестабильный и противоречивый характер. Существенно ухудшилось геополитическое положение России, оказавшейся отодвинутой на восток. Даже больше половины морских портов, за которые Россия боролась столетиями, мы потеряли. Петр Первый, Екатерина Вторая (оба «Великие»), да и другие перевернулись бы в гробу, узнай они о наших деяниях. Образование Содружества Независимых Государств, заключение между его участниками Договора об экономическом союзе и многочисленных соглашений*, предусматривающих сохранение общего экономического пространства и прозрачных границ, отказ от торговых барьеров, восстановление хозяйственных связей на деле оказались пустым звуком. И все заверения «отцов Беловежья» явились явным обманом, и в этом деле помогал им кое-кто из сидящих в этом зале.

Нам иногда приходится слышать, что распад СССР — объективный процесс, что распадались все империи. Мы начисто отвергаем тезис о некоей империи, которая рано или поздно должна была развалиться. Есть ли в истории пример, когда империя целенаправленно поднимала окраины за счет населения центральной метрополии?! Не говорю уже о том, что подавляющее большинство народов присоединялись к России добровольно и сознательно в целях прежде всего собственного выживания. Мы не были империей в прямом смысле этого слова. Мы были великой страной! Мы были великим народом! При решении столь важного вопроса, как интеграция бывших республик СССР, мы не должны поддаваться эмоциям, а должны смотреть на суть

* Речь шла о документах, принятых уже после Беловежья. — Н.Р.

вопроса, исходя прежде всего (и я это подчеркиваю) из интересов России, интересов благосостояния ее населения.

Интеграция будет благом не только для России, но и для всех братских стран. Прежде всего речь идет, конечно, об экономике. Уникальный в истории человечества экономический комплекс обеспечивал выживание наших народов в самых опасных условиях. Смогли бы порабощенные Гитлером народы Украины, Белоруссии, Латвии, Литвы, Эстонии самостоятельно восстановить свою независимость и разрушенное хозяйство без единого Советского Союза?! ...Непреложным остается один, но самый главный факт — жизнь всех без исключения народов, составлявших ранее Союз ССР, стала не лучше, а значительно хуже. И нет никаких признаков того, что кто-то сумеет самостоятельно выбраться из трясины, в которую все мы медленно, но уверенно погружаемся. Не сомневаюсь, что даже оппоненты, которые, кстати, сидят в правом крыле, которые выступали и будут выступать против предлагаемого проекта постановления, в глубине души прекрасно понимают историческую необходимость и неизбежность восстановления единства наших народов.

Сегодня не время для тактических маневров вокруг вопросов, определяющих исторические судьбы наших народов. Мы хорошо знаем настроение наших людей. Решение первого в истории страны референдума, на котором ровно пять лет назад наши сограждане высказались за Союз, сохраняет свою моральную и юридическую силу и сегодня. И его итоги никто не вправе отменить. Это проявление истинной демократии. Никакие ссылки на революционную необходимость не могут оправдать нарушение воли народа, и тщетны попытки президента и других его сподвижников, приложивших руку к этому, снять с себя ответственность за эти действия.

Нельзя закрывать глаза и на то, что в России, в других республиках набирает силу тенденция к переориентации экономических связей на дальнее зарубежье. На этом фоне обращает на себя внимание нарастание в регионе политико-экономической активности мировых держав, сопредельных государств. Их действия становятся фактором разобщения новых, суверенных государств, ведут к ослаблению влияния России. Нельзя жить сегодняшним днем. НАТО стоит у нашего порога. Спрашивается: зачем?

В сохранении нынешнего развала по-настоящему заинтересованы лишь те силы Запада, которые мечтают решить наконец многовековую задачу ликвидации великого государства и ослабления самобытной российской цивилизации, не вписывающейся в созданную в чужих столицах модель нового мирового порядка. Но вовсе не российские интересы

отражают многие из тех, кто печется о том, что Россия должна оттолкнуть от себя все братские народы и сузиться до размеров московского княжества с контролем лишь нефтяных и газовых кранов.

Сегодня необходимо решительно повернуть в сторону практических дел. Мы не преуменьшаем трудностей экономического, политического характера в деле интеграции. Слишком много уже сломано, сломано торопливо, бездумно, сломано в интересах внешних сил или крошечных групп корыстолюбцев, которые наживаются на наших общих страданиях, сломано ими специально для того, чтобы невозможно было воссоздать. Но именно поэтому нужны новые смелые шаги, и эти шаги должна сделать Россия. В этом наша историческая обязанность и ответственность. Будущие поколения не простят нам, если мы не сделаем этого».

Об остроте развернувшейся дискуссии можно судить также по выступлению В. Жириновского:

«В связи с этим я бы хотел, чтобы было принято постановление, в котором был бы поставлен вопрос о привлечении к ответственности лиц, причастных к подготовке проекта Беловежских соглашений. Они являются депутатами нынешнего парламента. Бурбулис, где он? Нет в зале — уже боится. Уже ушел. Он знал, что я уже пришел сюда с наручниками. Вот что ждет его, Бурбулиса! (Оживление в зале.) Они на Россию надели наручники, мы наденем их на вдохновителя этого Беловежского соглашения! Депутат Шахрай здесь — можно арестовать прямо в зале, здесь, на заседании Государственной думы. Депутат Козырев... нет его. Депутат Гайдар уже сбежал — он уже не депутат. Вот четверо — эти люди все организовали».

В целом постановление о денонсации Беловежского соглашения было принято 15 марта 1996 года 252 голосами, или 56 процентов от общего количества депутатов Государственной думы. Напомню, что 12 декабря 1991 года за ратификацию Беловежского соглашения проголосовали более 90 процентов тогдашних депутатов Верховного Совета РСФСР.

Так жизнь учит людей. Людей, но не предателей своей страны, оказавшихся у власти. Как и следовало ожидать, они во главе с Ельциным и не подумали выполнять это постановление парламента страны.

История борьбы в парламенте за денонсацию Беловежского соглашения вновь и вновь возвращает мысль к роковым дням декабря 1991 года.

Если после ГКЧП и внеочередного, Пятого Съезда народных депутатов были разрушены органы государственной власти и наступил,

как уже было сказано, паралич власти, то в декабре она уже просто агонизировала. Вспоминая эту ситуацию, невольно ищешь ответ и на вопросы: почему Горбачев, Президент СССР не занял тогда, в после-беловежские дни, принципиальной, боевой позиции, почему он не боролся до конца за целостность своего государства?

Трудно заглянуть в душу человека и познать его истинные намерения. Но в том, что Горбачев давно вынашивал мысль об уничтожении Компартии, которая дала ему путевку в жизнь, и социалистического общества, в котором он вырос, не может быть никакого сомнения. Он сам говорил об этом после 1991 года.

Конечно, беловежские заговорщики поставили его в непростое положение. Вот его рассказ:

«После отъезда Ельцина проходит день, другой — никто ничего не знает, никто мне ничего не докладывает. Я звоню министрам: они ничего не знают. Тогда я звоню Шапошникову — он знает. Они, оказывается, с ним уже разговор провели. Я думаю: что же все-таки происходит? Видимо, Шапошников сразу перезвонил в Белоруссию и сказал, что Горбачев свирепствует. Тогда мне звонит Шушкевич: “Михаил Сергеевич, я звоню вам по поручению всех”. Я спрашиваю: “А почему ты мне звонишь?” Он отвечает: “Мне поручили это Ельцин и Кравчук. Борис Николаевич разговаривал с Бушем: ему доложил, а мне поручили переговорить с Вами». Я говорю: “Это же стыдоба. Вы звоните американскому президенту, минуя Президента Союза, и за моей спиной договариваетесь. Где Борис Николаевич? Дайте ему трубку”. Ельцин взял трубку и начал что-то нудить, по моему, заплетаться...»

Кстати, их первый звонок Президенту США — это не только доклад холоуев своему фактическому хозяину, но и шанс спрятаться за его спину.

Что же мог и обязан был сделать в той ситуации Президент СССР?

Получив такую информацию, он должен был немедленно использовать все имевшиеся в его распоряжении средства. По словам А. Лукьянова, бывшего Председателя Верховного Совета СССР, лидеры трех республик — участники беловежской встречи — с тревогой ждали, как поступит Горбачев. «Он оставался Верховным главнокомандующим, и было достаточно одного президентского слова, чтобы от подписантов и их документов не осталось и следа. Ведь речь шла о судьбе величайшей державы, о трехсотмиллионном народе, о глобальном равновесии мировых сил. Но не было этого твердого слова от человека, поклявшегося сохранять и защищать Союз».

Я тоже считал и считаю, что в критический момент Горбачев не выполнил своих законных обязанностей. Он должен был немедленно поставить в известность ООН, Совет безопасности, Съезд народных депутатов СССР, Верховный Совет и опротестовать Беловежское соглашение. А перед Съездом вопрос надо было ставить предельно остро: решайте, распускаемся или сохраняем Союз. Нет, в конце 1991 года были нарушены все законы — союзные, международные и, как говорится, божеские и человеческие.

Президент страны, полтора года назад поклявшийся на Конституции СССР свято хранить единство государства, обязан — подчеркиваю, безусловно, обязан! — выполнить данное им слово. И если бы он и потерпел при этом поражение — тем не менее остался бы в Истории как руководитель, до конца боровшийся за целостность своей страны. К сожалению, этого не произошло, и теперь он презираем и проклят своим народом.

Итак, вместо конкретных действий Горбачев избрал другой путь. Посыпались заявления и пресс-конференции. 9 декабря 1991 года он определил свою позицию. Было опубликовано Заявление президента, которое можно назвать, мягко говоря, спокойным. В нем он даже отметил некоторые позитивные моменты Беловежского соглашения. Однако, полагал глава союзного государства, документ настолько глубоко затрагивает интересы народов нашей страны, всего мирового сообщества, что требует всесторонней политической и правовой оценки.

«В создавшейся ситуации, по моему глубокому убеждению, — считал Горбачев, — необходимо, чтобы все Верховные Советы республик и Верховный Совет СССР обсудили как проект Договора о Союзе Суверенных Государств, так и Соглашение, заключенное в Минске. Поскольку в Соглашении предлагается иная формула государственности, что является компетенцией Съезда народных депутатов СССР, необходимо созвать такой Съезд. Кроме того, — говорилось в конце Заявления, — я бы не исключал и проведения всенародного референдума по этому вопросу».

Горбачев, по-видимому, «запомнил», что он вместе с лидерами союзных республик на Пятом внеочередном Съезде народных депутатов своими руками похоронил Съезд народных депутатов СССР как высший орган государственной власти страны и передал эту власть Верховному Совету СССР. Народные же депутаты СССР, не вошедшие в состав Верховного Совета, имели лишь право участвовать в его работе.

И тем не менее многие из них не могли смириться с разрушением страны. 9 декабря мне по телефону сообщили, что создана депутатская инициативная группа по созыву Съезда народных депутатов СССР.

10 декабря 1991 года в депутатском здании на Новом Арбате на двадцатом этаже состоялся сбор подписей сторонников созыва Шестого внеочередного Съезда народных депутатов СССР. Я тоже подписал этот документ. Как раз в это время организатору сбора подписей депутату В. Самарину позвонил Горбачев. Самарин при нас проинформировал президента страны о том, что уже собрано достаточно подписей для созыва Съезда. Затем он торопливо собрал подписанные листы и выехал к Горбачеву. Мне известно, что он вручил ему списки подписей и телеграммы общим числом более 500 и получил личное президентское обещание созвать Съезд.

На второй день после этой встречи газета «Известия» на первой полосе опубликовала статью с броским заголовком: «Рыжков и Чебриков хотят созыва Съезда». Но не только эта газета, бывший печатный орган Верховного Совета СССР, но и другие, еще недавно бывшие изданиями ЦК КПСС, выразили отрицательное отношение к этому предложению. Да и в целом они заняли откровенно проельцинскую позицию.

Какие причины повлияли на решение Горбачева не созывать внеочередной Съезд, мне не известно. Трудно сказать, что здесь сыграло основную роль: то ли желание окончательно не сжигать мосты, то ли вписаться в новые властные структуры, то ли элементарная трусость, то ли готовность в своем предательстве дойти до логического конца...

12 декабря 1991 года, в день, когда проходила ратификация Беловежских соглашений в Верховном Совете РСФСР, в Ашхабаде открылось совещание глав республик Средней Азии и Казахстана. Инициатива его проведения принадлежала Президенту Туркмении С. Ниязову.

После долгих дебатов президенты этих республик приняли решение вступить в СНГ, но не в качестве «присоединившихся» к нему, а как «равноправные учредители». Из Ашхабадского заявления вытекало, что азиатские республики не считают СНГ уже созданным. В документе прямо говорилось, что «необходима координация усилий по формированию Содружества Независимых Государств» и что «должно быть обеспечено равноправное участие субъектов бывшего Союза в процессе выработки решений и документов о Содружестве Независимых Государств; при этом все государства, образующие Содружество, должны быть признаны в качестве учредителей». Отсюда вытекал и практический вывод о том, что вопросы формирования Содружества «должны быть рассмотрены на совещании глав суверенных государств», т.е. Беловежские договоренности признавались лишь в качестве платформы для дальнейших шагов по созданию СНГ с более широким кругом участников.

На Ашхабадском совещании было решено провести встречу глав государств Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана, «на которую приглашаются президенты Беларуси, России и Украины».

21 декабря 1991 года в Алма-Ате собрались лидеры 11 бывших союзных республик (т.е. все, кроме прибалтийских и Грузии). На встрече глав государств прозвучало предложение о создании конфедерации. Но всякое упоминание об этом вызывало абсолютное неприятие со стороны Кравчука, который заявил, что Украина — суверенное государство и не войдет ни в какое сообщество даже с намеком на любые надреспубликанские органы. Видимо, с учетом этого в Декларацию, принятую в Алма-Ате, было включено положение о том, что Содружество Независимых Государств «не является ни государством, ни надгосударственным образованием».

Эта позиция привела к огромным трудностям, с которыми постоянно сталкиваются члены СНГ в их взаимоотношениях.

В результате встречи произошла определенная ревизия Минского соглашения и были подписаны, в том числе и руководителями первых трех республик, по сути дела, новые документы — Алма-Атинская Декларация от 21 декабря 1991 года и серия дополнительных к ней соглашений и протоколов.

Стала более точной и формулировка о судьбе Союза СССР:

«С образованием Содружества Независимых Государств Союз Советских Социалистических Республик прекращает свое существование». Лидеры 11 суверенных республик, образовавших Содружество Независимых Государств, приняли обращение к Горбачеву, в котором уведомили его о прекращении существования Советского Союза и института президентства СССР. В Обращении главы независимых государств благодарят союзного президента Горбачева за его большой положительный вклад...

Итоги Алма-Атинской встречи не оставили надежд Горбачеву, и 25 декабря 1991 года в 19 часов по московскому времени страна услышала последнее его выступление в качестве президента теперь уже не существующего государства.

Во время его выступления огромное красное полотнище — флаг Советского Союза — дрогнуло над куполом Кремлевского дворца и поползло вниз. Его снимал, видимо, в награду за совершенное предательство главный вдохновитель и организатор государственного переворота Бурбулис. Через несколько минут на флагштоке Кремля поднялся трехцветный флаг.

Так закончилась вошедшая навсегда в историю человечества великая эра супердержавы — Союза Советских Социалистических Республик.

3. СУМЕРКИ УПАЛИ НА НАШУ ЗЕМЛЮ

Итак, на одной шестой части Земли вместо единого федеративного государства — СССР — образовалось 15 суверенных государств. Черное дело свершилось — под фанфары «вождей», рвавшихся к власти, и улюлюканье обманутых толп. Но эйфория продолжалась недолго. Началось мучительное отрезвление — как поется в песне: «А поутру они проснулись...»

В России все это время положение было настолько сложным и непредсказуемым, настолько трудным для большинства населения, что в 1998 году инициативная группа депутатов Государственной думы — в количестве 218 человек, в том числе автор этих строк, — предложила выдвинуть обвинения против Президента РФ Ельцина с целью отстранения его от должности (импичмент).

Юридической базой для возбуждения этого обвинения была статья 93 Конституции Российской Федерации, в которой говорится, что Президент страны может быть отрешен от должности Советом Федерации, причем только на основании выдвинутого Государственной думой обвинения в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления*.

В Госдуме была создана Специальная комиссия по расследованию именно таких преступлений Ельцина. В процессе обсуждения были сформулированы обвинения по пяти пунктам.

Первое. В декабре 1991 года Президент России Б.Н. Ельцин совершил государственную измену, подготовив и заключив Беловежское соглашение, окончательно уничтожившее Советский Союз.

Второе. В сентябре-октябре 1993 года, организовав государственный переворот и приняв активное участие в его осуществлении, президент Б.Н. Ельцин совершил преступления, предусмотренные статьями Уголовного кодекса Российской Федерации.

* Краткая юридическая квалификация обоснования постановки вопроса об отрешении Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от должности в связи с совершением им тяжких преступлений, дана в сборнике документов и материалов Специальной комиссии Государственной думы.

Третье. 30 ноября 1994 года президент Б.Н. Ельцин издал Указ № 2137 «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской республики и в зоне осетино-ингушского конфликта» и отдал приказ о военных действиях в Чеченской республике, тем самым совершил преступление.

Четвертое. Будучи Верховным главнокомандующим Вооруженными силами Российской Федерации, президент Б.Н. Ельцин за время выполнения своих функций нанес серьезный ущерб обороноспособности и безопасности Российской Федерации.

Пятое. «Реформы», легшие в основу политики Б.Н. Ельцина и его окружения, привели Россию к социально-экономическому кризису, связанному с разрушением основных отраслей народного хозяйства, все более усиливающемуся расслоению общества, с потерей безопасности страны, резким падением уровня жизни и вымиранием населения.

В работе Комиссии приняли участие большое число депутатов, специалистов, были заслушаны показания многих должностных лиц государства. Заседания Комиссии проходили в сугубо демократическом духе. Споры и дискуссии были весьма жесткими, выслушивалось мнение не только сторонников импичмента, но и его противников. Комиссия располагала, можно сказать, фундаментальными материалами, совершенно объективно освещавшими положение в стране, возникшее в связи и после разрушения Советского Союза.

Так что можно было с уверенностью опираться на полученные материалы при обсуждении этого вопроса на пленарном заседании Госдумы.

Использую их и я, чтобы рассказать достаточно конкретно об этом немаловажном эпизоде нашей новейшей истории*. Подчеркну только, что все фактические данные и характеристики положения дел в стране относятся именно к 1998 году и я никоим образом их не модернизирую, не довожу до сегодняшнего дня, ибо они как бы подводят итог правления Ельцина и в этом смысле представляют собой, на мой взгляд, немалую историческую ценность.

Безусловно, все пять пунктов обвинения являлись прямым следствием преступного разрушения государства.

* Этот раздел главы написан на основе документов Специальной комиссии Государственной думы РФ по обвинению, выдвинутому против Президента России Б. Ельцина, в том числе показаний и выступлений на ней И.Н. Родионова, В.И. Илюхина, Д.Д. Венедиктова и др., а также материалов исследований академика Российской академии наук Г.В. Осипова и член-корреспондента РАН В.Н. Кузнецова.

Итак, выше уже было сказано, что в дни Беловежя и в последующее время находились и находятся разного рода деятели, которые выступают в защиту Ельцина. Они утверждают, что он, как и другие участники Беловежской встречи, не разрушал Советского Союза, а лишь зафиксировал его распад, и что ратификация Соглашений Верховным Советом РСФСР вообще полностью снимает с Ельцина какую бы то ни было вину. Однако Специальная комиссия Госдумы сделала совершенно четкие иные выводы по принципиальным положениям этого пункта обвинения.

Первое. Абсолютно незаконным является признание Союзного договора 1922 года утратившим силу. Он был подписан сначала шестью республиками: Россией, Украиной, Белоруссией и входившими в Закавказскую Федерацию Азербайджаном, Арменией и Грузией, а затем к этому договору присоединились еще девять республик, образовавшие таким образом, Союз ССР. Причем этот Договор полностью вошел как составная часть в Конституцию СССР 1924 года. А затем его основные положения практически полностью были воспроизведены в Конституциях СССР 1936 и 1977 годов и в конституциях всех союзных республик (например, РСФСР — 1925, 1937 и 1977 годов).

Союзный договор 1922 года и соответствующие ему конституционные нормы никогда не предусматривали его денонсации, поскольку это был документ учредительного характера. Не международного, а именно учредительного. Создавалось новое государство. В Договоре, а затем в конституциях предусматривалось сохранение за каждой из союзных республик, вошедших в СССР, права свободного выхода из него. Порядок этого выхода был урегулирован Законом СССР от 3 апреля 1990 года. И только по результатам всех процедур в соответствии с этим Законом вопрос о выходе республики из состава Союза окончательно должен был решаться Съездом народных депутатов СССР.

Второе. Преступлением (тягчайшим, по моему мнению) авторов Беловежского соглашения является фактическая отмена результатов общесоюзного референдума. Напомню, что Съезд народных депутатов СССР 24 декабря 1990 года принял постановление о проведении референдума в стране по вопросу о сохранении обновленного Союза. Референдум состоялся 17 марта 1991 года. Из 185,6 миллиона имевших право голоса граждан СССР в нем участвовали 148,5 миллиона человек, или 80 процентов. Из них 113,5 миллиона, или 76,4 процента, проголосовали за сохранение Союза ССР. В соответствии с Законом о референдуме его решение имело обязательную силу на всей территории СССР и могло быть отменено или изменено только путем референдума же. Никто иной не мог отменить это решение. Закон обязывал вы-

полнять решение референдума все государственные органы, организации и всех без исключения должностных лиц.

Третье. Подписав Беловежское соглашение, Ельцин нарушил конституционные права всех граждан Российской Федерации. В соответствии с Конституциями СССР и РСФСР, действовавшими тогда, каждый гражданин Советской России являлся гражданином СССР. Более 70 процентов граждан РСФСР 17 марта подтвердили свое желание быть гражданами СССР. Беловежье подорвало одну из главных основ правового положения личности — институт гражданства: 25 миллионов россиян оказались в одну ночь иностранцами на своей собственной территории.

Прошло полтора десятка лет, а проблема гражданства, беженцев, устройства их на новом месте жительства осталась такой же острой. Из-за распада единого государства и проводимой в суверенных странах политики по лишению гражданских прав русских, создания для них невыносимых жизненных условий они вынуждены эмигрировать на свою историческую родину.

Миграция из стран СНГ и Прибалтики в Россию составляла в первой половине прошлого десятилетия свыше 1 млн человек в год, а в среднем за все 90-е — 380 тысяч ежегодно. А ведь практически для каждого из них миграция была прямо-таки коренным переломом в жизни, сопряженным со множеством сложнейших проблем и, мягко говоря, огромных трудностей.

Но в ту беловежскую пьяную ночь подписантам было не до каких-то там людских судеб. Необходимо было осуществить главную цель — развалить единое государство и получить желанную власть.

Ельцин и его поделельники сделали то, к чему на протяжении веков стремились многие страны: разрушить, уничтожить наше государство. О том, кому это было на руку, гадать не надо. Так, в своем заявлении 25 декабря 1991 года Президент Соединенных Штатов Америки Джордж Буш (старший) подчеркнул: «Соединенные Штаты приветствуют и поддерживают исторический выбор в пользу свободы, сделанный новыми государствами Содружества... Несмотря на потенциальную возможность для нестабильности и хаоса, эти события явно отвечают нашим национальным интересам».

Окружение Ельцина еще до Беловежского сговора под диктовку своих заокеанских друзей сочиняло планы по расчленению СССР. Эти люди в течение длительного времени формировали политику Ельцина, что, безусловно, сказалось на принятии решения 8 декабря 1991 года. Например, план, предложенный Г. Поповым и одобренный «демороссами», включал в себя следующее: разделить РСФСР на семь

частей, Украину — на три и в итоге создать на обломках СССР 17 суверенных государств. Гавриил Харитонович превзошел Гитлера и Розенберга, по плану которых, подготовленному в 1941 году, перед нападением Германии на СССР, предполагалось создать в нашей стране «всего» 10 подведомственных рейху территорий.

Или другой план, касающийся уже современной России. ЦРУ - Соединенных Штатов Америки предлагало расчленить ее на 8 самостоятельных государств. Чтобы читатель знал, в каком из них ему предстояло бы проживать, приведу их полный перечень (с названиями столиц):

- Российская республика (Москва);
- Северо-Западная республика (Санкт-Петербург);
- Поволжская республика (Саратов);
- Казахская республика (Ставрополь);
- Уральская республика (Екатеринбург);
- Западносибирская республика (Красноярск);
- Демократическая республика Саха (Якутск);
- Дальневосточная республика (Владивосток).

Дурной пример заразителен — тем более что этого хотелось да и сейчас хочется нашим заклятым «друзьям» из-за кордона. Каждый день в СМИ появлялись материалы с глубокими «научными» политологическими выводами и призывами: «Зачем России Кавказ?», «Не должны погибнуть за Кавказ наши мальчишки!» и т.п. По мнению некоторых соучастников ельцинских преступлений, неолиберальных реформаторов и им подобных, Россия в силу ее необъятных просторов — страна неуправляемая, и якобы поэтому вместо одного государства надо создать множество независимых «княжеств». Не менее «патриотичны» и другие мечты и размышления «либерально-демократических» деятелей, возжелавших подарить Финляндии российские территории на севере Кольского полуострова. Наши доморожденные «патриоты» ждут не дождутся, когда Россия созреет для передачи Курильских островов Японии, а затем, если не раньше, и Калининграда Германии. Они рассуждают примерно так: отдал же Ельцин Крым вместе с Севастополем Украине, а Горбачев в великой спешке Эстонии — российские территории с городом Нарвой...

Я часто задаю себе вопрос: что было бы с руководителями зарубежных демократических стран в подобных случаях? На минутку представим себе, что Буш (младший) возвратил бы Аляску России, в порыве угрызения совести передал бы Техас исконному хозяину этой территории — Мексике, а то взял бы и вовсе распустил США, предоставив суверенитет отдельным штатам. Или, к примеру, Президент Франции вдруг

принял бы решение удовлетворить требования национал-экстремистов и предоставил суверенитет Нормандии, а премьер-министр Великобритании с извинениями вернул бы Фолклендские острова Аргентине и наконец-то объявил о независимости Ирландии. Или руководство Канады, Испании подсутилось бы с объявлением самостоятельности, соответственно, Квебека и региона проживания басков. Что бы с ними произошло — ясно, по-моему, без лишних слов. Но тогда невольно напрашивается вывод: все, что противоречит здравому смыслу на Западе, с позиций его российских прихлебателей не только возможно, но даже желательно у нас. Такова подлинная цена их «патриотизма».

В декабре 1991 года Ельцин, совершив акт величайшей государственной измены в отношении СССР, нанес и России огромный ущерб. Это касается, без преувеличения, всех сторон жизни — авторитета и роли нашего государства в мировом сообществе, экономики, обороноспособности, развития науки, производства и культуры, жизненного уровня населения и т.д. Вот только некоторые из множества убедительных фактов, почерпнутые из материалов Специальной комиссии Государственной думы по импичменту президента России Ельцина по состоянию, повторяю, на 1998 год.

В области экономики.

Первоначально сформулированные соратниками Ельцина и заученно им повторявшиеся цели и задачи выглядели в глазах народа весьма благородно: предполагалось на основе демократизации и либерализации экономической и политической жизни страны поднять уровень и качество жизни населения. Однако — и это видно сейчас невооруженным глазом — объявленная цель была не только не достигнута, а, напротив, условия существования людей ухудшились в несколько раз. Ради разрушения прежней, советской экономической и социально-политической системы были принесены беспрецедентные жертвы. Десятки и десятки миллионов людей были вынуждены ежедневно, ежечасно бороться за элементарное выживание.

А ведь Россия — единственное в мире самодостаточное государство. Она занимает 10 процентов территории Земли при 2,4 процента ее населения. Обладая гигантскими и разнообразными сырьевыми запасами, огромным интеллектуальным, социальным и человеческим потенциалом, Россия имеет все предпосылки к тому, чтобы находиться на одном из первых мест в мире по условиям существования ее населения. Однако пропасть между этими возможностями и реальным уровнем и качеством жизни народа продолжает углубляться.

Катастрофически ухудшилось за годы ельцинского правления по многим показателям положение России и в сравнении с США, как и с

рядом других экономически развитых стран. Скажем, в 1998 году расходы государственного бюджета в России на душу населения были в 34 раза меньше, чем в США, и в 43 раза меньше, чем в Финляндии.

Россия, ставшая в 30-х годах второй державой в Европе, а в середине XX столетия второй наряду с США сверхдержавой мира, ныне отброшена на обочину периферийного промышленного развития. За время реформ общий объем промышленной продукции в стране сократился более чем наполовину. В отдельных отраслях экономики произошло обвальное, катастрофическое падение производства. Выпуск продукции машиностроения сократился на 60 и более процентов. Спад производства в легкой и текстильной промышленности составил свыше 80 процентов, на многих предприятиях отрасли объем выпуска продукции сократился в пять раз. Отдельные предприятия, в том числе градообразующие, практически прекратили производство, а их рабочий и инженерно-технический состав остался без средств к существованию.

Уничтожены целые отрасли экономики, в частности, станкостроение, производство машин для строительства и сельского хозяйства, электронная и инструментальная промышленность, многие предприятия оборонного комплекса, научно-исследовательские институты. После всего этого ни о какой независимости России от Запада не может быть и речи.

После слома Советской власти не сооружены ни одна вновь начатая строительством электростанция, ни один сколько-нибудь крупный завод. За это время закрыты, разграблены десятки тысяч современных предприятий (не говоря уже, забегая немного вперед, о школах, медицинских учреждениях, клубах и библиотеках, пионерских лагерях и детских садах...), что говорит о деиндустриализации страны. Свидетельствуют об этом не только количественные, но и качественные показатели: практически во всем народном хозяйстве чрезвычайно малый объем современного производства, неконкурентоспособность большинства отраслей экономики, неуклонное старение основных фондов в техносфере — их изношенность колеблется от 60 до 80 процентов.

Налицо устойчивая консервация преимущественно топливно-сырьевой структуры российского экспорта. Из страны экспортируются 78 процентов производимого алюминия, 82 процента никеля, 71 процент меди, 78 процентов минеральных удобрений, 30 процентов газа, 40 процентов нефти, большие объемы редкоземельных элементов. И при этом в России не открыто ни одного месторождения полезных ископаемых даже среднего объема. Геологическая служба пущена в распыл, разгромлена. Страна живет за счет советских запасов.

Еще в недалеком прошлом Советский Союз входил в число лидеров мирового научно-технического прогресса и обладал наиболее крупным научным потенциалом. Треть всех величайших научных открытий XX века сделана учеными бывшего СССР. Сегодня наша страна стремительно обретает статус государства колониального типа. Ее доля в экспорте высокотехнологической продукции составляет всего один процент. Это ведет к быстрой утрате былых приоритетов научно-технического развития. В то же время внутри страны свыше 80 процентов разработок новой техники и новейших технологий остается невостребованными. Сотни тысяч научных и технических работников уходят из науки. Теряя научный потенциал, страна вместе с ним теряет будущее и возможность построить достойную жизнь для своих сограждан. Финансирование науки в России с каждым годом сокращается и составляет менее 0,5 процента от валового внутреннего продукта, да и эти мизерные суммы не доходят до нее.

Сильнейший урон понесло и сельское хозяйство. Валовая продукция в хозяйствах всех категорий уменьшилась более чем на 35 процентов. Наполовину упал сбор зерновых. Производство мяса снизилось также наполовину, молока — больше чем на 30 процентов. поголовье крупного рогатого скота, овец и птицы уменьшилось в два и более раза. Для воспроизводства их на уровне 1990 года потребуются многие годы, как и на восстановление пахотного российского поля, которое сократилось более чем на 20 миллионов гектаров.

Создается впечатление, что идет целенаправленный разгром отечественного сельского хозяйства в угоду западным производителям. Между тем в мировой практике в качестве критического принято считать 30-процентный уровень потребления импортных продуктов питания, после которого возникает стратегическая зависимость от поставщиков. Россия, которая устойчиво обеспечивала себя высококачественным и дешевым продовольствием, теперь закупает почти 45 процентов потребляемых продуктов питания, причем крупнейшие города зависят от их поставок из-за рубежа уже на 70—80 процентов.

Разрушение единого экономического пространства, существовавших в СССР народного хозяйства и науки породило многомиллионную армию безработных, лишенных элементарных гарантий физического выживания. Их численность, по официальной статистике, колебалась от шести до семи миллионов человек, или составляла 10 процентов экономически активного населения. А фактически, если говорить о реальных цифрах, численность безработных в 1998 году превышала 25 миллионов человек, и лишь небольшая их часть имела возможность получать пособие по безработице, да и то нерегулярно.

В интересах узкой прослойки Ельцин и его правительство провели в России приватизацию общенародной государственной собственности. В результате на долю относительно благополучных 20 процентов населения в 1998 году приходилось более половины совокупного объема доходов, и из нее основная часть присваивалась 200—300 семьями, узурпировавшим непомерно большую долю национальных богатств и государственную власть в стране.

Либерализация цен и полное обесценивание доходов и сбережений граждан, как полагает Специальная комиссия Госдумы, осуществлены и проводятся президентом и правительством вполне осознанно и целенаправленно. Все это тоже проведено в угоду узкому клану, нажившему свои богатства за счет обобранного абсолютного большинства населения. Одномоментно россияне лишились сбережений в размере почти 250 триллионов рублей (в старом исчислении), которые составляли один из источников их существования или являлись семейным «страховым фондом» на черный день. Такой день наступил, а миллионы людей встретили его с пустыми руками.

Кстати, президент и исполнительная власть несут прямую ответственность и за ограбление населения организаторами финансовых пирамид: власть, не располагая надежной правовой основой, тем не менее разрешила деятельность явно криминальных и полукриминальных организаций, отобравших у россиян в то время практически все, что еще у них оставалось после ограбления их государством.

Ельцин с Гайдаром, «отпуская» цены на волю со 2 января 1992 года, обещали, что они вырастут «только» в 3 раза, затем наступит их стабилизация и далее — снижение. Что из этого вышло, мы знаем: люди испытывали эти ельцинско-гайдаровские сказки и ельцинско-явлинские иллюзии «500 дней» на себе.

Резко снизилась и платежеспособность населения. Широко используя рычаги своей пагубной макроэкономической политики, президент и правительство под предлогом борьбы с инфляцией сознательно пошли на уменьшение оборотной денежной массы в сфере производства. Это сразу же вызвало кризис платежей, блокирование производства, криминализацию экономики, резкое сокращение заработной платы, огромный внешний и внутренний государственный долг, который правительство опять-таки пыталось погасить за счет сбережений, отобранных у граждан, и невыплаты им заработной платы. На полные обороты была раскручена машина по выпуску облигаций, иных ценных бумаг — суррогатов и навязывания их россиянам вместо реальных денег. Еще один мощный удар по населению страны нанесен системой постоянных сокращений социальных расходов,

в первую очередь на образование, медицину, пенсии, различные пособия.

Известно, что заработная плата является основным источником поддержания жизни большинства населения. Несмотря на это, в интересах дальнейшего обогащения небольшого клана новоиспеченной буржуазии и обслуживающего ее коррупционного чиновничества, ставшего социальной опорой политической власти, президент осознанно пошел на длительную невыплату денег, пособий, фактически на пытку голодным и полуголодным существованием сотен тысяч, миллионов своих сограждан. Многим категориям работающих зарплата не выдавалась от нескольких месяцев до нескольких лет. От недоедания и голода люди, даже дети в школах, падали в обмороки.

Стремясь принципиально изменить социально-экономические отношения в России, сформировать новый класс — частных собственников, Ельцин сознательно шел на ухудшение жизненных условий российских граждан, с неизбежностью влекущее за собой большие демографические потери как из-за повышения смертности, так и из-за сокращения рождаемости. В результате в стране резко сократилась численность населения.

И при этом все предложения по изменению проводимого им социально-экономического курса постоянно отвергались.

Это заключение Комиссии вызвало возражение двух депутатов Госдумы, которые, кстати, были не согласны вообще со всеми пунктами обвинения. Доводы их были банально демагогичными, но по этой позиции они высказали, можно сказать, уникальное соображение: признавая, что вследствие резкого снижения рождаемости и увеличения смертности действительно произошло значительное уменьшение численности населения России, они полагали, что причину не следует усматривать ни в ухудшении условий жизни российских граждан, ни в массовой безработице, ни в нищенских зарплатах и пенсиях, ни в регулярных их задержках, ни в недоступности для большей части населения медицинской помощи. Причиной сокращения численности населения в нашей стране за последние годы, по их утверждению, является длительное существование народа в условиях самоизоляции («железный занавес»), что «лишило российскую популяцию механизмов иммунитета, способности к жизнедеятельности в чужеродной среде, агрессивной среде». Тем самым авторы этого «открытия», сами того не желая, подтвердили тот факт, что в результате проводимых в Российской Федерации «экономических реформ» наш народ оказался в не только чуждой, а и враждебной ему среде! Интересно, поблагодарил ли этих своих защитников Ельцин за их медвежью услугу?..

Кстати, на заседаниях Комиссии отмечалось, что особенно высокими темпами уменьшается славянская часть населения России. Депутат В.И. Илюхин заявил даже, что проводимая президентом страны политика сродни «технологии» депопуляции славян, разработанной немецкими нацистами с целью расчистки экономического пространства СССР для арийских «сверхчеловеков».

Именно Беловежское соглашение разорвало целостное жизненное — политическое, экономическое и культурно-языковое — пространство, нарушило многовековые традиции, уклад жизни и воспроизводство населения как единой социальной общности и каждой нации (этнуса) в отдельности, саму среду их обитания. Немудрено поэтому, что с 90-х годов XX столетия Россия впервые вполне осознано столкнулась с депопуляцией и вырождением нации. Какой же живой организм может не зачахнуть, а тем более — размножиться в чужеродной и агрессивной среде? В последние годы средняя продолжительность жизни мужчин сократилась до 57 и женщин — до менее чем 70 лет*.

И действительно, смертность возросла, и характерно, что среди умерших третью часть составляют лица трудоспособного возраста. Причем смертность мужчин в этой категории населения превышает смертность женщин в четыре раза. Чаше всего это связано с несчастными случаями, травмами, насилием, убийствами и самоубийствами, алкоголизмом, наркоманией и т.д. Ускоренно вымирают и лица старших возрастных групп, то есть имеет место разрыв поколений в буквальном, физическом смысле. А ведь их преемственность является основой благополучия общества, наследования мудрости, знаний, накопленного жизненного опыта.

В настоящее время число умерших превышает в 1,5—1,7 раза число родившихся. За годы радикальных «реформ» Ельцина—Гайдара количество браков снизилось на 30 процентов, а рождаемость уменьшилась на 37 процентов. Уровень рождаемости в стране является одним из самых низких в Европе и почти на 40 процентов меньше необходимого даже для простого замещения родителей их детьми. Это прежде всего является непосредственным следствием тяжелых экономических условий, а также во многом связанного с ними того факта, что на каждые 1000 родов у нас приходится примерно 200—215 абортов. Да и как и где растить детей, если жилищная проблема, как говорится, дер-

* В этом разделе использован материал, переданный в Специальную комиссию Госдумы членом-корреспондентом Академии медицинских наук Д.Д. Венедиктовым.

жит миллионы и миллионы семей за горло. Ведь в строительстве бесплатного жилья у нас за годы «царствования» Ельцина сложилось чрезвычайно тяжелое (а для многих — просто невыносимое) положение. Добавлю, что с принятием серии законов по жилью в 2005 году бесплатного его вообще практически не существует. Общие темпы строительства жилья снизились в 2,4 раза, оно стало дорогим и недоступным для большинства людей.

Общие демографические потери России с учетом умерших и не родившихся в силу крайне неблагоприятных социально-экономических условий превысили 8 миллионов человек. В среднем за семь лет* ельцинского правления годовая убыль населения возросла почти до миллиона человек. И это при том, что такие ужасающие потери частично перекрывались миграцией из бывших союзных республик. Не говорит ли это о том, что войну власти против своего народа в наше время можно «успешно» вести и без традиционного оружия, экономическими средствами?

Негативные демографические сдвиги во многом зависят от ухудшения здоровья людей. Здесь — частично об этом уже сказано выше — ситуация в 1992—1998 годах была просто катастрофической. Приведу еще некоторые данные из материалов Комиссии.

Отрицательная динамика в состоянии здоровья населения наблюдается повсеместно по всем возрастным и социальным группам и практически по всем болезням. Резко возросли масштабы сердечно-сосудистых, онкологических, эндокринных, обменных заболеваний. Очень тревожно положение с инфекциями, особенно с туберкулезом, гепатитами, кишечными, паразитарными, венерическими болезнями, СПИДом. Крайне тревожно то, что, например, распространение сифилиса выросло в 64 раза, причем вообще заболеваемость венерическими болезнями касается сейчас и детей, и подростков, и это является буквально трагедией — социальной, и человеческой.

Образное выражение Томаса Манна — «Болезни — это путь бедняков» — приобретает сейчас все более и более конкретный драматический смысл для человека, который не имеет возможности купить лекарства, дорожающие не по дням, а по часам, не может заплатить за прием у специалиста или за операцию. Рядовому гражданину практически недоступно поехать в санаторий, т.к. его зарплаты или пенсии не хватит даже на билет в одну сторону...

70 процентов населения живут в состоянии устойчивого стресса, постоянного нервного, эмоционального перенапряжения, выз-

* Ко времени заседания Специальной комиссии Госдумы. — *Н.Р.*

ванного экономическими, социальными, экологическими и другими причинами. Поэтому растет число нервно-психических заболеваний функционального характера, все большие массы людей приобщаются к наркотикам и алкоголю. Нельзя не отметить, что именно такой «букет» составляет группу так называемых социальных заболеваний, т.е. тех, которые расцветают в обществах, находящихся в состоянии упадка, когда люди впадают в нищету, не могут найти себе достойного применения, когда резко ухудшаются все условия их существования и нет ясной и реальной перспективы выхода из всеобщего кризиса.

В свете сказанного вряд ли вызовет удивление то, что ежегодно более 20 тысяч доведенных до отчаяния россиян сами лишают себя жизни, что 65 тысяч человек уносят убийства, что 42—47 тысяч человек, в основном, в расцвете сил и самом жизнеспособном возрасте, гибнут от злоупотребления алкоголем и наркотиками.

Сложившееся положение в социальной сфере жизни россиян не могло не отразиться на будущем поколении. В июне 2005 года, в Международный день ребенка, министр внутренних дел РФ Нургалиев Р.Г. заявил, что в России у 2 миллионов детей нет родителей, 6 миллионов живут в социально неблагоприятных условиях, 4 миллиона детей употребляют наркотики. В стране 870 тысяч беспризорников. И это официальные данные, которые, по мнению специалистов, весьма занижены. А вот цифры не заниженные: пособие на ребенка — 70 рублей в месяц! И это в то время, когда в стране избыток денег!

В стране процветает, практически в открытую, детская работорговля. Дяденьки и тетеньки в белых халатах нормально развитых детей переводят в категорию умственно отсталых, с тем чтобы была возможность их выгодно продать, особенно — за океан.

Да, по-видимому, надо бы воскресить Ф.Э. Дзержинского, чтобы решить проблему беспризорного детства в нашей стране. Ведь справились же с этим социальным злом после Гражданской и Великой Отечественной войн!

Такова в самых общих чертах безрадостная картина рухнувшего, можно сказать, уровня жизни народа, в том числе в связи с умирающим и коммерциализирующимся отечественным здравоохранением, система которого в советские времена была признана лучшей в мире. А в 1998 году она являла собой одно из самых убедительных свидетельств полного развала всей социальной сферы в стране, начало чему было положено Ельциным и К° 8 декабря 1991 года в Беловежской Пуше, фактически враждебного отношения созданного им режима к подавляющему большинству населения России.

Более того, изучив все подобные материалы, Специальная комиссия Госдумы сочла правомерным и необходимым предъявить Ельцину обвинения в геноциде российского народа.

Понятие «геноцид» впервые в международное право было введено и закреплено в нем Конвенцией о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1948 года. Советский Союз присоединился к этой Конвенции в 1954 году, и потому ее действие распространяется на Российскую Федерацию как правопреемнику Советского Союза. Статья 2 данной Конвенции определила геноцид как действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу народа как таковую путем: убийства членов такой группы; причинения серьезных телесных повреждений или умышленного членовредительства членам такой группы; предумышленного создания какой-либо группе таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее, создания мер, рассчитанных на предотвращение деторождения в среде такой группы; насильственной передачи детей из одной человеческой группы в другую. Многие из этих позиций, безусловно, относятся, по существу, и к деятельности Ельцина.

Сильнейший удар по социальным условиям жизни россиян нанесли последователи Ельцина — Зурабов, Кулдин и К°. Протащенный ими человеконенавистнический закон 122 окончательно «зачистил» все оставшиеся льготы. Государственная дума с восторгом приняла этот закон, Совет Федерации его одобрил, а президент страны подписал его. И это сделали депутаты, предшественники которых всего семь лет тому назад предъявляли Ельцину обвинения в геноциде своего народа!

Говоря о положении детей в России, не могу не затронуть еще одну детскую проблему — состояние школьного питания. Как всем понятно, недостаточное поступление питательных веществ в детском и юношеском возрасте отрицательно сказывается на показателях физического развития, заболеваемости, успеваемости, способствует проявлению обменных нарушений и хронической патологии.

Большую часть времени школьники, а сейчас их у нас свыше 16 миллионов, проводят в общеобразовательных учреждениях, в которых санитарными правилами предусмотрено для них горячее питание — завтрак, для детей, посещающих группу продленного дня, — завтрак и обед, а при длительном пребывании в учреждении — полдник. По данным Минздравсоцразвития России, стоимость питания в школе в различных субъектах РФ колеблется от 0 до 12—15 руб. в день. В среднем по России процент охвата школьников горячим питанием

снижается при переходе из начальной школы в среднюю и старшую ступень, соответственно, 82 процента, 64 процента, 51 процент и ниже. Что касается качественной стороны проблемы, то, по данным Института питания РАМН, в школе дети получают в лучшем случае около 30—40 процентов дневной нормы питания.

Особенно сложным является положение дел в сельских школах — достаточно сказать, что до 65 процентов этих школ не имеют гарантированного источника питьевой воды.

Конечно, проблемы детства в школе продолжаются, а начинаются они намного раньше. Ведь 70 процентов женщин имеют отклонения в состоянии здоровья. Роды протекают нормально только у 40 процентов беременных. Больше половины новорожденных также имеют отклонения в состоянии здоровья. Примерно у 15—20 процентов дошкольников выявляются хронические заболевания. Здоровыми к окончанию школы остаются лишь 10 процентов подростков. Все чаще отмечаются задержки в физическом и психическом развитии детей — то есть имеет место декселерация вместо акселерации, как было в советское время. В результате все большее число молодых людей становятся непригодными по состоянию здоровья к военной службе и эффективной творческой трудовой деятельности.

Например, по сообщению вице-премьера Правительства России, министра обороны РФ С. Иванова на Правительственном часе в Государственной думе, около 10 процентов призывников осени 2005 года имели дефицит веса, вследствие чего эти юноши вместо обучения воинскому делу сразу же после прибытия в армейские части отправлялись «на откорм». И это кроме того, что в то же время военкоматы были вынуждены освободить от службы в армии до 90 тысяч семнадцатилетних юношей с дефицитом веса.

Вернемся, однако, к обвинениям, предъявленным Специальной комиссией Государственной думы президенту Ельцину, одним из которых, как уже отмечено выше, было совершение действий, приведших к ослаблению обороноспособности и безопасности Российской Федерации, начало чему положили заключение и реализация Беловежского соглашения.

Комиссия пришла к выводу, что к крупному ущербу для обороноспособности и безопасности Российской Федерации привело ненадлежащее использование Ельциным своих властных полномочий, вследствие чего Вооруженные Силы Российской Федерации и оборонно-промышленный комплекс оказались фактически в состоянии полного развала.

И на таком фоне Ельцин попросту игнорировал многочисленные обращения к нему Государственной думы, содержавшие требования о срочных мерах по укреплению Вооруженных сил и оборонно-промышленного комплекса (как, впрочем, и по многим другим «горячим» вопросам жизни страны, в том числе и по упомянутым проблемам здравоохранения).

Из свидетельских показаний, данных Комиссии авторитетными представителями Вооруженных сил и военно-промышленного комплекса, в том числе бывшим министром обороны И.Н. Родионовым, стало очевидно, что президент в целом ряде случаев умышленно уклонялся от выполнения своих обязанностей по обеспечению обороноспособности государства. Приведу некоторые фрагменты из показаний министра, живописующие «деятельность» Ельцина в качестве Верховного главнокомандующего Вооруженными силами России.

«Когда меня назначили министром обороны, я пытался разобраться в том, что же из себя представляет наша оборона на лето 1996 года, в каком состоянии находятся Вооруженные силы и что их ждет дальше...

Вместе с Генеральным штабом я врал в обстановку. Уже были двух-трехмесячные невыплаты денежного содержания, нарушение финансирования остальных статей согласно утвержденному бюджету. Мы требовали, чтобы выделялись средства согласно бюджету, и ни копейки больше. Работать приходилось с Черномырдиным как с Председателем правительства.

Осенью 1996 года, после смены начальника Генштаба, мы с Генеральным штабом пришли к выводу, что положение дел в Вооруженных силах, в видах Вооруженных сил — в сухопутных войсках, на флоте, в ВВС*, в ПВО**, за исключением РВСН***, — неудовлетворительное. И положение продолжает усугубляться, нарастают тревога, беспокойство...

Когда Президент после операции приступил к исполнению своих обязанностей, его контакты со мной и с Министерством обороны вообще прекратились. Мои неоднократные попытки втянуть президента в армейские проблемы, в проблему обороны, в проблему реформирования Вооруженных сил встречали нежелание заниматься этими вопросами. Просто нежелание.

В декабре 1996 года было принято решение о проведении Совета обороны. На этом Совете мне и начальнику Генерального штаба было

* Военно-воздушных силах. — *Ред.*

** Противовоздушной обороне. — *Ред.*

*** Ракетных войск стратегического назначения. — *Ред.*

поручено подготовить два доклада. Мой доклад должен был касаться концепции военной реформы в целом. Доклад начальника Генерального штаба — конкретные реформы Вооруженных сил государства. Мне кажется, что по первому вопросу доклад должен был сделать или Президент, или Председатель правительства. И то, что этого не произошло, еще раз говорит о том, что у нас в высшем политическом руководстве очень плохо понимают разницу между военной реформой государства, или всей государственной системы, и реформой Вооруженных сил. И пытались до сегодняшнего дня все реформирование свалить на Министерство обороны.

Несмотря на принятое решение, проведение заседания Совета обороны по этим двум проблемам, с двумя докладами по 30 минут, переносилось полгода — до мая 1997 года. И до мая 1997 года все наши попытки — моя, начальника Генерального штаба — обострить чувство ответственности президента, Председателя правительства, министров, которые непосредственно имели отношение к этим двум проблемам, не увенчались успехом. Мы варились в собственном соку, не имея никакой поддержки и помощи.

Вот что происходило у нас накануне майского Совета обороны 1997 года. Наконец-то президент принял решение: Совет обороны провести. Как можно заниматься реформированием, не имея ни концепции военной реформы, ни концепции реформирования Вооруженных сил, исходя из этого — не имея программ, исходя из этого — не имея планов на год, на ближайшее время? А ведь вся полнота власти — у президента. У нас с Генеральным штабом были какие-то задумки, конкретные мероприятия, но без утверждения Президентом мы ничего не могли сделать. Мне даже было категорически запрещено заниматься кадровой перестановкой.

Мы тщательно готовились к этому Совету обороны. До Совета обороны мне пришлось 23 февраля, используя День защитника Отечества, встречи с ветеранами, обратиться к общественности по вопросу о состоянии дел в Вооруженных силах (это было в ЦДРА — Центральном доме Российской Армии), что было воспринято президентом очень болезненно, потому что президент хотел, чтобы руководство Министерства обороны тоже пело песни об успешном претворении в жизнь несуществующих реформ — военной и Вооруженных сил, а положение дел было не лучше, а с каждым месяцем все хуже.

Мы с начальником Генерального штаба тщательно подготовились к Совету: я позвонил президенту, попросил его провести Совет обороны в Генеральном штабе, чтобы мы могли вывесить карты, схемы, таблицы и чтобы утечка информации была минимальной. Но должен вам ска-

зять, что наши доклады месяца за три потребовали к себе и канцелярия Черномырдина, и канцелярия президента. И затем, когда мы стали искать их, так доклад, который был у Черномырдина, найти не смогли. А это доклад «за двумя нулями», особой важности, потому что там была оценка истинного состояния каждого вида Вооруженных сил — Ракетных войск, всей нашей стратегической триады: Сухопутных войск, Военно-морского флота, Военно-воздушных сил — всех видов Вооруженных сил, их состояния, причин такого состояния и наши конкретные предложения о том, что делать и как выходить из этого положения. Мне кажется, что эти доклады были хорошо изучены, в том числе и за пределами Кремля и нашего Белого дома. В понедельник, накануне Совета обороны, мне звонит президент и по-отечески говорит: «Игорь Николаевич, мы все-таки Совет обороны должны провести. Меня тут некоторые пытаются опять убедить перенести его или же проводить в Кремле. Я сказал им: нет, будем проводить в Министерстве обороны, как мы договорились с министром. Я чувствую, они у нас хорошо подготовились. Хватит, уже полгода переносим, реформа стоит на месте, потому что у нас нет ни одного документа. Полно желания, полно трезвых мыслей, конкретных мер, но нет документа, который разрешал бы нам что-либо делать, как и в других министерствах, которые имеют отношение к обороне. Так что будем проводить у вас, готовьтесь, поставим точку и приступим наконец-то к конкретной работе». Я поблагодарил его: «Борис Николаевич, спасибо за поддержку».

На следующий день позвонил Юмашев: «Игорь Николаевич, я вернулся от президента. Мы еще раз рассмотрели регламент, и вам — 30 минут на доклад по вашему вопросу, начальнику Генерального штаба — 30 минут, и у президента остается полтора-два часа на дискуссию и на все остальное». — «Хорошо».

В четверг президент приезжает в Генеральный штаб. Я чувствую уже по внешнему виду, что он совершенно другой, чем был в понедельник. Поднялись мы ко мне в кабинет, кабинет министра обороны. Он спросил: «Где тут телефоны, какие?» Я его спросил: «Борис Николаевич, регламент остается без изменений?» Он так холодно ответил: «Да. Идите, я сейчас приду». И началось его выступление (вы все это видели, были приглашены средства массовой информации), его вступительное слово с обвинением Министерства обороны в том, что мы тут ничего не делаем, вырастили целую плеяду жирных генералов, которые обросли дачами, и так далее, и так далее. Потом выпроводил представителей СМИ и говорит: «Так как то время, что я планировал, у меня уже закончилось, 30 минут для доклада министра обороны у меня нет, я даю вам 15 минут».

У меня было выверено каждое слово, каждый знак препинания, потому что тема реформирования всей системы государства — это исключительно объемная и ответственная тема. Это не структурные изменения в Вооруженных силах, которые сейчас происходят, это прежде всего мобилизационная проблема. Вся суть не в том, какую мы будем иметь армию. Мы, может быть, будем иметь одну парадную роту, и этого хватит. Но если наш потенциальный противник будет знать, что у нас высокая степень мобилизационной готовности страны, экономики, созданы резервы, запасы — людские, вооружения, техники, продовольствия, обмундирования, медицины, — этого уже достаточно. Но именно по проблеме мобилизационной готовности за эти годы перестройки и до сегодняшнего дня наносился основной удар, ее нет.

Вопросы экономики, состояния военно-промышленного комплекса, непосредственно вопросы Вооруженных сил — все это входило в мой доклад. А дальше начальник Генерального штаба должен был выступать с предложением, какие же мы хотим иметь виды, рода войск по количественному составу, говорить о проблеме сокращения и так далее. Я говорю: “Борис Николаевич, во-первых, так, как начался Совет обороны, он своей цели не достигнет. Мы с вами в понедельник договаривались не об этом». — “Вы много говорите, вы уже проговорили 5 минут, вам осталось 10”. Ну, я и сказал: “Я отказываюсь выступать. За 10 минут ничего путного я сказать не могу, а выглядеть смешным тоже не хочу”. — “Садитесь. У меня есть предложение снять, отправить в отставку. Кто против?” Все члены Совета опустили глаза.

А накануне я кое-кому позвонил, зная, что может быть торпедирование, и попросил поддержки: может быть любое решение, но чтобы доклады прозвучали. Потому что доклад был не для президента, а для Совета обороны — и мой, и начальника Генштаба. И вот кому-то было очень необходимо, чтобы Совет обороны или перенесли, или же на нем не прозвучали доклады. А если они и прозвучали бы, то в том виде, как предложил президент — 10 минут вместо 30, — когда докладчик уже вышел на трибуну. Вот так решаются у нас государственные вопросы. И притом сделать посмешище из Министерства обороны, из министра.

Со мной закончили. Начальник Генерального штаба (Самсонов Виктор Николаевич) встает и говорит: “Борис Николаевич, мой доклад — логическое продолжение доклада Родионова, министра обороны. Без его доклада мой доклад ничего не представляет”. — “Вы что, тоже отказываетесь?” — “Да”. — “Снять. Кто за, кто против?” Все промолчали. “Единогласно”. И там же был назначен новый министр, генерал Сергеев.

Заканчивая выступление, я хотел бы подвести итог. За время своей длительной службы в Вооруженных силах я пришел к выводу, что в нашей государственной системе — и в той, бывшей, и в новой — далеко не все лидеры нашей партии, нашего государства относились к обороне и к армии так, как они должны относиться, занимая государственные посты — или Генерального секретаря, или руководителя Правительства. А Ельцин — это человек, который многих вопросов строительства обороны страны не понимает и, насколько я пришел к выводу, понимать не хочет и, как Верховный главнокомандующий, совершенно не занимается этими проблемами. Доказывать и подтверждать это просто излишне. Если здесь будут искренен мой предшественник Грачев и пришедший после меня Сергеев, то они должны будут это подтвердить. Но я пришел к выводу, что основная причина развала Вооруженных сил, оборонного состояния страны заключается в нежелании, в том числе нежелании президента, заниматься этими проблемами и в его самоустранении от их решения. Он хочет за все радевать и ни за что не отвечать — как и по многим другим вопросам, чем он должен заниматься как президент...».

Полагаю, что после такого рассказа мне нет необходимости дополнительно комментировать роль Ельцина в «укреплении» обороноспособности нашего государства. История даст еще объективную оценку: что это — неспособность высшего должностного лица заниматься решением важнейшего вопроса национальной безопасности или специально продуманная позиция, выгодная нашим стратегическим «друзьям»?

Итак, Специальная комиссия Госдумы пришла к однозначному выводу: ответственность за проведение так называемых реформ в нашей стране и их разрушительные последствия несет главным образом президент Ельцин, так как по Конституции Российской Федерации он является главой государства, формирует правительство, руководит его деятельностью, определяет основные направления внешней и внутренней политики государства.

Он использовал в одних случаях и не использовал в других свои властные полномочия в ущерб интересам государства и российского народа, фактически отстранил Государственную думу от решения целого ряда важных социально-экономических задач. В отношении Государственной думы он часто действовал так, как в свое время поступал и в отношении Верховного Совета Российской Федерации.

После нескольких месяцев напряженной и исключительно добросовестной работы Специальной комиссии по всем вопросам обвинения состоялось пленарное заседание Государственной думы об импич-

менте президента Ельцина. Учитывая историческую значимость происшедшего, а также явно предвзятое отношение к этой проблеме тогдашних средств массовой информации, предлагаю вниманию читателей мое выступление (с некоторыми сокращениями) на пленарном заседании Госдумы 15 мая 1999 года:

«Впервые в истории нашей страны мы, в строгом соответствии с Конституцией, предъявляем обвинения человеку, которому этой Конституцией даны огромнейшие, неограниченные права.

Впервые в нашей истории мы выносим вердикт виновности не после того, когда этот человек уйдет с политической арены, не после того, когда он никому уже не будет нужен, — мы это делаем тогда, когда он еще работает, когда он еще находится у власти. И я считаю, что это самое главное в наших действиях по импичменту.

Мы не сводим счетов. Мы не мстим этому человеку. Мы сегодня подводим черту и даем оценку: что этот человек сделал за годы своего правления. Мы обязаны сегодня открыто обсудить этот вопрос и вынести свое решение. Мы не можем оставить его своим потомкам, чтобы они давали исторические оценки этого времени, чтобы они потом разбирались, что же происходило в эти сложнейшие годы жизни нашего государства. Мы обязаны сделать это сами.

Да, нас могут спросить: “Почему вы несколько лет мирились с тем, что происходило в стране? Почему вы раньше этого не делали? Это что, трусость или нечто другое?” Я думаю, что действительно, к сожалению, у нас в Государственной думе присутствуют и трусость, и корыстолюбие, которые, по-видимому, препятствовали решению этого вопроса, но наступило время, когда уже проснувшийся народ требует: в конце концов, до каких пор вы будете мириться с тем положением, которое сложилось в нашей стране?

Я считаю, что мы имеем полное и юридическое, и моральное право предъявить президенту Ельцину те обвинения, которые сформулированы в этих пяти пунктах.

Здесь передо мной выступали руководители депутатских объединений, которые находили причины, почему нельзя этого делать, или обвиняли Советский Союз, Советскую власть, Коммунистическую партию Советского Союза, но ни в коем случае не того человека, который восемь лет держит в руках бразды правления государством. Это что — политическое недомыслие? Или политический дальтонизм? Или нас умышленно уводят в сторону от того, чтобы мы могли дать оценку?

Я считаю, что главное, в чем мы обвиняем сегодня нынешнего президента, заключается в том, что разрушено великое государство — государство, которое складывалось столетиями. Оно разрушено и пре-

вратилось в третью степень, развивающуюся страну. Такой город, как Смоленск, стал приграничным городом. Черное море мы потеряли. Потеряли выход к морям. Разве это допустимо? Я убежден, что главная вина Ельцина — это именно разрушение Советского Союза. Ненасытное стремление к личной власти привело его к тому, чтобы стать главным действующим лицом в Беловежскомговоре.

Содеянное в декабре 1991 года можно рассматривать только как государственный переворот. Я другой формулировки не вижу и считаю, что она должна быть именно такая. Как мог этот человек, зная, что существуют Конституция, государство, — как мог он в нарушение Конституции в окружении кучки негодяев подписать такой документ? И мы сегодня пытаемся его оправдать, утверждая, что он абсолютно невиновен. Скажите: разве нет ответственности за нарушение Конституции? Разве Конституция — это не Основной закон государства? Я считаю, что другой оценки здесь не может быть.

В то же время президент Горбачев, вместо того чтобы принимать немедленно меры, писал свою речь об отречении.

В нашей стране были сильные и слабые цари и руководители. Все было в нашей истории, но у нас не было предателей, у нас не было тех, кто стремился бы разрушить страну. Они, несмотря на все свои недостатки, приращивали страну. Эти же люди все сделали наоборот.

Я не буду останавливаться на том, к чему привел развал Советского Союза и в сфере экономики, и национальной безопасности, и в гуманитарных делах, и в международных отношениях, в образовании и так далее. Это все нам известно.

Сейчас пытаются доказать, что развал Советского Союза был неизбежен, что это судьба всех империй. Я заявляю, что это наглая ложь! Мы были великой державой, со своим общественным строем, со своими традициями и особенностями, но были крайне нежелательны Западу. Мы не давали им бесчинствовать в мире, как они делают сейчас в Ираке и Югославии. Десятки послевоенных лет только благодаря тому, что был Советский Союз, со своей мощью, со своим международным авторитетом, существовало политическое равновесие. Да, как в любом государстве, как в любом живом организме, всегда наступает момент, когда необходимо что-то подправить. То же самое было и у нас. Но это не значит, что надо было разрушать Советский Союз. Да, нужны были изменения, и их надо было делать. Но нашлась в стране пятая колонна во главе с Горбачевым и Ельциным, которые как раз и начали разрушение.

Представитель президента с этой трибуны неуклюже и неубедительно пытался доказать, что Ельцин в Беловежье только зафиксировал ра-

нее состоявшийся развал государства. Я утверждаю обратное: разрушение страны определенными людьми проводилось сознательно и планомерно, и ничего случайного здесь нет. И не ГКЧП разрушил Советский Союз. Разве Межрегиональная депутатская группа занималась благотворительной деятельностью? Посмотрите документы тех лет: чем они занимались, что они в то время делали, к чему они призывали? У нас сегодня даже не хватает не то что смелости — фантазии, чтобы делать то, что творили эти люди по разрушению нашей страны. А разве избрание Ельцина Председателем Верховного Совета Российской Федерации не дало толчок тем процессам, которые происходили?

Я говорю это не понаслышке. В то время мы представили свои соображения, как дальше должна развиваться страна. Это было отброшено, и отброшено по причине того, что в наших документах, в наших предложениях четко было сказано, что мы стоим за социалистический путь развития, что мы ни в коем случае не должны разрушать великое государство. Поэтому не случайно была взята на вооружение программа “500 дней” Явлинского—Шаталина, которая, кроме того, что она авантюрна по своей экономической сущности, не имела в своих формулировках даже такого понятия, как Советский Союз, — был экономический союз! Так разве это не начало разрушения? Разве не сознательно было принято решение о суверенитете России, которое потом в конце концов подтолкнуло и Украину, и Белоруссию? Неужели мы забыли, как Ельцин и его окружение подталкивали Прибалтику, подталкивали сознательно, чтобы ее республики выходили из Советского Союза? Неужели мы не понимали, что провозглашение верховенства республиканских законов над федеральными — это разрушение Федерации? Да это дошкольнику понятно, а мы сегодня это забываем!

Я не буду останавливаться на сознательном разрушении финансовой и налоговой системы страны, на сознательном разрушении экономики, на сознательном разрыве экономических отношений республик и областей, на создании искусственного товарного голода. Это были целенаправленные действия по созданию хаоса и неразберихи в стране. Вот что подводило к Беловежью — а не просто в один день все рассыпалось. То, что я назвал, — это даже не полный перечень. И поэтому я говорю: это было не стихийное явление, это делалось планомерно, и поэтому инициатор и активный проводник этого должен нести всю ответственность за содеянное.

Уважаемые депутаты, представитель президента постоянно утверждает, что в том, что произошло в государстве, виноваты все. Он здесь не оригинален — он повторяет утверждение президента. Надеюсь, многие депутаты обратили внимание на вывод, сделанный президентом в

последнем Послании, которое мы слышали в Кремле. Цитирую: “Падение объемов производства, поразившее страну в 90-е годы, было обусловлено не экономическими реформами либерализации, приватизации и свободой внешней торговли, а прежде всего наследством, доставшимся нам от плановой экономики”.

Уже 10 лет нет плановой экономики, а он все плачется на плохое полученное наследство. Большинство сидящих здесь работали в этой плановой экономике. Что же вы, уважаемые депутаты, оставили нашему гаранту вот такое наследство — он 10 лет разрушает и не может разрушить до сих пор! Даже Мавроди не додумался возложить вину за крах “МММ” на Леню Голубкова и его жену Риту, а нас до сих пор упрекают, что мы были плохие. (*Аплодисменты.*)

Я считаю, что второй переворот произошел в сентябре-октябре 1993 года. Я не буду говорить о тонкостях, о том, что происходило, о человеческих жертвах, о моральном терроре, который наступил после этого. Об этом очень хорошо говорили Светлана Петровна* и другие наши коллеги. Я только хочу сделать вывод: это произошел государственный переворот. Первое: одним человеком через два года снова была нарушена Конституция. Второе: изменен общественный строй — вместо социализма страну повели в дикий капитализм. Третье: нарушены принципы управления — разогнали Советы, то есть убрали народовластие. И вот как раз эти выводы еще раз дают нам основание утверждать, что именно тогда произошел второй государственный переворот.

И несколько слов о военно-промышленном комплексе. Мне эта тема не только близка — меня глубоко тревожит, что мы, будучи раньше державой, которая гордилась своими Вооруженными силами, всегда лелеяла свои Вооруженные силы, когда солдат, человек в серой шинели, был уважаемым человеком в нашем государстве (это было и при царях, это было и при коммунистах), сегодня оказались в таком положении. Полагаю, что мы должны дать оценку по военно-промышленному комплексу. Я мог бы привести много примеров, которые показывают, что мы действительно не можем сегодня защитить свои национальные интересы. Поэтому, уважаемые депутаты, все дальнейшие события в стране, которые происходили, являются, по сути дела, производными от того, что произошло в 1991—1993 годах.

Депутатская группа “Народовластие” вынесла свой вердикт: виновен по всем пяти пунктам — и будет за это голосовать».

Так в мае 1999 года Государственная дума второго созыва подвела итоги семилетнего руководства Россией ее первым президентом.

* Горячева С.П. — Н.Р.

Однако тайное голосование по импичменту не набрало необходимого для такой процедуры конституционного большинства — 300 голосов депутатов. По каждому пункту за импичмент голосовали от 237 до 241 человека. Утверждение соответствующего Постановления Госдумы не прошло из-за позиции трех фракций — тогдашней проправительственной «Наш дом — Россия», ЛДПР и «Яблоко». И все же работа и выводы Специальной комиссии и сама процедура обсуждения не прошли бесследно — через полгода Ельцин ушел в отставку. К сожалению, материалы Специальной комиссии со всем их драматизмом и перипетиями обсуждения обвинений, выдвинутых против действующего президента государства, остались в нашей новейшей истории практически доступными только для историков и других исследователей.

Именно в годы ельцинского правления беспросветные сумерки окутали нашу землю. Естественно, возникает вопрос: как мог глава государства допустить подобное? Да, он был — и это очевидно любому — некомпетентен, но он имел в своем распоряжении большое количество специалистов, ученых, первоклассных практиков-производственников. И тем не менее даже не пытался использовать их потенциал. Зная его характер, могу сказать, что он, похоже, мстил своему народу, только неизвестно — за что! Для этого человека народ России, который с восторгом проголосовал за него в 1991 году, был просто пылью. Ему нужна была власть, и только власть, во имя которой он расстрелял Верховный Совет РСФСР, уничтожил Советы народных депутатов. Он упивался властью, в ней видел он, чего и не скрывал, смысл своей жизни.

Безусловно, Ельцин был связан определенными обязательствами с западными «друзьями» — иначе чем же можно объяснить тот факт, что, несмотря на протесты отечественной академической науки по поводу губительного для России и ее народа выбранного курса экономических реформ, он отказался от какой-либо его корректировки. С подобным аргументированным письмом к нему обратилась и группа зарубежных экономистов — лауреатов Нобелевской премии, раскрывшая всю пагубность его реформ для России. Результат — тот же.

Ельцинские реформы в России — это вместе с тем и определенный этап реализации стратегических целей внешней политики США, направленной на дальнейшее ослабление России как правопреемницы СССР, и закрепление нового мирового порядка под эгидой одной державы. Как заявил Билл Клинтон на закрытом совещании Объединенного комитета начальников штабов 25 октября 1995 года: «...Последние десять лет политика в отношении СССР и его союзников убедительно доказала пра-

вильность взятого нами курса на устранение одной из сильнейших держав мира, а также сильнейшего военного блока. Используя промахи советской дипломатии, чрезвычайную самонадеянность Горбачева и его окружения, в том числе и тех, кто откровенно занял проамериканскую позицию, мы добились того, что собирался сделать президент Трумэн с Советским Союзом посредством атомной бомбы. Правда, с одним существенным отличием — мы получили сырьевой придаток, а не разрушенное атомом государство, которое было бы нелегко воссоздавать».

Нынешнему руководству досталась разгромленная Россия со всеми мыслимыми и немыслимыми бедами. Положительные сдвиги есть, но как же невероятно много нужно еще сделать, чтобы за сумерками современной жизни появился рассвет, после которого должен наступить долгожданный для нашего измученного народа светлый день! Не будем же терять надежды!

И в заключение.

Об особой роли России и результатах возможных политических авантур пятьдесят лет тому назад пророчески написал живший в изгнании замечательный русский философ Иван Александрович Ильин в своей книге «Наши задачи»:

«...Россия есть не случайное нагромождение территорий и племен и не искусственно слаженный “механизм” “областей”, но живой, исторически выросший и культурно оправдавшийся ОРГАНИЗМ, не подлежащий произвольному расчленению. Этот организм есть географическое единство, части которого связаны хозяйственным взаимопитанием; этот организм есть духовное, языковое и культурное единство, исторически связавшее русский народ с его национально-младшими братьями духовным взаимопитанием; он есть государственное и стратегическое единство, доказавшее миру свою волю и свою способность к самообороне; он есть суший оплот европейско-азиатского, а потому и вселенского мира и равновесия. Расчленение его явилось бы невиданной еще в истории политической авантюрой, гибельные последствия которой человечество понесло бы на долгие времена».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Над этой книгой я работал более десяти лет. Сначала записывал для памяти отдельные, наиболее значимые события, происходившие в перестроечные годы и во многом повлиявшие затем на разрушение единого мощного государства — Советского Союза. Но по мере отдаления от тех трагических лет конца 80-х — начала 90-х годов уже прошлого века у меня, как и у многих людей моего поколения, находившихся в гуще событий этого тяжелейшего периода в жизни нашей страны, возникла потребность глубже вникнуть в их причины и последствия. Надеюсь, в какой-то мере мне удалось этой книгой ответить на такой зов души и разума. И сейчас, завершая работу, хочу вкратце обозначить некоторые свои позиции и надеюсь, что читатели простят мне незначительные повторения или они возникнут с основным текстом.

Итак, я не ставил перед собой задачи проанализировать все причины и факторы разрушения нашего государства. Прекрасно понимая, что для этого необходим огромный труд многих исследователей и научных организаций, я остановился только на некоторых обстоятельствах, приведших к величайшей исторической трагедии. Именно такое название книги говорит о моем отношении к этому всемирного значения событию.

Президент России В.В. Путин в своих выступлениях, давая оценку произошедшим пятнадцать лет назад событиям в нашей стране, назвал их трагедией и катастрофой века, что правильно как исторический факт. Но его глубинные последствия далеко выходят за эти временные и, если так можно сказать, территориальные рамки. Это событие носит глобальный характер и в течение многих веков будет отзываться на истории развития всего человечества.

Политическая кара мира на определенных исторических этапах всегда претерпевала изменения, отражая новое соотношение геополитических сил. Так было и после Второй мировой войны. Ее итоги, закрепленные на Крымской и Потсдамской конференциях руководителей трех стран-победительниц, а затем и Хельсинкскими соглашениями 1975 года, исходили из сложившегося относительно поли-

тического равновесия в мире. Оно, как и другой немаловажный фактор — атомное оружие, позволило нам без больших, глобальных конфликтов, без мировой войны прожить более полувека. А ведь, скажем, между Первой и Второй мировыми войнами прошло всего 20 лет. Теперь же, только за пятнадцать лет после разрушения СССР, в Европе, включая и бывший Советский Союз, появилось 24 новых государства. Вряд ли такой процесс не получит продолжения. Уже сейчас очевидно, что впереди по крайней мере Косово, Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах, Приднестровская республика и т.д.

В связи с возникшим после развала СССР нарушением международного баланса сил раскаты грома от сильнейших региональных потрясений разносятся уже по всему миру. Это и разгром Югославии, и войны в Афганистане и Ираке. Нависает угроза над Северной Кореей и Ираном. А многолетние кровопролитные конфликты между странами Ближнего Востока, где сталкиваются интересы многих других государств?!

Об исчезновении с карты мира великого и мощного, авторитетного государства, о причинах этой исторической трагедии в последние полтора десятилетия пишут очень много: публикуются различные научные исследования, околonaучные, субъективно окрашенные описания отдельных фактов, мемуары и т.д. Но каждая из таких работ затрагивает лишь некоторые стороны случившегося. Видимо, время для всеобъемлющего и беспристрастного анализа, для бесспорного вердикта Истории еще не настало.

Полагаю, в конце концов найдутся люди и появится политическая воля у руководителей страны, чтобы поставить и решить задачу объективной оценки всего комплекса причин этой катастрофы и сил, ее подготовивших и осуществивших. Это следует сделать не для того, чтобы из конъюнктурных, а то и личных соображений облить грязью, в чем так любят упражняться современные «демократы», путь, пройденный Советским Союзом, его народом с 1917-го по 1991 год. Такой анализ необходим для будущего нашей страны и ее народа.

Причин, приведших к событиям 1991 года, достаточно много. Здесь сработали и внешние, и внутренние факторы. О внешнем воздействии на нашу страну я написал в первой главе книги, где, в частности, процитировал высказывания А. Даллеса в 1945 году. По сути дела, в них содержится вся доктрина борьбы с нашей страной на длительную перспективу.

В эту доктрину вписываются многие действия Запада, и особенно — США, которые разнообразными путями приобретали себе «друзей» в среде определенной части нашей интеллигенции. Этих людей

председатель КГБ СССР Ю. В. Андропов охарактеризовал как «агентов влияния». Они, нужно сказать, весьма старательно выполняли свои задачи.

Не случайным было и развязывание холодной войны. На протяжении десятилетий она изматывала СССР, отвлекая на гонку вооружений государственные ресурсы, которые могли бы быть направлены на решение социальных проблем. Это не могло не сказаться на жизненном уровне советских людей. Советский Союз со своими союзниками из социалистического содружества экономически был слабее США и их европейских сателлитов, поэтому расходование средств на оборону, чтобы, в основном, сохранялся военный паритет, сказывалось на нашей стране, на ее населении более ощутимо, чем у них. К тому же немалые ресурсы СССР направлял в качестве помощи своим союзникам, почти все из которых сейчас дружно перебежали под крыло Запада.

Основными же причинами развала СССР, несомненно, явились внутренние. К ним относятся и экономические, и социальные, и партийно-государственные, и многие другие. Впрочем, я и не пытался в этой работе даже перечислять их. Но об одной из таких причин, об одной из не решенных, как оказалось, окончательно и бесповоротно проблем, непосредственно способствовавших трагической гибели нашего государства, рассказал в книге достаточно подробно и конкретно. Речь шла о вспышке и стремительном развитии во второй половине перестроечных лет национализма в разных частях нашей страны. Именно он стал мощным детонатором разрушительных процессов внутри Советского государства.

Проблема межнациональных отношений для Российской империи и Советского Союза была актуальна с давних лет.

После распада Киевской Руси произошло разделение древнерусской народности на три ветви братских славянских народов — русских, украинцев и белорусов. Учитывая их единый этнический корень, можно считать, что до середины XV века Российское государство было практически моноэтническим. Но по мере покорения Иваном Грозным, первым русским царем, Казанского, а впоследствии и Астраханского ханств, после присоединения Сибири, народов Северного Кавказа и Средней Азии Россия стала огромной многонациональной Державой.

Особенности национальностей, населявших Российскую империю, их традиций, культур вызывали к жизни различные методы и системы управления, во многом отличные друг от друга. Центр России имел свою региональную структуру и методы управления. Польша, Фин-

ляндия, среднеазиатские регионы — свои, отличные от Центра России, системы управления и отдельное законодательство, соответствующие их традициям и сложившемуся образу жизни. Разнообразие в устройстве государственного механизма, гибкость в его работе не позволяли появляться сколько-нибудь заметным вспышкам в межнациональных отношениях.

При создании в 1922 году СССР вопрос о строительстве нового единого многонационального государства встал очень остро. Известны позиция В.И. Ленина по этой проблеме, его жесточайшие споры с соратниками, чему в книге уделено особое внимание. Как известно, победила концепция Ленина: формирование Советского Союза из союзных республик с особыми полномочиями, вплоть до возможности их выхода из состава единого государства. Надо полагать, что в то время у Ленина не было другого выбора, т.к. немедленная унификация структуры объединенного государства не позволила бы реально создать его.

В Советском Союзе существовала и постоянно выполнялась программа по национальным вопросам. В ранг государственной политики было возведено оказание экономической помощи слаборазвитым республикам Средней Азии, как и другим «окраинным» республикам. Практически все они, кроме Белоруссии, имели дотации, главным образом из РСФСР. В результате Российская федеративная республика, по уровню жизни и остальным социальным показателям отставала от других. Это делалось во имя укрепления и развития дружбы народов.

Нужно сказать, что действия КПСС в сфере национальных проблем положительно сказывались на их решении. За эти годы была проведена большая работа по социально-экономическому и культурному развитию союзных республик, отдельных народов в Российской Федерации. Была создана стройная система по участию всех республик в управлении государством, в парламенте, в научной и культурной жизни государства и т.д.

Прочность межнациональных отношений проверила Великая Отечественная война. Жизненная сила и мощь советского содружества народов была одним из важнейших источников Победы. Безусловно, на сплоченность многонационального народа в тяжелейшую годину испытаний в большой степени оказал влияние тот факт, что страна могла быть поработана злейшим врагом — фашистской Германией с ее человеконенавистнической идеологией.

Советское содружество не было мифом, хотя порой при проведении государственной национальной политики допускались серьезные ошибки и заблуждения, не позволившие в полной мере использовать все ее возможности.

В наступившей «перестройке» руководство СССР сознательно делало упор на недостатках и негативных явлениях в жизни народов, с тем чтобы мобилизовать силы на изменение положения в государстве в лучшую сторону. Но по мере ослабления КПСС, ее влияния на советское общество, в связи с зарождением различных движений и «фронтов» национальная карта во многих республиках была взята на вооружение для борьбы с центральной властью.

Лидеры таких, в основном, националистических по характеру движений использовали любые средства, чтобы доказать, что их народ мог бы жить лучше, если бы существовал отдельно от Союза, имея свой государственный суверенитет. Сознательно искажалось реальное положение, замалчивался тот факт, что эти регионы жили за счет большего или меньшего постоянного донорства, то есть перераспределения общесоюзных средств в их пользу. Людей вводили в заблуждение, подлинные амбициозные намерения скрывались с помощью лозунгов, направленных на то, чтобы вызывать негативную реакцию по отношению к центральной власти. Со временем маски с таких движений и партий были сброшены, и стало очевидно, что их деятельность привела к расцвету махрового национализма. Беда в том, что в глазах многих он уже не выглядел явлением, непристойным морально и губительным политически.

Огромную роль в гибели страны сыграл фактор субъективный, особенно наглядно проявивший себя в личных качествах и деятельности двух лидеров того времени — М. Горбачева и Б. Ельцина.

Первый в результате своей бездарной политики подвел страну к пропасти, а метания его в последний год жизни государства не могли уже привести к какому-либо положительному итогу. Момент возможного сохранения и кардинального обновления единого государства был упущен, и в нашей стране произошел коренной перелом, зачеркнувший многие лучшие достижения ее тысячелетней истории. Сейчас Горбачев практически сошел с политической арены, так и не поняв, какой чудовищный грех вольно или невольно совершил он перед нашей Отчиной.

Другая судьба была уготована второму «герою-разрушителю» — Ельцину. В стремлении получить высшую власть в государстве тот не останавливался ни перед чем. Своими действиями он всячески поощрял националистические действия в Прибалтике, Украине и других республиках, используя это в качестве политического рычага в борьбе с центральной властью страны. Когда же наступило время для принятия самого важного решения, он, не задумываясь, в Беловежской Пуще сознательно пошел на развал государства.

Действовавший тогда Президент Союза Горбачев трусливо уклонился от своих прямых обязанностей — защиты Конституции СССР, а мировое сообщество в лице международных институтов, в том числе ООН, немедленно приветствовало создание пятнадцати государств вместо одного, забыв и о Крымской, и о Потсдамской конференциях, и о Хельсинкских соглашениях.

Государственный «талант» Ельцина проявился после получения им верховной власти в России. В свое время он или умышленно, или по недомыслию не внял предупреждениям, что при его политике с РСФСР может произойти то же, что и с Советским Союзом. В погоне за голосами и политической поддержкой автономных республик, краев и областей России он популистски заявлял, что они могут брать суверенитета столько, сколько сумеют проглотить.

Эти и подобные действия главы государства не могли не сказаться на общем политическом и экономическом положении в стране. К тому же Ельцин в своем поведении был далеко не адекватен. В итоге Россия стала неуправляемой, а составлявшие его ближайшее окружение люди были, мягко говоря, далеки от того, что принято называть государственными мужами. Они кружились вокруг «государя», как мухи над навозной кучей, и каждый преследовал свои личные или корпоративные цели.

Видя беспомощность федеральной власти, регионы начали искать свои пути выживания. Одни срочно начали менять конституции или устав своей республики, края и области, и при этом новые документы вступали в противоречие с Конституцией Российской Федерации. Некоторые же области пошли еще дальше: они стали готовить предложения по созданию отдельных, особых республик, например, Уральской.

Учитывая катастрофическое положение в государственном управлении страной, окружение Ельцина предлужило выход: заключать соглашения между федеральной властью и субъектами федерации. Все было поставлено на поток — в течение нескольких лет заключили около пятидесяти таких соглашений. И это происходило при действовавшей тогда в стране Конституции! Много сил и средств потребовалось впоследствии Президенту России В.В. Путину, чтобы аннулировать эти соглашения, а двум республикам — Татарстану и Башкортостану — до сих пор в госбюджете предусматриваются большие средства за их «утраченные» возможности.

Ельцинское государства раздирали противоречия, щедро была унавожена почва для коррупции и мздоимства, расцвела пышным цветом преступность, уничтожались наша национальная культура и традиции. Через восемь лет Ельцин оставил после себя страну слабую, рыхлую,

плохо управляемую. Было название государства, была территория, был народ — и было квазигосударство. И новому президенту потребовалось много времени и усилий, чтобы из отдельных составляющих сформировать настоящее государство со всеми необходимыми атрибутами.

Последние 5—7 лет были годами «собрания» России. С каждым годом она все больше приближалась к тому, чтобы стать настоящим, а не виртуальным государством. Все предпринимаемые шаги: укрепление вертикали власти и обороноспособности страны, четкая позиция в области внешней политики, различные решения с целью наведения элементарного порядка в отношении некоторых общественных структур — не могли не вызвать бурю негодования в определенной части общества, особенно в так называемом его либеральном крыле. «Полицейское государство» — самая мягкая оценка нынешней России со стороны этих западных подпевал и прихлебателей.

А какой шквал критики и непристойного визга вызвали публикации в средствах массовой информации идеи «суверенной демократии» и ее трактовки. Поток грязи обрушился и на Десятый Всемирный русский народный собор, главный докладчик на котором — Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский — говорил, что в мире существуют, конечно, некоторые универсальные правила поведения, но это не означает, что западные стандарты общественного устройства, принципов демократии и человеческих отношений одинаково подходят для всех стран. Каждая цивилизация имеет свой положительный опыт общественной жизни, и он имеет право на существование.

В нашей истории были этапы, когда Россия оказывалась в тяжелейшем положении, на грани развала. Но она поднималась после всех испытаний и находила силы и энергию не только для своего возрождения, но и для дальнейшего развития.

Так было после Смутного времени в 1613 году. За последующие сто лет русские первопроходцы прошли путь от Урала до Тихого океана и даже освоили часть американского континента. Средняя Азия и Северный Кавказ вошли в состав Российской империи. За 300 лет Россия превратилась в великое и мощное многонациональное государство.

Наступил 1917 год. Новые потрясения, две революции, разруха, гражданская война, потеря огромнейших территорий, разрушение экономического потенциала страны. Казалось, что остатки Российской империи никогда больше не объединятся, ей уже не стать великой державой. Но политическое решение о создании СССР, два десятилетия неимоверных усилий, ценой тягот и лишений народа, проведение индустриализации и других гигантских преобразований поставили нашу страну в ряд высокоразвитых государств. Созданный производствен-

ный и научно-технический потенциал, сплоченность народа в годы Великой Отечественной войны перед лицом порабощения позволили победить сильнейшего врага XX столетия — фашистскую Германию и ее сателлитов.

Вторая мировая война принесла нашему народу ни с чем не сравнимые бедствия. Сейчас трудно даже представить себе весь трагизм нашего положения после этой жесточайшей войны. Погибла самая трудоспособная часть населения, было разрушено народное хозяйство европейской территории страны, вплоть до Волги. Иностранные специалисты «давали» нам для его восстановления срок в сто лет. Но экономика была восстановлена за 5—7 лет. Многомиллионные же людские потери мы ощущаем до сих пор.

После Великой Отечественной войны СССР стал великой сверхдержавой. Он практически восстановил свои утраченные после революции 1917 года территории. Советский Союз стал одной из решающих сил в мировой политике.

1991 год. Единое государство расчленено на 15 составных частей со всеми вытекающими последствиями, о чем в книге сказано достаточно. Но страна возвращает себе статус великой державы, хотя слишком много разрушено, растаскано, растоптано, постепенно поднимается на ноги.

Я верю, что после этого потрясения Россия воспрянет и займет достойное место в мире. Нужны воля политиков и народа, всеобщий настрой на созидание, на построение современного общества, сохраняющего и развивающего вместе с тем наши исторические и духовные традиции.

С этой верой в будущее народа и государства Российского я и заканчиваю повествование и размышления о тяжелейших годах Отечества и его дальнейшей судьбе.

*Москва
31 декабря 2006 года
Н.И. Рыжков*

ОБ АВТОРЕ

Рыжков Николай Иванович родился 28 сентября 1929 года в Донецкой области, Дзержинском районе, селе Делеевка (ныне город Дзержинск) в семье рабочего-шахтера. Русский. В Донбассе прошли его детство и юность.

Образование высшее: в 1959 году окончил Уральский политехнический институт им. С.М. Кирова по специальности инженер-механик. В 1950 году, по окончании Краматорского машиностроительно-го техникума в Донецкой области, он получил специальность техника-механика.

С 1950 года работал на Уральском заводе тяжелого машиностроения им. С. Орджоникидзе — «Уралмашзавод», Свердловск: сменный мастер, начальник пролета, начальник цеха. С 1959 года — главный сварщик, заместитель директора. В 1965—1970 годах — главный инженер завода. С 1970 года — директор «Уралмашзавода». В 1971—1975 годах — генеральный директор производственного объединения «Уралмаш».

Н.И. Рыжков был инициатором реконструкции и развития «Уралмашзавода», создания филиалов производственного объединения «Уралмаш». В период его руководства заводом и объединением основное внимание уделялось производству новейшего оборудования для металлургической и горнорудной промышленности, буровой техники для добычи нефти и газа, заказов для оборонной промышленности, изготовлению военной техники. При его непосредственном участии разрабатывались прогрессивные конструкции машин и оборудования, новейшие технологические процессы, современные системы управления крупнейшим производственным объединением.

В 1975—1979 годах Н.И. Рыжков — первый заместитель министра тяжелого и транспортного машиностроения СССР. Основным направлением его деятельности было развитие отрасли в соответствии с научно-техническим прогрессом. Большое внимание уделялось производству современной техники для оснащения металлургической и горной промышленности, производству техники для оборонной и космической отрасли страны, железнодорожного транспорта.

В 1979—1982 годах — первый заместитель председателя Госплана СССР в ранге министра СССР. В обязанность Н.И. Рыжкова входило формирование социально-экономической политики страны, годовых и пятилетних планов, осуществление инвестиционных и научно-технических программ, финансовой и региональной политики. Заклаывались основы совершенствования механизмов экономического развития государства.

Член Коммунистической партии с 1956 года. В 1981—1991 годах — член ЦК КПСС. В 1982—1985 годах — секретарь ЦК КПСС и одновременно заведующий Экономическим отделом ЦК КПСС. Член Политбюро ЦК КПСС (1985—1990 годы).

По поручению Генерального секретаря ЦК КПСС Ю.В. Андропова совместно с другими секретарями осуществлял анализ существующей социально-экономической политики государства. С привлечением ведущих ученых и специалистов вырабатывал концепцию новой экономической политики страны.

С 1985-го по 1990 год — Председатель Совета Министров СССР. Одновременно с марта 1990 года — член Президентского совета СССР (по должности). С января 1991 года — в отставке.

В конце апреля 1986 года возглавил штаб по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

В декабре 1988 года руководил спасательными работами по восстановлению Армении после землетрясения. В знак признания заслуг перед армянским народом в городе Спитаке Н.И. Рыжкову установлен бюст, а указом Президента Республики Армения он награжден ее высшим орденом.

В 1989 году возглавлял работу по погашению межнационального конфликта в Фергане (Узбекистан).

Депутат Верховного Совета СССР 9—11 созывов (1974—1989 годы), Верховного Совета РСФСР (1986—1990 годы), народный депутат СССР (1989—1991 годы).

В ноябре 1992 года основал и возглавил Московский интеллектуально-деловой клуб.

С 1993 года — председатель Попечительского совета «Прохоровское поле». Являлся одним из организаторов строительства мемориального комплекса на месте величайшего танкового сражения — Третьего ратного поля России. Здесь воздвигнут памятник «Звонница», построены храм св. Петра и Павла, Дом ветеранов, Культурно-исторический центр, основана «Библиотека Н.И. Рыжкова на “Прохоровском поле”».

С октября 1994 года — президент Международного общественно-го объединения «ЕврАзия» и Московского интеллектуально-делового Клуба.

С декабря 1995-го по декабрь 1999 года — депутат Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации II созыва. Руководитель депутатской группы «Народовластие»; член Совета Государственной думы.

С декабря 1999-го по октябрь 2003 года — депутат Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации III созыва. Председатель Комиссии по оказанию содействия Союзной Республике Югославии в преодолении последствий агрессии НАТО. Координатор депутатской группы по связям Федерального собрания Российской Федерации с Национальным собранием Республики Армения.

С сентября 2003 года — член Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации от администрации Белгородской области. Член Комитета по вопросам местного самоуправления и председатель Комиссии по естественным монополиям.

В феврале 1998 года возглавил Координационный совет содействия отечественным товаропроизводителям, ныне — Российский союз товаропроизводителей, и Международный союз товаропроизводителей.

Награжден орденами Ленина (дважды); Октябрьской революции; Трудового Красного Знамени (дважды); «За заслуги перед Отечеством» IV степени, многими отечественными и иностранными медалями.

Дважды лауреат Государственной премии СССР (1969, 1979 годы).

За заслуги в патриотическом и духовном воспитании соотечественников Н.И. Рыжков отмечен орденами Русской православной церкви.

За большой вклад в развитие братских отношений между странами Н.И. Рыжков награжден иностранными наградами: орденом Месропа Маштоца (Армения), орденом «Данакер» (Киргизия), Орденом Дружбы (Казахстан), орденом князя Ярослава Мудрого V степени (Украина), орденом «Дружбы народов» (Республика Беларусь).

За особые заслуги Н.И. Рыжкову присвоены звания почетного гражданина Белгородской области, городов Спитак и Гюмри (Армения), Краматорск и Дзержинск (Донбасс, Украина).

Н.И. Рыжков — действительный член нескольких международных и российских академий; автор 6 изобретений, двух научных монографий, более 200 статей и трудов в области машиностроения, экономики и управления. Автор книг «Перестройка: история предательства» (1992 год), «Я из партии по имени “Россия”» (1995 год), «Десять лет великих потрясений» (1996 год), «Возвращение в политику» (1998 год), «Югославская голгофа» (2000 год), «Распятая Югославия» (2003 год), «Говорят свидетели защиты (суд над Слободаном Милошевичем)» (2005 год).

Женат, имеет дочь, внука и внучку. Увлечения: книголюб.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА	6
Глава первая. РАСТУЩЕЕ НАПРЯЖЕНИЕ	10
Глава вторая. АЛМА-АТА. ДЕКАБРЬ 1986-го	50
Глава третья. ТБИЛИСИ. 9 апреля 1989-го	78
Глава четвертая. ФЕРГАНА. Черный июнь 1989-го	120
Глава пятая. БАКУ. Январь 1990-го	138
Глава шестая. ПРИБАЛТИКА: ОТ НАЦИОНАЛИЗМА К СЕПАРАТИЗМУ	156
Глава седьмая. СУВЕРЕНИТЕТ ПО-ПРИБАЛТИЙСКИ	210
Глава восьмая. ФАШИСТСКИЕ ПОСОБНИКИ	299
Глава девятая. ПОЗОРНЫЕ СУДИЛИЩА	367
Глава десятая. «НЕЗАЛЕЖНА» УКРАИНА	406
Глава одиннадцатая. ДВОЕДЫВ УКРАИНА	456
Глава двенадцатая. СССР: ОТ РЕФОРМИРОВАНИЯ К РАЗРУШЕНИЮ	512
Глава тринадцатая. АГОНИЯ ВЛАСТИ	580
ПОСЛЕСЛОВИЕ	640
ОБ АВТОРЕ	648

СОСТАВ
МОСКОВСКОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ДЕЛОВОГО КЛУБА
(КЛУБ Н.И. РЫЖКОВА) (основан в ноябре 1992 г.)
По состоянию на Январь 2007 г.

Почетный президент:

Рыжков Николай Иванович — Председатель Совета Министров СССР (1985—1990 гг.), член Совета Федерации ФС РФ, президент Российского союза товаропроизводителей.

Первый вице-президент:

Бессмертных Александр Александрович — министр иностранных дел СССР (1991г.), президент Внешнеполитической ассоциации, председатель Всемирного совета экс-министров иностранных дел;

Кодин Михаил Иванович — проректор Российского государственного социального университета, доктор социологических наук, профессор, председатель Совета, исполнительный директор Клуба.

Вице-президент:

Бокерия Лео Антонович — академик РАМН, директор научного Центра сердечно-сосудистой хирургии им. А.Н.Бакулева, член общественной палаты РФ;

Новожилов Генрих Васильевич — академик РАН, главный советник по науке Авиационного комплекса им. С.В. Ильюшина, дважды Герой Социалистического Труда;

Ножкин Михаил Иванович — народный артист России, поэт, композитор.

Члены Клуба:

Абалкин Леонид Иванович — академик РАН, научный руководитель Института экономики РАН;

Алтугин Александр Александрович — начальник Управления Сбербанка России, председатель Совета Национальной Фондовой Ассоциации;

Бобков Филипп Денисович — генерал армии;

Бобуцак Валерий Георгиевич — Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Молдова в Венгерской Республике, д.и.н.

Богородицкая Елена Всеволодовна — председатель коллегии адвокатов г.Москвы «БизнесИнюрколлегия», кандидат юридических наук;

Богуслаев Вячеслав Александрович — президент ОАО «Мотор Сич» г. Запорожье, депутат Верховной Рады Украины, доктор технических наук, Герой Украины;

Болматков Александр Афанасьевич — председатель правления группы компаний «Деловая Москва», кандидат экономических наук;

Бурак Петр Иосифович — директор института региональных экономических исследований при Правительстве Москвы, доктор экономических наук, профессор, академик РАН;

Видьманов Виктор Михайлович — депутат Государственной Думы ФС РФ;

Воронин Геннадий Петрович — президент Всероссийской организации качества, доктор технических наук, доктор экономических наук;

Ганичев Валерий Николаевич — председатель Союза писателей России, доктор исторических наук, профессор, член общественной палаты РФ;

Глазьев Сергей Юрьевич — член-корреспондент РАН, депутат Государственной Думы ФС РФ, доктор экономических наук;

Глухих Виктор Константинович — член Совета Федерации ФС РФ, президент Международного конгресса промышленников и предпринимателей, доктор технических наук;

Голубицкий Юрий Александрович — писатель;

Гордеев Алексей Васильевич — министр сельского хозяйства РФ;

Гусев Борис Владимирович — член-корреспондент РАН, президент Российской инженерной академии, Герой Социалистического Труда;

Доронина Татьяна Васильевна — художественный руководитель МХАТ им. М. Горького, народная артистка СССР;

Джамил Халед — президент группы компаний «Джамилько», магистр;

Добренков Владимир Иванович — декан социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, президент Российской социологической ассоциации, доктор философских наук, профессор, академик РАН;

Есин Сергей Николаевич — заведующий кафедрой Литературного института им. А.М. Горького, доктор филологических наук, профессор, секретарь Союза писателей России;

Жуков Василий Иванович — академик РАН, ректор Российского государственного социального университета;

Захаров Александр Владимирович — зам. председателя правления Сбербанка России, кандидат экономических наук;

Ильин Леонид Андреевич — академик РАН, директор Государственного научного центра-института биофизики, доктор медицинских наук, Герой Социалистического Труда;

Его Высокопреосвященство Иоанн — архиепископ Белгородский и Старооскольский;

Ипатов Павел Леонидович — губернатор Саратовской области, кандидат технических наук;

Кадаников Владимир Васильевич — председатель наблюдательного совета Национального торгового банка;

Калинин Юрий Павлович — генеральный директор Федерального кадастрового центра «Земля», доктор технических наук, профессор;

Карпов Анатолий Евгеньевич — чемпион мира по шахматам, член Общественной палаты РФ;

Касатонов Игорь Владимирович — адмирал, кандидат военных наук;

Квочур Анатолий Николаевич — первый зам. директора летного института им. М.М. Громова (г. Жуковский, Московская область), заслуженный летчик-испытатель СССР, Герой России;

Его Высокопреосвященство Кирилл — митрополит Смоленский и Калинин-градский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата;

Колпаков Серафим Васильевич — президент Международного союза металлургов, доктор технических наук;

Куимов Алексей Васильевич — председатель совета директоров группы компаний «Tesis»;

Лавров Сергей Викторович — министр иностранных дел РФ;

Лебедев Валерий Федорович — глава представительства «RDAMPOSS», генерал-майор;

Литвинов Олег Валерьевич — зам. редактора газеты «Россия», доктор политических наук;

Ли Фэилинь — Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР;

Львов Дмитрий Семенович — академик РАН, советник президиума РАН;

Лужков Юрий Михайлович — мэр города Москвы;

Макаров Александр Александрович — директор ФГУП «НИИ ХИММАШ», доктор технических наук (г. Пересвет Московская область);

Мансуров Таир Аймухаметович — аким (губернатор) Североказахстанской области Республики Казахстан, доктор политических наук (г. Петропавловск);

Его Преосвященство Марк — епископ Егорьевский, зам. председателя Отдела Внешних церковных связей Московского Патриархата;

Месяц Геннадий Андреевич — академик РАН, директор физического института им. П.Н. Лебедева РАН, вице-президент РАН;

Мыгачев Борис Сергеевич — научный руководитель Академии стандартизации, метрологии и сертификации, доктор технических наук, профессор;

Милошевич Борислав Святозарович — Чрезвычайный и Полномочный Посол;

Михайлов Николай Васильевич — член совета директоров АФК «Система», доктор экономических наук, профессор;

Мочалов Николай Алексеевич — президент ЗАО «Финансовый альянс МВ», кандидат технических наук, академик РАЕН (г. Кольчугино, Владимирская область);

Николаичев Владимир Иванович — профессор;

Онищенко Геннадий Григорьевич — академик РАМН, руководитель Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, главный санитарный врач РФ, доктор медицинских наук, профессор;

Осипов Геннадий Васильевич — академик РАН, и.о. директора и научный руководитель Института социально-политических исследований РАН, президент Российской академии социальных наук;

Осипов Юрий Сергеевич — академик РАН, президент Российской академии наук;

Пареньков Сергей Леонидович — генеральный директор ОАО «Московский металлургический завод «Серп и молот»

Примаков Евгений Максимович — академик РАН, президент Торгово-промышленной палаты РФ, депутат Государственной Думы РФ;

Поддавашкин Эдуард Сергеевич — руководитель проекта Департамента транспорта и логистики компании «Русский алюминий», кандидат экономических наук;

Полезанов Владимир Павлович — председатель совета директоров консорциума «Золотой мост», доктор геолого-минералогических наук, академик РАЕН;

Попов Алексей Михайлович — президент компании «One globe», кандидат экономических наук;

Прошин Владимир Михайлович — президент САО «Информстрах»;

Романовская Нина Николаевна — генеральный директор компании «Нобиком», г. Киев;

Романовский Михаил Александрович — президент Союза российских судовладельцев;

Савченко Евгений Степанович — губернатор Белгородской области, доктор экономических наук;

Садовничий Виктор Антонович — академик РАН, ректор МГУ им. М.В. Ломоносова;

Селезнев Геннадий Николаевич — Председатель Государственной Думы II и III созыва (1996—1999 гг., 2000—2003 гг.) депутат Государственной Думы РФ;

Скятов Николай Николаевич — член-корреспондент РАН, советник президиума РАН, (Санкт-Петербург);

Соколов Александр Сергеевич — министр культуры и массовых коммуникаций РФ, доктор искусствоведения, профессор;

Степанец Александр Алексеевич — председатель совета директоров энергетической компании «Русэнергорезерв»;

Тарануха Юрий Яковлевич — президент компании «Белый дом»;

Титаренко Михаил Леонидович — академик РАН, директор института Дальнего Востока РАН, председатель Общества российско-китайской дружбы;

Трошин Владимир Константинович — народный артист России, академик АБОП, профессор, Лауреат Государственной Премии СССР;

Его Высокопреосвященство Филарет — митрополит Минский и Слуцкий, Патриарший Экзарх Всея Беларуси, постоянный член Священного Синода;

Цюрупа Дмитрий Павлович — зам. генерального директора промышленно-инвестиционной компании «ГИСЕ», генерал-майор, кандидат педагогических наук;

Черножванов Вячеслав Иванович — академик РАСХН, генеральный директор государственного научного учреждения ГОСНИТИ, доктор технических наук;

Чучалин Александр Григорьевич — академик РАМН, директор НИИ пульмонологии Минздрава РФ;

Шанцев Валерий Павлович — губернатор Нижегородской области;

Шебаршин Леонид Владимирович — президент Российской национальной службы экономической безопасности, генерал-лейтенант;

Шиллов Александр Максимович — народный художник СССР, действительный член Российской академии художеств.

Научно-популярное издание

Рыжков Николай Иванович

ТРАГЕДИЯ ВЕЛИКОЙ СТРАНЫ

Генеральный директор *Л.Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*
Главный редактор *С.Н. Дмитриев*
Корректор *С.В. Цыганова*
Дизайн обложки *Г.Н. Фадеев*
Верстка *М.А. Виноградов*

ООО «Издательство «Вече 2000»

ЗАО «Издательство «Вече»

ООО «Издательский дом «Вече»

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Гигиенический сертификат

№ 77.99.02.953.Д.008287.12.05 от 08.12.2005 г.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 21.03.2007. Формат 60×90 1/16.
Гарнитура «NewtonС». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 41. Тираж 5000 экз. Заказ С-458.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии ОАО ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

Генеральный директор «Уралмаша»

В цехах Уралмаша

С учеными Урала

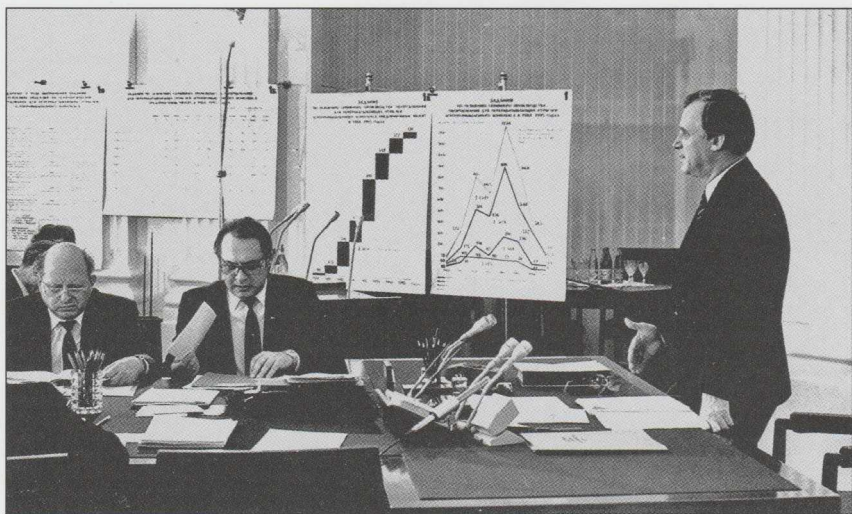
В цехах Уралмаша двадцать лет спустя

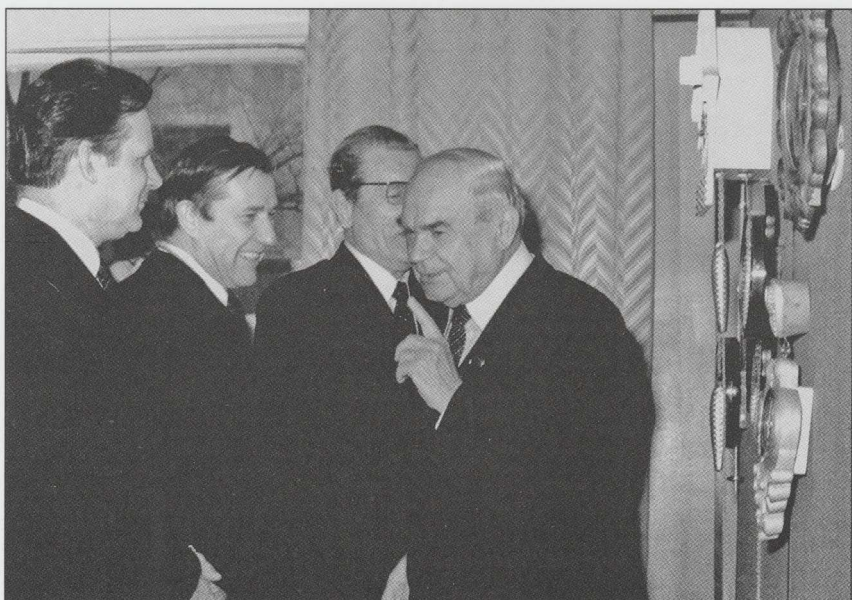
Усамоходной артиллерийской установки Уралмашзавода. 1999 г.

*Председатель Совета Министров СССР.
1985—2001 годы*

Заседание Совета Министров СССР. 1987 год

Беседа с Н.К. Байбаковым, Н.В. Мартыновым и М.С. Шкабардней

*В Восточном Казахстане. Рядом с Н.И. Рыжковым (в центре)
Председатель Совета Министров Казахской ССР Н.А. Назарбаев*

Воркута. В шахте. 1990 год

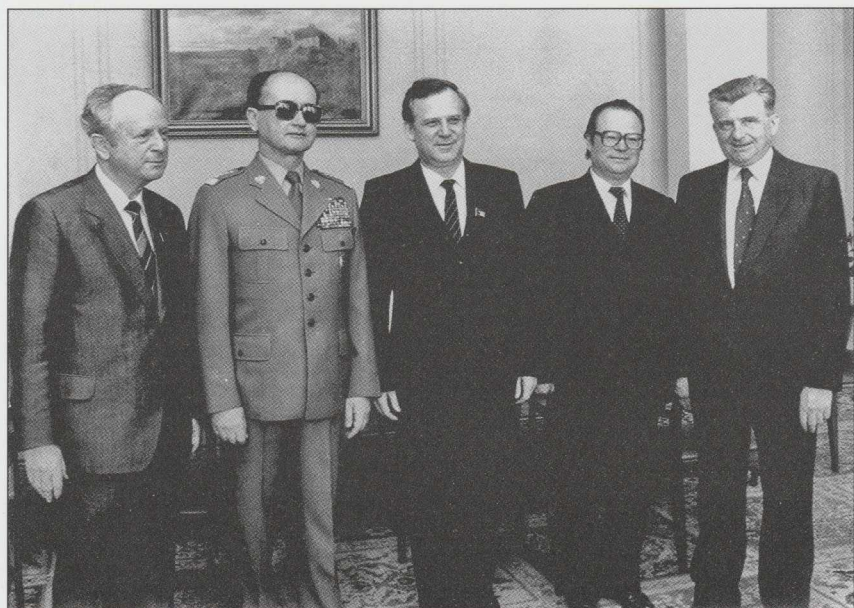
Индия. Переговоры с Р. Ганди. 1986 г.

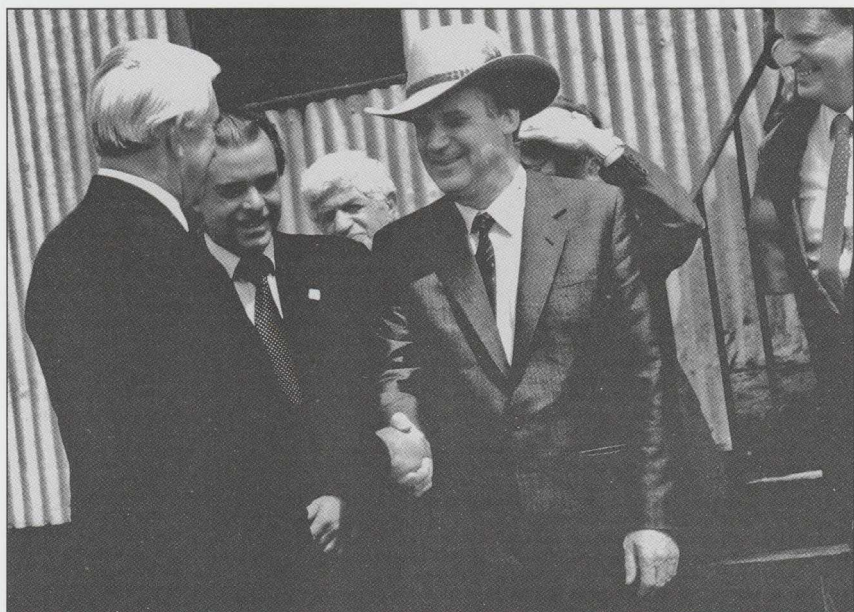
Наконец-то домой. После официального визита в Швецию. 1986 год

Куба. С Фиделем Кастро на закладке нового никелевого завода

Польша. Встреча с Президентом В. Ярузельским. 1985 г.

Австралия. С мэром Сиднея на скотоводческой ферме

Таиланд. На приеме у короля. 1990 г.

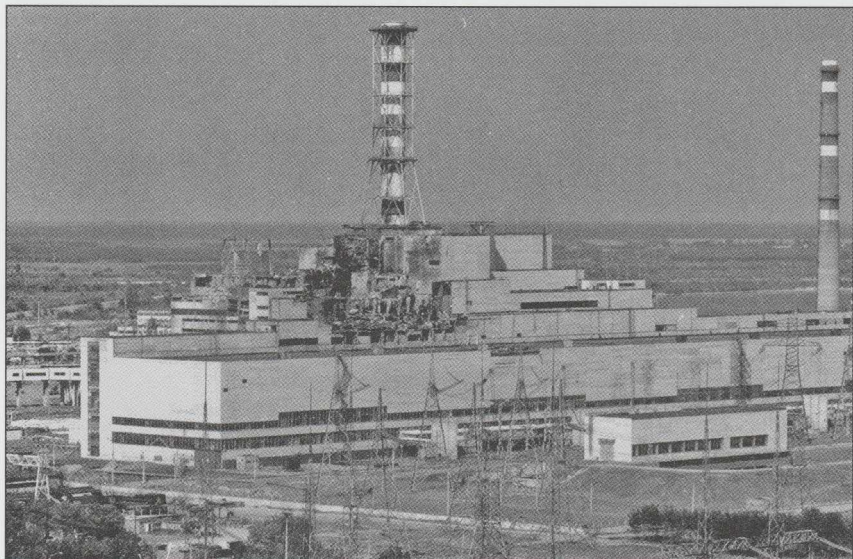
*26 апреля 1986 года в 1 час 23 минуты произошла
крупнейшая в истории человечества техногенная
радиационная катастрофа на четвертом
энергоблоке Чернобыльской АЭС*

*Имя сей звезды «полынь»; и третья часть
вод сделалась полынью, и многие из людей
умерли от вод, потому что они стали горьки.*

Откровение Святого Иоанна Богослова, гл. 8

Не гаснет памяти свеча ...

Разрушенный 4-й блок Чернобыльской АЭС. 1986 г.

Работа по ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС. 1986 г.

*Земля содрогнулась.
Город Спитак, декабрь, 1988 год*

*Армения. С детьми, потерявшими родителей во время землетрясения.
Декабрь 1988 года*

На кладбище жертв землетрясения. 1998 год

*В госпитале.
На переднем плане Е.И. Чазов, Н.Н. Слюньков, С.Г. Арутюнов
Декабрь 1988 г.*

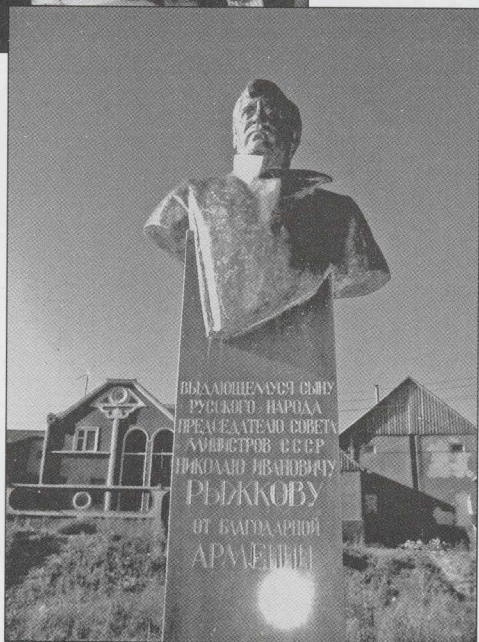
*Армения. Благодарность.
Январь 1989 г.*

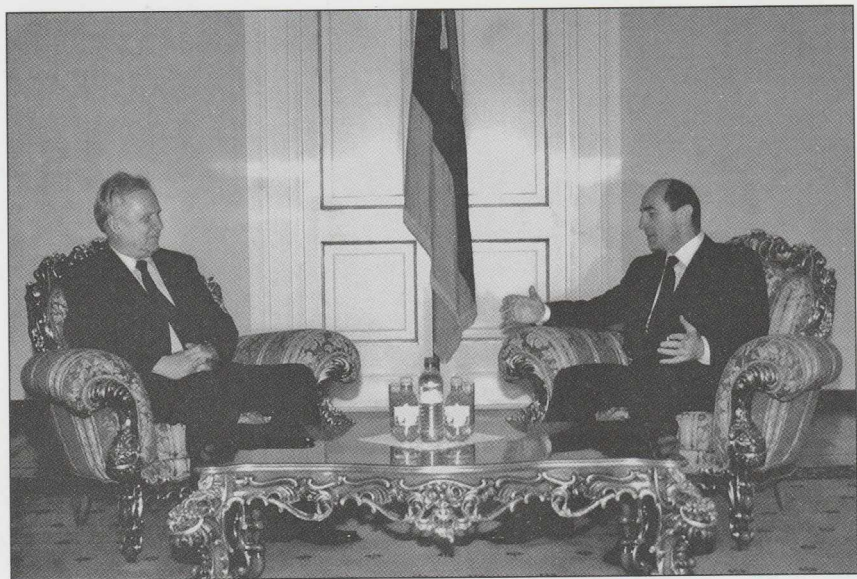
*Мальчик из Гюмри.
Родился в январе 1989 года. Назван
Николаем в честь Н.И. Рыжкова.
Встреча через десять лет*

С Людмилой
Сергеевной
и внуком-
суворовцем
Николаем
на церемонии
открытия
бюста.
1998 год

Бюст Н.И.Рыжкова
в Спитаке. 1998 год.
Скульптор Ф.Согоян

*Через 10 лет после Спитакской трагедии.
Беседа с Президентом Армении Р.С. Кочаряном*

*Армения, Первопрестольный Эчмиадзин.
Встреча с Каталикосом всех Армян Гарегином II*

*Тбилиси. Апрель 1989 года. У Дома Правительства.
Фото И. Шламова*

Председатель Совета Министров СССР Н.И. Рыжков и Секретарь ЦК КПСС В.М. Чебриков в Ферганской области на месте прошедших погромов. Июнь 1989 года. Фото В. Лещенко, Б. Юсупова

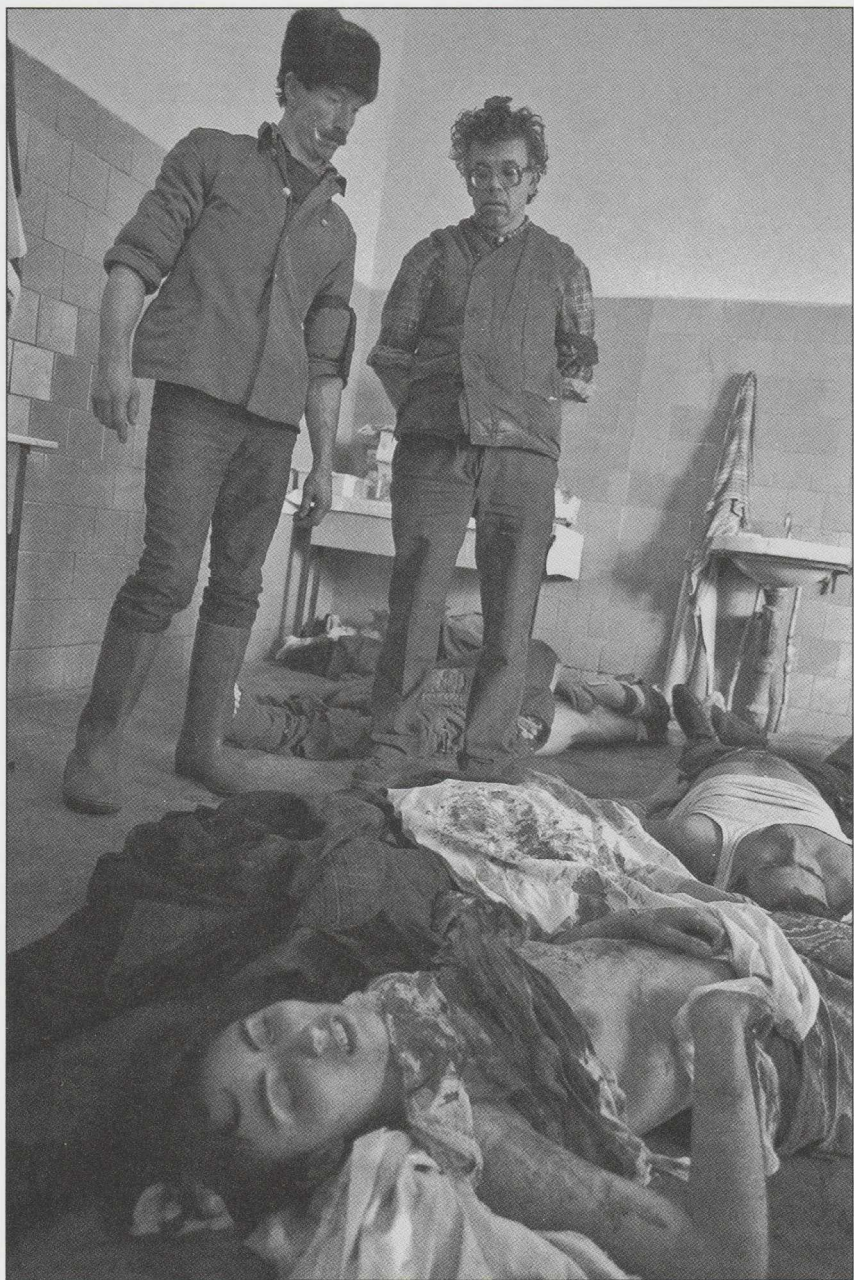
Узбекистан. Защита турок-месхетинцев во время погромов. Июнь 1989 года. Фото А. Соловьева

*Выступление Н.И. Рыжкова в лагере турок-месхетинцев под Ферганой.
Июнь 1989 года. Фото В. Лещенко, Б. Юсупова, Ш. Алимова*

Сумгаит. 1988 год. Скрывающиеся от погрома

*Баку. Жертвы трагических событий. Январь 1990 года.
Фото А. Соловьева*

Митинг на Кафедральной площади г. Вильнюса. На литовском плакате написано: «Литве — свободу и независимость». Фото В. Клоповского

Антисоветский митинг «Саюдиса» в парке Вингис г. Вильнюса 23.08.1989 г. против «Пакта Риббентроп-Молотов». На трибуне: лидер российской «демократии» Ю.Н. Афанасьев; академик АН Литовской ССР, один из руководителей «Саюдиса» Ромуальдас Озолас. Фото В. Клоповского

Плакат «Колотящие».
Фото В. Клоповского

*Митинг «Саюдиса» в Нагорном парке г. Вильнюса.
Плакат делегации белорусских националистов.
Фото В. Клоповского*

*Рига. Перед Вандомским собором.
Фото В. Клоповского*

*Литовская ССР. Обезглавленный памятник
Советскому воину-освободителю на воинском кладбище.
Фото В. Клоповского*

*Антисоветский митинг в Вильнюсе.
Фото В. Клоповского*

*На проспекте В.И. Ленина в г. Вильнюсе
перед майским парадом 1991 года.
Фото В. Клоповского*

*Рига. На митинге Интернациональное движение Латвии.
Фото В. Клоповского*

*Рига. На митинге.
Фото В. Клоповского*

*Февраль 1994 года. Суд над антинационалистическими активистами.
За решеткой в здании Верховного суда Литовской Республики
на переднем плане — магистр истории Варшавского
университета Валерий Иванов.
Фото В. Клоповского*

М. Бурокавичус во время выхода из тюрьмы после 12-летнего заключения

После освобождения М. Бурокавичуса. Его интервью с заместителем главного редактора журнала «Наш современник» А. Казинцевым

Киев. Май 1989 года

*Митинг 30 сентября
1990 года, состоявшийся
в Киеве по инициативе «Руха».
Фото А. Соловьева*

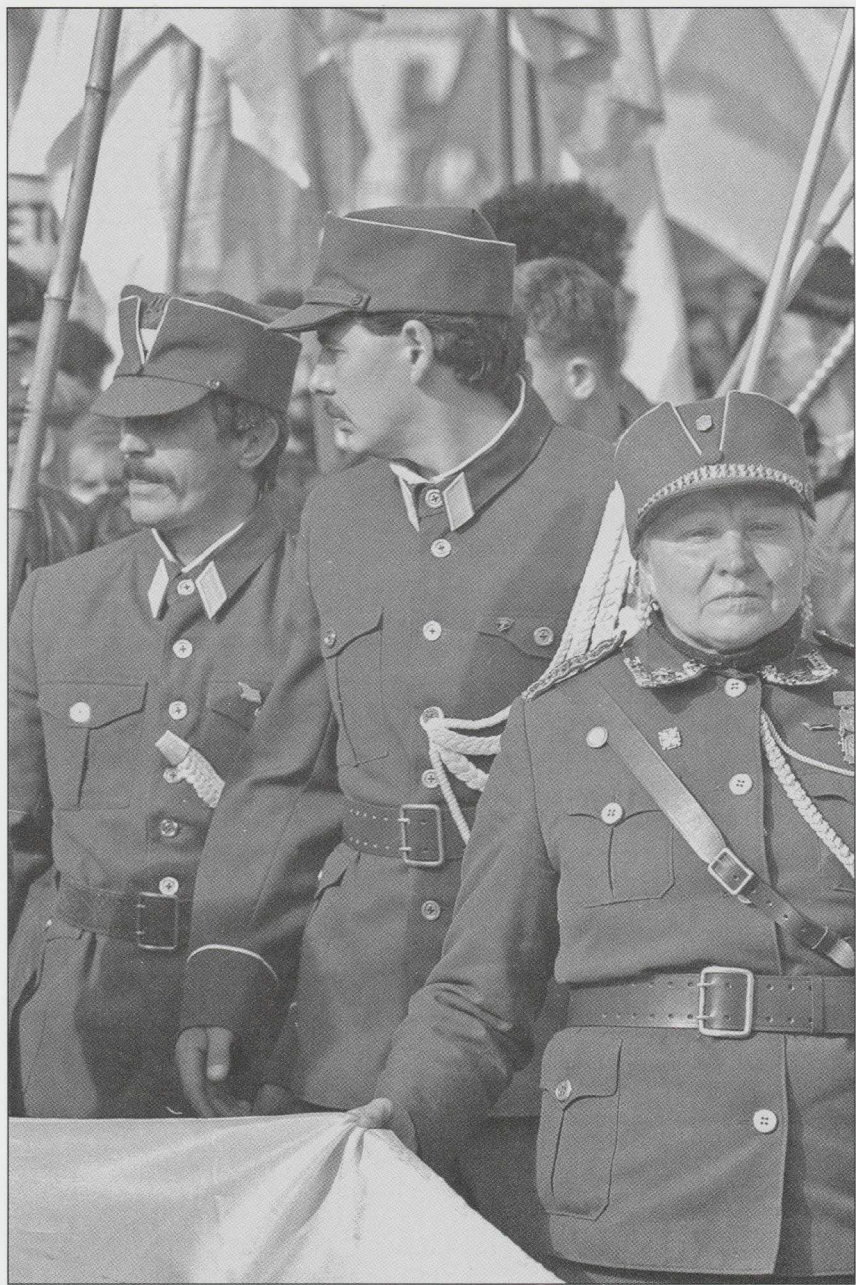
*Второй съезд народных депутатов СССР. Декабрь 1989 года. Межрегиональная депутатская группа в перерыве между заседаниями съезда.
В центре — Ю. Афанасьев, напротив него — Б. Ельцин.
Фото А. Чумичева*

*Митинг на Манежной площади в Москве 10 марта 1991 года.
Фото С. Мамонтова*

*Члены «Руха» на митинге в Киеве.
Фото А. Соловьева*

*На митинге в Киеве.
Фото А. Соловьева*

~~В. И. ИЩЕВНИКОВ~~

~~К. II. ПРИВЛЕЧЕНИЕ~~

26 ^{соловух} ~~соловух~~ двух плечушек 2.

В сложившихся условиях правомерно ставится вопрос - почему другие союзные республики, страна в целом, должны по-прежнему в ущерб своим нуждам поставлять в Литву продукцию, которая в несравненно большей эффективности может быть использована на территории самой Литвы. Продолжение таких поставок на централизованном уровне не может быть делом целесообразным, поскольку это вступило бы в противоречие с законными интересами других союзных республик, единого народнохозяйственного комплекса страны, обеспечением потребностей ее населения.

Если в течение двух дней Верховный Совет и Совет Министров Литовской ССР не отменят свои вышеуказанные решения, то будут даны указания о прекращении поставок в Литовскую ССР из других союзных республик тех видов продукции, которые реализуются на внешнем рынке на свободно конвертируемую валюту.

Мы за то, чтобы дело не дошло до применения указанной меры, но это сейчас полностью зависит от руководства Литовской ССР.

[illegible]

*Собственноручные правки М. Горбачева письма в Верховный Совет
и Совет Министров Литвы*

П.ов. Рыжкову Н.И.

Дорогой Николай Иванович!

Мнею возможности написать Вам это небольшое письмо. Я сердечно поздравляю Вас, Николай Иванович, с днем Вашего рождения — 70-летием. Я Вас, Николай Иванович, знаю как крупного государственного деятеля Советского Союза, как честнейшего и мужественного человека, как верного сына великого русского народа, как злого и интернационалиста, как борца за сохранение единства Союза Советских Социалистических Республик — СССР, разгромившего фашистскую Германию и освободившего многие народы Европы, в том числе и литовский народ от гитлеровского порабощения.

Николай Иванович! Вами гордятся многие порядочные люди, прогрессивная часть общества, это я Вам говорю от всего сердца и от всего сердца желаю Вам, Николай Иванович, крепкого здоровья и больших успехов в общественно-политической работе и депутатской деятельности на благо русского народа, будущей социалистической России.

Уважаемый Николай Иванович! Благодарю Вас за присланные книги — «Десять лет великих потрясений» (1995 г.) и «Возвращение в политику» (1998 г.), которые прочитал с большим удовольствием. Ваши книги значительно меня обогатили. Богатство Ваших мыслей, изложенных в упомянутых книгах, поможет людям понять суть развития сложнейших процессов общества и государства. Я, как и вы, Николай Иванович, являюсь сторонником социалистического общества. Я убежден, что социальная справедливость возможна только в условиях социализма. Суд, выражающий интересы государственного класса, призовет меня за участие в деятельности Коммунистической партии Литвы и за якобы подстрекательство руководства СССР к применению силы в Литве к 12-ти годам строгого режима — заключения. К различным срокам призовали и других политических деятелей Компартии Литвы. Я и мои товарищи оспариваем решение — приговор Вильнюсского окружного суда.

Дорогой Николай Иванович! Я благодарен Вам и другим депутатам Государственной Думы Российской Федерации, отстаивающим правду и истину жизни, и за моральную поддержку меня и других товарищей в тяжелые и трудные дни жизни. Я оптимист и верю в социалистическое будущее Литовского народа, развитие Литвы по пути прогресса. Благодарю Вас за присланные поздравления по поводу праздников трудового народа — 1-ое Мая и Великой Октябрьской социалистической революции. Поздравляю Вас, Николай Иванович, с наступающим Новым годом — 2000-летием и желаю всего наилучшего в жизни. Спасибо Вам, Николай Иванович, за все это Вам делайте в мою защиту, спасибо за доброе сердце.

С глубоким уважением —

Миколас Буроявичюс,
профессор, доктор исторических наук

Вильнюс,
Лукискию 6,
1999. 11.29

Письмо М. Буроявичюса Н.И. Рыжкову от 29 ноября 1999 года

*И снова у микрофона... Верховный Совет СССР.
1990 г.*

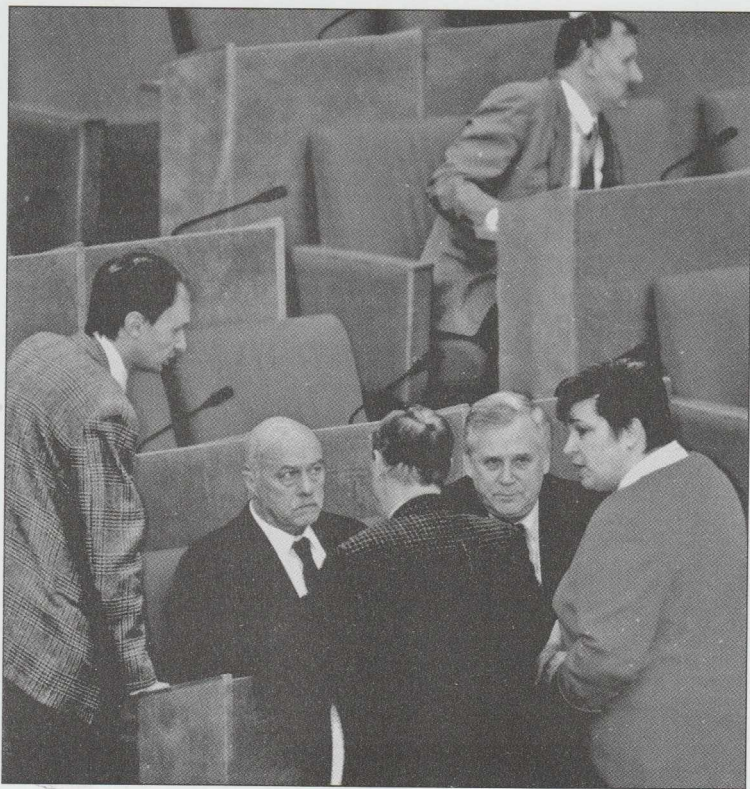
*С заместителем Председателя Совмина Л.И. Абалкиным на заседании
Верховного Совета СССР. 1990 год*

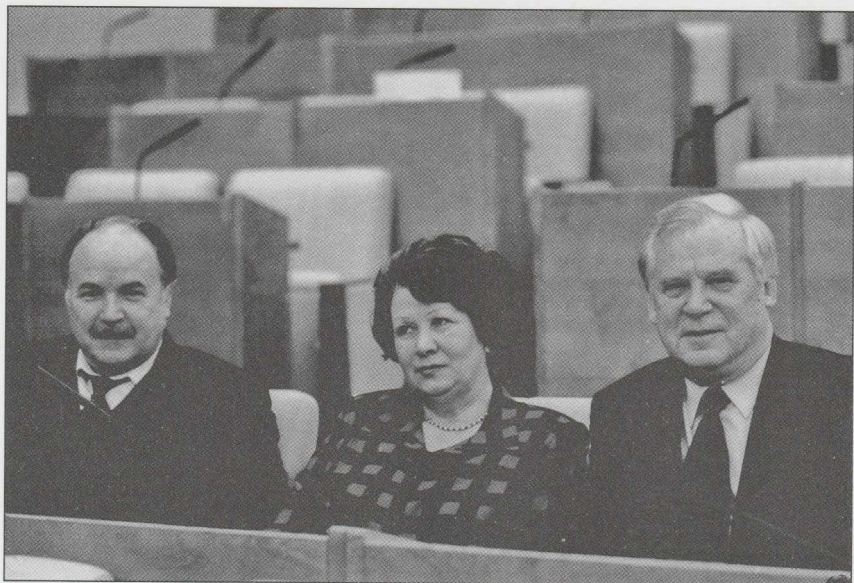
*В отставке.
Председатель Попечительского Совета «Прохоровское поле».
1994 год. Фото В. Мусаэльяна*

*Члены Совета Государственной Думы после назначения Е.М. Примакова
Председателем Правительства РФ. 1998 год*

*В Государственной Думе.
На переднем плане Т.Г. Нестеренко и С.С. Говорухин
Фото В. Мусаэльяна*

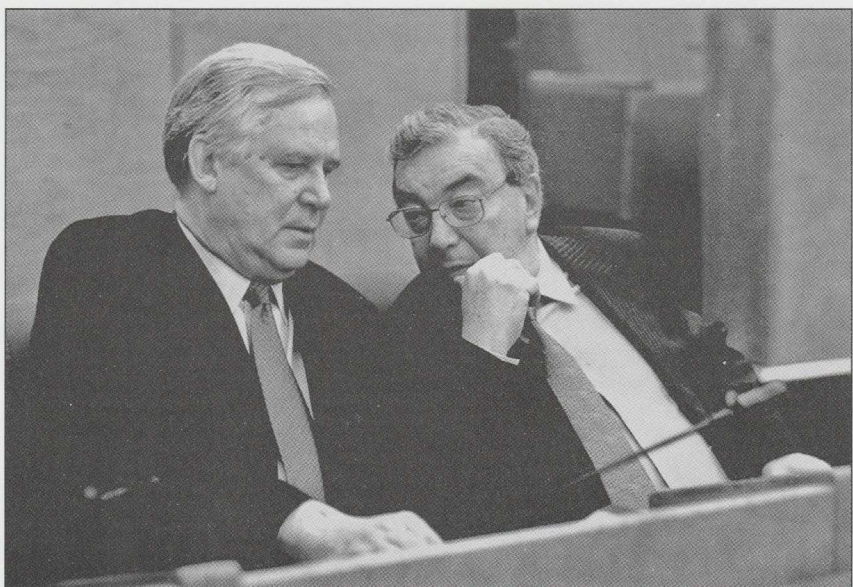
*«Независимые» депутаты Госдумы —
Н.Н. Губенко, С.П. Горячева, Н.И. Рыжков
2003 год. Фото В. Мусазьяна*

*Соратники. Депутат Госдумы В.К. Гусев
Фото В. Мусазьяна*

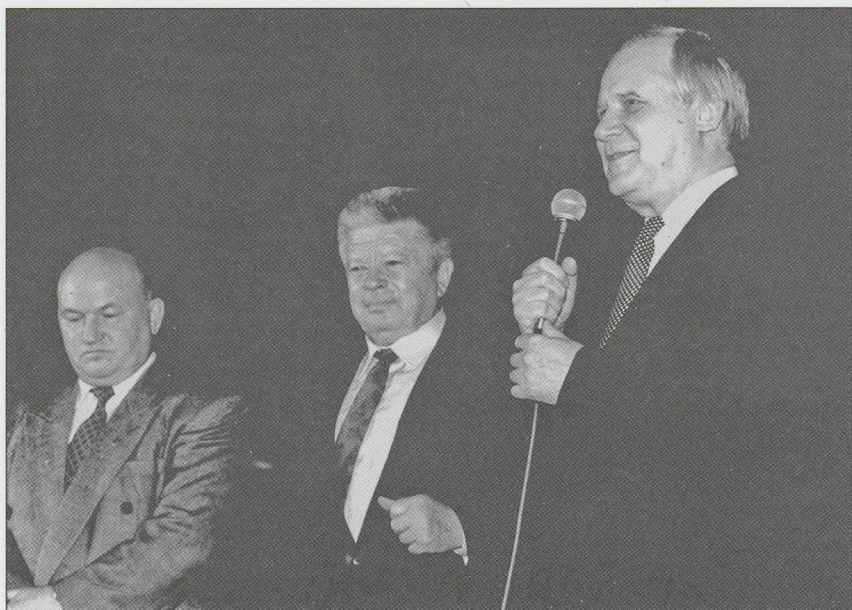
*Беседа с земляком, депутатом И.Д. Кобзоном.
Фото В. Мусаэльяна*

*Два главы Правительства СССР и РФ —
Н.И. Рыжков и Е.М. Примаков*

*Рабочий разговор с заместителем Председателя Правительства РФ
В.И. Матвиенко во время «Правительственного часа». 2000 год*

*На юбилее МНТК «Микрохирургии глаза».
Ю.М. Лужков, С.Н. Федоров, Н.И. Рыжков 1996 год*

*Член Совета Федерации Н.И. Рыжков после награждения.
2004 год. Фото Н. Большаковой*

*В Российской государственной библиотеке.
Члены Совета Федерации Н.И. Рыжков, Л.Н. Бойцов
и В.И. Добросоцкий рассматривают библию Семиона Смелого, XV век.
Фото В. Красноперова*

*При рассмотрении очередного закона в Совете Федерации.
Не у всех выдерживают нервы. Н.И. Рыжков, Н.И. Тонков, В.К. Глухих*

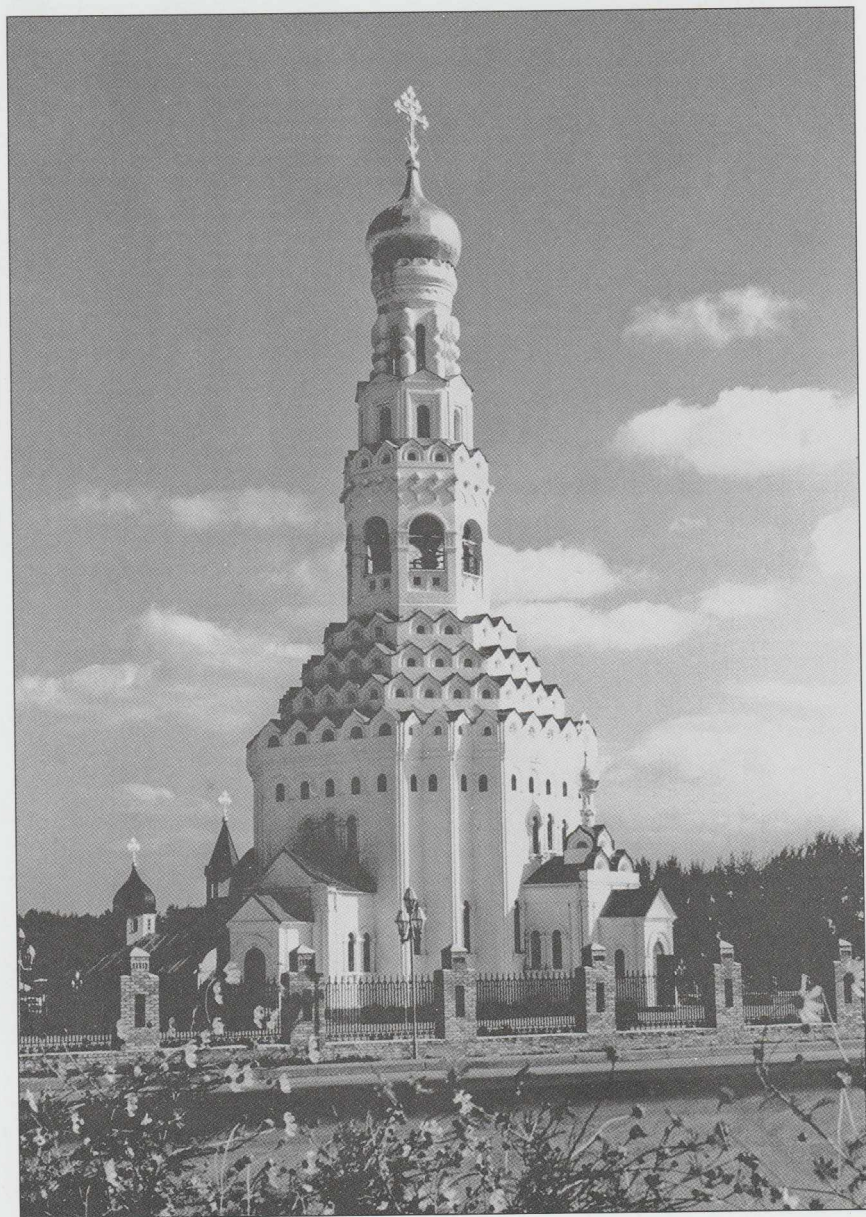
*Встреча соратников через много лет.
Н.И. Рыжков, В.И. Долгих, В.С. Черномырдин*

*На бесіде у Президента Казахстану Н.А. Назарбаева
Н.И. Рыжков, О.Н. Сосковец, В.К. Глухих. Алма-Ата. 2000 год*

*Встреча с украинскими друзьями.
Н.И. Рыжков, Б.Е. Патон, В.А. Масол. Киев. 2004 год*

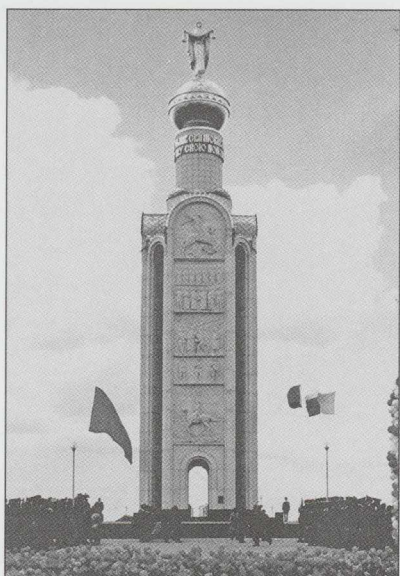
*Храм Святых первоверховных апостолов Петра и Павла.
12 июля 1943 года — в день памяти этих святых произошла
танковая битва под Прохоровкой*

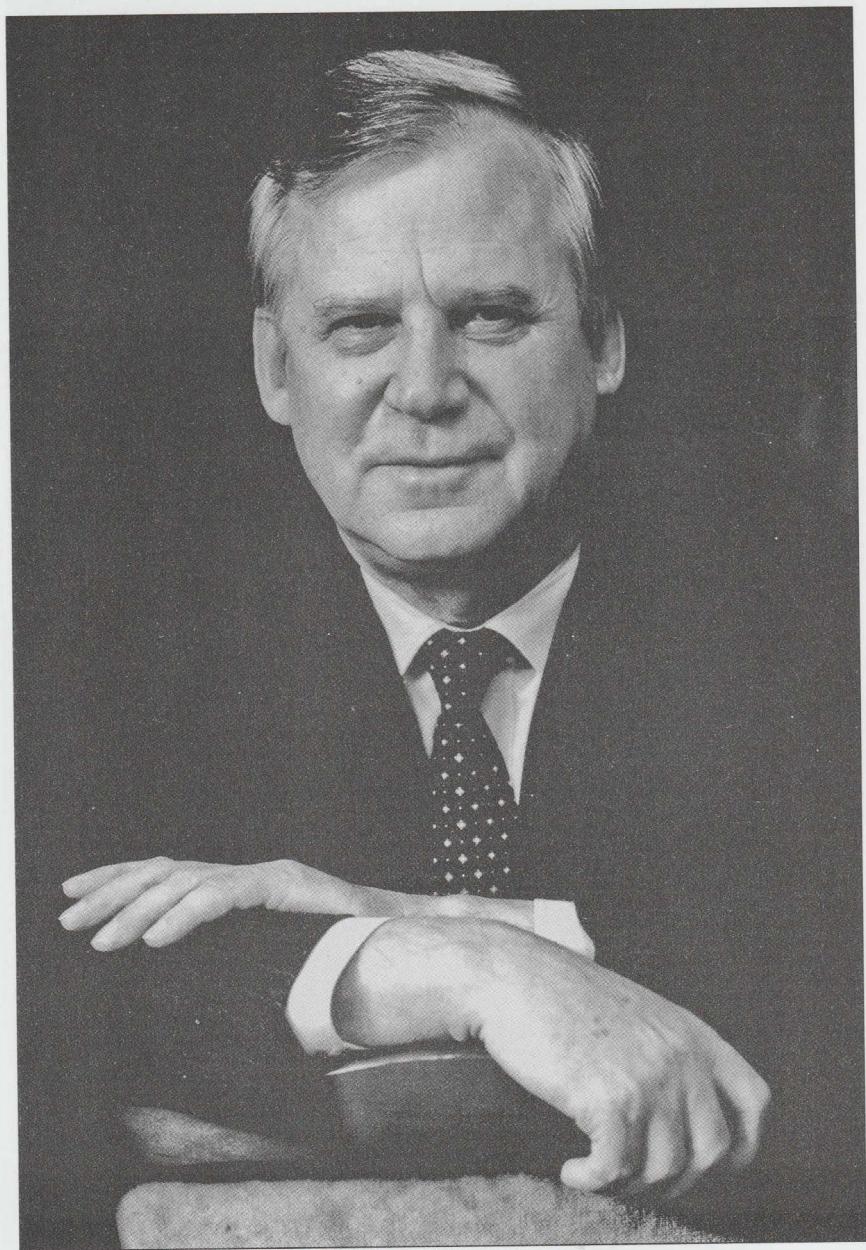
Попечительский совет: председатель — Н.И. Рыжков, первый заместитель председателя — Е.С. Савченко, заместитель председателя — архиепископ Белгородский и Старооскольский Иоанн. 1998 год

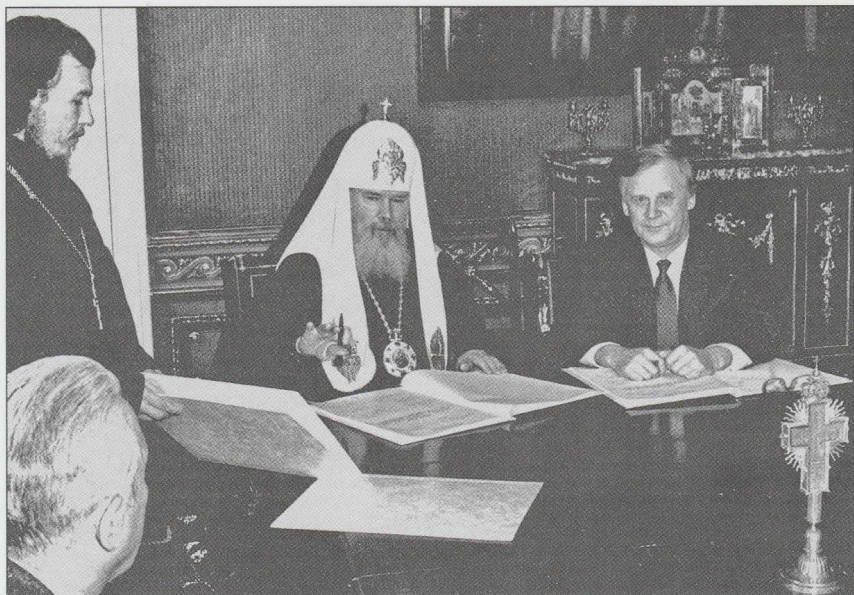
*Памятник воинам, сражавшимся на Прохоровском поле в июле 1943 г.
Автор Ф. Согоян*

*Памятник — Звонница на месте танковой битвы.
Автор скульптор В.М. Клыков*

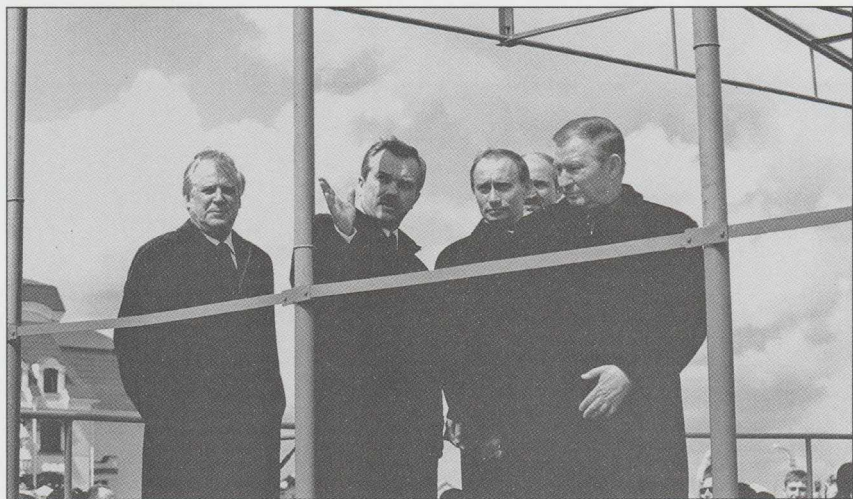
*Депутат Государственной Думы. 1996 год.
Фото В. Мусаэльяна*

*Одобрение проекта Храма св. Петра и Павла у Патриарха Московского
и всея Руси Алексия II. Начало 1994 года*

Во время освящения храма св. Петра и Павла. 3 мая 1995 года

*Осмотр президентами трех государств Мемориального комплекса
«Прохоровское поле». Май 2000 года.*

*На фотографии: В.В. Путин, Л.Д. Кучма, А.Г. Лукашенко,
Е.С. Савченко, Н.И. Рыжков. Фото Л. Гильмана*

*Николай Иванович и Людмила Сергеевна во время возложения цветов
к памятнику-Звоннице на Третьем ратном поле России*

*Библиотека Н.И. Рыжкова на «Прохоровском поле».
Основана в 1995 году в честь 50-летия Победы
в Великой Отечественной войне*

С отцом, Иваном Федоровичем

Десятилетие свадьбы. 1965 год

Серебряная свадьба. 1980 год

Памятная доска у главного входа в Уральский политехнический институт. Выпускники института Людмила Сергеевна и Николай Иванович Рыжковы. 1999 год

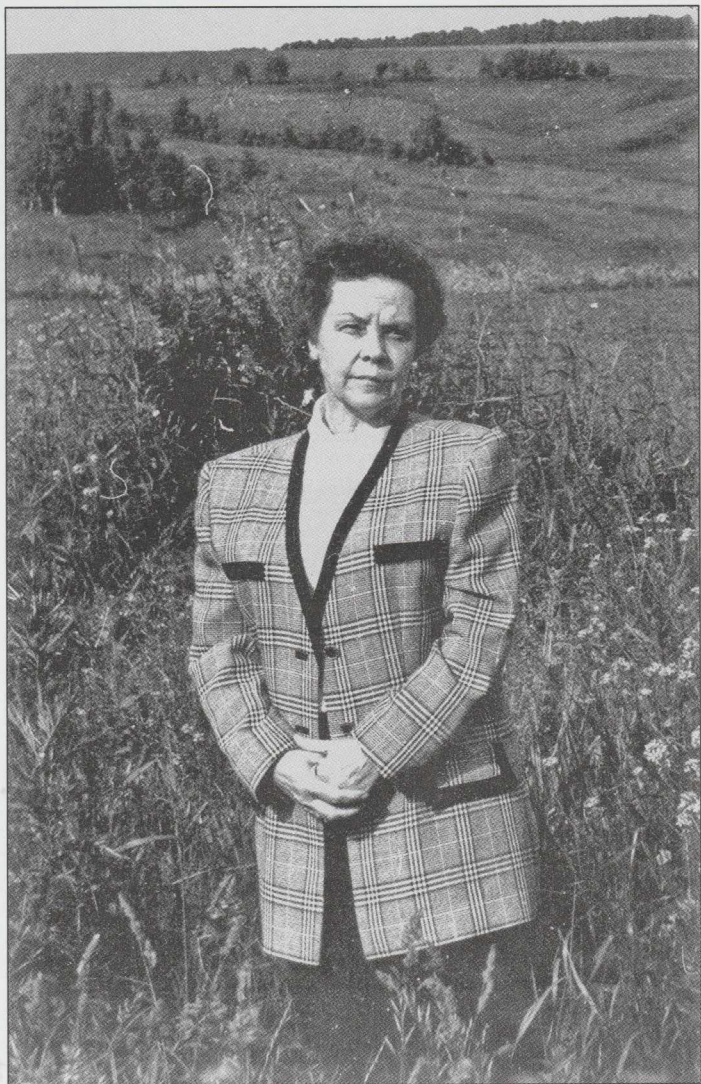
Председатель Совета Министров СССР в воскресный день за выполнением «домашнего задания». 1988 год

Фото Л.С. и Н.И. Рыжковых с надписью «А годы летят ...»

*Три поколения Рыжковых:
родители — Александра Павловна и Иван Федорович,
Людмила Сергеевна, дочь — Марина*

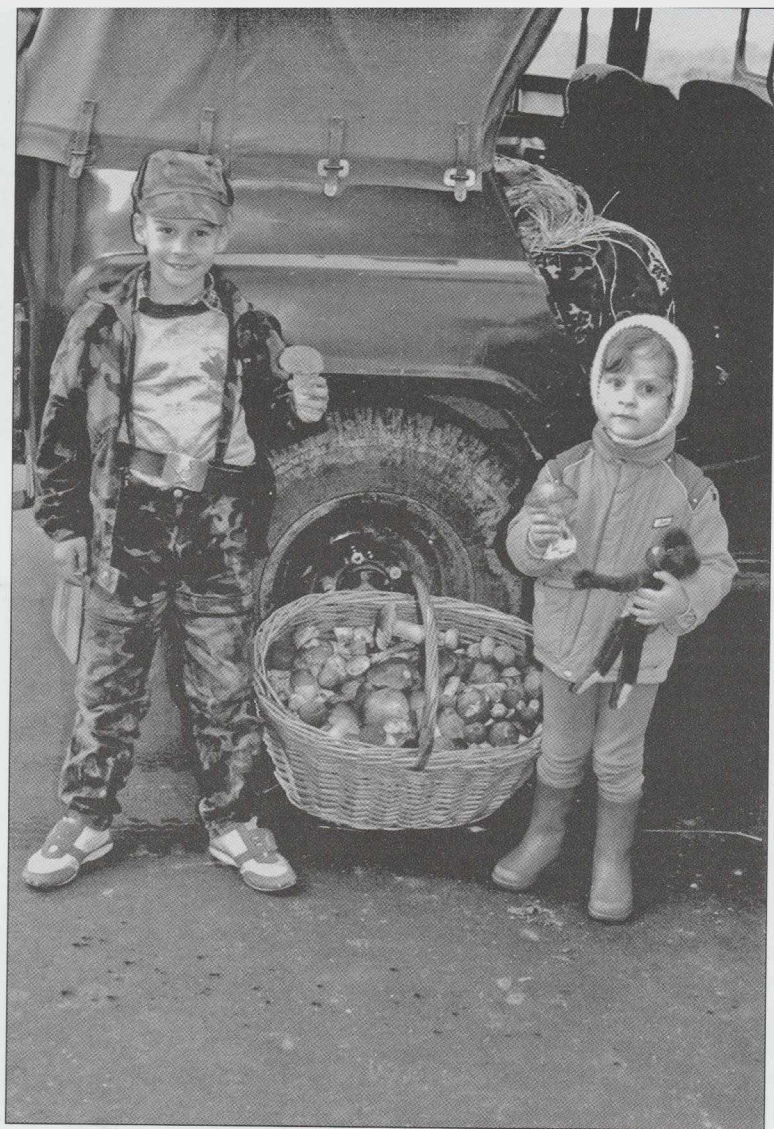
Русское поле

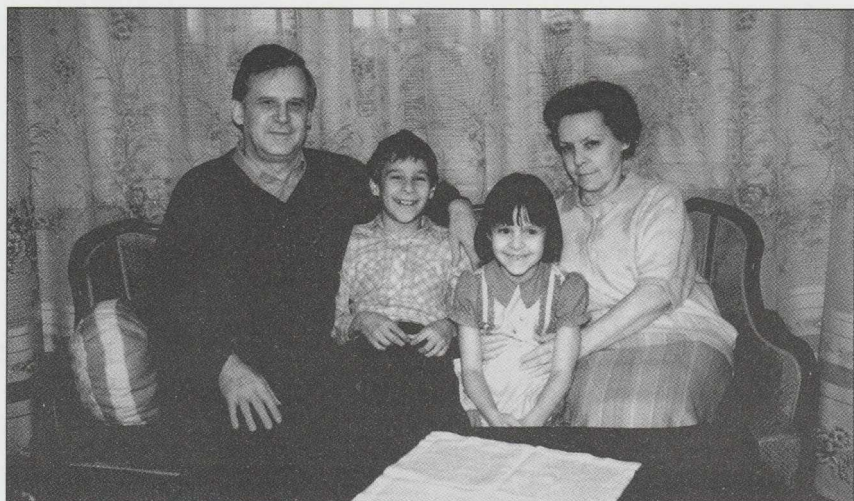
Три поколения. Зять Борис Михайлович и внук Коля. 1989 год

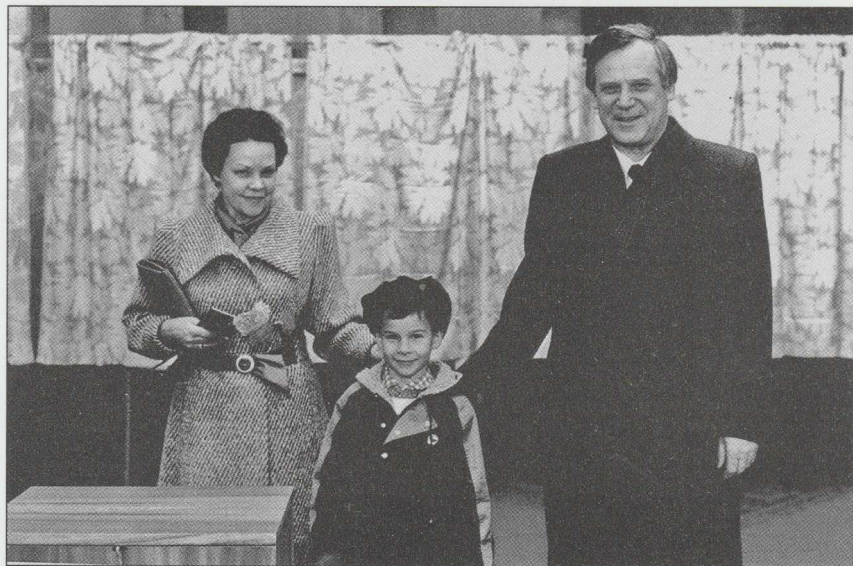
Два поколения. Николай Иванович и Людмила Сергеевна Рыжковы, дочь Марина Николаевна и зять Борис Михайлович. 1989 год

Грибники. Внуки, Коля и Милочка. 1989 год

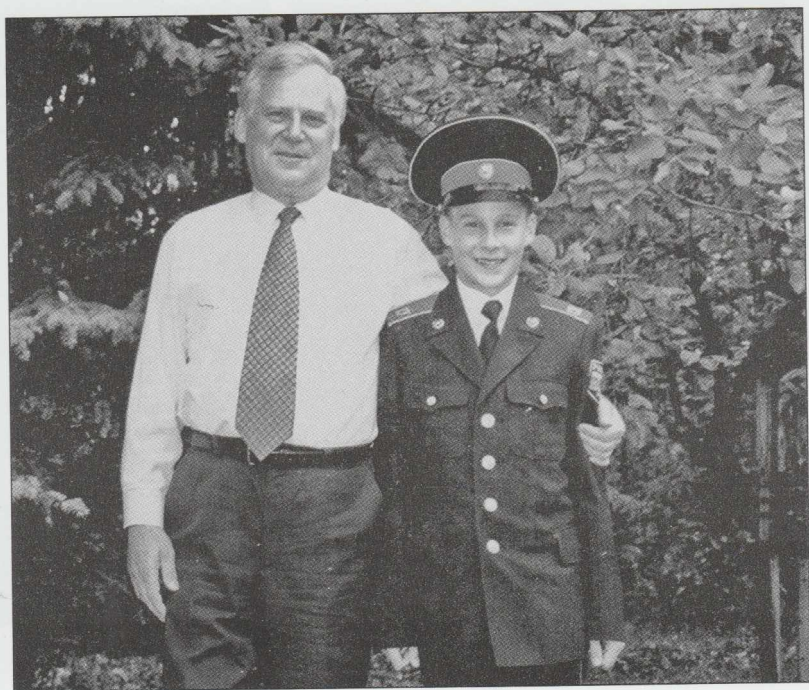
С внуками, Колей и Милочкой

*После голосования. 1989 год.
Фото В. Мусаэльяна*

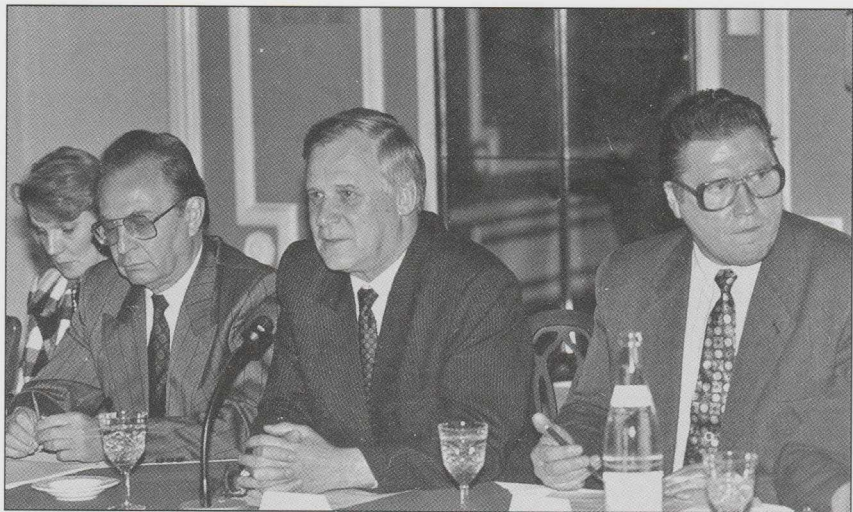
*Представление суворовца Николая
Маршалу Советского Союза Д.Т. Язову. 1997 год*

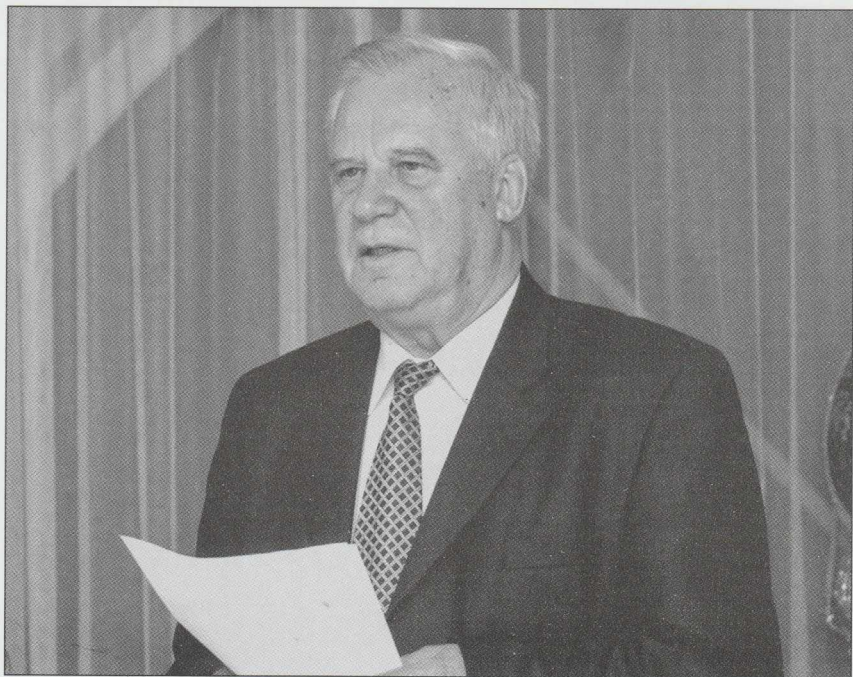
Два Николая

Выпускник Академии МВД лейтенант Николай Гутин

*Основатели клуба:
слева направо А.А. Бессмертных, Н.И. Рыжков, М.И. Козин*

*Бессменный руководитель Московского интеллектуального клуба
Н.И. Рыжков*

В клубе. Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, архимандрит Феофан (ныне епископ Ставропольский и Владикавказский), председатель Совета Клуба М.И. Козин. 1993 год

Заседание Клуба. Академик РАН Н.Н. Моисеев с супругой. 1994 год

В Клубе. Беседа В.С. Розова с Л.С. Рыжковой. 1994 год

*Клубная встреча Н.И. Рыжкова и академика Г.В. Осипова
с Председателем Конституционного суда В.Д. Зорькиным*

Хорошее настроение у почетного члена Клуба А.В. Гордеева

Выступление почетного члена Клуба С.В. Лаврова

*Друзья и соратники.
Вице-президент РАН, заместитель Председателя
Совета Министров СССР Н.П. Лаверов*

Частый гость Клуба генерал армии М.А. Гареев

*К многим наградам к 75-летию Н.И. Рыжкова прибавился орден
Петра Великого I степени. 2004 год*